

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

14

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

14

ATHENEUM — ФЕНИКС

МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ

1993

ББК 63.3 (2)

М 62

М 62 **Минувшее: Исторический альманах. 14.** — М.; СПб.:
Atheneum: Феникс. 1993. 528 с.; ил.

ISBN 5-85042-015-0

ISBN 5-85042-001-0

Настоящий выпуск посвящен малоизученным политическим и культурным аспектам отечественной истории XX столетия. В нем читатель найдет: воспоминания очевидцев о Гражданской войне на Украине, о научном быте 1920-1930-х, о сталинской шарашке; переписку русских националистов накануне революции; материалы о гетмане П.П. Скоропадском; письма британского агента С.Рейлли; документы о советской пропаганде за границей; неизвестные письма А.Белого, В.Ходасевича, Н.Бердяева и другие материалы. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М 4702010206 — 005 93 без объявл.
Д 20 (03) — 93

ББК 63.3. (2)

ISBN 5-85042-015-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-001-0

© «Феникс», 1993
World © «Atheneum», 1993

ВОСПОМИНАНИЯ

С.Н. Ставровский
ЧЕРНЫЕ ГОДЫ, ИЛИ
«BESTIA TRIUMPHALIS»
(1917 — 1922)

Публикация В.О. Седельникова

Сергей Николаевич Ставровский родился 8 декабря (ст.ст.) 1872 в семье мелкого чиновника. Детство его прошло в Туле, там же он окончил гимназию. В 1891-1895 учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Затем — в течение всей жизни — педагогическая работа.

Идейная эволюция С.Н. во многом типична для человека его воспитания, круга, профессии. В гимназические и университетские годы он пережил увлечение социалистическими теориями. К этому времени относится его дружба с Петром Смидовичем и Александром Малиновским (Богдановым), ставшими впоследствии видными деятелями большевистской партии. Ставровский же, в отличие от них, довольно быстро разочаровался в марксизме и в конечном итоге пришел к либеральному мировоззрению кадетского толка.

Февральскую революцию он, как и подавляющее большинство интеллигенции, встретил восторженно, однако восторг под влиянием все более нараставших признаков распада государства и общества сменился тревогой и пессимизмом. Вполне естественно, что Октябрьский переворот С.Н. не принял и, будучи уже не очень молодым человеком, все же вступил в Добровольческую армию, чтобы с оружием в руках отстаивать идеалы свободы и демократии. В отличие от многих своих родственников, он не эмигрировал после разгрома Белого движения, о чем впоследствии жалел: жизнь в условиях Советской России была для С.Н. тяжелым испытанием. Собственно, и к написанию своих мемуаров он приступил отчасти потому, что это давало возможность «уйти в /.../ милое прошлое от безобразно гнусного настоящего, спастись воскрешаемой прошлой жизнью от давящей /.../ мертвечины "социалистического рая"».

Итогом работы стала огромная рукопись «Летопись моей жизни» — 5 толстых тетрадей общим объемом около 1900 страниц, исписанных мелким, убористым почерком. Произведение С.Н. охватывает период с 1870-х до начала 1930-х. Перед читателем не только предстает история семьи Ставровских, но и проходят судьбы Смидовой, Зубаровских, Велличкиных, Трубецких, Петрово-Солово. Действие развертывается в Туле, Харькове, Москве, Ялте, в уездных городах и дворянских усадьбах, на интеллигентских дачах и промышленных рудниках, во многих странах Европы. Повествование имеет десятки сюжетных линий, причем подавляющее большинство их завершено. Исключения составляют случаи, когда автор терял то или иное лицо из виду и не мог получить необходимой информации.

Воспоминания состоят из трех томов. Первый том завершается 1901 годом, второй — кануном Февральской революции 1917, в третьем томе события доводятся до начала 1930-х*. «Летопись» богато иллюстрирована собственными рисунками автора, фотографиями, видовыми открытками. К сожалению, качество большинства иллюстраций не позволяло воспроизвести их полиграфическим способом.

По жанру мемуары С.Н. представляют собой семейную хронику. Однако нельзя сказать, что ему полностью удалась роль беспристрастного летописца, к которой он стремился. Автор, конечно же, пристрастен, когда речь идет о политических событиях и силах, перевернувших и даже сломавших жизнь ему и его близким. И, наверное, нельзя здесь его судить строго: слишком велика была боль, слишком недавно все это было.

«Летопись» писалась в первой половине 1920-х, а в начале 1930-х к ней были сделаны добавления. Отметим, что сам по себе этот поступок — написать в те годы мемуары и хранить их у себя в течение многих лет — не входил в числоординарных и требовал изрядного мужества. В условиях, когда полицейский произвол становился все более тотальным, люди стали бояться документов как потенциальных улики, особенно если они давали основание заподозрить человека в непролетарском происхождении, службе старому режиму, связях с «чуждой» социальной средой и т.п. Это одна из основных причин, объясняющих, почему так мало воспоминаний дошло до нас из той эпохи — их время пришло значительно позднее. И это же обстоятельство придает особое значение мемуарам С.Н.

Как уже было отмечено, «Летопись» заканчивается серединой 1931. Однако в ней есть и более поздняя запись, сделанная племянницей С.Н. — Натальей Михайловной Смидовой. В ней сообщается о смерти мемуариста от голода в оккупированном Харькове в ночь с 9 февраля 1942.

Дальнейшая судьба рукописи носит почти детективный характер. В один из дней 1956 года в пражской квартире внучатой племянницы С.Н. — Натальи Васильевны Преображенской (урожд. Савицкой, по матери —

---

* Были еще и приложения — письма, другие подлинные документы. К сожалению, до нас они не дошли.

Величкиной) — раздался звонок. Звонила ее крестная мать Лариса Яковлевна Сетгофер, также проживавшая (и до сих пор проживающая) в Праге. Она сообщила, что знакомая чешка при уборке подвала прачечной, в которой она работала, обнаружила и передала ей объемистые тетради, написанные на русском языке. При ближайшем рассмотрении они оказались воспоминаниями двоюродного деда Н.В. Преображенской. Так «Летопись», можно сказать, родилась второй раз.

В Праге в те годы жило немало ее героев — членов семей Величких и Смидовичей, покинувших Россию в годы гражданской войны. Они читали «Летопись» не просто с интересом, а пристрастно, заново переживая давно минувшие события. Племянник С.Н. — Викентий Михайлович Смидович — оставил на полях рукописи немало примечаний и помет, уточняющих и дополняющих те или иные факты. Относительно того, как «Летопись» попала в Прагу, наиболее вероятной представляется следующая версия. По-видимому, ее привезла племянница С.Н. — Наталья Михайловна Смидович, покинувшая Харьков с отступавшей немецкой армией. Какое-то время она жила в Праге, а накануне прихода советских войск уехала в американскую зону. Ну а как рукопись оказалась в прачечной, остается загадкой.

Завершая предисловие, дадим слово самому автору. Вот что он написал, когда повествование было уже закончено: «Как человек, получивший специально-историческое образование, я отлично понимаю, какое значение документы, подобные моей "Летописи", имеют для историка. Было время, когда историки интересовались исключительно великими, замечательными или просто высокопоставленными людьми и оставались совершенно равнодушными к представителям "серой" человеческой массы. Теперь в этом отношении произошел значительный сдвиг: теперешний историк занимается главным образом именно "серыми" массами. Наряду с Уолтерами, Наполеонами и Цезарями он уделяет внимание и маленьким незаметным людям. Для теперешнего историка далеко не безразличны их чувства, их мысли и то, как они относились к переживаемым ими историческим событиям. Поэтому всякого, кто найдет мою "Летопись", прошу не бросать ее, не рвать на цигарки, а передать в распоряжение какого-нибудь научного учреждения (лучше всего какого-нибудь университета) с тем, чтобы понимающие люди могли ею хорошо воспользоваться».

Ну что ж, будем считать, что просьба С.Н. выполнена, и частичная публикация «Летописи» является далеко не худшей формой ее использования. Для печатания мы выбрали фрагменты из первой части третьего тома, относящиеся к событиям 1917-1919. В основном тексте даты указаны по старому стилю, в примечаниях (за исключением помет В.М. Смидовича) — по-новому.

Приступаю к предпоследнему отделу моей Летописи — к полосе лет, в полной мере заслуживающих название «черных»... Для всей России «черные годы» начались с июля 1914 г., для меня и моих близких — с февраля 1917. Война не вырвала из нашей среды ни одной жертвы; материально же и морально мы от нее почти не пострадали. Не то — революция... В сущности, черные годы, начавшись для нас в 1917 г., тянутся и по сие время и, вероятно, долго еще будут тянуться. Но этим именем я охватываю только одно, наиболее тяжкое, пятилетие (1917-22), остальное время отводя под последний отдел, «старость». /.../¹

Наступила масленица (февраль 1917 г.). /.../ До революции оставалось всего несколько дней. Как никто из моих близких и знакомых не предвидел размеров и характера той войны, которая вспыхнула в июле 1914 года, так никто из нас не прозревал размеров и характера той революции, начало которой пришлось на февраль 1917 года. /.../

Февральская революция 1917 года разразилась внезапно. Не было той подготовительной, долгой революционной лихорадки, которая предшествовала революции 1905 года. Переворот совершился с невероятною быстротой. Старый порядок пал, как падает прелое яблоко с дерева. Он подгнил уже давно, и достаточно было последнего небольшого толчка — волнений на почве продовольственных заминок, — и он рухнул окончательно. Охотников как-нибудь защищать павшую монархию не нашлось никаких. Даже самые близкие к государю лица бросили его в последнюю минуту и спасали свою шкуру, кто как мог. Министры все были арестованы. Сформировалось Временное правительство. Все это совершилось в последние дни февраля старого стиля (26-го, 27-го, 28-го). Точно так же, т.е. без всякого сопротивления, вслед за Петроградом опрокинут был старый порядок и во всей остальной России. Император Николай II отказался от престола за себя и за сына, передав власть великому князю Михаилу Александровичу. Но последний отказался принять ее впредь до решения Учредительного собрания.

---

* «Велишь, царица, ты напомнить о печали несказанной». Вергилий (*лат.*).
Пер. Е.К. Юзбашьян.

Весть о революции в Петрограде докатилась до Москвы очень скоро, сначала в виде смутных слухов, потом в виде вполне определенных сообщений по телеграфу и телефону. Сообщения эти запрещено было печатать, но они скоро распространились по Москве в ремингтонированных и гектографированных листках. В предупреждение революции в Москве, город был объявлен сначала на военном, а потом даже на осадном положении: запрещалось собираться кучками на улицах, запрещалось ходить по улицам дольше известного часа вечера, все ворота и калитки должны были держаться на запоре, а дворники обязаны были денно и нощно дежурить около них. Но все эти предосторожности уже запоздали. На объявление осадного положения никто не обратил ни малейшего внимания. Улицы неудержимо наводнились народом, замелькали красные флаги, раздалось пение марсельезы и других революционных песен. Войска присоединились к восставшему народу: проходила пехота с мелькавшими красными бантиками на винтовках, громыкала артиллерия с пушками, перевитыми красными лентами. Провезли арестованного градоначальника генерала Адрианова и других высших чиновников Москвы. Проводили кучками арестованных и обезоруженных чинов полиции. Все ликовало. Так радостно и безболезненно совершился переворот в Москве в один день — 1 марта ст.ст.

Я весь этот день провел на улицах. Сознаюсь, я, как и большинство тогда, встречал совершившийся переворот с необыкновенным восторгом. Теплое мартовское солнышко, весенний воздух, тающий снег, ярко-красные знамена, веселые лица — все это так гармонировало с ярким чувством освобождения, с радужными надеждами на близкое светлое и славное будущее.

Улицы были наводнены народом. Но не происходило движения трамваев и не заметно было извозчиков. Полицию заменила наскоро сформированная милиция. Привычная фигура городского с шашкою и с револьверным шнуром уступила место штатскому милиционеру с винтовкой, и только летом 1923 года милиционеры опять стали совершенно похожи на старых городских. То и дело встречались толпы молодежи с ружьями, полученными из арсеналов. Барышни щеголяли с обнаженными шашками, которые они употребляли вместо тросточек. Продавались свежие газеты с подробными описаниями петроградских событий. Интересно, что цены на газеты до того времени мало повысились — всего с 5 на 7 коп. Только в этот день вследствие необычайного спроса, они в розничной продаже шли по 20 коп. Потом цена их опять сделалась нормальной. Почти в каждой газете в тот день огромными буквами на первой странице было напечатано: «Падение

старого режима». Громыхали в разных направлениях грузовые автомобили, переполненные рабочими и солдатами. С некоторых автомобилей разбрасывались тысячами прокламации разных социалистических партий. Господствующий тон газет и прокламаций был восторженный, приподнятый: славили наступающую эру свободы и выражали твердую надежду, что теперь, когда дворцовая камарилья сидит за решеткой, Россия славно закончит трудную войну и мощно двинется вперед по пути прогресса. В таком же духе говорили и многочисленные ораторы, подымавшиеся там и сям над головами толпы. Но среди этого восторженного и радостного гама уже в первые дни революции послышались диссонирующие злобные нотки. Появились ораторы и листки, усердно разжигавшие внутреннюю междуклассовую вражду и провозглашавшие: «Долой империалистическую бойню, и да здравствует социальная революция!», «Долой внешнюю войну, начнем гражданскую!» Эти темы разрабатывали большевики и заодно с ними, искусно подделываясь под них, немецкие шпионы. Впрочем, в первые дни революции эти злобные голоса звучали очень глухо — только шипели — и заглушались другими, ликующими голосами. /.../

В окружающей меня среде радовались все: и Соловые², и Трубецкие, и Новосильцовы, и учителя, и ученики в гимназии. /.../ Но и в нашу ликующую, опьяневшую от радости и славословящую компанию внес диссонанс, и притом весьма резкий, Димушка³, вернувшийся из Петрограда. Он ехал обратно в армию, но не вез с собой никаких пополнений и был страшно озлоблен. В день переворота у него на улицах Петрограда потребовали, чтобы он или присоединился к революционному шествию, или выдал свое оружие. Так как он отказался и от того и от другого, то на него набросились, сбили его с ног, сильно помяли, разорвали его шинель, отняли шашку, и он едва-едва спасся от разъяренной толпы. Вернувшись в Москву, он ничего не хотел слышать о яковы начинающейся светлой и славной эре и упорно, угрюмо повторил: «Нет, нет, — это одна сплошная мерзость, и ничего хорошего из этого не выйдет». Ни мать, ни сестра, ни тетушки, ни дядюшки, ни я не могли его переубедить. Он так и уехал в армию в самом мрачном расположении духа. Я проводил его поздно вечером с Брянского вокзала⁴.

На вокзале, когда я провожал Димушку, я заметил начавшиеся уже признаки всеобщего развала: галдеж, беспорядок, бестолковщину, грязь, сор. На обратном пути с вокзала, идя по пустынным и темным улицам этой московской окраины, я слышал щелкавшие там и сям одиночные выстрелы. Кто стрелял и зачем,

трудно было понять. Развал стал быстро охватывать самые разнообразные стороны жизни. Я его резко почувствовал, когда в один из ближайших к перевороту дней зашел на почту сдать заказное письмо. Я обыкновенно заходил с этой целью в 22-е почтовое отделение на Поварской⁵. Оно всегда открывалось пунктуальнейшим образом в 8 утра. Я заходил туда по дороге в гимназию и всегда восхищался необыкновенною аккуратностью чиновников. Ровно в 8 часов, как только часы начинали бить, сразу открывались все окошки в решетке, и начинались почтовые операции: прием писем, выдача посылок, продажа марок и проч. Теперь же, когда я в начале марта зашел в это почтовое отделение, окошки в решетке все еще были закрыты, хотя 8 часов давно уже пробило; за решеткой и в другой комнате раздавались голоса; набрался длиннейший хвост публики, и я ушел, так и не дождавшись начала операций, боясь опоздать в гимназию. Буквально то же самое началось всюду. В гимназии и дети, и учителя начали самым бессовестным образом опаздывать к урокам и пропускать их. Многие учителя, в том числе все пораженцы, не являлись в гимназию целыми неделями, шатаясь по разным митингам и заседаниям. Дворники перестали исполнять свои обязанности, целыми днями только лускали семечки у ворот, а улицы и тротуары загаживались все более и более. На всех фабриках и заводах рабочие выставляли требования непомерного повышения заработной платы, а работу стали выполнять вдесятеро хуже и неаккуратнее прежнего (по этому предмету имеются точные цифровые данные, опубликованные тогда же). Чувствительнее всего развал сказался в предприятиях, работавших на оборону. Правительство спешило удовлетворить требования рабочих, и с этого именно времени начинается неумеренное печатание бумажных денег и бешеный рост дороговизны. Дороговизна вызвала всеобщий ропот до февральской революции. Надеялись, что после переворота рост ее сразу остановится. Но дореволюционный рост цен является шуткой по сравнению с той оргией, которая началась в этом отношении после 1917 года. Весть о том, что рабочим, работающим на оборону, сильно повышают заработную плату, вызвала ропот в Действующей армии, т.к. работа на оборону и без того являлась для многих льготой и убежищем от тяжелой повинности на фронте. В армии, как и во всей стране, только в первые дни революции сохранялись порядок и дисциплина, а потом и ее захватил всеобщий развал. Громадную роль в этом деле сыграл знаменитый «Приказ № 1», выпущенный от лица Совета рабочих депутатов. Хотя после него и вышел как бы контрприказ нового военного министра Гучкова, старающийся разными

толкованиями и разъяснениями смягчить дезорганизирующее действие «Приказа № 1», — но все это мало помогло: армия и на фронте, и в тылу начала быстро разлагаться. Это разложение у нас в Москве бросалось всякому в глаза: серые шинели без дела целыми днями слонялись по улицам, наводняли митинги, а в казармах или совсем не происходило никаких занятий, или занятия поминутно прерывались выступлениями социалистических ораторов. Образовались партийные офицерские клубы.

Я ожидал, что революция даст толчок к подъему национальной энергии и к воодушевленному напряжению труда во всех областях жизни. А вышло как раз наоборот: производительность и аккуратность труда стали всюду уменьшаться в ужасающей прогрессии. Это был злобещий симптом.

Однако в первое время я старался мириться со всеми этими темными пятнами, как с неизбежным злом при всякой революции в начальной стадии, а особенно при нашей русской культурной отсталости. Но чем далее, тем все более искусственно приходилось подвинчивать в себе бодрое настроение.

12 марта происходила в Москве грандиозная массовая демонстрация в честь революции. Тогда еще не «выгоняли» на демонстрации силой, как теперь, — тем внушительнее было зрелище двигавшейся бесчисленной массы народа. Многотысячные отряды рабочих, объединенных по производствам, проходили с красными знаменами и красными плакатами, распевая марсельезу и другие революционные песни («Интернационала» тогда еще не пели). С музыкой двигались в общей демонстрации и войска: громыхали пушки, украшенные красными лентами; у коней на уздечках были красные бантики; у войск появились новые красные знамена. Передавали, будто войска согласились принимать участие в демонстрации под одним неременным условием: чтобы не выставлялось лозунга «Долой войну». Действительно, ни на одном из плакатов я этого лозунга не заметил. Надписи были большей частью такие: «Да здравствует свободная Россия», «Да здравствует республика» или с вариантом: «Да здравствует социал-демократическая республика», «Пролетарии всех стран, объединяйтесь», «Свобода, равенство, братство» и т.п.

Несмотря на весь мой тогдашний энтузиазм, я все-таки не мог не заметить, что пение [революционных песен] выходило очень неэффектно и даже преотвратительно, когда его затягивали писклявые бабьи голоса. Стих [марсельезы] «Бей, губи их, злодеев проклятых» коробил не только мои уши, но и мое нравственное

чувство. Но я старался на этом не останавливать своего внимания, чтобы не портить своего общего восторженного, приподнятого и доброго настроения. Опять, как и в первый день революции, между народом с грохотом ползали грузовые автомобили, и с них в изобилии разбрасывалась «литература». Много этой литературы тут же затаптывалось ногами в грязь, но много подхватывалось на лету руками и прочитывалось. Раздавали исподтишка и большевицкие листки. Там писалось: «Довольно крови и слез!» (подумаешь, какие сердобольные!..), «Долой империалистическую бойню!», «Да здравствует социальная революция» и проч.

Я весь день прошатался на улицах среди народа, заходя домой только чтобы позавтракать и пообедать. День был великолепный, солнечный, теплый. Очень красивое зрелище представляли бесконечные потоки народа с лесом красных знамен и плакатов, освещенных лучами солнца. Лучше всего эти потоки было наблюдать с какого-нибудь возвышения, откуда они были видны на далеком протяжении. С этой целью я вскарабкался на одно из деревьев Никитского бульвара и просидел на нем чуть ли не целый час. В разных местах я послушал ораторов: говорили еще не затасканными, казенными, совершенно выветрившимися фразами, которых никто по-настоящему не слушает, а еще с свежим чувством, импровизированно, воодушевленно. Говорили о торжественности настоящего исторического момента, о грядущей эре всеобщего блаженства, о том, что надо сделать последние энергичные усилия для победы над внешним врагом, с тем, чтобы затем всецело отдаться мирному строительству новой, свободной России. Признаюсь, и я, грешный человек, сказал парочку теплых слов на эту тему... Когда, утомленный и голодный, я вернулся к обеду домой, то застал всех Соловых и Трубецких одинаково со мной воодушевленных только что виденным грандиозным зрелищем. Больше всех был взволнован Евг. Ник. Трубецкой⁷. «Мы должны, — сказал он, — немедленно и бесповоротно отбросить все наши старые дворянские предрассудки и искренно слиться в одно целое с народною массою, какие бы жертвы нам ни предстояло для этого принести». При этом по-прежнему главным предметом наших общих помыслов была наша родина, наша Россия, единая, великая и неделимая. А в широкой народной массе думали не о ней, а о «классовых интересах». Наше расхождение с народом началось с того момента, когда мы увидели, что он из корыстных классовых мотивов предает свою родину, тащит ее в бездну нищеты, рабства, позора и, мож[ет] быть, окончательной гибели, лишь бы временно убагодворить свою жадную утробу. Тогда

я почувствовал, что мне с рабоче-крестьянской массой не по дороге... И тогда же зародилось во мне крайне тягостное, неприятное чувство презрения к своему народу...

Героем первых дней революции был Керенский, единственный социалист во Временном правительстве, посредник между ним и Советом рабочих депутатов. Передавалось множество анекдотов о его необыкновенно героическом и гуманном образе действий в первые дни переворота. Вступив в управление министерством юстиции, Керенский настоял на немедленном безоговорочном упразднении смертной казни. Эта мера была встречена всеобщим восторгом. Лишь немногие находили ее немножко преждевременной*. Наскоро намалеванные портреты Керенского я видел на нескольких плакатах в день демонстрации 12 марта. Его фотографическую карточку, изданную на открытках, и я купил себе на память. Но прошло немного времени, и этот «герой» стал в глазах всего народа просто шутком гороховым. Я же в нем разочаровался еще скорее.

В университете в те дни профессора истории прочитали несколько лекций с целью научного освещения настоящего исторического момента. Я посетил две таких лекции: проф. Готье⁸ и проф. Виппера⁹. Первый в сжатой форме изложил историю царствования Николая II, стараясь показать, как неминуемо, фаталистически русская монархия при нем шла к своему крушению. Проф. Виппер делал сопоставление между русской революцией 1917 года и французской 1789 и находил между обеими много общего. Интересно было бы теперь, в 1923 году, провести еще раз это сопоставление. Вероятно, получилось бы такое же сходство, какое существует между человеком и гориллой: и у человека, и у гориллы есть голова, только у гориллы поволосатее; и у человека, и у гориллы есть руки, только у гориллы подлиннее; и у человека, и у гориллы есть челюсть, только у гориллы побольше и крепче и т.д., и т.д. И вот, когда суммируешь все эти «только», то и получится с одной стороны — человек, а с другой — горилла. Эту разницу мы отлично чувствуем теперь, ну а тогда на все хотелось смотреть сквозь розовые очки, и виделось прежде всего великое, героическое, возвышенное. Впрочем, и тогда уже можно

---

* В настоящее время (1925), когда давно у нас миновали и внешняя, и гражданская война и жизнь вошла в мирную колею, смертная казнь применяется у нас самым щедрым образом, что наз[ывается], походя, за самые обыкновенные уголовные преступления (см. газеты). Такова судьба не только этого, но и многих других «завоеваний революции». [Прим. автора.]

было бы отметить одну весьма важную черту несходства между русской и французской революцией: во Франции после трех лет революции начались победоносные войны; у нас после трехлетней позорно проигранной кровавой войны началась революция. Эта маленькая перестановка очень много значит. В алгебре $a + b$ и $b + a$ — это одно и то же, а в истории $a + b$ и $b + a$ — совершенно разные вещи: французы в свои войны внесли возвышенный, благородный дух своей революции, а мы в свою революцию внесли хулиганские нравы и кровожадные приемы, усвоенные на войне...

Во главе Временного правительства стал кн. Г.Е. Львов, которого я хорошо знал по Богородицку (он тогда служил в тульском земстве) и затем по Земскому союзу во время войны¹⁰. Из других членов Временного правительства я знал лично еще Андрея Ив. Шингарева, с которым познакомился еще в дни моей юности у Аносовых в Туле¹¹ /.../, и Милюкова, который руководил моими практическими занятиями по русской истории в университете¹². По преобладанию «кадетов» во Временном правительстве его называли кадетским. Мои знакомые «кадеты» в Москве в эти дни прямо сияли, как именинники: вот они, наконец *наши* министры!

Но кто собственно управлял Россией после свержения монархии, это с первых же дней революции сделалось не совсем ясно. С одной стороны, как будто Временное правительство. Но, с другой стороны, независимо от него издавал свои приказы и распоряжения на всю Россию Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Это печальное двоевластие в такой критический для страны момент страшно беспокоило меня и многих вокруг меня. Обеспокоены были и широкие круги населения, главным образом, крестьянские. Многие не понимали, кого же в конечном счете надо слушаться, чьим распоряжениям подчиняться. Одни считали высшей инстанцией Временное правительство, другие — Совет рабочих депутатов и подчинялись Временному правительству лишь «постольку поскольку» оно шло в поводу у совета. Эти знаменитые, расслабляющие всякую гражданскую дисциплину словечки: «постольку поскольку» вошли тогда в моду. От такого раздвоения власти хаос и анархия усиливались с каждым днем.

Между тем жажда напряженной, созидательной работы у многих была весьма велика. Захватила она и учащуюся молодежь. И детям хотелось поскорее внести свою лепту в строительство новой, свободной России. По просьбе учащихся старших классов моей гимназии я толкался в разные учреждения, прося дать нам какую-нибудь подходящую полезную работу во внеурочное вре-

мя. Первым навстречу этому благородному юношескому порыву пошел московский совдеп (Совет рабочих депутатов). Но предложенная им работа оказалась совершенно неприемлемой. А именно, мне предлагали не более и не менее как предоставить учащих в распоряжение совдепа для политического шпионажа: их хотели рассылать по окраинам Москвы, чтобы они подслушивали, что где говорится, и обо всем сообщали бы в совдеп для предотвращения возможных контрреволюционных выступлений. Эту работу предлагавшие ее не называли настоящим ее именем — шпионажем, а мягко — «содействием установлению нового порядка». Это предложение было мне передано в гимназии двумя молодыми людьми в присутствии гимназистов (мы в это время занимались в зале нашими обычными работами на армию). Тут же, в присутствии гимназистов, я отвечал посланцам совдепа, что подобную гнусную работу, называемую по-настоящему шпионажем, я ни в коем случае не позволю выполнять детям. Посланцы обиделись и ушли. Мой ответ имел своим последствием «крупный разговор» с инициаторами предложения сначала по телефону, а затем личный в моем кабинете в гимназии, в присутствии Е.А. Кирпичниковой. Мои собеседники пытались вывернуться тем, будто они предлагали просто информационную работу, какую выполняют газетные репортеры и в которой нет ничего предосудительного. На это я принужден был им выяснить основные признаки работы репортерской и работы шпионской, указывая, что предложенная работа носила признаки именно последней. В конце концов я согласился взять на себя труд разъяснить детям, что мы «не так поняли» сделанное нам предложение. Этим инцидент был исчерпан.

Таково было мое первое столкновение с так называемым рабоче-крестьянским элементом нашей революции (настоящего рабоче-крестьянского, замечу в скобках, в нем и тогда, как и теперь, было очень мало). Тогда еще можно было ссориться с этим элементом безнаказанно.

Вскоре я получил новое предложение работы для детей. На этот раз оно исходило от московского почтамта. Почтамт за последние дни оказался загруженным всякого рода корреспонденцией: денежными переводами, посылками и проч. Требовались руки для спешной его разгрузки. На эту работу и приглашали учащих старших классов средне-учебных заведений. Пошли на нее и добровольцы из моей гимназии со мною во главе. Нас поставили на работу по разборке денежных переводов и посылок. Мы работали ежедневно по окончании уроков в гимназии до 6-7 час. вечера. Дети работали очень добросовестно, и все, записавшие-

ся на эту работу, всегда являлись на занятия аккуратно к назначенному часу. Эту работу мы закончили на Страстной неделе. Последний раз мы ходили на нее в Великую субботу.

Волна всеобщего развала быстро докатилась и до Действующей армии. И там принялись митинговать и бездельничать. И вдруг грянул гром — жестокое поражение на реке Стоходе с массою убитых, раненых и попавших в плен. /.../ Так русские войска начали «сознательно» защищать свое освобожденное отечество. Печальным известием о стоходском поражении сразу пресеклись всякие разговоры и слухи о каких-то необычайных успехах наших войск, якобы воодушевленных революцией¹³. В действительности, революция никакого воодушевления в войну не внесла (как это предрекал почтенный проф. Виппер, уподоблявший нас французам 1791 года). Только в первые дни после переворота, по рассказам всех, бывших в то время на фронте, потолковали, что вот, мол, мы будем теперь сражаться «сознательно» (опять — модное тогдашнее словечко) и, наверное, победим. Но скоро, вместо того, чтобы сражаться сознательно, предпочли заняться митингами, ношением красных знамен и плакатов, лусканием семечек, разрушением собственных проволочных заграждений (колья шли на топливо) и т.д. Дисциплина быстро стала падать. Количество перебежчиков к неприятелю и дезертиров увеличивалось не по дням, а по часам. Все железнодорожные станции, ближайшие к фронту, были забиты толпами в серых солдатских шинелях и папахах. Все поезда, шедшие с фронта, не исключая санитарных, переполнялись дезертирами: ехали на крышах, висели на буферах, прицеплялись на подножки и т.д. И не было никакой возможности остановить этот поток: смертная казнь на фронте была отменена так же, как и во всей остальной России. Между тем иначе, как жестокими, кровавыми мерами, остановить начавшееся разложение армии было невозможно*. Воспользовавшись таким положением вещей, немцы выбрали наиболее уязвимое место нашего фронта на р. Стоходе и задали нам кровавую трепку. Казалось бы, после Стохода следовало опомниться. Ничуть не бывало! В стоходской неудаче все наши расплотившиеся во множестве социалистические газетки обвинили «царских генералов» и на этом успокоились. А хаос и анархия в армии продолжали развиваться в ужасающих размерах.

---

* Впрочем, и кровавые меры тоже были невозможны: не было для этого «надежных» войск. См. Рев[олюция] и гражд[анская] война в описаниях белогвардейцев, Т.1. [Прим. автора].

В апреле состоялся в Москве съезд сельских кооператоров. Этот съезд представлял собою около десяти миллионов сельских хозяйств. К сожалению, я не имел возможности присутствовать на его заседаниях и следил за ним только по газетам. На этом съезде практические мужички с тревогою поставили вопрос: кто же, собственно, представляет собою настоящую власть в России — Временное правительство или Совет рабочих депутатов? На это с истерическими выкриками, с биением себя в перси кулаками какой-то субъект, представитель Совета рабочих депутатов, уверял собравшихся, что власть у нас вовсе не раздвоена, что Временное правительство и совдеп работают в полном и дружественном «контакте» (еще словечко, вошедшее в моду во время революции). Не помню, были ли успокоены этими заверениями съехавшиеся кооператоры, но я не был успокоен: двоевластие самое злокачественное слишком бросалось в глаза.

Я долго крепился, стараясь не поддаваться пессимизму. Когда меня спрашивали, как я смотрю на положение дел, я обыкновенно в то время отвечал: «Сейчас борются в революции хорошие и дурные соки; верю, что хорошие возьмут верх». Тогда у многих, и у меня в том числе, была еще «вера в разум русского народа». Думалось, что в конце концов этот стихийный коллективный разум выручит Россию так же, как он уже выручил ее однажды в эпоху Смутного времени.

На пасхальные каникулы я никуда не уезжал из Москвы. За политической сутолокой как-то незаметно пролетели эти две недели, в другие времена бывшие всегда столь полными религиозной поэзией. Единственным моментом, когда я на время забыл политику и вздохнул чистой религиозной жизнью, была Светлая Заутреня, которую я вместе с Стазей¹⁴ отстоял в Кремле. Ночь эта выдалась теплая и замечательно тихая. Вся огромная кремлевская площадь была залита массою народа. Все кремлевские соборы были переполнены. Когда перед выходом крестных ходов все зажгли свечи, то это море колышущихся на огромном пространстве огоньков представляло дивную картину. Мы с Стазей любовались ею со ступенек Красного крыльца. Ровно в полночь гулко ударил большой колокол Ивана Великого, и сразу радостно отвечали ему колокола всех кремлевских соборов и всех московских «сорока сороков». В светлых ризах, с хоругвями, иконами и крестами, из всех соборов одновременно тронулись вокруг храмов крестные ходы.

Нигде торжество Светлого Христова Воскресения не ощущается с такою силою, как в московском Кремле. Из Кремля мы с Стазей пошли доставать вместе с остальными раннюю обедню в маленькой церкви Бориса и Глеба на Поварской. Это была последняя заутреня в Кремле. В следующем году Кремль сделался резиденцией большевицкого правительства, и кремлевские колокола замолчали...

После Стохода на нашем фронте наступило долгое, позорное затишье. Неприятель оставил на нем небольшие караульные заслоны, а большую часть сил, бывших на русском фронте, стал перебрасывать на другие, более активные фронты. А в России у него образовалась полоса для отдыхающих частей. В русских войсках усиленно раздавалась социалистическая литература, и начались так называемые братания с неприятелем, облегчавшие и без того прекрасно поставленную работу немецкого шпионажа. Во флоте происходили безобразнейшие бунты с истреблением начальствующих лиц.

В это время из-за границы через Швецию и Финляндию повалила в Россию волна возвращавшихся политических эмигрантов. Такая же волна освобожденных политических ссыльных хлынула с другой стороны, из Сибири. В числе вернувшихся эмигрантов появились в Петрограде многочисленные большевики с Лениным во главе — все эти вожди будущей Октябрьской революции. Они приехали из Швейцарии кратчайшим путем, не делая крюка на Англию, а перерезав Германию. При проезде через последнюю вагон, в котором они ехали, был, как сообщалось в газетах, запломбирован и охранялся военным караулом*. Явившись в Петроград, Ленин и его единомышленники начали проповедовать немедленный мир с внешними врагами и немедленную социальную революцию внутри России, восставая против всяких попыток соглашения с буржуазными партиями (к числу буржуазных партий относились и кадеты). По мнению Ленина, наступила пора для осуществления чаяний социализма через диктатуру пролетариата. /.../ Русская пролетарская революция рисовалась ему только прологом к более обширной, мировой революции. Интеллигенция в большинстве своем отнеслась к этой пропаганде отрицательно. В начале революции поэтому большевицкие газеты

---

* Я писал тогда Наде¹⁵: «Это — настоящий баллон с удушливым газом, брошенный Вильгельмом в Россию! Я уверен, что Ленин для России не менее опасен, чем Распутин» (5.IV). /.../ [Прим. автора].

имели слабое распространение. Наоборот, серая рабочая и солдатская масса усердно повалила в ряды большевиков. Так как и для этих масс в те первые месяцы революции идея Учредительного Собрания имела еще свое обаяние, то Ленин выдавал себя за преданнейшего сторонника этого собрания. Когда, после его нашумевших первых выступлений, вожди других социалистических партий стали упрекать его, что он призывает, в сущности, к гражданской войне и высказывается против Учредительного Собрания, он разыграл роль оскорбленной невинности и усердно открещивался от этих обвинений. /.../

Один из пунктов условий, на которых Временное правительство приняло в свои руки власть, гласил, что петроградский гарнизон не может быть выведен из Петрограда, что он должен оставаться для защиты революции. И Петроград оказался переполненным десятками тысяч военных лодырей, распущенных, бездельничающих и только засоряющих улицы шелухой от семечек. Их нельзя было отправить на фронт: они защищали революцию. Хотя, по правде говоря, никто на революцию не нападал да и не хотел нападать. Даже великие князья, и те единодушно признали ее. Охотников защищать революцию на манер петроградского гарнизона много нашлось и в других городах, а потому на фронт перестали почти совершенно поступать пополнения: приходили одни пустые эшелоны с красными флагами. Назначенный начальником петроградского гарнизона генерал Корнилов не мог долго вынести того безобразия, которому он не в силах был положить предел, и он отпросился из столицы в Действующую армию*.

В конце мая я уже перестал верить в разум русского народа и смотрел на положение дел почти безнадежно. /.../¹⁶

Еще до отъезда из Москвы у меня явилась мысль ехать летом на фронт в качестве агитатора для борьбы с агитаторами, разлагавшими армию. Я записался с этою целью в агитационное бюро кадетской партии и ждал только разрешения на выезд в армию. Но разрешение это почему-то замешкалось. Я его в Москве так и не дождался и уехал в Харьков, дав в агитационное бюро свой харьковский адрес и деньги на посылку мне срочной телеграммы.

* Под впечатлением все усиливавшегося развала я писал Наде: «Я бы хотел бодрее и радостнее смотреть на все происходящее, но не могу... Керенский поехал в армию и начал говорить к ней речи. Боюсь, что от всех этих речей будет один результат: — бурные аплодисменты. Да, вероятно, число красных бантиков на шинелях увеличится». (11.V). [Прим. автора.]

В Харькове я застал Надю в момент переезда всей ее семьи на дачу в Святые Горы (Изюмского уезда). Проводив ее, я остался на несколько дней в Харькове для переговоров с Н.Н. Кноррингом¹⁷. В это время многие интеллигентные люди, не подлежавшие призыву, но болевшие душою за наше позорное поведение на фронте, стали записываться в армию добровольцами, чтобы действовать на солдат не речами, а примером. Я узнал об этом из газет и находил такую линию поведения вполне правильной: агитатор с винтовкой в руках, в передовых рядах, безусловно, действительнее, чем агитатор, только разглагольствующий в тылу на митингах. На одном маленьком уличном митинге еще в Москве, где какой-то оратор доказывал необходимость продолжения войны, одна баба из толпы крикнула ему: «Хорошо тебе тут разговаривать, попробовал бы сам пойти в окопы!» Я тогда же подумал, что баба права. Теперь, сидя один в Харькове, в пустой смидовичевской квартире, я пришел к тому заключению, что мне или совсем следовало отказаться от агитации на фронте, или поступить для этого простым рядовым в Действующую армию. Я уже упоминал выше, что весной 1915 г. я делал попытку поступить добровольцем в армию, но был тогда забракован. /.../ «Но, — думал я, — может быть, теперь будут не так разборчивы: когда требуется только короткий порыв, пример самоотвержения, то на это годятся и слабые телом люди». Я сходил к харьковскому воинскому начальнику и переговорил с ним об этом. Он сказал, что такие добровольцы сейчас в высшей степени желательны. Я тотчас же хотел записаться. Но, к сожалению, требовалось сначала представить бумагу, удостоверяющую, что я свободен от призыва в армию, — иначе нельзя было записываться добровольцем. За этим документом мне пришлось обратиться в Москву. А пока, в ожидании его присылки, я поехал на дачу к Наде в Святые Горы. /.../

На даче я никому о своем замысле не говорил, пока не пришел нужный документ из Москвы. К счастью, он пришел очень скоро. Тогда я объявил своим, что должен ехать в Харьков для записи в добровольцы, и изложил причины такого моего решения. Оно всех изумило. /.../

Когда я уезжал из Харькова в Святые Горы, в те дни начиналось на фронте знаменитое роковое июньское наступление, организованное Керенским. А когда я вернулся из Святых Гор в Харьков, оно уже позорно провалилось. В день начала этого наступления (кажется, 18 июня) по всем городам были устроены демонстрации. Такую демонстрацию перед своим отъездом из Харькова я наблюдал /.../ на Сумской улице. Демонстрация была

очень жиденькая (придавать демонстрациям внушительный вид путем мер принудительных — это уже позднейшее, чисто советское изобретение). В демонстрации, которую я видел на Сумской, чувствовалась явная искусственность, не было никакого настоящего, искреннего подъема духа. Опять — тучи красных знамен и плакатов, как было в мартовские дни в Москве, но только на каждое знамя и каждый плакат приходились не сотни и тысячи демонстрантов, а кучки человек в пять-шесть... Между плакатами я заметил несколько, на которых красовались надписи, не имевшие никакого отношения к наступлению и гласившие: «Вся власть советам». Шли и анархисты комически небольшою кучкою со своими черными знаменами.

Лишь гораздо позднее от многих очевидцев /.../ я узнал, как именно Керенский, с позволения сказать, организовывал наступление. Он собирал на фронте огромнейшие митинги и предлагал тем, кто хочет «защищать завоевания революции», двинуться на врага, а тем, кто хочет «воткнуть нож в спину революции», остаться в бездействии. Конечно, желающих «воткнуть нож» набралось гораздо больше. Но, получая известия о начавшемся наступлении только из газет, я сначала твердо верил в его успех и думал: «Наконец-то наша армия воспрянула от сна!» И мне не терпелось поскорее принять участие в этих сражениях. В то время верховный главнокомандующий, генерал Брусилов, начал формировать так называемые ударные батальоны, задачей которых было идти в наступление в первую голову и своим примером увлечь других. Я записался в «ударники». Из Харькова меня направили в Москву, и в начале июля я уже оказался в московских Покровских казармах рядовым 1-ой роты 5-го ударного батальона. Таким образом, вопрос о моем поступлении учителем в харьковскую гимназию отодвинулся в неопределенное будущее.

С того момента, как я попал в казармы и взял в руки винтовку, на душе у меня стало сразу гораздо спокойнее и легче. Я тогда твердо был убежден, что иду на *верную* смерть, и это сознание близкой смерти давало мне удивительное спокойствие.

Такова вкратце история моего поступления в солдаты. /.../¹⁸

В жаркий июльский томительный день приехали мы с Надей в Харьков. За день или за два до нашего отъезда из Святых Гор произошло вооруженное выступление большевиков в Петрограде (опять — «нож в спину революции», по терминологии Керенского). Восстание это кое-как подавили, вожаков его, в том числе Троцкого, арестовали (Ленин скрылся); но настоящих, суровых,

беспощадных мер, на которые, казалось бы, давало право критическое положение государства, не было принято. Арестованные большевицкие вожди постепенно были выпущены или сами бежали. А в печати по-прежнему велась самая разнузданная, бешеная травля Временного правительства. Большевики не смутились своею первою неудачей и систематически продолжали готовить переворот почти под самым носом у правительства. В это время князь Львов и другие кадеты вышли из состава Временного правительства. Оно сделалось теперь сплошь социалистическим, а во главе его в качестве премьера стал герой июньского позорного наступления — Керенский. Но популярность его к этому времени уже значительно упала. Все настоятельнее чувствовалась потребность в настоящей твердой власти. В этом, между прочим, заключался отчасти смысл июльского выступления большевиков. Такую же попытку, но только справа, произвел несколько позднее (в августе) генерал Корнилов. И его попытка вышла неудачной (о ней я еще буду говорить). Но так или иначе, необходимо было покончить с мягкотелой, хлябковатой, многогречивой керенщиной.

Мы с Надеей ехали в Харьков под удручающим впечатлением начавшейся внутренней смуты. Новое печальное, ошеломляющее известие ждало нас в Харькове. На вокзале я купил экстренные телеграммки. В них говорилось о позорном бегстве наших галицийских армий. А когда мы уезжали из Святых Гор, известия с этого фронта были еще хорошие. Настоящие размеры нашего неслыханного военного позора выяснились лишь постепенно¹⁹. Но и первые известия о нем были ужасны. Помню напечатанный крупными буквами заголовок экстренной телеграммы, купленной мною на вокзале: «Бегство одиннадцатой армии» (за 11-той армией побежали и другие: 8-я, 7-я). А мы все в Святых Горах так радовались начавшимся в последние дни как будто нашим успехам! И я еще тогда с удовольствием торопился сознаться в неосновательности моих пессимистических предчувствий. А оказалось, предчувствия меня не обманули: Калуш и Тарнополь навсегда останутся в летописях русской армии гораздо более позорным пятном, чем даже Мукден и Цусима...

Необыкновенно мрачно прошел день в Харькове накануне моего отъезда в ударный батальон. Зубная боль у Нади, после помощи, оказанной врачом, утихла; но мы мало разговаривали в тот вечер. Надя, Миша²⁰ и я провели последние часы перед разлукой угрюмые, молчаливые, подавленные. Моя решимость умереть, и умереть как можно скорее, в тот вечер еще более окрепла.

На улицах Харькова в тот день там и сям собирались небольшие кучки народа и горячо толковали о новом бедствии (большие митинги давно уже не собирались: охота к ним скоро испарилась; их воскресила впоследствии, но опять-таки только принудительным путем, — советская власть). Помню, как в одной из таких кучек какой-то офицер с горечью сказал: «Под царскими знаменами мы брали Львов и разбили немцев под Варшавой, а под вашими красными тряпками побежали перед вдесятеро слабейшим врагом!» — И действительно, у австрийцев и немцев на нашем фронте не хватало войск даже для поверхностного преследования неудержимо улепетывавших русских полчищ.

На другое утро, когда солнце только что вставало, я простился с Мишей и Надей и ушел на вокзал. Я был уверен, что с фронта уже не вернусь домой...

Сначала в Москве я жил в казармах, но потом мне разрешили уходить ночевать домой, и я поселился в моей бывшей комнате в солововском доме на Новинском бульваре²¹. /.../ В свободное от солдатских занятий время я поспешил устроить свои материальные дела. Почти на все мои сбережения (около 1500 р.) я купил облигации так называемого Займа Свободы, считая себя обязанным принять участие в этом патриотическом деле. Облигации эти я переслал на сохранение Мише Смидовичу в Харьков. /.../ Единственный раз в жизни, да и то по патриотическим соображениям, купил я процентные бумаги. Но, как известно, они после Октябрьского переворота оказались просто цветными бумажками. Но одну из этих облигаций с рисунком Госуд. Думы и с подписями всех членов Временного правительства я храню у себя на память до сих пор. /.../

Кстати об этом Займе Свободы. Когда правительство объявило о его выпуске, то часть публики с увлечением принялась раскупать его, другая же часть всячески чинила этому препятствия. В некоторых городах, например, в Ростове-на-Дону, солдаты и рабочие производили настоящие дебоши и не допускали продажи облигаций в киосках на улицах. Министры, в том числе милейший А.И. Шингарев (до выхода кадетов из Временного правительства), ездили по всей России и уговаривали публику поддерживать патриотический заем. До принудительного всучения гражданам облигаций (например, в виде уплаты жалованья служащим) тогда еще не додумались: это опять чисто советское изобретение.

Генерал Корнилов, сменивший в качестве верховного главнокомандующего генерала Брусилова, смотрел на вещи не столь ма-

ниловскими глазами, как Керенский и К°. Он потребовал восстановления смертной казни, по крайней мере на фронте, за неподчинение боевым приказам начальников. Керенский принужден был на это согласиться. Помню, какой гвалт и вопль подняли по этому поводу большевики и какими они себя выставляли принципиальными и непримиримыми противниками смертной казни (подумаешь, какие агнцы!). По этому поводу возгорелась интересная полемика на страницах московских социалистических газет. Корнилова большевики клеймили именем «кровавого палача». Но ему как-никак, с грехом пополам, удалось все-таки восстановить в армии некоторый порядок и подтянуть дисциплину; к сожалению, однако, ненадолго!

5-й ударный батальон сформировался очень скоро. Обучали нас спешно: Корнилов сумел временно подтянуть и тыл. Для окончательного формирования — снабжения пулеметными командами и обозом — нас должны были отправить в Брянск. Выступление было назначено на 24 июля. Уже батальон был выстроен перед казармами и сделаны были приготовления к напутственному молебну, как пришел приказ выступление на некоторое время отложить. /.../

[Наконец] мой батальон отправился в Брянск. От Покровских казарм до Брянского вокзала мы шли длинною, растянувшейся колонной через Тверскую, Тверской бульвар и Арбат. У нас было уже новое красное знамя с черным андреевским крестом и золотую надпись: «Вперед за свободу народов». Когда мы проходили мимо генерал-губернаторского дома на Тверской (на рочно сделали этот крюк), какие-то рожи иронически поглядывали на нас из его окон: там заседал в это время московский совдеп. Когда мы поравнялись с этим домом, музыка заиграла марсельезу, а мы закрыли ура.

Посадка на Брянском вокзале произошла быстро, в образцовом порядке. В 7-м часу вечера наш длиннейший эшелон медленно отошел от станции. Ехали мы весело. В своей роте я нашел несколько хороших ребят, с которыми успел сойтись еще в Москве. Это были: Николай Плюшев, приказчик какого-то московского магазина, студент Иванов, который потом был убит на фронте, и солдатик Скуратов, служивший в Действующей армии с самого начала войны. Мы вчетвером удобно устроились на верхних нарах теплушки. На другой день рано утром прибыли в Брянск. Нас отвели далеко за город, в специально-военный поселок, застроенный деревянными бараками. Город виднелся далеко на дру-

гом, высоком, берегу Десны. Развал чувствовался и здесь. Военный поселок находился в самом антисанитарном состоянии. Вонь от загаженных и давно не чищенных клозетов стояла ужасная. В большинстве бараков гуляли сквозняки, т.к. почти все окна были выбиты. В том же поселке, рядом с нами, стоял еще какой-то второочередной пехотный полк, сильно распушенный, с большевицким душком.. Эти бородатые дяди смотрели на наш батальон с свирепой враждой, потому что между ними распространился слух, будто ударники идут на фронт не для того, чтобы сражаться, а для того, чтобы других гнать на убой и в случае неподчинения расстреливать. На этой почве между нами и ними чуть было не произошло вооруженной потасовки. /.../

К счастью, в Брянске мы задержались недолго. Здесь нам выдали новое обмундирование с новыми, «ударными» погонами, на которых над цифрой 5 были изображены череп и кости. В Брянске же, согласно новым порядкам, были во всех наших ротах выбраны ротные комитеты. Я попал в председатели комитета 1-й роты. Солдаты относились ко мне с уважением и называли не иначе как «отец», «папаша», но никоим образом не модным в то время «товарищ». Нести обязанность председателя ротного комитета было сущю каторгой, потому что даже в ударных батальонах дисциплина была неважная, а офицеры были почти совсем устранены от наблюдения за нею. В бытность мою председателем ротного комитета я вынужден был несколько раз прибегать к высшей разрешенной мне мере наказания по отношению к распустившимся солдатам — аресту на 5 суток с лишением горячей пищи. Постоянно приходилось собираться на совещания с другими ротными комитетами по разным хозяйственным и административным вопросам. Я нес эту свою обязанность, как самый тяжелый крест. Я слышал, что первые комитеты везде были еще довольно строгие, а потом, когда их «сбросили» и заменили новыми, то сами члены комитетов оказывались в числе отъявленнейших мародеров и дезертиров.

В середине августа прибыл наш новенький батальонный обоз; прибыли также пулеметы, лошади и ящики с новыми ружьями американского изготовления. Вскоре после этого мы отбыли на фронт. /.../²²

Наш 5-ый ударный батальон на фронте вошел в состав I Сибирского корпуса. Этот корпус разложился одним из самых последних. Сибирские стрелковые полки долго держались за свою традиционную дисциплину. /.../

В то время, когда мы стояли у Бениц, произошло крупное событие во внутренней жизни России, известное под именем Кор-

ниловского мятежа. Я уже говорил, что мягкотелая керенщина, не проявлявшая настоящей силы власти и изливавшаяся в бесконечной болтовне, никого не удовлетворяла и всем успела надоесть. Вырвать власть из этих слабых рук и дать стране твердый порядок начали пытаться и слева, и справа. Я уже упоминал о июльском вооруженном выступлении большевиков. В конце августа поднялся генерал Корнилов. Его целью было покончить с опасным двоевластием, но только не в пользу советов, как хотели большевики, а в пользу военной диктатуры. Рассчитывал он на силу Действующей армии. Попытка его потерпела крушение. До сих пор вся эта история остается для меня не вполне ясной, и потому я воздерживаюсь пока от ее оценки.

У нас на фронте это крупное событие отразилось довольно слабо: произошли только некоторые перемены в командном составе. Так был смнен тогда командир нашего батальона, сторонник Корнилова, капитан Блинов, и его место занял капитан Денисов. Между солдатами нашего батальона попытке Корнилова многие сочувствовали: недаром из ударных батальонов, успевших после окончательного разложения армии уйти с фронта, образовалось впоследствии вокруг Корнилова на Дону первичное ядро Добровольческой армии. Керенщина среди солдат, особенно после позорно закончившегося июньского наступления, была весьма непопулярна. /.../

Простояв немного во 2-ой линии, наш батальон передвинулся в передовые окопы к деревне Шелудки. /.../23

Жизнь в передовых окопах текла, в общем, страшно монотонно и скучно. Спали и бодрствовали очень неправильно: иногда совсем не спали по ночам; зато, наоборот, часто дрыхли целыми днями. Завернешься, бывало, в шинель, угрешься и дрыхнешь себе в блиндажке, изредка сквозь сон слыша щелкающие вдали и вблизи выстрелы. Крыс в окопах водилось видимо-невидимо. Тело горело и чесалось от грязи и вшей. Чуть ли не каждый день уносили в тыл больных и раненых. Изредка я натыкался на прикрытые шинелями и ожидавшие уборки трупы. С начала октября дожди усилились. Редко выглядывало солнышко. В узких окопах стояли глубокие мутные лужи. Потом время от времени начал выпадать и таять снег. Дни становились все короче и сумрачнее. Отправляясь на войну, я готовился к отчаянным боям: мне мерещились атаки под ливнем свинца и чугуна, груды убитых и раненых, ураганный огонь, кошмарные сцены на проволоч-

ных заграждениях и проч. А вышло все очень прозаично: сиденье в окопах, голодовка, вши — и только!..

Переворот 25 октября произошел, когда наш батальон все еще стоял в передовых окопах у Шелудков. Известили нас о нем немцы. Однажды утром вскоре после этого события мы нашли на наших проволочных заграждениях повешенные ночью немецкие газеты с подробным и, вероятно, раздутым описанием всего происшедшего в Петрограде и Москве. Эти газеты я, как единственный в роте человек, знавший по-немецки, должен был прочитать и перевести сначала в маленьком кругу ротного командира, фельдфебеля и нескольких добровольцев из интеллигенции. Но мы некоторое время всем этим сообщениям не особенно верили, подозревая, что все это печатается нарочно, с целью разложения нашей армии. Хотели даже ночью подползти к немецким окопам и на немецких проволочных заграждениях повесить листы с сообщениями о революции в Берлине, о повешении Вильгельма и т.п. Чуть ли эта затея не была даже приведена в исполнение.

Но известие о перевороте 25 октября оказалось справедливым. Вскоре пришло его подтверждение с нашего тыла. В полученных на фронте листках и газетах в высокопарных выражениях возвещалось о падении правительства соглашателей и социал-предателей, о наступлении эры истинного социализма с социалистическим раем на земле. Собрались в одном из блиндажей все ротные комитеты нашего батальона, чтобы обсудить, как относиться к создавшемуся положению. Председателем одного из наших ротных комитетов (3-й роты) состоял небезызвестный впоследствии Ив.Ив. Межлаук, игравший потом видную роль в рядах большевиков. До 25 октября он лавировал между разными партиями, не зная, к какой пристать. Теперь он внезапно исчез из нашего батальона. Как я узнал впоследствии, он перевелся в другую воинскую часть, где не знали его прежних шатаний, и с этих дней стал быстро делать свою большевицкую карьеру²⁴. Оставшиеся налицо члены всех четырех ротных комитетов постановили: «Несмотря ни на какие перевороты, твердо держать фронт и продолжать выполнять свой воинский долг». Вскоре после этого всех председателей ротных комитетов, в том числе, значит, и меня, вызвали в тыл на фольварк Залесье. Мы пришли туда вечером и натолкнулись на громадное галдящее сборище солдат всевозможных частей. Тут собрались, кажется, представители от всего нашего корпуса. Я сразу увидел, что настроение у всей этой толпы было резко большевицкое. Поэтому под шумок я удрал с собрания. К тому же я чувствовал себя нездоровым: меня сильно знобило. /.../

В тот же день жар и озноб у меня усилились, а ноги начали пухнуть и болеть. Трудно было надевать сапоги. На другое утро мне стало еще хуже, и я уже не мог подняться. Тогда ротный командир распорядился отправить меня в лазарет. /.../ Батальонный доктор в Зарудичах осмотрел меня и направил в земский госпиталь, который находился недалеко от станции Залесье. /.../ Госпиталь в Залесье состоял из нескольких барачков-землянок, разбросанных в большом сосновом лесу на берегу реки Вилпа. Так как у меня оказалась одновременно с ревматизмом еще чесотка по всему телу, то меня поместили сначала в барак для чесоточных. Снятое с меня белье и верхняя одежда кишели вшами. Меня вымыли в ванне, одели в чистое белье и уложили в углу барака на невысоких нарах. Все остальные, сидевшие со мною в этом бараке, страдали только чесоткой. А чесотка у солдат даже и за болезнь не считается. Поэтому мои товарищи по барачку целыми днями считались по окрестностям госпиталя, уходили на железнодорожную станцию, носили в барак дрова и жарко топили печку, играли в карты, торговали, ссорились, дрались. По вечерам являлся фельдшер и смазывал нам всем сочившиеся кровью язвочки на теле какою-то черною, вонючею мазью. Тогда все раздевались донага (в бараке всегда стояла нестерпимая жара), усаживались в кружок около свечки, точно черти в пекле, и принимались играть в карты. Любимой игрой была азартная — в очко. Часто поднимались между играющими ссоры, раздавались крики, матерная брань. А я лежал в своем уголку на нарах в жару и, с ноющей болью в ногах, посматривал на эту оригинальную картинку, и самые горькие мысли шевелились у меня в голове. Я думал тогда, что умру от своей болезни, и, по правде говоря, готовился расстаться с жизнью без всякого сожаления*.

Чесотка моя, слава Богу, скоро прошла, и меня перевели в другой барак — для тяжелобольных. Там уже были не нары, а стояли в два ряда кровати. Какая это прелесть — кровать! Только тот, кто в течение долгого времени был лишен ее, может понастоящему оценить все ее великое благо. Меня опять вымыли в ванне и переодели в чистое белье. Пища давалась хорошая, еще получше той, о которой я мечтал во время голода в окопах. Но теперь от сильного жара совсем не хотелось есть, и мою порцию заодно со своею съедал лежавший со мною рядом солдат-симулянт. Симулянтов в то время во всех госпиталях было множество.

---

* Я писал с войны Наде: «Хотя я и мечтаю иногда, как мы опять после войны в более счастливые времена соберемся вместе, но, по правде сказать, я в это не верю: счастливые времена настанут много-много лет спустя после нашей смерти» (16.IX). [Прим. автора.]

Доктор говорил мне, что, при наступившей после революции общей безурядице, с этим злом стало совершенно невозможно бороться, ибо административная власть всецело перешла от докторов к санитарам и сиделкам; а последние за взятку устраивали в госпиталях кого угодно. /.../

Между тем по всей России и на фронте начались выборы в Учредительное Собрание. Фронт наводнился большевицкой литературой и большевицкими агитаторами. Никаких газет, кроме разных «Звезд» и «Правд» к нам не допускалось. Тучи листов и прокламаций раздавались даром. Всю эту «литературу» приносили нам в барак сестры милосердия и санитары. Настроение в госпитале преобладало большевицкое. Только незначительная кучка врачебного персонала, некоторые из сестер, да двое-трое больных считали себя принадлежащими к иным партиям. Тогда еще существовали иные партии и слово «партийный», или, как его у нас произносили «партейный», не приобрело еще определенного смысла. В своих листовках, газетах и речах большевики говорили, что они берутся установить немедленный мир, дать народу хлеб и спасти (?) Учредительное Собрание. /.../ Я отлично помню эти три их главные обещания. На буржуазию и социал-предателей взводилось обвинение, будто они хотели похитить у народа Учредительное Собрание и злоумышленно откладывали выборы в него с месяца на месяц. Конечно, это была бесовская ложь /.../: выборы в Учредительное Собрание первоначально были назначены на 17 сентября, но вследствие технических затруднений их пришлось перенести на ноябрь, и это была единственная, вынужденная обстоятельствами, отсрочка. Много было и другой цинической лжи и заведомого, обдуманного надувательства в большевицкой литературе, рассчитанной всецело на тупоумие и зверские инстинкты русской полудикой массы. В результате, как мы знаем, народ вместо мира получил гражданскую войну, гораздо более отвратительную, жестокую, развращающую и разорительную, чем «империалистическая», а вместо хлеба — голод, самый ужасный из всех, когда-либо постигавших Россию, голод с трупоедством, людоедством и вымиранием целых областей. Что же касается Учредительного Собрания, то оно было названо презрительной кличкой Учредилки и разогнано «за ненадобностью»...*

---

* Этот разгон я предвидел с самого того дня, как впервые услышал об октябрьском перевороте (хотя на первых порах большевики и распинались в своей преданности Учредительному Собранию). 5.XI.1917 я писал Наде из окопов: «До нас дошли самые чудовищные слухи о событиях в России. Не знаю, верить ли им. Хотя теперь все возможно...» Меня, как и большинство интеллигенции, особенно

Выборы в Учредительное Собрание состоялись в 20-х числах ноября. К нам в барак приносили избирательную урну, и больные опускали в нее свои бюллетени. Я голосовал за кадетский список. /.../

К декабрю на нашем фронте установилась уже настоящая зима. Боевые действия совершенно прекратились. Не слышно было больше орудийных выстрелов, к которым так привыкло ухо за последние месяцы, не жужжали в небе аэропланы. В эти последние дни моего пребывания в госпитале мне пришлось быть свидетелем безобразной и жестокой расправы солдатской толпы с одним генералом. Это был генерал Афанасьев, командир дивизии, старик, георгиевский кавалер. Он лечился от ран в соседнем с нами бараке. И вот однажды утром привалила к этому бараку огромная толпа солдат. Все что-то громко орали. Я понял из этого галдежа приблизительно следующее: была когда-то захвачена у немцев лошадь. Эту лошадь присвоил себе генерал Афанасьев и кормил ее казенным фуражом. Вот теперь и пришли расправляться с ним за это. Я видел, как раненого худого старика выволокли с ругательствами и побоями из барака и повели куда-то на фольварк, где, очевидно, заседал трибунал. Дальнейшая судьба этого несчастного мне осталась неизвестной. Вернее всего, его или расстреляли, или просто разорвали, как собаки. Незадолго до этого происшествия там же, в Залесье, был зверски убит один полковник. Вообще, убийства командиров совершались тогда на фронте довольно часто. Как я узнал из газет, в Могилеве был убит даже верховный главнокомандующий, генерал Духонин, сменивший Корнилова. Теперь всюду появились новые «главковерхи». Десятой армией, в состав которой входил наш I Сибирский корпус, распоряжался какой-то товарищ Мясников²⁵.

Слава Богу, вскоре после описанной зверской расправы над генералом Афанасьевым доктор выписал меня из госпиталя и разрешил ехать долечиваться домой.

На лазаретной двуколке довели меня до станции Залесье. Станция эта значительно пострадала от военных действий. Окна ее почти все были выбиты. В стенах зияли огромные пробоины. Платформа была разбита. На стенах виднелись следы пуль. Вся станция кишела солдатами. В Бресте Литовском еще шли мирные переговоры /.../, а армия, не дожидаясь окончания этих перегово-

---

возмущало то, что переворот был произведен всего за несколько дней до назначенных выборов в Учредительное Собрание. «Теперь, — писал я, — совершенно ясно, что этому собранию совсем не бывать». (В том же письме). [Прим. автора].

воров, уже начала демобилизоваться сама собою. Многие при этом увозили с собою всю свою воинскую амуницию, винтовки и даже пулеметы. Волокли все, что могли, из разных прифронтовых складов. Солдаты, в ожидании отхода поезда, лускали семечки, усыпая их шелухой станционную платформу и железнодорожные пути. Вообще, лускание семечек в то время происходило и в армии, и в тылу в самых невероятных размерах. В шутку говорили, что народ тогда «пролускал» Россию. Как только я вспоминаю тогдашнее время, так тотчас в воображении встает плоская солдатская рожа в серой папахе, с шелухой от семечек, застрявшей в бороде, и с непрерывно шевелящимися челюстями... На платформе в киоске продавались газеты — все те же «Правды» и «Звезды». Тщетно я искал между ними какой-нибудь настоящей газетки и, наконец, спросил: «А кроме этого говна у вас ничего нет?» Из окошка киоска выглянула на меня злая рожа с рыжими усами и крикнула: «Товарищ, вы за это ответите!» Но я уже отошел и направился в вагон*. Со мною вместе ехало несколько молодых солдат моего батальона. Они сразу узнали меня: «А! папаша! а мы думали, что ты уж помер». Они по-прежнему обошлись со мною очень дружелюбно: помогли вскарабкаться в вагон, усадили к окошку, один даже принес мне парочку яблок. И потом во всю дорогу до Минска они служивали мне: приносили со станций кипяточку, покупали для меня хлеба и проч. От них я узнал о плачевной судьбе нашего батальона. Часть ударных батальонов, как известно, ушла с фронта на Дон, где потом они влились в Добровольческую армию, часть же была разоружена и расформирована. Последняя участь постигла и мой, 5-й ударный батальон. Очень рад, что мне не пришлось быть свидетелем этой печальной процедуры.

Вагон, в который я попал, так набился солдатами, что пошевелиться в нем не было возможности: сидели на лавках, на полу, на полках для спанья, на полках для кладь, на площадках, на крыше. Хотя этот поезд был санитарный, но в нем ехало гораздо больше здоровых, чем больных и раненых. Так, в страшной давке

---

* Своим в Харьков я писал незадолго до своего отъезда с фронта: «Армия на фронте живет сейчас на положении института благородных девиц. Нас тщательно оберегают от всякой литературы, могущей "смутить наш душевный покой". Только большевистские листки и газеты доходят до нас, а все остальное тщательно задерживается и уничтожается на пути. "Русское слово" продается в Минске, как нелегальщина, из-под полы, по рублю и дороже за номер. Вчера удалось добыть один № (за 23.XI), и я теперь, по крайней мере, хоть что-нибудь знаю о том, что делается в России и за границей. А до тех пор, кроме большевистских воззваний, самовосхвале[ни]й и ругани по адресу других партий, — я в газетах, нам доставляемых, ничего не читал». [Прим. автора].

и духоте я доехал до Минска. Из Минска я хотел направиться прямо в Харьков к Наде через Гомель. Но тут я услышал впервые о трениях между Великороссией и Украиной, из-за которых путь у Гомеля на протяжении нескольких верст был разобран. Я напрасно просидел на минской станции Либаво-Роменской ж. д. до глубокой ночи. Когда окончательно выяснилось, что через Гомель ехать нельзя, тогда я решил направиться в Харьков кружным путем через Москву. Я взял свои пожитки и пошел на другой минский вокзал — Александровский. На спящих улицах было пустынно и тихо. Я еще не вполне оправился после болезни и идти мне, да еще с ношей, было трудно. К счастью, подвернулся ночной извозчик, который за целковый довез меня до Александровского вокзала. Я приехал туда как раз к отходу поезда на Москву. Прозвенел третий звонок, когда я через пассажирскую залу пробрался на платформу. Я вскарабкался в первый попавшийся вагон, причем в самый вагон пролезть уже было невозможно, а пришлось примоститься на холодной площадке, стенки которой были запущены инеем. Едва я влез на нее, как поезд тронулся. По мере движения вглубь России, народу в вагонах становилось все меньше. Особенно много слезало на узловых станциях, а новых пассажиров подсаживалось мало. После Смоленска я имел уже возможность удобно поместиться на подъемной лавочке, выспался и так доехал до самой Москвы. Когда я в Смоленске купил себе 2 фунта серого хлеба и заплатил за них 1 р. 40 коп., то ужаснулся наступившей дороговизне. А мы так рассчитывали в феврале 1917 г., что с падением старого режима дороговизна перестанет расти! Но если бы кто-нибудь сказал мне в то время, что пройдет 5-6 лет, и фунт хлеба будет стоить не 70 коп., а 5-6, даже 10 миллионов рублей (а в начале 1924 г. даже 6 миллиардов), то я бы счел это сумасшедшим бредом.

В Москве на трамвае я переехал с Брестского²⁶ вокзала на Курский и там оставил на хранение свои вещи. А сам отправился повидаться с московскими друзьями и знакомыми. — Москва выглядела угрюмо. В разных местах попадались на глаза следы происходивших здесь в октябре уличных боев: зияли пробоины в стенах домов, виднелись на штукатурке стен следы пуль и шрапнельных разрывов. На улицах было тихо, буднично. Буржуазная печать еще существовала, но доживала свои последние дни. У моих друзей настроение было самое подавленное. Прежде всего я зашел к Соловым. Там я застал Сашу²⁷ и Диму. Они в то время носили еще офицерскую форму, даже с погонами. Димушка был ранен в уличном бою во время октябрьского переворота. Пуля завязла возле тазовой кости и так и не была вынута. К тому вре-

мени, как я приехал в Москву, он уже вполне оправился и ходил не хромяя. /.../ Вечер я провел у Вересаева²⁸ и переночевал у него; а на следующее утро поехал дальше — в Харьков.

Я боялся, что будут какие-нибудь задержки в пути из-за разгоравшихся в то время враждебных действий между Великороссией и Украиной. Говорили, что поезда задерживались подолгу в Белгороде, где производилась тщательная проверка документов всех едущих и осмотр их багажа. Мне с моими «ударническими» документами ехать было не совсем безопасно. Недавно еще в этих местах происходили бои правительственных войск с ударными батальонами, пробывавшимися к Корнилову на Дон. Но, на мое счастье, никакой задержки в пути не произошло, документов в Белгороде не потребовали, и вечером 12 декабря я благополучно прибыл в Харьков. На извозчике, которому пришлось заплатить 5 руб. (эта цена казалась ужасной), я доехал до Надиной квартиры на Бассейной.

Когда я вошел в переднюю, все бросились ко мне навстречу, обнимались, целовались. К великой моей радости, я увидел у Нади и Александра, который приехал в отпуск из Пскова, и Викентия, который окончательно вернулся с фронта²⁹.

Вот как мы съехались в Харькове после войны! Так ли мы представляли себе эту счастливую минуту, когда война начиналась?

Война была позорно проиграна. Борьба еще кипела на всех остальных фронтах, а Россия одна подло оставила своих союзников и вышла из борьбы. И это в такой момент, когда исход войны уже определенно намечился. /.../ Революция привела совсем не к тому, что мы от нее ожидали. Оставалась, правда, надежда на Учредительное Собрание, в котором большевики оказались далеко не в большинстве; но эта надежда была крайне слабая: зловещие симптомы нависли над этим несчастным Учр. Собранием — дни проходили за днями, а открытие его все отсрочивалось и отсрочивалось. А тут уже начало попахивать близкою гражданской войною. Передавали знаменитую фразу Троцкого: «Долой империалистическую войну и да здравствует гражданская война!» В Украине волновались самостийники. В Харькове я застал какое-то неопределенное положение: официально власть находилась в руках украинцев, но большевики разгуливали свободно и открыто подготовляли переворот. То, что предстояло претерпеть России, было вдесятеро горче того, что она уже претерпела: гражданская война, советский режим и голод измучили ее гораздо больше, чем трехлетняя «империалистическая бойня». Но я забегал уж слишком далеко вперед. /.../

Во время Святков произошел в Харькове переворот: власть перешла к большевикам. Вожди украинцев, как передавали, были захвачены и арестованы на какой-то вечеринке, где они «співали и танцювали» /.../. После этого начали хватать бывших офицеров царской армии. Тогда Викентий благоразумно скрылся из города и на некоторое время уехал на хутор к одним своим знакомым, родственникам хозяев того дома, где жили Смидовичи (этот хутор принадлежал будущему мужу Наташи, Льву Алексеевичу Запорожцу³⁰). Прожил Викентий в этом убежище до середины февраля. С момента перехода власти к большевикам открывается в Харькове длинный период обысков, реквизиций-конфискаций, уплотнений, выселений, дневных и ночных грабежей и прочих прелестей «земного социалистического рая». Для борьбы с грабежами организованы были из жильцов домов ночные самоохранны. Установлены были разные сигналы: рожками, свистками, электрическими звонками и т.п. — для предупреждения о грозящей опасности. По ночам обыватели начали группами дежурить на улицах. Впоследствии эта система дежурств была признана непригодной, потому что бандиты прежде всего захватывали и перевязывали эту смехотворную, невооруженную стражу, а затем уже спокойно приступали к своему делу. Тогда стали дежурить в подъездах домов за запертыми дверями, чтобы в случае опасности сразу поднять на ноги весь дом. Но все это мало помогало: грабежи, часто соединенные со зверскими убийствами, происходили то и дело. Один такой грабеж произошел недалеко от нас, на Чайковской ул., где была вырезана целая семья богатых евреев.

В ночь на 1 января продолжались еще уличные дежурства. Как раз между 11 и 2 часами ночи была моя очередь быть на улице вместе с несколькими другими такими же караульщиками. Я только на минутку забежал домой, когда часовая стрелка приблизилась к 12, поздравил всех с Новым годом, выпил рюмочку вина и снова пошел караулить. Так, в морозную ночь, на улице, расхаживая по скрипучему снегу от одного перекрестка до другого, я встретил Новый, 1918 год. /.../³¹

После большевицкого переворота наступил некоторый хаос в жизни Харькова. Коснулся он и гимназии. Учебные заведения изо дня в день заваливались кучею циркуляров, требовавших *немедленного* проведения разных реформ в советском духе. Выпол-

нять все эти циркуляры не было никакой возможности, тем более, что многие из них противоречили друг другу. Харьков в том году оказался столицей новой народившейся советской республики — так называемого Донкривбасса (т.е. республики Донецко-Криворожского бассейна)³². Министром народного просвещения этой республики являлся некто Жаков, бывший сельский учитель, человек довольно мягкий, гуманный и с виду немного жалкий³³. Он всегда ходил в косоворотке, под которою особенно была заметна его плоская, чахоточная грудь, в обтрепанных брючках и по-чему-то всегда забрызганном грязью пальтеце. У нашей гимназии с этим министром произошла маленькая коллизия. В то время к нам подал прошение о приеме в 7-й класс некий Грингауз, весьма великовозрастный еврей, за год до этого исключенный из другой харьковской гимназии. Педагогический совет, наведя справку о его летах (22 года) и о причинах его увольнения из гимназии, в приеме ему отказал. Тогда Грингауз обратился непосредственно к Жакову, и Жаков прислал нам бумажку: «Предписываю принять ученика Грингауза в 7-й класс». На это мы ему ответили тоже бумагой (тогда такие препирательства еще допускались): «Право приема новых учеников принадлежит исключительно педагогическому совету. Ни по каким распоряжениям со стороны, откуда бы такие распоряжения ни исходили, не может быть принят ни один учащийся». Тогда Жаков явился лично на ближайшее заседание педагогического совета и сказал: «Если вам не нравится слово "предписываю", то я могу заменить его словом "прошу"». Тогда директор, Н.Н. Кнорринг, поставил вопрос: «Имеются ли новые данные для пересмотра уже состоявшегося постановления?» Ответ получался отрицательный, и Жаков ушел ни с чем. Так Грингауз в нашу гимназию и не поступил. Каким мифом кажется этот достойный, независимый образ действий педагогического совета теперь, при новых, прочно установившихся хамских порядках в школе! (1924-1925).

В январе 1918 года возникло в Харькове по инициативе самого учительства интересное учреждение, т.н. делегатские собрания учителей всех средне-учебных заведений Харькова. Собрания эти создались для обсуждения текущих учебных и воспитательных дел и для выработки в нужных случаях общей линии действий во всех учебных заведениях. Это было очень полезное, вызванное самой жизнью, учреждение, особенно в ту бурную, революционную пору. Я всегда очень интересовался деятельностью этих делегатских собраний, а с следующего учебного года сделался его членом и потом вошел в состав его президиума. Большевицкие учебные власти, и в первый, и во второй период большевизма в Харь-

кове, эти делегатские собрания игнорировали, но их работе не мешали. Украинское правительство, как при Раде, так и при гетманщине, тоже их не трогало и даже до известной степени с ними считалось. Уничтожены они были только при Деникине белыми, как только они заняли Харьков летом 1919 года. Это тогда причинило мне большое, глубокое огорчение и заставило по отношению к белому учебному начальству занять такое же оппозиционное положение, какое я занимал раньше по отношению к красному. Об этом подробнее я расскажу ниже.

В связи с наступившим общим революционным хаосом начались и в гимназиях волнения учащихся. Разразились они сильнее всего в нашей гимназии, может быть, вследствие преобладания в ней еврейского элемента. Как осенью 1905 г. в Богородицке, как весной 1917 г. в Москве, так теперь в Харькове ученики предъявили требование допустить их представителей в педагогический совет с правом решающего голоса (это право было предоставлено им, как известно, несколько позднее правительственным декретом). Пережив уже дважды подобную бурю, я был вполне подготовлен к начавшейся внутри гимназии борьбе. Начались гимназические митинги. Я пожелал присутствовать на них, с тем чтобы возражать выступавшим там ораторам. Меня не допустили, выставив следующее основание для отказа: «Присутствие учителей на собраниях учащихся нежелательно и может быть допустимо только по особому каждый раз разрешению со стороны собрания». Вот до каких нелепостей договаривалась взбуряемая революцией молодежь: присутствие детей, даже с правом решающего голоса, на собраниях учителей — обязательно, а присутствие учителей на собраниях детей, даже без права решающего голоса, — недопустимо!.. Митинги в конце концов вынесли постановление о забастовке. Три старших класса перестали посещать уроки. Образовался, по образцу рабочих забастовочных комитетов, ученический забастовочный комитет, — кстати сказать, целиком состоявший из одних евреев. На педагогическом совете обсуждалось создавшееся положение вещей. Я настаивал на том, что никаких уступок под давлением забастовки не следует делать, что педагогический совет может принимать только такие меры, которые он считает полезными для школы, но никоим образом не такие, какие во вред школе вынуждаются у него детьми; ибо школа — не фабрика, где идет дело о материальных выгодах двух борющихся сторон, а воспитательное учреждение, целью которого является благо подрастающих поколений. Педагогический совет согласился со мною. Забастовка продолжалась. Забастовочный комитет выразил желание перего-

ворить со мною. Я охотно пошел навстречу этому желанию, но только с условием, чтобы переговоры эти велись в присутствии всей массы забастовщиков. Таким образом, состоялось несколько общих весьма оживленных собраний всех забастовавших классов. Я разъяснил им взгляд педагогического совета на создавшееся положение и подробно изложил им собственное мнение по данному вопросу. (Почему именно я против участия детей в педагогических советах). В конце концов эти мирные собеседования возымели свое действие, и забастовщики приступили к занятиям, отказавшись от своих требований. С тех пор порядок в гимназии со стороны учащихся при мне ни разу не нарушался. Во время всех вышеописанных трений взаимные отношения между мною и учащимися нисколько не испортились: все споры велись в самой корректной, вежливой форме. В следующем учебном году, при вторичном приходе большевиков в Харьков, ученики, в силу правительственного декрета, получили то право, которого они так долго добивались...

В целях борьбы с течением среди учащихся, которое казалось мне нездоровым, я организовал среди них общество, которое мы назвали «обществом защиты школы». Целью его было изучение основных вопросов школьного дела и идейная борьба за здоровую, с нашей точки зрения, школу. Я считал, что таким путем будущие граждане свободного государства лучше всего смогут приучиться к культурным формам идейной общественной борьбы. Но на это общество мои враги вскоре постарались распространить злую клевету: его почему-то они стали называть обществом защиты старой школы (добавили всего одно словечко!) и приписывали ему антисемитический характер. Действительно, большинство в моем обществе составляли русские (хотя было в нем и немало евреев) — но это отнюдь не говорило о каких-либо его антисемитических тенденциях. Мне очень легко было опровергнуть взведенную на меня клевету и перед лицом педагогического совета, и перед лицом родительского собрания, созданного специально по этому поводу.

Так оживленно, с своими маленькими бурями и неприятностями, текла жизнь в моей гимназии в первые месяцы 1918 года. В ее педагогическом совете тогда, к счастью, наблюдалось всегда большое единодушие. Были среди нас, учителей, правда, и не-симпатичные субъекты, подло лавировавшие между различными течениями, но таковых было немного. Сюда относился прежде всего батюшка отец Шаповалов, гнусная, иезуитская душонка, священнослужитель и марксист одновременно. Впоследствии он сыграл видную роль в устройстве так называемой «живой» церк-

ви, попав даже в состав ее верховного управления наряду с известным большевиком, проф. Покровским. Довольно подленьким и недобросовестным педагогом являлся еще учитель рисования Штейнберг. Он умел набирать массу уроков в разных учебных заведениях и везде систематически пропускал уроки; а с большевиками он сразу снюхался и вошел в дружественный контакт, малюя для них всевозможные плакаты. С ним наша гимназия, из-за постоянного недобросовестного пропуска им уроков, принуждена была в конце концов расстаться, хотя как преподаватель своего предмета он был недурен. Прочие педагоги были очень милые люди. Наиболее симпатичными мне были директор Н.Н. Кнорринг, учитель физики П.М. Ерохин и молодой учитель математики Н.Е. Подтягин. Кнорринг и Подтягин были настоящие европейцы в духовном смысле этого слова: в обоих, начиная с внешнего облика, чувствовалась настоящая европейская культура. Оба они сейчас проживают эмигрантами за границей: Кнорринг во Франции, Подтягин в Чехословакии. Ерохин был попроще, поглубже, настоящая русская, несколько мужиковатая, натура, человек в высшей степени прямой и необыкновенно сердечный.

/.../34

Немцы явились на Украину по приглашению нового, молодого украинского правительства: оно их призвало на помощь еще слабой Украине против захвативших ее большевиков. Немцы, конечно, этой оккупацией помогли больше всего самим себе. В сущности, я уверен, вся эта украинская самостоятельность являлась более немецкой, чем чисто украинскою затеей. Недаром распространилась тогда шуточная пародия на лермонтовскую «Колыбельную песню»:

Спи, младенец украинский,
Баюшки-баю, —
Охраняет штык берлинский
Колыбель твою.

Германия обязывалась оказать вооруженную поддержку украинской Раде для установления на Украине порядка и изгнания из нее большевиков. В вознаграждение за это она получала возможность сосать тогда еще богатую всякими пищевыми запасами Украину и облегчить свое материальное положение, становившееся чересчур критическим.

Немцы повели дело захвата Украины необыкновенно энергично. Сразу были двинуты не маленькие отрядики, а настоящие,

вполне достаточные боевые силы. Для вида (т.к. немцы объявили себя только союзниками украинцев) при них находились и украинские войска, но очень слабые и немногочисленные. Движение германских отрядов вглубь Украины (и параллельно с ним бегство большевиков) отличалось поразительной стремительностью. Не успели мы прочесть в газетах, что немцы захватили Киев, как уже распространились слухи (вполне правильные), что ими занята и Полтава; а затем скоро дошла очередь до Харькова.

В эти дни, когда немцы приближались к Харькову, анархия, грабежи и убийства в городе достигли кульминационного пункта. Мы целые ночи проводили начеку. Почти ежедневно узнавали мы страшные новости: там-то ограбили целый дом, связав жильцов и заперев их в подвале, там-то вырезали целое семейство богатых «буржуев», там-то застрелили и ограбили на улице нескольких мужчин и т.д. Иногда сплошь целыми ночами не приходилось спать. После 7-8 час. вечера уже страшно было выходить на улицу. А когда вечером изредка приходилось пробежать куда-нибудь поблизости, то страшно жутко было на совершенно пустынных улицах, да еще среди полной тьмы, т.к. электрические фонари не горели. /.../ К счастью, на нашей улице дело ограничилось только ложными тревогами. Но на ближайших к нам улицах было несколько случаев убийств и ограблений. Нервы у всех были так напряжены, что однажды в доме произошла настоящая паника, когда Галя Калистратова в клозете нечаянно громко хлопнула крышкой стульчака: показалось, что это выстрелили у нас под окнами. Грабители часто забирались в квартиры под видом милиции, якобы пришедшей для производства обыска; а затем командовали: «руки вверх!» и принимались грабить. Впрочем, и настоящая милиция, когда производила настоящие обыски, редко уходила с пустыми руками. Несколько наших знакомых в Харькове подверглись подобным ограблениям. На Бассейной у нас тоже однажды, 8 февраля, к сожалению, в мое отсутствие, был произведен обыск. Это произошло утром, когда я находился в гимназии. Тогда милиционеры забрали у Наташи сломанный ракетник, т.е. прибор для пуска ракет, имевший вид гигантского пистолета. Его привез ей с фронта Викентий в качестве военного сувенира. Насилу Сереже³⁵ удалось упротить вернуть эту невинную игрушку. Недалеко от нас, на углу Бассейной и Епархиальной, в доме Кореневых, обосновался штаб харьковских анархистов. Они там устроили себе что-то вроде форта. Над домом развевалось черное знамя с надписью: «Мсть за убитых товарищей». Часто можно было видеть, как туда на извозчиках провозились груды всяческого награбленного добра. Вооруженными

разбоями в Харькове занималась систематически даже та самая воинская часть, которой поручена была охрана города. Но в конце концов это было обнаружено, и в один прекрасный день вся эта рота была целиком арестована и разоружена. Борьбу с бандитизмом большевистские власти вообще вели энергично: только на первых порах у них не имелось достаточно средств для этого, да и подобрать подходящий честный и самоотверженный состав милиции для этого было трудновато. Особенно прославился в борьбе с бандитами энергичный тов. Кин, ставший тогда во главе харьковской милиции. Возвращаясь однажды из гимназии домой, я на Пушкинской встретил процессию арестованных: впереди верхом на коне ехал сам Кин, посреди улицы шла толпа солдат без оружия, а по бокам ее и сзади ехали конные милиционеры с ружьями. Это и были арестованные солдаты охранной роты.

В первый приход большевиков чрезвычайка (ЧЕКа) в Харькове не действовала. Ее заменяла работа какого-то тов. Антонова, обосновавшегося со своим штабом на Южном вокзале, на так называемых «седьмых путях». Туда приводили арестованных бандитов и контрреволюционеров и там же расстреливали. «Седьмые пути» — это были страшные слова для харьковцев в первые месяцы 1918 года. Туда нередко, вместе с бандитами и контрреволюционерами, попадали и просто состоятельные граждане (буржуи, по тогдашней терминологии), и их отпускали за выкуп, называемый мягко залогом. Попало туда между прочим также несколько видных харьковских горных инженеров, в том числе трое наших хороших знакомых: Фенин, Штединг и Соколов. Привезен был туда же и сошедший с ума инженер Стаковский, которого чуть не расстреляли на руднике. Миша в эти дни много бегал и хлопотал об освобождении своих захваченных товарищей. Побывал даже с этою целью на страшных «седьмых путях» в штабе грозного Антонова³⁶. Инженеров в конце концов выпустили за весьма солидный выкуп*. /.../

Настал март. Слухи о быстром приближении немцев распространялись и волновали всех. Правители города в конце концов откровенно заявили, что Харьков — в опасности, и приняли меры к охране жителей от возможных при отступлении войска грабежей и насилий. Были организованы временные дружины, которым раздали казенное оружие и патроны. Одна из таких дружин расположилась в зале моей гимназии, как в месте очень людном, в центре города. /.../

---

* Сейчас все трое: и Фенин, и Штединг, и Соколов — проживают эмигрантами за границей³⁷. [Прим. автора.]

В эти наиболее тревожные дни явились внезапно в наш дом рабочие с рудников, которыми заведовал Миша, чтобы арестовать его. Разумеется, этот честнейший и благороднейший человек ни в чем не был виноват. Просто произошла какая-то заминка с выплатой заработной платы, весьма естественная при тогдашнем хаосе и беспорядке (рудники были уже национализированы), и Мишу решено было притянуть к ответу как главного инженера. Как-нибудь оправдаться или урезонить рассвирепевших рабочих не было никакой надежды. Уже немало инженеров погибло таким образом. Разговоры были короткие: к стенке — и конец! К счастью, за Мишей явились в его отсутствие, и его успели об этом предупредить. Он скрылся в отдаленной части города, где жил потом несколько дней, никуда не показываясь, в квартире одних своих знакомых. Мы окольными путями навещали его и носили ему пищу. А требовавшие его ареста еще несколько раз наведывались на нашу квартиру. Надя сказала, что Миша уехал в командировку. Но они не поверили и установили даже дежурство у нашего подъезда, поджидая его возвращения.

А тем временем далекие пушечные выстрелы становились все ближе и слышнее. Утром 26 марта ст.ст. они загремели совсем близко с западной стороны Харькова: немцы наступали от Люботина. Когда стало ясно, что бой идет уже под самым городом («горячий бой под Холодной горой», о котором когда-то в шутку кричали газетчики-мальчишки), — тогда я распорядился, чтобы дети, собравшиеся на уроки в гимназии, шли по домам. Главные силы большевицкой армии, к счастью, отступали окольным путем, огибая город. По харьковским улицам бежали только разрозненные отдельные кучки, отбившиеся от своих частей, очевидно, ради мародерства. Бежали пешие, скакали конные, ехали на повозках. Смешно было глядеть на некоторые повозки, где рядом с ружьями и пулеметами примостились перины, самовары, швейные машины, балалайки. Я оставил гимназию последним. Когда я выходил из нее, помещавшаяся в ней охранная дружина открыла вдруг по какому-то невидимому противнику пулеметный огонь. Паника на улице произошла невообразимая: боевая стрельба в городе была тогда еще в новинку. Сшибая друг друга с ног, понеслись люди в разные стороны. Спотыкнувшаяся о трамвайные рельсы какая-то женщина упала да так и осталась лежать от страха посреди улицы. К счастью, стреляли прескверно, и от этой пулеметной стрельбы, продолжавшейся несколько секунд, погибла только одна извозчицья лошадь.

Выстрелы пушек раздавались все громче: выстрел — и разрыв, выстрел — и разрыв. Скоро поток бегущих большевиков

схлынул. Улицы жутко опустели. Наступил самый подходящий момент для выступления хулиганов и грабителей. Вооруженная охрана бодрствовала на всех улицах. Я в тот день дежурил до вечера с винтовкой в руках, охраняя Бассейную на протяжении от Епархиальной до Пушкинской. Сережа тоже вооружился винтовкой и стоял на караулах в разных пунктах нашего района. /.../

В шестом часу вечера пушечные выстрелы затихли. Ясное весеннее солнышко опускалось к закату. В это время я увидел бегущего по улице жильца нашего дома некоего профессора Жилиева (в настоящее время — эмигрант). С сияющим лицом подбежал он ко мне и, задыхаясь от радости, объявил: «Они вошли!» Вслед за Жилиевым ту же весть принесла Наташа: она бегала на Сумскую посмотреть, что там делается. Но у нее лицо было не сияющее, а, напротив, смущенное. Действительно, приход немцев для всего города был большим облегчением (для Смидовичей в особенности), но все-таки стыдно было ему радоваться: что-то унижительное и позорное для России чувствовалось в нем. Вверх по Пушкинской пронесся открытый военный автомобиль; потом проехало несколько всадников. Тут я в Харькове впервые увидел наших победителей и покровителей, против которых я еще недавно стоял в окопах на фронте. На другой день я увидел их на улицах в большом количестве: пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные войска. Некоторое время они стояли биваками на улицах и площадях, пока очищались казармы и другие здания для их размещения. Немцы были все те же, какими я их видел на фронте: в тяжелых стальных шлемах, в серо-зеленой защитной форме, тяжело навьюченные амуницией, — это бесподобное немецкое войско, которое едва-едва смогли сокрушить, да и то не столько силой оружия, сколько силой промышленности и денег, соединенные усилия почти всего мира.

Утром 26 марта, в то время, когда у холодногогорской заставы бухали еще орудия, Миша Смидович покинул свое убежище, где он скрывался последние дни, и с подушками и другими пожитками под мышкой пробрался наконец обратно в свою квартиру. Мы все облегченно вздохнули.

В Харькове немцы долго не задерживались. Оставив в нем достаточный для охраны города гарнизон, они стремительно продолжали наступать на восток. Прошло немного времени, и они захватили уже Ростов-на-Дону. Таким образом, вся Украина оказалась в их руках. Между Украиной и Великороссией, или Совдепией, как ее тогда называли, протянулся твердый немецкий фронт.

Немцы пришли на Украину якобы в качестве союзников и помощников украинского национального правительства. В действи-

тельности, они являлись настоящими хозяевами Украины, и их девятимесячное пребывание на ее территории было ничем иным, как оккупацией. Это мы все ясно почувствовали с первых же дней их вступления в Харьков. Заняв город, они быстро установили в нем спокойствие и порядок. Украинские гайдамаки, прибывшие в небольшом количестве вместе с ними, попробовали было немножко помародерничать, но были немедленно выставлены из Харькова, а несколько человек из них было расстреляно. Потом появился приказ (der Befehl) германского коменданта, требующий, чтобы начальники все прибывающих в Харьков украинских воинских частей немедленно, в тот же день регистрировались у него, коменданта, под угрозой, что иначе эти воинские части будут рассматриваться как бандиты. Над зданием Дворянского собрания на Николаевской площади веял германский черно-бело-красный флаг. Украинскому правительству хотелось поскорее ввести всюду в официальное употребление украинский язык (в сущности, галицийское его наречие, малопонятное в русской Украине). На этой галицийской «мови» рассылались официальные бумаги и расклеивались объявления от властей. Но немцы не обращали внимания на это страстное желание своих союзников и, зная, что городскому населению во всяком случае понятнее русский язык, печатали свои приказы на русском языке с параллельным, увы, не украинским, а немецким текстом. /.../

С вступлением немцев в Харьков, как я уже сказал, сразу восстановился полный порядок. Еще не затихли выстрелы у Холодной горы, а перед многими домами, — между прочим, перед домом Раковой напротив нас, — появились дворники и начали усердно подметать улицу и тротуары, не метенные уже больше месяца. Тротуары даже посыпали для чего-то песочком (вот истинно русское хамство!). Грабежи, убийства, обыски, принудительные выселения и вселения — все это прекратилось сразу, точно ножом обрезало. По ночам мы снова получили возможность раздеваться и спать в своих постелях спокойным сном. Так приятно было, укладываясь вечером, думать, что можешь себе спокойно дрыхнуть до утра! Всякие ночные дежурства в караулах были отменены. И потом это спокойствие ни разу не нарушалось до самого ухода немцев из Харькова. /.../

По отношению к харьковскому населению немцы вели себя в высшей степени корректно: ни малейшей грубости или надменности в обращении с русскими, ни малейшего самоуправства. Немцы старались как можно менее задевать интересы обывателей. Заняли только казармы и некоторые брошенные частные здания, несколько гостиниц и лишь в исключительных случаях

прибегали к реквизиции комнат в частных квартирах. Штаб их ландверной дивизии занял тот самый дом Кореневых на углу нашей улицы, где раньше помещалось гнездо анархистов. Дом, по уходе этих последних, оказался в невероятно загаженном виде, и на очистку его и дезинфекцию потребовалось несколько дней. Повсюду немцы провели свой собственный военный телефон, а гражданам предоставили беспрепятственно пользоваться городским телефоном. Точно так же при них все время регулярно работала электрическая станция, и мы по вечерам не сидели со свечами в полутемных комнатах. Обыватели снова получили возможность ходить по улицам во все часы дня и ночи. Одним словом, Харьков при немцах чувствовал себя недурно. Далеко нельзя того же сказать про деревню. Из деревни немцы усердно и жестоко принялись выкачивать всякие продукты: хлеб, сало, сено, овес и проч. Целые товарные поезда потянулись с этим добром в Германию, а мужички и хуторяне оставались с ничего не стоящими бумажными деньгами на руках³⁸. /.../

На Святой неделе произошел в Киеве переворот: Украина, номинально оставаясь республикой, фактически сделалась монархией под главенством гетмана. Я не сомневаюсь, что переворот этот был произведен по почину и не без помощи немцев: действовать на Украине через гетмана им было гораздо удобнее, чем через многоголовую Раду. Политические украинские деятели (дйачи) — все эти Грушецкие и Петлюры, призвавшие немцев, — принуждены были стусеваться. Гетманом стал бывший генерал царской службы Скоропадский. Он вскоре совершил поездку на поклон к своему высокому сюзерену, императору Вильгельму II. Потом в Харькове, в книжных и писчебумажных магазинах, продавались открытки с изображением этого свидания. По этим открыткам сразу было видно, кто тут вассал, а кто — сюзерен.

Началась украинизация государственных учреждений и школ, нужна не столько украинскому народу, сколько опять той же Германии. Велась эта украинизация при гетмане довольно вяло и неискусно. Чувствовалось, что под всем этим движением не хватало настоящей, жизненной почвы. Организованы были курсы украинского языка, введено было преподавание украинского языка в школах, открыли даже специально-украинские учебные заведения, но не хватало ни хороших лекторов, ни хороших учителей-украинцев. Завелись желто-голубые украинские флаги, вся официальная переписка велась на украинском (галицийском) языке; но на всех съездах и заседаниях волей-неволей переходили на един-

ственно всем понятную русскую речь. Помню, тогда вскоре после Святков приезжал в Харьков какой-то важный чиновник министерства народной освіти (что-то вроде товарища министра), и все харьковские учителя были созваны в помещении учебного округа для выслушания программы нового министерства. Приехавшее высокое лицо начало свою речь на украинском языке, но после двух-трех фраз перешло на русский язык, увидев, что так беседовать будет удобнее. /.../ В общем, украинско-немецкое иго хотя и давало себя чувствовать, но по сравнению с тем, что мы пережили до него и особенно после него, оно вспоминается теперь как режим достаточно либеральный и культурный. Печать тогда пользовалась значительной свободой. Во всяком случае, она не ограничивалась одними газетами, правительственными или состоящими на содержании у правительства.

В самом конце мая ст. ст. состоялся в Киеве интересный большой педагогический съезд, состоявший из двух секций: учительской и родительской. На этот съезд из Харькова от учительского профсоюза было послано 6 представителей; из этого числа трое принадлежали к педагогическому совету моей гимназии, а именно: Кнорринг, Ерохин и я. В Киев мы приехали поздно ночью. Для приезжих делегатов были отведены помещения в пустующих по случаю летних каникул учебных заведениях. Харьковских делегатов поместили в одной из мужских гимназий. Мы разместились в пустых классных комнатах, где рядами были расставлены койки.

Опять я увидел милый мне по воспоминаниям, красивый Киев. Он был все такой же, как и раньше. Только кое-где виднелись следы происходивших в нем боев. Громадная пробоина зияла в старинном Софийском соборе. Впоследствии, в гражданскую войну, Киеву пришлось пострадать гораздо сильнее, но я его потом уже не видал.

Заседания съезда открылись утром в день моего приезда. Оба съезда, родительский и учительский, заседали отдельно, в двух разных помещениях, даже на разных улицах. Но несколько наиболее важных заседаний были проведены совместно. Все эти заседания в украинской столице, под боком у ясновельможного пана гетмана, велись на русском языке. Кое-кто из «ширых» украинцев пытался говорить по-украински, но это были редкие исключения. Съезд вышел очень дельным и интересным, и я очень был рад, что попал на него. Это был *последний* на моей памяти настоящий педагогический съезд. Подчеркиваю оба слова: «педагогический» и «съезд». Ибо то, что теперь обыкновенно покрывается этим именем, во-первых, не имеет в себе ничего педагогического (а одну только осточертевшую всем политическую агитацию), а во-вто-

рых, лишено существенного признака съездов — свободных прений. Теперь насильно сгоняемые на такие съезды учителя выслушивают только доклады, аплодируют и единогласно (всегда единогласно!) принимают заготовленные заранее резолюции. От всех наших теперешних съездов несет мертвечиной. Ну, а в то время допускались еще прения — даже самые откровенные, идущие не по шерсти властям, и резолюции не изготовлялись заранее, а выработывались тут же и по-настоящему, добросовестно голосовались*. Из прений особенно интересны были те, которые происходили по вопросу о преподавании родной речи и в результате которых была вынесена резолюция, ставившая твердые пределы поползновениям неумеренно-«ширых» украинцев. /.../³⁹

Во второй половине августа возобновились после летних каникул учебные занятия. С начала этого учебного года во всех харьковских школах начала усиленно проводиться украинизация. Я в том году, кроме исполнения инспекторских обязанностей, стал давать еще в разных классах уроки русского языка. Работы у меня сразу прибавилось. И я был рад этому. Преподавать русский язык в те годы было очень трудно. При большевиках держалась новая орфография, введенная еще при Временном правительстве. При украинском правительстве вернулись к старой орфографии, потому что почти совсем не имелось учебников, напечатанных по-новому. Потом, когда снова пришли большевики, опять была введена новая орфография; а когда большевиков прогнали белые, опять восторжествовала старая орфография; так продолжалось до нового возвращения большевиков, когда окончательно установилась новая орфография (к тому времени наконец появилось и достаточное количество учебников, напечатанных по-новому). Этот спор между двумя орфографиями принял совершенно нелепый, политический характер: одна считалась «белой», другая — «красной». На грамотности детей эти дерганья из стороны в сторону отражались самым пагубным образом. А тут еще подвалила украинская мова, очень похожая на русскую, и стала еще более сбивать детское письмо с истинного пути. Безграмотность во всех учебных заведениях надолго свила себе прочное гнездо. Да и вообще, образование в эти годы в России страшно упало. Вместо того, чтобы мощно двинуться по пути

---

* Теперь резолюции обыкновенно голосуются так: председатель спрашивает: «Кто против данной резолюции?» Разумеется, никто не рискует голосовать против; тогда председатель торжественно провозглашает: «Резолюция принята единогласно». [Прим. автора.]

прогресса, как мы этого ждали весной 1917 года, Россия, наоборот, стала быстро пятиться назад, и чем дальше, тем все более заметным становилось это наше культурное одичание. /.../40

В октябре неожиданно приехал ко мне из Москвы кн. Ал-др Евг. Трубецкой⁴¹. Под фальшивым именем товарища Трубникова он пробирался на Дон, чтобы зачислиться там в Добровольческую армию. Запись в нее тогда потихоньку велась повсеместно на Украине. Целая особая организация работала с этой целью в Харькове. Этой организации* удавалось не только переправлять на Дон все новые партии добровольцев, но также и боевые припасы, солдатскую амуницию и проч. Ухитрились даже украсть и переправить на Дон в разобранном виде целый военный аэроплан⁴².

Враждебные действия между белыми и красными начались еще с весны. Осенью они приняли уже значительные размеры, как на Кубани, так и в Приуралье и на севере России. Разгорелся на юге, на территории Украины, мешала немецкая оккупация. В том же году произошел известный мятеж уезжавших на родину через Сибирь чехословацких войск. С чехами соединились войска, стоявшие за Учредит[ельное] Собрание. Таким образом, все сильнее разгоралось пламя гражданской войны. Александр и Иван⁴³ оказались в войсках Колчака. Шурка Величкин⁴⁴, бросив гимназию (6-й класс), зачислился в чехословацкие войска по службе связи, и вообще вся семья Величкиных связывает с этого времени свою судьбу с судьбой чехословаков**.

Ал-др Евг. Трубецкой приехал к нам на Бассейную неожиданно поздно вечером. Я очень изумлен был его появлением. Конечно, я упросил его остаться у нас переночевать и, если нужно, пожить несколько дней. Прежде всего он сообщил мне, что Саша и Дима Соловые (от них я давно уже не имел писем) сидят в Бутырской тюрьме, захваченные по какому-то подозрению ЧЕКОЙ как бывшие царские офицеры. Затем рассказал, как ему самому удалось удрать из Москвы, и с какою целью он направляется на юг. Надя распорядилась разогреть уже убранный ужин. При виде обильных и питательных яств, поданных на стол, Ал-др Евг. сказал: «От всего этого мы в Москве давно уже отвыкли». Особенно его изумляло то, что у нас есть еще мясо и белый хлеб по сравнительно недорогой цене (французская булка тогда в Харькове стоила 50 коп.). По тому аппетиту, с которым он набросился на еду, видно было, какой действительно голод испытывали в то время москвичи. Я прямо опасался, что Ал-др Евг. забо-

* В которой деятельное участие принимал Викешка. [Прим. автора.]

** Обд всем этом я узнал гораздо позднее, года через три. [Прим. автора.]

леет от неумеренного пожирания мясных котлет, которые тогда ему были поданы.

Ал-др Евг. рассказал нам о том, что делалось в последнее время в Великороссии. Там социалистический рай был уже близок к своему полному осуществлению: земли, фабрики, заводы, дома были уже национализированы, частная торговля прекращена, и торговали только потихоньку, из-под полы, с риском попасть за это в ЧЕКУ. Начинался настоящий голод. Не хватало топлива. Жизнь в Москве быстро замирала. После полумертвой Москвы Ал-дра Евгеньевича поразило оживление на улицах Харькова. Мы тогда не подозревали, как близко было время распрощания благ «социалистического рая» и на Украину.

Ал-др Евг. прожил у нас дня три и поехал дальше на Дон. У меня долго болела душа за судьбу Саши и Димы. О том, как кончилось их сидение в ЧЕКЕ, я узнал только через два месяца, когда таким же образом, как А.Е. Трубецкой, явился ко мне внезапно сам Дима Соловой, также пробиравшийся на Дон.

В октябре 1918 г. западный фронт немцев, наших бывших врагов, а в то время уже союзников и покровителей, затрещал по всем швам. Вместе с тем наступила революционная буря внутри Германии. Вспыхнули в разных ее городах рабочие и матросские бунты. Германский народ явно надорвался в неравной, более чем четырехлетней, борьбе. 9 ноября Вильгельм II отрекся от престола, власть перешла к временному правительству, которое и заключило перемирие на самых тяжких для Германии условиях: Германия выдавала союзникам всю свою тяжелую артиллерию, весь подводный флот, лучшую часть своих транспортных средств и в две недели обязывалась очистить Бельгию и северную Францию, оставляя там в руках победителей все свои колоссальные военные склады. Когда эти условия были приняты, генералиссимус Фош, командовавший всеми сухопутными силами Антанты, отдал приказание о прекращении военных действий. 11-го ноября н.ст. в 11 часов утра перемирие вошло в силу, и на всех фронтах смолк наконец грохот пушек. Великая война кончилась. /.../

В число условий заключенного перемирия входило очищение австро-германцами всех занятых ими во время войны чужих территорий, в том числе и Украины. Немцы, действительно, начали вскоре из нее эвакуироваться. Но вставал вопрос: кто же будет теперь поддерживать порядок на Украине? Власть гетмана как немецкого ставленника сразу пошатнулась и вскоре окончательно пала. Скоропадский бежал за границу. Тогда опять восстанови-

лась ненадежная, шаткая власть Рады и всплыл как вождь народной Украины Петлюра. На короткое время петлюровцы захватили власть повсеместно в Украине. В Харькове и Харьковщине распоряжался петлюровский полковник Балбачан. Но за время немецкой оккупации украинское правительство не сумело организовать своей самостоятельной военной силы: их войска были по-прежнему малочисленны и носили какой-то «опереточный» характер. Ясно было, что эти войска не смогут удержать натиска с севера изголодавшихся большевиков-москалей, которым Украина с ее хлебом, сахаром, углем и скотом была теперь еще более нужна, чем раньше немцам. А немцам теперь, не было никакого расчета охранять украинские границы, и большевики там и сям стали просачиваться сквозь них. Зловещие слухи об этом скоро распространились по Харькову. В воображении нашем опять воскресли выселения, уплотнения, реквизиции, убийства, аресты, грабежи, работа чрезвычайки (ЧЕКи) и проч. Правда, в то же время передавались слухи, будто французы и англичане готовят десант с Черного моря, чтобы оккупировать временно Украину с юга. Действительно, кое-где показались англо-французские суда у русских берегов, кое-где представителями этих держав в России сказаны были речи, обещающие спасение; в Одессе даже на самом деле высадился значительный французский десант. Легковерные головы передавали, что уже видели английские и французские отряды в Синельниково, в Лозовой, в Мереве⁴⁵... А тем временем просачивание большевиков с севера продолжалось. Слабые украинские части явно не в состоянии были их задержать. Это были уже не слухи, а факты.

Тогда, опасаясь новых насилий, издевательств и грабежей, мы решили на время (пока не придут союзники) удалить из Харькова, по крайней мере, наших женщин: Надю и Наташу — и вместе с ними отослать кое-что наиболее ценное из нашего имущества. Они поспешно собрались, взяли с собою лучшее из одежды, а также все серебро и отправились в Новочеркасск к Зубриловым⁴⁶, надеясь у них переждать эти, как мы все тогда предполагали, несколько недель тяжелого переходного времени. Миша, я, Витя и Сережа, провожая их, прощались с ними ненадолго.

Но дела принимали оборот совсем не такой, какой мы ожидали. Французский десант дальше Одессы не продвинулся, немцы быстро уходили, а с севера по всему фронту началось наступление большевиков. Одновременно с этим подняли голову все большевицкие элементы в Украине, и в Харькове в частности. В Харькове большевики открыто собирали свои митинги и в изобилии распространяли свою литературу. Сначала украинские власти к

выступлениям большевиков относились терпимо; но потом стали запрещать их собрания и один их большой митинг в театре разогнали даже вооруженной силой. После этого в Харькове произошла всеобщая забастовка рабочих на городских предприятиях. Мы несколько дней оставались без трамвая, без электрического света, даже без воды в водопроводе; перестала действовать и канализация. Можно себе представить, как тяжело переживали это городские жители, а особенно несчастные больные по больницам. В ватерклозетах не спускалась вода, и в домах, где была устроена канализация, в эти дни стояла невообразимая вонь. Мою гимназию, как и большинство других учебных заведений, пришлось, по этой именно причине, временно распустить. Тогда Балбачан поставил забастовщикам ультиматум: если электричество и вода не будут поданы городу к определенному часу такого-то дня, то он займет электрическую станцию и водопровод войсками, арестует главарей забастовки и расправится с ними по законам военного времени. Ровно за час до назначенного в этом ультиматуме срока заработало электричество и пошла вода. Таким образом, порядок в Харькове был восстановлен. Так как подобные городские неурядицы больно задевали и немцев, еще не успевших оставить Харькова, то и они решили содействовать поддержанию порядка. От немецкого командования появились расклеенные повсюду на красных бумажках объявления, предупреждавшие, что оно не потерпит никаких нарушений в городе тишины и спокойствия и в случае надобности беспощадно будет применять военную силу. Вместе с тем оно сочло полезным продемонстрировать эту силу: весь немецкий гарнизон был выведен на улицы и продефилировал по ним с музыкой. Получилось, действительно, внушительное зрелище. После этого, вплоть до занятия Харькова большевиками и окончательной его эвакуации немцами, в нем сохранялись полное спокойствие и порядок: все городские учреждения: школы, почта, трамвай, освещение и проч. — функционировали без малейших заминок.

Но если удалось водворить порядок в городе, то это совершенно недостижимо было на обширном пространстве деревенской Украины. Там большевицкие элементы от слов уже перешли к действиям. Со всех окрестностей потянулись в Харьков беженцы: хуторяне, помещики, управляющие, государственные служащие. Явились беженцы и на нашу квартиру. /.../

Витя и Сережа уехали на Дон в начале декабря ст.ст. Сережа решил во что бы то ни стало, несмотря на свой юный возраст (ему было только 16 лет), поступить в Добровольческую армию. Витя уже давно числился в ней, служа в ее харьковском секрет-

ном бюро. В Добровольческую армию поступил и Наташин жених Л.А. Запорожец. 16-летний Сергунька еще летом надоедал своей матери просьбами отпустить его в добровольцы. А теперь, когда он переехал на Дон, его уже никак невозможно было удержать: он готов был на самые отчаянные шаги. Надя наконец сдалась и отпустила его. Он поступил вольноопределяющимся в артиллерию. Для подготовки его отправили из Новочеркасска в Армавир. Обо всем этом я и Миша узнали лишь много времени спустя, потому что с прибытием на Украину большевиков сообщения с Доном надолго прекратились.

Витя и Сережа уехали на Дон не вместе, а порознь: сначала Сережа, а потом, дня через три, Витя. Сережа уехал вечером. Это были очень снежные дни. Снег валил в таком изобилии, что в городе приостановилось движение трамваев, а поезда приходили с большими опозданиями. С севера, где происходили военные действия, не прибывало никаких поездов, кроме военных. Слабые украинские (петлюровские) отряды постепенно отступали перед многочисленной армией большевиков. Фронт зловеще все более приближался к Харькову. Но выстрелов еще не было слышно. Из Харькова поспешно вывозилось военное имущество. Немцы эвакуировались самостоятельно, и от них в Харькове остались небольшие части, занимавшие по городу караулы у своих штабов и военных складов.

Сережу на вокзал проводил Миша. Домой он вернулся к ужину и был очень расстроен и сумрачен. Вся наша «бассейнская коммуна»⁴⁷ ужинала в столовой, когда в передней раздался звонок. Отпереть пошел Викентий. Вскоре из передней раздался его голос: «Дядя Сережа! Посмотри-ка, кто к тебе приехал!» Я выбежал из-за стола в переднюю и увидел там Димушку Солового. Он был в солдатской папахе, в солдатской шинели и с солдатским вещевым мешком за плечами. Весь он был обильно загужен снегом. Я страшно был рад увидеть его: я считал ведь его уже погибшим в чрезвычайке.

Он стряхнул с себя снег, разделся и прошел к нам в столовую. Утолив свой голод, он рассказал мне все: и как он вместе с Сашей сидел в тюрьме, каких они там насмотрелись ужасов (на их глазах заключенных часто уводили на расстрел), как их «выпустили» по амнистии к годовщине 25 октября, продержав, впрочем, после этого в тюрьме еще месяц с лишком; как после этого он решил немедленно удирать в Добровольческую армию, а Саша, опасно заболевший еще в тюрьме, остался в Москве с сестрой и

матерью. Передал мне поклоны от Трубецких, от С.А.⁴⁸, от Стази. Потом рассказал, с какими трудностями, с чужим паспортом, под видом возвращающегося на родину военнопленного, он пробрался через фронт у Белгорода, где его чуть не задержали, и как потом пешком в страшную метель, утопая по колени в снегу, он добрался до Харькова.

Несмотря на страшную усталость, он отнюдь не намерен был скоро лечь спать, и мы долго сидели с ним вдвоем в столовой, когда все остальные давно уже погрузились в сон. Димок был все тот же, каким я его всегда знал: простой, прямодушный, добрый и мужественный. Перенесенные им страдания, потеря богатства ничуть не озлобили его. Обо всем этом он говорил спокойно. Из всех молодых людей, которых я много проводил в том году в Добровольческую армию, он проявлял меньше всего озлобления и уклонения в черносотенство. Последнее, например, очень было заметно в Ал-дре Евг. Трубецком. Страдали также чрезмерной озлобленностью Викентий и Сережа. Димушка же, к моему удивлению, проявлял удивительную объективность и спокойствие в своих суждениях. Он произвел этим тогда очень хорошее впечатление на Мишу Смидовича. Димушка говорил мне приблизительно следующее: «Главное в теперешней революции — это переход всей земли в крестьянские руки. К этому дело шло давно, и разделить сделанное тут невозможно. С этим надо примириться. Но против установления социализма, да еще в его безобразных полуазиатских формах, за восстановление в России законного правительства вместо узурпаторского — следует бороться. Гражданская война — ужаснейшее зло. Но раз иного выхода для решения внутренних вопросов нет, то приходится идти на эту войну, в общем, отвратительную». Сравнивая спокойствие и объективность, с какими Димушка обсуждал теперь события, с тем раздражением, которое он проявил в феврале 1917 года, в самом начале революции /.../, я понял, что за последнее время, особенно, вероятно, за время сидения в тюрьме перед лицом возможной близкой смерти, он многое успел передумать и еще больше переживать.

Улегшись спать чуть ли не в 3-м часу ночи, мы и в постелях долго не замолкали, продолжая наш отрывочный разговор. Это свидание с Димушкой очень тогда освежающе подействовало на меня. Прожив в Харькове дня три-четыре, он с последним отошедшим из Харькова поездом уехал на Дон. Вскоре после его отъезда в Харьков вступили большевики. Менее чем через год, в июне 1919 года, Димушка был убит пулей в лоб во время боев у Царицына, состоя офицером конного кабардинского полка в

корпусе Врангеля. В Ростове, при проезде в армию, он успел повидаться со Смидовичами. /.../49

Ровно через неделю после получения писем о смерти Николая в Харьков вошли большевики. Это было 22 декабря ст.ст. Украинцы сдали его без боя. В городе до последнего момента, выполняя данное обещание, поддерживали порядок небольшие оставшиеся еще воинские части немцев. Утром в день вступления большевиков (они вошли вечером) я ходил в акцизное управление на Епархиальной улице по делу о получении сахара для учителей моей гимназии. Немцы, занимавшие большой пустой дом Коренева рядом с акцизным управлением, укладывались в дорогу. Мне по моему делу пришлось долго ждать. Я вышел на улицу. Немцы, навьюченные по-походному, выстраивались посередине улицы. Ко мне подошел один их офицер, и мы разговорились о печальном положении России. «Нехорошо, вы, русские, сделали, — сказал он мне, — что оставили свой традиционный союз с Германией и связались с другими союзниками. Вот и сами вы погибли, и мы теперь погибаем. А если бы мы крепче держались друг за друга, то весь мир не одолел бы нас». Я возражал ему, указывая на столкновение наших и немецких интересов на Ближнем Востоке. Он возразил мне: «А вы думаете, что ваши новые союзники вас туда пустили бы?» — «Конечно, пустили бы, — ответил я, — если бы мы остались им верны до конца». — «Ну, в этом я сильно сомневаюсь», — сказал немец, и на этом закончился наш разговор.

Большевики вошли в город, когда уже смеркалось. На улицах было тихо, совсем по-будничному, как будто ничего не случилось. Первый большевицкий автомобиль с красным флажком я увидел промчавшимся мимо нашего дома из окна нашей квартиры. Ночью все было спокойно. Укладываясь спать, я подумал: «Вот и опять мы под властью большевиков! А как верилось 9 месяцев тому назад, что мы их больше уже никогда не увидим!..» /.../50

Новый год начался с реквизиции нашей гимназии под казарму. Большевицких войск вошло в Харьков не больше, а наоборот, меньше, чем было немцев, но им почему-то казенных казарм и ранее реквизированных помещений оказалось недостаточно, и они принялись реквизировать под казармы и лазареты учебные заведения. Первая подверглась этой участи наша гимназия. Из классов еще не были вынесены парты, а уже в них на соломе рас-

положились солдаты. Н.Н. Кнорринг, П.М. Ерохин и я обили в те дни пороги многих новых учреждений, взывали о заступничестве к учебным властям и добились-таки того, что наша гимназия была очищена. Однако дамоклов меч реквизиции с того времени беспрерывно висел над ней, постоянно приходилось бегать, протестовать, хлопотать, постоянно появлялись какие-то комиссии ее осматривать, и в конце концов дамоклов меч опустился и гимназия была реквизирована под лазарет за два месяца до прихода белых. Впрочем, лазарет этот был только оборудован, но никогда не функционировал. В нем поселились одни санитары и канцелярские лазаретные служащие. Это, однако, не спасло от гибели часть наших классных парт, которые пошли на топку, — и нашего физического кабинета, который, несмотря на то, что дверь в него была замурована, оказался ограбленным. Это все случилось уже в конце учебного года, а в январе мы кое-как отстоялись.

Советские нововведения в школьном деле стали проводиться в этот приход большевиков гораздо энергичнее, чем в предыдущий. Из учебных заведений были удалены все предметы религиозного культа и закрыты все училищные церкви. Последние были обращены большею частию в театральные залы. Запрещено было читать молитвы перед учением и после учения. Поэтому я ввел в гимназии такой порядок перед началом уроков: при входе учителя все вставали, и затем наступала так называемая «минута тишины», когда религиозные дети могли тихо, про себя помолиться перед началом работы, а нерелигиозные — провести просто резкую грань между шумною беготнею и начинающимся тихим трудом. (Сейчас и это не допускается!) Вместе с тем, подобрав себе единомышленников среди родителей и учителей, я стал хлопотать об организации преподавания Закона Божия в церквях. Но тут, к великому моему прискорбию, я натолкнулся на паразитический индифферентизм и инертность духовенства. На словах, правда, батюшки мне очень сочувствовали, говоря: «всёконечно, всенепременно» и т.п., но на деле не проявляли никакой предприимчивости. Насколько мне известно, преподавание Закона Божия детям было организовано только при одной из харьковских церквей, да и то велось очень неаккуратно. А в то время советская власть этому нисколько не препятствовала: тогда еще не сделали всех логических выводов из положения, что «религия есть опиум для народа».

С января 1919 г. педагогические советы были преобразованы в школьные советы. Из последних совершенно были устранены родители, но зато в них введены были технические служащие (швейцары, истопники, уборщицы и др.), затем представители

пролетариата и, наконец, учащиеся. Таким образом, учащиеся получили то право, которого они так добивались с 1905 года. Представители пролетариата в школьных советах не показывались, по крайней мере, в тех школах, где мне приходилось работать. Насколько я слышал, это и везде оказалось только фикцией. От технических служащих у нас был выбран старик Базий, смотревший за ученической раздевалкой. Он всегда чувствовал себя на заседаниях очень неловко, сидел тихонько в уголку и хранил глубое молчание. Но в других школах бывали кое-где очень беспоконные представители технических служащих, которые внесли в педагогические советы много bestолковых и лишних разговоров. Учащиеся сначала очень дорожили вновь приобретенным правом и посещали советы аккуратно, но скоро им это надоело и они стали заметно уклоняться от несения этих новых своих обязанностей. Присутствие их на советах всегда очень затрудняло свободный обмен мнений между педагогами в тех случаях, когда дело касалось вопросов чисто педагогических. Понемногу стали обходить это затруднение тем, что чисто педагогические вопросы решали в неофициальных совещаниях без участия детей. Вот и все результаты реформы, из-за которой было столько волнений. /.../ Вместо директора и инспектора, новые школьные советы стали избирать из своей среды председателя и товарища председателя. Но тут изменение произошло только в названиях. При пере выборах председателем нашего школьного совета был избран Кнорринг, а товарищем председателя — я.

Настойчиво требовалось проведение в школе «трудовых процессов», т.к. школа называлась «трудовой». Но, по правде говоря, никто из самих реформаторов толком не понимал, что следовало разуметь под трудовыми процессами. Сначала стали заставлять самих детей убирать школьные здания, в связи с чем сократили до минимума штат технических служащих. Но эта уборка была, во-первых, очень плохая, во-вторых, отнимала у детей время, нужное для занятий и, в-третьих, была в высшей степени вредна для детей в гигиеническом отношении: просидев по 5 часов в душных классах, они еще после этого принуждены были в течение получаса или часа вдыхать в свои легкие поднимаемую при уборке злокачественную пыль. Нечего говорить, что никаких ассигновок на ведра, на швабры, на опилки, на все, что нужно для рациональной уборки, — казна не делала. От системы уборки школ детскими силами пришлось вскоре отказаться и восстановить в прежнем размере штаты технических служащих. В качестве одного из трудовых процессов пытались наладить в школе ведение всей канцелярской работы детьми, для

чего упраздняялась должность писмоводителей. Но тут пошла такая путаница, такая неразбериха, что не успели еще старые писмоводители покинуть свои места, как их позвали обратно, а детей выгнали из канцелярий. Других же трудовых процессов, не имея при школах участков земли и мастерских, ввести было невозможно. А потом, с увеличением общей хозяйственной разрухи, это сделалось совсем невыносимым. Так трудовые процессы потерпели крушение. Тогда стали толковать термин «трудовая школа» в том смысле, что она предназначается исключительно для детей трудящихся. Потом это толкование объявлено было ложным...

Обучение во всех школах, низших, средних и высших, было объявлено бесплатным. Это сразу поставило в самое критическое положение все средне-учебные частные заведения, которых в Харькове было очень много, — в том числе и нашу гимназию. Учащиеся повсюду сразу перестали вносить плату за право учения, а правительство взяло на свое содержание только бывшие казенные и городские школы. Учителя частных учебных заведений остались без жалования. Потребовалось много хлопот, чтобы восстановить оплату нашего труда. Разрешено было в частных учебных заведениях взимать плату с учащихся до конца данного учебного года.

Тем временем дороговизна продолжала бешено расти. Базары у нас в Харькове пока не были упразднены, но подвергались всяческому стеснению и часто разгонялись. Этим цены только подхлестывались. Взынчивали их и приезжающие скупщики продуктов из голодной Москвы. И без того бедный бюджет учителя начал быстро сокращаться до размеров нищенского. В учительских семьях началось недоедание и голодание. Чтобы как-нибудь пропитать себя с семьею, учителя перегружались работой свыше всякой меры, многие потащили на базар для продажи разные вещи из домашнего скарба. Как все это отражалось на школьном деле, легко себе представить.

Все школы были разделены на две категории: школы первой ступени (дети от 7 до 14 лет) и школы второй ступени (дети от 14 до 17 лет)*. Восьмые классы в гимназиях были упразднены, и только в виде исключения было предоставлено тогдашним восьмиклассникам окончить курс.

Все школы должны были стать смешанными, т.е. соединить в себе детей обоего пола. Для ускорения этой реформы предполагалось в Харькове механически перемешать все мужские гим-

---

* Впоследствии Украина уничтожила у себя школы II ступени и осталась при одних «семилетках». [Прим. автора.]

назии с женскими. Так, половину нашей гимназии (от каждого класса по половине) предполагалось смешать с половиною ближайшей к нам женской гимназии Черняевой. Слава Богу, прибытие белых помешало осуществлению этой безобразной затеи. Всякий, кто хоть немного знаком с системой совместного школьного воспитания, знает, какой осторожности оно требует и что во всяком случае оно должно начинаться не с среднего, а с самого младшего возраста. Нет ничего опаснее в смысле нервного и морального искалечения детей, как внезапное смешение детей обоих полов в переходном, так называемом критическом возрасте, да еще в современной развращающей обстановке.

Независимо от того, что дети получали доступы в школьные советы, они организовали еще под покровительством новой учебной власти свой особый «совет ученических депутатов», т.н. СУД, в подражание совету рабочих депутатов. У этого совета был свой исполнительный комитет (ИКСУД), в распоряжение которого учебное начальство [предоставило] машинистку с пишущей машиной и который имел собственные печать и штамп. Эти СУД и ИКСУД впоследствии как-то сами собой отцвели и упразднились. Но пока они существовали, много хлопот и горя приняли от них заведующие учебными заведениями. Я однажды был свидетелем следующей сценки. К инспектору 2-й мужской гимназии является делегация в составе двух гимназистов от ИКСУДа и заявляет, что зала этой гимназии сегодня вечером будет занята под заседание СУДа. Инспектор отвечает, что он не считает возможным предоставить залу для названной цели, потому что в ней на этот вечер назначено какое-то другое собрание. На это делегаты вынимают из кармана какую-то бумажку и подают ему со словами: «А эта бумажка вам ничего не говорит?» Я вместе с инспектором заглядываю в нее. Это, оказывается, распоряжение ИКСУДа, наремингтонированное на его бланке со штампом и печатью, *предписывающее* заведующему 2-й гимназии предоставить залу для таких-то целей. Прочитав бумагу, инспектор ответил, что она ему «ничего не говорит». Тогда делегация отправилась действовать «по инстанции», и вскоре по телефону из Народнообраза⁵¹ приказано было ее требование удовлетворить. Бывали случаи, что на глазах у директора или инспектора представители ИКСУДа отдавали собственные распоряжения и даже отменяли распоряжения гимназического начальства. У меня в гимназии начали было вывешивать без моего разрешения разные объявления и приказы от ИКСУДа, но я это немедленно прекратил, заявив, что иначе откажусь выполнять обязанности товарища председателя школьного совета (т.е. инспектора).

Четверги на каждой неделе объявлены были неучебными днями, в которые ученики должны были проявлять собственную инициативу, организуя развлечения или занятия по своему вкусу. Для учителей и для инспекторов это были самые трудные дни в неделе. Учащиеся по четвергам большею частью просто ничего не делали и даже не приходили в гимназию, а те, которые приходили, бегали по залам, по коридорам, галдели, дрались. В лучшем случае инициативу брали в свои руки учителя, и тогда еще кое-что выходило. Но это противоречило самой идее «свободных» четвергов.

Гораздо лучше шли занятия в ученических кружках. Я делал тогда безвредные опыты кружковой работы. Во-первых, я внимательно наблюдал за работой кружков вполне самостоятельных, без всякого вмешательства старших руководителей. В этих кружках по-настоящему даже и работы никакой не было, а была одна игра, немножко варьирувавшаяся по возрастам. Все дело ограничивалось выборами должностных лиц, разработкой подробнейших, громоздких уставов, собиранием денег, выдачею членских билетов и проч. В одном кружке первоклассников оказалось даже почему-то двое «главноуполномоченных». Существование этих кружков было, в общем, эфемерное: они отцветали и распадались в две-три недели. Но на место отцветших немедленно возникали такие же новые. Много в них происходило ссор, интриг, а больше всего бесполезного крика и игры. /.../

Совсем иная картина была в кружках, где имелся взрослый руководитель. Там уставы сводились к двум-трем самым необходимым правилам, выборы должностных лиц производились быстро и без интриг. Цели кружковой работы намечались самими учащимися, а руководитель только наблюдал, чтобы цели эти непременно достигались, и помогал детям в их достижении. Так, у меня хорошо проработали в течение целого года два кружка: литературный в 4-м и географический — в 3-м классе. С этих пор я убедился на опыте, что настоящие, плодотворные ученические кружки возможны только при взрослых руководителях. Исключения, конечно, найдутся, но для них требуется стечение особо благоприятных условий. /.../⁵²

От своих с Дона мы долго не получали никаких известий. Наконец они стали изредка доходить до нас, прорываясь самыми искусными контрабандными путями через фронт, на котором уже кипела борьба между белыми и красными. Мы с Мишей для пересылки писем на Дон пользовались услугами одного ин-

валида с деревяшкой вместо ноги. Он клал наши письма между коленкой и деревяшкой и таким образом дважды пробирался через фронт и доставлял нашу корреспонденцию по назначению. /.../

Уличных грабежей и убийств в этот приход большевиков в Харьков было меньше. Против бандитизма были с самого начала приняты самые действительные меры. Это не помешало, впрочем, бандитам совершить два-три ограбления в крупном масштабе. /.../

Но если во второй приход большевиков уменьшились грабежи и убийства, то значительно усилились так называемые реквизиции и работа ЧЕКи. Я нарочно к слову «реквизиции» прибавил «так называемые», потому что советские реквизиции вовсе не являлись реквизициями в настоящем смысле этого слова, т.е. отображением имущества за установленную правительством плату, — а форменным грабежом, т.е. насильственным отображением имущества без всякого вознаграждения. Отнималось все: пишущие машинки, домашняя утварь, одежда, пищевые продукты, мебель, белье, экипажи и проч. Владельцам в утешение оставлялись только квитанции, в которых значилось, что взято то-то и то-то. В некоторых случаях при производстве реквизиций сборщики ходили по домам, в других случаях граждане должны были сами сносить все в назначенные пункты. Больше всего мы опасались, что у нас реквизируют новое прекрасное бехштайновское фортепьяно (музыкальные инструменты реквизировали в первую очередь для вновь устраиваемых рабочих клубов и детских домов). Так как музыкальные инструменты не отнимались только у преподавателей музыки, то, по нашей просьбе, одна наша знакомая учительница музыки выдала наш рояль за свой и взяла на него на свое имя охранное удостоверение. Как удалось спасти также и наше пьянино, я сейчас не припоминаю: кажется, его тогда временно уступили в пользование тоже какой-то учительнице музыки.

Что касается до пиджаков, брюк, белья, столового, носильного и постельного, кроватей, стульев и столов, то этого добра у нас отняли тогда очень много. Требовалось, чтобы одежда и белье представлялись в исправном виде, или совершенно новые, или хорошо починенные. Миша самым добросовестным образом выполнял все эти требования, не допуская никакого лукавства. Я же, грешный человек, потихоньку вытаскивал из заготовленных им узлов лучшие вещи и заменял их самыми дрянными. Так однажды я спас почти совершенно новенький суконный Мишин пиджак, заменив его поношенным своим. Потом этот пиджак я перешил и долго носил, пока его у меня не реквизируют-таки уже в

Ростове (когда я лежал больной в тифу). У Миши была прекрасная большая пишущая машина Ундервуд. Когда была объявлена регистрация пишущих машин, я советовал Мише спустить свою машину в /.../ погреб или закопать где-нибудь в саду (такие закапывания тогда были в большом ходу). Но он не согласился и добросовестно зарегистрировал свою машину. Через два дня за нею с реквизиционным ордером явился какой-то еврей и увез ее.

Так совершался правительственный грабеж. Не удивительно, что после этого даже в психологии передовой интеллигенции произошел значительный сдвиг в пользу оправдания всякого казнокрадства или, по крайней мере, снисходительного к нему отношения. О простом народе и говорить нечего: и без того не особенно твердый в принципах уважения к чьей-либо собственности, он теперь окончательно распоясался. Расхищая казенное имущество, стали говорить: «Нас грабили, и мы грабим», или: «Мы только возвращаем себе маленькую часть того, что у нас отняли», или: «С паршивой овцы хоть шерсти клок» и т.п.*

Не довольствуясь взысканиями натурой, новая власть облагала еще город несколько раз денежными сборами, под названием контрибуций (вот тебе и мир без аннексий и контрибуций!). Контрибуции падали исключительно на буржуазные слои населения, а также на остатки капиталистических предприятий. Неуплата контрибуции влекла за собою арест и принудительные работы. За бежавших из Харькова буржуев отвечали их несчастные оставшиеся родственники, а за предприятия — их заведующие или заместители заведующих. Цинические приказы об этом, с поправкой элементарных законов справедливости, расклеивались на улицах. Часто можно было видеть, как проводились по улицам в тюрьмы толпы арестованных таким образом неплательщиков. Привелось эту горькую чашу испить и Мише. Сумму, выпавшую на общество, где он состоял главным инженером (правление все бежало), он не в состоянии был выплатить: наличных денег на эту сумму не имелось, а чеков на банки не принимали, т.к. банков уже не было. Тогда Мишу арестовали и с очередной партией неплательщиков отвели в тюрьму. Вели с площадной бранью, с грубыми издевательствами, подгоняя прикладами винтовок. Все наша «бассейнская коммуна» была сильно взволнована. Я носил Мише пищу в тюрьму. Его, впрочем, продержали недолго, согласившись удовлетвориться той суммой, которая в его конторе оказалась в наличности.

---

* Я сам впоследствии видел, как служащие ростовского Народообраза отламывали и уносили себе на топливо части казенной мебели. [Прим. автора.]

Теперь расскажу о работе чрезвычайки, поскольку о ней мог знать я, простой обыватель. Чрезвычайка, несомненно, принесла большую пользу в борьбе с бандитизмом: это зло нельзя было остановить иначе как только быстрыми и жестокими мерами. Обыкновенные суды тут никогда не помогали. Чрезвычайка в борьбе с бандитизмом сыграла такую же роль, какую некогда сыграли в борьбе с экспроприациями военно-полевые суды Столыпина. Неизбежны были тут, как раньше, так и теперь, ошибки, расстрелы невинных лиц. Но «когда тушат пожар, то не считают разбитых стекол». Так оправдывался Столыпин, так оправдывались и большевики. Но, кроме борьбы с бандитизмом, чрезвычайка вела еще борьбу с контрреволюцией, и эта ее деятельность преимущественно и сохранила за нею злую память. Немало тогда явных или только подозреваемых врагов советской власти было замучено в ее стенах. Редко кому, попав в это милое учреждение, удавалось выйти из него живым или морально и физически не помятым. Особенно свирепостью прославился в то время в Харькове чекист Саенко. Он расстреливал заключенных собственноручно⁵³.

Чрезвычайка помещалась тогда в громадном четырехэтажном здании, стоявшем посреди обширного пустыря на Чайковской. Раньше оно все было занято частными квартирами (там жили, между прочим, Кнорринги). Всех жильцов выселили, а комнаты и подвалы обратили в камеры для заключенных. Кругом этого дома были вырыты рвы и проведены проволочные ограждения. Каждый день на углу Пушкинской и Чайковской можно было видеть кучки людей, преимущественно детей и женщин, с узелками в руках: это родственники заключенных приносили им пищу и ожидали здесь, пока из чрезвычайки придут взять ее. Об условиях жизни в харьковской чрезвычайке я хорошо знаю от одного знакомого, который провел в ней (совершенно без всякой вины!) больше месяца. По его словам, самое удручающее в ней были не голод, не грязь, не вши, не теснота, а постоянное глумление над заключенными и происходившие около ее стен смертные казни: расстреливали тут же на пустыре и тут же закапывали⁵⁴. Впоследствии, когда пришли белые, эти трупы были выкопаны и перевезены на кладбище. — Для предупреждения контрреволюционных выступлений чрезвычайка прибегала к системе заложничества. О заложниках я читал когда-то, когда был гимназистом, у Цезаря в его «De bello Gallico»⁵⁵ и не думал, чтобы они были возможны в наше высококультурное время. И однако эта варварская система воскресла. Первые ее воскресили во время мировой войны немцы. А теперь во время гражданской войны ее стали широко практиковать боль-

шевики (*obsides capere*⁵⁶): за виновных расплачивались невинные. В Харькове было взято много заложников. Некоторые из них были расстреляны, в том числе популярный глава фирмы Жевержеевых, Сергей Николаевич Жевержеев. При отступлении из Харькова в июне того года большевики увезли его с собою и расстреляли в Сумах.

Несколько раз за время второго пребывания большевиков в Харькове ими устраивались всенародные гражданские торжества с шествиями, флагами, плакатами, музыкой. Хождение толп по улицам — это самый излюбленный вид советских народных празднеств. Сначала такие хождения в «новой, свободной» России являлись делом вполне добровольным: кто хотел, шел, кто не хотел идти, сидел дома. Но понемногу эти хождения стали обращаться в своего рода гражданскую повинность, из добровольных сделались принудительными. Все служащие, все рабочие, все учащиеся и учащие обязывались под страхом наказания принимать в них участие. Следили за тем, чтобы кто-нибудь не улизнул из шествия потихоньку. Тем не менее, уклоняющихся и еще более потихоньку улизывающих всегда набиралось достаточно, и ряды демонстрантов к концу церемоний значительно редели. Так, помню, во время одного из таких шествий совершенно растаял отряд нашего учительского профсоюза, и остался только со знаменем в руках один учитель Кничер, и некому даже было сменить этого несчастного.

Первым общенародным торжеством в Харькове после прихода большевиков были торжественные похороны нескольких их товарищей, расстрелянных петлюровцами при эвакуации Харькова. В торжестве участвовали войска и рабочие. Трупы расстрелянных вырыли и похоронили на Соборной площади посреди города, а над их могилою воздвигли уродливый деревянный мавзолей, окрашенный в красную краску. Этот мавзолей, сильно потом полинявший и сделавшийся бледно-розовым, простоял до прихода белых, после которого жители моментально растаскали его на топливо. Трупы же опять были вырыты и погребены на городском кладбище.

1 мая было отпраздновано в высшей степени торжественно. Я участвовал в процессии вместе с моею гимназией. Детский праздник в это 1 мая был организован вполне прилично. Неприятного в нем было только то, что он являлся принудительным. Детей не томили долгим стоянием и слушанием непонятных им, и притом еле слышных, речей и не таскали их целыми часами по пыль-

ным улицам. Все учебные заведения собрались в назначенное время к назначенным сборным пунктам и оттуда тронулись на Павловскую площадь, где объединились в одну огромную, сплошную детскую колонну. Движение производилось стройно, каждое учебное заведение заранее знало свое место в этой колонне и вступало в нее по сигналу распорядителей. На Павловской площади дети видели смотр войск. Отсюда детская колонна направилась в обширный Университетский сад. Как только хвост колонны вошел в его ворота, они закрылись, и никого больше в сад уже не впускали. Там оказались одни дети и учителя. Детям раздали угощения: хлеб, колбасу, яблоки, конфеты. Все это производилось в полном порядке у нескольких разбросанных по саду больших столов. Каждое учебное заведение по очереди направлялось к предназначенному для него угощательному пункту, сначала маленькие, потом старшие дети. Учителя тоже могли закусить хлебом и колбасой. Затем на полянках сада занялись играми и пением. Мне было очень приятно провести этот день на таком по-настоящему детском празднике. Я вернулся домой к обеду. Дети и мне из своих сладостей надавали конфет, орехов, яблок. Я потом угощал всем этим Мишу*.

Прибавлю, что все это детское первомайское празднество было организовано комиссией из учителей, выбранной за неделю до праздника.

Мне могут заметить: почему я так мало сообщаю подобных светлых фактов из времени советского режима в Харькове? Наверное, их было не так мало. — На это отвечаю: я стараюсь в своем изложении быть как можно менее тенденциозным. Но не надо забывать, что я пишу не историческую летопись, а летопись *моей* жизни, и что же делать, если на моей жизни советский режим отражался преимущественно своими темными сторонами! О его светлых сторонах, наверное, вспомнят и напишут благожелательствованные им рабочие и крестьяне. Я в то время, к сожалению, очень мало соприкасался с рабоче-крестьянской массой и не знаю, что она переживала, что чувствовала, как на все реагировала. Вероятно, в то время большинство ее чувствовало себя вполне улагодворенными. За простанородьем советская власть тогда

---

* Как-то странно сейчас (в 1931 г.) читать об этих праздниках с угощениями: они были возможны непосредственно после разорительной «империалистической бойни» и среди гражданской войны и абсолютно невозможны теперь, в период мирного «социалистического строительства», при «бурном», «неслыханном» развитии советской промышленности...(25.III.1931). [Прим. автора.]

очень ухаживала. Вот напр[имер], один образчик тогдашней демагогии. Все дачи в окрестностях Харькова были национализированы, и выезд на них регулировался властью. Дачи предоставлялись в пользование различным категориям граждан в следующем порядке: в первую очередь удовлетворялись лица больные, занимающиеся физическим трудом; во вторую очередь лица здоровые, занимающиеся физическим трудом; в третью очередь — лица больные, занимающиеся умственным трудом, и в четвертую очередь — лица здоровые, занимающиеся умственным трудом (буржуа устранялись совершенно). Таким образом, по пролетарской справедливости, здоровый дворник или здоровый бондарь в лечебном отношении имели преимущества перед больным учителем или больным писателем. Не удивительно, что няня Марья Варфоломеевна, приносившая нам всегда все, что говорилось на базарах, на улицах и в очередях, иногда сообщала: «А Ленин-то, говорят, очень хороший человек».

Один раз, во время второго пребывания большевиков в Харькове, мне удалось присутствовать на заседании совета рабочих депутатов. На этом заседании, посвященном вопросам международной политики, присутствовали все народные комиссары. На него были приглашены также с правом решающего голоса представители всех профсоюзов. От учительского профсоюза было командировано трое, в том числе я. Это торжественное заседание происходило в зале драматического театра на Сумской. Тут я увидел все наши харьковские политические знаменитости: и Рухимовича, и Межлаука, и Артема, и Раковского⁵⁷. Раковский, энергично жестикулируя, говорил пространную речь. Я слышал, что его считают выдающимся оратором. Но на меня его ораторское искусство не произвело большого впечатления. Речь его длилась более часа. Он говорил о захвате Бессарабии Румынией, о том, что рабоче-крестьянская республика никогда не примирится с этим захватом (этой части его речи я весьма сочувствовал). Далее излагалось внутреннее политическое положение главных врагов РСФСР'а — Англии и Франции. Поток речи продолжал литься плавно, но логика начала изменять оратору. Сначала он говорил, что во время империалистической войны, в то время как трудящиеся стонали от нее, на буржуазию Англии и Франции лился золотой дождь от заказов военной промышленности; а несколько минут спустя, очевидно, забыв только что сказанное, он уже уверял, что в настоящее время буржуазия Англии и Франции выжимает все соки из пролетариата, чтобы вознаградить

себя за убытки, понесенные во время империалистической бойни. Нетребовательные слушатели, члены совдепа, рядами восседавшие в партере, дружно аплодировали оратору. Никаких прений по докладу не происходило, никаких вопросов докладчику не задавалось. Но у меня вертелся на языке вопрос: «Так какой же золотой дождь шел во время войны: *на* буржуазию или *из* буржуазии?» Конечно, я благоразумно от этого вопроса воздержался. Потом выступали другие наркомы и главковерхи. Я не дождался конца заседания, затянувшегося за полночь, и ушел домой. По улицам запрещалось ходить позднее 9 часов; но у меня в тот вечер был особый пропуск, как у члена совдепа, написанный на красной бумаге.

В одном из писем, полученном (конечно, контрабандой) одними нашими знакомыми от их родственников с Дона, говорилось: «Вы не подозреваете, как от вас близко спасение». И действительно, вскоре из Донской области началось наступление Белой деникинской армии сразу в трех направлениях: на восток, на север и на запад. Красные на всех трех направлениях потерпели поражение и начали отступать. Продвижение вперед белых быстро развивалось. Власти первое время скрывали поражения красных. Но слухи о них быстро распространялись по Харькову. Вскоре и в официальных сообщениях большевиков стали звучать тревожные нотки. Фронт явно, неуклонно подвигался все ближе к Харькову. «Буржуйские» сердца встрепенулись и повеселели. А чрезвычайка усилила свою работу. Ко мне в те дни часто заходила в гости моя бывшая ученица по Кирпичниковской гимназии Оля Краснопольская, отец которой служил в Добровольческой армии. Она приносила мне всегда самые интересные, волнительные слухи. В Харькове появились в большом количестве прокламации Деникина, возвещавшие о начавшемся наступлении и предлагавшие всем служащим в государственных учреждениях по-прежнему спокойно выполнять свои обязанности. Над городом время от времени летали уже аэропланы белых, и с них сыпались вниз, точно стаи белых голубей, бумажки прокламаций.

Положение становилось все более тревожным. Харьков объявлен был «красною крепостью». Началась всеобщая мобилизация харьковского населения. Власти всячески старались внести успокоение. Но всем становилось все более очевидным, что дела большевиков (или коммунистов, как они стали называться) — очень плохи. /.../

В это тревожное время происходили переводы учащихся из класса в класс и выпуск последних (8-х) классов, ибо был уже май месяц. Сначала нам в гимназию был прислан циркуляр, гласивший, что переводы должны производиться на основании годовых отметок по постановлениям школьных советов. Мы так и поступили: часть перевели, часть оставили. Таким же образом произвели выпуск учащихся из упраздняемого в этом году 8 класса: некоторым мы не сочли возможным дать удостоверение об окончании гимназического курса. С этим делом, с переводами и выпуском, наша гимназия торопилась, т.к. ее помещение, как я уже сказал, было реквизировано под госпиталь. Последние заседания нашего школьного совета происходили уже не в нашем помещении, а в I реальном училище на Старо-Московской. Занятия у нас кончились в первых числах мая (ст.ст.), тогда как в других гимназиях они продолжались после этого еще около двух недель.

И вдруг получаем новый циркуляр: перевести из класса в класс *всех* и дать выпускные свидетельства *всем* независимо от их успехов. В основе этого нового циркуляра, очевидно, лежала мысль, что старая школа настолько дрянна, что совершенно можно не считаться с ее аттестациями. Тогда наша гимназия принуждена была выдавать новые удостоверения о переводах и новые выпускные свидетельства. На этой почве произошло между президиумом нашей гимназии и Народообразом столкновение, чуть было не кончившееся очень плохо для меня и Н.Н. Кнорринга. Мы распорядились, чтобы новые свидетельства писались по следующей форме: «Такой-то переводится в такой-то класс на основании распоряжения Народообраза от такого-то числа за № таким-то», или: «Выдано сие удостоверение об окончании гимназии такому-то на основании распоряжения Народообраза от такого-то числа за № таким-то». Этим гимназия как бы слагала с себя всякую ответственность за неправильные переводы и выпуски. Но многих учащихся, получивших такие бумажки, особенно в виду ожидавшейся всеми перемены власти, они не удовлетворяли: очевидно было, что белые с такими свидетельствами не станут считаться. Тогда недовольные обратились с жалобой в Народообраз. Последний распорядился, чтобы гимназия немедленно выдала названные свидетельства «по установленной форме». Мы с Н.Н. Кноррингом ответили: советская власть отменила всякие официальные свидетельства и всякие «установленные формы». Но раз они восстанавливаются, как это видно из присланного распоряжения, то мы просим указать, каковы же именно эти «установленные формы». Нам прислали формулу, в которой значилось: «По постановлению школьного совета» (?) и т.д. Мы отвечали, что огуль-

ный перевод и выпуск всех учащихся сделан вовсе не по постановлению школьного совета, а по распоряжению Народобраза, и поэтому, выдавая удостоверения по предложенной форме, мы просто совершили бы подлог. Тогда нам пригрозили ревтрибуналом. Чем бы вся эта история кончилась, трудно сказать. Но тут уже загремели пушки под самым Харьковом. Весь Народобраз поспешно бежал...

Стремительно эвакуировались и прочие советские учреждения. Выехала чрезвычайка, увозя с собою харьковских заложников. На улицах происходила сутолока: грузились подводы и автомобили, и все это тянулось к вокзалу. /.../⁵⁸

На улицах было шумно и людно, как в ночь под Светлое Воскресенье. Там и сям попадались еще остатки только что кипевшего боя: убитые лошади с вывороченными внутренностями, трупы людей, точно приплюснутые к мостовой, разбитые повозки, рассыпанные патроны и т.п. Все это было убрано только на следующий день.

Этих ярких минут я никогда не забуду. Позднейшие события много горечи влили в эти воспоминания, но все-таки и по сей вечер 11 июня 1919 г. остается в моей душе, как яркая блесточка на сплошном черном фоне.

Всем почти нам, харьковцам, казалось тогда, что мы освобождены уже навсегда — и освобождены своею же русскою силой, а не чужеземною оккупацией, как это было при взятии Харькова немцами.

Все обитатели нашей «бассейнской коммуны» /.../ бегали, как и я, в эту ночь по улицам Харькова среди ликующей толпы. Эту искреннюю радостную встречу, которую Харьков устроил добровольцам, советская власть никогда не могла ему простить и жестоко за нее отомстила, когда Харьков опять попал в ее руки. /.../

Добровольцы вступили в Харьков 11 июня вечером, а 12 июня я уже был рядовым 3-й роты Дроздовского стрелкового полка⁵⁹. Запись новых добровольцев и зачисление их по ротам производились с необыкновенной быстротой, — конечно, тех только, которые проходили уже военную службу и не требовали предварительного обучения. У меня же имелось увольнительное свидетельство из 5-го ударного батальона.

Часть моей старой солдатской одежды была у меня еще цела. Выдали мне вновь только фуражку и гимнастерку и нашили дроздовские погоны (темно-пунцовые с буквою Д). Три дня

мне предоставили на устройство моих семейных и служебных дел*.

Первое время 3-я рота стояла в здании Дворянского собрания на Николаевской площади, расположившись в его залах, а потом ее, вместе со всем 1-м батальоном, перевели в казармы бывшего Тамбовского пехотного полка на Старо-Московской. Иногда мне разрешали ночевать у себя дома. Дроздовский полк, пока стоял в Харькове, нес караульную службу. Так как в городе оставались еще спрятавшиеся коммунисты, то на наши караулы часто делались нападения из-за угла. Было таким образом убито и ранено несколько солдат. Я часто в те дни стоял в караулах то у каких-нибудь складов, то на железной дороге.

Испорченную во время боев железную дорогу скоро починили, и в Харьков стали приходить поезда с Дона. Сначала шли бронепоезда и воинские эшелоны. С одним из бронепоездов приехали Викентий и Лев Алексеевич Запорожец. Викентий служил теперь в штабе армии, а Лев Алексеевич заведовал на одной из станций Донецкой дороги передвижением войск. За военными поездами стали прибывать пассажирские. Таким образом, получили возможность вернуться в Харьков Надя и Наташа (Сереза /.../ обучался в это время на артиллерийских курсах в Армавире). /.../

Вот это было радостное свидание! Столько было пережито в разлуке тревог и мучений! А тогда казалось, что теперь этим мукам наступил конец, а глазное, верилось, что «социалистический рай» к нам больше уже никогда не вернется. И как жестоко менее чем через полгода были разбиты эти наши надежды!.. /.../

Незадолго до возвращения в Харьков Нади и Наташи прошли в городе при огромном стечении народа большие торжества по случаю «избавления от ига». На Соборной площади было отслужено торжественное благодарственное молебствие, после которого крестные ходы прошли по всем главным улицам. На домах повсюду замелькали прежние трехцветные флаги. При этом должен заметить, что все эти флаги были вывешены добровольно: никто не заставлял, не «предлагал», как мягко выражаются, их вывешивать. В тот же день, когда совершилось всенародное молебствие, публика была допущена к осмотру бывшей чрезвычайки на Чайковской и раскопанных возле нее ям с трупами. Любили сильных ощущений, в числе их Миша, бегали смотреть эти

---

* Раскаиваюсь ли я теперь (1925 г.) в том, что тогда вступил в ряды Добровольческой армии? *Нисколько!* Теперь я более, чем когда-либо, сознаю, что тогда я стал на защиту *свободы*... Я тогда предвидел то *рабство*, в которое попал теперь. [*Прим. автора.*]

ужасы. Я не охотник до подобных зрелищ и ограничился чтением описания их в газетах.

Второе торжество происходило несколькими днями позднее по случаю приезда в Харьков главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала Деникина. Народ толпами стоял по Екатеринославской на пути его проезда с вокзала в собор. На Соборной площади состоялся парад войскам. А потом на приеме городских депутатов Деникин, при всеобщем воодушевлении, объявил, что он отдал приказ армии наступать дальше — на Москву.

Я в обоих этих торжествах не участвовал: в оба эти дня я стоял на караулах. Знаю о них только по рассказам других и по газетным описаниям.

Главные силы красных отступали от Харькова в северо-западном направлении на Богодухов⁶⁰ и Сумы. Отступление на север сделалось для них невозможным, т.к. одновременно с Харьковом белые взяли и Белгород. У Богодухова арьергарды красных оказали продолжительное сопротивление. После упорных боев Богодухов в 20-х числах июня (ст.ст.) был взят. Но вскоре после этого красные сосредоточили в этом районе большие силы, отбили Богодухов обратно и двинулись на Харьков. Создалось опасное положение. Тогда были двинуты навстречу им все наличные в Харькове военные силы. Выступил и наш Дроздовский полк. Таким образом, мне на этот раз недолго пришлось дожидаться боевых действий. 29 и 30 июня, 1, 2, и 3 июля произошли кровопролитные бои в районе Богодухова. Белые снова взяли его, а красные отступили на Сумы. Это был единственный большой бой, в котором мне удалось принять участие. Поэтому опишу его подробно.

Внезапный приказ о выступлении на фронт Дроздовский полк получил днем 28 июня. До тех пор предполагалось, что он простоит в Харькове на отдыхе не меньше месяца, т.к. не отдыхал еще ни разу с начала наступления. У нас в казармах на Московской начались спешные приготовления. Солдатам были розданы патроны. Запрещено было куда-либо отлучаться из казарм, хотя бы на самое короткое время. Я очень хотел известить своих о предстоящем выступлении, чтобы они пришли проститься со мною, но так и не смог этого сделать. 2-й, 3-й и 4-й батальоны нашего полка были двинуты на Богодухов с фронта по железной дороге через Люботин, а наш 1-й батальон по северо-донецкой

дороге двинули в Золочев, с тем, чтобы обойти красных с северо-востока*.

Когда уже зашло солнце, мы выстроились в походном снаряжении на Московской ул. против наших казарм. Первыми двинулись на вокзал (Южный) наши пулеметные команды. Затем, когда уже стемнело, тронулись мы. За нами потянулся обоз. Шли все время с песнями. В полночь наш эшелон отошел от Южного вокзала и через Основу направился на Золочев. Туда мы прибыли на рассвете. Здесь быстро выгрузились. К Богодухову, для скорости и сбережения сил, нас должны были доставить на крестьянских подводах, согнанных из Золочева и ближайших деревень. На каждую подводу садилось по 7-8 солдат. Когда солнышко всходило, наш поезд более чем из сотни подвод длинною лентой потянулся через Золочев на Богодухов. Солнце поднялось. День обещал быть жарким. В воздухе парило; по всему было видно, что будет гроза. Вперед нашего каравана проскакала конная разведка.

Часу во втором дня мы уже приближались к Богодухову. Впереди виднелся в низине с прудом и большим садом хутор Клиновой. А навстречу нам, постепенно заволакивая небо, ползла огромная, необычайно темная туча, в которой поблескивали молнии и погромыхивал гром. Вдруг молния несколькими зигзагами мелькнула по туче, и раздался оглушительный раскатистый удар. И точно это было сигналом к началу сражения, один за другим с неприятельской стороны бухнули два пушечных выстрела, и шрапнель разорвалась в двух местах высоко над нами. А с хутора Клинового быстро затрещала ружейная и пулеметная пальба. Пули на разные тоны запели и заныли в воздухе. Солдаты быстро соскакивали с телег и рассыпались по полю цепями. Повозки во всю прыть понеслись обратно и укрылись от выстрелов в ближайшей балке. Проскакала раненная, вырвавшаяся у пулеметчиков лошадь.

Между тем туча уже была над нами. Капнули первые крупные капли, и затем хлынул ливень, как из ведра. Сливаясь с раскатами грома, продолжали греметь пушечные выстрелы с каких-то невидимых нам позиций; бешено тархтели пулеметы и ружья в хуторском саду и вокруг него.

Наш обход, по-видимому, не удался. Красные нас, очевидно, с этой стороны ждали. Потом, когда мы взяли хутор Клиновой, я увидел там даже приготовленные ими небольшие окопчики.

---

* В этом я, конечно, разобрался впоследствии, по окончании всей операции.
[Прим. автора.]

Далеко где-то впереди и влево от нас гудела канонада: там наступали остальные батальоны нашего полка. Наш батальонный командир, полковник Туркул, проехал по цепям, отдавая приказания. Спокойствие этого человека под огнем было изумительное, и невольно в его присутствии сам становился спокойнее⁶¹.

Наступление наше началось при самых тяжелых условиях: на совершенно открытой местности, по вязкому черноземному свекловичному полю, под проливным дождем. Тем не менее, никто вокруг меня ничуть не был смущен и не волновался. Все делалось спокойно. И у меня в душе водворилось полнейшее спокойствие. Засаживая в винтовку обойму за обоймой, я стрелял по чуть видневшемуся за сеткой дождя неприятелю. Я сразу вымок насквозь до последней нитки и весь выпалелся в грязи (стреляли лежа); руки были в грязи, и потому грязь забивалась в затвор винтовки и неприятно хрустела там. В этот первый момент боя я не заметил, были ли вокруг меня убитые и раненые. Вероятно, были. Но я слишком был погружен в свое дело и не глядел по сторонам. Хутор мы вскоре взяли... В его саду, на плотине, в огороде за прудом — всюду валялись трупы убитых красноармейцев и китайцев (последних тогда много было в Красной армии). Особенно помню одного убитого китайца, в живописной позе растянувшегося поперек плотины. Он лежал, запрокинувшись навзничь, на спине, левая его рука сжимала винтовку, а правая откинулась в сторону; в голове его зияла большая рана, и кровь смешивалась с лужею воды под ним. Красивая, героическая смерть! Наверное, и не заметил, как умер.

Взяв хутор, мы продолжали наступать дальше. Дождь тем временем стал стихать; но солнце не выглядывало. За хутором шли обширные пшеничные поля с высокою, почти уже спелую пшеницей. Невидимый за высокими хлебами неприятель сыпал в нас пулями. Тут я увидел, как ранило около меня одного за другим нескольких человек. Пуля ранила в коленку одного из офицеров нашей роты (у нас были не только ротные командиры, но и все взводные и отделенные были офицеры, но все с винтовками в руках). Пока раненого перевязывали, он спокойно о чем-то говорил с ротным командиром. Мне он передал свою винтовку, сказав: «Возьмите, это хорошая винтовочка, а вашу я возьму с собою».

День клонился к концу. А бой все разгорался и принимал очень упорный характер. По тому, как тархтели все на одном и том же месте, не продвигаясь вперед, наши цепи, видно было, что наступление подвигается туго. Большим преимуществом неприятеля было то, что у него против нас действовала артиллерия,

а при нашем батальоне ее совсем не было. Мы несли большие потери. Потом я узнал, что 2-я рота, наступавшая несколько правее нас, была в этот день почти вся уничтожена. На другой день ее жалкие остатки влились в нашу роту. И в нашей (3-й) роте потери тоже были большие. Мой отделенный начальник, поручик Донченко, шедший рядом со мной, был тяжело ранен в бок; а недалеко от меня солдат Романюк был ранен в лицо (это было ужасное зрелище). К ночи выяснилось, что атака нашего батальона не удалась.

Сырая мгла после прошедшего днем ливня поднималась над полями. Сквозь нее тускло светил месяц. Выстрелы стихали. Там и сям одиночно щелкали ружья, и все реже и реже бухали пушки. Наши роты стали понемногу отступать к хутору Клиновому. Видел я, как проехал, обгоняя нас, туда полковник Туркул с своим адъютантом и ординарцами. Рота за ротой выплывали из мглы тумана и направлялись к хутору. Оттуда неслось несмолкаемый стон раненых. Они лежали на телегах, дожидаясь своей очереди перевязки, возле перевязочного пункта. Их после перевязки отвозили на ближайшую станцию железной дороги.

Подъехали ротные кухни с готовым горячим обедом. Но почти никто не захотел есть. В поле за хутором была оставлена сторожевая цепь, а все остальные повалились спать. Я тоже, весь мокрый, крепко заснул под каким-то навесом во дворе хуторской экономии (этот хутор принадлежал известному сахарозаводчику Кёнигу).

На заре нас разбудили выстрелы: неприятель с своих батарей обстреливал хутор. Снаряды рвались над нами и в хуторском большом фруктовом саду. Опять выстроились, получили новый запас патронов и вышли за хутор на сильно помятые за вчерашний день хлебные поля. Я спросил своего ротного командира: «Что? Опять пойдем в атаку?» — Он ответил: «А то как же! Раз приказано взять Богодухов, значит, надо взять». Опять рассыпались цепи и затрещала перекатная стрельба. День был ясный и жаркий. Вчерашняя грязь быстро подсыхала. На этот раз моя (3-я) рота долго лежала в резерве, укрываясь за высокою пшеницей. Наступление в этот день подвигалось успешнее. Это сразу было заметно по все удалявшейся вперед трескотне ружей и пулеметов. Появились толпы отводимых в тыл пленных. Это был тоже хороший признак. По всей вероятности, к нам за ночь успели подойти подкрепления. Я, по крайней мере, утром, когда мы выстраивались на хуторе, заметил проехавшие на рысях эскадрона два архангелогородских драгун. В резерве наша рота лежала часов до 9 утра. Потом нам было приказано встать и идти на подкрепле-

ние атакующим. Наша рота начала продвигаться вперед так же успешно, как и другие роты. Неприятель быстро отступал. Потери в этот день у нас были небольшие. Кое-где в примятых хлебах мы натыкались на трупы неприятельских и наших солдат, оставшиеся здесь после вчерашнего боя. Наш батальон обходил город с севера. /.../62

На этот раз все четыре батальона нашего полка наступали вместе. Когда на рассвете наши роты стали выходить за деревню, я увидел, что артиллерия уже была готова к выезду. Когда мы проходили мимо нее, раздалась протяжная (по-артиллерийски) команда: «Шагом м-а-а-а-рш!» и орудия тронулись к выбранной за ночь позиции. Наш полк не успел еще развернуться в боевую линию, как позади нас весело один за другим хлопнуло два выстрела, и снаряды прожужжали над нашими головами. Такие же веселые звуки раздалась и слева и справа от нас. На этот раз мы безостановочно продвигались вперед. Неприятель везде поспешно отступал. В 5 час. вечера с песнями мы уже вступали в Богодухов. На улицах кое-где валялись еще не убранные людские и лошадиные трупы; в нескольких местах поднимался дым догорающих пожарищ. У одной из церквей лежал труп расстрелянного дьякона: он влез на колокольню, чтобы полюбоваться панорамой сражения, а его заподозрили в шпионской сигнализации, стащили и тут же расстреляли.

Белые тоже расстреливали многих таких действительных и мнимых шпионов. Этот отвратительный придаток гражданской войны был самое худшее в ней. Каждое сражение заканчивалось расстрелами. Говорили, что коммунисты, прежде чем расстрелять, мучили и подвергали всевозможным издевательствам пленных добровольцев (вот отчего я и удирал от них так стремительно). Должен сознаться, — из песни слова не выкинешь, — что и добровольцы проявляли ненужную жестокость. Пойманных коммунистов и шпионов (часто, вероятно, совсем невинных, не причастных ни к коммунизму, ни к шпионажу) подвергали зверской порке шомполами, не различая ни пола, ни возраста. Крики и неистовые визги этих жертв завязли в моих ушах навсегда и навсегда отравили мне душу. В первый раз я увидел отводимых на расстрел еще в Харькове. Это было вечером после проверки, когда роты, выстроившись на дворе казармы, пели общим хором на сон грядущий «Отче наш». Вот во время этого пения я случайно оглянулся назад (я стоял в заднем ряду) и увидел процессию, смысл которой сразу понял: под конвоем шестерых солдат с ружьями шли два человека босиком и без шапок, а солдаты, кроме ружей, несли с собою еще две лопаты. Они вышли за ворота. Мы

допели наше «Отче наш»... Да — это было ужасное, вопиющее противоречие: хор, поющий «Отче наш», — и тут же шествие на смертную казнь! В тот вечер я долго не мог заснуть и все спрашивал сам себя: «Стоит ли жить после этого? Стоит ли за что-либо бороться, если политическая борьба неразрывна с такими гадостями?» В эти дни сильные сдвиги происходили в моей душе, и из гражданской войны я вышел душевно сильно изменившимся (очень приблизился к толстовству).

К счастью, мне недолго пришлось принимать участие в боях. К участию в расстрелах меня, слава Богу, не привлекали. Как это ни жестоко звучит, на эту работу всегда находились «охотники»! Но один раз ночью пришлось караулить запертых в сарае пойманных шпионов, и в эту ночь я был очень близок к самоубийству.

Взяв Богодухов, Дроздовский полк быстро продвинулся дальше на север, и вот здесь, около станции Кириковки, я был контужен и выбыл из строя. В тот день, убийственно жаркий, шла перестрелка между нашим и красным бронепоездом. У красных на бронепоезде были тяжелые морские орудия, и работали на нем матросы. Моя рота находилась в прикрытии при нашем бронепоезде. Красные стреляли очень неудачно. Их снаряды разрывались далеко от их цели, часто возле самого нашего прикрытия. Сейчас я не могу никак с точностью припомнить момент, когда меня контузило. Слышал ли я или не слышал разрыв снаряда, я не помню. Помню только, что я сразу оглох, и все, что происходило передо мною, стало вдруг беззвучным, точно картина в кинематографе. Я встал (мы лежали в цепи), чтобы сказать об этом ротному, но вдруг мне показалось, что земля поднимается быстро на меня. Больше я ничего не помню... Очнулся я на перевязочном пункте уже вечером на станции Богодухов. Меня мучила сильная рвота, и болела голова. Я сначала думал, что это со мной случился солнечный удар. Но доктор определил контузию в правую часть головы. Левая рука и левая нога у меня некоторое время не двигались. Я пролежал в Богодухове несколько дней, все время испытывая отвратительные ощущения головокружения и тошноты. Когда я оправился, то, по распоряжению командовавшего полковника Руммеля, бывшего тогда в Богодухове, был перечислен из строевых в нестроевые для несения службы при эшелоне с вещами нашего полка. А оттуда, узнав о моем образовательном цензе, меня перевели в Отдел военной пропаганды.

Сначала меня назначили лектором при агитопоезде, который продвигался вперед вместе с продвижением Белой армии. Задачей

этого поезда была пропаганда против коммунистов во вновь занимаемых местностях и разъяснение программы Добровольческой армии (декларации Деникина). Мне эта работа была очень по душе. Во время моей службы в агитопоезде я побывал в Богодухове, в Кременчуге и в Полтаве и один раз возвращался в Харьков. Во всех этих городах я прочел несколько лекций для публики вообще и для солдат специально. /.../63

Когда я увидел, что наш агитопоезд есть, в сущности, разбойный поезд, более дискредитирующий Белую армию, чем пропагандирующий ее идеи, я счел своим гражданским долгом заявить обо всем этом в Главном отделе пропаганды, который находился в Харькове. Для этого я воспользовался первою же своею поездкою туда. Крон был вызван для объяснений. В это время он как раз находился на грабеже горящих эшелонов близ Кременчуга. Мне разрешили до разбора этого дела на поезд не возвращаться и остаться на несколько дней в Харькове. Эти дни я прожил у себя на Бассейной. Следствие, наряженное над Кроном, выяснило, что сообщенное мною не составляло и сотой доли его безобразной деятельности. Он был предан суду, отрешен от должности и, кажется, понес еще какую-то кару, несмотря на могущественных покровителей, которых он имел в верхах Добровольческой армии.

С великой скорбью должен я здесь констатировать тот факт, что деятелей, подобных Крону, в Добровольческой армии — особенно в ее верхах, в штабах и разных совещаниях при главнокомандующем — было множество. Они-то, главным образом, и погубили ее дело. Облепившие Деникина черносотенные помещичьи элементы не дали ему осуществить на деле возвещенную в его декларации программу. Они бросились прежде всего возвращать себе свое добро, возвращать его с жадностью, с злобой, с полным забвением интересов России. Особое совещание при Деникине так за целый год и не удосужилось издать земельных распоряжений, хотя бы в малой степени удовлетворяющих требования крестьянства. Не удивительно, что в тылу Добровольческой армии, когда она продвинулась уже за Курск, разгорелся в широчайшей мере пожар махновщины, и пришлось большие воинские части снимать с фронта и отправлять на борьбу с нею. Целые области и даже большие города, как, например, Екатеринослав, оказались в руках махновцев. Так неразумно своекорыстно действовали черносотенные элементы, захватившие огромное влияние в Добровольческой армии, — действовали тогда, когда в их руках было только полпобеды, только Юг России. Как бы они развернулись, если бы им досталась полная победа и если бы в их руках оказалась вся Россия?..

Не могу передать, как все это мучительно буровило и терзало тогда мою душу.

Фронт деникинской армии, на котором мне пришлось пробыть недолго, наоборот, произвел на меня, в общем, хорошее впечатление (если не считать тех жестокостей над шпионами и коммунистами, о которых я говорил выше). Я никогда не забуду того героического, спокойного мужества добровольцев, свидетелем которого я был сам в кровопролитном пятидневном бою под Богодуховом. «Отчаянную отвагу» добровольцев признавали даже их красные враги. /.../ Но в то время как на фронте, движимые патриотическим чувством люди, усталые, оборванные, по несколько раз раненные, давали пример отчаянной отваги, шли мужественно вперед и клали свои головы, в тылу все больше развивалась гангрена черносотенства и грубого разврата. Лучшие элементы Добровольческой армии постепенно таяли, худшие размножались. Развелось множество исключительно тыловых офицеров, которые прочно присосались к благам земным и позорили армию своими кутежами. Харьков кишел такими офицерами. Появлялись даже в газетах статьи под заглавием: «Прекратите позор!» Но ничто не помогало. При штабах устроились целые толпы «маменькиных сынков» из аристократии, ни разу не нюхавших пороха. И это были большею частью те самые, которые больше всех от победы добровольцев чаяли восстановления своего материального благополучия.

Лишь немного дней после взятия Харькова добровольцами моя душа пребывала в состоянии восторженности и счастья. Скоро это настроение стало все более и более замутняться. Такова уж была судьба всех радостных порывов, пережитых мною за эти последние тяжелые годы...

В агитопоезд я больше не вернулся. Директор моей гимназии Н.Н. Кнорринг, узнав, что я в Харькове, начал хлопотать в Отделе пропаганды, чтобы меня оставили работать в Харькове, так чтобы я мог совмещать работу по пропаганде с работой в гимназии. Его ходатайство было удовлетворено, и я с той поры до самого ухода белых из Харькова остался лектором при харьковском Отделе пропаганды. /.../64

В харьковском Отделе пропаганды я прослужил два месяца, — с конца сентября до конца ноября 1919 г., т.е. до оставления Харькова белыми. Каждую неделю я прочитывал по две-три публичные лекции. И где только я не читал! Во-первых, почти на всех самых больших харьковских фабриках и заводах, во-вторых, в

казармах, в-третьих, в семинарии — для окончивших семинаристов, в-четвертых, в остроге — для политических заключенных, в-пятых, в бараках — для военнопленных, в-шестых, в лазаретах — для раненых, в седьмых, в Народном доме, в театре, в кинематографе — для сборной публики. Читал я на темы преимущественно политические и экономические и один раз — на религиозно-философскую. Прежде всего я старался показать, что затеянное нашими коммунистами уничтожение капитализма ни в коем случае своей цели не достигнет, а приведет опять к капитализму же, но в самых его злокачественных формах: до сих пор господствовал капитализм производительный, коммунистический переворот приведет к господству капитала спекулянтского, который ничего не создает, а только высасывает соки из трудящегося народа*. От нашего коммунистического строительства настоящие крестьяне и настоящие рабочие, поскольку они не поглощены кадрами непомерно распухшей советской бюрократии, ничего не выиграют, а только проиграют. Все те блага, которые сейчас сыплет на их головы советская власть, суть не что иное, как демагогическая приманка (даровое обучение, даровая почта, даровая кормежка и проч.). Долго этими приманками рекламировать себя будет невозможно. В интересах трудящихся — разумный компромисс с буржуазией в целях дальнейших прочных завоеваний, как это происходит сейчас во всех цивилизованных государствах Европы и Америки.

Далее я развивал ту мысль, что вершителем судеб такого огромного государства, как Россия, может являться только сам народ, в лице своих свободно избранных представителей, а никоим образом не какая-нибудь политическая партия, хотя бы преисполненная самых благих намерений. Указывал я также на то, какую нелепостью является диктатура пролетариата в почти сплошь крестьянской стране и какую возмутительную фикцию эта диктатура у нас сейчас представляет. «Редкий государственный порядок может обойтись без насилия и без обмана, — говорил я, — но советский режим заключает в себе максимум того и другого».

В религиозно-философской лекции я пытался выяснить, в какой мере все великое в человечестве основано, в сущности, на религиозном чувстве и как подлинная безрелигиозность должна неминуемо вести к распаду всякой общественности. Успехом своих лекций я похвалиться не могу. Зависело это от многих причин.

---

* В то время я не предвидел еще всех ужасов государственного капитализма, приводящего к настоящему рабству (1931). [Прим. автора.]

Во-первых, конечно, от недостаточной моей талантливости как лектора. Во-вторых, от того, что я не мог и не хотел бросать в массу яркие и воспламеняющие лозунги, обыкновенно начинающиеся со слова «бей». В-третьих, наконец, от того, что широкая масса публики /.../ была уверена, что все это ни на что не нужная, пустая болтовня. Труднее всего мне на моих лекциях было развивать и защищать деникинскую декларацию. По окончании одной такой моей лекции на заводе Мельгозе один рабочий сказал мне: «Все, что вы тут нам рассказывали, очень хорошо, и если бы действительно явилась такая власть, которая могла бы выполнить это, мы бы, пожалуй, удовлетворились. Но в том-то и беда, что нас все обманывают. И ваша деникинская декларация — тоже обман. Может быть, вы сами, товарищ, в нее искренне верите, — простите, я не хочу вас обидеть, — но я не о вас лично говорю». Вот какие пилюли приходилось мне проглатывать, а распинаться за искренность «верхов» деникинской армии у меня как-то язык не поворачивался: я сам в нее слабо верил.

Очень часто я читал почти перед пустой аудиторией. Лишь три-четыре моих лекции привлекли многочисленную публику — в том числе лекция религиозно-философская. Я не говорю, конечно, о многочисленных слушателях по принуждению, когда я читал для солдат в казармах или для военнопленных в их бараках. Там слушали меня, что называется, хочешь — не хочешь. Большинство же лекций, организованных Отделом пропаганды, носило совершенно свободный характер, чуждый и тени принуждения. По окончании лекций допускались вопросы, возражения и споры. Но в них редко кто ввязывался: в раскаленной атмосфере гражданской войны всякий, естественно, боялся быть чересчур откровенным. Большею частью я выслушивал возражения частным образом, когда все уже расходилось с лекции, где-нибудь на улице или в коридоре (приведенное выше возражение рабочего на заводе Мельгозе было мне сказано в сутолоке, когда все расходилось с лекции).

Для меня лично интереснее всего была аудитория политических заключенных в тюрьме. Я любил поспорить с ними. Им незачем было скрывать своих убеждений, и потому они говорили со мной вполне непринужденно и часто очень резко. А я после таких споров с ними нередко находил новые аргументы в пользу своих убеждений и пользовался потом этими аргументами в последующих моих публичных выступлениях. /.../

Лучше всего меня встречали на Паровозостроительном заводе и на конфетной фабрике Борман. На Паровозостроительном заводе настроение преобладало явно меньшевистское, а на

конфетной фабрике главную массу слушателей составляли женщины, раздраженные против коммунистов на религиозной почве.

Гимназии я в то время отдавал мало времени. Давал там уроки урывками, постольку, поскольку они были совместимы с моими лекторскими обязанностями. Но среди учащихся я никакой политической пропаганды не вел и никакого белого «детдвижения» среди детей не поддерживал, хотя оно также, несомненно, было налицо, как и красное детдвижение. Я тогда считал и теперь продолжаю считать, что вовлечение детей в политическую борьбу взрослых вредно и для детей, и для самой политической борьбы и является одним из самых злокачественных видов эксплуатации слабых сильными. Поэтому, когда группа гимназистов старших классов предложила мне купить и повесить в зале гимназии портреты Корнилова и Колчака, то я, член Добровольческой армии и лектор Отдела пропаганды, этого не допустил и откровенно объяснил молодым людям, почему я так поступаю. Точно так же я как инспектор не разрешил в стенах гимназии производить сборы в пользу Добровольческой армии: я понимал, в какое невыносимо фальшивое, уродующее детскую душу положение были бы поставлены этими сборами дети, захваченные красным детдвижением*. Спасать детей от всякой лжи, от всякого подлаживания, по-моему, главная задача учителя. Между прочим, за все время господства белых в Харькове в нашей гимназии никак, ни малейшим образом не пострадал ни один ученик из тех, которые зарекомендовали себя как ярко красные в предыдущий период большевицкого владычества. Все это я ставлю нашей гимназии и себе самому в большую педагогическую заслугу. За стенами школы, по-моему, учитель может как угодно действовать политически, бороться со своими врагами и словом и, если нужно, винтовкой; но в школе — он обязан уважать личность ребенка и избегать всего, что может давящим, искажающим образом повлиять на ее свободное развитие. В оправдание политики в школе говорят, что дети «принадлежат государству». Пора бы раз навсегда отказаться от этих рабовладельческих тенденций и понять, что человек, какой бы он ни был, взрослый или маленький, никому не может «принадлежать». /.../⁶⁵

В Ростове я скоро разыскал квартиру Мрозов, родителей жены Владимира⁶⁶, в Ткачевском переулке. С ними я тут познако-

---

* А таких у нас было немало: не надо забывать, что гимназия наша была полувеврейская. [Прим. автора.]

мился впервые. Они напоили меня чаем, накормили и сказали, что Смидовичи еще в Ростове, что живут они в Нахичевани⁶⁷ и что Мих. Викентьевич болен тифом и лежит в городской больнице. Я поспешно бросился разыскивать Надю по данному мне Мрозаме адресу.

Надя жила в Нахичевани, на 2-й Вознесенской, в доме армян Аведиковых, занимая одну довольно просторную комнату в полуподвальном этаже. В этой квартире, но в другой комнате поменьше она перезимовала и предыдущую зиму. Дома я застал одну Надю. Она мне страшно обрадовалась, т.к., не имея от меня никаких известий, считала меня погибшим, т.е. захваченным и расстрелянным по дороге. Она рассказала мне о тяжелом положении, в котором они все очутились в последние дни. Сначала жилось сравнительно недурно: Миша служил (он доехал до Ростова скоро, не так, как я), она и Наташа наладили кое-как домашнее хозяйство; питались прилично. Потом, когда стали приходиться тревожные известия с фронта и Ростову стала угрожать опасность, правление, где служил Миша, расформировали, выдав ему ликвидационные деньги. Все Смидовичи втроем: Миша, Надя и Наташа — собирались уже ехать из Ростова дальше, на Кубань и через Новороссийск в Крым, как вдруг внезапно заболел Миша. Сначала думали, что у него сыпняк, но потом выяснилось, что это — возвратный тиф. Мишу перевезли в городскую больницу в Ростове. Об отъезде теперь нечего было и думать. Одна Наташа, впрочем, все-таки хотела ехать. Она устроилась в одном общем вагоне с семьей Соколовых (наши харьковские знакомые). На руках у нее уже имелся железнодорожный билет до Новороссийска и пароходный до Севастополя. Тогда, видя Надю в таком критическом положении, я решил дальше не бежать и остаться с нею. Немедленно вернулся за вещами в свой эшелон на Гниловскую. Так как это было уже поздно вечером, то переночевал последний раз в своей теплушке. Она уже значительно опустела. Впрочем, большую часть этой ночи я не спал, а вместе с другими служащими Отдела пропаганды разгружал вагон, в котором помещалась богатая библиотека харьковского Отдела. Надо было ее как-нибудь спасти от гибели, и мы ее всю перетаскали в помещение большой гниловской школы. Тут же вместе с библиотекой в нашем эшелоне везли огромный гипсовый бюст Колчака («верховного правителя»), который в Харькове долгое время стоял на Николаевской площади (дальнейшая судьба этого бюста мне не известна). Он валялся теперь на земле возле вагонов — печальный символ того, что совершалось в России. /.../ Холодный, морозный воздух, огромная белая голова, валяющаяся на

земле, ряды эшелонов, груженных броневиками, танками, обозными фурами, шныряющие по путям мародеры — вот печальная картина этой ночи. В эшелоне я застал немногих из моих коллег и объявил им, что дальше не еду и остаюсь в Ростове. /.../ На рассвете, совсем почти не выспавшись, я взял свои вещи и пошел в Ростов.

Опять сначала зашел к Мрозам на Ткачевской и, к удивлению своему, увидел там и Надю с Наташей. При них были и все их вещи в корзинах, тюках и чемоданах. Их нахичеванские хозяева, Аведиковы, зная, что Надины сыновья служат в Добровольческой армии и предчувствуя близкое падение Ростова, решили отделаться от таких опасных жильцов. Зверское выселение было произведено моментально. Так одно несчастье за другим обрушивалось на наши головы. При таком обороте дел Наташа отказалась от своей поездки и решила остаться при отце и матери. Надя рассчитывала, что Мрозы как родственники дадут нам приют в их доме, где у них тогда как раз была одна свободная комната. Надя предлагала им за нее цену, какую они пожелают. Но Мрозы не согласились. Они уверяли, что комната эта уже сдана другим квартиросъемщикам, что они и рады бы, да никак не могут приютить нас. В действительности эта комната и потом долгое время оставалась свободной. Очевидно, Мрозы, так же как и Аведиковы, не хотели связываться с жильцами, запятнанными близостью к Добровольческой армии. Они торопили нас, чтобы мы поскорее прискали себе другую квартиру и очистили их дом. Надя потом никогда не могла забыть им этого жестокосердия. Это были ужасные, кошмарные дни, и такие дни потянулись теперь сплошной цепью. Надя и Наташа то бегали в больницу к Мише, то толкались по разным домам в городе, приискивая себе комнатку. Разумеется, при этом надо было самым тщательным образом скрывать свои связи с белыми. Я помогал Наде в эти дни, как мог. Один раз вместе с нею побывал у Миши: у него в это время была передышка между приступами возвратного тифа. Он лежал в большой общей палате. Лицо его исхудало и пожелтело, голос изменился. Тому, что Наташа не уехала и я остался в Ростове, он был очень рад.

Между тем через Ростов непрерывным потоком шла отступающая Белая армия. Таганрогский проспект был запружен двигающимися повозками, санями, фурами, автомобилями, разрозненными частями войск, конными, пешими. Морозы в это время сменились оттепелью, на улицах стояли непроходимые лужи, кое-где мостовая обнажилась, кое-где были глубокие колдобины, полные водой. Шлепающий, гремящий и ползущий по этой

грязи не прерывающийся ни днем, ни ночью поток людей, лошадей и повозок представлял ужасное зрелище. Из него неслись крики, ругань, стоны раненых, хлестанье кнутов, грохот колес и т.д.

Мы подыскали себе, наконец, комнатку на Дмитриевской улице, недалеко от Таганрогского проспекта, в квартире проф[ессора] Придика. Когда приходилось, чтобы попасть на Дмитриевскую, переходить через Таганрогский проспект, то трудно было проскользнуть через несущуюся по нему лавину людей, повозок и лошадей. /.../

Когда мы еще находились у Мрозов, приехал в Ростов с каким-то поручением из штаба Викентий. Тут же в последний раз свиделся с Наташей ее муж Лев Алексеевич. Викентий поразил нас жалким видом своего обмундирования. На ногах у него были простые туфли и обмотки, и в этой обуви он шел пешком от Батайска до Ростова (оттуда движение поездов уже прекратилось) по распутившейся, мокрой дороге. И это был офицер штаба Добровольческой армии! Наташа отдала ему запасную одежду и сапоги своего мужа. Вместе с нею он успел сбежать в больницу и повидаться с отцом. И потом в темный, слякотный вечер ушел туда, в ту сторону, куда стремился поток бегущих по Таганрогскому проспекту. Так мы его видели в последний раз. От Сережи не было никаких известий. Его бронепоезд отступал в другом направлении — на Крым.

Наступало Рождество. Предыдущее Рождество я встретил плохо, а это еще хуже. Вообще никогда за всю мою жизнь я не встречал этот праздник так печально, как в 1919-м году... Поток бегущих на Таганрогском немного схлынул. Теперь проходили только отдельные небольшие обозы и воинские части. Навстречу им, против надвигающегося врага, шли оборванные, усталые, уменьшившиеся на три четверти остатки настоящих добровольцев. Однажды, выходя из больницы от Миши, я и Надя встретили Корниловский полк в конце Большой Садовой. Он направлялся в сторону Нахичевани. Впереди ехал командир и штаб с белым корниловским знаменем (с большою буквою К). За ними, с винтовками в ремнях, двигались мокрые, забрызганные грязью, корниловцы — несколько сильно поредевших рот, все, что осталось от этого славного полка. Вдали уже слышались глухие раскаты канонады.

В этот ужасный, мрачный сочельник в разных местах Ростова болталось на телеграфных столбах и деревьях несколько повешенных. Один труп висел возле самого собора. Мимо этого места нам пришлось с Надей проходить по пути от нашей новой квартиры к Мише. Повешенные были отчасти шпионы, но главным

образом грабители. На улицах было беспокойно. Бандитизм прорывался там и сям. При таких условиях Надя отказалась вечером от намерения идти в церковь ко всенощной. Да и какая же это была бы всенощная рядом с виселицами! Канун Рождества мы отметили только тем, что накрыли наш маленький столик чистою скатертью и напились чаю из большого синего эмалированного чайника с булочками и мармеладом.

На другое утро мы втроем пошли к обедне в собор. Повешенные были уже убраны. Но в собор мы не могли продрагаться: он весь был полон народом. Там за торжественным богослужением присутствовал сам главнокомандующий, генерал Деникин, со своим штабом. Вероятно, это делалось демонстративно для успокоения городских жителей. Потом так же демонстративно Деникин и чины его штаба разъезжали в течение дня на автомобилях по улицам.

Канонада, раньше далекая, слышалась все явственнее. Деникин со штабом в вечер первого дня Рождества покинул Ростов. Прошли еще одни тревожные сутки. Вечером 26-го последние отступающие части белых шли через Таганрогский проспект. В то же время со стороны Нахичевани вступали авангарды красных. Настала ужасная ночь. Снаряды рвались над городом. Мы сидели в своей комнатке, никуда не выходя. Скоро красные поставили свои орудия уже на Таганрогском проспекте и стали бить по Батайску, где задерживались белые. От ударов этих пушечных выстрелов звенели стекла в нашем доме. Всю ночь мы не спали. Недалеко от нас на Таганрогском горел большой лазарет. Языки пламени, красный дым и огромное зарево были видны из нашего окна. А когда мы его на минутку отворяли, слышался треск огня. Бесперывно тарахтели винтовки и пулеметы. Слышались удары по каким-то железным ставням: должно быть, взламывали запертые магазины. Без сна провели мы эту кошмарную ночь. Как мы потом узнали, лазарет на Таганрогском был сожжен со всеми находившимися в нем оставленными ранеными. Их обуглившиеся скелеты можно было потом в течение нескольких дней видеть сквозь зияющие окна этой развалины. Красные в своих газетах называли этот пожар «провокацией со стороны белых» (?).

Когда на другое утро Надя и Наташа, сопровождаемые мною, отправились к Мише в больницу, весь город был уже во власти красных. Шальные, бессмысленные выстрелы раздавались поминутно там и сям. Говорили, что этими выстрелами раз-

гоняли скопища босяков, пытавшихся грабить магазины. Грабежом, впрочем, больше всего занялась сама Красная армия. /.../

В первые дни громили главным образом винные магазины, которых в Ростове было множество. Можно было то и дело встретить буденовского казака или красноармейца с кучею бутылок за пазухой и в обоих карманах. Вино растаскивали целыми ведрами. Пьянство и буйство были невообразимые (обилие вина, найденного в Ростове, было объявлено тоже «провокацией белых»). Несколько человек даже из числа командиров полков и политруков было расстреляно. Но грабеж и пьянство не утихли до тех пор, пока не осталось ничего, что можно было бы грабить, и пока не роспили последнюю бутылку вина. Главные торговые улицы представляли плачевное зрелище: разбитые окна, вывороченные железные решетки, выломанные двери, зияющие пустые витрины, бумага и всякий сор на мостовой, разбитые бутылки и т.д. Лужи во многих местах издавали ароматный запах коньяка. Вся Буденовская армия рассыпалась по ростовским домам и дворам. Во многих домах были совершены в эти дни безобразнейшие насилия, зверские убийства и грабежи. Жильцы домов не спали по ночам, изнутри карауля запертые и забаррикадированные входы. Входная дверь в наш дом в эти ночи мало того что запиралась на замок, но и закладывалась еще крепким железным засовом и подпиралась изнутри бревном. Однажды ночью к нам упорно ломились пьяные солдаты. Они гремели в дверь прикладами; в конце концов стреляли в нее и пробили несколько толстых стекол, квадратиками вставленных в крепкую железную решетку. Все обитатели нашего дома пережили в этот вечер самые панические минуты.

Во многих домах производились обыски: искали скрывающихся белых офицеров и оружие. Произошел один такой обыск и в нашем доме, в квартире неких Павловских, в одном этаже с нами. Павловский был богатый еврей-спекулянт, и потому, я думаю, этот обыск преследовал более мародерские, чем политические цели. У него чего-то нашли, но он от ареста откупился. Я сам видел, как обыскивавшие вышли из его квартиры, унося несколько свертков материи. Потом они еще раз наведывались к Павловским «за благодарностью». Сам Павловский говорил мне, что эта неприятная история обошлась ему страшно дорого.

Во время этого обыска я разговорился с одним красноармейцем, который стоял на карауле на площадке лестницы. Узнав, что я учитель, он успокоил меня, сказав: «Мы учителей не трогаем, мы только *разрушаем капитал*» (sic!). Потом спросил меня, сколько я получаю жалованья в месяц. Я назвал ту скромную

сумму, которую в последний раз получил в Харькове. Он решил меня порадовать: «Теперь будете получать 5 000».

Темная, серая масса, к сожалению, дело коммунизма видела не столько в свержении капитализма, сколько именно в «разрушении капитала», которое и производила с усердием, достойным лучшей участи. Что касается до обещанных 5 000 р., то действительно, я вскоре стал получать такую сумму, потом 50 000, 500 000, 5 000 000, 500 000 000, даже 500 000 000 000, наконец, целый триллион — и все более нищал и нищал и опускался «на дно». /.../

У Миши с 25-го начался второй и самый сильный приступ тифа. В ночь вступления красных он пережил ужасные минуты. В палату ворвались вооруженные буденовцы и с заряженными револьверами в руках разыскивали среди больных белых офицеров. Не говорю уже о том, как страшно он волновался за всех нас, слыша раздававшийся по городу грохот пушек и трескотню ружей. Слухи в больницу в эти дни приходили самые преувеличенные и потрясающие. Миша рассказывал нам обо всем им пережитом таинственным шепотом, бледный, с осунувшимся лицом и тусклыми, большими глазами. В это время он был так плох, что мы со дня на день ждали его смерти.

Среди всех этих бедствий какое-то одеревенение охватило мою душу. С каким-то фаталистическим спокойствием ждал я, что будет, готовый ко всему вплоть до расстрела. Мы с трудом добывали хлеб. С каждым днем доставать его становилось затруднительнее. Обед Надя и Наташа готовили сами на хозяйской плите из припасенных ранее продуктов. Доставать новые продукты стало возможно не раньше, как дней через 5-6 после взятия Ростова. Да и то добывались они в самом ограниченном количестве за большие деньги и с большими трудностями. /.../ Наташа в эти кошмарные дни проявляла удивительное спокойствие. Несмотря на свист и разрывы снарядов над городом, гром разбиваемых магазинов, тревоги за больного при смерти отца, — она ухитрялась читать какие-то романы с нелепою канвою, а по ночам спала преспокойно сном праведника. Это было такое благо, что она осталась при нас, трех стариках! Надя не обращала никакого внимания на обстановку нашей маленькой комнатки. Не будь Наташи, у нас скоро водворился бы невозможный, цыганский беспорядок. Наташа старалась, не взирая ни на что, внести хотя бы минимальный уют в наше тогдашнее полунищенское существование. По ее настояниям, как накануне Рождества, так и накануне Нового года, накрывалась на стол чистая скатерть и подавалось, хоть маленькое и убогое, угощение. /.../

Часть ночи под Новый год* я провел на парадной лестнице нашего дома, отбывая свои часы дежурства по охране входной двери. В 12 часов я, однако, был свободен и вместе с Наташей и Надей встретил Новый год у маленького накрытого белой скатертью столика за чаепитием и грустными разговорами.

Кончился 1919 год. Встречал я его в Харькове, куда тогда только что вступили красные, а проводил — в Ростове, куда опять только что вступили красные. А в промежуток между этими моментами весь богатый Юг России находился в руках белых, и они доходили до самого Орла! Все это ужасно крушилось. Не оставалось никаких надежд. Хотя белые задержались по ту сторону Дона, в Батайске, который виден из Ростова, но я уже не надеялся на новое освобождение. Я понимал, что это была лишь временная задержка. Надя винила в крушении Добровольческой армии главным образом союзников, которые не сумели или не захотели поддержать ее энергичным вмешательством (французский десант, между прочим, поспешно оставил Одессу, лишь только красные приблизились к ней). «Это — все дело наших милых союзничков», — любила в то время повторять Надя, с особенным ехидством произнося слово «союзнички». Я далеко не разделял ее мнения. Слишком много внутренних причин видел я для неудачи патриотического движения, начатого Корниловым и продолженного Колчаком и Деникиным. Главная беда в том, что в эту тяжелую для России пору одним нужна была земля, другим — социалистический рай, третьим — равноправие, четвертым — самоопределение народностей, и очень, очень немногим — великая, единая и счастливая Россия. В Смутное время начала XVII века русский народ проявил куда больше государственного разума и патриотического чувства, чем в наше «смутное время». И это непосредственно вслед за эпоху Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого!..

Наша личная жизнь — моя и моих близких — к концу 1919 года опустилась на самый низкий уровень, на каком она когда-либо стояла. 1920 год для всех нас был своего рода «седьмым кругом ада».

---

* Я все считаю по старому стилю. [Прим. автора.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В *опущенной главе*: политические реалии начала 1917: продолжение министерской чехарды, события на фронтах мировой войны; конфликт в преподавательском коллективе московской частной гимназии Е.А. Кирпичниковой, в которой работал С.Н.; упоминание о его последней любви.

² *Соловье* — так С.Н. называет членов семьи видного земского деятеля, одного из основателей кружка «Беседы», затем — активного члена «Союза 17 октября» Василия Михайловича Петрово-Соловова (ум. 1908), в которую он был приглашен домашним учителем летом 1896. С этой семьей С.Н. был связан в течение многих лет.

³ *Димушка* — Петрово-Соловово Дмитрий Васильевич (1895-1919). Лейб-гусар, с 1915 на фронте. Дальнейшую судьбу см. в основном тексте.

⁴ Ныне Киевского.

⁵ В 1923 переименована в ул. Воровского.

⁶ В 1950 переименован в Суворовский бульвар.

⁷ *Трубецкой Евгений Николаевич* (1863-1920) — князь, религиозный философ, правовед, общественный деятель. Через жену был в родстве с семьей Петрово-Соловова. С.Н. познакомился с ним в 1896 в Киеве.

⁸ *Готье Юрий Владимирович* (1873-1943) — историк и археолог. В 1903-1915 приват-доцент, затем профессор Московского университета. С 1939 — академик АН СССР.

⁹ *Виппер Роберт Юрьевич* (1859-1954) — историк. В 1897-1899 приват-доцент, затем до 1922 профессор Московского университета. В 1924-1941 — в эмиграции в Латвии. По возвращении преподавал в советских вузах, с 1943 — академик АН СССР.

¹⁰ *Богородицк* — уездный город Тульской губернии. *Г.Е. Львов* в 1902-1905 был председателем Тульской губернской земской управы, а С.Н. в это время работал учителем русского языка в Богородицком сельскохозяйственном училище. В годы первой мировой войны С.Н. вел общественную работу (статистиком, а также по организации детской помощи армии) в одной из московских земско-городских организаций, а Г.Е. Львов был председателем Земского союза и одним из руководителей Объединенного союза земств и городов (Земгора).

¹¹ *Аносовы* — семья директора Тульского отделения Государственного банка России Алексея Николаевича Аносова. В 1889 переехала из Воронежа в Тулу, где и познакомилась с жившими там Ставровскими. Летом 1890 в доме Аносовых гостил университетский товарищ старшего сына А. — Михаила — Андрей Иванович *Шингарев* (1867-1918) — будущий врач, общественный и государственный деятель. Во Временном правительстве

был министром земледелия, финансов (с 5 мая 1917). Убит вместе с Ф.Ф. Кokoшкиным матросами-анархистами в Марининской больнице в Петрограде.

¹² *Милюков Павел Николаевич* (1859-1943) — историк, общественный и государственный деятель. В 1884-1896 приват-доцент Московского университета. Идеолог и лидер Конституционно-демократической партии. Во Временном правительстве первого состава — министр иностранных дел (март-апрель 1917). С 1920 в эмиграции.

¹³ В результате предпринятого немцами наступления в марте 1917 на реке Стоход (правый приток Припяти) был разгромлен один из корпусов русской армии. Войска понесли тяжелые потери, по немецким данным только пленено было около 150 офицеров и 10 000 солдат. Несмотря на то, что эта неудача носила тактический характер и не имела стратегического значения, она произвела гнетущее впечатление на российское общество и болезненно переживалась им.

¹⁴ *Петрово-Соловово Стазя Васильевна* (р. 1897). В годы Первой мировой войны работала в сиротском приюте, располагавшемся в доме Воронцовых-Вельяминовых на Поварской. В 1920-х жила литературным трудом, печатая небольшие рассказы для детей. В апреле 1930 арестована и после 2,5-месячного пребывания в тюрьме без предъявления обвинения выслана в Воронеж.

¹⁵ *Смидович* (урожд. Ставровская) *Надежда Николаевна* (1871-1942) — старшая сестра С.Н. С 1913 жила с семьей в Харькове на Бассейной улице.

¹⁶ В *опущенной главе*: конфликт среди преподавателей Кирпичниковской гимназии, волнения учащихся; решение С.Н. уйти из гимназии; отъезд в Харьков; предложение занять должность учителя в Харьковской мужской гимназии Второго общества преподавателей.

¹⁷ *Кнорринг Николай Николаевич* (1880-1967) — директор мужской гимназии Второго общества преподавателей Харькова. В годы гражданской войны эмигрировал. В Париже был сотрудником газеты «Последние новости» и членом правления Русской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева.

¹⁸ В *опущенной главе*: описание дачи в Святых Горах и пребывание там С.Н. до отъезда в армию.

¹⁹ В июне 1917 русскими армиями было предпринято крупное наступление на Юго-западном фронте. Однако был достигнут лишь местный, незначительный успех, а затем, в июле, в результате австро-германского контрнаступления русские войска оказались отброшенными далеко назад, потеряв всю Галицию и Буковину и отойдя к старой государственной границе России.

²⁰ *Смидович Михаил Викентьевич* (1864-1942) — горный инженер, муж Н.Н. Смидович (урожд. Ставровской). Родной брат писателя В.В. Версаева (Смидовича).

²¹ В 1940 переименован в ул. Чайковского.

²² *На опущенных страницах*: переброска батальона на фронт — через Смоленск, Минск, в район Сморгони, на позиции 2-й линии у села Беницы Виленской губернии.

²³ *На опущенных страницах*: передвижение батальона на передовую, описание «тяжелой и скучной окопной жизни».

²⁴ *Межлаук Иван Иванович* (1891-1938) — государственный и партийный деятель. Член КП с 1918. Один из организаторов солдатских комитетов на Западном фронте. С 1921 — на крупных хозяйственных и партийных постах. Репрессирован.

²⁵ *Мясников (Мясникян) Александр Федорович* (1886-1925) — партийный и государственный деятель. Член КП с 1906. С 1914 в армии, прапорщик. В ноябре 1917 на съезде депутатов Западного фронта избран командующим армиями этого фронта. С 1918 — на крупных постах в Белоруссии и Армении.

²⁶ Ныне Белорусского.

²⁷ *Петрово-Соловово Александр Васильевич* (р. 1893). В 1913 поступил в Московский сельскохозяйственный институт (бывшую Петровскую академию), но в январе 1915, не окончив курса, ушел на фронт с 12-м Земским санитарным отрядом. В январе 1916 был зачислен вольноопределяющимся в 1-ю батарею 52-й артиллерийской бригады. В 1920-х жил под Москвой на даче художника В.Н. Бакшеева и работал в небольшой артели, поставлявшей в Москву молоко. В октябре 1929 арестован и после 2,5-месячного пребывания в Бутырской тюрьме сослан в Кемь. Впоследствии был переведен в район Акмолинска для работы по специальности в тамошних совхозах.

²⁸ *Версаев (Смидович) Викентий Викентьевич* (1867-1945) — писатель.

²⁹ *Александр* — Ставровский Александр Николаевич (р. 1879). Родной брат С.Н., инженер-путеец. С началом Первой мировой войны мобилизован и в описываемое время служил в Пскове по военному железнодорожному ведомству. *Викентий* — Смидович Викентий (Виктор) Михайлович (1893-1967?). Племянник С.Н., сын Михаила Викентьевича и Надежды Николаевны Смидович. С февраля 1915 — на фронте в составе одного из санитарных отрядов Союза городов. После окончания в начале 1917 военного училища в Тифлисе и короткой службы в Златоусте в августе 1917 снова попал на фронт. На полях рукописи рукой Викентия Смидовича сделана следующая запись, датированная 14 февраля 1960 г.: «К 12.XII мой 745-й Н.-А. полк уже не существовал. Я вернулся в законный отпуск домой 4.XII, а 6-го XII офицеры полка под угрозой rasterзания в ротах провели ночь на деревьях в лесу!» В 1920 после разгрома Белого движения на Юге России, участником которого он был, В.М. Смидович оказался в эмиграции в Константинополе, с апреля 1921 — в Праге.

³⁰ *Наташа* — Смидович Наталья Михайловна (р. 1896). Племянница С.Н., дочь Михаила Викентьевича и Надежды Николаевны Смидович. В годы Первой мировой войны — сестра милосердия в лазарете, организованном харьковской адвокатурой. В начале 1920-х — служащая Харьковского отделения Американской администрации помощи (АРА). Во время Второй мировой войны покинула СССР. *Запорожец Лев Алексеевич* — кадровый кавалерийский офицер, поручик 17-го уланского Новомиргородского полка. После гражданской войны — в эмиграции в Югославии.

³¹ *На опущенных страницах*: отъезд Александра к месту службы в Псков; переселение к Смидовичам на Бассейную их знакомых Калистратовых (Прасковьи Михайловны с двумя дочерьми-гимназистками Галей и Ниной и сыном-реалистом Олегом) — это гарантировало квартиру от уплотнения со стороны властей; вступление С.Н. в обязанности инспектора Харьковской гимназии Второго общества преподавателей.

³² *Донецко-Криворожская советская республика* в составе РСФСР провозглашена 4-м Областным съездом советов рабочих депутатов Донецко-Криворожского бассейна в Харькове 12 февраля 1918. В нее вошли Харьковская и Екатеринославская губернии, часть Херсонской губернии и промышленные районы Области Войска Донского с центром в Харькове. Создание республики было инициировано Областным комитетом РСДРП(б) Донецко-Криворожского бассейна, стремящимся в условиях готовящегося Брестского мира и существования на Украине Центральной Рады таким путем сохранить советскую власть в Донбассе. Однако, как отмечали советские историки, «отделение промышленных центров объективно ослабляло базу диктатуры пролетариата в Украинской советской республике, не способствовало решению национального и крестьянского вопросов. /.../ Руководители Д.-К. с. р. исправили ошибку, заявив на 2-м Всеукраинском съезде советов (17-19 марта 1918, Екатеринослав) о вхождении в состав УССР и создании единого фронта обороны против германских интервентов». (Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С.151).

³³ *Жаков Михаил Петрович* (1893-1936) — член КП с 1911. После Февральской революции член Ростовского Совета, Ростово-Нахичеванского и Донского комитета РСДРП(б). Депутат 2-го Всероссийского съезда Советов, участник Октябрьского переворота в Петрограде. В 1918 — нарком просвещения Донецко-Криворожской республики и член Обкома партии. С осени 1918 на советской и партийной работе в Казани и в Донбассе. С 1922 — на научно-преподавательской работе. В 1928 исключался из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции, восстановлен в 1929.

³⁴ *В опущенной главе*: политические события начала 1918 — забастовка учителей в Москве и закрытие Всероссийского учительского союза; убийство Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, панихида по ним в Харькове; разгон Учредительного Собрания; мирные переговоры в Брест-Литовске; организация Красной армии и начало Белого движения, появление третьей силы — немцев.

³⁵ *Смидович Сергей Михайлович* (р. 1902) — племянник С.Н., сын Михаила Викентьевича и Надежды Николаевны Смидович. С 1920 — в эмиграции в Константинополе, с апреля 1921 — в Праге.

³⁶ *Антонов* — В.А. Антонов-Овсенко. В декабре был назначен наркомом по борьбе с контрреволюцией на Юге и прибыл в Харьков, где и обосновался со своим штабом. В его задачи входило командование советскими войсками, действовавшими против формирований Каледина, украинской Центральной Рады, германских оккупационных войск. В 1-м томе «Записок о гражданской войне» (М., 1924, С.53-55) Антонов-Овсенко дает свою версию событий, описываемых С.Н. Согласно ей, функцию борьбы с так называемой внутренней контрреволюцией осуществлял не «грозный Антонов», а штаб находившегося в то время в Харькове Северного летучего отряда под командованием Р.Ф. Сиверса. Только в воспоминаниях Антонова-Овсенко фигурируют не «7-е пути», а «7-я верста». Кто из мемуаристов напутал, сказать трудно, однако для сути понятия оба термина равнозначны. Итак, вот свидетельство Антонова-Овсенко: «В Харьков мы прибыли в 16 часов 24 декабря. На вокзале — полный хаос. Бесчисленное число составов, между которыми затеряны эшелоны Сиверса и Ховрина. Связь этих эшелонов с городом крайне слаба. Отряд Ховрина — так называемый 1-й Петроградский сводный отряд, почти совершенно разложился на почве реквизиций, обысков и арестов. /.../

Отряд Сиверса пытался вести некоторую борьбу с бандитизмом, каковые попытки превратили штаб отряда в судилище. Председателем суда был Клейман, человек весьма подвижной, а членом суда входил матрос Трушин, который считал всякого белоручку достойным истребления.

В этот суд за советом и с жалобами обращались многие рабочие и служащие, не встречавшие должной поддержки местных властей. Суд жестоко расправлялся с грабителями.

“7-я верста“ памятна обывателям Харькова. Но обывательская фантазия до чрезвычайности преувеличивала происходившие на ней расстрелы. По приговору Революционного отрядного суда, действительно произведено было несколько расстрелов, но в общем их было крайне мало в сравнении с той разрухой, которая царила в городе».

Штаб Сиверса был памятен не только харьковчанам. С.П. Мельгунов приводит свидетельство социал-демократа А. Локермана о событиях 1918 в Ростове-на-Дону. Здесь расстреливались участники Добровольческой армии и лица, записавшиеся в нее, в том числе гимназисты, семинаристы, раненые из госпиталей: «В штабе [Сиверса] арестованных раздевали; иных оставляли в сапогах и брюках, которые стаскивали уже после расстрела, других оставляли только в кальсонах. В 20-м веке, среди белого дня, по улице большого города гнали зимой по снегу голых и босых людей, одетых только в кальсоны, и подогнав к церковной оградке, давали залпы... Многие крестились, и пули поражали в момент молитвы. Буржуазные предрассудки, вроде завязывания глаз, приглашения духовного лица и т.п., конечно, не соблюдались». (С.П. Мельгунов. Красный террор в России. 1918-1923. М., 1990. С.92).

³⁷ *Фенин Александр Иванович* (1865-1944) — горный инженер. Член Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина. Осенью 1919 после отставки В.А. Лебедева занял должность управляющего ведомством торговли и промышленности. После поражения белых армий — в эмиграции в Чехословакии. Преподавал в Горной академии в Пришбреме. Автор кн.: Воспоминания инженера. Об истории общественного и хозяйственного развития России (1883-1906 гг.). Прага, 1938. Умер и похоронен в Праге. Относительно *Соколова* на полях рукописи есть более поздняя приписка В.М. Смидовича: «Был расстрелян вместе с К.З. Бекарюковым в Севастополе в ноябре 1920 года (кажется, и с инж[енером] Мироновым)».

³⁸ Более поздняя сноска, сделанная рукой В.М. Смидовича: «Десятирублевые ассигнации печатались в Берлине, и их от денег Гос[ударственного] Банка нельзя было отличить».

³⁹ *В опущенной главе*: лето 1918 в Харькове, занятия С.Н. на библиотечных курсах; пешеходные экскурсии по окрестностям Харькова; 4-я годовщина начала мировой войны и концерт в честь нее для немецкого гарнизона.

⁴⁰ *На опущенных страницах*: помолвка Натальи Михайловны Смидович с Львом Алексеевичем Запорожцем; переход Сергея Смидовича из-за столкновения с учителем украинского языка в гимназию, где работал С.Н.

⁴¹ *Трубецкой Александр Евгеньевич* — младший сын Евгения Николаевича Трубецкого, кавалерийский офицер. В Добровольческой армии служил в Сводном гвардейском конном полку.

⁴² На полях рукописи примечание В.М. Смидовича: «Гораздо больше: целый эшелон аэропланов с целым составом солдат и офицеров-летчиков, командовал поручик Забутский или Забуцкий».

⁴³ *Ставровский Иван Николаевич* (р. 1883) — родной брат С.Н. Выпускник Петроградской консерватории. В годы Первой мировой войны был призван в армию, офицер военного времени. После гражданской войны — в эмиграции в Китае.

⁴⁴ *Величкин Александр Сергеевич* (р. 1901) — племянник С.Н., сын его сестры Софьи (1874-1922) и инженера-путейца Сергея Антиповича Величкина (1874-1944). После гражданской войны вся семья оказалась в эмиграции в Чехословакии.

⁴⁵ *Синельниково, Лозовая* — населенные пункты и одноименные железнодорожные станции в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии; *Мерефа* — железнодорожный узел и населенный пункт Харьковского уезда одноименной губернии.

⁴⁶ Семья *Михаила Петровича Зубрилова* (ум. 1930), занимавшего должность директора Богородицкого сельскохозяйственного училища

в то время, когда там работал С.Н. В описываемый период заведовал Персиановским сельскохозяйственным училищем под Новочеркасском.

⁴⁷ Так называли в то время перенаселенную квартиру на Бассейной.

⁴⁸ С.А. — *Петрово-Соловово* (урожд. Щербатова) *Софья Александровна* (ум. 1928), мать Александра, Дмитрия, Стази Петрово-Соловово.

⁴⁹ *В опущенной главе*: краткая характеристика махновщины; кончина в Ялте от туберкулеза брата С.Н. — *Николая* (1881-1918).

⁵⁰ *На опущенных страницах*: первые дни большевистской власти в Харькове; начало эпидемии тифа; безрадостное Рождество.

⁵¹ *Народобраз* — отдел народного образования.

⁵² *На опущенных страницах*: домашняя жизнь на Бассейной; дороговизна; голод в Москве — продуктовые посылки туда родственникам и друзьям.

⁵³ Сноска В.М. Смидовича: «Столяр по профессии, перед расстрелом азиатским способом сдирал "перчатки" с рук живых людей при помощи кипятка и подрезания кожи в запястье».

О зверствах коменданта харьковской чрезвычайки Саенко немало сведений приводит и С.П. Мельгунов (Указ. соч. С.122-126, 129, 139). По свидетельству сидевшего в то время в харьковской тюрьме известного левого эсера В.А. Карелина, «легенды, ходившие про него в Харькове, не расходились с действительностью. /.../ Человек с мутным взглядом воспаленных глаз, он, очевидно, все время был под действием кокаина и морфия. В этом состоянии он еще ярче проявлял черты садизма». В числе прочих злодеяний особое место занимали скальпирование и снятие перчаток с кистей рук. Это было своего рода «специализацией» харьковской ЧК.

⁵⁴ Примечание В.М. Смидовича: «Причем закапывали сами заключенные и нередко еще живых, причем отказ влек за собой немедленный расстрел. Это рассказывал сидевший в ЧЕКе граф Сапгайло». Фамилия написана не совсем разборчиво, возможно — Сангайло.

⁵⁵ Произведение Юлия Цезаря «Записки о галльской войне».

⁵⁶ Латинский термин, обозначающий заложничество.

⁵⁷ *Рухимович Моисей Львович* (1889-1938) — государственный и партийный деятель. Член КП с 1913. В октябре 1917 — председатель Харьковского ВРК и штаба Красной гвардии. В 1918-1919 — военком Центрального управления по формированию Красной армии УССР, член СНК УССР. С 1920 на советских и партийных постах. Репрессирован. *Межлаук Валерий Иванович* (1893-1938) — государственный и партийный деятель. Брат И.И. Межлаука. Член КП с 1917. В январе-июне 1919 нарком, замнаркома по военным делам УССР. После гражданской войны на государственных и партийных постах. Репрессирован. *Артем* (Сер-

геев Федор Андреевич, 1883-1921) — государственный и партийный деятель. Член КП с 1901. Один из руководителей борьбы за советскую власть в Харькове и Донбассе. С января 1919 — заместитель председателя СНК УССР и нарком советской пропаганды. Член ЦК КП(б)У (1918-1920) и РКП(б) (1920-1921). Погиб при испытании аэрогаона под Москвой. *Раковский Христиан Георгиевич* (1873-1941) — государственный и партийный деятель. Член КП в 1917-1927 и в 1935-1937. В 1918 — председатель Временного революционного правительства Украины. В 1919-1923 — председатель СНК УССР. С 1923 на дипломатической работе. Репрессирован. Расстрелян в Орловской тюрьме.

⁵⁸ *На опущенных страницах*: поездка Троцкого на фронт вблизи Харькова; преподавание С.Н. на подготовительных курсах; выдача жалования учителям; уличные бои в Харькове; вступление Добровольческой армии.

⁵⁹ Вступление в ряды Добровольческой армии было явлением довольно массовым. Губернский инструктор Герасим Шевчук, по-видимому, оставленный большевиками для подпольной работы, писал в «Информационном докладе о положении в г. Харькове с момента вступления туда деникинской Добровольческой армии», направленном 17 июля 1919 в Президиум Харьковского губисполкома: «На другой день по прибытии деникинцев, т.е. 26 июня, было приступлено к записи добровольцев. Подавляющее большинство последних, безусловно, составляет офицерство, юнкера, студенчество, буржуазный элемент и интеллигенция. Из среды рабочих также записывались добровольцами, но это по большей части из числа безработных. Первый день, по газетным сообщениям, дал 1 500 человек добровольцев. В последующие дни также небезуспешно производились записи. Так что в начале июля называли довольно порядочную цифру записывающихся добровольцами, как например, 10 000 человек». (Харьковщина в период гражданской войны и иностранной военной интервенции 1918-1920 гг.: Сборник документов и материалов. Харьков, 1973. С.156).

⁶⁰ *Богодухов* — уездный город Харьковской губернии.

⁶¹ *Туркул Антон Васильевич* (1892-1957) — из дворян Бессарабской губернии. Участник Первой мировой войны. С января по октябрь 1919 — командир 1-го батальона 2-го офицерского Дроздовского полка, затем — командир 1-го офицерского стрелкового Дроздовского полка. В апреле 1920 произведен в генерал-майоры. С августа 1920 — начальник Дроздовской стрелковой дивизии. После гражданской войны в эмиграции в Югославии, после Второй мировой войны — в ФРГ. Автор книги «Дроздовцы в огне» (Белград, 1937).

⁶² *На опущенных страницах*: продолжение боя за Богодухов; страх автора попасть в плен к большевикам («И я мысленно молился Богу, чтобы меня уж лучше убили, чем ранили»); прибытие артиллерийского подкрепления и Терской дивизии.

⁶³ *На опущенных страницах*: мародерство, спекуляция и еврейские погромы, организованные заведующим агитпоездом Э.А. Кроном; его циничное отношение к пропагандистским обязанностям; конфликт с ним автора.

⁶⁴ *В опущенной главе*: болезнь Сергея Смидовича в Армавире; свадьба Н.М. Смидович и Л.А. Запорожца; известие о смерти Дмитрия Петрово-Соловово.

⁶⁵ *В опущенных главах*: крушение Добровольческой армии; последние встречи с А.Е. Трубецким и С.М. Смидовичем; приближение фронта к Харькову; бегство родных С.Н. и его самого (сначала в эшелоне, потом пешком) в Ростов-на-Дону.

⁶⁶ *Ставропольский Владимир Николаевич* (р. 1877) — родной брат С.Н., врач.

⁶⁷ *Нахичевань* — безуездный город Ростовского округа Области Войска Донского на правом берегу Дона в непосредственной близости от Ростова-на-Дону, составной частью которого он и стал в советское время.

М.С. Немцов
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ
(ЗАПИСКИ ХИМИКА)

Предлагаемый читателю мемуарный текст принадлежит ученому. Автор его — Марк Семенович Немцов (р. 1900) — известный физико-химик, работавший в ГИПХе, Институте высоких давлений, ВНИИСКЕ и Нефтехиме. Исследования Немцова по синтезу изопрена, по технологиям фенола, ацетона и альфа-метилстирола, а также диспропорционированию канифоли — известны всем специалистам и практикам страны. Поныне действуют производства сырья для каучуков и пластмасс, созданные при его активном участии. Рассказ о работе над ними также входит в состав воспоминаний. Однако для публикации мы выбрали первую часть рукописи, повествующую о становлении ученого в 1920-1930-е годы, о научной и общественной атмосфере тех лет, об аресте автора в июле 1941 по «подозрению в шпионаже», следствии, пребывании в андижанской тюрьме, дальнейшей работе на одной из бесчисленных «шарашек», принадлежавших 4-му Спецотделу НКВД... Рядом с ним трудились и другие «враги народа»: И.П. Граве — фактический изобретатель знаменитых «катиош», крупнейший отечественный микробиолог Л.А. Зильбер, В.В. Ипатьев и множество других эзков, чьи имена составляют гордость не только русской, но и мировой науки...

О «шарашках», тюрьмах и лагерях, о «подконвойной советской науке» написано множество исследований и мемуаров, и с этой точки зрения воспоминания Немцова могут показаться не столь уж информативными. Ценность их в другом: в личности самого автора и его взгляде на происходящее — спокойном взгляде ученого, которому в любых обстоятельствах не изменяют ни логика, ни стремление к анализу, ни четкое различие относительного и абсолютного, ни, наконец, простой человеческий юмор...

Февральская революция застала меня учеником выпускного класса восьмиклассного коммерческого училища Общества экспериментальной педагогики, организованного в 1909 году по инициативе группы ученых во главе с профессором А.П. Нечаевым. Эта школа, как и Выборгское коммерческое училище, были первыми в Петербурге школами, в которых совместно обучались мальчики и девочки. В то время совместное обучение было новшеством, нетерпимым в системе Министерства просвещения, во главе которого стоял весьма консервативный министр Кассо.

Именно поэтому оба упомянутых училища оказались в системе Министерства торговли и промышленности, министр которого Тимашев настолько мало интересовался своими училищами, что им обеспечивалась практически полная свобода деятельности. Результатом этой свободы, в частности, явился уже сам факт моего поступления в эту школу.

Так, в дореволюционное время для евреев существовала процентная норма при поступлении в школу — 3% от общего количества учащихся. Соответственно, в учебном классе с 30-40 учениками мог учиться не более, чем один еврей.

В соответствии с этим, для получения начального образования еврей должен был пройти жесточайший конкурс, к которому приходилось специально готовиться с большой затратой времени и труда.

До поступления в коммерческое училище я пытался пройти конкурс в Первую гимназию, которая являлась одним из лучших учебных заведений в Петербурге. В конкурсе, кроме меня, участвовал еще один еврей, который, провалившись в прошлом году, пытался попасть в тот же класс второй год.

На экзамене по арифметике требовалось решить несколько примеров и задачу. Быстро закончив примеры, задачу я решил двумя различными способами, когда увидел, что мой соперник уже направился к экзаменатору со своей работой. Понимая, что мое опоздание дает ему лишний шанс против меня, я сдал свою работу практически одновременно.

Однако это не помогло, так как мой соперник, затративший на работу те же полчаса, решил задачу тремя разными способами, что и привело к моему поражению. После этого мы оба просидели полтора часа, ожидая, пока все остальные экзаменующиеся решили задачу хотя бы одним способом.

Аналогичный конкурс происходил и при поступлении в коммерческое училище, где у меня был также главный конкурент, как и я, сын петербургского врача. На экзаменах мы оба показали весьма высокий уровень подготовки, но в отличие от «неумоли-

мых» законов гимназии, Учительский совет, затрудняясь в выборе между нами, направил в Министерство торговли письмо с просьбой разрешить принять в этом году двух евреев, обещая в будущем году не принять ни одного. К счастью для нас обоих, это ходатайство Министерством было удовлетворено.

Шура Ротенберг, как звали моего соперника, и я в течение всей нашей совместной учебы в школе оставались соперниками и не только по успеваемости, но даже влюбились в одну и ту же одноклассницу, хотя и безуспешно, так как она предпочла другого.

Кстати, нечто общее было между нами и по «разбросанности» наших интересов. Так, Шура после окончания школы по примеру своего отца поступил на медицинский факультет, но, увлекаясь театральным искусством, пытался совместить медицину с работой актера в одном из театров. По этому поводу товарищи остряли: «Ротенберг лучший актер среди врачей и лучший врач среди актеров»...

«Либеральное» отношение Министерства торговли к своим учебным заведениям проявилось также в том, что специальные предметы: коммерческая арифметика, коммерческая география и другие обязательные для коммерческих училищ дисциплины оказались дирекцией «позабытыми», и вспомнили о них только в восьмом классе. Соответственно проведение уроков по этим предметам оказалось откровенной формальностью, что однако, министерством «замечено не было».

В результате фактическая программа школы отвечала классической гимназии, в которой, в частности, изучался, например, латинский язык, отсутствовавший в программах не только коммерческих и реальных училищ, но и некоторых гимназий.

Особенностью преподавания в нашей школе были уроки-лекции, читавшиеся преподавателями преимущественно университета, соответственно на более высоком, чем в обычных школах уровне, а также постоянное стимулирование самостоятельного мышления учащихся.

Кстати, характерными в этом отношении являлись психологические эксперименты, проводившиеся над учениками младших классов в лаборатории Общества экспериментальной педагогики, находившейся при училище. Так, за окошечком специального прибора помещался какой-нибудь предмет, причем это окошечко открывалось на заданное весьма короткое время, недостаточное для того, чтобы успеть разглядеть этот предмет. Испытуемый должен был подробно рассказать, что он увидел. Естественно, что этот «рассказ» существенно зависел от воображения и фантазии. Впрочем, мы, в порядке мистификации, иногда такое рас-

сказывали, что повергали экспериментаторов — молодых девушек и юношей — в шок, после чего извинялись за «шутку».

Интересным примером характера преподавания было постоянное писание сочинений, начиная с первого класса, отвечающего современному третьему. Мне запомнилось мое собственное «сочинение», написанное в первом классе по распространенной в те годы литографии, изображавшей молодую женщину с ребенком на спине, идущую по полю, усеянному цветущими маками.

Мое сочинение начиналось текстуально так: «Одна молодая женщина в Египте женилась на одном молодом профессоре, но пользовалась счастьем недолго. Молодой профессор через год умер, оставив ей двухлетнего ребенка...»

Как это было принято, некоторые сочинения в классе обсуждались. По моему сочинению ребята единодушно отметили неправильность выражения: «женилась», тогда как надо было «вышла замуж», но никто не заметил необычного возраста ребенка.

Интересно также отметить, что в 1917 году мне пришлось по семейным обстоятельствам уехать из Ленинграда до окончания учебного года и по предложению Дирекции училища выпускные экзамены по всем предметам мне были заменены соответствующими сочинениями. Для иллюстрации характера последних достаточно отметить, что по политической экономии мое сочинение было посвящено «критическому развитию» учения Маркса, в котором доказывалось, что первая палка в качестве орудия производства уже могла рассматриваться как «капитал»... В результате мною был получен аттестат, в котором по всем предметам были поставлены пятерки, кроме одной четверки — по латинскому языку. Это исключение явилось следствием того, что приглашенный из классической гимназии преподаватель этого предмета категорически отказался поставить пятерку, сказав: «На пятерку знает Господь Бог, на четверку — господин учитель, а ученику больше тройки не положено». И еле-еле согласился на четверку.

Тем не менее, мне присудили золотую медаль, позволявшую в то время поступать в высшее учебное заведение без экзаменов. Я выбрал Путьский институт под влиянием, главным образом, книг Гарина-Михайловского «Гимназисты», «Студенты» и «Инженеры», заразивших меня романтикой строительства железных дорог и красавцев-мостов.

Обстановка в институте была своеобразной. Путьский институт считался привилегированным учебным заведением, студентами которого являлись преимущественно сынки аристократов и богачей. Они носили голубые мундиры на белой атласной под-

кладке, с кортиками, пропущенными через карманы, сюсюкали и картавили в разговоре. Относились к нам — плебеям, по меньшей мере, с пренебрежением.

В общем, эта обстановка не производила на меня отрадного впечатления, несмотря на то, что учебные чертежи студенты чертили на наклеенном на чертежных досках ватмане, похожем на голубой мрамор императорских дворцов.

***

Решающим обстоятельством моего оставления института явился так называемый «саботаж интеллигенции» в первые месяцы революции и гражданской войны.

К тому же мой отец, врач по профессии, большевик с 1918 года, заочно приговоренный белофиннами к расстрелу за большевистскую пропаганду, в то время был начальником санитарной части Котласского района 6-й армии Северного фронта, сражавшегося с английскими интервентами. Это также не могло не повлиять на мое решение бросить институт и поехать на фронт.

Так, не достигнув 18-летнего возраста, я оказался «активным защитником революции». Однако собственно в военных действиях мне практически участвовать не пришлось. То ли по молодости лет, то ли вследствие моей «высокой грамотности», которая в те годы в армии была дефицитной, но я использовался преимущественно на «интеллигентных» должностях: сотрудника для поручений при штабе армии, инструктора агитпросвета, начальника связи, председателя полкового суда.

Кстати, в качестве руководства судебной деятельности в то время у меня была лишь инструкция, в которой подробно указывалось, как вести документацию, а в отношении существа дела имелась лишь одна фраза: «Судить согласно революционной со-
вести».

В 1921 году, по окончании гражданской войны, приказом Реввоенсовета республики я был демобилизован и как бывший студент направлен для продолжения образования в Ленинград, по месту моего жительства.

***

Выбирая свою будущую специальность, я решил поступать в Ленинградский Политехнический институт на химический факультет, так как тяга к химии оказалась еще со времен школы все же наибольшей.

Выбор института также не был случайным, так как в то время именно этот институт был известен не только составом своих преподавателей — ведущих ученых нашей страны, но и передовыми методами преподавания.

Поначалу мое становление студентом неожиданно встретило трудности. Приехав в Ленинград ранней весной, я мог сначала поступить на подготовительные курсы при институте, чтобы осенью после их окончания экзаменоваться уже в институт. Это меня вполне устраивало, так как кое-что вспомнить было полезным. Экзамен же для поступления на курсы мне, бывшему золотому медалисту представлялся простой формальностью. Но не тут-то было! На экзамене по математике я позорно провалился, не сумев достаточно четко проанализировать систему уравнений.

Кстати, этот факт и сегодня заслуживает внимательного рассмотрения. В те двадцатые годы для поступления на подготовительные курсы требовались знания, которых, как правило, недостает многим нашим студентам!

И другой факт для размышления. После окончания школы повышенного типа с золотой медалью я безусловно имел достаточную подготовку по математике, чтобы непосредственно выдержать экзамен для поступления в ВУЗ. Однако за три года военной службы эти знания были в значительной мере утрачены. Этот факт наглядно подтверждает явную нецелесообразность перерыва вузовской учебы для прохождения воинской службы.

Если же вернуться к моей личной судьбе после провала на экзамене, этот вопрос оказался легко разрешимым. Мое военное удостоверение командира Красной Армии, направляемого по решению Реввоенсовета для продолжения учебы, оказалось достаточным для моего зачисления студентом непосредственно на химический факультет, где я начал быстро восстанавливать свои знания.

***

Однако уже в первый период своего студенчества, изголодавшись во время гражданской войны не только по науке, но и по искусству, я одновременно поступил в Музыкальный институт, по классу виолончели, на которой немного играл еще до революции, а позднее — также и в Академию художеств.

Этот последний факт оказался неожиданным даже для меня самого. Так, хорошо рисуя с детства, что было известно в институте по моим наброскам портретов преподавателей и студентов, я как-то получил задание студенческого Кружка химиков и метал-

лургов получить в Академии художеств заказанные там декорации, за которыми и приехал на грузовом автомобиле. Увидев на входной двери объявление о конкурсных испытаниях для желающих поступить в Академию, я обратил внимание, что приехал как раз в последний день приема заявлений. Как было не рассмотреть этот факт иначе, чем «перстом судьбы». Без всяких, конечно, серьезных намерений зашел в канцелярию.

— Заявление подать можете, но все равно не поступите, — сказала девушка.

— Почему Вы так уверены? — спросил я.

— А потому, что вакансий 80, а заявлений уже больше 900, — мило улыбаясь, ответила девушка.

Кто бы мог подумать, что в те тяжелые времена оказалось столько желающих посвятить себя искусству?

Несмотря на столь убедительное «разъяснение», полученное в канцелярии, я все же решил заявление подать. По крайней мере, похожу по этим священным для меня ступеням, по которым ступали ноги моих кумиров — передвижников и мирискусников.

Первый экзамен, одновременно по русскому языку, математике и физике, трудности не представлял, так как в те времена, если поступающий в Академию, умножая дважды два, получал произведение не более пяти, то для будущего художника большей точности не требовалось.

Экзамены же по специальным предметам продолжались более трех месяцев, так как они состояли из четырех работ: рисунка натюрморта, архитектурного рисунка, живописи и скульптуры, причем на каждую работу отводилось по три дня. Рассадить же около 1000 человек с их мольбертами в Академии одновременно было невозможно.

Каково же было мое удивление, когда моя фамилия оказалась в числе 80-ти принятых. В результате я стал студентом одновременно трех учебных заведений, что, конечно, превышало возможности полноценной учебы в каждом из них. Но тогда мне казалось, что после всего пережитого в годы гражданской войны я смогу преодолеть все.

Надо сказать, что условия учебы в Политехническом институте тогда существенно отличались от современной практики. Посещение лекций и других занятий никем и никогда не регистрировалось. Требовалось лишь выполнение всех предусмотренных программой экспериментальных и письменных работ. Экзамены же проводились весьма требовательно, и проставляемые оценки строго отвечали действительным знаниям, без всяких поправок для украшения отчетов по успеваемости. В этих условиях студент не

тратил лишнюю энергию на «оформление» посещаемости и на разработку «техники» сдачи экзаменов с минимальной затратой времени и труда на подготовку.

То же относилось и к посещаемости Академии художеств, с той лишь разницей, что в последней условия работы были существенно худшими. Так, в помещениях было холодно, что практически исключало голую натуру, а закутанные в лохмотья старики и старухи представляли собой малополезный материал. Профессора появлялись сравнительно редко, преимущественно в день выдачи «академических селедок». Студенты практически были предоставлены самим себе, что в те годы «опровержения» всех канонов академического искусства и повального увлечения футуризмом существенно мешало систематическим занятиям. Особенно трудно было тем немногим, которые, как и я, тяготели к реалистическому искусству и оказались, как мы говорили тогда, «загнанными на чердаки».

Резко расходились в то время и критерии «качества» искусства в среде преподавателей Академии, что наглядно иллюстрирует, например, следующий факт.

Оценка работ студентов производилась ежеквартальными зачетами, которые осуществлялись заочно комиссиями преподавателей с оценкой работ на отчетных выставках. Эти работы вывешивались нами на стендах, установленных зигзагообразно и закрытых до самого пола, причем оценки давались в двух вариантах: зачет и незачет.

Нам же было весьма интересно услышать более конкретную оценку со стороны профессоров Академии. Поэтому мы задолго до прихода экзаменаторов забирались в зал, прятались за своими стендами и ждали прихода комиссии. Для характеристики оценок, даваемых экзаменаторами, приведу свой пример. На одном из выставленных мною холстов был натюрморт со скрипкой, написанный под влиянием моих «музыкальных» увлечений с особой любовью. Когда, затаившись за своим стендом, я услышал, что мой непосредственный руководитель мастерской Николай Эрнестович Радлов одобрительно отозвался об этой работе, сказав, что моя скрипка «радостно сверкает на солнце», то я преисполнился большой гордости. Однако этой радости суждено было тут же померкнуть, так как в ответ Николаю Эрнестовичу я услышал от другого члена комиссии: «Ну, что вы в ней нашли? Работа не закончена, нет никакого ансамбля».

Впрочем, аналогичные разногласия экзаменаторов были обычными, как обычен был и отзыв — «зачет».

На следующий год после перехода на второй курс Академии художеств передо мной встал трудный вопрос. Вышло постановление о запрещении состоять студентом одновременно двух ВУЗов. После мучительных раздумий я выбрал Политехнический институт, утешая себя тем, что при существующих условиях учебы в Академии я мало потеряю, продолжая рисовать и лепить дома. Конечно, эта надежда была несостоятельной, так как действительный успех в искусстве требует предельной отдачи всех сил. Эта истина была мною постигнута позже, когда в дневнике, где я записывал свои «мысли», появилось следующее «изречение»: «Дилетант подобен многоженцу, какой бы музе он себя ни посвящал, другим он неизбежно изменяет».

Справедливость этой истины была, в частности, подтверждена моим личным опытом в области музыки. Так, во время исполнения в оркестре Музыкального института партии вторых виолончелей со мной приключился следующий позорный случай.

На одной из репетиций «Детской симфонии» дирижировавший оркестром директор института Николай Давыдович Бернштейн вдруг остановил исполнение словами: «Кто-то врет. Повторяем этот такт». — Повторили. — «Кто-то врет. Играют только первые скрипки». — Играют. — «Порядок. Вторые скрипки». — Играют. — «Порядок. Альты!» — Играют. — «Порядок, первые виолончели». — Играют. — «Правильно. Вторые виолончели». — Играем. — «Вранье, первая вторая виолончель». — Играет. — «Правильно, вторая вторая виолончель». Тут только я, поглощенный до этой минуты своими «политехническими» заботами, испугался, не я ли виновник «вранья», но не успеваю сообразить в чем дело, играю без диеза и с опозданием слышу, что моя будущая жена, исполнявшая в оркестре партию рояля, суфлирует мне правильную ноту.

Так этот случай остался для меня позорной страницей на всю жизнь...

***

Как и следовало ожидать, оставив Академию художеств, я вскоре перестал посещать и Музыкальный институт, и вплоть до окончания Политехнического института в 1928 году все эти годы практически были посвящены лишь изучению наук в программе химического факультета, которая, в отличие от большинства других технических ВУЗов, была весьма обширной и базировалась на углубленном усвоении теоретических основ химии и физики.

Главной же особенностью Ленинградского политехнического института была направленность подготовки будущих инженеров не на ознакомление с существующей техникой, которая быстро устаревает, а с лежащими в ее основе фундаментальными науками и, что наиболее важно, с навыками научного мышления.

Характерным примером в этом отношении является запомнившаяся мне на всю жизнь беседа с преподавателем лаборатории органической химии Шалиным. Так, уже при первом знакомстве с ним, он спросил меня — умею ли я читать научную литературу и, не ожидая ответа, сказал: «Вот, к примеру, в книге написано: "...В коническую полулитровую колбу вводится 200 миллилитров реакционной жидкости..." Читая, Вы должны последовательно задавать себе вопросы: Почему в "коническую"? Почему "полулитровую"? Почему "колбу"? Почему "вводится"? Почему "200 миллилитров"? Почему "реакционную"? Почему "жидкость"?» Столь же эффективно стимулировало усвоение научного мышления общение с преподававшими в Политехническом институте учеными с мировым именем: академиками А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семеновым, А.А. Байковым, В.А. Кистяковским, а также с профессором П.П. Федотьевым и др. крупными учеными. Так, например, на сдаче последнему экзамена по химической технологии мы в течение двух часов «вели беседу» по теоретическим основам нескольких технологических процессов, существенно выходя за пределы материала в учебниках.

***

Огромную роль в моем становлении как работника науки сыграл профессор А.Ф. Добрянский, под руководством которого мною была выполнена дипломная работа, проводившаяся в течение почти целого года в лаборатории при заводе Нефтегаз (впоследствии ВНИИХимгаз), научным консультантом которого был А.Ф. Добрянский.

Александр Флавианович был не только выдающимся ученым, талантливым исследователем и глубоким мыслителем, но и живым, остроумным человеком, интересы которого выходили далеко за пределы его узкой специализации. Это был русский интеллигент в самой высокой степени этого понятия, для которого абсолютная честность и бескомпромиссное служение научной истине были главным смыслом жизни.

Этот последний факт, в частности, подтверждается тем, что его многочисленные статьи и книги написаны столь образным и ясным русским языком, что ему могли бы позавидовать многие

профессиональные писатели. И это не случайно. Он постоянно говорил своим ученикам, что недостаточно самому понимать свои писания. Первейший долг ученого писать свои книги и статьи так, чтобы они были вполне доступны возможно более широкому кругу читателей, на что требуются усилия ничем не меньшие тех, которые затрачивает поэт на каждую строчку своих сочинений. Эта глубоко человеческая мысль постоянно приходит мне в голову, когда я читаю научные опусы авторов некоторых книг и статей в научных журналах, смысл которых непонятен не только читателю, но, по-видимому, не вполне ясен и самим авторам.

Кстати, по своему внешнему облику А.Ф. Добрянский был удивительно похож на известного английского политического деятеля Чемберлена, карикатуры на которого в те же годы часто публиковались в печати. Этот факт послужил причиной забавного случая: однажды А.Ф. Добрянского задержала на Московском вокзале милиция, приняв его за Чемберлена. Когда же он предъявил пропуск опытного завода «Химгаз», где работал в качестве научного консультанта, этот документ, очевидно, не успокоил нашу бдительную милицию. Для окончательной проверки милиционер позвонил на «Химгаз», сказав, что им был найден на вокзале пропуск на имя А.Ф. Добрянского, и просил описать его внешний вид, чтобы найти его и вернуть ему пропуск. Когда же отвечавший по телефону вместо «описания» просто сказал, что тот очень похож на Чемберлена, то интерес милиционера к «задержанному», оказавшемуся простым советским человеком, пропал, и А.Ф. Добрянский был немедленно выпущен.

***

После успешной защиты дипломной работы в 1928 году мною был получен диплом об окончании Политехнического института со званием инженера-химика.

Учитывая мою явную склонность к научной работе, Ленинградская областная стажерская комиссия направила меня для дальнейшей научной подготовки в лабораторию высоких давлений Института прикладной химии, возглавляемую академиком В.Н. Ипатьевым. Трудность заполнения в данном случае вакансии стажера, т.е. в современном понимании аспиранта, у В.Н. Ипатьева заключалась в том, что несколько других абитуриентов, посылавшихся ему ранее, встречали неизменные отказы по самым различным поводам: то не было опубликовано статей в научных журналах, то отсутствовали рекомендации ведущих ученых, то не было опыта органических сожжений и т.д. Потому ли, что все эти

обоснования отказа ко мне были неприложимы, или по другим причинам, но я совершенно неожиданно был принят.

В 1929 году, когда лабораторию В.Н. Ипатьева выделили из ГИПХа в самостоятельный Институт высоких давлений (ГИВД), я получил должность химика-исследователя, и в 1930 году стал заведующим организованного мною сектора гидрогенизации.

Этот институт отличался от других подобных институтов тем, что при его преимущественно теоретической специализации в нем проводились одновременно работы по практическому использованию полученных фундаментальных исследовательских данных, причем со значительным техническим успехом. Тем самым ГИВД наглядно подтверждал пророческие слова Людвиг Больцмана: «...Нет ничего практичнее хорошо обоснованной теории...»

Значительную роль в этой особенности ГИВДа сыграл его основатель и руководитель в первые годы деятельности В.Н. Ипатьев.

Важнейшей особенностью Ипатьева-ученого была его исключительная прозорливость в отношении значимости результатов исследования, как в общенаучном плане, так и в части перспектив их технического использования. Поэтому, в отличие от других ученых, специалистов более узкого профиля, он оказался фактически основоположником в целом ряде областей новой техники, и, в частности, в создании современной нефтепереработки и нефтехимии.

Эта способность В.Н. Ипатьева наглядно иллюстрируется, например, следующим случаем. Вернувшись из поездки на какой-то конгресс в Японии, Владимир Николаевич обратился к одному из своих любимых учеников, Б.Н. Долгову, с просьбой составить доклад «О промышленности Японии», который ему предстоит сделать на заседании Русского физико-химического общества. Для Б.Н. Долгова, типичного химика-органика лабораторного профиля, никогда не занимавшегося раньше химической технологией, такое предложение показалось невыполнимым, что он и пытался доказать своему шефу. «Ничего, ничего, я Вам дам книжки... Вы прекрасно справитесь...» — ответил В.Н. Ипатьев. Доклад Долговым был составлен, хотя его автор ни в технологии, ни в вопросах промышленности действительно не разбирался.

Но каково же было наше удивление, когда В.Н. Ипатьев, основной научный профиль которого практически не отличался от специализации его ученика, составившего доклад, сделал его в РФХО так, что у слушателей создалось впечатление, что доклад-

чик проработал в японской промышленности по меньшей мере несколько лет?!

Другой особенностью В.Н. Ипатьева был характер восприятия им научной информации в личной беседе. В отличие от многих других ученых его ранга, он всегда внимательно и неторопливо выслушивал собеседника, не проявляя обычно немедленной реакции. Иногда создавалось даже впечатление, что В.Н. «тяжелодум». Так, например, посещая своих учеников и сотрудников, что, кстати, бывало далеко не часто, так как его загруженность была феноменальной, он, выслушав рассказ и ответы на свои вопросы, обычно забирал соответствующие письменные данные домой, почти не делясь своими мыслями об услышанном. Но при своем следующем посещении, возвращая материал, В.Н. Ипатьев четко и с исчерпывающей полнотой излагал свои мысли и заключения по работе, как будто лишь об этом и думал все то значительное время, которое прошло после его предыдущего посещения.

И вообще В.Н. Ипатьев принимал свои научные решения обычно не сразу, а после обстоятельного их обдумывания. Но если такое решение состоялось, переубедить его было очень трудно. Однако причиной этого было отнюдь не сомнение или недооценка авторитета других ученых. Так, например, несмотря на свои глубокие и многосторонние знания, Владимир Николаевич прекрасно понимал, что в ряде даже близких областей его подготовка недостаточна для принятия однозначных решений. В частности, будучи блестящим органиком и синтетиком, он сознавал ограниченность своих знаний в области физической химии, необходимых для глубокого и вполне критического изучения механизма и закономерностей протекания органического синтеза. Кстати, в первой половине нынешнего века подавляющее большинство химиков-органиков всего мира не только недооценивало решающего значения физической химии в органическом синтезе, но даже «принципиально» отказывалось от ее использования в своей работе, признавая достоверность лишь «прямого эксперимента». И лишь не так давно химики-органики поняли, что без физико-химического анализа в органическом синтезе именно «прямой эксперимент» наименее достоверен и часто приводит к наибольшим ошибкам.

Наглядным подтверждением полного отсутствия у В.Н. Ипатьева подобной ограниченности уже в те годы, когда физическая химия в приложении к органическому синтезу еще лишь начала развиваться, является следующий забавный факт. В двадцатых годах по какому-то научному вопросу В.Н. Ипатьев никак не соглашался с предложениями своих сотрудников. В одной из горячих

бесед на эту тему его старейший ученик и соратник проф. Н.А. Орлов, отчаявшись в попытках переубедить Ипатьева, в шутку произнес: «...Но ведь α (альфа), Владимир Николаевич, тут велика...», хотя ни о какой α здесь и речи не могло быть... Не подозревая шутки, Ипатьев смутился и после длинной паузы произнес: «...так Вы говорите, что α велика... ну, тогда я, пожалуй, согласен...» С тех пор подобные приемы в спорах стали именоваться в лаборатории «взятием на альфу».

В соответствии с предельной четкостью своего научного мышления В.Н. Ипатьев особенно ценил принципиальные и оригинальные идеи. Так, например, руководя работами, проводившимися не только в ряде советских организаций, но и за рубежом (он был научным руководителем исследовательской лаборатории Stickstoffwerke в Германии, с которой в то время развивалось научное сотрудничество), он говорил нам, что из-за границы он привозит нам оборудование и лабораторные методики, а от нас увозит научные идеи.

Кстати, лабораторное оборудование, и в частности компрессоры и другую дорогостоящую аппаратуру, он приобрел за границей для института на собственные деньги.

***

Важнейшей особенностью ГИВДа была исключительная взаимозаинтересованность всех членов его дружного коллектива во всех работах института. Этот отрядный факт, в частности, выражался в неизменно горячих дискуссиях на Ученом Совете и на других научных собраниях и совещаниях. Научные споры велись с такой экспрессией и бескомпромиссностью, что напоминали то ли рыцарские турниры, то ли «бой быков в Испании». Неудивительно, что промышленные организации, охотно заключавшие с ГИВДом договоры на проведение исследовательских работ, в качестве условия обычно оговаривали приемку работы на Ученом Совете самого института, зная, что в ГИВДе «круговая порука» и защита «чести мундира» принципиально исключены.

При этом самые резкие критические оценки исходили от лучших друзей докладчика, который не только не обижался, но и воспринимал критику с радостью. Ведь иногда даже ошибочные высказывания оппонента могут вызвать у автора новую ценную и правильную мысль, за которую нельзя не быть благодарным. Как это непохоже на обстановку «научных споров» в некоторых институтах настоящего времени, когда сколько-нибудь резкое научное высказывание воспринимается как недопустимое личное оскорбле-

ние, «пресекаемое» председателем как нарушение «этических норм».

В соответствии с активной творческой атмосферой во всех лабораториях ГИВДа проблемы «рабочей дисциплины» в нем вообще не существовало. Более того, дирекция института была вынуждена бороться за то, чтобы хотя бы к 10-ти часам вечера сотрудники, не имеющие на это специального разрешения, покидали лаборатории и не приходили работать в праздничные дни. Если к этому добавить, что в те годы должностные оклады научных работников были весьма небольшими, то никакой корысти в такой напряженной работе быть не могло, и, естественно, в институте карьеристы и «дельцы от науки», как удачно назвал этих людей Альберт Эйнштейн, практически отсутствовали, что существенно отличало ГИВД от большинства современных институтов.

Кстати, своеобразным было отношение работников ГИВДа к научным степеням и званиям. В отличие от современных условий, к защите диссертаций никто не стремился, тем более, что при большом научном вкладе ученые звания присуждались без защиты, по совокупности опубликованных работ. Так, например, ученое звание «действительного члена института», равнозначное званию «профессора», было мне присуждено в 1935 году, причем оно практически не отражалось на должностном окладе.

Не стремились тогда и к защите докторских диссертаций, считая это излишней формальностью, что, конечно, было неправильным, так как в нормальных условиях докторская диссертация должна являться обобщением ведущихся ученым исследований, которое способствует их развитию и углублению. В соответствии с этим в 1937 году академик А.Е. Порай-Кошиц на своем юбилее в заключительном слове высказал мысль о непростительности уклонения молодых ученых от защиты докторских диссертаций, которые являются «праздником науки». Это выступление оказало на меня столь сильное воздействие, что я, бросив все свои «неотложные» дела на два с половиной месяца, написал диссертацию, за которую в 1939 году ВАКом мне была присвоена степень доктора химических наук, которая, кстати, также мало отразилась на материальных и прочих условиях моей жизни. Кроме, конечно, упомянутого «праздника науки», на котором мой лучший друг А.В. Фрост разразился речью, где критических замечаний было не меньше, чем восхвалений.

Кстати, сопоставляя те времена с сегодняшним днем, невольно вспоминаю слова одного старого профессора, который сказал: «Ученым нельзя много платить, иначе все прохвосты полезут в науку».

Моя научная деятельность в ГИВДе, институте, специализировавшемся в области науки и техники процессов, происходящих под высокими давлениями, была в частности направлена на углубленное изучение процессов деструктивной гидрогенизации. Эти процессы в то время промышленно использовались лишь в Германии, где вследствие отсутствия месторождений нефти бензин получался из каменного угля (процесс Бергиуса). Для нашей страны, богатой нефтью, такое производство особого интереса не представляло, но сам метод открывал широкие возможности наиболее эффективного использования тяжелых нефтяных остатков и смол для получения высококачественного моторного топлива.

В соответствии с упомянутой преимущественно теоретической направленностью работ ГИВДа, основное внимание нашей лаборатории было посвящено изучению кинетики и механизма реакций углеводородов, что уже к середине тридцатых годов позволило построить теоретический анализ широкого комплекса реакций, происходящих в процессе пирогенетической переработки и, в частности, деструктивной гидрогенизации углеводородного сырья. Эти теоретические работы публиковались в научной литературе и приобрели достаточно широкую известность.

Так, когда в период расширения связей с Германией представители нашего министерства встретились с немецкими учеными, работающими в области производства бензина из каменного угля, и попросили рассказать об их работах, те ответили: «Зачем вы спрашиваете нас, когда у вас есть главный теоретик в этой области Немцов, а мы только умеем строить заводы...»

Конечно, этот ответ имел и иронический оттенок, мол, вы разводите теории, а делать дело умеем мы. Но значимость этих работ ГИВДа очевидно признавалась во всем мире.

Так, например, реакции сопряженного распада и гидрирования, названные нами «деструктивным гидрированием», впервые были открыты и изучены моими учениками: гомогенные (С.З. Левиным) и гетерогенные (Г.Н. Масляным). Последнему уже со своими учениками, в частности, принадлежит основной вклад в создание у нас массового производства высококачественного автомобильного топлива.

Аналогично развивались исследования и других ученых ГИВДа. Блестящий физико-химик А.В. Фрост, известный своими классическими работами по термодинамике и кинетике каталитических реакций органических соединений, создал общеизвестную научную школу. В числе его учеников широкую известность получил автор классических работ по химическим равновесиям А.А. Введенский, всю свою научную жизнь посвятивший ГИВДу.

Упоминавшийся выше Б.Н. Долгов, помимо своих блестящих работ по органическому катализу и химии кремнийорганических соединений, внес основной научный вклад в создание в нашей стране производства метилового спирта.

Трудно переоценить значимость исследований Г.А. Разуваева, любимого ученика академика В.Н. Ипатьева, заместителя директора ГИВДа, арестованного в 1934 году и пробывшего в течение 12 лет в заключении, а впоследствии ставшего академиком АН СССР.

Особо следует подчеркнуть вклад в советскую нефтехимию Б.Л. Молдавского, который впервые в мире открыл в 1936 году реакцию дегидроциклизации парафиновых углеводородов с образованием соответствующих ароматических углеводородов. Он же своими классическими исследованиями превращений углеводородов и сернистых соединений в гидрогенизационных процессах подвел базу для создания производственных процессов изомеризации углеводородов и гидроочистки топлив и масел.

Не перечисляю научные достижения других талантливых и высокопродуктивных ученых ГИВДа (Н.В. Ворожцов-младший, впоследствии академик АН СССР, проф. Ваншейдт и другие), но уже из названного ясно, что авторитет института был весьма высоким в самых различных сферах. Подтверждением этого факта в какой-то мере является описанный ниже пример из моего личного опыта.

***

В начале 30-х годов ко мне домой пришла женщина, кандидат химических наук, сказавшая, что обращается ко мне по поручению Ленинградского Обкома КПСС с просьбой помочь в оценке работ Института химической физики, организованного в 1931 году академиком Н.Н. Семеновым.

В соответствии с письмами, поступившими в Обком, работы этого института якобы оторваны от практики и не находятся на необходимом научном уровне. Организованная Обкомом комиссия не смогла разобраться в этом вопросе, что и привело к необходимости обратиться ко мне.

Подобный выбор «консультанта» из внеакадемической сферы, к тому же беспартийного, уже сам по себе мог быть объяснен лишь высоким теоретическим и техническим авторитетом Института высоких давлений. В тот же момент этот визит меня немало удивил, хотя само выполнение подобной задачи для меня не являлось затруднительным, так как публикации работ Института хим-

физики лежали в области моих непосредственных интересов и были мне хорошо знакомы.

В результате в порядке выполнения задания Обкома КПСС мы вдвоем с моей гостьей приезжали несколько раз в институт и знакомились с работами всех его лабораторий. Надо сказать, что институт в те годы помещался в небольшом двухэтажном доме вблизи Политехнического института, а его лаборатории размещались в маленьких комнатках и состояли всего из нескольких сотрудников каждая.

За прошедшие с тех пор более полувека я уже запомнил содержание моих бесед с руководителями всех лабораторий, кроме одной, по причине, которая станет ясна из дальнейшего.

В этой лаборатории, которой руководил молодой Ю.Б. Харитон, ныне академик и трижды Герой Социалистического Труда, тогда проводилась под его руководством работа с «ружьём Рамзауера», представлявшее собой одноствольное ружье, ствол которого в конце был заварен. В результате пуля при выстреле производила сильное сжатие воздуха в стволе до некоторого предела, после чего возвращалась обратно, сжимая воздух в противоположном конце ствола.

Юлий Борисович, в отличие от Рамзауера, «ружьё» существенно усовершенствовал, установив посередине кварцевые окна, которые позволяли при помощи осциллографа регистрировать скорости пролетания пули, что, в частности, позволяло рассчитывать физические свойства сжимаемого газа. Это было великолепно, как с точки зрения эксперимента, так и в теоретическом плане.

Когда пришло время писать заключение по работе института, я, не имея опыта подобных обследований, написал о каждой лаборатории просто несколько строк, причем по лаборатории Ю.Б. Харитона буквально следующее:

«При исключительных способностях и экспериментатора и теоретика, Ю.Б. Харитон до сих пор еще не создал ничего, отвечающего его необыкновенным возможностям. Очевидно, этого следует ждать в ближайшем будущем».

Как известно, вскоре он оказался автором нашей атомной бомбы (совместно с Я.Б. Зельдовичем). Такое совпадение моего случайного прогноза с действительностью и явилось причиной того, что написанное выше так хорошо запомнилось.

Результатом этого «обследования» оказалось то, что мое «нестандартное» заключение о работах института почему-то очень понравилось директору института Н.Н. Семенову и он ввел меня в состав Ученого Совета ИХФ, что позволило мне близко

познакомиться с атмосферой в его коллективе, которая достойна специального освещения.

Как я уже упоминал, свобода высказывания мнений и эмоциональные творческие научные дискуссии были характерными и для ГИВДа, но то, что я увидел в ИХФе, как мне тогда казалось, превосходило все мыслимые пределы. Для иллюстрации опишу свои впечатления в первые месяцы моего знакомства с институтом.

На каком-то семинаре после сообщения докладчика выступил Н.Н. Семенов, начав, как обычно, с того, что в химии он ничего не понимает, но думает, что... и исписал целую доску уравнениями, математически отражающими, что именно он думает.

Вслед за ним поднялся юноша небольшого роста*, лет 20-ти, и сказал: «Все, что здесь написал Н.Н., неверно. Во-первых, неверно математически (показывает на доске), во-вторых, неверно физически (показывает) и, в-третьих, — химический (показывает)». Я невольно посмотрел на Н.Н. Семенова. Он сидел на стуле, закрутив по привычке ногу за ногу, и на его лице было написано такое блаженство, которого, признаться, я никак не ожидал. И лишь потом узнал, что он буквально был влюблен в своих «талантливых мальчишек».

Тогда же я обратился к сидевшему рядом со мной М.Б. Нейману, известному физико-химику с вопросом — неужели этот юноша недостаточно уважает Николая Николаевича? На что Моисей Борисович ответил: «Ну, что Вы, даже Яшка Зельдович, который всех считает дураками, говорит, что Н.Н. самый умный человек, который ему встречался».

Царившая в ИХФе атмосфера, кстати, характерная для всей советской физической школы, создавшейся вокруг академика А.Ф. Иоффе, приводила к тому, что страстные научные споры проводились в самой острой форме, но при неизменной благожелательности к «противнику». Поиски научной истины происходили при полном пренебрежении к форме и «учтивости» выступлений. Как мало это похоже на атмосферу современных институтов, отравленную мелкой возней во имя внешней «корректности» отношений между «учеными», забывшими, что такое научная истина. /.../¹

***

---

* В тот момент я еще не знал, кто он. Это был Д.А. Франк-Каменецкий, в будущем крупный физик-теоретик. [Прим. автора].

¹ Опущены фрагменты воспоминаний автора о Н.Бухарине, И.Уткине, К.Чуковском.

Мое участие в Великой Отечественной войне было весьма своеобразным, но шансов сохранить жизнь я имел меньше, чем в самых трудных фронтовых условиях.

Дело в том, что уже на четвертый день после вторжения немцев в нашу страну, 26 июня 1941 года, был подписан ордер на мой арест, и 5 июля 1941 года до меня дошла, по-видимому, длинная очередь «военного обезвреживания врагов народа». Одновременно, как я потом узнал, был арестован и мой «одноделец» профессор В.В. Ипатьев, сын прославленного русского ученого В.Н. Ипатьева, о котором я уже вспоминал раньше.

Кстати, как выяснилось позже, одновременно та же участь была предreshена и для упоминавшегося выше третьего профессора ГИВДа, Б.Л. Молдавского, который в самые первые дни войны был мобилизован и как специалист по авиационному топливу был отправлен в соответствующую воинскую часть вне Ленинграда. Эта «ошибка» выяснилась значительно позднее, когда ГИВД, в соответствии с изданным приказом об отзыве мобилизованных крупных специалистов, используемых в армии не по их прямой специализации, ходатайствовал о его возвращении в институт, работающий по важнейшей военной тематике.

В полученном ответе указывалось, что Б.Л. Молдавский в качестве врага народа арестован и возвращению не подлежит. Впрочем, когда выяснилось, что арест не состоялся, Б.Л. Молдавский был демобилизован, возвращен в институт и его превращение во «врага народа» осталось неосуществленным.

Мы же с В.В. Ипатьевым, конечно, ничего друг о друге не зная, оказались заключенными Шпалерки, как обычно именовалась следственная тюрьма на Шпалерной улице в Ленинграде.

К нашему счастью, следствие проводилось весьма торопливо, причем «беседы» со следователями осуществлялись с большими перерывами. Этот отрядный для допрашиваемого факт объяснялся тем, что, согласно существовавшему тогда правилу, во время воздушных тревог, которые в те дни были достаточно частыми, заключенный покидал кабинет следователя и возвращался в камеру. Таким образом, в частности, полное осуществление обычно применяемого «следственного» приема, заключавшегося в весьма длительном стоянии допрашиваемого в кабинете следователя, приходилось на время «тревоги» прекращать. Так, например, мне не пришлось стоять более трех часов, хотя и этого достаточно для доведения более истощенных людей до обморока. Кстати, я никогда раньше не представлял себе, что подобное «стояние», с окатыванием теряющего сознание и падающего человека холодной водой, может быть такой пыткой, и мне трудно винить тех,

кто подписывал свои «показания», данные при подобных методах воздействия.

Однако ни я, ни, как я узнал впоследствии, В.В. Ипатьев, никаких «вынужденных» показаний не давали, хотя мне, например, следователь «доверительно» сообщил, что Ленинград находится под угрозой окружения и весьма возможно, что скоро из города будут срочно вывозить самое ценное. А так как заключенные могут выпасть из числа наиболее ценных объектов, то их придется оставить, причем в «неактивном состоянии». К этому надо добавить, что применение «физических мер воздействия» для повышения «эффективности следствия» в этот период, в отличие от 37-38 годов, было «строго регламентировано». Так, например, для избежания подследственного требовалось специальное разрешение, причем оно производилось при обязательном участии двух следователей.

Поэтому когда в кабинете оказывалось одновременно двое следователей, я сразу понимал, что меня «разрешено» избить. Понимая, что оказать эффективное сопротивление двум молодым и сильным следователям, очевидно более опытным в этом отношении, чем я, невозможно, я решил — смотреть совершенно спокойно им прямо в глаза. Эффект оказался превосходным. То один, то другой, подходя ко мне и всячески себя «подбадривая» словесно и несильными толканиями в мое плечо, не выдерживали моего взгляда и прекращали «операцию». Быть может, конечно, на мое счастье, оба следователя оказались в данном случае морально «недостаточно подготовленными».

Так, например, мой сосед по камере, известный в Ленинграде превосходный врач-хирург Александр Александрович Скорняков говорил мне, что его многократно избивали до полусмерти. При этом он добавил, что если бы его раньше спросили, как врача, может ли человек в его возрасте вынести подобное избивание, то он ответил бы — ни в коем случае. Кстати, этот факт лишний раз подтверждает заключение, что человек является самым выносливым животным в мире.

К этому следует добавить, что следователи, как правило, прекрасно понимали, что их «клиенты» политического профиля никаких прегрешений не совершали и соответственно задачей следователя является лишь получение подписи «подследственного» на «составе преступления» в протоколе следствия. Впрочем, и при этом случались «недоразумения». Так, например, по рассказу одного из моих соседей по камере, он после соответствующих мер воздействия со стороны следователя подписал свои показания о том, что участвовал в подготовке «взрыва Ладожского водопро-

вода», причем они со следователем расстались почти «лучшими друзьями».

Каково же было удивление выявленного «злоумышленника», когда через некоторое время его вызвал тот же следователь и рассказал, что при утверждении приговора на заседании «тройки», на каждом из которых рассматривалось по несколько сот установленных следствием «преступлений», кто-то из чистого любопытства спросил, что такое «Ладожский водопровод»? — и неожиданно выяснилось, что целая группа «врагов народа» собиралась уничтожить сооружение, которого нет и никогда не существовало.

В результате пришлось «следственное дело» начинать с начала, а поскольку ни «подследственный», ни следователи не имели необходимого опыта в сочинении детективов, эта работа была достаточно сложной и трудоемкой.

Еще один характерный случай, иллюстрирующий практику следствия того времени, рассказал другой мой сосед по камере, юрист по специальности.

Когда следователь в «разговоре» стал обзывать его всякими нецензурными словами, мой юрист возразил, что следователь не имеет права его оскорблять, так как он еще не осужденный, а лишь подследственный. Тогда следователь подвел его к окну, выходящему на Литейный проспект — многолюдную ленинградскую магистраль, и сказал: «Вы видите идущих по улице людей — вот это подследственные. А если Вы уже здесь, то не сомневайтесь, Вы уже осужденный. Был бы человек, а статья найдется...»

Таким образом, моему юристу пришлось пересмотреть свои наивные представления о юридических нормах.

Просидев пару недель в сверхпереполненной камере, я был неожиданно переведен в одиночную камеру нового здания тюрьмы, построенной «по высшей категории тюремного зодчества» в период царствования Александра Третьего. Этот властелин Великой России лично наблюдал за ее строительством и, по рассказам, весьма гордился своим «детисцем». Когда же тюрьма была готова, то император распорядился запереть себя в одной из одиночных камер на трое суток с приказанием не выпускать ранее этого срока, даже если он будет этого требовать. Этот «эксперимент» преследовал «научную» цель проверки психологического эффекта воздействия «образцовой» тюрьмы на ее узников, независимо от того, является ли он врагом государства или самим императором всея Руси! Результаты этого эксперимента, говорят, императора вполне удовлетворили.

По сравнению с общей камерой, «одиночка» была вполне комфортабельной, обладая умывальником и стульчаком с водян-

ным баком, причем в связи с «жилищным кризисом» в тюрьмах того времени, в камере нас оказалось двое. Чем был вызван перевод меня в «одиночку», осталось для меня загадкой.

Свою «несговорчивость» со следователем я объяснил ему полной бесталанностью в отношении писательского ремесла и наотрез отказался от изобретательского творчества. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы в конце июля не последовал массовый вывоз заключенных из Ленинграда.

В соответствии с этим вскоре я попал в переполненную людьми «транзитную» камеру, в которой на доске большого стола я увидел вырезанную каким-то острым инструментом надпись: «Валентин Краузе», принадлежащую любимому ученику профессора С.В. Лебедева и его главному соавтору созданного в нашей стране впервые в мире массового производства синтетического каучука. Как мне было известно, В.П. Краузе в 1937-1938 годах умер в тюрьме.

Я не удержался, чтобы рядом не оставить свой «автограф»: Марк Немцов.

Вскоре мы все оказались «погруженными» с максимальной плотностью в товарные вагоны и увезенными в неизвестном направлении. Основное количество переполнявших вагон заключенных были «политические», не имевшие представления о причине их превращения во «врагов народа».

Во время одной из остановок я выбросил через находившееся почти под крышей вагона небольшое окно сложенный вдвое листок бумаги с коротким письмом жене и адресом своего дома в Ленинграде, практически не веря, что оно дойдет до адресата. Тем не менее, как я потом узнал от жены, это письмо до нее дошло по почте в полной сохранности.

Этот факт наглядно характеризует отношение советских людей к «врагам народа» эпохи «культы».

По прошествии ряда дней, число которых я не помню, двери всех вагонов нашего поезда были настежь открыты и все ленинградские «враги народа» были выгружены, чтобы под конвоем отправиться в тюрьму города Андижан в Узбекской ССР.

***

Перенаселенность этой тюрьмы оказалась столь большой, что в камерах на 20 человек умещались более ста заключенных. Не только нары, но и вся площадь пола была занята лежащими, которые ночью периодически, по команде тюремщиков, одновременно переворачивались.

Пребывание в камере было тем более непереносимым, что температура в разгар южного лета была весьма высокой и отсутствие свежего воздуха резко затрудняло дыхание.

Кстати, в первый же день приезда лежащий рядом со мной родной брат артиста Бруно Фрейндлиха, преподаватель Военно-инженерного института в Ленинграде, умер ночью и утром был вынесен из камеры тюремщиками даже без предварительного осмотра врачом.

Вначале в камере находились преимущественно ленинградцы, но постепенно, по мере их «выбывания», в ней появилось также значительное количество местных жителей — узбеков, таджиков, казахов и других обитателей Средней Азии, часто вовсе не владеющих русским языком.

Среди ленинградцев, кроме «политических», в небольшом количестве в камере находились также осужденные за «хозяйственные» преступления. Так, например, здесь оказалась группа бывших членов артели, производившей в массовом количестве весьма распространенные в то время значки с черными профилями Ленина и Сталина на ярко блестящем красном фоне, сделанные на высоком художественном уровне. Как рассказали мне сидевшие в камере участники артели, последняя официально представляла собой многочисленный коллектив работников, никогда не существовавших в природе, но исправно получавших вознаграждение за свою «трудовую деятельность». В действительности же вся артель состояла из нескольких человек, которые на станке-автомате производили эти значки во многих сотнях экземпляров в сутки.

Эти любопытные технические детали поведал мне сидевший со мной в камере художник Бродский, создавший упомянутые силуэты на значках и руководивший техникой их воспроизведения. При этом он неоднократно с тяжелой досадой упоминал, что забыл сказать жене, куда им была спрятана «последняя получка» по артели. Я долго удивлялся столь непонятной досаде и грусти по поводу этой «получки», потеря которой казалась несоизмеримой по сравнению хотя бы с его пребыванием в тюрьме. Но когда на мой вопрос о размере этой «получки» он мне ответил, что она составила 28 тысяч рублей, то мое недоумение сменилось пониманием того, что в умелых руках «трудовые артели» могут оказаться источником огромных материальных благ.

Кстати, этот факт был подтвержден в беседе с председателем той же артели, который также находился в нашей камере. Он как-то сказал мне: — Сидеть тут в тюрьме, конечно, неприятно, но зато мы можем быть спокойны за наши семьи. Мы оста-

вили им столько денег, что им не израсходовать их за всю свою жизнь. А вот за что вы, политические, здесь сидите? За то, что вы всю свою жизнь хорошо работали, причем почти «бесплатно»?

Среди «политических» в нашей камере действительно были интересные и одаренные люди, причем ни один из них, конечно, не был связан с какими-либо преступлениями...

Так, например, моим соседом по камере был заведовавший художественной частью Ленинградской филармонии композитор Иоганн Григорьевич Адмони, который, кстати, оказался изумительным рассказчиком. В течение многих дней подряд он ежедневно рассказывал всей камере роман Дюма «Граф Монте-Кристо», причем все заключенные внимательно слушали, по достоинству оценивая его память и искусство изложения.

В благодарность за это он ежедневно пользовался 'добавочной обеденной миской. Дело в том, что операция кормления камеры с населением около ста заключенных осуществлялась при помощи назначаемых надзирателями «дежурных», которые «по положению» не могли быть «политическими» и соответственно назначались из «урок». Последние же имели право сами выбирать себе «помощников», причем запрет для «политических» в этом случае не существовал. В результате и для «дежурного», и для его «помощников» выдавалась дополнительная миска «баланды», составлявшей собою весь «обед» заключенного. Кстати, и я периодически что-нибудь рассказывал, за что также вознаграждался добавочной миской в качестве «помощника» дежурного.

Вообще отношение «урок» к нам, «фраерам», было неоднозначным. Если «фраер» вел себя «нормально», т.е. относился к ним доброжелательно, делился «передачами», которые получали местные жители, и т.д., то выполнялся по отношению к нему, например, «закон» запрета воровать «пайку», т.е. выдаваемый хлебный паек. Тем не менее, для «вора в законе» действовало правило: «Даже самый худший "урка" имеет преимущество перед лучшим "фраером"».

Кстати, как выяснилось позднее, в одной камере со мной в Андижане оказался профессиональный ленинградский квартирный вор, который, по его рассказу, намеревался обокрасть мою квартиру. При этом он добродушно рассказывал мне, где мы жили и в каком меховом пальто ходила моя жена, т.е. профессиональная подготовка к краже была закончена, но помешало его «переселение» в тюрьму.

Подобные случаи необычайных совпадений невольно вызывают сомнения в достоверности математической теории вероятности, что подтверждается и другим случаем, рассказанным мне

в той же камере еще одним членом артели «значкистов», инженером по профессии.

Однажды он, готовясь к пирушке с друзьями, производил соответствующие закупки в переполненном покупателями Центральном московском гастрономе «Елисейский». Почувствовав в толчее чужое прикосновение, он схватил за руку вора, пытавшегося украсть раскрытую пачку денег, лежавшую в наружном кармане его «френча», который был тогда модным с легкой руки Сталина. Вместо наказания вора он пристыдил его за «грубую работу», сунул ему в руки тридцатку и отпустил.

Когда же после «ликвидации» артели он оказался лежащим на полу возле «параши» в камере следственной московской тюрьмы в самом угнетенном состоянии, с ним произошло «волшебное» превращение. В камеру, где он сидел, впустили очередного заключенного, которого сидевшие в ней урки встретили как самого почетного гостя. Его сразу усадили на лучшее место на нарах и стали угощать по высшему тюремному уровню. Осматривая сверху камеру, он вдруг увидел лежащего у «параши» моего инженера, посадил его рядом с собой и с тех пор всячески его ублажал. Оказалось, что это был прощенный им вор-неудачник из Елисейского гастронома, который принадлежал по номенклатуре урок к весьма высокому рангу «воров в законе».

Возвращаясь к «качеству» питания в Андижанской тюрьме, следует сказать, что оно отвечало минимальной калорийности. Так, например, полагавшийся по рациону сахар вообще отсутствовал, а хлеб выдавался намного меньше нормы. «Излишки» этих продуктов поступали в распоряжение тюремного персонала. От одного из жителей Андижана, попавшего в нашу камеру вскоре после нас, мы узнали, что ко времени нашего «привоза» в Андижан на его рынке несколько дней продавались значительные количества сахара, хлеба и других продуктов, очевидно, оставшихся «неизрасходованными» на кормление многих сотен заключенных, привезенных из Ленинграда.

В отношении «изобретательности» руководителей тюрьмы в этой области можно упомянуть следующий факт. Поскольку известно, что среднеазиатские шелкопряды питаются листьями тутового дерева, которыми Узбекистан весьма богат, у тюремного начальства возникла идея перевести на эту пищу и заключенных. В результате последние подверглись массовому заболеванию дизентерией, что, к тому же, резко понизило перегрузку тюремных камер. Однако этот двойной практический эффект от упомянутой «рационализации» не получил положительной оценки в столице Узбекистана. Приехавшая из Ташкента комиссия разъяснила, что

после войны потребуется огромное количество рабочих для восстановления военных разрушений, что делает массовое умертвление заключенных нецелесообразным. В соответствии с этим тутовый лист из тюремной баланды исчез и последняя перестала опустошать кадры потенциального «рабочего класса».

Впрочем, не только тяжелейшие условия существования заключенных приводили к их преждевременному переходу «в лучший мир». Огромное значение имело состояние духа заключенных. Недаром немецкая пословица гласит: «Geld verloren — nicht verloren, Mut verloren — alles verloren», т.е. «Деньги потерял — ничего не потерял, дух потерял — все потерял».

Со мной в камере сидел инженер-кораблестроитель Гаккель, один из представителей известной семьи русских деятелей техники, внесших большой вклад в наше народное хозяйство, и, в частности, в развитие советского железнодорожного дела (тепловоз Гаккеля и др.).

Пребывание в тюрьме для него безмерно утяжелялось тем, что у него был сломан позвоночник и он ходил сильно согнувшись и с большим трудом.

Кстати, история его травмы представляет известный интерес. Она произошла на Мурманской судостроительной верфи, где Гаккель, корпусник по специальности, заведовал корпусным цехом. Весьма ответственным моментом для последнего является спуск готового корпуса судна на воду, что осуществляется выбиванием клиньев, удерживающих корпус на полозьях.

Однако иногда удаление соответствующих клиньев оказывается недостаточным для начала скольжения, причем толкание корпуса непозволительно из-за его недостаточной прочности на этой стадии строительства судна. В этом случае предусмотрено выбивание дополнительного клина, находящегося под самым килем судна, для чего выбивающий после этой операции должен быстро выбраться из-под кия. При этом еще со времен Петра Первого в практике русского судостроительства существовало гуманное правило, что операция выбивания запасного клина не может быть поручена никому из подчиненных и должна производиться самим докмейстером, т.е. высшим начальником корпусного цеха. Именно такой случай произошел с Гаккелем, который не успел полностью выбраться из-под корпуса в момент начала его движения, что и привело к повреждению позвоночника.

Наши постоянные беседы с ним на самые разные темы были активными и содержательными, с юмористическим отношением к нелепости нашей судьбы, что свидетельствовало о сохранении Гаккелем бодрости духа, и что, соответственно, помогало

ему выдерживать непереносимые физические страдания. Из рассказов этого замечательного человека у меня в памяти сохранились некоторые подробности его интересной биографии. Так, например, в детстве он мечтал о морских путешествиях, и еще мальчиком убежал из дому и оказался подручным у поваров на трансатлантическом лайнере. Ресторан на последнем был высшего класса, и поваренок научился высокому поварскому искусству. Поэтому во время его работы на Мурманской верфи в качестве ведущего инженера, он по общественной линии был как-то включен в «столовую комиссию» для проверки работы столовой ИТР, низкое качество пищи в которой превосходило все мыслимые пределы. Произведенная комиссией проверка показала, что все ценные продукты уходили на сторону, а в «котел» попадала преимущественно мерзлая картошка и мясные и рыбные отходы. Поэтому Гаккель прежде всего установил порядок, по которому все исходные продукты с утра закладывались в котлы в присутствии дежурного члена столовой комиссии.

Единственным результатом этого нововведения явились заявления всего персонала столовой ИТР об уходе с работы. Тогда комиссия приняла в качестве поваров двух женщин — мать и дочь — с условием полного принятия их на продовольственное содержание, но и с условием запрета выноса. В результате претензии к качеству пищи в столовой полностью прекратились.

Естественно, что в наших беседах обсуждался вопрос о смысле происходящего организованного уничтожения советских людей. Так, если Сталин избавлялся от своих «соратников» по партии, то это можно было объяснить соперничеством, личными антипатиями и т.д. Но зачем, например, было уничтожать виднейших ученых и работников литературы и искусства?!

Размышляя на эту тему, я придумал версию, которую можно назвать «физико-химической теорией». Как известно, обычные растворы различных веществ в жидкостях, отвечающие термодинамическому равновесию, характеризуются строго определенным количеством растворенного вещества. Однако существуют так называемые пересыщенные растворы, содержащие растворенное вещество в резко повышенных против равновесных концентрациях. В этом случае имеют место термодинамически неустойчивые системы, которые могут легко распадаться с выпадением кристаллов растворенного вещества.

Описанная картина близка к ситуации в человеческом обществе, находящемся в неустойчивом состоянии, причем сохранение общества требует аналогичных мер, препятствующих кристаллизации раствора.

Так, для предотвращения распада пересыщенного раствора прежде всего необходимо устранение центров кристаллизации, что в человеческом обществе отвечает уничтожению выдающихся людей, которые вследствие своих личных качеств являются притягательными для многих людей. Такими «центрами кристаллизации» обычно являются крупные ученые и талантливые деятели искусства и литературы, которые соответственно должны из общества удаляться.

Другой причиной кристаллизации пересыщенного раствора могут являться попадающие в него инородные вещества. Соответственно, человеческое общество следует изолировать от «чужестранцев», что, в частности, достигается сооружением «железного занавеса».

Наконец, наиболее радикальным приемом устранения кристаллизации является одноименный электрический заряд всех молекул раствора, что в человеческом обществе можно успешно достичь внедрением в сознание всех людей чувства страха, препятствующего их общению и сближению. Соответственно, недостаточно сажать в тюрьмы и уничтожать лишь высокопоставленных партийцев, деятелей науки и искусства, военных руководителей и других выдающихся людей. В достаточной мере необходимо преследовать представителей всех категорий советского народа, что и осуществлялось успешно в период культа Сталина.

Эта «теория» пользовалась большим успехом у многих моих сокамерников и даже в какой-то мере успокаивала, так как человека обычно больше всего волнуют факты, не находящие себе объяснения. Эта же «теория», несмотря на ее несколько юмористический характер, все же создавала ощущение «естественности».

Подобные «теоретические» размышления в наших беседах с Гаккелем были обычными, что несомненно способствовало взаимному поддержанию нашего духа и способности переносить почти нестерпимые страдания.

Однако после многих месяцев совместного пребывания в камере вдруг Гаккель был вызван и в камеру больше не возвратился. Поэтому у всех вновь приводимых в камеру эзков я спрашивал про Гаккеля, причем даже не зная узбекского языка, достаточно было показать позу человека со сломанным позвоночником, чтобы спрашиваемый понимал, о ком я говорю. И действительно, через пару месяцев я узнал, что Гаккель находился в одной из камер тюрьмы, но был в весьма подавленном состоянии, все время лежал на нарах, почти ничего не ел, и хотя никаких явных признаков болезни не проявлял, но вдруг был найден мертвым. По-

видимому, оказавшись одиноким в среде людей, практически не говоривших по-русски, он потерял дух и надежду выдержать этот ад.

Кстати, к этому времени подавляющее большинство в нашей камере уже составляли местные жители, так как почти все ленинградцы либо вовсе расстались с брэнной жизнью, либо были разосланы по лагерям. Основная же часть местных заключенных вообще не владела русским языком. В результате недостаточности моего общения с ними, когда я по утрам делал утреннюю зарядку, то остальные эзкй, как я потом узнал, недоумевали: какой я религии? То, что я делаю утренний намаз, приводило к мысли, что я мусульманин, но намаз я делал явно неправильно. Так, его надлежит делать обязательно обращаясь на восток, а я этого правила не придерживался, располагаясь в тех немногих местах, где вообще можно было размахивать руками и ногами, причем эти движения также никак не соответствовали «молитвенной» норме. Мне же весьма слабое знание языка затрудняло выяснение истины.

Тем не менее, постепенно я научился общению с ними и даже стал пользоваться их расположением. Так, один из местных жителей подарил мне несколько луковиц, одну из которых я посадил в углу камеры в ее земляной пол, надеясь, что выросший зеленый лук поможет мне бороться с цингой, возникающей на почве авитаминоза. Однако эта идея оказалась неосуществимой, так как при очередном шмоне моя «незаконная плантация» была обнаружена, луковица была извлечена и после соответствующего «разноса» я был предупрежден, что в следующий раз подобного нарушения тюремных правил буду наказан карцером. На мою попытку сослаться на отсутствие запрещения «посадки лука» мне было разъяснено, что разрешенное указано в висящих на стене правилах, а все остальное является их нарушением.

Общение с тюремным начальством за все время пребывания в андижанской тюрьме было минимальным.

Так, в самом начале, когда в камере находились почти одни ленинградцы, я был вызван к какому-то начальнику, который предложил мне сообщать о всех нелояльных разговорах заключенных. Я ответил, что сделал бы это и без такого предложения, но со мной никто таких разговоров не ведет и я бессилен в оказании соответствующей помощи. После этого интерес ко мне со стороны тюремного начальства, по-видимому, пропал.

Лишь более года спустя, меня неожиданно вызвал прибывший с нами из Ленинграда следователь по фамилии Строгий (возможно, это был его «литературный» псевдоним), который, очевидно, оставался в Андижане для наблюдения за «своими» врагами на-

рода со дня их водворения в андижанскую тюрьму. Любезно предложив мне сесть, он сказал:

— Ну вот, вас, ленинградцев, осталось лишь несколько человек. Самых отъявленных.

Я его спросил:

— Откуда такое заключение? — на что Строгий ответил:

— Во-первых, Вы умный, что особенно важно для успешной шпионской деятельности. Во-вторых, Вы смелый человек, что также характерно для шпиона. И, наконец, Вы всегда хорошо работали, что является необходимым условием для того, чтобы скрывать свою преступную деятельность.

— Но ведь те же качества обычно характеризуют советских людей, которые отмечаются орденами и премиями, — возразил я, на что он многозначительно ответил:

— Вот именно для того, чтобы знать, кому давать ордена, а кого сажать в тюрьму, существуем мы, КГБ...

После этой беседы мы расстались, чтобы больше уже никогда не встречаться.

К тому времени, кроме меня, в нашей камере остался еще лишь один ленинградец, фамилию которого я безнадежно забыл, но общение с которым было весьма благотворно. При этом как-то в нашей беседе мне пришла в голову мысль, что мы ничего не делаем для победы в войне, которая была в равной мере необходима и нам, несмотря на то, что официально мы были квалифицированы как «враги народа».

В развитие этой мысли я предложил начальству тюрьмы (через опекающих нас вертухаев) совместно с упомянутым ленинградцем разработать усовершенствованное устройство для посадки самолета на дорожку минимальной длины. Хотя мой товарищ по камере был геологом по специальности, а я лишь физико-химиком с прикладной специализацией по авиационному топливу*, но имеющиеся у нас фундаментальные знания в области естественных наук и большой опыт исследовательской работы были реальными условиями возможного успеха. К нашему удивлению, это предложение было принято, и мы вдвоем оказались в маленькой отдельной камере, причем нам были вручены две фанерные доски в качестве «письменных столов», карандаши и бумага. Одновременно мы получили по «собственной» миске для обеда и и большой чайник для воды. Кстати, этот чайник оказался для нас весьма полезным.

---

* Именно эта последняя специальность обусловила мое попадание в списки военных специалистов для их «изоляции» (см. ниже). [Прим. автора].

Поведение обслуживающего персонала тюрьмы по отношению к заключенным резко изменялось в зависимости от обстановки. Если в помещении одновременно присутствовали два вертухая, они оба грубо издевались над заключенными, соревнуясь друг с другом в своей жестокости. Если же они оставались с глазу на глаз с зэками, то становились нормальными людьми, способными даже на сочувствие. По отношению к нам же, ленинградцам, не имевшим здесь родных, приносящих передачи, и поэтому крайне истощенным, это сочувствие было особенно заметным. Поэтому однажды, когда обеденная баланда оказалась рыбной с плавающими в ней рыбными хребтами, тюремщик налил нам кроме полных мисок также чайник и лоханку, служившую для умывания. Съев это великолепное блюдо с тщательно пережеванными хребтами и закусив зернышками, снятыми с недавно выданного нам нового веника, мы в блаженном состоянии улеглись на нары для послеобеденного отдыха, не подозревая, что нами был проведен исключительный по своему научному значению эксперимент в медикофизиологическом плане.

Дело в том, что в течение многих последних недель нам никак не удавалось вспомнить имена авторов двух произведений: высоко ценимой В.И. Лениным «Истории цивилизации Англии» и известной картины «Грачи прилетели». Эти имена, знакомые нам почти как собственные фамилии, полностью выпали из памяти, что нас настолько потрясло, что мы по многу раз в день и каждое утро в течение более месяца тщетно спрашивали друг друга: «Ну, как, не вспомнил?» Зная, что нервные клетки не возобновляются, мы приходили к печальному заключению, что наша интеллектуальная жизнь, очевидно, необратимо заканчивается.

И вдруг отдыхающий на своем лежаке мой товарищ обращается ко мне: «А ведь "Грачи прилетели" написал художник Саврасов». — А я ему сразу отвечаю: «А "Историю цивилизации Англии" написал Джонатан Бокль».

Столь показательный факт одновременного восстановления памяти у двух человек в течение одного часа после принятия содержащей фосфор пищи, убедительно подтверждает его решающее воздействие на человеческий мозг. Вряд ли в истории медицины имеется другой, столь показательный факт влияния фосфора на работу мозга. Однако использование такого примера в соответствующей научной литературе, по-видимому, затруднительно по «политическим» соображениям.

Для нас же результаты «проведенного эксперимента» оказались психологически весьма благоприятными, и мы активно продолжили работу над своим «изобретением».

Однажды, используя химический карандаш в своей работе по конструированию упомянутого аэроплана с укороченным пробегом при посадке, я подумал о «художественном» отражении нашей тюремной жизни и об ее литературном «увекочивании». В результате мною была сочинена «Баллада о Махбусе», отражающая жизнь заключенного в среднеазиатской тюрьме, по-узбекски «махбуса». Из этой баллады запомнились лишь начало и самый конец, а именно:

Тебе, Махбус, как я несчастный,
Балладу эту посвящаю,
Как и тебе, тюремщик властный,
Кому судьбу свою вверяю.
Дай бог поэтов, Аполлон,
Слова мне прочные, как сталь,
Чеканных рифм перезвон
И чувства чище, чем хрусталь.

Затем следовало подробное описание одного дня зэка в тюрьме и сопровождающих его мыслей и чувств, заканчивающееся словами:

Но где же разум, справедливость,
Где человечность и любовь,
И где ты, мудрых прозорливость,
Чтоб сделать жизнью жизнь вновь.

С целью повышения вероятности «увекочивания» этого произведения я его записал целиком на оборотной стороне моей доски — письменного стола химическим карандашом, где поместились все 360 строк баллады.

Судьба этого «литературного памятника» мне неизвестна. Так, при очередном «шмоне» (производимом в тюремных камерах периодически в неопределенное время) моя баллада оказалась замеченной. После гневных слов о том, что мы обманули администрацию тюрьмы и незаконно использовали «доверенные» нам письменные орудия для недозволенного применения, и «письменные столы», и карандаши, и бумага были у нас отобраны, а я был отправлен в карцер сроком на пять суток.

Карцер представлял собой ящик столь малой площади, что вытянуться, лежа на полу, я мог лишь по диагонали, упираясь ногами в один из углов и головой в другой. Окна в карцере не было, если не считать дыру над дверью, посередине которой постоянно горела лампочка. На ее свет ночью налетали москиты, безжалостно кусавшие голое тело Махбуса. Поскольку выдававшийся на ночь лежак, сколоченных из трех узких досок, обеспечивал

москитам свободный доступ практически ко всей поверхности тела, их укусы становились непереносимой пыткой, почти приводившей к потере сознания.

В результате уже на третий день в тяжелом приступе местной лихорадки — пендинки, я без сознания был возвращен в камеру, которая мне показалась комфортабельнее любого роскошного отеля европейской столицы. Ощущение возвращенного счастья усугублялось сознанием, что два дня из назначенного срока заключения в карцере остались «неосуществленными».

Через неделю пендинка перестала меня мучить и жизнь потекла «нормально». Моего соседа по камере пендинка вообще не тронула. Однако на общем состоянии моего организма этот «литературно-карцерный» инцидент, по-видимому, отразился более существенно, чем на моральном самочувствии, и я вскоре попал в тюремную больницу с воспалением легких, при полном нарушении «физического потенциала».

В больнице хлебная порция оказалась несколько увеличенной и баланда несколько менее разбавленной. Однако лечение моего воспаления легких затруднялось директивным запрещением для «политических» заключенных использования сульфидина, который в то время был единственным эффективным препаратом для этой цели. Таким образом, лежавший рядом молодой воришка с менее острым воспалением легких получал этот препарат, а я обходился без него. Тем не менее, через месяц я «выздоровел», хотя стоять на ногах еще не мог.

Кстати, здесь, в больнице, оказался и мой однодезец, упоминавшийся профессор В.В. Ипатьев. Таким образом, непреложное тюремное правило о недопустимости общения однодельцев в период до их осуждения оказалось нарушенным, и мы неожиданно встретились и узнали, что являемся однодельцами.

Вовочка, как мы звали Владимира Владимировича в институте, был также в крайне тяжелом состоянии и, как и я, почти не мог встать с кровати. Однако наша встреча оказалась благоприятной для взаимного поддержания духа, и к концу месяца моего пребывания в больнице мы оба стали даже немного ходить.

***

В марте 1943 года нам неожиданно сообщают, что нас обоих вызывает начальник тюрьмы и, держа под руки, нас приводят в его кабинет. Там мы узнаем, что будем отвезены туда, где будем работать по специальности, причем куда именно, нам знать не обязательно. Поскольку же мы оба пока еще мало транспорта-

бельны, то будем временно переведены на «усиленное» питание (лишняя миска баланды) с длительным пребыванием на воздухе.

В наибольшей мере мне запомнились эти «прогулки» во дворе тюрьмы. Ранняя весна в Средней Азии чарующее время. Солнце, воздух, молодая листва на деревьях оказались волшебным лекарством... Если в первый день мы с Вовочкой смогли еле-еле, держась за стенку здания, пройти туда и обратно лишь пару десятков метров, то уже назавтра этот «пробег» оказался удвоенным. К концу же недели мы вообще могли уже не держаться за стенку. В результате к концу второй недели мы объявили, что готовы к отъезду.

Получив в качестве пайки по буханке хлеба и несколько кусков сахара, мы были посажены в «столыпинский» вагон и «спецконвоем» отправлены в далекий путь.

«Спецконвой» выполнялся по тюремной традиции дореволюционного времени. Так, «столыпинский» вагон был разделен железной решеткой на отдельные двух- и четырехместные клетки. В случае «спецконвоя», который в царское время применялся при перевозке «государственных преступников», последние помещались в отдельную клетку, перед запертой дверью которой всегда — и днем, и ночью — дежурил постовой, сменяемый каждые два часа.

В соответствии с этим перед двухместной клеткой, в которой были заперты мы с Ипатьевым, всегда находился часовой нашего «спецконвоя». При этом, к нашему удивлению, оказалось, что рядом у двери такой же двухместной клетки, в которой находился лишь один человек, также постоянно стоит другой часовой, очевидно, из другого «спецконвоя». При этом невольно возникла идея о том, чтобы объединить оба «спецконвоя» и оставлять одного часового у запертых дверей обоих наших клеток, т.е. сэкономить «обслуживающий персонал». Однако это «рацпредложение», очевидно, принято быть не могло, так как в советской тюрьме слишком свято сохранялись традиции тюрьмы царской, тем более, когда дело касалось «государственных преступников».

Везли нас долго, с пересадкой в каких-то городах, причем наш вагон останавливался на далеких запасных путях. Во время одной из таких пересадок нас с Ипатьевым под конвоем довольно далеко вели по шпалам. Хотя мешки с нашим «имуществом» за плечами были невелики, но наши силенки были весьма ограничены. В результате, споткнувшись, я с размаху упал вперед, уткнувшись лицом в шпалу. Конвоиры меня подняли на ноги и даже освободили от моего мешка. Но мое окровавленное лицо, по-видимому, показалось им весьма забавным и, приведя нас в какое-то помещение

«местной охраны», они со смехом представили нас в качестве двух «профессоров» и долго веселились по этому поводу.

Во время одной из последующих пересадок нас везли в переполненном «черном вороне», внутри которого было абсолютно темно. В результате у меня из мешка кто-то из «соседей» вытащил остаток моей буханки хлеба, и я остался вообще без пищи. Однако не даром в те времена среди заключенных существовало убеждение, что единственной гарантией «безопасности» для ээка является его состояние «при пакете», т.е. когда за его «доставку» кто-то отвечает. Очевидно, именно поэтому на заключительном этапе нашей перевозки к месту назначения сам «спецконвой» меня подкармливал из своего довольствия.

Этот последний этап закончился нашим водворением в московскую следственную тюрьму Лубянка. В отличие от тюрьмы в Андижане, здесь в камерах стояли койки с подушкой, бельем и одеялом, которые были достаточно чистыми, и вместо «параша» в камере имелась «уборная». И лишь «питание» оставалось весьма ограниченным, явно недостаточным для существования. Так прошла пара недель, пока нас обоих не привели в огромный кабинет начальника 4-го спецотдела НКВД СССР генерала Кравченко.

***

Представительный генерал, руководивший всеми «шарашками», как в просторечье именовались специализированные отделения 4-го спецотдела НКВД, сообщил, что нам будет предоставлена возможность творческой работы по специальности и мы должны заранее обдумать, что именно сможем сделать полезного для нашей страны, ведущей тяжелую войну с сильным противником.

При этом, называя нас с Ипатьевым профессорами, он был предельно вежлив и даже угостил нас папиросами, что после всего пережитого было настолько непривычным, что казалось нереальным. Когда мы спросили о том, как скоро это будет, генерал ответил, что в самое ближайшее время.

Однако, возвратясь на Лубянку, мы просидели в своей камере более месяца, пока нас не вызвали «с вещами» и посадили в «черный ворон». Каково же было наше удивление, когда нас привезли в Бутырскую тюрьму и вновь посадили вдвоем в одиночную камеру, причем никаких объяснений, как это положено, мы не получили. Как выяснилось впоследствии, задержка произошла потому, что наше следственное дело не было оформлено, причем оно осталось в Ташкенте. Заставлять же заключенного работать

до тех пор, пока он не стал осужденным, законом не разрешается! Таким образом, по закону умереть в тюрьме от голода было допустимо, а допустить к работе до «оформления дела» нельзя!

В соответствии с этим прошло еще несколько месяцев перед тем, как мы были вызваны для ознакомления с принятыми по нашим делам решениями. Основная часть моего «дела», отделенная скрепками, для ознакомления не предназначалась. В показанной же мне части было лишь указано, что я «за подозрительные по шпионажу связи» приговорен к заключению сроком на пять лет с привлечением к работе по специальности. Какие и с кем шпионские связи имелись в виду, в «приговоре» осталось невыясненным не только для меня, но, очевидно, и для тех, кто этот приговор составлял и утверждал.

Лишь после осуществления этой формальности и после нашей расписки об ознакомлении с «приговором» мы были вызваны из камеры «с вещами» и привезены «к месту работы», помещавшемуся в самой Москве на Шоссе Энтузиастов, рядом с химическим институтом закрытого типа.

***

«Химическое отделение» 4-го Спецотдела НКВД СССР, или «химическая шарашка», как называли это «учреждение», в котором нам с Ипатьевым пришлось пробыть около трех лет, представляло собой помещение из нескольких комнат, в которых жило и работало около полусотни заключенных, в большинстве крупных специалистов в области химии и химической технологии.

Все они, получая питание по рациону фронтового пайка, физически были в хорошем состоянии. Мы же были привезены в крайне истощенном виде, степень которого нам стала особенно ясна, когда мы с Ипатьевым очутились в бане. Так, меня, в частности, поразил тот факт, что ягодицы Вовочки оказались не выпуклыми, а вогнутыми, причем казалось, что кожа лежит непосредственно на костях таза, без всякой промежуточной «прослойки».

Поскольку основное население «шарашки» свой хлебный паек не съедало, нам он был преподнесен в избытке и мы понемногу стали приходить в себя. Так начался очередной этап моей жизни, сыгравший в ней значительную роль.

После двухлетнего пребывания в сталинской тюрьме с ее не поддающимися нормальному восприятию условиями, обстановка на «шарашке», представлялась поначалу райской.

Помимо удовлетворительных бытовых условий, отношение к заключенным со стороны начальства мало чем отличалось от такового «на воле».

Более того, не разбираясь в сложных научных вопросах, начальство, по непонятной на первый взгляд причине, доверяло «своим» специалистам даже больше, чем любым «чужим» прославленным ученым. Иначе, как будет показано ниже, чем можно объяснить, что выдаваемые «специалистами НКВД», как нас «официально» называли, данные для проектирования новых, впервые в мире осуществляемых производств и машин, руководство Спецотдела НКВД утверждало без каких-либо «консультаций» на стороне.

Другой особенностью обстановки на «шарашке» было также полное отсутствие руководства и контроля научно-технической деятельности заключенных со стороны начальства. Оно не требовало для утверждения планов работы, не организовывало «соцсоревнований» и других бюрократических «мероприятий», обязательных для «нормальных» советских учреждений. Не принимало участия начальство и в организации рабочих групп. Каждый заключенный сам выбирал себе товарищей по работе, и образовавшиеся группы совместно вели выбранную ими самими тему, без какого-либо участия тюремного начальства.

Эта особенность организации работы, или, вернее, ее отсутствие, не только приводила к резкому повышению продуктивности, но и улучшала моральный климат в коллективе, что было особенно важно в достаточно трагической обстановке полного отрыва от родных и близких людей, от учеников и сотрудников, о которых заключенные практически не имели никаких сведений.

Однако в отличие от «нормальной» тюрьмы, в которой эки полностью лишены информации о том, что делается «на воле», здесь помимо текущей научной литературы, имелся репродуктор радио, который приобщал заключенных к мировым событиям.

Так, в частности, произошла забавная история еще до моего прибытия на «шарашку».

На койке, которую занял я, до этого помещался Иван Платонович Граве, бывший генерал от артиллерии царской армии и фактически главный автор ракетной артиллерии, и в частности знаменитых «Катюш», что, очевидно, и привело его в тюрьму в качестве «военного специалиста». Каким же было его удивление, когда он, сидя на своей койке и укладываясь спать, вдруг услышал из репродуктора перечисление фамилий вновь назначенных Сталиным генералов, и в том числе имя генерала-лейтенанта Ивана Платоновича Граве. Считая это ошибкой или случайным совпаде-

нием с именем однофамильца, он спокойно уснул. Однако утром за ним приехал его будущий адъютант и увез по назначению!!!

Кстати, подобные случаи в ту пору не были единичными. Так, например, когда Сталин спросил А.А. Микулина, что ему надо для быстрейшего налаживания производства авиационных моторов, тот ответил, что ему нужен Борис Сергеевич Стечкин, который в качестве «врага народа» находился в тюрьме. И через несколько дней Стечкин был «доставлен по назначению», что, конечно, немало содействовало созданию нашей военной авиации во время войны.

Следует отметить, что находившиеся в заключении ученые и конструкторы, благодаря существованию Спецотдела НКВД, не только были спасены от уничтожения, но и внесли огромный вклад в нашу военную технику.

Характерной и показательной для психологического климата того времени является история создания самоходных орудий нашей армии. Для массового производства «советских фердинандов» был принят проект одного из заключенных «артиллерийской шарашки», фамилию которого я не запомнил.

Как это было принято в те времена, для автора этого проекта, привезенного на завод, была создана при нем маленькая «тюрьмишечка» на одного человека, из которой его ежедневно приводили для руководства работой. Рабочие, наблюдая внимание и уважение, проявляемое к нему руководящими работниками завода, естественно, признавали его высокий профессиональный авторитет. Однако не зная его имени и фамилии, которые произносить вслух было не принято, условно называли его между собой словом «вредитель». Соответственно говорили, например: «Пойди, спроси у вредителя...» и т.д.

Однажды приехавший из Москвы на завод главный инженер соответствующего Главка, зайдя в один из цехов, увидел синьку чертежа с внесенными в него красными чернилами изменениями. Подозвав мастера, он недоуменно спросил, неужели работают по этим исправлениям? А получив подтверждение, учинил разнос: как это можно, если любые исправления в чертеже вооружения должны утверждаться подписью не ниже замминистра... и т.д. А мастер отвечает: «...Какой там замминистра, когда исправления сделаны рукой самого "вредителя"», — т.е., как был убежден мастер, самым высоким авторитетом, выше которого вообще быть не может.

Таким образом, в сознании людей слово «вредитель» приобрело диаметрально противоположный смысл.

Кстати, этот пример вполне согласуется с упомянутым выше полным доверием начальства НКВД к своим «врагам народа».

И это не удивительно, так как большинство «шарашечников» действительно являлись ведущими учеными и специалистами страны. Более того, несколько десятков заключенных нашей «шарашки» могли бы возглавить работу нескольких химических институтов высокого класса.

***

К сказанному выше следует добавить, что на «химической шарашке» находились не только химики. Так например, у нас жил Лев Александрович Зильбер, один из крупнейших микробиологов нашей страны, который, кстати, был родным братом Вениамина Александровича Каверина — нашего прославленного писателя. Л.А. Зильбер, естественно, полноценно работать по своей специальности в тюремных условиях не мог и был направлен к нам за отсутствием соответствующей «медицинской шарашки».

Однако именно к этому времени он создавал свою вирусную теорию рака, получившую впоследствии мировое признание. В связи с этим он составлял сокращенно ее описание, предназначенное в качестве приложения к письму на имя министра НКВД. Я же помогал ему в этом в качестве «редактора», ничего не понимающего в данной области, способного придать рукописи «доходчивость», доступную даже министру.

Льва Александровича мучила грудная жаба, от которой он иногда очень страдал. Этот умный и обаятельный человек пользовался на «шарашке» уважением и любовью. В частности, ему были посвящены стихи:

Бактериолог, вирусолог,
Иммунолог и биолог,
Ты скажи нам, наш астролог,
Срок наш долгод или недолгод?

Такой вопрос, кстати, был отнюдь не праздным, так как время освобождения, если оно вообще возникало, обычно отнюдь не совпадало с назначенным сроком заключения. Так например, большинство наших эков продолжало оставаться в заключении на долгие годы и после окончания «официального» срока.

***

Для экспериментальной работы предназначались несколько небольших комнат, в которых имелось простейшее химическое оборудование, в достаточной мере изношенное и несовершенное.

Так например, рефрактометр постоянно сбивался и требовал непрерывного контроля. Для этого перед каждым измерением приходилось проверять его показания на стандартной жидкости.

Тем не менее, по эффективности работы в большинстве случаев, «шарашка» не уступала даже лучшим институтам аналогичного профиля. При этом удовлетворение творческой работой существенно поддерживало бодрость духа «шарашечников».

В соответствии с этим работали практически весь день, без выходных, с короткими перерывами для еды и послеобеденной прогулки на глухо отгороженном со всех сторон участке во внутреннем дворе дома. Кстати, зимой на этом участке, вспоминая свою прошлую специальность, я лепил из снега статую «прекрасной дамы», которая украшала наш прогулочный «парк».

В тех случаях, когда по разным причинам успешная работа оказывалась невозможной, морально-психологическое состояние обитателей «шарашки» часто принимало трагический характер.

Так например, в числе наших эков был Оскар Адольфович Зейде, любимый ученик А.Е. Чичибабина. Трагическая бессмысленность превращения во «врага народа» настолько травмировала его психику, что мешала ему работать. В результате после какого-то грубого оскорбления со стороны начальства он не выдержал и «переселился в лучший мир».

Временные же упадки духа были характерны и для других «шарашечников». Этот факт оказался связанным со случаем проявления «мрачного юмора», свойственного Сергею Павловичу Королеву. Так, однажды вечером на «авиационной шарашке», в просторечии именовавшейся Туполевской, отдыхая после рабочего дня, кто-то завел привычный разговор: «Вот мы так хорошо работаем, столько делаем для войны, а сидим здесь взаперти, даже не знаем, как живут наши родные и близкие» и т.д.

Сергей Павлович слушал, слушал и высказался: «А что ты удивляешься? Ведь у богини правосудия Фемиды глаза-то завязаны. Она же ни хаха не видит... Такой и результат...»

***

В 1946 году, примерно за месяц до окончания «официального» срока нашего пятилетнего заключения (5 июля), мы с В.В. Ипатьевым зашли к начальнику нашей «шарашки» Татушину, кстати, вполне порядочному и отзывчивому человеку, и спросили, можно ли рассчитывать на освобождение в назначенный срок? Он дал нам обещание выяснить, и когда мы пришли в назначенный им день, то узнали — останетесь сидеть. Мы ответили ему, что так и

ожидали. Каково же было наше удивление, когда 4 июля из «Академии», как мы называли Бутырскую тюрьму за то, что она считалась «образцовой» тюрьмой страны, приехали «сопровождающие» с приказанием «собирайтесь с вещами».

Вообще говоря, формула «собирайтесь с вещами» в обычных тюремных условиях означает перевод в другую тюрьму, лагерь и т.п., причем всегда без указания, куда именно. Однако в данном случае нам «на ухо» сказали, что «выпускают»...

В «черном вороне» нас приехали в Бутырку и посадили в бокс, представлявший собой ящик без окон размером около полутора квадратных метров с сиденьем в виде доски на двух человек. В этом ящике мы просидели примерно до 4 часов утра, когда нам выдали документы об освобождении и точно в срок — 5 июля 1946 года — выпустили за ворота тюрьмы.

Вовочка направился к своей жившей в Москве сестре, а я, звонивший со своим двоюродным братом, поехал с ним в институт, в котором он работал, и проспал там остаток ночи, лежа на каком-то столе. Утром я был уже в Министерстве, где, зная о моих работах по синтезу изопрена, проводившихся на «шарашке», меня направили для их продолжения в Институт синтетического каучука (ВНИИСК) в Ленинграде.

Уже с первых дней пребывания на свободе я встретился с двойственным характером отношения к себе.

В присутствии других людей мои бывшие товарищи и даже друзья меня как бы не замечали, а при неизбежной встрече «индифферентно» здоровались, незаметно оглядываясь по сторонам. Встречаясь же наедине, с особой теплотой жали руки, всячески проявляя сочувствие.

Лишь однажды на какой-то научной конференции в большом зале, во время перерыва, в массе людей мне встретился академик Н.Д. Зелинский, поддерживаемый двумя его сотрудниками. Увидев меня, он потянулся ко мне со словами: «Здравствуйте, дорогой, Вам пришлось столько перенести...» и т.д.

Кстати, такая «неосведомленность» о «мерах предосторожности» в отношении бывших «врагов народа» была вообще присуща этому прославленному ученому.

Так например, когда попал в тюрьму его любимый ученик — академик А.А. Баландин, Н.Д. Зелинский до тех пор добивался приема у Сталина, пока Алексей Александрович не был освобожден. Правда, когда А.А. Баландина посадили во второй раз и его учитель снова попытался повторить тот же прием, то ему сообщили, что эти усилия могут привести лишь к тому, что посадят и его самого.

Все же другие мои товарищи, в том числе академики, сочувствовали мне лишь при хорошо проверенном отсутствии посторонних.

Счастливым для меня исключением оказались Г.Н. Маслянский, Е.А. Кремлева, с которой я был знаком еще по совместной работе в ГИПХе в лаборатории академика В.Н. Ипатьева, и ее муж, С.С. Марков, впоследствии профессор, лауреат Ленинской и двух Сталинских премий. Они отважились даже приютить меня в своей квартире на длительное время, пока я не получил другое жилье, что для члена партии С.С. Маркова в то время было немалым героизмом.

Вообще, следует отметить, что условия пребывания бывших «врагов народа» на свободе были «своеобразными».

Так, например, паспорт я получал временный, который каждый раз приходилось возобновлять. Лишь после письма министра мне, в частности, был выдан временный паспорт, но без указания срока окончания его действия, так что его непрерывно возобновлять уже не приходилось. Однако в любой момент по чьему-либо приказу, либо без него, я мог быть выселен из Ленинграда в «любом направлении».

***К ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДВИЖЕНИЙ***

ПРАВЫЕ В 1915 — ФЕВРАЛЕ 1917

По перлюстрированным Департаментом полиции письмам

Публикация Ю.И. Кирьянова

Обращение к событиям 1917 побуждает посмотреть на панораму партийной деятельности кануна Февральской революции. К настоящему времени появились книги не только о социал-демократах и эсерах, но и о кадетях, октябристах, прогрессистах. Однако по-прежнему остается слабо освещенной деятельность *правых* организаций. Существует лишь несколько специальных работ на эту тему, причем, как правило, посвященных предвоенному периоду¹. Имеются, правда, и монографии общего характера, затрагивающие названный сюжет².

Но дело не только в том, что правое движение слабо изучено, но и в односторонности и неаргументированности некоторых оценок и характеристик, встречающихся в литературе. Знакомство с нею оставляет неразрешенными немало вопросов. К их числу могли бы быть отнесены следующие: все ли правые периода войны были черносотенцами; какие изменения претерпели основные идеи правого движения и его социальная база; как развивались организации правых различного толка и насколько

---

¹ Оленев М. Рабочий вопрос у правых // Современный мир. 1908, №1; Он же. Мечты и действительность у правых // Образование. 1908, №8; Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т.3. СПб., 1914; Степанов С.А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987; Он же. Черная сотня в России: 1905-1914. М., 1992; Королева Н.Г. Помещичье-монархические организации в 1905-1907 гг.: Образование, структура, тактика // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.

² См.: Колин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России: В 2-х частях. Калинин, 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; Он же. Россия: 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

сильны были интеграционные тенденции; каковы были взаимоотношения правых организаций (различного толка) с царем, царицей, а также правительством и местными властями; в чем причина относительного успеха правых в 1905-1907 и очевидного, ими же признаваемого, кризиса в 1914 — феврале 1917 и др. Разноречиво освещались и некоторые другие вопросы: активизация правых организаций в 1915; причины неучастия В.М. Пуришкевича в партийных съездах и совещаниях; отношение правых (разных их групп) к Г.Е. Распутину; роль правых в продовольственных выступлениях; соответствие оценки правыми развития в стране революционного кризиса реальному ходу событий; источники пополнения партийной кассы и др.

Настоящая публикация стремится восполнить пробелы в литературе по этой теме и внести ясность в освещение некоторых вопросов: информация «из первых рук» о теоретической и практической деятельности правых корректирует расхожие представления о правых организациях и правом движении в годы войны, которые встречались и встречаются в литературе и публицистике.

В правом лагере имелись как бы два структурных «подразделения» — низшее и высшее. К первому — по крайней мере, до начала мировой войны — относились многочисленные, имевшие весьма различные названия правые организации (включая и открыто черносотенные), партия националистов, а также — с определенными оговорками — Совет объединенного дворянства. Ко второму — царь, камарилья и официальное правительство. При известной условности такого деления, оно правомерно и им пользуются в научной литературе³. В годы войны позиции «националистов» и дворянства существенно «заколебались» и стали видоизменяться. Но большая часть правых организаций продолжала действовать в рамках своих в основном прежних установок, образуя хотя и разноликое, но все же «движение» монархических единений.

По подсчетам различных исследователей, общая численность правых (черносотенцев) к концу 1907 — это пик их деятельности за весь период вплоть до 1917 — достигала 200 тыс. — 410 тыс. человек. Подобные организации действовали тогда в 2 208 населенных пунктах 66 губерний и областей⁴. Хотя организации, возникшие в 1905-1907, были разбросаны по всей огромной территории Российской империи — от Варшавы до Владивостока и от Петрозаводска до Одессы и Туапсе, — однако, весьма показательно, что 58% всех членов этих организаций в 1907 было сосредоточено в 15 губерниях так называемой «черты еврейской оседлости»⁵.

Организации правых как в предвоенное время, так и в годы войны имели различные названия — Дубровинский Союз русского народа (А.И. Дубровин), Союз русского народа (Н.Е. Марков), Союз русских

³ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума: 1912-1914. М., 1981. С.224.

⁴ Степанов С.А. Численность и состав... С.193, 195 (410 тыс.); Королева Н.Г. Указ. соч. С.104 (200 тыс.).

⁵ Степанов С.А. Численность и состав... С.193.

людей имени Михаила Архангела (В.М. Пуришкевич), Астраханская народная монархическая партия (Н.Н. Тиханович-Савицкий), Киевское патриотическое общество молодежи «Двуглавый орел» (Д.Е. Куделенко и др.), Отечественно-патриотический союз (В.Г. Орлов) и др. В крупных городах нередко параллельно действовали две-четыре правые организации, находившиеся между собой подчас в весьма сложных отношениях. Так было не только в столицах, но и в некоторых других городах (например, в Одессе)⁶. Причинами создания нескольких правых организаций (всероссийских союзов) являлись и расхождения программного характера, и сугубо личные мотивы. Видимой причиной расхождений Союзов Маркова и Пуришкевича с Союзом Дубровина являлось отношение к Гос. думе. Первые признавали возможным принимать участие в деятельности Гос. думы, дубровинский Союз такую возможность отвергал. Отечественно-патриотический союз, возникший летом 1915, признавал возможным членство «инородцев», в том числе евреев, в то время как «правоверные» правые считали это недопустимым.

Правые организации, возникшие в 1905-1907 и позднее, являлись «народными», всесословными. Некоторые первичные организации имели в своем составе и графов (граф А.Н. Коновницын был председателем Одесского отдела СРН в 1905-1911), и простых служащих, рядовых интеллигентов, рабочих и крестьян. Этим они отличались от предшествующих правых организаций национально-культурнического характера (типа «Русского Собрания», возникшего в 1900), состоявших из представителей «привилегированных» сословий. И в период Первой мировой войны социальная база правых организаций оставалась «всесословной», весьма широкой, хотя были отмечены и определенные изменения: при общем уменьшении численности правых организаций «простонародный сектор» в них поубавился особенно значительно.

Существенно сократилось — по сравнению с 1905-1907 — и число населенных пунктов, где действовали правые организации. Среди городов, в которых в годы войны продолжалась их активная работа, можно прежде всего назвать Петроград, Москву, Тулу, Астрахань, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Киев, Харьков, Екатеринослав, Одессу.

Следует заметить, что сама партийная деятельность в условиях военного времени — во имя общенациональных интересов — была в определенной мере свернута самими деятелями партии. Правда, летом 1915 были предприняты — с ведома и одобрения правительства, МВД — попытки организации и проведения совещаний-съездов правых организаций. Осенью 1915 несколько таких совещаний — в Саратове, Петрограде, Нижнем Новгороде — состоялись. Дальнейшие усилия в этом направлении сдерживались правительством, преследовавшим при этом цель «общенационального спокойствия». С осени 1916 стал подготавливаться очередной съезд правых организаций, но провести его до Февральской революции так и не успели, хотя разрешение в конечном счете

⁶ Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Сост. А.Черновский. М.:Л., 1929. С.266.

было получено. Не удалось создать и так называемый Консервативный (Черный) блок — как бы в противовес Прогрессивному блоку — хотя разговоры об этом велись с лета 1915 и усилились с осени 1916.

Деятельность правых в годы войны выразилась прежде всего в выступлениях их представителей в Гос. думе и Гос. совете, в изданиях газет, в письменных обращениях к царю, представителям правительства и местной администрации, а также в личной переписке (партийного характера).

Сказанное о масштабах и характере деятельности правых организаций и их представителей в годы войны лишь подчеркивает важность для изучения их деятельности такого источника, как письма. Переписка правых деятелей как раз сохранилась благодаря перлюстрации их писем Департаментом полиции. Следует заметить, что в немногочисленных публикациях о правых⁷ материалы этого фонда не использованы.

Письма отложились как в специальном фонде Перлюстрации ДП МВД, так и в делах Особого отдела ДП, хранящихся в ГА РФ (бывшем ЦГАОР СССР). Предлагаемая публикация в основном использует материалы фонда Перлюстрации. Несколько слов о материалах фонда. Сейчас имеется уже несколько статей, в большей или меньшей мере характеризующих этот фонд, но лишь с одной стороны — переписки революционеров⁸. Но фонд этот содержал переписку лиц самых различных политических взглядов и различной партийной ориентации. Фонд Перлюстрации ДП МВД насчитывает по интересующему нас периоду около сотни дел и в них — несколько сот выписок из писем, в большей или меньшей степени отражающих деятельность правых организаций разного толка, их руководителей, правого движения в целом. В перепечатках из писем и сопровождающих письма документов указываются автор, место и дата отправления, адресат и воспроизводится заинтересовавшая цензуру часть письма. При этом внимание цензуры привлекал весьма широкий круг злободневных вопросов, оценка их — и положительная, и отрицательная — различными представителями населения, представителями различных политических течений и партий.

Как уже было отмечено, в фонде Перлюстрации практически в каждом деле содержатся выписки из писем правых, начиная от рядовых членов и руководителей местных организаций, выдвинувшихся накануне войны, до патриархов и вождей правого движения, высокопоставленных чиновников и сановников, бывших министров, членов Государственной думы и Государственного совета. Это были общественные деятели, представители государственного аппарата и местной администрации,

⁷ Союз русского народа...; Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 337-338; Программа Союза русского народа перед Февральской революцией: Сводка общих положений и Письмо А.А. Римского-Корсакова от 15 января 1917 г. / Публикация И.Тоболина // Красный архив. М.; Л., 1927. Т. 1 (20). С. 240-244.

⁸ См.: Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 376-390.

священнослужители, военные, писатели и публицисты, ученые и преподаватели высших и средних учебных заведений, рабочие и крестьяне. Фонд содержит письма основных руководителей правого движения (и письма к ним) — А.И. Дубровина, Н.Е. Маркова, В.М. Пуришкевича, Н.Н. Тихановича-Савицкого, Г.Г. Замысловского, Н.Н. Родзевича, Н.П. Тихменева, И.И. Дудниченко, В.Г. Орлова, И.И. Восторгова, К.Н. Пасхалова, а также бывших министров — Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и др. В фонде «отложились» переписка партийного характера академика А.И. Соболевского, профессоров С.В. Левашова, А.С. Вязигина (Харьков), Ю.А. Кулаковского (Киев), В.Ф. Залесского (Казань), священнослужителей — архиепископа Харьковского Антония, архимандрита Почаевской лавры Виталия, протоиерея М.Алабовского (Киев) и др.

Данная публикация, естественно, отражает лишь часть переписки правых, причем ту часть, на которую по тем или иным причинам обратил внимание чиновник Департамента полиции. Эту особенность, конечно, следует иметь в виду. Но значимость этой коллекции едва ли можно умалить. Она весьма точно передает взгляды правых по злободневным вопросам политической, экономической и социальной жизни, настроения авторов, их планы, характеризует практическую деятельность организаций.

Мы, естественно, не могли включить в публикацию все письма. Отбор был ограничен прежде всего хронологическими рамками лета 1915 — февраля 1917. Конечная дата не нуждается в обосновании. Что же касается начальной, то она также вполне правомерна, так как именно к этому времени относилась активизация правых, выразившаяся в подготовке совещаний, съездов, как противовеса уже состоявшимся съездам общественных организаций. Осенью 1915 съезд (или совещание) правых, по их собственному мнению, должен был парализовать впечатление от выступлений левых в Гос. думе и «стабилизировать» напряженную обстановку в стране. Имеются и прямые свидетельства о слабой активности правых и их организаций в первый год войны, о том, что монархисты «встренулись» лишь в конце лета — начале осени 1915⁹. К этому следует добавить, что при отборе материала для публикации предпочтение отдавалось письмам «общественно-политического» звучания и тем письмам, которые воссоздавали канву движения правых. Обращалось также внимание на то, чтобы и «тематически», и географически движение правых было представлено достаточно всесторонне.

Что же дает переписка правых периода войны и чем она дополняет документы известного сборника «Союз русского народа...»?

Прежде всего, переписка позволяет получить представление о реально существовавших и действовавших организациях. В письме Н.Н. Тихановича-Савицкого от 4 ноября 1915 говорится, что в связи с подготовкой Нижегородского съезда было разослано 300 приглашений, на которые откликнулись «только 31 Союз и лиц (не считая нас четырех)». Активно

⁹ См. письма: Н.Волков (Петроград). 4 ноября 1915; И.Восторгов (Москва). 7 сентября 1915 // ГА РФ. Ф.ДП. Перлюстрация. 1915 г. Д.1036. Л.1808 и Д.1030. Л. 1397. (Далее название архива не приводится).

действовавших организаций осталось сравнительно немного, некоторые распались, деятельность продолжавших существовать «выражалась главным образом в форме участия в церковных торжествах и посылке телеграмм»¹⁰. 29 ноября 1915 автор, скрывавшийся под инициалами «В.Б.», писал из Казани о «незначительных кучках правых, которые существуют в городах под названиями разных союзов». Руководитель Русского монархического союза в Москве С.А. Кельцев обращал внимание в марте 1916 «на необходимость проверки всех союзнических организаций, так как большинство их числится только на бумаге, а фактически бездействует»¹¹. О развале работы правых организаций говорится в письме И.И. Дудниченко (Одесса — Кишинев) от 29 октября 1916. Подобное положение подтверждается и многими другими свидетельствами.

В соответствии со сказанным находятся и разбросанные в письмах высказывания об определенном сужении в годы войны социальной базы правых. Социальную базу самодержавия правые видели преимущественно в «простонародье», под которым, по крайней мере некоторые из них, подразумевали «трудящийся средний и низший класс населения»: крестьян, рабочих, мещан, разных служащих и вообще бедный малосостоятельный люд¹². Нередко речь шла о «провинции», о деревне. Ряд писем периода войны содержит констатацию отхода от правых интеллигенции, купцов, рабочих, охлаждения к ним даже части дворянства. К.Н. Пасхалов писал 29 октября 1915: «дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения, благодаря безучастию главарей — Самариных, Хомяковых и др.»; «купец — весь либерал»; «только среди духовенства находятся сочувствующие. А масса: мелкие лавочкиники, артельщики, чинуши, не выше надворного и ни гроша денег»¹³. Тот же Пасхалов писал 29 января 1916 в связи с забастовкой на Патронном заводе в Туле: «Эта, раньше святая, а теперь подлейшая Русь, зарабатывая по 200-300 р. в месяц, при полуграмотности, требует уже не 8-ч., а 6-час. рабочего дня». Переписка фиксирует ослабление и утрату интереса к правым организациям и со стороны рабочих, и со стороны крестьян по крайней мере в ряде городов и губерний Центральной России¹⁴.

Видимо, с тем же была связана и «серость» пополнения руководящих органов правых в годы войны, что достаточно ярко проявилось на Петроградском совещании в ноябре 1915 и вызвало недоумение и раздражение некоторых функционеров движения. Так, в одном из писем на имя председателя Петроградского совещания И.Г. Щегловитова отмечалось, что среди имен членов избранного тогда Главного Совета, наряду с именем адресата, «фигурируют "прекрасные незнакомцы" в лице Шинкаревского, Соколова, Боброва, Кельцева и др. Что знает Россия о г. Шинка-

¹⁰ Падение царского режима. Т.4. М.; Л., 1925. С.128.

¹¹ Русские Ведомости. 1916, 6 марта; ДП. ОО. 1916 г. Д.244. Т.1. Л.72.

¹² Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань). 8 мая 1916.

¹³ К.Н. Пасхалов. 29 октября 1915; Н.Н. Тиханович-Савицкий. 5 мая 1916; см. также: Союз русского народа... С.321, 340.

¹⁴ Рабочий Даниловской мануфактуры Я.Д. Скворцов (Москва). 22 ноября 1916; крестьянин В.Архангельский (Тамбов). 26 декабря 1915.

ревском, каков его удельный вес среди правых? Все, что известно о Шинкаревском, заставляет относиться к нему с чрезвычайной осторожностью, ибо все его прошлое говорит не в его пользу. В смысле активности, как деятель правых организаций, Шинкаревский — абсолютное ничтожество. Другой член Главного Совета — Бобров все время находился на службе у Главного Совета за вознаграждение в 100 руб. и, являясь наймитом правого движения, ни в коем случае не мог надеяться и не должен был, что он выступит в роли одного из столпов правого движения. Третий член Совета — Кельцев, имеющий в прошлом столкновения с представителями прокурорского надзора, окончательно компрометирует состав Главного Совета, причем появляется среди правых только в 1912 г. с марта месяца. Четвертый же член его Соколов, как по молодости лет своих, так и по своему социальному положению (недоучившийся студент) отнюдь не является тем лицом, которому можно было бы вверить столь сложные функции, как члена Главного Совета»¹⁵.

В качестве причин ослабления правого движения в период войны в письмах самих правых деятелей можно найти указание на следующие: прежде всего «естественное» свертывание — по крайней мере до середины 1915 — «во имя общенациональных интересов» партийной деятельности — линия, наиболее ярко выражавшаяся В.М. Пуришкевичем, считавшим организацию и проведение даже правыми партийных съездов в период войны чуть ли не преступлением; запреты и ограничения властей на проведение съездов, совещаний не только в западных губерниях, но и в Москве (например, осенью 1916), запреты на выпуск печатной продукции, возбуждающей национальную рознь, количественное и качественное «ослабление» довоенных организаций из-за ухода в действующую армию многих активных членов; нежелание населения и, по крайней мере, части самих правых прикосновения к черносотенству; нежелание, в частности рабочих, вступать в организации, которые, согласно молве, были «филиальными отделениями охраны»; отрешивание многих от откровенного антисемитизма, присущего по крайней мере части правых деятелей; определенные разногласия и раскол в стане самих правых по вопросам: национальному, войны и мира, отношения к монархической Германии и парламентской Англии (особая позиция «националистов» А.И. Савенко и В.В. Шульгина; создание летом 1915 Отечественно-патриотического союза В.Г. Орловым и др., разрешавшего членство инородцам, включая евреев; отход В.М. Пуришкевича от партии в 1915, его выход из фракции правых в Гос. думе в конце 1916); слабое участие правых в практической работе, связанной с помощью фронту, армии; и главное — ослабление внимания к правым со стороны властей, и следовательно — ослабление материальной поддержки; продолжающаяся распря между правыми (из-за дележа денег, влияния)¹⁶.

¹⁵ ДП. Перлюстрация. 1916 г. Д. 1050. Л. 254а-254а об.

¹⁶ См.: К.Н. Пасхалов. 31 октября, 8 ноября, 15 декабря 1915, 22 апреля 1916; И.И. Дудниченко. 20 октября 1915, 5 и 21 февраля, 24 апреля 1916; В.В. Шульгин. 11 декабря 1915; см. также: Союз русского народа... С.192.

Почему же власти, разрешая правым проводить съезды и совещания и приветствуя их, тем не менее проявляли к их деятельности в период войны весьма осторожное отношение? Думается, что ответ на этот вопрос заключен в характеристике властями правого движения как «революционеров справа», которую правые, естественно, отвергали¹⁷. Они довольно резко обличали сложившееся положение, прежде всего продовольственное, критиковали правительство за нерешительность, нераспорядительность и, при изначально отрицательном отношении ко всяким выступлениям населения в военное время (забастовкам, студенческим волнениям, продовольственным «беспорядкам»), как бы против своей воли фактически возбуждали определенные слои и группы населения к активным действиям. П.М. Вишняков (Москва) писал 17 февраля 1917 В.М. Пуришкевичу: «Вы защищаете монархическую власть и вместе с тем дискредитируете действия монархической власти, расшатываете понятие вообще о власти, уничтожаете дисциплину в народе»¹⁸.

Из публикуемых материалов читатель получает достаточно всестороннее представление о выработке программных документов, постановлений — и тех, которые были приняты (например, на Петроградском совещании в ноябре 1915), и тех, которые предполагалось принять, например, на съезде «монархических единений» в конце 1916 — начале 1917¹⁹.

Основой программы правых организаций с момента их возникновения была триада: православие, самодержавие и народность.

Защита самодержавного устройства государства и борьба с любыми покушениями на прерогативы царя (вопросы подотчетности министров, заключения мира и т.п.) оставались важнейшими принципами деятельности большинства правых в период войны. В этой связи правые видели известное нарушение самодержавного начала даже в Манифесте 17 октября 1905. В тот день, как писал Н.Д. Тальберг ровно через 10 лет после этого события, «предана была старая, историческая Россия и придумано новое устройство, прелестями которого мы особенно насладились в последнее время»²⁰. Показательно, что правые газеты «Земщина», «Русское знамя» и др. ни словом не обмолвились о 10-летнем юбилее Манифеста. В 1916 — начале 1917 правые активизировали свои усилия с целью изменения, «исправления» кодификации Основных законов. Вместе с тем правые (абсолютное большинство их) отвергали всякие разговоры о «правительстве общественного доверия», ответственном не перед царем, а перед

¹⁷ К.Н. Пасхалов (Алексин Тульской губ.) — Н.Н. Родзевичу (Одесса). 31 октября 1915 // ДП. Перлюстрация. 1915 г. Д.1036. Л.1862-1862об.; см. также: Совещание монархистов 21-23 ноября 1915 в Петрограде: Постановления и краткий отчет. М., 1915. С.21. (Выступление И.Г. Щегловитова).

¹⁸ ДП. Перлюстрация. 1917 г. Д.1070. Л.69; см. также: Союз русского народа... С.227, 342, 343.

¹⁹ См. письма: Н.Н. Родзевич (Одесса) — Г.Г. Виленскому. 15 сентября 1915; А.А. Бонковский (Ананьев Херсонской губ.) — Н.Е. Маркову. 17 ноября 1915; Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) — Н.Д. Облеухову. 8 мая 1916; Он же — П.Ф. Булацелю. 8 ноября 1916.

²⁰ ДП. Перлюстрация. 1915 г. Д.1035. Л.1729.

Парламентом, Думой. Такая постановка вопроса, реально возникшая в годы войны, квалифицировалась ими как посягательство на Основные законы и расценивалась как намерение совершить государственный переворот.

«Разрушительными силами» для устоев самодержавной власти правые считали Гос. думу, Прогрессивный блок, левую печать, «общественные» организации — Земский и Городской союзы, а также ЦВПК. Они резко выступали против «вмешательства» общественных организаций в политические дела, обсуждение ими злободневных вопросов и принятия резолюций, которые будоражили общественное мнение (этим, по их мнению, должны были заниматься исключительно политические партии). В Военно-промышленных комитетах они видели источник не только разбазаривания казенных денег, но и подстрекательства рабочих к опасным «общественным акциям» — демонстрациям перед Гос. думой с целью замены правительства и т.п.²¹. В глазах правых действия этих организаций и их руководителей могли привести или к народной смуте, или к давлению на царя с целью его «добровольного» отказа от Верховной власти. Поэтому в отношении этих учреждений и организаций, а также левой печати, по мнению правых, должны были применяться самые жесткие меры пресечения их антигосударственной деятельности (вплоть до отсрочки или даже запрета деятельности Гос. думы, реорганизации или закрытия Городского и Земского союзов и т.п.). Неудивительно, что в переписке правых чаще других упоминались, причем в сугубо негативном, ругательном духе, фамилии руководителей Гос. думы, Прогрессивного блока, Городского и Земского союзов, Центрального и местных военно-промышленных комитетов — А.И. Гучкова, Г.Е. Львова, М.В. Родзянко, П.Н. Милокова, М.В. Челнокова, П.П. Рябушинского и др. Деятельность этих лиц и их сподвижников, по мнению правых, вела страну к падению самодержавной власти. Это убеждение в несколько модифицированном виде сохранялось у правых и после 1917.

Стремясь к наведению хозяйственного и прежде всего продовольственного порядка, стремясь воспрепятствовать деятельности «общественных крикунов», либералов, правые на протяжении всей войны неуклонно выступали за установление твердой власти и более того — диктатуры, обвиняя правительство в безвластии²².

По некоторым другим коренным вопросам в позициях правых не наблюдалось единства и существовал довольно заметный разнобой, который охватывал значительные их круги. В числе таких вопросов следует прежде всего назвать отношение к войне.

В Постановлении «Все для победы» Совещания монархистов в Петрограде 21-23 ноября 1915 говорилось, что война «не должна иметь окончания ранее разгрома австро-германских полчищ и одержания над искон-

²¹ Н.Д. Тальберг (Петроград). 6 мая 1916; Земщина. 1917, 31 января.

²² Н.Н. Родзевич (Одесса). 15 сентября 1915; Е.Грингмут (Чернигов). 15 октября 1915; И.И. Дудниченко (Одесса). 15 и 30 октября 1916; Неустановленный автор (Бурынъ Курской губ.). 15 ноября 1916; см. также: Союз русского народа... С.321.

ным врагом Святой Руси полной и решительной победы»²³. Подобная позиция какое-то время была преобладающей среди правых и имела сторонников вплоть до Февральских событий. На собрании 22 мая 1916 членов Астраханской народной монархической партии (в присутствии 50 человек) был поставлен вопрос об отношении к войне «в виду слухов о том, что в левых партиях идут разговоры о мире и что русские должны ограничиться тем, что имели до войны». Руководитель организации Н.Н. Тиханович-Савицкий попросил присутствовавших высказаться, следует ли продолжать войну до конца или закончить ее на «означенных выше условиях». Присутствовавшие на собрании, как отмечала охранка, «заявили, что войну следует продолжать до конца»²⁴. Правый депутат Гос. думы Г.А. Щечков писал 5 декабря 1916: «Предложение мира — одна демонстрация и вместе провокация. Надеются немцы возбудить у нас всех тех, которые с первого дня войны мечтали не о победе, а только о мире во что бы то ни стало. Но это им не удалось».

Однако по вопросам отношения к войне и миру, к Германии и союзникам (Англии, Франции и др.) позиция правых не оставалась единой и довольно быстро после начала войны раскололась. Так, согласно Справке ДП МВД от февраля 1915, некоторые правые (и в их числе А.И. Дубровин) стали опасаться, что «окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где — под влиянием соседней Германской республики — может тогда вспыхнуть вторичное революционное движение»²⁵. Через два месяца после «патриотического» Петроградского совещания в ноябре 1915 в одном из основных печатных органов правых — газете «Земщина» появилась статья, в которой подводилась «база» для изменения традиционного отношения к вопросу о продолжении войны. «Не Германия затеяла войну, а жиды... Нужно было натравить одну на другую две державы, где монархический принцип наиболее силен, чтобы ослабить их обоих в титанической борьбе... Германия — жертва жидов, которые стараются тянуть войну»²⁶. Осенью 1916 подобный подход был зафиксирован охранкой уже как весьма типичное явление. По мнению правых, говорилось в «Докладе» Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции за октябрь 1916, «война стала непопулярной в народе из-за того, что самодержавная Россия воюет за свободу республики и конституционных монархий с Германией, имеющей схожий с Россией образ правления. Если вначале все были увлечены идеей борьбы за существование Сербии, то теперь, когда главная борьба выносится русскими силами, а "победа достанется англичанам", большинство поняло невыгоды союза России с Англией. В обществе вращается множество памфлетов, направленных

²³ Совещание монархистов 21-23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановление и краткий отчет. М. 1915. С.28

²⁴ Донесение Начальника Астраханского ГЖУ от 29 мая 1916 // ДП. ОО. 1916 г. Д.244. Т.1. Л.159.

²⁵ ДП. ОО. 1915 г. Д.244. Т.1. Л.3.

²⁶ См.: Наше слово. (Paris). 1916, 28 января. С.2.

против Англии и требующих окончания войны и прочного мира с центральными монархиями». И далее: «...Отрицательное отношение правых к войне еще более усилилось за последнее время, когда повсюду стали замечаться усиливающиеся волнения и когда забастовки городских и сельских рабочих начали принимать все более и более интенсивный характер»²⁷. Н.Н. Тиханович-Савицкий писал Временному Совету монархических съездов в Петрограде 8 ноября 1916: «Уж раздаются голоса о прекращении войны. Этот вопрос сейчас важнее продовольственного». Примерно тогда же «Общество 1914» постановило занести на «черную доску имена Маркова, Глинки и Дубровина и их сотрудников /.../ как врагов своего народа, работающих на пользу немцев»²⁸. В противоположность названным деятелям В.М. Пуришкевич продолжал придерживаться англофильских позиций и выступал противником «позорного мира»²⁹.

Как известно, правые в объяснении причин бед и неудач постоянно сбивались на «происки евреев», причем вне зависимости от того, шла ли речь о предпринимателях, торговцах или социалистах. В годы войны эта формула несколько видоизменилась: стали говорить о «немецком и еврейском засилье»³⁰. На Петроградском съезде в ноябре 1915 отмечалось, что дороговизна была следствием «системы объединенного действия жидов с немцами»³¹. Таков же был шаблон и в заявлениях по другим вопросам.

Однако и эта позиция была поколеблена особенно в связи с созданием летом 1915 Отечественно-патриотического союза, устав которого — в отличие от уставов других, правоверных правых организаций — разрешал принимать в члены союза инородцев, евреев. Подобную линию проводила и московская правая газета «Колокол», редактируемая В.М. Скворцовым. В статье «Истинный монархизм и антисемитство» газета высказывалась за уважение всех людей, представителей всех национальностей (в том числе и евреев), верно служащих царю и отечеству³².

Особый вопрос — это отношение правых к массовым выступлениям в период войны и оценка ими социальной напряженности, назревания революционного кризиса. Среди правых было распространено мнение, что Россия имела право выйти из войны, если на ее территории будут иметь место «массовые беспорядки». Из этого делалось заключение, что Германия прилагала всяческие усилия, чтобы такие беспорядки вызвать в форме продовольственных выступлений, стачек и др. В письмах, естественно, дается резкое осуждение любых выступлений рабочих, крестьян, студентов, горожан, которые прямо или косвенно отражались на снабжении армии боевыми припасами и продовольствием, отрицательно влияли на настроение солдат. В этой связи следует заметить, что расхожее в литературе мнение, будто правые являлись организаторами

²⁷ Красный архив. М.;Л., 1926. Т.4 (17). С. 23.

²⁸ См.: Начало. (Paris). 1916, 5 октября. С.2.

²⁹ ГА РФ. Ф.111. Оп.5. 1917 г. Д.664. Л.21.

³⁰ Союз русского народа... С.99-102, 312, 347.

³¹ См.: Наше слово. (Paris). 1916, 30 января. С.2.

³² Колокол. (М.). 1917, 4 февраля; см. также: Спирин Л.М. Россия: 1917 год. М., 1987. С.38.

так называемых продовольственных выступлений, не находит документального подтверждения и не соответствует содержащимся в письмах высказываниям. В переписке как раз отмечалось, что подобные выступления организовывались антирусскими силами на немецкие деньги.

Правые предвидели возможность революционных выступлений в России после окончания войны. Более того, уже в конце 1916 — начале 1917 они не раз отмечали сходство политической ситуации в стране с 1904–1905. Однако в оценке назревания революционного кризиса среди правых не было единого мнения. Представители старшего поколения и старой закваски были склонны, видимо, к перестраховке. В этом отношении весьма показательным высказывание В.М. Пуришкевича, сделанное в связи с Петроградским съездом в ноябре 1915: «Съезд хочет бороться с революцией, но где теперь революция? Она есть только в мозгах таких деятелей, как Щегловитов, Дубровин, Пасхалов, Торопов и др.»³³. Подобного рода суждения неоднократно встречались в переписке.

По мере усиления социальной напряженности правые довольно точно рассмотрели те силы, которые под началом левых должны были сыграть решающую роль в «предстоящих важных событиях»: это рабочие столицы и тыловые солдаты (что было не обычным, расходившимся, скажем, со взглядами социал-демократов, согласно которым ставка делалась на рабочих и крестьян).

Однако сами правые видели решающую спасительную силу в «предстоящих важных событиях» в «народе», в «провинции», в «деревне», в «простом народе и армии». Именно «эта сила», по их мнению, должна была защитить и сохранить самодержавие. Председатель Ананьевского отдела СРН в Херсонской губ. А.А. Бонковский писал Н.Е. Маркову 17 ноября 1915: «Тщетно думают вожаки революционных банд, что в России, как и в других государствах, можно устроить государственный переворот "силами" столицы при помощи рабочих... нет! Решит дело провинция, с ее многомиллионным преданным царю народом». В предложениях Н.Н. Тихановича-Савицкого, направленных во Временный совет монархических съездов в Петрограде, отмечалось 8 ноября 1916: «Города готовят после войны революцию, рассчитывая на поддержку городских элементов армии, — противопоставить им деревню, поддерживая ее интересы преимущественно перед городскими...». В письме В.А. Образцова (Екатеринослав) от 14 ноября 1916 говорилось: «Великая наша патриотическая сила — деревня еще не затронута разлагающим ядом милликовщины». Но эта ставка на деревню, крестьян, «народ» оказалась иллюзорной, причем несостоятельность подобных надежд и планов была для многих очевидной и саркастически высмеивалась в письмах кануна февральских событий (например, кадетом В.В. Лашкевичем): «Верьте, голубчики, и не заметите, как без царя и без народа будете»³⁴.

Большая часть переписки — на минорной ноте. У некоторых руководителей правых организаций (включая А.И. Дубровина), судя по пись-

³³ См.: Наше слово. (Paris). 1916, 15 января. С.2.

³⁴ ДП. Перлюстрация. 1916 г. Д.1070. Л.81.

мам, временами наступали минуты отчаяния. И.И. Дудниченко (Одесса) писал 4 октября 1915: «Нас свели к нулю»; К.Н. Пасхалов (Алексин Тульской губ.) 22 января 1916: «Мы смяты и противниками, и теми, за чьи права боремся». А.И. Дубровин 22 января 1916: «Нельзя быть роялистами больше короля». Н.Н. Тиханович-Савицкий отмечал в мае 1916: «Дубровин... и другие пишут, что также чувствуют себя потерявшими силу для борьбы» (письмо от 18 мая 1916). Вера в возможность достижения идеалов не только пошатнулась, но и стала исчезать. Показательны в этом отношении свидетельства и признания такого активного правого деятеля периода войны, как Н.Н. Тиханович-Савицкий, который писал 5 мая 1916: «Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия окончательно; сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете, какой я упорный. Л.А. Тихомиров — совсем отошел обескураженный... Мы можем не признавать совершившегося, оставшись непримиримыми; может, это и красиво, но делу не поможет». На всем протяжении войны правых не оставляло чувство неудовлетворенности и даже обиды, вызывавшееся слабым вниманием царя к их деятельности, своеобразным «уравнием» их с представителями других организаций, отказом принять депутацию для передачи иконы и т.п.

Надежда для правых забрезжила в самом конце 1916 — начале 1917, когда на ряд государственных постов были назначены их сторонники (И.Г. Щегловитов стал председателем Гос. совета). В начале 1917 Н.Н. Тиханович-Савицкий получил аудиенцию у царицы. Но было уже поздно: изменить развитие событий, активизировать правое движение и придать ему сколько-нибудь значимую силу для сохранения самодержавия это уже не могло.

После Февральской революции, уже в начале марта, последовали аресты ряда видных правых деятелей, включая и бывших министров (И.Г. Щегловитова, Н.А. Маклакова, а также А.И. Дубровина, Н.М. Юскевича-Красковского, Н.Н. Тихановича-Савицкого и др.). В марте же 1917, как свидетельствовали дававшие показания ЧСК Временного правительства, правые организации на местах юридически прекратили свое существование³⁵.

В заключение несколько замечаний археографического характера. Перлюстрированные письма каждый раз сопровождались словами «Выписка из письма (из заказного письма)...». Ради экономии места эти слова при публикации опускаются. В тех случаях, когда документ извлечен из фонда «Департамент полиции. Перлюстрация. 1915 г. (1916 г.; 1917 г.)», под публикуемым документом указывается лишь год, номер дела и лист дела, а название фонда не воспроизводится.

Все выписки приводятся полностью.

Письма публикуются в хронологическом порядке. Даты — по старому стилю. Орфография — современная. Очевидные ошибки устранены.

---

³⁵ Союз русского народа... С.365-366; Падение царского режима. Т.4. М.;Л. 1925. С.128; Спирин Л.М. Россия: 1917 год... С.73.

Используемые сокращения: СРН — Союз русского народа; СРЛ — Союз русских людей; ОПС — Отечественно-патриотический союз; РМС — Русский монархический союз; губ. — губерния; ст.сов. — статский советник; д.ст.сов. — действительный статский советник; т.сов. — тайный советник; ЧСК Вр. пр-ва — Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства 1917.

1

Н.Н. Тиханович-Савицкий¹ (Хвалынский Саратовской губ.) —
Н.Н. Родзевичу² (Одесса)
20 июня 1915

В ответ на циркулярное предложение ваше относительно частного совещания, сообщаю, что я также нахожу такое необходимо, и собрать его надо, не откладывая, теперь же в одном из срединных городов, к которому легче приехать (Харьков, Тамбов, Воронеж), только не в столицах. Совещание не должно быть многочленным (человек 15 и довольно); Дубровина, Маркова, Пуришкевича, Восторгова³ как представителей враждующих лагерей приглашать не надо, ничего не выйдет. Списать надо отдельными письмами, а не циркулярами. Не забудьте пригласить Попова (председателя Союза русских людей в Тамбове), Кацаурова (председателя С.р.л. в Ярославле), Образцова В.А. (председателя С.р.л. в Екатеринославе), Вязигина (Харьков)⁴. На совещании этом между другими делами мы выработаем инструкцию (что надо делать и как надо теперь держаться) монархическим организациям, которую и разошлем к сведению этих организаций, остающихся в настоящее время без всякого руководства.

1915. Д.1025. Л.331.

¹ Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1866 — после июля 1917) — астраханский купец, владелец музыкального магазина, председатель Астраханской народной монархической партии. В монархическом движении с 1905, призывал население к верности и преданности царю и правительству, к неверию в «лжеучения революционеров». С началом Первой мировой войны его усилия были направлены против «немецкого шпионства, немецкой пропаганды и злоупотреблений при приеме новобранцев».

В 1915-1917 стремился к объединению провинциальных отделов СРН, был одним из главных организаторов монархических совещаний и съездов, участвовал в выработке некоторых программных документов. Осенью 1915 разослал губернаторам письмо с призывом помочь правым

в их борьбе против «революционных выступлений» и в частности выдать им оружие на случай беспорядков. В январе 1917 «по делам правого движения» был принят царницей.

10 марта 1917 был арестован без предъявления какого-либо обвинения. После телеграммы из Министерства юстиции 3 июля был освобожден и вскоре с разрешения местного исполкома выехал для лечения на Сев. Кавказ.

² *Родзевич Николай Николаевич* (?-1919) — дворянин, преподаватель истории и географии в гимназии и кадетском корпусе в Одессе, директор гимназии. Член Русского собрания с 1904. В 1906 — делопроизводитель, а с 1909 — председатель Одесского отдела (совета) СРЛ. Автор брошюры «К вопросу о взаимоотношениях между монархическими организациями» (Харьков, 1911. 8 с.). В 1913 открыл в Одессе губернский отдел СРН (дубровинского). В годы войны намеревался создать в городе такую организацию правых, с которой бы считались гражданская и военная власти. Один из организаторов общероссийских и южных совещаний и съездов монархистов. 27-29 августа 1915 был секретарем саратовского совещания уполномоченных монархических организаций. Нижегородское совещание в ноябре 1915 поручило ему совместно с другими заботы по объединению монархических сил. Осенью 1916 оставил пост председателя и уехал на Ю-3. фронт, где работал в редакции «Армейского вестника».

Убит большевиками в Одессе 12 февраля 1919.

³ *Дубровин Александр Иванович* (1855-1921) — детский врач, ст. сов., с 1905 — основатель, почетный и действительный председатель СРН, редактор-издатель его печатного органа — газеты «Русское знамя». После образования СРЛ во главе с В.М. Пуришкевичем (1907-1910) и нового СРН под руководством Н.Е. Маркова роль дубровинской организации ослабла. Основная политическая причина раскола правого движения — различное отношение его членов к Государственной думе. Последовательные дубровинцы рассматривали ее существование в любом виде (даже после 1907) как противоречащее самой идее самодержавия. Кроме того, думские правые стремились дистанцироваться от Д., чье имя было неотделимо от погромов и поэтому, по их мнению, ограничивало массовость движения. Еще одним источником конфликта послужил дележ правительственных субсидий. В период войны получал средства от МВД на издательскую деятельность. В 1915 принимал участие в совещаниях правых в Петрограде и Нижнем Новгороде.

После февраля 1917 арестован и помещен в Трубечкой бастион Петропавловской крепости, но вскоре освобожден в связи с состоянием здоровья. В декабре 1920 арестован ВЧК. Расстрелян.

Марков Николай Евгеньевич (1866-1945) — курский помещик, инженер. Высшее образование получил в Институте гражданских инженеров. Видный деятель съездов «объединенного дворянства». В 1905 основал в Курске «Партию народного порядка», слившуюся с СРН, член Главного Совета СРН. В 1910 основал свой СРН. Один из лидеров фрак-

ции правых в Гос. думе 3-го и 4-го созывов. С 1915 был членом Особого совещания по обороне государства (от Гос. думы).

В 1918-1920 находился при армии ген. Н.Н. Юденича. Эмигрировал. В 1921-1931 — председатель Высшего монархического совета. Издавал газету «Двуглавый орел». Скончался в Висбадене (Германия).

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870-1920) — бессарабский помещик, политический деятель, публицист и стихотворец. По окончании историко-филологического факультета Новороссийского университета (Одесса) был избран Аккерманским уездным и Бессарабским губ. гласным, в 1898 — председатель Аккерманской уездной земской управы. В 1901-1906 был прикомандирован к Главному управлению по делам печати МВД. Один из лидеров фракции правых в Гос. думе 2-4-го созывов.

Член Совета Русского собрания, один из основателей и товарищ председателя Главного Совета СРН. В 1907 основал Союз Михаила Архангела.

Во время Первой мировой войны — начальник санитарного поезда, считавшегося одним из лучших в армии. Выступал против развертывания партийной деятельности «во имя общенациональных интересов» (по этой причине не участвовал в съездах правых). В конце 1916 вышел из фракции правых в Гос. думе. Придерживался англофильских (союзнических) позиций.

18 ноября 1917 арестован Петроградской ЧК. Осужден на 4 года принудительных работ. Весной 1918 амнистирован, уехал на Юг, издавал в Ростове-на-Дону журнал «Благовест». Скончался в Новороссийске от сыпного тифа.

Вострогов Иоанн Иоаннович (1864-1918) — протоиерей, писатель и общественный деятель. Родился в с. Кирпильское Кубанской обл. В 1883 окончил Ставропольскую духовную семинарию. Миссионерствовал на Кавказе, в Сибири, Туркестане, Иране и др. Основал в Москве Женский богословский институт. Был настоятелем Покровского собора там же. Один из основателей СРН, член Русской монархической партии, в 1907-1911 — председатель Московского СРН., в 1911-1913 — Русского монархического Союза (РМС); издатель журнала «Верность». Вел монархическую пропаганду среди рабочих.

В 1913-1916 было издано Полн. собр. соч. В. в 5 томах, в которое вошли проповеди, «поучительные статьи по религиозно-нравственной тематике» (Т.3), статьи по вопросам миссионерства (Т.4), работы с критикой социалистического учения (Т.5); среди его работ также кн.: «В дни войны. Голос пастыря-патриота» (М., 1916).

В годы войны выдвигался в члены Гос. совета, но не попал туда из-за конфликта с распутинцами. Арестован Московской ЧК после Октября, позднее расстрелян.

⁴ *Попов* Михаил Тимофеевич — председатель СРЛ в Тамбове.

Кацауров Иван Николаевич (ум. 1914) — глазной врач, владелец глазной лечебницы, статский советник; основатель и председатель СРН в Ярославле. В 1914 состоял членом комитета правления «Союза русских православных людей» в Шуе и уездах Владимирской губ.

Образцов Василий Афиногенович — в 1908 был членом Палаты СРЛ. В годы войны — председатель СРЛ в Екатеринославе. В 1920 предположительно находился в одном из лагерей русских беженцев в Румынии.

Вязигин Андрей Сергеевич (1867-1919) — историк и политический деятель, д.ст.сов. С 1905 — председатель Харьковского отдела Русского собрания. С 1913 — профессор всеобщей истории Харьковского университета, член Гос. думы 3-го созыва.

2

М.А. Орфенов¹ — А.И. Соболевскому² (Москва)
12 июля 1915

В Москве интриги Восторгова и К° все не прекращаются, и в такую великую минуту, когда для государства необходимо избавиться от «уличенных изменников» — жидов и их прихвостней, — Никитин, Восторгов и К° обосновывают «Союз патриотов»³, где членами могут быть открытые изменники и предатели-жиды. Хороши патриоты. И хороши учредители общества, способствующие околным путем дать жидам равноправие...

Не понимаю о.Восторгова, получившего тепленькое местечко с шеститысячным окладом, — кому он желает мстить под видом учреждения «анти»-патриотического общества с нашими врагами жидами и немцами...

Я получил тревожные вести от единомышленников своих: из Саратова, Кавказа, Астрахани и т.п., и меня очень огорчило последнее если не собрание, то совещание ставленников Восторгова: Василия Орлова, полковника Томилина⁴ и иже с ними... Прсят созвать съезд союзников.

Не к лицу и А.С. Шмакову⁵ играть в руку Пуришкевичу, который нынче пляшет под игры жидов, [которых] ранее сего ругал ругательски в Думе.

Вот новость: издающуюся в Орле газету СРН «Орел» признали зловредною и закрыли, а «Речь», «Русское слово»⁶ и т.п. сволочь — незловредная.

О времена, о люди.

1915 г. Д.1025. Л.340.

¹ *Орфенов* Михаил Алексеевич («Рязанец») — нотариус и публицист. С 1913 — председатель Тульского отделения СРН.

² *Соболевский* Алексей Иванович (1857-1929) — филолог, академик (с 1900), т.сов., член Гос. совета. Специалист по русскому языку, один из зачинателей его исторического изучения. Профессор Ки-

евского и Петербургского университетов. Руководитель Славянского общества. Член Главного Совета СРН, но в 1910 отказался от этого звания, мотивируя это нежеланием быть причастным к дележу «темных денег». В годы войны пользовался влиянием среди провинциальных монархистов.

³ Речь идет об *Отечественно-патриотическом союзе* (ОПС), образованном в Москве в июне 1915. Его организаторами, наряду с названными лицами, были редактор «Московских новостей» В.В. Назаревский, проф. Цветов, проф. Д.И. Иловайский, вышедшие незадолго до этого из СРЛ из-за несогласия с Пуришкевичем, позволявшим «резкие нападки на евреев». Представители этого союза, наряду с представителями дубровинского и марковского СРН, принимали участие в совещании монархических организаций, состоявшемся в Петрограде 21-23 ноября 1915.

⁴ *Орлов* Василий Григорьевич — железнодорожный чиновник и археолог; 25 лет прослужил ревизором движения на Александровской ж.д. В 1911 был председателем московских железнодорожных отделов «Русского монархического союза», действительным членом Русского собрания, с 1915 — во главе ОПС. Главная палата СРЛ исключила О. из числа членов. В 1915 и 1916 получал деньги от МВД на нужды ОПС. В 1916 направлял письма и доклады на имя Председателя Совета министров, министра вн. дел о настроении населения.

*Томили*н Валериан Валерианович (1872 — после 1920) — полковник, в сентябре 1913 сменил Восторгова на посту председателя Московского монархического союза, на котором пробыл до июня 1914. В 1915, состоя заведующим интендантской частью этапно-хозяйственного отдела VIII армии, был «привлечен в качестве обвиняемого в лихоимстве». В 1920 вместе с семьей выехал на пароходе из Одессы и поселился на о. Принкипо (возле Константинополя).

⁵ *Шмаков* Алексей Семенович (1852-1916) — домовладелец и присяжный поверенный Московской суд. палаты; публицист. В 1906 был участником Всероссийского съезда Русского собрания. Один из истцов на процессе Бейлиса.

⁶ «*Речь*» — центральная газета кадетской партии, созданная и руководимая П.Н. Милюковым. «*Русское слово*» — распространенная либеральная газета, издававшаяся в Москве И.И. Сытиным.

3

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
П.Н. Милюкову¹ (Петроград)
28 июля 1915

Речи левых депутатов до октябристов включительно производят удручающее впечатление. Прикрытые доброжеланием, пат-

риотизмом, они составлены так, что неизмеримо возбуждают плохо разбирающиеся население и армию против поставленных властью руководителей вообще и последствием будет всеобщее уныние, растерянность и смута. Председатель Астраханской Народной Монархической партии Тиханович-Савицкий.

Ф.579. (П.Н. Миллюков). Оп.1. Д.565. Л.1-2.

¹ *Миллюков Павел Николаевич (1859-1943) — историк и политический деятель. Основатель и лидер партии кадетов. Депутат Гос. думы. Входил в состав Прогрессивного блока, подписал его Декларацию.*

Министр Временного правительства. После 1917 — эмигрировал.

4

Г.А. Щечков¹ (Петроград) —
В.А. Образцову (Екатеринослав)
2 августа 1915

Ганнибал у ворот. Теперь это уже не фраза, а действительность. Время ли теперь поднимать вопрос внутренней политики. Вы упрекаете нас в том, что мы стараемся замалчивать выступления слева. Но что же в этом несообразного? Замалчивают выступления парламентариев и шабесгоев не из сочувствия к ним, а ради того, чтобы приняться за борьбу с ними при условиях менее для них выгодных, нежели теперешние. Не знаю, что собственно дурного сейчас вы усмотрели в действиях В.М. и Н.Е.² Ни они, ни правительственные верхи ни об Учредительном собрании, ни об ответственности перед Думой, ни об еврейском равноправии не думают ратовать. К.д. и левые октябристы выбрасывают флаг партийного нейтралитета для того, чтобы получить доступ к правительственной работе и под этим флагом иметь возможность пускать мины под отечественный корабль. С ними мы и боремся.

1915 г. Д.1027. Л.543.

¹ *Щечков Георгий Алексеевич (1856-?) — землевладелец. Образование получил в Лицее Цесаревича Николая и в Московском университете по юридическому факультету. С 1881 — почетный мировой судья и земский гласный Путивльского уезда. С 1905 — Путивльский уездный предводитель дворянства. Член Гос. думы 3-го и 4-го созывов. Член СРН. Принимал участие в Советании монархистов в Петрограде 21-23*

ноября 1915. В начале 1917 намечался кандидатом в члены Совета съездов монархических организаций.

² В.М. — В.М. Пуришкевич; Н.Е. — Н.Е. Марков.

5

Н.Н. Родзевич (Одесса) —
К.Н. Пасхалову¹ (Алексин Тульской губ.)
2 августа 1915

Вопрос о совещании правых деятелей, видимо, назрел: многие откликнулись и также признают такое совещание необходимым, а Саратовский союз Архангела Михаила до получения нашего предложения разослал печатное воззвание с яркой характеристикой момента и с призывом на совещание в Саратове около 1 сентября. Мы дали согласие, и, вероятно, это совещание состоится: там это удобнее, ибо здесь, на театре военных действий, действует военная цензура и съезд вряд ли разрешили бы. Генерал-губернатор запретил нам даже на наших закрытых собраниях касаться политических вопросов. Вполне согласен с вашей характеристикой момента, но не так уж безнадежно я смотрю на будущее. В этом отношении я возлагаю надежды на Саратовский съезд, но и до того не надо молчать. Тиханович-Савицкий (Астрахань) послал телеграммы о том вреде, какой приносят речи в Гос. думе. Мы присоединились. К сожалению, столичные организации совершенно бездействуют. В одном я, быть может, несколько расхожусь с вами, — это во взгляде на внутреннего немца. Я вполне согласен, что германские и австрийские подданные должны рассматриваться как враги; весьма ненадежны и колонисты. Но у нас слишком уж огульно обвиняют всех немцев и даже носящих немецкие фамилии, а ведь между ними очень многие верой и правдой служат России, есть немало георгиевских кавалеров и павших в бою. Особенно в этом направлении усердствует «Новое время». Я глубоко убежден, что этой огульной травлей против немцев хотят отвлечь внимание от гораздо более опасных внутренних врагов и все, что они делали, свалить на немцев, а с другой стороны скомпрометировать правые круги глупыми и беспочвенными обвинениями в немецком влиянии. Мало того, это натравливание поднимается очень высоко и становится орудием антидинастической пропаганды.

Членом Гос. думы я, слава богу, не состою; если бы даже имел все шансы пройти, я бы не выставил на за что своей канди-

датуры, ибо считаю, что моя деятельность вне Гос. думы может быть полезнее, чем болтовня в Таврическом дворце. Мое убеждение, что Гос. дума развращает даже самых стойких правых, которые, ослепленные тем почетом, который оказывается депутатам, становятся защитниками парламента.

Найти людей вполне единомышленных по всем вопросам трудно, но считаю себя вашим единомышленником и думаю, что у вас еще найдется немало их. Кажется, к числу их принадлежит и Н.А. Маклаков², которого я видел теперь в Петрограде и с которым очень долго беседовал.

1915 г. Д.1027. Л.545.

¹ *Пасхалов* Клавдий Никандрович (1843-1924) — калужский помещик, чиновник министерства финансов, литератор и общественный деятель. Из семьи боевого кавказского офицера. К 1915 — д.ст.сов., член Русского собрания (с 1911), почетный член РМС. Председатель монархического съезда в Н.Новгороде в 1915.

² *Маклаков* Николай Алексеевич (1871-1918) — московский помещик, член Гос. совета, в 1912-1915 — министр внутр. дел. Противник Гос. думы, неоднократно выступал за ее разгон. В среде некоторых правых рассматривался как «сильная фигура», способная установить в стране порядок. В начале 1917 намечался наряду с И.Г. Щегловитовым и Н.Е. Марковым руководителем так и не состоявшегося Консервативного (Черного) блока. Арестован при ВП, расстрелян ВЧК.

6

Зеленский (Екатеринослав) —
В.М. Пуришкевичу (Петроград)
3 августа 1915

В Екатеринославе и окрестностях между рабочими заводов страшное негодование. Вследствие небрежности или злого умысла со стороны чинов Артиллерийского ведомства, на Александровском заводе Брянского об-ва и железнодорожных мастерских Екатеринославской станции были изготовлены снарядные станки не такого размера, какие надобно, вследствие присылки несоответствующих чертежей. Изготовление снарядов ведется в незначительном количестве (а могло бы быть изготовлено в большем) и тормозится очень ненужной канцелярской перепиской, а на Александровском заводе и инженером-немцем.

Рабочие вправе подозревать и преступные цели, т.к. воодушевляемые горячим патриотизмом¹, с напряженностью ожидают разбора дела в Военно-окружном суде о злоупотреблениях на Трубопрокатных заводах, где несколько рабочих были невинно прогнаны за то, что выявили правду: директор Кравцов желал сплавить для флота непригодные трубы. О деле этом хорошо знает член Думы Александров². Необходимо иметь в виду и печальное явление: в Екатеринославском уезде, в имении немца Петерса крестьяне обращаются в бегство от побоев Петерса, угроз приходом германцев и уничтожением крестьян, а сельский староста и писарь подкуплены. Петерс всегда пользуется покровительством члена Гос. думы Германа Германовича Бергмана³, почему и не боится.

Прошу довести до сведения об указанном надлежащим властям для соответствующих распоряжений. Теперь запугивают крестьян, что против германцев борьба бесполезна и все равно земли все будут немецкие, а крестьяне перебиты на удобрение.

1915 г. Д.1028. Л.81.

¹ На Александровском заводе Брянского общества в Екатеринославе в 1914 действовала монархическая организация рабочих.

² Александров Александр Михайлович (1868 или 1869-?) — юрист, присяжный поверенный. Окончил юридический факультет Московского университета. До 1906 был уездным, губернским и городским гласным. Стал известен своими выступлениями на процессах лейтенанта Шмидта, о Выборгском воззвании и др. Член Гос. думы 4-го созыва. Примыкал к кадетам.

³ Бергман Герман Абрамович (1850-?) (в документе отчество указано неправильно) — предприниматель, почетный гражданин. С 1894 — директор Екатеринославского детского приюта, с 1895 — член Екатеринославской уездной земской управы, с 1896 — попечитель больницы, член Екатеринославского уездного комитета попечителей о народной трезвости. Член Гос. думы 3-го и 4-го созывов. Октябрист.

7

А.И. Соболевский (Москва) — Ю.А. Кулаковскому¹ (Киев)
28 августа 1915

Изумительно много измены и готовности предать Россию кому угодно, совсем как в 1611-1612 гг. Кроме старых изменников 1905 г. выскакивают новые. Во главе их ваш Киевский Савен-

ко². Этот прохвост мне никогда не внушал доверия, но я все-таки не ожидал от него такого прыжка, какой он сделал от украинофобства к украинству, от юдофобства к защите еврейского равноправия. Конечно, он не один прыгнул так далеко, но другие, как Шульгин³ и В.Бобринский⁴, уже давно известны как люди зависимые, один от евреев, другой от Министерства Внутренних дел. Как смотрят теперь на Савенко киевские националисты? Следовало бы попросить его сложить с себя звание члена Гос. думы... А сверх того, исключить из клуба националистов.

1915 г. Д.1029. Л.1256.

¹ Кулаковский Юлиан Андреевич (1861-1919) — историк древней Греции и Рима, византиист, профессор Киевского университета, ст. сов. С 1904 член Русского собрания. В 1906 — выборщик в Гос. думу от монархических организаций Киева. Участвовал в Саратовском совещании правых в ноябре 1915.

² Савенко Анатолий Иванович (1874-?) — землевладелец, публицист, политический деятель. В 1908 организовал в Киеве «Клуб русских националистов». Депутат Гос. думы 4-го созыва; вошел там в состав Прогрессивного блока, подписав его Декларацию и вызвав осуждение «правоверных» правых. После октября 1917 в эмиграции.

³ Шульгин Василий Витальевич (1878-1976) — публицист и политический деятель. Член Гос. думы 2-4-го созывов. В годы войны от имени прогрессивных националистов подписал Декларацию Прогрессивного блока.

⁴ Бобринский Владимир Алексеевич (1868-1937) — промышленник, политический деятель. Один из лидеров русских националистов. Эмигрировал в 1919.

8

Н.Н. Родзевич (Одесса) — А.И. Дубровину (Петроград)
7 октября 1915

Совершенно согласен с вами, что время страшно тревожное. Не согласен, однако, с тем, что работать надо тихо; напротив, шум производит влияние на власть имущих. Именно шум, поднимаемый левыми, заставляет прислушиваться к их требованиям и создает иллюзию, будто их голос есть голос страны. Большое значение мог бы теперь иметь съезд. Саратовское совещание возложило на меня его организацию. Я уже получил разрешение, съезд будет в Нижнем. Дальнейшую подготовительную работу я

передал Т.Савицкому¹, т.к. здесь условия очень неблагоприятные: цензура военная и почтовая крайне затрудняют сношения.

Я очень прошу Вас быть на съезде, хотя должен предупредить, что решено пригласить все монархические организации. К Маркову и Пуришкевичу можно относиться без большого доверия, в их руки дело не отдадим, но использовать их теперь полезно.

1915 г. Д.1034. Л.1636.

¹ Т.Савицкий — Н.Н. Тиханович-Савицкий.

9

И.И. Дудниченко¹ (Одесса) —
Н.Н. Тихановичу-Савицкому (Астрахань)
25 октября 1915

О развале средней и высшей школ я обязательно буду просить дать мне возможность сказать на съезде нашем в Нижнем Новгороде. Надо громко потребовать, чтобы гр. Игнатьева² убрали и дали бы русского министра Народного просвещения. Собирающаяся Гос. дума и всякие революционные съезды готовят России новый удар. При безволии власти родина может быть раздавлена смутой. Гос. совет пополнен многими левыми членами, и там, значит, нельзя ожидать отпора вожделениям темных сил. Теперь все зависит от нас, монархистов. Надо привлечь всех правых деятелей из дворянства, земства, правых фракций Гос. совета и Думы на наш съезд. Берет меня опаска, что не соберутся наши в должном числе. Вижу и наблюдаю это сейчас и в Одессе, и в Кишиневе, — бедность заела наших монархистов, — и это самое главное. Левые организации имеют жидовские и казенные деньги, и неудивительно, что их сборища многолюдны. Как все это обидно, горько и больно. Надо будировать наших косных монархистов и требовать их приезда. Дай бог, чтобы съезд наш был многолюден и силен, — чем больше нас будет, тем сильнее будет звучать наш голос.

1915 г. Д.1036. Л.1803.

¹ Дудниченко Иван Иванович (1887-?) — херсонский мещанин. Из семьи офицера. К 1915 — уполномоченный Главной палаты СРЛ в Бессарабии, входил в состав редакционной комиссии подготовленной СРЛ

«Книги русской скорби». В ноябре 1915 — секретарь президиума совещания монархистов в Н.Новгороде. В годы войны проживал в Одессе, где организовал бюро правой печати. К.Н. Пасхалов характеризовал Д. в 1915: «Умен, горяч, живой, замечательно работоспособен и грамотен».

² *Игнатьев* Павел Николаевич (1870-1926) — крупный помещик и государственный деятель. С 8 января 1915 по 27 декабря 1916 — министр просвещения. В Совете министров И. входил в группу Кривошеина (Полыванов, Харитонов, Барк и др.), старавшуюся направить политику правительства на совместную работу с Гос. думой, что вызывало недовольство правых и их нападки на И. Эмигрировал. Скончался в Канаде.

10

К.Н. Пасхалов (Алексин Тульской губ.) —
Н.А. Маклакову (Петроград)
29 октября 1915

Съезд монархистов разрешен в Нижнем Новгороде, «с самой широкой программой», как пишет Тиханович-Савицкий. Это последняя попытка мирного противодействия настойчивому нападению на власть политических шулеров. Скверно, очень скверно будет, если она не удастся и наша попытка кончится провалом. А это весьма возможно. Все правые главари исподличались и переругались, а многие и изменили. Я даже представить себе не могу, кто может приехать на нижегородское наше совещание из лиц, пользующихся авторитетом и влиянием в действующих и правящих сферах. Увы, дворянство осталось совсем в стороне от монархического движения, благодаря безучастию главарей — Самариных, Хомяковых и др. Купец — весь либерал, потому что у жида в кармане. Только еще среди духовенства находятся епископы сочувствующие. А масса: мелкие лавочки, артельщики, чинуши, не выше надворного и ни гроша денег... Прямо горе горькое. Буду слезно молить, кого могу, приехать в Нижний, помочь нам несчастным, и первым долгом вас.

А читали ли вы опровержение генерала Маниковского¹ относительно поставки артиллерийских снарядов военно-промышленными комитетами? Вот негодяи-то! И смеют после этого упрекать правительство и военное министерство в бездеятельности, непредусмотрительности и т.д. Деньги сосут из казенного сундука без конца и счета, и ничего не делают, кроме разговоров и подтачиванья последних устоев государства.

Ужас берет, что делается.

1915. Д.1036. Л.1830.

¹ *Маниковский* Алексей Алексеевич (1865-1920) — военный деятель, генерал от артиллерии (1916). С лета 1915 до февраля 1917 — нач. Гл. артиллерийского управления Военного министерства, с сентября 1917 — товарищ Военного министра по снабжению. После октября 1917 вступил в Красную армию. Погиб при крушении поезда.

11

И.И. Дудниченко (Одесса) — А.И. Дубровину (Петроград)
4 ноября 1915

В вашем письме я ясно вижу и чувствую тревогу, горечь и обиду. Вы, испытанный боец и борец, в курсе дела и знаете всю ужасную правду. Да неужели же конец России? Да неужели нет той силы, которая остановила бы родину от растерзания? Где же наши, где наша мощь? Да разве нет пороха в пороховницах? Да разве иссякла монархическая сила? Вы, вы должны вдохнуть в нас всех былую мощь и силу. Мы станем вокруг вас и пойдем туда, куда прикажете. Я не слепец, прекрасно учитываю все положение, но, ведь, молчать же нельзя. Итак, нас свели к нулю, к ничтожеству. Вспомните, как Остап, не выдержав мучений, воскликнул: «Батько, где же ты? Слышишь ли меня?» И в ответ раздалось: «Слышу!» И после этого Тарас долго справлял поминки по сыне. И вы, Тарас монархистов, должны услышать наш голос... Я вчера вернулся из Кишинева, куда ездил на общее собрание бессарабских монархистов. Там, в народной толще, не верят Государственной думе и блоку — их проклинают. Поймите, народ за нас и против них. Чего же больше? У нас денег нет. Правительство дает их левым организациям и тем создало им силу.

1915 г. Д.1037. Л.1902.

12

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Н.Н. Родзевичу (Одесса)
4 ноября 1915

Я нахожу, что дело со съездом обстоит неважно: на разосланные Союзом около 300 приглашений откликнулись только 31 Союз и лиц (не считая нас четырех). Можно думать, что на съезде наверное будут: Астрахань, Саратов, Одесса, Ярославль, Вологда, Ростов н/Д., Рязань, Симферополь, Тамбов, Горбатов,

Шуя и гг. Пасхалов, Дудниченко, Дубровин и Бутми¹. Остальные из 31 или ссылаются на дальнейшее расстояние, на отсутствие средств, или ничего не пишут о съезде. Я списывался на этих днях с некоторыми видными лицами, а теперь пошлю им печальные письма, больше москвичам, — подождем их ответа. 12-14 ноября пошлю пригласительные письма, — заменяющие билеты, всем мало-мальски заметным Союзам и видным лицам, около 300, и этим покончим. Почетные билеты рассылать, по-моему, не следует; административным лицам послать те же пригласительные письма. А.И. Дубровин приедет. Посылать ли приглашение Пуришкевичу и Восторгову? Как бы они не стали вредить нам.

1915 г. Д.1037. Л.1900.

¹ *Бутми де (Кацман)* Георгий Васильевич (1856-?) — писатель-экономист, литератор. Дворянин, отставной подпоручик.

Один из основателей и член Главного Совета СРН. Один из авторов черносотенных «Протоколов сионских мудрецов».

13

К.Н. Пасхалов (Алексин Тульской губ.) —
Н.Н. Родзевичу (Одесса)
8 ноября 1915

Приглашены ли вы на совещание в Басков переулоч¹ на 21-23 ноября? Я не приглашен. Что это? Способ парализовать Нижегородский съезд и отвлечь от него силы в количестве и в особенности в качестве, или цель договориться о поведении на Нижегородском совещании? Но мне известно, что в Петроград приглашены представители даже очень незначительных черносотенных групп, которые соблазняются сидеть в компании с членами Гос. думы и Гос. совета. Если бы правые аристократы зашевелились вовремя, то, может быть, не нужно было и Нижегородского собрания, а то сидели, как мертвые, не реагируя на неистовства левой шайки, и теперь идут нам поперек дороги. Вот тут и хлопочи и старайся. Впрочем, я не буду огорчен, если Нижегородское совещание окажется вполне черносотенным; может быть, даже лучше, — так мы действительно будем больше похожи на народное собрание.

1915 г. Д.1037. Л.1927.

¹ В Петрограде в Басковом пер. (д.3) размещался Главный Совет марковского СРН. 21-23 ноября 1915 там под председательством И.Г. Щеглова

вита состоялось совещание представителей ряда правых организаций: дубровинского и марковского СРН, московского ОПС и др. Не участвовали в нем представители СМА во главе с Пуришкевичем, большей части групп Поволжья, Юго-Запада. Объясняя свой отказ от участия в съезде монархических организаций, Пуришкевич указал на необходимость «объединенной работы для победы», что должно было соединить всех русских, действительно любящих отечество, без различия партий (1915 г. Д.1039. Л.2166).

На совещании прозвучали нападки на Гос. думу, деятельность Прогрессивного блока квалифицировалась как внесение в общественную жизнь «опасной смуты», а Городского и Земского союзов — как узурпация функций, принадлежавших гос. власти. В резолюции совещания требованиям Декларации Прогрессивного блока противопоставлялись лозунги Хвостова — «борьбы против дороговизны» и «немецкого засилья».

14

Ю.А. Кулаковский (Саратов) —
А.И. Соболевскому (Петроград)
17 ноября 1915

Действуем в Саратове и, как кажется, довольно бодро. Познакомился с редактором крайней правой газеты «Волга». Я недоумеваю, следует ли бить теперь в набат? Разве левые и Прогрессивный блок не проявляют единодушия в твердом желании довести войну до хорошего конца? Разве они не работают на общую пользу? Разве есть какая измена? Откуда эти слухи о готовящейся новой революции и во имя чего она могла бы теперь возникнуть?

То обстоятельство, что состав министерства так неустойчив, свидетельствует о неустойчивости на вершине государственного строя и обнаруживает какие-то трения, весьма нежелательные в такую тяжелую годину. Я не понимаю, как престарелый Горемыкин может держаться в такое время, когда у власти должны быть сильные, энергичные и деятельные люди! А ему есть чуть ли не 80 лет.

1915 г. Д.1038. Л.2002.

15

А.А. Бонковский¹ (Ананьев Херсонской губ.) —
Н.Е. Маркову (Петроград)
17 ноября 1915

Имею честь представить на рассмотрение съезда представителей монархических союзов и правых деятелей, собравшихся

в Нижнем Новгороде², свои соображения и пожелания по поводу переживаемого момента.

Копия с приложения

Воспользовавшись тем, что нашей родине выпал жребий перенести всю тяжесть небывалой в истории войны, а верные сыны ее отвлечены, проливая свою кровь на защиту родины, революционная гидра вновь пробуждается. Божия десница не раз спасала Русь святу от врагов. Спасет она ее и теперь. Тщетно думают вожаки революционных банд, что в России, как в других государствах, можно устроить государственный переворот «силами» столицы при помощи рабочих... Нет! Решит дело провинция, с ее многомиллионным преданным царю народом. Но все же, во избежание лишних жертв, монархическим союзам необходимо поскорее мобилизовать свои силы и принять следующие меры: 1-е. Прекратить искусственное поднятие цен на предметы первой необходимости, для чего полагал бы в помещениях казенных винных складов устроить запасы сахара, чая, мыла, соли, спичек и т.п., и по заготовительной цене отпускать эти предметы из казенных винных лавок, продающих денатурированный спирт, а затем, не откладывая в долгий ящик, ввести монополию на нефть и ее продукты, чай, сахар и зажигательные спички. 2-е. Обязать частные оптовые склады и большие магазины бакалейных, колониальных и мануфактурных товаров выдавать мелким торговцам счета, с указанием в них цен на проданный товар, дабы при увеличении цен последними не была ссылка на первых и была бы возможность привлекать виновных к ответственности. 3-е. Исходатайствовать разрешение на организацию при монархических организациях дружин, снабдив их казенным оружием, а также на организацию при тех же союзах сыскной полиции, для надзора за шпионажем и вредным для государства элементом. При такой организации быстро усмирятся внутренние враги и умерится влияние внешних врагов. 4-е. Чтобы на высшие должности не назначались «беспартийные», заигрывающие с левыми и подставляющие ножку правым, а замещались бы русскими по происхождению и по духу. Слава Богу, в нашем лагере есть много таких людей, но влиятельные инородцы их затирают, им не дают хода. Очистьте государственную службу от левых, и русский народ тогда скоро справится с крамолой, свившей гнезда в земских и городских учреждениях, а также фабричной среде двух столиц. 5-е. Необходимо распространить среди народа ежедневную патриотическую дешевую газету. Время издания такой газеты благоприятное в виду существующей военной цензуры, сдерживающей левую печать.

Необходима субсидия казны. Издавать такую газету с успехом мог бы на юге России председатель Одесского союза русских людей Родзевич. 6-е. Немалой помехой нашей деятельности является то, что наши организации приравнены к обыкновенным союзам, испрашивающим разрешение на свое существование. Как будто бы для того, чтобы любить своего царя и распространять эту любовь, необходимо чье-либо разрешение. Даже чиновники не могут располагать собой в этом отношении вполне свободно, ибо существующий министерский циркуляр об участии чиновников в союзах настолько глух, что дает возможность каждому начальнику толковать его по-своему и даже лишить права участия в монархических организациях. Кроме того, мы стеснены тем, что включены в волшебный круг «законности и порядка», положение, отчасти напоминающее современный вооруженный нейтралитет, выгодный лишь для наших врагов, ибо революционеры этого не признают и им все сходит с рук. Необходимо обсудить создавшееся положение и способ выхода из него. 7-е. Возобновить деятельность районных съездов для объединения монархических сил. Исходатайствовать льготные проезды для членов, командированных на эти съезды. 8-е. Для оживления деятельности монархических организаций необходимы денежные средства, или, в крайнем случае, нужно принять меры к замещению членов наших союзов на должности, хорошо оплачиваемые, дабы иметь возможность нести расходы, связанные с союзным делом. 9-е. Замещать должности в зоне военных действий исключительно лицами русского происхождения и доказавшими свою преданность и любовь царю и отечеству. 10-е. В виду ложных толкований о целях Союза Р.Н. необходимо путем широкого оповещения населения разъяснить, что монархические организации не чужды нововведений, утилизации богатств страны и всеобщего образования, но стоят за царское самодержавие и за все то, что может служить благополучием коренного русского населения. 11-е. Надолго затянувшийся вопрос о ликвидации немецких земель и предприятий, в особенности злополучного общества 1906 года, дает повод революционерам волновать народ. Немало волнуются молчанием по поводу просьбы Степного генерал-губернатора об удалении немец-колонистов, занимающихся шпионажем, выраженной в письме, обращенном г. министром внутренних дел к г. председателю совета министров. 12-е. В виду преданности крестьянского населения заветам родины и участия их в громадном числе на войне, следовало бы увеличить им ссуду Крестьянским земельным банком на покупку земель, ибо выдаваемая ссуда наполовину меньше минимальной стоимости приобретаемой земли.

13-е. Для предотвращения злоупотреблений и взяточничества, а также приплаты казной лишних денег, необходимо, чтобы при помощи широкого оповещения населения покупка хлеба и скота для нужд армии производилась с первых рук и в любом количестве. 14-е. Обратить внимание на то, что земские деятели создают ненужные должности, замещая их своими родственниками и приятелями, а земские собрания щедрою рукою ежегодно делают прибавки к жалованию. 15-е. Призвать в действующую армию офицеров и врачей запаса армии, не взятых как состоящих в должности акцизных надзирателей. 16-е. Просить высшее военное начальство, для пополнения убыли в офицерском составе действующей армии, вернуть к боевым обязанностям офицеров, заведующих хозяйством, командующих нестроевыми ротами и т.д., заменив их чиновниками. 17-е. Часто читаем мы о всяких открытиях и изобретениях в той или иной области знания в чужеземных государствах. Не бездарна и наша Русь святая! Есть и у нас изобретатели, да трудна для них дорога в министерство, обставляющая разными формальностями, благодаря чему многие продают свои изобретения иностранцам. А потому следовало бы при Главном совете Союза Р.Н. учредить особое бюро для оказания поддержки и содействия нашим изобретателям, открывшим что-либо полезное для государства, в особенности же в области военной техники.

1915 г. Д.1037. Л.1996а-1996б об.

¹ *Бонковский Александр Александрович* — до 1907 работал в Елизаветграде при Акцизном Управлении. Принимал участие в погромной деятельности в Елизаветграде. В 1907 был переведен акцизным контролером в г. Ананьев Херсонской губ. В годы войны — председатель Ананьевского отдела СРН.

² Всероссийский съезд (совещание) монархических организаций и правых деятелей состоялся в Нижнем Новгороде 26-28 ноября 1915. В нем приняли участие «обиженные» ориентированными на парламентскую борьбу лидерами правого движения дубровинцы и представители правых организаций Поволжья и Юго-Запада (Одесса и др.), не нашедшие общего языка со столичными монархистами.

На съезде были приняты постановления: об отношении к Прогрессивному блоку; об украинофильстве («мазепинцах»); о деятельности «Общегородского» и «Общеземского» союзов; об усилении надзора за военно-промышленными комитетами; по экономическим вопросам; о «еврейском и немецком засилье»; о действиях власти по отношению к разгулу либеральной печати и др. См. подробнее: Союз русского народа... С.193-194, 345-351.

И.Г. Щегловитов¹ (Петроград) —
 Д.И. Иловайскому² (Москва)
 24 ноября 1915

Приветствую вас и за ваше издание «Кремль». Ваши мысли, вполне мною разделяемые, к крайнему моему сожалению, в наше время общего разложения не находят того широкого распространения, которое было бы желательно. Когда же, наконец, мы вступим в период умственной зрелости. Неужели никогда? Это было бы слишком печально.

Вчера закончился монархический съезд. Что вы о нем думаете? Как все у нас странно. В монархии монархистов только небольшая кучка.

1915 г. Д.1038. Л.2051.

¹ *Щегловитов* Иван Григорьевич (1861-1918) — черниговский помещик. До 1905 — сотрудничал в либеральных газетах. В 1905 выступал обвинителем по делу И.П. Каляева, в 1906-1916 — министр юстиции, сенатор, член Гос. совета, с 1 января 1917 — председатель Гос. Совета. В 1915 был председателем Петроградского совещания правых; на этом совещании был избран Председателем Совета Монархических Единений, но осенью 1916 отказался от этого звания. После февраля 1917 — арестован Временным правительством. Расстрелян ВЧК.

² *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832-1920) — историк, профессор, автор учебников по русской и всеобщей истории; т.сов. И. был издателем, редактором и автором статей собственной газеты «Кремль», просуществовавшей с 1897 до 1916. С 1902 — действительный член Русского собрания, с 1905 — член СРН, затем в СРЛ. Летом 1915 вышел из СРЛ и стал одним из организаторов Отечественно-патриотического союза. В 1918 арестован ЧК.

В.В. Шульгин (Петроград) — Е.Г. Шульгиной (Киев)
 11 декабря 1915

Как приятно было бы, если бы глупые правые были так же умны, как кадеты, и старались бы восстановить свое первородство работой для войны. И было бы справедливо, что тот был бы «вознесен», кто больше всего сделал для победы. Но они не могут этого понять и портят общее дело.

1915 г. Д.1040. Л.2309.

Н.Н. Родзевич (Харьков)¹ —
 А.А. Ширинскому-Шихматову² (Петроград)
 17 декабря 1915

С.П. Белецкий³ весьма сочувственно отнесся ко всем моим начинаниям и обещал свою поддержку.

Между прочим, на Нижегородском совещании было постановлено поручить Тихменеву⁴ собрать сведения о деятельности монархистов на нужды войны. Белецкий признал, что такое издание было бы весьма полезным, и согласился дать средства на него. Я сообщил об этом Тихменеву, но хорошо было бы, чтобы вы со своей стороны посоветовали ему поскорее составить такое описание. С горячим сочувствием отнесся Белецкий и к моей мысли о составлении книги с описанием деятельности Ее Величества. Но я боюсь, что мне не придется участвовать в столь симпатичном для меня деле. Ломан хотел устроить совещание, но я ничего от него не получил: быть может, он, мало зная меня, просто хотел отклонить мое сотрудничество.

Рад бы бросить одесское болото, если бы в Петрограде для меня нашлось дело (но не государственная служба, которая бы связывала меня). Здесь слишком размениваешься на мелочи.

Очень буду благодарен вам, если сообщите что-либо о современном положении.

1915 г. Д.1040. Л.2260.

¹ Место отправления указано по почтовому штемпелю.

² *Ширинский-Шихматов* Андрей Александрович (1868-1927) — князь, тверской помещик, камергер. В 1913 — и.д. саратовского губернатора, с 1915 — член Совета министра внутренних дел. После 1917 эмигрировал. В мае 1921 на монархическом съезде в Рейхенгале (Германия) избран в Высший монархический совет.

³ *Белецкий* Степан Петрович (1873-1918) — в 1914-1915 — Директор Департамента полиции МВД, в 1915-1916 — товарищ министра внутр. дел, сенатор. Присутствовал на совещании правых в Петрограде 21-23 ноября 1915 и передал приветствие от министра внутр. дел. Один из покровителей СРН, распределявший правительственные субсидии. Арестован при ВП. Расстрелян ВЧК.

⁴ *Тихменев* Николай Петрович — публицист и литератор. В 1904 — редактор «Ревельских известий», в 1912 — «Русского избирателя» (Вильна) и «Земщины», в 1913-1916 — «Волги» (Саратов). В годы войны — пред. Саратовского отдела СРЛ.

В.Архангельский (Саратов) — А.И. Дубровину (Петроград)
26 декабря 1915

Не добившись от пензенского губернатора разрешения на поездку по губернии с целью агитации, я поехал в Тамбов, с трудом добился разрешения его превосходительства, волка в овечьей шкуре, на поездку по губернии, но при обязательном условии не агитировать, не ругать и не затрагивать жидов; содействия со стороны властей я ни в одном селе не встретил и не мог даже собрать 24 человек, чтобы составить совет. Приходится положительно отказаться от открытия отделов. Причина этому та, что земство глубоко пустило корни в крестьянскую жизнь. В каждом большом селе имеются земская потребительская лавка, кредитные и др. кооперативные общества. Словом, земство не спит, и нужно согласиться, что земство — хозяин положения в селе. Революция, при создавшемся положении и подготовке со стороны земства, весьма возможна. В противовес земству надо изъять потребилочки и открыть желанные крестьянам кооперативные общества от имени правых и всячески завлечь крестьян на свою сторону, с этим надо торопиться.

Со службы я, конечно, уволен. Надо поскорее куда-нибудь пристроиться. Может быть, г. министр внутренних дел признает желательным, чтобы я, живя в Саратове, был «оком» в Саратове, а, может быть, и Пензы и Тамбова. Тогда благоволите испросить мне на содержание рублей 700-800 в год. Для министра внутренних дел этот расход невелик, если принять во внимание, что сведения мои не только желательны, но и ценны...

1915 г. Д.1041. Л.2331.

Бессарабские правые¹ — Н.Е. Маркову (Петроград)
7 января 1916

Для нас совершенно непонятно отношение к нам Главного совета, хотя мелким сошкам, но все же союзникам.

Наш председатель С.С. Малой, по наговору врагов Союза Р.Н. лишен прав и отдан на 8 месяцев в арест. отделение. Когда дело было перенесено в Сенат, мы писали в Главный совет, прося поддержки в Сенате. Молчание Совета нас не пугало, а когда Ма-

лой был приглашен на съезд правых, то мы даже обрадовались. Каково же наше огорчение, когда Малой, взявши у нас 25 руб., возвратился и объявил нам, что Главный совет не обмолвился нигде ни словом и что он «пропал», ибо дело Сенатом оставлено без последствий. Как нам это понимать, Николай Евгеньевич? Если Главный совет отрекся от «преступника» Малого, то неужели не обязан был о том оповестить нас... Верим, что обратиться мы к совершенно чужим организациям, даже левым, получили бы ответ, а потому и возможность действовать другими путями.

Что же теперь... Малой подал на Высочайшее имя о помиловании 26 ноября; эту просьбу нужно поддержать... может это сделать Главный совет, или тоже нет...

Убедительно просим удостоить нас ответом возможно скорее, так как [имеется решение] о заключении Малого в тюрьму уже в Бельцах и мы кое-как его тормозим [так в тексте], но долго ли это протянется, — не знаем, а спасать невинно гибнущего нужно. Малой с 1905 года противостоит революции и в этой борьбе потерял материально очень и очень много, а тут еще и такая нравственная пытка, мы боимся за его здоровье.

1916 г. Д. 1048. Л. 40-40об.

¹ На бланке Совета Белецкого отдела СРН (г.Бельцы Бессарабской губ.).

21

В.Захаров¹ (Алатырь Симбирской губ.) —
Г.Г. Замысловскому² (Петроград)
15 января 1916

Случайно я узнал, что вы ходатайствуете о смягчении участи бывшего члена Красноярского отдела Союза русского народа подполковника П.Н. Боровкова³. Я знаю Боровкова еще с чина капитана 31 Сибирского стрелкового полка и в дни его злоключений по выходе в отставку и считаю долгом своей совести ознакомить вас с личностью Боровкова.

С 1906 г. я состою председателем Красноярского отдела Союза русского народа. Это было время особенно напряженной деятельности — боевой созидательной работы монархических организаций. В те дни на наших многолюдных — в большинстве в составе простого чернорабочего люда — собраниях стал появляться человек в мундире офицера русской армии. Это был П.Н. Боровков.

Недолго он оставался пассивным и вскоре стал выступать с горячими речами — призывом к широкой борьбе с революцией, этой язвой, разлагающей все слои общества включительно до армии, ибо и в последней, по его словам, в это время были крайне либерально настроенные элементы даже в среде офицерства. Сделавшись формальным членом нашей организации и деятельнейшим ее работником, г. Боровков вскоре вынужден был выйти в отставку, и как человек свободный, отдался газетному делу. Стоя близко к делам организации в качестве редактора газеты⁴, г. Боровков проявлял редкую ревность, неизменную преданность делу и до щепетильности честное отношение к своим обязанностям. В своих монархических убеждениях он был твердым, стойким. В своих речах он обнаруживал разумно ясное понимание высоких, святых задач монархических организаций и в своей работе всегда был глубоко искренним и последовательным. Он пользовался авторитетом и уважением среди членов организации.

Не скрою, у г. Боровкова была одна слабость, которая несомненно и сгубила его, — его страсть к азартной карточной игре, но и с этой стороны он заслуживает участия и снисхождения.

1916 г. Д. 1049. Л. 103.

¹ *Захаров* Варсонофий — протоиерей, с 1906 и до конца 1914 председатель Красноярского отдела СРН. Переведен в Симбирскую губ. в связи с жалобой на израсходование средств, пожертвованных на типографию для правой газеты.

² *Замысловский* Георгий Георгиевич (1872 — после 1917) — юрист и политический деятель, в 1890-1910-е — на судейских и прокурорских должностях в прибалтийских и западных губерниях. С 1908 — член СРЛ и СРН. При расколе правых примкнул к Маркову и Пуришкевичу. Приобрел известность антисемитскими выступлениями в связи с делом Бейлиса. Член Гос. думы 3-го и 4-го созывов. Имел репутацию защитника «оголтелых» (См.: Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С.122).

³ *Боровков* Петр Никитич — подполковник в отставке, чл. Красноярского отд. СРН (Енисейская губ.), редактор местной газеты в 1912-1913.

⁴ «Сусанин», орган Красноярского отдела СРН в 1907-1914.

А.И. Дубровин (Петроград) — И.И. Дудниченко (Одесса)
29 января 1916

Обращение к войскам набрано; отчет о нижегородском съезде набирается, но когда напечатаем, — ведает аллах, — нет бумаги

и она так дорога, что становимся в тупик, что делать. Между нами: подумываем прекратить «Русское Знамя»¹. Все взвешено и обдуманно. Хочется сбросить с себя костюм Дон-Кихота. Что там ни говорите, а мы в сущности все дон-кихоты: играем вничью и служим мишенью как для левых, так и для власть предержащих. С нами не считаются, а когда нужны, пальчиком помянут и мы тут как тут. Ведь не зря же бывший министр Маклаков нахально выразился насчет меня: «Ну что с ним считается и обращать на него внимание, ведь это, что кавалерийская хорошо обученная лошадь: слышит рожок и тотчас же займет свое место».

Будучи больным, я узнал, что меня ищет полиция запереть за литературные дела на четыре месяца в узилище, а потом еще и еще по тем же делам. Это награда за десять лет. Судите сами. Ведь жертва совсем непосильная, да и благодарность, вряд ли по заслугам. Выходит: положи душу и тело за други своя... Требование — больше евангельского... Развал идет гигантскими шагами. И вряд ли удастся что-либо предупредить или устранить, — нельзя быть роялистом больше короля.

1917 г. Д.1050. Л.227.

¹ «Русское знамя» (Петроград) — один из основных печатных органов правых, который редактировал А.И. Дубровин. Материально издание поддерживала Е.А. Полубояринова. В начале 1916 газета переживала значительные трудности, что поставило ее на грань закрытия. Видимо, в конце 1916 Дубровину было выделено из секретных средств МВД 25 тыс. руб. См.: Красный архив. 1925. Т.3 (10). С.342.

23

Н.Н. Родзевич (Одесса) —
В.А. Образцову (Екатеринослав)
1 февраля 1916

На Нижегородском совещании говорилось о желательности объединить деятельность монархистов вообще и в частности о создании общемонархической организации для работ на нужды армии. Последняя мысль встретила очень горячее сочувствие правящих сфер. Дело представляется весьма важным, во-первых, для того, чтобы заткнуть рот врагам, твердящим о бездеятельности, якобы, правых, — эта ложь не должна быть оставлена без внимания, так как на ней играют наши враги и настраивают власть в пользу левых; во-вторых, левые при посредстве своих органи-

заций ведут агитацию в армии, а этому надо противодействовать. Необходимо торопиться, чтобы создать что-либо до начала весенних боев. Ввиду этого, Совет Одесского Союза русских людей признал желательным созыв в ближайшее время совещания монархистов южного района (Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Бессарабской, Киевской, Подольской, Полтавской губерний). Созывать такое совещание в Одессе невозможно, ввиду крайне враждебного отношения к Союзу местной администрации. Не возьметесь ли вы созвать такое совещание в Екатеринославе? Поговорите с губернатором В.А. Колобовым, может быть, для упрощения можно это считать не съездом, а лишь заседанием нашего Совета с участием приглашенных представителей других организаций. Если же нельзя, то узнайте, у кого следует просить разрешение на такой специального характера съезд. Если у одесского генерал-губернатора Эбелова, то просите от себя: вам он не откажет, а нам постарается помешать. Если надо просить у министра, — просите телеграммой и телеграфируйте мне, — я с своей стороны буду ходатайствовать.

1916 г. Д.1050. Л.268.

24

И.И. Дудниченко (Одесса) —
А.А. Ширинскому-Шихматову (Петроград)
5 февраля 1916

Как только я напечатал в правых газетах об организации мною в Одессе бюро правой печати, то Прогрессивный блок и еврейская печать забили тревогу и, в противовес моему начинанию, немедленно открыли здесь свое бюро. А так как Прогрессивный блок еврейского капитала не жалеет, то поэтому на самой фешенебельной улице снял дорогую барскую квартиру, обставил ее чудною мебелью и имеет штат служащих. Правда и то, что там нет ни одной русской физиономии — все еврей, но публика туда охотно идет, несмотря на новизну дела. Пошел и я, и просил выписывать «Голос Руси» (умышленно взял средний орган). Мне любезно ответили, что эта газета почти никем не читается, тиража не имеет, а советуют заменить передовую газетою «День», «Русское слово» и т.д.

Вот вам, как антигосударственные элементы быстро, не жалея денег, оказывают противовес начинаниям правых организаций. Они знают, что деньги всё, а потому и бьют наверняка, прямо в цель.

Я не смущаюсь и продолжаю гнуть свою линию. Буду брать измором. Вы не правы, что монархические организации не существуют, и делаете свой вывод на основании отсутствия у нас денег. Да отнимите вы у Прогрессивного блока и кадетской партии жидовские капиталы и сотни миллионов рублей нашего Государственного казначейства, выдаваемые всяким союзам и комитетам, то вся эта накипь жизни будет находиться в еще худших условиях материальных, чем правые.

Ваш вывод и ваши упреки больно бьют по нервам. Незаслуженно все это и беспочвенно. Повторяю, что не в деньгах счастье и никогда бы я не постучался в двери нашей государственности, если бы правительство не давило бы монархические организации и разрешало бы нам спокойно развивать свое дело, разрешив чиновничеству записываться в наши союзы.

1916 г. Д.1051. Л.307

25

К.Н. Пасхалов (Калуга) — А.И. Дубровину (Петроград)
12 февраля 1916

Уже имел отвращение читать неистовую ложь и нахальные заявления Шидловского и Меллера, не говоря уже о разбойнике Чхеидзе и негодяе Гримме¹. Что же ожидать дальше? Ведь это полное крушение всякого понятия о законности, правах и обязанностях подданства не только перед лицом Власти, но и государства, полное забвение того, как это отразится на арене, где решается судьба — быть или не быть России. Что это? Повальное сумасшествие? Потому что, если эти люди нормальны, если они сознают чудовищную, явную ложь и очевидное извращение фактов поведения правительства и их шайки, то ведь это такие мерзавцы, такие отчаянные негодяи без стыда и совести, каких еще мир не видел от своего сотворения. Как же может устоять государство, когда таких архипреступников не только не сажают на цепь, но им-то и отдают в руки судьбу его. Им-то и почет, и любезности, и внимание, и перед ними-то и расшаркиваются, а то и подставляют улыбающиеся лица под подлые плевки и даже не утираются. Позор, ужас, отчаяние!

Я вполне понимаю, что у вас опускаются руки и является желание бросить все и предоставить врагам добиваться их целей. Но вспомните, что мы защищаем не человека, который не понимает, где опасность и где избавление, а идею, великую государствен-

ную идею, погибель которой погубит мир. Я в этом глубоко убежден. Доказательство: она еще только колеблется и уже исчезло понятие о нравственном долге правдивости; воцарилась самая наглая, бесстыдная ложь. А с ложью жить нельзя; можно только обманывать. От лжи погибает Германия, погибнет и наша несчастная родина, если не опомнится. Мужайтесь и боритесь до конца, пока у вас есть сила, а она есть, и грех ее не использовать.

Собирался отвечать вам тотчас же по получении вашего скорбного письма, но приготовление к земскому собранию, а потом отъезд на него поглотили все мое время. На собраниях же нашего «либерального» во всех отношениях земства, начиная с политической окраски и кончая расточением обывательского кошелька, я, несмотря на свою старость и усталость, представляю единственный противоборствующий земским загребателям экземпляр. Борюсь, сколько хватает сил, большею частью безуспешно, но для борьбы необходимо знакомство с ходом дела, и я выступаю всегда хорошо этим вооруженный. Нынешнее собрание достается особенно тяжело: надо было помимо земских дел заставить собрание, во-1-х, послать поздравление Государю и Кавказскому войску в надлежащих выражениях, и во-2-х, бороться за текст приветствия Гос. думе. Отстоять мысль не посылать вовсе — нечего было и думать. Хорошо и то, что удалось сравнять в этом и Гос. совет и в тексте выразить только пожелание успеха на пользу страны и войны.

1916 г. Д.1051. Л.391-391об.

¹ Речь идет о Декларации Прогрессивного блока, провозглашенной на февральской сессии (1916) Гос. думы. Она была подписана от группы октябристов С.И. Шидловским, от группы членов Гос. совета — В.Меллер-Закомельским и Д.Д. Гриммом. В Блок не входили правые и левые — трудовики и меньшевики.

Шидловский Сергей Иллиодорович (1861-1922) — помещик, политический деятель, октябрист. Член Гос. думы 3-го и 4-го созывов. В 4-й Гос. думе — лидер фракции октябристов. В 1915-1917 — пред. бюро Прогрессивного блока. В 1920 эмигрировал в Эстонию.

Меллер-Закомельский Владимир Владимирович — земский деятель, член Гос. совета.

Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864-1926) — политический деятель, один из лидеров меньшевиков.

Гримм Давид Давидович (1864-1941) — профессор, член Гос. совета от академической группы. В духе Декларации выступил на заседании Гос. совета, за что подвергся критике правых.

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) — Николаю II
26 марта 1916

Государь.

Городской и Земский Союзы, военно-промышленные комитеты и Государственная Дума, совместно с печатью, своими провокаторскими резолюциями, речами, статьями систематически восстанавливают население против власти, внушают ему [мысль] о необходимости государственного переворота и всеми мерами стараются расположить к себе армию.

Положение слишком опасно. Допускаемое поругание правительства, указание на негодность исторической Верховной Власти, в конце концов, сделают свое дело.

Государь, на Тебя, как на Помазанника, принявшего от Господа Бога венец Царский, а с ним и тяжелую долю Царского служения, возложен великий долг беречь Россию и русский народ и не можешь Ты, даже временно, снять с себя бремя Самодержавия, отдать судьбы их в руки безответственного думского большинства, к тому же состоящего из беспочвенной, безверной недалекой интеллигенции.

Между тем, эти обуянные жаждой власти люди, лъстя Тебе и прикрываясь Твоим именем, держат обманными речами своими в возбужденном состоянии всю страну, политически совершенно неразвитую и не могущую разобраться в постыдном обмане, и, видя послабления и уступки, упорно идут к тому, чтобы заставить Тебя поступиться Твоею властью... Они надеются, или Ты, утомленный, уступишь им ее добровольно, или они возьмут ее у Тебя силой.

Государь. Необходимо уничтожить Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты — эти гнезда революционной пропаганды и объединения. Гучкова, Львова, Челнокова, Коновалова¹ надо убрать как коноводов подготавливаемого переворота. Центральные управления этих учреждений следует передать в ведение правительства, образовав особое ведомство по снабжению всем необходимым армии и населения, а членов городских и земских управ да гласных мобилизовать и заставить работать под его руководством; если же они заупрямятся, то и без них найдется много бескорыстных и честных работников, а имена их покроются позором.

Небольшая кучка, в несколько тысяч, даже менее, восхваляющих себя лиц означенных союзов, работающая трудом наемных

служащих и на казенные деньги, не представляют из себя такой незаменяемой силы, ради которой можно было бы рисковать устоями государства и проигрышем войны. Закрыть союзы надо Твоим именем, с указанием на недопустимость во время войны вселять тревогу в население призывом к государственному перевороту. Надо распустить и Думу с указанием на то же.

Ни мягкостью, ни уступками Ты, Государь, ничего с этими людьми не достигнешь: чем к ним внимательнее, тем они наглее. Они будут милостивы к Тебе лишь тогда, когда Ты перестанешь быть Царем и превратишься в слугу их, как Государь конституционный. Все они ненавидят Тебя, к тому же настраивают и других.

Тебе ли, Великодержавному Царю, склоняться перед этой частью русской интеллигенции, выученицей жидовских газет и направляемой жидами науки. А сказать Тебе — мы боимся этого и дрожим за это, Государь.

Светлое будущее России не в грязи европейского парламентаризма — в этом слуге капиталистов и буржуазной интеллигенции, порабащавших народ, — а в русском Самодержавии, опирающемся на народные массы и на совет выборных деловых людей, не интриганов.

Одновременно с закрытием союзов, роспуском Думы и обузданием печати необходимо приступить к исправлению новых Основных законов и к изменению положения о Государственной Думе, дабы Россия после войны сбросила бы одновременно и гнет Германии, и гнет водворившегося в России с 1905 года величайшего хама в образе Государственной Думы и левой печати.

Не время, Государь, обременять Тебя обращениями, но можем ли мы, даже смеем ли мы, верные слуги твои, молчать, видя все происходящее, грозящее государству и внутренним и внешним развалом.

Верноподданный Вашего Величества, председатель
Астраханской Народной Монархической партии
Нестор Тиханович-Савицкий

ДП.ОО. 1917 г. Д.244. Л.34-34об.

¹ *Гучков* Александр Иванович (1862-1936) — московский купец, общественный и политический деятель. В 1905 стал одним из основателей партии октябристов. Председатель 3-й Гос. думы. Член Гос. думы 4-го созыва. В годы войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета. Министр ВП. Затем в эмиграции. *Львов* Георгий Евгеньевич (1861-1925) — помещик, активный земский деятель, член Гос. думы, кадет. В начале войны был избран председателем Всероссий-

ского земского союза помощи больным и раненым воинам. После февраля 1917 — Глава первых двух кабинетов ВП. После октября 1917 — в эмиграции. *Челноков* Михаил Васильевич (1863-1935) — заводчик и купец, член Гос. думы 2, 3 и 4-го созывов, кадет. С 1914 — московский городской голова. В 1914-1917 — председатель Всероссийского союза городов. В 1920 эмигрировал. *Коновалов* Александр Иванович (1875-1948) — московский текстильный фабрикант. Член 4-й Гос. думы, влиятельный член Прогрессивного блока. Был министром ВП. Эмигрировал.

27

К.Н. Пасхалов (Алексин Тульской губ.) —
Н.Н. Родзевичу (Одесса) .
22 апреля 1916

Я вовсе не утверждал, что мы «не можем ничего предпринять без участия петроградских правых», а говорил, что из этого ничего не выйдет и указывал почему: потому что мы, все провинциалы, в глазах правительства величина ничтожная, с которой не считаются и отношения с которой дальше благосклонных слов не идут. Это потому, что нам нечем пугнуть правительство. Если бы удалось еще устроить внушительную демонстрацию, хотя бы такую, как устроил желтый блок после роспуска Гос. думы по всем земским и городским управлениям, но ничего подобного устроить мы не в состоянии, — у нас нет в руках ни общественных организаций, ни их жидовских средств. А собрать ничтожный съезд и по количеству участников, и по отсутствию хотя мало-мальски влиятельных людей, значит только скомпрометировать наше дело. Вспомните хотя наш Нижегородский съезд. Вспомните только: из Москвы — ни души, хотя я мозоль набил на пальцах от писем. Это не случайность, это вырождение правых в каких-то бесплодных ублюдков, боящихся прикосновения к «черносотенцам»: Марков — интриган; Щегловитов выдохся, не зарядившись; Левашов¹ — подставной человек, и даже с самим Дубровиным творится что-то неладное. Ширинский-Шихматов много говорит, но ничего не делает; Белецкий — утонул безвозвратно. Общемонархическим организациям хорошо устроить помощь армии, но кто же даст им средства. Левым казна дает сто миллионов, а вот Дудниченко не может двух тысяч получить, несмотря на то, что я писал всем в Петроград, кому только мог. Дубровин нас погубил, затормозил печатание отчета. Это непростительно.

1916 г. Д.610. Л.34.

¹ *Левашов* Сергей Васильевич (1856-?)— тульский помещик. По окончании Медико-хирургической академии был оставлен для усовершенствования при клинике проф. С.П. Боткина, а затем командирован за границу; во время пребывания за границей был назначен профессором клиники внутренних болезней Казанского университета. В 1908-1913 — профессор и ректор Новороссийского университета (Одесса); гласный гор. думы и почетный мировой судья Одессы; д.ст.сов. Член 4-й Гос. думы, товарищ председателя фракции правых; участник и один из докладчиков на совещании монархистов в Петрограде 21-23 ноября 1915, где был избран товарищем председателя.

28

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Н.Н. Родзевичу (Одесса)
5 мая 1916 г.

Что касается замечания вашего о Гос. думе, то так прямо ставить вопрос о ней, как это сделали вы, невозможно по чисто практическим причинам: несомненно, ни вы, ни я и никто из нас не пожелает возвращаться к прежним порядкам, когда государя обезличивали взваливанием на его решение множества дел. Нам нужен свободный царь-хозяин, руководитель, а не государь-чиновник, заваливаемый настолько всякой ерундой, что у него голова идет кругом, чем и пользуются. И все мы согласны, что государя надо освободить и дать ему верных советников от земли. Для осуществления этого останавливались на сословном Земском соборе. Я же нахожу, что нельзя устанавливать навсегда непременно известную форму, сама жизнь покажет, что и как надо устроить; но для этого необходимо, чтобы полнота власти всегда была у государя и юридически спора не возбуждала, чего нам в первую очередь и надо добиться какими бы то ни было путями. Если этого добьемся, потом все образуется. Вы видите, куда все идет сейчас; вы видите, какая интрига поднята левыми и как перед нею склоняются, — нам не надо преуменьшать ее: она лжива, но очень сильна; уже Петр Струве¹ дал сигнал беречь бюрократию и отличать ее от бюрократии «псевдонима» (царя), так как большинство ее на их стороне. И мы давно знаем. Две трети наиболее интеллигентного общества и купечества за них, горожане вторят статьям левых газет. А великий князь Н.Н.²? А теперь Б.В.³, окруживший себя мятежными думцами-казаками во главе с Карауловым⁴. Гг. Львовы и Гучковы идут наверняка. Так время ли нам поднимать такие вопросы, которые тоже наверняка будут отвергнуты, как неприемлемые? Если бы при тепереш-

нем трепете наверху нам удалось добиться лишь предложенных мною небольших изменений, то и тогда мы могли бы умереть спокойно, зная, что высвободили Россию из конституционной петли и поставили ее на путь самобытного развития. «Но не поздно ли?» — как спрашивает меня Н.Д. Облеухов⁵ (вполне наш), близко стоящий к Пуришкевичу. Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия окончательно; сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете, какой я упорный. Л.А. Тихомиров⁶ — совсем отошел обескураженный. И я предлагаю сделать хоть эту попытку, имеющую больше шансов на осуществление, чем что-либо другое. Если же и этого не добьемся, то не добьемся совсем. Не для чего скрывать от себя то, что ясно видно. Конечно, мы можем не признавать совершившегося, оставшись непримиримыми; может, это и красиво, но делу не поможет. Просмотрите внимательно все, мною вам посланное по этому делу. У нас пособников мало и нам придется работать самим. Съезд надо устроить в начале или середине июня; перед ним предварительное двухдневное совещание в Москве, в которое привлечь наиболее полезных немногих москвичей: Тихомирова, Савостина и др., то же в Петрограде. В Петрограде надо наладить и подыскать влиятельных людей и разузнать настроение наверху. Если разрешения не дадут, то соберемся прямо на основании правил о собраниях.

1916 г. Д.1054. Л.84-84об.

¹ *Струве* Петр Бернгардович (1870-1944) — экономист, публицист; кадет.

² Вел. кн. Николай Николаевич младший (1856-1929).

³ Вероятно, Б.В. Штюрмер.

⁴ *Караулов* Михаил Александрович (1878-1917) — казак ст. Терской, землевладелец, казачий подъесаул, член 2-й и 4-й Гос. думы от Терской обл. В 1914 был одним из основателей Имперской народной партии. После революции — первый выборный атаман Терского казачьего войска. Руководил разоружением демобилизованных воинских частей, возвращавшихся с Кавказского фронта.

⁵ *Облеухов* Николай Дмитриевич — публицист, в 1906-1916 — редактор ряда периодических изданий: «Колокол» (1906), «На каждый день православному христианину» (1907-1910), «Вестник полиции» (1916), «Деревенское хозяйство» (1914-1916) и др. И.о. председателя СРЛ.

⁶ *Тихомиров* Лев Александрович (1852-1923) — народоволец 1870-х, затем монархист.

А.И. Дубровин (Петроград) —
И.И. Дудниченко (Одесса)
8 мая 1916

Узнал, что главный начальник кн. Туманова — Куропаткин¹, от него зависит убрать нахала. Только что узнал неприятное: американцы поставили нам, как ультиматум, равноправие жидов, иначе не дадут снарядов и денег. Вдобавок к этому узнал я, что еще Хвостов начал разрабатывать вопрос о том, чтобы жидов-беженцев оставить в тех губерниях, куда они выселились, т.е. уничтожить черту оседлости. Этот проект приняли единодушно губернаторы 15 губерний. Штюрмер пошел дальше, и сейчас будто бы законопроект о полном уравнивании прав жидов обрабатывается в Департаменте общих дел. Гос. дума и Гос. совет, конечно, станут на жидовскую сторону.

1916 г. Д.1054. Л.96.

¹ *Туманов* Николай Евсеевич (1844-1917) — князь, кавказский помещик, военный инженер, генерал, в 1915-1916 начальник Петроградского военного округа, упоминается в связи со следующим инцидентом, произошедшим 28 марта 1915. В этот день Туманов принял Дубровина в связи с его жалобой на военную цензуру. Однако Т. сказал, что газета Дубровина «Русское знамя» «занимается травлей евреев и помещает какие-то бессмысленные аншлаги». «Разъяснения» Д. относительно «аншлагов» привели к тому, что Т. стал кричать: «Вон, вон отсюда, немедленно». (Союз русского народа... С.130-131). *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848-1925) — военный деятель, генерал. Член Гос. совета. В феврале-июле 1916 — командующий Северным фронтом. С мая 1917 и до кончины проживал в имении в Псковской губ., занимаясь преподаванием.

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Н.Д. Облеухову (Петроград)
8 мая 1916

При сем приложение.

Я вполне согласен с вами, что монархическая государственность требует более серьезных изменений; но об этом можно будет говорить потом, на досуге; теперь же, когда все висит на волоске, нам необходимо попытаться вернуть государю полную власть. Если бы, при теперешнем трепете наверху, нам удалось

добиться лишь предлагаемого мною, то и тогда мы могли бы умереть спокойно, зная, что избавили Россию от конституционной петли и поставили ее на самобытный путь. Ваш вопрос: «не поздно ли?» побуждает остановиться пока на моем предложении, с которым согласен и Щечков, так как все остальное будет отвергнуто наверняка.

Посылаю наскоро набросанный опыт «основных положений», — это, так сказать, для почина, не что-либо основательное; предисловие же совсем не смог написать убедительно; напишите вы, да получше.

Копия с приложения

Основные Положения народных монархических союзов (к населению)

Народу нужен царь самодержавный, богачам нужны — конституция и парламент.

Банки, синдикаты, богачи-промышленники при поддержке содержащих[ся] ими газет, буржуазных классов общества и части так называемой интеллигенции, воспитанной на ложной науке, требуют конституции, т.е. ограничения власти государя, подчинения государя требованиям Думы при помощи ответственных перед нею министров, которые явятся уже не слугами государя и страны, а слугами безответственного думского большинства.

Требование богачами конституции вполне понятно, — она в их интересах: когда государь будет ограничен и министры будут в зависимости от Думы, то банки, капиталисты и т.п. при помощи поставленных из своих людей или подкупленных членов Гос. думы и Гос. совета начнут проводить нужные им законы, поддерживающие их интересы и взгляды, совершенно противоположные интересам и взглядам средних и низших классов трудящегося населения, которое попадет в полную зависимость от богатых. Государь, лишенный власти, вынужден будет, уже в своих интересах, зависимых от Думы и Совета, не противиться решениям их. Скажут, что если Дума принуждает государя утвердить нежелательные законы, то он может распустить Думу; но для чего он будет делать это и возбуждать против себя богачей, газеты и интеллигенцию, не имея поддержки в народе, если и новая Дума при помощи денег будет такая же. — Этого обыкновенно и не делают.

Теперь скажем о так называемом народе, т.е. о трудящемся среднем и низшем классе населения. Правда, они все зарабатывают от богатых, но интересы их совершенно противоположны.

Банки и другие спекулянты будут всегда стремиться прижать и скупить за бесценок произведения земледельца; хозяева — дать меньшую плату служащему и т.д. Богатый класс, захватив власть через подставных и купленных членов Думы, никогда не позволит провести закон, который заставил бы их, например, щедро платить служащим или не теснить зависимых от них или например не спаивать народ, хотя это им и выгодно.

Чтобы оградить свои интересы, трудящиеся классы должны всеми силами поддерживать полноту власти государя.

Почему? — Слишком понятно: государь, поддерживаемый трудящимся народом, всегда станет защищать его интересы от засилия капиталистов, которые стремятся захватить его власть и даже лишить его престола. В народе государь будет чувствовать свою опору и силу, не говоря уже про то, что быть защитником своего народа и улучшить его благосостояние лестно каждому государю.

Народ без государя беспомощен, так как богачи при помощи денег всегда обойдут его. И государь без защиты народной беспомощен, так как капиталисты всегда сумеют прибрать его к рукам и заставить делать по-своему.

Господь бог дал русскому народу большие земельные богатства, которые, будучи хорошо разработаны и обработаны, дадут большой достаток самому последнему тепершнему бедняку. В России не должно быть ни голодных, ни холодных. И вот не надо допускать, чтобы в России все богатства очутились, как в Америке, в руках нескольких богачей; надо, чтобы богатства возможно равномернее, без обиды предпринимателям, распространились среди всего населения. Россия, в отличие от всех европейских стран, страна глубоко народная или, как теперь говорят, демократическая; а потому все заботы управления должны быть прежде всего направлены на высокое поднятие благосостояния народных масс, что совершенно противоположно интересам людей, требующих конституцию, и их нельзя допускать к власти.

Вот почему народные монархические союзы борются против конституции и парламентаризма и, осуждая бывший в России до 1905 года бюрократический строй, когда управление Россией находилось всецело в руках чиновничества, постоянно указывают на то, чтобы оно берегло власть государя, как зеницу своего ока.

Теперь, когда государь повелел ввести новый порядок управления, Россия может в короткое время сделаться богатой, образованной и еще более чем теперь сильной; но лишь бы указанные капиталисты, буржуазия и интеллигенция не переиначили поведе-

ния государя и не захватили бы в свои руки власть, тогда все пропало, так как из их рук уж не вырвешь.

Указанный в основных положениях народных монархических союзов государственный строй дает возможность широко и быстро развить благосостояние и порядок в стране, не поступаясь интересами трудящихся классов. Он освобождает государя от всех мелких обычных забот по законодательству и дает ему возможность отдаться царственным заботам по верховному управлению страной, в чем и заключается вся сущность власти царя, как хозяина страны и высшего судии. В то же время этот строй, возлагая на выборные учреждения обязанности широкого участия в делах законодательства и надзора, не дает им возможности, как это делается в странах конституционных, воспользоваться своими большими правами для осуществления своих интересов и не дает им возможности помешать государю во всякое время отменить ошибочно утвержденный, вредный для населения, закон. При этом строе борьба за власть делается бесполезной, вследствие чего работоспособность Гос. думы и Гос. совета поднимается, работает, делается искренней и партийность вместо вреда начнет приносить пользу.

Основные положения

Определение государства Российского

1) Государство Российское должно быть могучим и сильным, дабы жизнь его духовная, политическая и экономическая могла развиваться свободно, не завися от принудительных иноземных влияний и дабы миролюбивый русский народ мог внести блага мира и любви в среду других народов.

2) Государство Российское есть достояние народа русского. Оно едино и нераздельно. Покоренные и добровольно вошедшие в него народы пользуются одинаковыми правами с народом русским, доколе они живут с ним одними помыслами и интересами и не зачнут засиловать его или другие более слабые народы Империи, или если это не причиняет в каком-либо виде вреда или опасности интересам русского народа и общегосударственным. Евреи этими правами не пользуются.

3) Численность других народов государства Российского, не принадлежащих к русскому племени, не должна превышать одной трети всего населения русского; если же новые завоевания или добровольные присоединения или естественный рост иноплеменного населения превысят отношение это, то излишек должен быть

выделен в автономные области под властью государства Российского или признан владениями колониальными.

Об управлении государством Российским

4) Верховная, самодержавная власть в государстве Российском во всем ее объеме принадлежит наследственному Государю, особа которого священна и неприкосновенна.

5) Государство Российское управляется на строгом основании законов, учреждений и уставов, от государственной власти исходящих.

6) В законодательстве и в управлении верховном власть Государя действует непосредственно; в делах же законодательства и управления обычного определенная степень власти вверяется Государем подлежащим местам и лицам, действующим его именем по его повелению.

7) Составление и обсуждение законов возлагается Государем на Совет министров и на выборные учреждения Гос. совета и Гос. думы.

8) Ведению и обсуждению Гос. совета и Гос. думы подлежат дела, указанные в учреждениях Гос. совета и Гос. думы, а также и те, которые Государь найдет нужным на обсуждение их передать.

9) Никакой новый закон, проводимый в порядке обычного законодательства, не может последовать без одобрения Гос. совета и Гос. думы и воспринять силу без утверждения Государя. В случаях чрезвычайных Государь издает законы непосредственно в порядке верховного управления.

10) Ответственность министров. Если Гос. совет или Гос. дума имеют веские основания подозревать кого-либо из министров в злоумышленных преступных деяниях, то через председателя своего представляют о сем на высочайшее благоволение, ходатайствуя о назначении над подозреваемым следствия. Если следствие не подтвердит возведенного подозрения, то возбудившее вопрос учреждение должно принести неправильно заподозренному свое извинение.

11) Выборные учреждения Гос. совета и Гос. думы, или им подобные, учреждаются в помощь Государю, а не в противопоставление ему, как это сделано в странах конституционных.

12) Выборы в Гос. думу должны быть обставлены так, чтобы в нее как можно меньше попадало подкупных и корыстных людей, которые, выставляя себя на словах защитниками народных интересов, на самом деле продают их; особенно надо заботиться,

чтобы в Гос. думу и Гос. совет не попали шпионы иностранных государств, что при большом количестве членов Думы и Совета и при участии всякого рода в выборах, легко может случиться.

Возможно полнее должны быть представлены в Гос. думе интересы крестьян и вообще рабочего класса населения, но только их истинными представителями, а не лицами, натасканными социалистами и трудовиками, этими слугами еврейского капитала и буржуазии.

13) Если Гос. думой и Гос. советом, пренебрегшими высоким царским доверием, будет проведен с корыстной целью закон, не соответствующий интересам большинства населения или могущий повредить интересам государства, и закон этот будет по недосмотру или по незнанию утвержден Государем, — ответственность за это падает на то лицо, которое представило этот закон на утверждение, без указания на его вредные стороны.

14) Если Гос. думой или Гос. советом будут проведены законы, не соответствующие интересам большинства населения, то населению предоставляется ходатайствовать перед Государем о пересмотре этого закона.

15) Судебная власть осуществляется от имени Государя установленными им судебными учреждениями, по усмотрению же Государя, им непосредственно.

Вера

16) Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская, православная, католическая, восточного исповедания.

17) Все, не принадлежащие к господствующей церкви подданные Российского государства, пользуются каждый повсеместно, за исключением принадлежащих к вероучениям изуверным, свободными отправлениями — их веры и богослужения по обрядам оной, но без права пропаганды их.

Воспитание и образование

18) Все население должно быть грамотно и воспитано в уважении к труду, в благочестии, благонравии, уважении к старшим, в почитании воинского звания и безграничной любви к царю и отечеству.

Оборона государства

19) Все поголовно население подлежит отбыванию воинской повинности. Калеки, больные и другие, непригодные для несения строевой службы, отбывают повинность в нестроевых специальных командах.

20) Все нужное для обороны государства и снаряжения войск должно изготовляться средствами страны. Все фабрики и заводы государства должны быть приспособлены для изготовления военных снарядов и снаряжения.

21) Железнодорожная сеть и другие пути сообщения равно и подвижной состав должны быть приспособлены к обороне в любое время.

22) Принимая во внимание возможность в будущем столкновения с монгольскими государствами, флот Тихого океана должен превышать таковые же обеих соседних государств. Сибирь и восточная среднеазиатская граница должны быть охранены в полной мере.

23) Евреи по происхождению не должны быть допускаемы в войска ни под какими наименованиями, а в случае войны — выселены во внутренние губернии.

24) Необходимо ускорение понятия о высоком значении военного звания и уважения к нему.

25) Должны быть приняты меры для уменьшения смертности и значительного поднятия прироста русского населения.

Основы экономической политики

26) Народные монархические союзы, будучи по составу своему преимущественно союзами простонародными, ставят в основу своей экономической деятельности прежде всего заботу о благосостоянии широких народных масс, как то: крестьян, рабочих, мещан, разных служащих и вообще бедного малосостоятельного люда, интересы которых члены союзов должны поддерживать всегда, везде и во всем.

27) В первую очередь должно быть поднято благосостояние крестьянского хозяйства, как основа развития промышленности и связанного с ним благосостояния и остальной части населения.

28) Путем соразмерного поощрения развития промышленности и земледельческого хозяйства должно стремиться к совершеннейшему внутреннему товарообмену, дабы представить весь русский рынок русскому производству.

1916 г. Д.1054. Л.99-102об.

П.В. Бутенко¹ (Туапсе) —
 Ф.Л. фон-Климану² (Тифлис)
 3 июля 1916

За четыре дня до бомбардировки «Гебен»³ Туапсе, я заметил на горе, в 11 ч. вечера, сигналы светом, по азбуке Морзе. Поймать сигнальщика не удалось. Об этом я подробно рассказал одному из офицеров местного гарнизона, который обещал доложить начальнику гарнизона ген. Бабкину, но предупредил, что из этого ничего не выйдет, так как генерал больше всего на свете ценит свое собственное спокойствие. Этот офицер мне жаловался, что любую ночь в Туапсе идет сигнализация на море, но администрация никаких мер не принимает. Он предложил мне или собрать людей и самому, за свой страх и риск, заняться ловлей шпионов по горам, или донести о бездействии властей Начальнику штаба Кубанской области.

В Туапсе прибыл, имея разрешение из Петрограда, какой-то профессор-естествоиспытатель, по национальности немец, со специальной целью собирать по кавказским горам бабочек и жуков (ночных), для чего он ходит по горам с фонарем, на что имеет также разрешение центральной государственной власти. Если он порядочный человек, а не шпион, то почему он ходит исключительно по склонам гор, обращенным к морю. Даже если предположить, что многие эти действия представляют собою контршпионаж, то как согласовать это с постоянным потоплением наших транспортов южнее Туапсе. Ведь топят у одной только Лазаревки 5-й или 6-й раз за последнее полугодие.

Народ здесь волнуется, говорят, что нас продали немцам, и многие начинают опять выезжать из Туапсе. Что же произойдет, если турки высадят десант, хотя бы в 50 человек разбойников. Надо заметить что за 2-3 недели до бомбардировки здешний инструктор виноделия немец Бейнеман распускал среди баб слухи, что в случае появления «Гебена» стрельбы по городу не будет. 21 июня так и случилось: крейсер разнес весь старый порт, выстрелил через горы в Цементный завод, дал два выстрела в поезд и один в мост — вот и все. Откуда же знал это Бейнеман. Его до сих пор не трогают. Неужели и он контр-шпион.

Из всего сказанного я заключаю, что Россия, как государство, быстро идет к упадку: родину или открыто продают, или получают взятку от неприятеля за пассивное непротивление злу. Желающих же исполнить свой долг открыто преследуют, как меня,

провалив мое назначение в Петроград. Не Мышлаевский⁴ ли все это устроил, а ведь он — масон.

1916 г. Д.1046. Л.4-4об.

¹ *Бутенко* Петр Владимирович — домовладелец в Туапсе, поручик, председатель местного отдела СРЛ (1916). По слухам, дошедшим до его друга Г.И. Езерского, в 1920 Б. выехал в Грецию.

² *Климан фон* Федор Людвигович — военный чиновник в Тифлисе.

³ «*Гебен*» — германский крейсер, прошедший в 1916 в Черное море и потопивший несколько транспортных судов России.

⁴ *Мышлаевский* Александр Захарович (1856-?) — генерал от инф.; в 1913 — помощник по военной части Наместника на Кавказе. В 1914 уволен в отставку, в 1915 назначен в распоряжение военного министра.

32

С.Л. Облеухова¹ (Петроград) —
В.М. Пуришкевичу (Двинск)
25 сентября 1916

Вчера был в лавке Дубровин. Он просит Н.Д.² писать в «Русском знамени». Тот накалился на Дубровина и Глинку³ за то, что они хвалят Протопопова⁴. «Земщина» делает это оттого, что она куплена, а «Русское знамя» по тупости своей. Все это я сказала Дубровину, а он ответил, что они хвалят Протопопова в целях провокации, чтобы левые ругали. Вздор все это. Дубровин сильно завидует вам, это по всему видно.

1916 г. Д.1056. Л.649.

¹ *Облеухова* Софья Львовна — жена Н.Д. Облеухова, публицист, редактор «Вестника Русского собрания» в 1910. В 1911 являлась членом Русского собрания, с 1916 — членом Главной палаты СРЛ.

² Н.Д. Облеухов.

³ *Глинка-Янчевский* Станислав Казимирович (1844-1921) — предприниматель и публицист. В 1866-1875 занимался коммерцией в Туркестане. Позднее был сотрудником «Нового времени». С 1902 — действительный член Русского собрания; с 1910 — в СРН; в годы мировой войны редактировал «Земщину». Именно ему принадлежит пассаж о том, что «не Германия затеяла войну, а жиды...» (См. предисловие к наст. публ.).

⁴ *Протопопов* Александр Дмитриевич (1866-1918) — сибирский помещик (7 000 дес.) и суконный фабрикант, член 3-й и 4-й Гос. думы, фракция «Союза 17-го октября», товарищ председателя 4-й Гос. думы. С 16 сентября 1916 назначен управляющим министерством внутр. дел, с 20 декабря до февраля 1917 — министр внутр. дел. Сразу после революции арестован ВП. В 1918 расстрелян ВЧК.

33

К.Н. Пасхалов (Петроград) —
Н.А. Маклакову (Каменец Московской губ.)
2 октября 1916

Весь вчерашний день заседали мы в числе 13 персон, вырабатывая положение о съездах Монархических Единений, а затем приступили к выбору Председателя Совета за отказом от этого звания И.Г. Щегловитова. По моему предложению решили единогласно просить вас принять на себя эту обязанность.

Положение России не только тревожно, но и грозно, может быть, гораздо грознее, чем было в 1905 г. С тех пор правительство обессилило себя бесконечными уступками разрушительному стремлению, которые настолько же увеличивали это последнее. Настанет и даже настает момент, когда Верховной власти не на кого будет больше опереться, как на наши, ныне пренебрегаемые группы русских людей, сохранивших еще любовь и преданность своему происхождению и историческим заветам. Наш долг бороться за них до конца, как бы ни казалось безнадежно положение. И я горячо призываю вас: не отказывайтесь от предлагаемого вам положения. Станьте во главе всего монархического дела в России. Умоляю вас, не отказывайтесь поспешно, не губите тем только что организующееся, но столь необходимое теперь «Единение» правых. Не разочаровывайте же меня, докажите разницу между вами и Щегловитовыми.

1916 г. Д. 1056. Л. 675.

34

Н.П. Тихменев (Петроград) —
И.И. Дудниченко (Одесса)
6 октября 1916

В Петрограде из рук вон скверно. Назначение Протопопова уже одно может вам показать, до какого малодушия здесь дошли. Полная капитуляция перед банками и спекулянтами. А теперь еще

приближается время появления в Петрограде дрянной болтушки — Гос. думы, которая с своей стороны еще более припрет правительство и постарается выбить у него последние остатки чувства достоинства и твердости духа. В результате получится наконец то, что так давно и страстно желают революционеры, конституционалисты, а теперь и немцы. Российское правительство погрузится в тихо-идиотское состояние прогрессивного паралитика, а брошенную власть растащут кустари из городского и земского союзов, Таврического полупочтенного заведения и пр. Кто сей, уже начавшейся, а в будущем имеющей увеличиваться, анархией воспользуется — немцы или революционеры, трудно сказать; скорее всего и те, и другие. Наше кадетье воображает, что это оно воспользуется анархией, но, конечно, это совершеннейшая ерунда: их перебьют в первую голову. Революционные части вступают в интимные связи с крупными мерзавцами, негодяями и чудовищами, и даже ими делаются, но мелких паскудников и жуликов, как наше кадетье, или отправляют на эшафот, или, в лучшем случае, держат у себя в лакейских комнатах.

1916 г. Д.1057. Л.709.

35

С.Л. Облеухова (Петроград) —
В.М. Пуришкевичу (Одесса)
12 октября 1916

Меня в ужас приводит настроение улицы. Бессмысленное стояние в «хвостах» по несколько часов и озлобило, и распустило народ. Улица превратилась в клуб, где все недовольство и возмущение объединяет всех и вся. Нужна только малейшая искра, чтобы начались поголовные погромы.

1916 г. Д.1057. Л.754

36

И.И. Дудниченко (Одесса) —
А.И. Дубровину (Петроград)
15 октября 1916

Русскому студенчеству

Левая пресса, жида и «дружья молодежи» вопиют о студенческой нужде и обращаются к обществу с воззваниями о материальной помощи учащимся в высших учебных заведениях. Позвольте

мне, очень близко знакомому с этим вопросом, спросить гг. студентов — осведомлены ли они, что имеются громадные суммы денег, принадлежащих именно неимущим учащимся. Если осведомлены, то почему они умалчивают о этом факте. Левая пресса, жида и «друзья молодежи», разжигая недовольство и стремясь создать брожение в стенах высшей школы в наше политическое безвременье, прекрасно знают, о чем и о ком я говорю, но они умышленно не трогают этого вопроса, прекрасно учитывая всю его остроту, могущую отлиться в оголенную правду, которая очень больно ударит именно прогрессивный элемент, скрывающийся в своих карманах громадные суммы денег гг. студентов. Знает об этом и наше пресловутое Министерство народного просвещения, но и оно в свою очередь молчит, ибо тогда столкнется лицом к лицу с Всероссийским Земским и Городским союзами. Не рассказать ли вам об этой правде.

1916 г. Д. 1057. Л. 776.

37

И.И. Дудниченко (Одесса) —
П.В. Рябову¹ (Мотовилиха Пермской губ.)
15 октября 1916

Над родиной нависли грозные тучи. А в это самое время басковцы, в лице Марковского Совета, задумали узурпировать всю власть над всеми монархическими организациями, дабы играть перед правительством главную роль, завладеть всеми коренными учреждениями, выдаваемыми некоторым правым газетам и организациям. Цель одна — держать всех нас в ежовых рукавицах, лишить самостоятельности и приказывать нам делать то, что угодно, выгодно и полезно Маркову и К°, а отнюдь не родине. Нашими спинами хотят воспользоваться и создать себе силу и влияние, а нас всех свести к нулю. Довольно с нас позора, что «Русское Знамя» заполнили трупные черви и губят все наше дело. Перепевая старый и нелепый материал, дискредитируют орган и ведут его к гибели. Самые стойкие монархисты устраниются от дела и заменяются левыми, которые нас во всякое время предадут. Я знаю, что в некоторых правых органах устроились жида. Марков и К° устраивают съезд, на который им даны 40 000 руб. казенных денег. На них эти господа приведут своих крикунов и создадут свой совет, который будет нами распоряжаться, как молчаливыми животными. Вместо помощи, которая нам никогда не оказывалась, обурекутеры скрутят нас в бараний рог. Все это

имейте в виду, учтите наше положение и защищайте себя и все наше дело от посягательств. Предупреждайте об этом всех наших единомышленников. Храни всех нас Бог. Отвечайте, что сделаете.

ДП. ОО. 1916 г. Д.244. Т.2. Л.13-13об.

¹ *Рябов* Петр Васильевич (1870-?) проживал в 1916 в «Мотовилихинском заводе» (пригород Перми), председатель местного отдела СРН.

38

С.Л. Облеухова (Петроград) — В.М. Пуришкевичу (Бендеры)
18 октября 1916

Внутренние немцы разыгрывают на струне продовольственных неурядиц. Со всех сторон идут слухи, что на окраинах [города] разбросаны прокламации: «Война против войны»; происходят забастовки. На Путиловском [заводе] положение натянуто. Я не знаю, имеет ли это серьезное значение, но знаю наверное, что во всех воинских частях устроены дежурства. Знаю еще, что волынцы и семеновцы уехали, кажется, в Москву, где весьма нехорошо. Обыватели, как всегда, преувеличивают все, и город полон тревожных слухов. Самое скверное то, что, как говорят, в Москве какие-то воинские части отказались рассевать толпу. Трудно проверить такие слухи, но об этом все говорят, не дай Бог, чтобы немецкой партии удалось муссировать «бунт». Боюсь, что почва подготовлена дороговизной, а народ жестоко развращен целодневным стоянием на улице во всевозможных «хвостах». Такая толпа не станет рассуждать и думать о том, что сейчас бунты у нас нужны только немцам. Если когда-либо получите от меня телеграмму приблизительно такого содержания: «Заседание Совета Общества не может состояться без вас, возвращайтесь», то действительно возвращайтесь. Это будет значить, что здесь непокойно. Только прошу не волноваться и помнить, что если вас вызову, то не к крайности, а из предосторожности, несколько заранее.

1916 г. Д.1057. Л.792

39

И.И. Дудниченко (Одесса) —
Полонскому¹ (Новгород-Северск)
29 октября 1916

«Русское дело», по-моему, ведется далеко не так, как должно вестись. И здесь сказываются боязнь, шатание, двойствен-

ность. В этом заключается вся наша беда. Берутся за дело люди, которые не имеют ни гражданского мужества, ни смелости, ни политического чутья. Я с ужасом смотрю на развал работы и на полную никчемность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели родины. «Русское Знамя» ведется возмутительно, — не газета, а какой-то злобный листок. Не напишете ли вы об этом Дубровину. Из всех правых органов печати только «Земщина» и «Киев» еще удовлетворяют своему назначению, а все остальные — никому не нужная макулатура, а значит, и не читаемая. Удивляться этому не приходится: газета — сердце читателя, а если вместо сердца дается пустота, то понятно, что люди бегут от такой пустоты и выписывают газеты противоположного направления, дабы быть в курсе дела. Я изготовил вторую часть о развале школы и отправил для напечатания в количестве 1 000 экземпляров; полагаю, в половине ноября брошюра будет изготовлена, но выкупить ее смогу только тогда, когда уплачу все деньги. Даст ли мне что-либо Россия, не знаю. Вот и извольте работать при таком положении.

1916 г. Д. 1058. Л. 866.

¹ *Полонский* — полковник.

40

Архиепископ Антоний¹ (Харьков) —
Г.А. Щечкову (Петроград)
31 октября 1916

Очень плохо безвластие отражается внутри. Наивно думать, что общественные комиссии и многоголовые организации помогут в борьбе с дороговизной. У Милюкова, в его «Госуд[арственном] хозяйстве» вы найдете кое-что о Петре Великом и его борьбе с дороговизною. Ссылка будет пикантна.

Нам нужна твердая, сильная власть и быстрота, а не разговоры. Немцы обнаглели невероятно: за 10 дней были ими предсказаны беспорядки в Кременчуге². Они внушают, что Россия имеет право на сепаратный мир при внутренних смутах, а наши студенты бунтуют в руку врагу. Такая бестолочь, что и писать противно.

1916 г. Д. 1058. Л. 877.

¹ *Антоний* (Храповицкий Алексей Павлович) (1863-1936) — из дворянской семьи, сын генерала; в 1885 окончил Петербургскую духовную академию и принял монашество. Проповедник, церковный и политический деятель, педагог, духовный писатель. Один из организаторов СРН

(в 1905) и его отделов в провинции. С 1914 — архиепископ Харьковский и Ахтырский. В годы войны выступал с проповедями, которые высоко ценились правыми деятелями. После Февральской революции 1917 устранил с кафедры в связи с тем, что собрание прихожан обвинило его в возбуждении национальной и религиозной розни. При выборе патриарха получил наибольшее число голосов, однако по жребию был избран Тихон. 28 ноября возведен в сан митрополита, а 19 мая 1918 Украинским церковным Собором избран митрополитом Киевским. В 1921 выехал в Константинополь, затем в Сербию, где в течение 15 лет являлся главой Русской православной церкви за рубежом.

² Имеется в виду разгром магазинов солдатами Кременчугского распределительного пункта 25 октября 1916.

41

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
П.Ф. Булацелю¹ (Петроград)
8 ноября 1916

Временному совету монархических съездов в Петрограде²

От члена означенного Совета
Н.Н. Тихановича-Савицкого

Обращаю внимание Совета на желательность на предстоящем съезде монархистов 16 ноября затронуть следующие весьма существенные для нас вопросы:

1. О выяснении основ нашей экономической политики.
2. Обоснование взглядов на САМОДЕРЖАВИЕ.
3. Об исправлении неправильности кодификации новых Основных законов, для разработки означенных вопросов поручить вновь избранному общемонархическому Совету пригласить нужных лиц.
4. Что касается избрания общемонархического Совета, то считаю, что он будет пользоваться влиянием и иметь доверие лишь в том случае, если будет состоять из официальных представителей правых групп Гос. Совета, Гос. думы, объединенного дворянства, Главных Советов монархических организаций (Дубровин, Марков, Пуришкевич, Русское Собрание), а также нескольких энергичных и популярных монархических деятелей, как столичных (Булацель, А.Ф. Тихомиров, Облеухов, Бутми) и провинциальных: Пасхалов, Родзевич, Кельцев³, Образцов, Попов (Тамбов), профессор Залесский⁴ (Казань), профессор Вязигин, епископ Дмитрий Таврический⁵, Дмитрий Рязанский⁶, Митрофан Астраханский

(бывший товарищ председателя правой фракции Гос. думы)⁷, архимандрит Виталий⁸, Копылов (Ново-Николаевский)⁹ и др. особо выдающиеся по влиянию.

К БОРЬБЕ С ПОДГОТОВЛЯЕМОЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ РЕВОЛЮЦИЕЙ И К БОРЬБЕ С ДОРОГОВИЗНОЙ:

1. Противопоставить деревню городу. — Города готовят после войны революцию, рассчитывая на поддержку городских элементов армии — противопоставить им деревню, поддерживая ее интересы преимущественно пред городскими, что и справедливо.

2. Одна из главнейших причин дороговизны — необычайное поднятие цен на рабочие руки; цены эти надо постепенно, осторожно понизить; вопроса этого правым поднимать ни в каком случае открыто не следует, а надо добиться, чтобы дело это было возложено на города и земства, чтобы и недовольство населения пало на них и подорвало бы созданный левой прессой престиж их, которым они рассчитывают воспользоваться для поднятия народных масс. Инициатива должна исходить открыто от правительства — это для чиновников и интеллигенции.

3. Надо лишать прав и состояний и присуждать в арестантские роты лиц, берущих чрезмерные барыши на предметы первой необходимости и чем предприятие крупнее, тем выше должно быть наказание. Надо установить прибыли сверх себестоимости для предприятий промышленных, обычных хозяйств, а также для торговцев. Определить себестоимость при помощи книг или опроса судебным властям не представит труда. Быстрое судебное следствие должно производиться по требованию как административных властей, так и по показаниям отдельных лиц, обществ и учреждений.

ГЛАВНЫЕ ПОСОБНИКИ НЕМЦЕВ

4. На военную службу берут калек, тогда как богатые под разными предложениями избегают службы. Попавшие же на службу богатые и интеллигенция находят способ зачислиться на нестроевые должности. Множество состоятельных и имеющих протекцию лиц оставлены, как якобы работающие на оборону. Взятничество среди врачей громадное. Участие в незаконном освобождении принимают и председатели воинских присутствий — уездные предводители дворянства. Писаря воинских начальников вершат все дела, предоставляя имущим разные льготы. Возбужде-

ние в населении чрезвычайное. Надо это пресечь суровыми мерами, чтобы успокоить возбуждение; уж раздаются голоса о прекращении войны. Этот вопрос сейчас даже важнее продовольственного.

НЕ ОСТАВЬТЕ РОССИЮ К КОНЦУ ВОЙНЫ БЕЗОРУЖНОЙ

5. Следует немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне обеспечили бы русскую армию орудиями, снарядами, автомобилями и всем военным снаряжением и поставили бы ее в полную независимость от союзников и от нейтральных держав.

1916 г. Д. 1059. Л. 976-976б.

¹ *Булацель* Павел Федорович (1867-1919) — присяжный поверенный и литератор. С 1904 — член Русского собрания. Один из инициаторов создания СРН. В 1906-1907 — редактор «Русского знамени». Был членом правления Союза правой печати и почетным членом ряда провинциальных отделов СРН. В 1915-1916 издавал газету «Российский гражданин». Участник совещания монархистов в Петрограде (1915). В годы войны в издаваемой им газете делал высказывания в защиту германского кайзера Вильгельма, в пользу скорейшего заключения мира и т.п., которые частью правых расценивались как противоречащие интересам России (на этом основании он был исключен из организации СРН). В 1916 предпринимал усилия по исправлению кодификации Основных законов империи.

² Совет являлся координирующим центром правых организаций между съездами.

³ *Кельцев* Сергей Андреевич — чиновник и издатель. В 1881 — член Священной дружины. В 1900-е — д.ст.сов. С 1913 — пред. Совета Главного правления РМС и Московского отдела СРН. Издатель журнала «Коренник». Освещал докладами и справками для Департамента полиции деятельность правых организаций. На петроградском совещании монархистов (1915) избран секретарем Главного Совета съездов монархических организаций.

⁴ *Залесский* Владислав Николаевич — казанский помещик. Организатор Первого Волжско-Камского областного патриотического съезда (1908) и регионального Царско-народного общества, параллельного СРН. В 1909 в документах Департамента полиции расценивался как «почти октябрист».

⁵ *Димитрий* (в миру кн. Абашидзе Давид Ильич, в схиме — Антоний, 1867-1943) — православный иерарх. Окончил Новороссийский уни-

верситет (1891) и Киевскую духовную академию (1896). В 1902 хиротонисан во еп. Алавердского. С 1912 — еп. Таврический и Симферопольский, с 1915 — архиеп. там же. С 1919 до кон. 1920-х — в эмиграции, затем в Киеве, где принял схиму и пребывал в затворе, старчествовал.

⁶ *Димитрий* (в миру Сперовский Николай, 1865-1921) — православный иерарх. Окончил СПб. духовную академию (1891), в 1903 хиротонисан во еп. Кременецкого. В 1911-1917 — еп. Рязанский и Зарайский. С 1913 — почетный член Археологического об-ва. Возглавлял Рязанский отдел СРН, представлял его на совещании монархистов в Петрограде 21-23 ноября 1915. С июня 1917 по 1920 — на покое. С 1920 — архиеп. Старорусский.

⁷ *Митрофан* (в миру — Краснопольский Иван Васильевич, 1869-1919) — православный иерарх. Окончил Воронежскую духовную семинарию (1890) и Киевскую духовную академию (1897). В 1907 хиротонисан во еп. Гомельского. Член СРН. Был чл. Гос. думы 3-го созыва (тов. председателя правой фракции). С 6 июля 1916 — еп. Астраханский. Член Собора РПЦ в 1917-1918. Погиб в Астраханской ЧК.

⁸ *Виталий* (в миру — Максименко Василий Иванович, 1873-1960) — архимандрит Почаевской лавры, руководитель Почаевского отдела СРН — дубровинского (Волынская губ.). В 1906 и последующие годы играл немалую роль в борьбе с революционным движением. Однако вскоре стал использовать демагогические приемы при обращении к населению. Представители отделов, рассылавшиеся по Юго-Западу, внушали населению мысль о возможности освободиться от подчинения властям и о праве получить помещичью землю путем записи в члены Союза. МВД пресекло эту деятельность. Был участником совещания монархистов в Петрограде 21-23 ноября 1915. После октября 1917 проживал в Чехословакии, во время Второй мировой войны обосновался в США.

⁹ *Копылов* — деятель организации СРН в Новониколаевске. Организация СРН в этом городе получала средства из секретного фонда министра внутренних дел. К. участвовал в совещании правых в Петрограде в ноябре 1915.

42

В.Обр[азцов] (Екатеринослав) —
Г.А. Щечкову (Петроград)
14 ноября 1916

Не находите ли вы ясного подтверждения, что, кроме союзного согласия в борьбе на фронте, существует еще сверхсоюзное международное согласие против России.

Случайность ли то, что к открытию русского парламента с натиском в пользу ответственного министерства

1) Приноравливается провозглашение акта о восстановлении Польши.

2) Имеет последовать провозглашение самостоятельной Литвы.

3) Возбуждается восстание в Туркестане, вспыхнувшее преждевременно только по дикости народностей и руководящих ими заговорщиков.

4) Усиливается наглость финляндского сепаратизма.

5) Возбуждается племенной раздор призывом к «самостийности» Украины.

6) Проведуются с думской кафедры самоуправление и автономия грузинские и татарские.

7) Посылаются телеграммы из Америки от г. Вильсона гг. армянам о том, что в 120 тыс. церквей делаются в их пользу сборы и судьба Великой Армении близка сердцу Америки.

8) Посылаются «дружественные» телеграммы г. Брианом¹ о том, что по окончании войны союзниками будут удовлетворены «справедливые» национальные требования армян.

9) В Петрограде публикуются письма, которые во всяком случае должны оставаться секретными, как обвиняющие весь состав правительства (в несоблюдении высочайшего повеления 23 августа 1908 г. о своевременном сообщении законопроектов на заключение Государственной канцелярии) и т.д.

Говорят даже, что Милюков сделал ясный намек на поддержку своего шантажа со стороны союзной нам Англии.

Все это лишь слабые и поверхностные признаки того, что за видимым союзом и согласием есть еще невидимые.

«Победа близка», сказал военный министр Шуваев². Дай бог. Но далеко не мешает быть начеку. Великая наша патриотическая сила — деревня еще не затронута разлагающим ядом милюковщины. Но резервы заговоров продвинуты к самому тылу: все канцелярии, непосредственно близкие к призыву ратников, переполнены инородцами. Некоторые меры, особенно при злостном применении их, кажутся прямо провокационными. Пример — розги за самовольный проезд солдата по трамваю. Есть солдаты, у которых уже по несколько сыновей убито и едва ли благоразумно подвергать таких телесному наказанию, отмененному в 1915 году. Есть солдаты с высшим образованием, которых гг. инородцы намеренно унижают.

Если та же сила шпионства и предательства сумеет подготовить какую-нибудь крупную неудачу, то победа может оказаться и неблизкою и воевать придется с врагом внутренним.

1916 г. Д. 1060. Л. 1091.

¹ *Бриан* Аристид (1862-1932) — министр иностранных дел Франции.

² *Шуваев* Дмитрий Савельевич (1854-1937) — генерал от инфантерии (1912). В 1909-1916 — начальник интендантского управления. В 1916 назначен военным министром, но уже в январе 1917 получил отставку. Будучи министром, Ш. видел необходимость «согласованной работы» с общественными организациями (в целях лучшего снабжения армии). После октября 1917 преподавал в военно-учебных заведениях Кр. армии.

43

Я.Д.Скворцов¹ (Москва) —
В.М. Пуришкевичу (Петроград)
22 ноября 1916

Спешу выразить вам великую благодарность за вашу услугу нашему Царю-Батюшке и матушке России и всему русскому народу. Вы высказали то, чего от вас ждала вся Россия, и мы к вашему голосу прислушаемся. Мы о вас слышим с фронта от наших братьев и детей, что, кроме великой благодарности, вы ничего не заслуживаете. Я рабочий и секретарь Союза русского народа, а как узнал, что вы стали беспартийным, то я сейчас же подаю заявление председателю и выхожу из монархического союза, хотя в душе буду предан своему Батюшке-Царю. Я не только от себя пишу, я слышу не одну тысячу людей, которые вам сочувствуют. Вы своею речью как бы рассеяли туман в поле.

1916 г. Д.1062. Л.1218.

¹ *Скворцов* Я.Д. — рабочий, секретарь организации СРН на Даниловской мануфактуре в Москве. В ноябре 1916 под влиянием заявления В.М. Пуришкевича о выходе из фракции правых в Думе пожелал выйти из организации, оставаясь «беспартийным монархистом».

44

Н.Д. Тальберг¹ (Петроград) — С.С. Онгирскому² (Курск)
8 декабря 1916

Совершенно определенно идет подготовка к революции, и хуже всего то, что в этом подлом деле принимают участие многие из тех, которые с ужасом будут взирать потом на плоды своих рук. В стране повальное сумасшествие, и каждый старается в этой грустной области побить рекорд. Вы не можете себе даже предста-

вить, что здесь открыто говорится и откуда идут источники всяких мерзостей. Библейский Хам чувствовал бы себя в настоящее время героем, так как имел бы неисчислимое количество поклонников, старающихся пересилить друг друга в измывательствах над святое святых нашего исторического бытия.

Нас, правых, травят, но мало кто понимает, что мы переживаем в душе. Они не постигают, что холопами являются не те, которые, несмотря на многое, не изменяют своей присяге, а те, которые бегут в хвосте так называемого общественного мнения.

1916 г. Д.1065. Л.1546.

¹ *Тальберг* Николай Дмитриевич (1886 — после 1950) — дворянин. До 1917 — чиновник (V класса), позднее — историк, публицист. В годы войны чиновник особых поручений при министре внутр. дел. Был непримиримым сторонником восстановления кодификации Основных законов империи в том виде, в каком она существовала до царского Манифеста 17 октября 1905. В период гражданской войны возглавлял министерство внутр. дел гетмана Скоропадского, после падения которого эмигрировал в Болгарию; затем переехал в Берлин. В мае 1921 был участником «все-русского съезда монархистов» в Рейхенгале (Германия). После Второй мировой войны переехал в США.

² *Онгирский* С.С. — советник Курского губернского правления (1916).

45

И.И. Дудниченко (Столбцы Минской губ.) —
З.М. Синельниковой (Одесса)
8 декабря 1916

В тылу у нас только разговаривают, но вступать в активную борьбу боятся, ибо личная жизнь становится на первое место. Я задыхался в той атмосфере и ушел на борьбу. В результате, видимый, якобы, проигрыш дела, а я считаю, что оно выиграно, так как те, коим все знать и ведать надлежит об исторических устоях Св. Руси, глубоко призадумались над совершающимися событиями. Я вижу, верю, что крутой поворот влево остановился и нашею рукою затормозился. Надолго ли? Это трудно сказать, но Россия уже остановлена в своем стремлении сваливаться в бездонную пропасть. Когда желают пошатнуть трон, прежде всего расшатывают престол, — это мы и наблюдаем. Антигосударственные силы поняли опасность и уходят в подполье до нового момента. Грозная, тяжкая борьба, которая жертв искупительных

просит, только разгорается. Мобилизуются обе стороны. Война раскрыла все гнойники, обнажила всю людскую подлость. Будь подлецом, предателем, развратником, и ты получишь все блага жизни; хочешь быть идеалистом и стоять выше других по своим убеждениям, целям и стремлениям, — уйди от нас, справляющих пир во время чумы и тризну по Святой Руси... Вот тебе разгадка в осуждении меня. Нет, жить так нельзя. Надо бороться, ибо наблюдаются невиданные в анналах нашей истории дикая, бешеная свистопляска, вакханалия, разврат и грабеж.

1916 г. Д.1065. Л.1546.

46

А.И. Соболевский (Москва) — М.А. Орфенову (Тула)
3 января 1917

Спасибо за доброе мнение о Славянском Обществе. При мне оно идет спокойно по старой дороге: бесед на политические темы много, участвуют крупные люди (в последнее время бежавший из Австрии депутат Венского парламента Дюрих), принимаем решения, но... работа германской агентуры идет вовсю. Теперь, когда Германия находится в чрезвычайно тяжелом положении и жаждет приличного мира, выдвигаются наши революционные силы. Вы помните конец русско-японской войны. Напрягаются все усилия, чтобы помочь Германии. Здесь и Гос. дума, и студенты, и заводские рабочие; вероятно, выступят на сцену и железные дороги. Вообще, все будет сделано, чтобы сломить нашу энергию. Ой, как много предательства и глупости.

Мне только что пошел 61-й год жизни, и я думал об окончательном переезде в Москву, чтобы заняться в тиши и спокойствии мирными трудами в области науки, но 1 января прочел в газетах о назначении меня в Гос. совет — рассматривать проект нового Университетского устава, составленный печальной памяти графом Игнатьевым и уже представленный в Гос. думу.

1917 г. (оп. 265). Д.1068. Л.21.

47

К.Н.Пасхалов (Алексин Тульской губ.) —
С.В. Левашову (Петроград)
5 января 1917

Можно ли удивляться тому, что дело наше гложет, а революционное процветает? Нас, провинциалов, следовало бы

будить, тормошить, побуждать к содействию на местах, а от нас презрительно отворачиваются даже тогда, когда мы предлагаем помощь, и оставляют совершенно в потемках о том, что делается, что нужно делать и что нужно распространять. В поганейшем «Утре России»¹ появилась заметка о предполагаемом созыве монархического съезда в Петрограде и председателем организационного комитета по созыву съезда выбран бывший министр Н. А. Маклаков. Неужели это сплошная ложь, в которой нет ни слова правды, или же действительно было совещание и Маклаков согласился принять участие в деятельности монархических организаций? Теперь, когда в ряды правительства и Гос. совета призваны люди совершенно определенного направления, наступил благоприятный момент для поражения «пораженческой» «общественности» и организации настоящей русской. Но для этого надо развить и кипучую деятельность при полном содействии правительству и, главное, власти.

1917 г. Д.1068. Л.43.

¹ «Утро России» — ежедневная газета, издававшаяся П. П. Рябушинским. Выходила в Москве в 1907, 1909-1916.

48

Н. Н. Родзевич (Бердичев) —
И. Г. Щегловитову (Петроград)
5 января 1917

Никогда так пламенно не желал я успехов в нашей внешней и внутренней политике, как именно теперь, когда к власти призваны правые. Ведь теперь неудачный шаг может окончательно погубить правое дело и в глазах царя, и в глазах населения. Позволю себе привести выдержку из всеподданнейшей телеграммы, отправленной недавно Тамбовским Союзом русских людей: «Твои верноподданные верят только тебе, помазаннику Божию, желают министерства, ответственного только перед тобой и законом, но желают, чтобы ответственность министров была видна всему народу и подтверждалась фактами, чтобы деятельность министров была чиста, как стекло, и чтобы никто безнаказанно не осмеливался клеветать на них, чтобы по всякому против них обвинению немедленно производилось судебное следствие». Я с уверенностью могу сказать, что этого желают правые, что этого желает и масса населения, за исключением, конечно, распропаганди-

рованной его части, которую ничем, кроме демократической республики, не удовлетворить. Но такая политика вырвет почву из-под ног левых агитаторов. Необходимо властное обуздание мародеров и прекращение преступной агитации, ведомой печатью и особенно Гос. думой.

1917 г. Д.1068. Л.40.

49

Ю.А. Кулаковский (Киев) —
А.И. Соболевскому (Москва)
6 января 1917

Положение стало еще резче. А если Думу распустят, то, ведь; это внесет еще большее раздражение и недовольство, которого и так уж слишком много. Выборгское воззвание в свое время было буффонадой, но что-нибудь подобное теперь было бы уже прямой угрозой государственному порядку. Страшно за будущее. «Войну на истощение» могут вести Англия и Франция, умеющие не допустить разрухи внутри себя, по силам ли это нам?

Вы мне объяснили смысл съезда правых с вмешательством Щегловитова. Но неужели можно считать какой-либо силой Маркова или «Земщину», «Колокол», «Саратовскую Волгу»? Это рептилии, а не сила, откочевавшая в другую струю. Если самодержавие в прежнее время было самодержавием бюрократии, то теперь, после продолжительного периода чехарды министров, трудно сказать, что такое самодержавие. Ему нужно обновиться.

Слухи о предательстве и измене ползут и в ряды солдат.

1917 г. Д.1068. Л.48.

¹ «Колокол» — правая газета, издававшаяся в Москве В.М. Скворцовым. «Саратовская Волга» — газета «Волга», издававшаяся в Саратове Н.П. Тихменевым.

50

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Союзам правых
13 января 1917

Международная интрига, ныне руководимая Вильгельмом и еврейями, давно уже решила ниспровергнуть в России опору ее могущества — власть Царя и передать таковую в руки думцев, после чего последует распад России.

Орудием этого замысла служит беспочвенная интеллигенция, заранее обработанная в желаемом направлении фальшивой наукой, литературой и печатью, возглавляемая ныне тайно объединенными: Главным Комитетом Союзов Земств и Городов в Москве (Львов, Челноков, Астров и Гучков негласно) и Комитетом еврейской партии ка-де, руководимой евреями Винавером и Гессеном и их приспешником Милюковым. В какой среде работает немецкий ставленник Гучков — вам известно. Другой ставленник немцев, Родзянко, пособляет наверху.

План таков: пользуясь политической неразвитостью и доверчивостью населения, а также промахом и ошибками власти и высокопоставленных лиц и распуская преувеличенные ими совершенно вздорные, смущающие и удручающие всех слухи при помощи Государственной думы, поддерживаемой съездами и печатью, а с мест — резолюциями и другими возбуждающими местное население действиями городских и земских самоуправлений, общественных, продовольственных собраний и кооперативов, направляемых той же московской шайкой заговорщиков при помощи подобранных лиц на местах, — восстановить всю страну против правительства и царя и, создав в населении и в армии угнетенное настроение или — заставить уступить им добровольно — или совершить насильственный государственный переворот, не прибегая для этого к уличной революции...

Настойчиво, многократно, неотступно требуйте от Правительства уничтожения теперешнего Главного Московского комитета Союза Земств и Городов, замены его лицами по назначению от Правительства, с одновременным переводом всего Союза на военное положение.

Требуйте восстановления поправленного закона, не отпускающего политической деятельности местным самоуправлениям и общественным организациям: для таковой существуют партии.

Просите о том же царя и царицу.

ДП. ОО. 1917 г. Д.244. Л.33-33об.

51

Н.Н. Родзевич (Каменец-Подольск) —
П.М. Латугиной¹ (Одесса)
14 января 1917

Неприменно к 14 [февраля]² надо обратиться с ходатайством об укреплении самодержавия, в феврале поводов к этому много. Еще имейте в виду, что главный оплот самодержавия теперь

Государыня. Это поняли левые, оттуда и поход на «безответственные влияния», клевета о германофильстве и т.д. Надо обращаться и к ней. О всем этом у меня есть точные данные. Передайте все это по возможности и другим организациям.

1917 г. Д.1068. Л.100.

¹ Латугина П.М. — адресат, используемый Н.Н. Родзевичем при переписке. На внутреннем конверте надпись: Ивану Александровичу, т.е. И.А. Аносову — инженеру-технологу, в годы войны — товарищу председателя, а с осени 1916 — председателю Одесского отдела СРЛ.

² 14 февраля 1917 начинала работу очередная сессия 4-й Гос. думы.

52

А.С. Вязигин (Харьков) —
А.А. Ширинскому-Шихматову (Петроград)
15 января 1917

Совершенно случайно я был принят И.Г.Щ.¹, который после довольно продолжительной беседы со мной выразил намерение «содействовать осуществлению давнего и единого желания правой группы видеть меня в ее рядах»². Эта очень высокая и не заслуженная мною честь, конечно, создает вполне прочное положение и позволяет работать на хорошо мне знакомом политическом поприще, где я, кажется, смогу принести некоторую пользу. Ведь в 4-й Гос. думе, по чрезвычайно огорчившему меня [сообщению] Г.Г.З. и Н.Е.М.³, правые теперь не имеют никакого значения, тогда как в 3-й они занимали несколько иное положение. Мне думается, что можно было бы избежать скандального распада фракции, крайнего обострения отношений, утраты талантливого В.М.⁴, нуждающегося иногда в дружеском воздействии.

Горько видеть эти печальные плоды ошибок, неумения объединять людей вокруг общего дела и единого знамени. Тем не менее, остается в полной силе жгучая и неотложная потребность сплочения всех ныне разрозненных верноподданных и законопослушных элементов для посильного отпора надвигающейся грозной исторической непогоды. К счастью, в России все еще много друзей порядка, все еще преобладает жажда внутреннего мира, все еще крепко сказывается стихийное желание победы на бранном поле.

Желаю вам полного успеха в вашей работе над искоренением омерзительных уловок, выдвигаемых «земгусарами», чтобы укло-

ниться от службы в рядах доблестной русской армии. Эта тля разъедает тыл и внушает опасный соблазн следовать примеру ловкачей. Эти гады уцелеют, богатыри погибнут, что же ждет нашу бедную родину, когда ей придется приступить к излечению нанесенных войною ран.

1917 г. Д.1069. Л.8.

¹ И.Г. Щегловитов.

² Речь идет об избрании Вязигина членом Гос. совета.

³ Г.Г. Замысловский; *Н.Е.М.* — Н.Е. Марков.

⁴ Вероятно, В.М. Пуришкевич: имеется в виду его выход из фракции правых в 4-й Гос. думе.

53

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Г.Г. Замысловскому (Петроград)
18 января 1917

Я, кажется, говорил вам, что известная вам Особа¹ на мое указание на необходимость скорейшего исправления неправильной кодификации Основных законов ответила, что также находит это очень важным, говорил, кажется, и про то, что Гредингер² прежде не соглашался взять на себя эту работу, ссылаясь на бесплодность ее, вследствие уверенности его в том, что через два месяца все равно премьером будет Милюков, но потом согласился, а Бутми, бывшему у него, сказал, что если он взялся, то сделает. Булацель тоже хочет заняться этим. И вас я прошу присоединиться к ним. Только может быть Гредингер не захочет это сделать гласным, хотя я писал Булацелю, чтобы он при случае поговорил бы с ним. С работой этой надо поспешить, чтобы или во время войны, если к этому будет предлог, или тотчас по окончании войны, последовали бы исправления; добиться этого нам надо непременно, а для этого нужно иметь в кармане готовые проекты: 1) с основательными изменениями, 2) со средними, 3) с незначительными, легко приемлемыми (без страха), но в каждом из них следует оставить лазейку, допускающую дальнейшие совершенствования их в порядке Верховного управления, правильное понятие о котором следует восстановить, так как в 1906 г. оно искажено. Дело это знают: я, вы, Марков, Гредингер, Бутми, Булацель и довольно. Если узнает П.³, то испортит все и там,

и вообще; он интриган и рубит с плеча. Я так пишу, что если кто прочтет посторонний, подумает, что дело идет о каком-то заговоре.

В Петрограде я упорно настаивал на запрещении политической деятельности городским и земским самоуправлениям, законом им не предоставленной. Не знаю, это ли подействовало, или сами, наконец, надумали, но дня четыре назад Протопопов разослал губернаторам циркуляр, запрещающий земским и городским самоуправлениям обсуждение общеполитических вопросов, о чем предложил довести до сведения городских голов и председателей земств⁴. С виду как будто хорошо, но губернатор уверяет, что это ни к чему: при жалобе на председателей земских управ Сенату последний отнесется формально и затынет, а возбужденные против городских голов дела по городскому положению ничего не дадут. Говорят, что это Протопопову нарочно подсунули; с виду как будто приняты меры, а на деле ничего.

О возбужденном мною деле по допущению городским головой⁵ опорочивания царицы в Астраханской думе прокурор, губернатор и жандармский полковник послали запрос в Саратов, в Палату, как поступить. Соболезнуют, что нет до сих пор ответа. Скажите от меня по телефону Добровольскому⁶ и Протопопову, чтобы по телеграфу дали указания, по какой статье привлечь городского голову, что дела этого затягивать нельзя, для примера другим головам.

1917 г. Д.1069. Л.119-119об.

¹ Царица.

² *Гредингер* Федор Иосифович (1851-1917) — сановник, сенатор. Окончил СПб. ун-т. С 1895 — тов. прокурора СПб. судебн. палаты, с 1902 — тов. обер-прокурора Уголовно-кассационного деп-та Сената, с 1904 — пред. Уголовного деп-та СПб. судебн. палаты и чл. Комиссии к введению новых уложений; с 1907 — сенатор Уголовно-кассационного деп-та.

³ Вероятно, В.М. Пуришкевич.

⁴ Это было связано с резолюциями, принятыми в конце 1916 съездами Земского и городского союзов. Общеземский съезд в Москве 9 декабря 1916 заявил: «Должно быть создано правительство, достойное великого народа и сильное ответственностью перед народом и народным представительством, и только когда это свершится, самые великие трудности, стоящие перед Россией, не окажутся для нее непреодолимыми».

⁵ Речь идет о Кравченко.

⁶ *Добровольский* Николай Александрович (1854-1918) — сенатор, егермейстер. Обер-прокурор Первого департамента Сената. 20 ноября 1916 назначен управляющим Министерством юстиции.

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Н.А. Маклакову (Петроград)
31 января 1917

Прежде всего позвольте вас поблагодарить за превосходную речь, произнесенную вами в Гос. совете. Вы говорите выпукло и вдобавок красиво, и вам следует выступать с разъяснениями как можно чаще, это даст опору многим правым из общества.

Указания, полученные мною от вас во время свидания нашего в июне прошлого года, я в подходящий момент использовал, и они могут сослужить нам большую службу, если я буду поддержан, в смысле хорошей рекомендации, видными правыми наверху. Крайне сожалею, что не застал вас на рождестве в Петрограде, куда я спешно выехал перед самыми праздниками после того, как астраханский городской голова, приехав с неразрешенного московского съезда, заявил в частном совещании гласных, что на съезде обсуждался вопрос о Временном правительстве и что на местах надо подготовить подходящих людей. В Москве от Назаревского¹ и др. узнал о происходивших в это время там тайных совещаниях главарей Земгора с Милюковым и Шингаревым, в качестве представителей блока. Оказалось, что Протопопов не знал еще об этом и во время разговора со мной, снесясь с Москвой по телефону, уверял меня, что там все благополучно, и узнал о совещаниях лишь через три дня. Или это действительная неосведомленность, или его подводят. И в том, и в другом случае плохо. Протопопов человек беспринципный, и несмотря на уверения наших правых, что он поставлен в безвыходное положение, я боюсь, что он обманет.

То, что я буду сейчас писать вам, знают только Марков, Замысловский, Булацель, Пасхалов и вы; И.Г. Щегловитову подробностей не говорил, хотя императрица и предупредила его, что я буду говорить с ним. На третий день моего приезда я беседовал с царицей почти целый час; выяснил ей опасность положения, говорил без обиняков, как я всегда говорю, высказал, какие по нашему мнению следует принять меры теперь, а также потом, коренные, указывал на невозможность продолжения той политики, которая до сих пор велась; что необходим решительный поворот, и чем скорее, тем лучше; на необходимость не откладывать изменения предательски составленных Основных Законов. — Да. — Просил поддержать государя и помогать, чтобы наши представления по возможности принимались бы во внимание. Тоже. Просил права доступа к государю и к царице в любое время, по наше-

му усмотрению, в случаях, которые признаем важными. К сожалению, не могу передать того, что говорила царица. Впечатление я вынес в высшей степени отрадное. При прощании царица сказала мне без переводчицы, сама, на ухо: «Государь велел передать вам поклон и сказать, что любит и ценит вас». Это оценка деятельности всех нас, правых. По приказанию царицы я говорил с князем Голицыным, Добровольским, Раевым² и Щегловитовым. Я сказал царице, что из беседы с Протопоповым не вынес хорошего впечатления. Хвалил вас и Щегловитова. Щегловитов на отличном для нас месте³. Надо бы, чтобы и вы опять встали ближе к царю, только как, куда, Государь обещал в следующий приезд мой со мною повидаться. А.А. Вырубова⁴, моя переводчица, передала, что мой разговор произвел на государыню впечатление. 30-го я послал через К.Д. Нилова письмо государю. Марков, Замысловский и Булацель говорят, что мною сделано большое дело. Дай бог. Только надолго ли. Я так разуверился. При случае, при разговоре с государем или с государыней поддерживайте меня или попросите это делать кого-нибудь из правых, если у вас не будет случая, чтобы не дать заглухнуть впечатлению и использовать меня в нужное время. Н.П. Раев сказал верно: «мы должны объединиться сверху донизу». И поддержать друг друга всеми мерами, не разбираясь ни в положениях, ни в симпатиях, добавляю я. Говорят, государь в Ставке на три четверти окружен гучковцами, а Воейков⁵ и другие советуют ему не раздражать «общественности», а нам надо добиться, чтобы окружить государя и в Царском, и в Ставке только правыми, и к этому надо идти сейчас. И надо быть ближе к царице, не дать ей уйти от нас.

Так как ваши указания привели к благим результатам, то не найдете ли и теперь, что сказать, чем я мог бы воспользоваться. Если вы найдете о чем-либо писать нежелательным, на случай вскрытия письма, то велите это напечатать на машинке. С К. Пасхаловым мы возобновили переписку; вот бодрый и умный старик, только я не согласен с ним в его определении государственного строя при самодержавии, нахожу, что указываемый им порядок подрывает важнейшие основы монархизма. К.Н.⁶ недоволен, что вы отказались быть председателем Временного Совета монархических съездов, но я и тут не согласен с ним, находя, что и вы, и Щегловитов поступили правильно.

Получение этого письма прошу подтвердить непременно, иначе буду беспокоиться.

Время сейчас опять тревожное, левые готовятся к открытию Думы и к полному торжеству. Надо настоять на решительных мерах.

Скажите, Николай Алексеевич, откровенно, если бы у нас произошел мятеж посильнее 1905 г. и с участием войск, вы взялись бы усмирить его, если бы вас назначить в это время опять министром внутренних дел. Есть ли у вас план на этот случай? Не можете ли вы узнать и указать мне нескольких военачальников, популярных в войсках, сильно правых, на которых можно было бы вполне положиться.

1916 г. Д.1070. Л.10-11.

¹ Вероятно, В.В. *Назаревский* — редактор «Московских новостей».

² *Раев* Николай Павлович — сын петроградского митрополита Палладия. С 30 августа 1916 — Обер-прокурор Синода.

³ Имеется в виду, что с 1 января 1917 Щ. стал председателем Гос. совета.

⁴ *Вырубова* Анна Александровна (1884-1964) — урожд. Танеева, с 1904 — фрейлина царского двора, любимая фрейлина последней царицы. Была проводником влияния Распутина.

⁵ *Воейков* Владимир Николаевич (1868-?) — генерал-майор Свигты Е.И.В., в 1913-1917 — дворцовый комендант; выступал против распутинского влияния на царя и царицу; накануне февральских событий 1917 высказывался за решительное пресечение «революционного движения»; один из «высоких» покровителей СРН. После 1917 — эмигрировал.

⁶ К.Н. Пасхалов.

55

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Н.Е. Маркову (Петроград)
8 февраля 1917

На предстоящем монархическом съезде во всех речах следует подчеркнуть: 1) предательство левыми страны во время войны своим поведением; бросить им в лицо прямо, что вожаки их куплены немцами, что Дума предает Россию, что она подкуплена агентами Вильгельма; это доказала ноябрьская речь Милюкова, старательно распространенная немцами и жидами по всей России, и все дальнейшее поведение левых, направляемое из Берлина; если правительство плохо, а левые были бы патриотами, то сказали бы: «будем и с плохим правительством работать», а не трясли бы страну два года. Левые отлично знают, что царь не может

отдать им свою власть, в которой не волен, а требуют; — явное предательство. 2) Указать, что Союзы земств и городов скоро превратятся в собрания воров, растратчиков народных денег и в учреждения для укрытия от воинской повинности богатых и жидов. Нужен государственный контроль. Нужна смена главного комитета. Съезд должен дискредитировать в глазах народа Земгор и Думу и поднять авторитет царя и царицы.

Следует позаботиться, чтобы Телеграфное агентство сделало бы из съезда, если он удастся, событие и передавало бы все выдающиеся речи в редакции, просмотренной председателем съезда, а от правительства потребовать, чтобы газеты не скрывали эти телеграммы.

Правым необходимо создать такой Совет, который, объединяя все организованные правые группы страны, пользовался бы популярностью, доверием и влиянием на государственные дела. Такой совет следовало создать давно, и тогда у нас все пошло бы иначе и неизбежные раздоры среди монархистов за местничество не имели бы столь губительных последствий.

Вы не известили меня, в каком положении дело о привлечении к суду Кравченко за оскорбление царицы; почему так медлят. — Почему в других епархиях не следуют примеру Астраханской по использованию телеграммы царицы для ее обеления, хотя и Раев, и Протопопов мне это обещали.

1917 г. Д.1071. Л.28.

56

П.Веселов (Москва) —
В.А. Демидову (Нижний Новгород)
10 февраля 1917

Удушливые жидо-немецкие газеты совершенно одурманили русские головы. Ведь дело дошло до того, что московское дворянство, всегда стоявшее на высоте сознания политического момента и патриотического долга, вдруг в своей резолюции присоединилось к желтому блоку и выразило сочувствие предательским членам Гос. совета и дворянского съезда в Петрограде. Что же это такое. Передовое сословие добровольно лезет в жидо-немецкую пасть в лице Милюковых, Гучкова, руководителей желтого блока, представляющих из себя полную копию изменников и предателей смутного времени — Мишку Салтыкова и Федьку Андронova, преданных проклятию Свят. Гермогеном¹. Все наше горе в жидовских газетах, которые напустили такую ужасную муть

в русские головы. Многие не умеют отделить принцип от личности, олицетворяющей этот принцип. Многие не понимают того, что министерство общественного доверия означает деспотизм Гучкова и Милюкова, пользующихся только жидовским доверием в своих газетах. Многие думают, что самодержавие только на время можно устранить из нашего обихода, а потом-де можно восстановить его. Они широко раскрывают глаза, когда им разъясняют, что стоит только раз выпустить из рук это приобретенное веками страданий политическое сокровище, чтобы потом никогда не вернуть его. Другие полагают, что вся суть в каком-нибудь Гришке и радуются устранению его. Конечно, — Гришка вредное явление, но совсем не в том отношении, как это думают. Последние известия (наиболее достоверные) гласят, что Гришка, быв агентом Вильгельма при дворе и окруженный четырьмя жидовскими банкирами, был устранен англичанами, и что никакие князья тут ни при чем. Так 11-го марта 1801 г. англичане устранили вредного для них Павла I. Смута в умах, жидовский туман — вот главное [нрзб. 1 сл.] нашей жизни, и это ведет нас к поражению, столь желанному для Гучкова и Милюкова.

1917 г. Д.1071. Л.36.

¹ *Гермоген* (ок. 1530-1612) — патриарх Московский и Всея Руси (с 1606). Активно содействовал боярскому царю В.Шуйскому в подавлении крестьянской войны под руководством И.Болотникова. Выступал против польско-литовских интервентов, захвативших Москву в сент. 1610.

57

А.С. Вязигин (Харьков) — Г.А. Щечкову (Петроград)
14 февраля 1917

Положение дел меня очень тревожит. Я упорно продолжаю думать, что в продовольственной неразберихе главная вина падает на злую волю разных «левоблочных уполномоченных». Скупка идет при посредстве беженцев, очень наглых и враждебных России. Работают и внутренние немцы. Последние думают о победе фатерланда, а ненавидящие Россию, ее же тупые сыны «прогрессисты», мечтают о революции, низвержении существующего строя и облизываются в надежде на скорый захват власти. Нужна конфискация запасов по принудительной цене. Денег нет — пусть выпустят специальный заем. Каждый даст для покупки предметов первой необходимости. Нужно обложить прибыль, а не имущество

во. Иначе произойдет экономический кризис и зѣмли, дома, предприятия попадут в жидовские руки.

Неясно ведет себя земство, у нас передовые волчанцы¹ обложили по 2 ¹/₂ фунта сала с десятины. Откуда мы, сдающие землю в аренду, можем взять сало, когда его в городе нельзя достать ни за какие деньги? Обязаны мы доставить ¹/₁₇ скота. У нас одна корова... Что же прикажете делать? Из уезда сообщают, что эта мудрость уже вызвала столкновение с населением. Что, конечно, только и нужно нашим прогрессивным рыболовам. Нарочно мутить воду, чтобы поймать власть. Правительство тоже великолепно.

Очень буду рад, если напишете о своих петроградских впечатлениях.

Ведь в январе я был в Петрограде по особому вызову, но предпочел остаться профессором, чем ломать всю жизнь за полчаса пребывания у власти в качестве помощника.

1917 г. Д.1070. Л.56.

¹ Руководители земства в Волчанском уезде Харьковской губ.

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
А.И. Дубровину (Петроград)
15 февраля 1917

Марков разослал союзам приглашения на съезд Монархических единений, на котором будет избран и новый Совет этих единений. Вам также следует разослать всем приглашения на этот съезд и от себя; а потом надо разослать приглашение и Временному совету, как устроителю съезда. Если приглашения будут исходить лишь от союзов русского народа, то многие, не входящие в их состав, уклонятся; об этом я написал и Маркову. Переговорили бы вы с Треповым¹, чтобы привлечь в Совет монархистов официально видных деятелей Гос. совета. Если бы удалось взять Трепова в Совет председателей, это было бы для нас большим успехом во всех отношениях. Не забывайте мое предчувствие: Протопопов нас предаст.

1917 г. Д.1070. Л.59.

¹ Трепов Александр Федорович (1864-1928) — с 10 ноября по 27 декабря 1916 — председатель Совета министров. После 1917 — эмигрировал.

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
Г.Г. Замысловскому (Петроград)
15 февраля 1917

Кажется, мои опасения начинают сбываться: уверен, что Орлов и Скворцов¹ являются орудиями Протопопова. Сделанное Протопоповым распоряжение не препятствовать проживанию евреев в сельских местностях, вне черты оседлости, — первое издевательство, за которым последует ряд других. Если это подтвердится, то я подниму целый скандал.

Займитесь, пожалуйста, Основными законами, войдите в связь с Щечковым, он интересуется этим; мне он на мое письмо в мае прошлого года прислал целый доклад. Пока мы не добьемся исправления их, — не добьемся ничего; толчение воды в ступе.

1917 г. Д.1070. Л.61.

¹ Вероятно, *Скворцов* Василий Михайлович (1859-?) — землевладелец и издатель. Из семьи священника. Окончил Киевскую духовную академию. С 1895 — чиновник особых поручений при Обер-прокуроре Св. Синода, в 1915 уволен в отставку в чине т.сов. Издавал журн. «Миссионерское обозрение» и «Голос истины» и газ. «Колокол». Как и Орлов, летом 1915 обвинялся правоверными правыми в том, что перешел «в веру либеральных министров Кривошеина, Игнатьева и Щербатова», т.е. в левый лагерь.

Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) —
А.Д. Протопопову (Петроград)
21 февраля 1917

Военно-промышленный комитет и его председатель Гучков открыто высказывают свою солидарность с арестованными вожаками рабочей группы этого комитета. Почему Гучков не арестован? Если он прав, то надо отпустить и арестованных главарей: если же они виновны, то должны быть арестованы и Гучков и все члены Военно-промышленного комитета, открыто поощряющие мятеж.

Главари Земгора, готовившие Временное правительство, не арестованы. Кравченко и Долгополов, оскорбившие в Астрахань

ской думе царицу и царя, суду до сих пор не преданы. Высланные саратовским губернатором адвокаты, по ходатайству Родзянки, возвращены в осмеяние губернатора и для внушения другим губернаторам.

Позорящие царственных особ картины свободно распространяются.

Революционизирование населения и армии синематографами в самой столице царя допускается безвозбранно.

Несмотря на разосланный циркуляр, города и земства продолжают свои революционизирующие обращения.

Где правительство? — Что оно делает? — Дел нет, — слова одни. Надежд не оправдываете.

Почему не просите у царя увольнения, если чувствуете себя неспособным справиться с развалом и мятежом.

ДП. ОО. 1917 г. Д.244. Л.45-46.

*(Частично опубликовано:
Союз русского народа... С.359).*

Ева Берар

ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ ПОКИНУЛИ ПЕТРОГРАД?

В ночь на 10 марта 1918 руководители большевистской партии тайно покинули Смольный и, погрузившись в поезд на Цветочном посту (Путиловская ветка Николаевской ж.д.), отбыли в Москву. Они приехали туда спустя два дня, и 15 марта IV съезд Советов, созданный в срочном порядке для ратификации Брестского мира, узаконил совершившийся факт, провозгласив Москву столицей РСФСР. После двухсотлетнего господства Санкт-Петербург вернул узурпированные им права своей старшей сестре.

Идет ли речь об истории России в целом, или же об истории едва родившейся Советской республики, — в любом случае перенос столицы был важным событием. Однако, как ни странно, оно не привлекло внимания историков, и по сей день найдется немного исследований и комментариев, посвященных этому событию. Историки, будь то марксисты или нет, и не пытаются проанализировать мотивы переноса столицы, ограничиваются простой констатацией факта, тем самым явно или скрыто поддерживая официальную версию «немецкого врага». Последняя гласит, что наступление противника (немцев) представляло смертельную угрозу для Петрограда, а значит — и для советской власти. Заявления того времени, подкрепляющие эту аргументацию, редко цитируются полностью. Среди наиболее важных отметим официальное сообщение наркома Л.Троцкого, передовую статью в «Правде» и резолюцию IV съезда Советов.

«Совету Народных Комиссаров невозможно больше оставаться и работать на расстоянии двухдневного перехода от германских войск, — говорилось в заявлении Троцкого от 11 марта.

— Для безопасности самого Петрограда необходимо перенесение столицы в Москву. Захват Петрограда представляется германскому империализму как смертельный удар по революции и по Советской власти. Перенесение столицы в Москву покажет империалистам, что Советская власть одинаково прочно чувствует себя во всей стране, и обнаружит, таким образом, бесцельность похода на Петроград»¹.

«Правда» приводила похожие доводы: «Нет, это не бегство с поста /.../ Уезжая из Петрограда, Совет Народных Комиссаров одновременно защищает и позицию революционной власти, покидающей сферу, слишком подверженную немецкой военной угрозе, и одновременно тем самым защищает Петроград, который перестает быть в значительной степени мишенью немецкого удара»². Резолюция большевистской фракции, принятая на IV съезде Советов, провозглашала: «В условиях того кризиса, который переживает русская революция в данный момент, положение Петрограда как столицы резко изменилось. Ввиду этого Съезд постановляет, что впредь до изменения указанных условий, столица РСФСР временно переносится из Петрограда в Москву»³.

В 1957 генерал М.Д. Бонч-Бруевич, военный уполномоченный Высшего Военного Совета и брат В.Д. Бонч-Бруевича, одного из крупных большевистских лидеров, в своих мемуарах утверждал, что именно он «во второй половине февраля» убедил вождя революции в необходимости покинуть Петроград, поскольку присутствие правительства в северной столице как магнитом притягивало немцев к этому городу, наступление на который они готовили и по морю, и по суше — через Финляндию⁴. В 1962 в Полном собрании сочинений Ленина было опубликовано решение Совнаркома от 26 февраля 1918 о том, чтобы в обстановке строгой секретности немедленно начать подготовку к эвакуации «минимального количества руководителей центрального административного аппарата, не более 2-3 десятков человек от каждого ведомства», а также Государственного банка, золотого запаса и Экспедиции заготовления государственных бумаг в Москву (одновременно планировалось провести и «разгрузку» Москвы от ценностей)⁵.

¹ От В-Р Комиссариата при Петроградском Совете // Новая жизнь. 1918, 12 марта.

² Москва — столица // Правда. 1918, 10 марта.

³ Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов. М., 1920. С.71.

⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С.262-263.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1962. Т.35. С.398.

Этими данными в дальнейшем и ограничивались. Однако нам кажется, что несколько вопросов так и остались без ответа. Решение о начале эвакуации центральных учреждений уже однажды принималось при Керенском, в августе 1917, но тогда не повлекло за собой переноса столицы. Новая резиденция правительства — Москва — и теперь, в 1918, могла оказаться лишь временным пристанищем, поскольку также находилась в опасной близости от германских войск. «Может быть, передышка /.../ продлится всего несколько дней», — предупреждал Ленин⁶. Чем же была вызвана такая спешка с провозглашением новой столицы? Чем был вызван отказ от города, который, как писал Троцкий, «совершил Февральскую революцию, остальная страна только присоединилась к нему»⁷, города, который привел большевиков к власти всего четыре месяца назад? Это если вести речь только об истории революции. Но историческое значение переноса столицы намного больше. Когда в начале XVIII века Петр Великий основал новую русскую столицу на берегу Балтийского моря и «прорубил окно в Европу» для своей страны, это вызвало такое всеобщее негодование, что момент, когда это окно было захлопнуто и западный эксперимент прекращен, заслуживал бы большего внимания. Тем более, что современники, будь то коммунисты, социалисты или простые консервативные обыватели, достаточно четко осознавали этот исторический момент: «Петербургский период истории наскоро укладывается в ящики и чемоданы. /.../ Надо ехать! Туда, в Россию, в Москву, ’в глушь, в Саратов!»⁸ Пора возвращаться домой, от петербургских блестящих паркетов, от невских туманов и бреда — в мокрые поля, в черные избы, к кислым шам...»⁸.

Перед тем как разбирать политическое и символическое значение переноса столицы для жителей обоих городов, представляется необходимым детально описать само событие и дать обзор относящихся к теме документов, учитывая при этом многочисленные вопросы, не освещенные в официальной версии.

Большевистский государственный переворот в Петрограде произошел намного легче, чем в Москве. Взятие Зимнего дворца, которое так ловко осуществили балтийские и кронштадтские

⁶ Седьмой экстренный съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1962. С.22-23.

⁷ Троцкий Л.Д. История русской революции. Берлин. 1930. Т.2. С.166.

⁸ Пессимист. Реквием по Санкт-Петербургу // Московский вечерний час. 1918, 13 марта. №2.

моряки при поддержке Красной гвардии, практически обошлось без жертв, тогда как в Москве сопротивление засевших в Кремле юнкеров повлекло за собой смерть почти двухсот сражавшихся. Историки партии позже были вынуждены противопоставлять неэффективность московской Красной гвардии, отличавшейся «излишней, вредной демократичностью», действиям петербургского пролетариата, проникнутым духом централизма и дисциплины, присущим столице империи⁹.

Легко завоеванный, Петроград тем не менее остался непокоренным. Забастовки банковских чиновников, учителей, служащих почты, телеграфа и ряда министерств задерживали водворение большевиков в государственных учреждениях, а огромные сугробы препятствовали их продвижению по улицам города. Несмотря на то, что Калинин, назначенный городским головой, и председатель Петросовета Зиновьев мобилизовали «нетрудовое население» на очистку мостовых, подъехать к Смольному становилось все труднее и опаснее¹⁰. Поднятый на самый гребень революционной волны с февраля 1917, город раскачивался, как корабль в бурю. Заполненный солдатами-дезертирами, униженными и обозленными офицерами, беженцами, спасающимися от немцев и погромов, недавно вернувшимися эмигрантами, спешащими наверстать упущенное, — он оказался идеальным питомником для шпионов и провокаторов. Одни планировали заговоры в салонах, гостиных и на конспиративных квартирах, другие овладевали улицей. Знаменитое «взятие» подвалов Зимнего дворца послужило сигналом к началу «винных погромов», которые в декабре прокатились по всему городу. Измученные жестокой дисциплиной, ожесточенные жизнью в крепостных казематах, моряки Кронштадта и Центробалта были в эйфории от завоеванной свободы. Те, кого Троцкий восторженно именовал «красой и гордостью революции», ее «железной рукой», ее «знаменосцами», очень быстро превратились из «воинствующего ордена революции» в обыкновенных бандитов или, по выражению того времени, в «матросскую вольницу». С оружием, захваченным на складах и кораблях, они наводили ужас на жителей, арестовывали офицеров, производили обыски, грабили, расстреливали, убивали — и все это от имени революции, ссылаясь на мандат большевиков. «Процесс разложения старой царской армии, как гангрена, поразил и военных моряков», —

⁹ Анулов Ф. Тактика «Октября» в Питере и в Москве // Пролетарская революция. 1922. №4.

¹⁰ ГА РФ. Ф.130 (Протоколы заседаний СНК). Оп.1. Д.1. Л.46, 48.

писал М.Д. Бонч-Бруевич, пытаясь объяснить растерянность новой власти¹¹. Тем не менее, большевики остро нуждались в этих неудобных союзниках, несмотря на то, что они с каждым днем набирали все больше силы и дерзости.

На выборах в Учредительное собрание, состоявшихся во второй половине ноября, большинство голосов получили социалисты-революционеры. Большевики всегда поддерживали идею созыва Учредительного собрания, которое было заветной целью русского демократического движения. Они еще раз подтвердили это 27 октября 1917 и оказались в трудном положении, узнав о результатах выборов. Расходясь во мнениях по поводу тактики дальнейших действий, они, между тем, первым делом постарались обеспечить свою защиту: нарком по военно-морским делам, бывший председатель Центробалта П.Дыбенко получил приказ вызвать в столицу к 27 ноября — официальной дате открытия Учредительного собрания, назначенной еще при свергнутом Временном правительстве, — примерно 10-12 тысяч вооруженных матросов¹². Там они и остались.

Большинство депутатов не сумели добраться до столицы к назначенному дню, и кворум в 400 депутатов не был достигнут, после чего большевистское правительство перенесло открытие Учредительного собрания на 5 января 1918. Большевики взяли и за Комиссию по выборам в Учредительное собрание: арестовали ее председателя, кадета В.Д. Набокова, и поставили вместо него большевика М.С. Урицкого. Руководители кадетской партии были объявлены «врагами народа» и отправлены в тюрьму. Большевики торжествовали, уверенные в том, что покончили с «парламентским кретинизмом». Однако одно обстоятельство поколебало их уверенность: несколько тысяч петроградцев в тот же день вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свою поддержку избранному Учредительному собранию¹³.

С конца декабря большевики стали лихорадочно готовиться к новой дате открытия Учредительного собрания — 5 января. Для них это был вопрос жизни и смерти: если Учредительное собрание удержится, то Совнарком станет еще одним «временным правительством». Однако они опасались не только и не

---

¹¹ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С.259. См. также: Бонч-Бруевич В.Д. Страхное в революции // Избранные сочинения. М., 1963. Т.3.

¹² РЦХИДНИ. Ф.19 (Протоколы СНК). Оп.1. Д.5. Л.3.

¹³ По различным оценкам от 10 до 200 тысяч человек. См.: Пайпс Р. История русской революции. Лондон, 1990. С.544; Минувшее: Исторический альманах. Вып.4. М., 1991. С.105.

столько трехсот или четырехсот «оппозиционных» депутатов, сколько враждебности всего города.

Новые хозяева России хотя и числили себя детищем *петербургского* пролетариата¹⁴, не чувствовали себя уверенно в столице. В отличие от Керенского, который сразу после своего назначения расположился в Зимнем дворце, Ленин и его правительство остались в Смольном институте. Неудобное, находящееся вдали от центра города, да еще окруженное теперь настоящим солдатским лагерем, это здание оказалось весьма уязвимым. Проблемы возникли в конце ноября, после «новых предостережений и угроз» в адрес Смольного¹⁵. 1 января Ленин подвергся покушению. Целившийся в него офицер действовал один, среди бела дня, в центре города, на реке Фонтанке, на виду у всех. Город революции становился ненадежным местом, опасность подстерегала на каждом углу (сразу же после 1 января ЧК раскрыла еще три заговора в столице). Защиту Смольного и Ленина нельзя было поручить ни гарнизону, слишком «крестьянскому» по своему составу, ни неопытной и разношерстной Красной гвардии. Еще меньше можно было полагаться на матросов. Единственные, кто пользовался доверием вождя революции, были солдаты бывшей регулярной армии, набранные из рабочей среды, но нерусской национальности: отборные латышские стрелки, известные своей железной дисциплиной. В декабре триста латышских стрелков охраняли Смольный; в январе 1918 их была уже тысяча¹⁶.

Большевики не верили ни в существование призраков, ни в петербургские галлюцинации. Однако им было неспокойно. Это понятно — призрак гоголевской «шинели» все еще блуждал по улицам столицы: туман, метель, две темные личности внезапно появляются за спиной, и вот уже товарищ Урицкий лишился своей шинели. А товарищ Моисей Соломонович — это вам не какой-то там Акакий Акакиевич... 5 января в полдень, в день открытия Учредительного собрания, Ленин с нетерпением ждал Урицкого в Таврическом дворце, чтобы завершить подготовку деликатного сценария, который должен был привести к роспуску народного представительства. Всегда такой пунктуальный, Урицкий сегодня опаздывал... из-за той самой шинели, точнее,

¹⁴ Некоторые большевистские организации в 1914 отказались принять название «Петроград», ссылаясь на то, что рабочее движение всегда было «петербургским». (Пламя. 1918. Ноябрь).

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф.19. Оп.1. Д.5. Л.2. Цит. также в: Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции: Петроград в первые месяцы советской власти. Л., 1969. С.165.

¹⁶ Мальков П.В. Записки коменданта московского Кремля. М., 1961. С.60.

шубы, которую с него сняли как раз по пути в Смольный¹⁷. Разумеется, историю делают массы, а не отдельные личности без шубы, но этот грабеж, это проявление анархии в тот час, когда на карту была поставлена судьба большевистской власти, не могло остаться без ответа.

Накануне специально созданная Чрезвычайная комиссия объявила столицу на осадном положении и отдала приказ о мобилизации Красной гвардии, войсковых частей и матросов. Все автомобили города были реквизированы и собраны у Смольного, где была произведена замена пропусков. Был отдан приказ «немедленно выслать в Смольный в распоряжение коменданта на четыре дня в достаточном количестве артиллеристов-матросов для обслуживания находящихся там орудий, несмотря на то, что на полигоне идут военные опыты»¹⁸.

Петроградский совет призвал рабочих и солдат не покидать заводские цеха и казармы, не присоединяться к манифестации, организованной бывшей Городской Думой и Комитетом по защите Учредительного собрания. Сама манифестация под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» в конечном итоге была разрешена при условии, что манифестанты не будут проходить через кварталы, примыкающие к Смольному и Таврическому дворцу; были предусмотрены и «самые крайние меры» на тот случай, если «демонстрация выйдет за мирные пределы»¹⁹. Двести матросов под командованием Анатолия Железнякова, сопровождаемые латышскими стрелками, расположились в Таврическом дворце. «Вооруженные, как на улице, винтовками, гранатами, патронными сумками, револьверами... они производят впечатление лагеря, готовящегося не то к обороне, не то к нападению»²⁰. Две тысячи матросов были вызваны в город с военных баз в Выборге и Гельсингфорсе²¹.

К большому облегчению большевиков, число манифестантов, собравшихся утром 5 января на Литейном, было несравнимо с той толпой, которая собралась в конце ноября. Преобладали буржуа и студенты, но были и рабочие. При повороте на Шпалерную солдаты открыли огонь. Было убито около десяти человек. Мани-

¹⁷ Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т.3. С.133.

¹⁸ ЦГАСА. Ф.25888. Оп.1. Д.18. Л.18.

¹⁹ ЦГА С.-Петербурга. Ф.7384 (Протоколы заседаний Президиума Петровета). Оп.7. Д. 45. Л.6.

²⁰ Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С.100.

²¹ К манифестации 5 января // Новая жизнь. 1918. 5 января. См. также: Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота: 1917-1918. М.; Л., 1963. С.345.

фестанты в панике разбежались. Рано утром 6 января матрос Железняков объявил «правым» депутатам (большевики и левые эсеры еще раньше покинули зал заседаний), что пора кончать болтовню — караул устал.

Противостояние большевиков и демократического общественного мнения Петербурга закончилось победой большевиков. Учредительное собрание было разогнано без сопротивления. Однако коммунисты понимали, насколько непрочной была их победа: разве следственная комиссия, созданная в связи с погибшими 5 января, не установила, что солдаты стреляли по демонстрантам, думая, что защищают Учредительное собрание²²? В следующий раз они могут не повторить своей ошибки. «Несвоевременный» Горький отчеканил свои дерзкие слова: «"Правда" лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. /.../ "Правда" знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов...»²³. Большевики, стремясь придать своей власти легитимный характер, созвали на 10 января III съезд Советов. А пока он собирался — успокаивали общественное мнение и старались придать себе respectable вид: приказали освободить политзаключенных, арестованных без доказательств, великодушно разрешили похоронить убитых демонстрантов и отдали под трибунал «матроса-анархиста» Дальского, обвиненного в убийстве Шингарева и Кокошкина²⁴.

Матросы восстали: как, Смольный начинает защищать «врагов революции» и играть в буржуазное правосудие в ущерб своим «знаменосцам»? Ленин уже был готов закрыть дело: «Мы что, должны драться с ними?» — с иронией спрашивал он наркома юстиции, члена партии левых эсеров, который упорно добивался наказания виновных: «Именно потому, что матросы демонстрируют свой гнев и угрожают нам, мы не имеем права уступать... Берегитесь, а то в один прекрасный день и мы окажемся жертвами матросов»²⁵.

Столкнувшись с сопротивлением своих противников, большевики опасались и своих сторонников. 9 января, в годовщину «кро-

²² Расследование событий 5 января // Новая жизнь. 1918, 21 января.

²³ Горький М. 9 января — 5 января // Новая жизнь. 1918, 9 января.

²⁴ РЦХИДНИ. Ф.19. Оп.1. Д.46. Л.2.

²⁵ Штейнберг И. Воспоминания народного комиссара: 1917-1918 гг. Париж, 1930. С.156.

вавого воскресенья» 1905 года, 10 тыс. человек собрались на похороны жертв расстрела 5 января; на лозунгах и знаменах были слова: «5 января — 9 января. Павшим в борьбе за власть народа!»²⁶.

В тот же день Центральный комитет партии посвятил почти все свое ежедневное заседание единственному вопросу: отъезду из Петрограда. Приходится констатировать, что в тот день, 9 января, коммунистические вожди были встревожены не военной опасностью, угрожавшей столице извне, а ситуацией внутри города²⁷. Покушение на жизнь Ленина, не поддающиеся контролю бесчинства матросов, разгон Учредительного собрания — каждое из этих событий по-своему подтверждало непрочность власти в непокорном городе.

Любопытно, что это заседание ЦК почти не привлекло внимания историков. Протокол данного заседания заслуживает быть процитированным полностью:

«Присутствовали: Ленин, Зиновьев, Смилга, Сокольников, Крестинский, Сергеев, Свердлов, Лашевич, Иоффе, Шмидт, Сталин, Стасова, Владимирский.

Порядок дня:

Распределение сил.

ЦО.

Комиссариаты: Троцкий и Чичерин.

Банки.

(Оставить президиум Петроградского Совета. Президиум ЦИК (Ландер). Боевой правительственный центр.

Поименный список президиума: Крестинский, Менжинский, Луначарский, Лашевич, Зиновьев, (Сталин, Смилга, Стучка) — Урицкому поручение от ЦК.

²⁶ Похороны жертв 5 января // Новая жизнь. 1918, 11 января.

²⁷ Автор работ по истории Октябрьской революции Э.В. Клопов оспаривает датировку заседания ЦК РСДРП(б), о котором здесь идет речь, как она указана в сборнике: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). М., 1958. С.165-166 (Вопросы истории КПСС. 1966. №11. С.118-119). По его мнению, оно происходило не 9 января, а 9 марта. В поддержку своей датировки Э.В. Клопов предлагает два главных аргумента: 1) состав участников заседания соответствует составу ЦК, избранного 8 марта VII съездом партии; 2) решение о переезде в Москву было принято в январе. Первый довод не представляется убедительным, поскольку состав ЦК, избранный VI съездом партии в августе 1917, никогда не публиковался. Правда, фамилии Владимирского, Шмидта и Лашевича не появляются в стенограммах следующих заседаний, но, как отмечено в предисловии к сборнику, в нем собраны лишь протоколы заседаний ЦК, посвященные вопросу о мире. Добавим, что именно 9 января 1918 Урицкому было предложено СНК новое назначение в связи с прекращением работ по Учредительному собранию, и что И.Э. Гукковский в тот же день был утвержден заместителем наркома финансов. Что касается второго аргумента, то он действителен только, если принять, что вопрос о переезде в Москву не мог быть поставлен раньше, чем за день до самого переезда.

Усиливаем Петроградский Совет остающимися комиссарами, которые пользуются совещательным голосом.

Распределение сил в смысле отъезда из Питера без разрешения ЦК. 2 против, остальные — за.

[Комиссариат] Иностранных дел: Чичерин временно заместителем.

Ликвидация ПК (Зиновьеву, Смилге и Лашевичу).

Радека и Урицкого в Военный комиссариат — удовлетворить.

''Правда'' эвакуируется в Москву. Редакция: Сокольников, Сталин.

Быстрянский остается в Питере для ''Петербургской правды''. Орган ЦО*.

Редакция ''Петербургская правда'' — Быстрянский, Зиновьев и Смилга.

1) ЦО в Москве, название ''Правда''.

2) Временно ''Правда Петроградская''.

3) До того, что не выходит без подзаголовка. 200 000 ''Правда'' из**

Для ЦО: Сокольников и Сталин.

Для ''Петроградской правды'': Зиновьев, Смилга и Быстрянский.

Банки***: Гуковского на время в банки. В Москве совещание о банковской политике.

Бюро ЦК.

1) ЦК в Москву.

2) Бюро в Москве, как было в апрельские дни. Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий.

Банки: Менжинский, Спундз, Крестинский.

Совет народного хозяйства. Милютин.

Заместитель Менжинского — Аксельрод»²⁸

Лаконичные, иногда даже загадочные выражения этой протокольной записи не оставляют никаких сомнений в отношении главного: не 26 февраля, под огнем германского наступления, а еще 9 января 1918, при полном перемирии, руководители Советской Республики приняли решение о переводе в Москву Центрального комитета их партии, главного печатного органа, руководства банками и некоторых народных комиссаров.

Насколько известно, не существует иного документа, способного раскрыть обстоятельства, при которых было принято это

* В сборнике вместо «Петербургской» напечатано «Петроградской».

** Далее пропуск в протокольной записи.

*** В протокольной записи зачеркнуты слова: Менжинский предлагает Гуковского.

²⁸ Печатается по копии стенограммы, хранящейся в РЦХИДНИ. Ф.17. Протоколы ЦК РСДРП(б). Оп.1а. Д.44. Л.1 и Д.45. Л.1.

решение, не установлены также и причины отсрочки его реализации. Мы можем лишь попытаться прояснить наиболее темные моменты и выдвинуть несколько осторожных предположений.

Прежде всего, отбросим довод о германской опасности, на который опиралась официальная версия переезда правительства; он не может объяснить решение, принятое 9 января. Перемирие, соглашение о котором было подписано в Брест-Литовске 22 декабря, соблюдалось с обеих сторон, и на время германская сторона сделала вид, что приспособилась к лавированию и к революционной пропаганде советской делегации. Тем не менее, уже с 7 января, в ожидании возобновления переговоров, Ленин мобилизовал всю свою власть и все свое красноречие, чтобы убедить соратников принять свою точку зрения на этот вопрос. Его доводы в пользу немедленного подписания сепаратного мира согласуются с его общей стратегией власти, с отказом от химерической «революционной войны» в направлении Берлина, но никак не свидетельствуют о непосредственной военной угрозе. На том же заседании 9 января Ленин заявил (эти слова не вошли в опубликованный вариант протокольной записи): «Затягивать мир всячески. При этом затяг[ивании] мир прелиминарный в мир постоян[ный], хотя бы путем уплаты 1 000 000 000»²⁹.

Но тут возникает другая проблема: с конца декабря Ленин вел ожесточенную дискуссию по этому вопросу с «левыми коммунистами». Цитаделью этих непримиримых врагов «империалистического мира» была Москва; в партии Московское областное бюро называли просто «москвичами». Бациллой «левизны» быстро оказался заражен и Петроградский комитет партии (который предлагалось «ликвидировать» в процитированной протокольной записи). Однако именно «москвичи» оставались движущей силой оппозиции и 24 февраля, в самый разгар германского наступления, дошли до того, что приняли резолюцию о выражении недоверия Центральному комитету. К этому времени немцы уже диктовали свои правила игры, но тогда, 9 января, когда «москвичи» еще были на привилегированном положении, какой бес попутал Ленина, подсказав ему желание расположиться на их территории? Разве что, имея долгий пятнадцатилетний опыт пребывания «в меньшинстве», вождь партии твердо рассчитывал на истощение сил своих противников и износ их сверхреволюционных лозунгов.

Если гостеприимство Москвы было под вопросом, если слабость партийной организации в старой столице была общепризнанной («Слабость партийной и советской организации в Москве

---

²⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.1. Д.44.

возбуждает сильную тревогу среди ряда товарищей», — было отмечено на заседании ЦК 30 марта³⁰), то какую пользу надеялся извлечь Ленин из отъезда из Петрограда?

Разгон Учредительного собрания с помощью вооруженной силы вызвал глубокое смутение, проникшее даже в ряды членов партии³¹, и для большевиков очень важным стало не оттолкнуть от себя еще больше демократическое общественное мнение. И хотя сепаратный мир с Германией был для Ленина единственным способом спасти свое правительство, он признал, что для России это был «самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир»³². Мир, заключенный на таких условиях, мог расцениваться лишь как распродажа родины. Еще живы были воспоминания о приезде Ленина в Россию под защитой немцев и о неудавшемся процессе, начатом против него Керенским в августе 1917. И если в начале войны Николай II, заподозренный в том, что потакает немцам, попытался завоевать доверие своих подданных, русифицировав название Санкт-Петербурга, нельзя ли предположить, что Ленин пошел еще дальше, и чтобы привлечь на свою сторону патриотически настроенную общественность, он окончательно покидает «антинациональный» город — выражение князя Трубецкого³³ — и возвращает Москве ее ранг столицы? В пропагандистском плане этот демарш увенчался полным успехом.

Еще одна причина могла повлиять на расчеты Ленина: охватившая столицу анархия, эта «перманентная революция», с февраля 1917 царившая на улицах, в казармах, в заводских цехах и делавшая город неуправляемым и страшным. Разумеется, Москва тоже кишела ворами, анархистами и заговорщиками всех мастей. Однако, покидая Петроград, коммунистические вожди оставляли позади гораздо более непокорный и озлобленный рабочий класс, а также матросов, среди которых с каждым днем все больше процветало дезертирство и мародерство. Как только опасность Учредительного собрания была устранена, большевики начали атаку на своих «знаменосцев»: 14 января Совнарком снова обсуждал вопрос «об угрозах матросов и анархистов Смольному»³⁴. Поставки оружия, обещанного морякам Центробал-

³⁰ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.2. Д.1. Л.3.

³¹ См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП с местными партийными организациями. М., 1957. Т.2.

³² Ленин В.И. Указ. соч. Т.35. С.394-396.

³³ Отчет о московском совещании общественных деятелей. 8-10 августа 1917. М., 1917. С.13.

³⁴ РЦХИДНИ. Ф.19. Оп.1. Д.46. Л.2.

том, были прекращены, несмотря на недовольство матросов, которые не церемонились в выражениях: «Вы боитесь вооружить массу, что она вас застрелит», — и угрожали сместить наркома по военно-морским делам³⁵. Что касается московских рабочих, то они, разобщенные, разбросанные по мелким предприятиям и тесно связанные с крестьянской массой, не только считались менее «революционными» по сравнению с петроградскими, но — главным образом — прошли меньшие испытания как зимними холодами, так и экономическими экспериментами новой власти.

Трагические последствия географической изолированности Петрограда — удаленность от деревни и топливных центров — дали о себе знать еще прошлым летом. Железнодорожное сообщение с Западом было прервано, бассейн Дона и вся Украина — оккупированы немцами, коммуникации Центральной России — дезорганизованы тысячами солдат, бегущих с фронта... Иными словами, ситуация становилась катастрофической. «Ради бога, примите *самые энергичные и революционные* меры для посылки хлеба, *хлеба и хлеба*. Иначе Питер может околеть...» — телеграфировал Ленин своим комиссарам³⁶.

Ежедневная норма выдачи хлеба упала до 120 г. 14 января Ленин присутствовал на заседании Президиума городского Совета. Слово взял Зиновьев: «Раньше мы мало об этом думали, надеясь на продовольственные организации. Но на днях состоялось собрание петроградского гарнизона, на котором выяснилось, что некоторые части не получают хлеба уже 6 дней. Настроение тревожное»³⁷.

М.Владимиров, представитель Комиссариата продовольствия: «Имеется запас на 5 дней при пайке в 1/4 фунта. Картофеля нет, сахара нет, мяса тоже. Паек хлебный необходимо было бы повысить; с заводов поступают сведения, что рабочие отказываются работать при таком пайке. Но я против повышения самым решительным образом. В марте и апреле положение с погрузкой хлеба ухудшится»³⁸.

Реакция Владимира Ильича была такой бурной, что советские историки, тем более историки Ленинграда, предпочитают не ци-

³⁵ Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. Указ. изд. С.389.

³⁶ Ленин В.И. Указ. соч. Т.50. С.30.

³⁷ Протоколы заседаний Президиума Петросовета // ЦГА С.-Петербурга. Ф.7384. Оп.7. Д.45. Л.17.

³⁸ Там же. Л.20.

тировать ее полностью³⁹. Советы, которыми он щедро наделял руководителей города, ничем не отличались от тех, что он давал Дзержинскому: обыски, казни, террор. «Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет». Он требовал также примерного наказания тех рабочих и солдат, членов специальных команд, которые отказывались проводить расстрелы. Ленин и не пытался скрыть презрительного отношения к тем, кто отказывался подчиниться его решениям: «Все эти сведения показывают чудовищную бездеятельность питерских рабочих. Питерские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме них самих»⁴⁰.

В то время, как нехватка хлеба угрожала населению столицы, ее промышленности угрожала нехватка горючего. В декабре некоторые заводы работали всего 10 дней из 30. В январе положение еще ухудшилось. К этому добавился страшный, хотя и давно предсказанный, результат «демобилизации» промышленности, то есть конверсии военного производства в гражданское. Начиная с весны 1915, заводы Петрограда жили в основном за счет военных заказов, наняв для этого около 150 000 новых рабочих. «Демобилизация», объявленная в начале декабря, означала, что около трехсот предприятий будут закрыты, а 250 000 рабочих — выброшены на улицу⁴¹. Даже если она проводилась медленно и с большими трудностями, конверсия была источником новой напряженности и нового расстройств и без того изрядно расшатанной экономической системы. Напуганный перспективой безработицы, ожесточенный голодом, возбужденный лозунгами «национализации» и «рабочего контроля», рабочий класс Петрограда, в гораздо большей степени, чем рабочие других городов, становился неуправляемым и оказывал сопротивление этатистским замыслам большевиков. Последние всячески разоблачали «местнические», «анархо-синдикалистские» тенденции, «узко понятые интересы», но чувствовали, что теряют свою

³⁹ См., напр., две работы А.Л. Фраймана с прекрасной документальной базой, в которых автор сокращает высказывания Зиновьева и Владимирова, опуская слова, касающиеся положения в казармах и на заводах, а также слова Ленина. Фрайман А.Л. Указ. соч. С.297-298; Он же. Революционная защита Петрограда в февралю — марте 1918. М.; Л., 1964, С.23.

⁴⁰ Протоколы заседаний Президиума Петросовета; Ленин В.И. Указ. соч. Т.35. С.311.

⁴¹ Фрайман А.Л. Форпост... С.287-288. Фрайман приводит следующую статистику, касающуюся промышленных рабочих Петербурга: на 1 января 1914 — 234 000, на 1 января 1917 — 379 000, на 1 января 1918 — 293 000 и на 1 февраля 1918 — 249 000.

«базу»⁴². Они знали, что заводы ропщут все сильнее, что меньшевики и эсеры с легкостью используют недовольство для усиления пропаганды Учредительного собрания. Число безработных с декабря по январь почти удвоилось (соответственно 7 200 и 13 300⁴³), так что у Ленина были все основания опасаться «чуждой бездеятельности» питерских рабочих.

В августе 1919, в разгар белого наступления на Петроград, поэтесса Зинаида Гиппиус записала в Дневнике: «Большевики твердо и ясно знают, что без Петербурга центральная власть (хотя она и в Москве) не будет свалена. Большевики недаром всей силой, почти суеверно, держатся за Петербург. Они так и говорят, даже в Москве: "Пока есть у нас наш красный Петроград — мы есть и мы непобедимы!" Да, это роковым образом так. Петербург — большевистский талисман. И большевистская голова»⁴⁴.

Но зимой 1917-1918 большевики думали лишь о том, как убежать из «города-талисмана». И неважно, что в Москве вдвое меньше активных коммунистов, чем в столице, что московские рабочие насквозь проникнуты «вредными демократическими» принципами; это все же спокойнее, чем боевой дух и дисциплинированность петербургского пролетариата, героя «колыбели трех революций».

Решение ЦК от 9 января о переезде в Москву не было выполнено сразу. 10 января в Петрограде открылся III Всероссийский съезд Советов, спешно созванный для ратификации разгона Учредительного собрания и провозглашения легитимности советского правительства, которое отныне освобождалось от эпитета «временное». 9 января были также возобновлены переговоры в Брест-Литовске. При том, что пути сообщения вели к Петрограду и там же располагались все иностранные посольства, немедленно переехать в Москву в этих условиях, по-видимому, не представлялось возможным.

28 января Троцкий вызвал неожиданную развязку событий, заявив в Брест-Литовске о решении своего правительства прекратить войну в одностороннем порядке, но при этом отказавшись подписать «захватнический» мир; русская армия получила приказ о демобилизации. Германское командование потребо-

⁴² Венедиктов А. Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957. С.116-117, 142-143, 338-342; Фрайман А.Л. Форпост... С.272-274.

⁴³ Фрайман А.Л. Форпост... С.327.

⁴⁴ Гиппиус З. Черная книжка // Под созвездием топора: Петроград. 1917. М., 1991. С.360.

вало разъяснений, затем, 18 (5) февраля, по истечении срока двухнедельного ультиматума, возобновило военные действия⁴⁵.

В новом наступлении участвовало сравнительно мало немецких войск, но они неуклонно продвигались вперед. Ревель, Псков пали, как карточные домики; русские войска в беспорядке бежали. 22 февраля Германия предъявила новый ультиматум, условия которого были намного тяжелее, чем те, что выставлялись в декабре. Петросовет назначил Комитет революционной обороны и поручил ему руководить всеми военными действиями. Я.М. Свердлов, председатель Центрального Исполнительного Комитета, немедленно выступил против того, что он считал новым проявлением «местничества»: «Хотя мы представляем не питерский орган, а всероссийский, но несомненно, что Питер представляет собой центр не только русской революции, но и мировой, центр, к которому обращено внимание всех социалистов и действительных революционеров всего мира»⁴⁶. При этом столкновении властей, которое, видимо, началось не вчера, население «голосовало ногами». Несмотря на драматическое признание Ленина: «Социалистическое отечество в опасности», — и призыв защитить его, в полки Красной гвардии и даже в совсем молодую Красную армию, которая в спешном порядке создавалась в столице, пошли лишь «самые видные партийные работники. Масса не пошла...»⁴⁷. Некоторые регулярные части отказались отправиться на фронт, но заявили о своей готовности защищать Петроград⁴⁸. На заседании ЦК 23 февраля Зиновьев сетовал: «Что делалось около Совета в течение двух, трех дней... Внешне закипело, как во время Керенского. Через 24 часа оказалась разница в борьбе со своей буржуазией и германцами. На заводах серьезное настроение. Когда придут к Питеру, но сейчас нет даже 200 человек. Усталость, истощен, сознание, что не делает»⁴⁹.

На следующий день ЦИК принял германский ультиматум и советская делегация отправилась в Брест-Литовск для подписания мирного договора. 26 февраля, как мы уже указывали, Совнарком принял решение начать подготовку эвакуации центральных учреждений в Москву.

⁴⁵ С 1 февраля в Советской России был введен григорианский календарь, и этот день стал, как и во всей Европе, 14 февраля.

⁴⁶ Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. Т.2. С. 127.

⁴⁷ Свердлов Я.М. Указ. соч. С. 152; Фрайман А.Л. Революционная защита... С.98.

⁴⁸ Фрайман А.Л. Революционная защита... С.134-135.

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.1а. Д.46. Л.1, 2. В Протоколах Центрального Комитета РСДРП(б) (Указ. изд. С.212) приводится изложение стенограммы.

2 марта Совнарком и ЦИК распространили заявление, в котором говорилось о том, что «все слухи об эвакуации из Петрограда СНКа и ЦИКа совершенно ложны. Вопрос об эвакуации мог бы быть поставлен лишь в последнюю минуту, в том случае, если бы Петрограду угрожала самая непосредственная опасность»⁵⁰.

3 марта Петроград бомбила германская авиация, Москва была объявлена на осадном положении, немцы вновь взяли Псков. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич направил Ленину записку:

«Германцы занимают Псков и, вероятно, в ближайшее время утвердятся в Нарве.

При такой близости неприятеля считаю необходимым доложить, что правительству надлежит теперь же уехать из Петрограда, например, в Москву.

Отъезд правительства в данную минуту вытекает из обстановки; отъезд под угрозой германцев будет носить характер бегства и потому нежелателен»⁵¹.

В тот же день, 3 марта 1918, в Брест-Литовске был подписан мирный договор. Но только через неделю правительство переехало в Москву. Можно ли считать, в свете изложенного, германскую опасность определяющим фактором этого переезда?

В резолюции о перенесении столицы, представленной на рассмотрение IV съезда Советов фракцией РСДРП (интернационалистов), выражалось отрицательное отношение к капитуляции и подчеркивалась несостоятельность аргументации официальной версии: «Если сделка приведет к цели /.../, то является совершенно непонятным, для чего Советской власти потребовалось перенести столицу и, в частности, свое местопребывание из революционного Петербурга. Если же СНК счел необходимым, не дожидаясь решения Съезда, осуществить это трудное и громоздкое предприятие /.../, то, следовательно, /.../ ратификация Брестского договора не является гарантией»⁵².

В самом деле, похоже, что именно Брестский мирный договор определил судьбу Петрограда. И не потому, что, как часто намекалось в печати, по секретному соглашению столице предоставлялся статус «вольного города», а потому, что переход к миру потребовал новых военных приемов. 3 марта нарком по военным делам и Высший Военный Совет приказали немедленно завершить ликвидацию регулярной армии, штабов и «самого понятия "фронт"». Вместо этого была пущена в ход тактика «завесы»,

⁵⁰ Правда. 1918, 3 марта.

⁵¹ Фрайман А.Л. Революционная защита... С.282; ЦГАСА. Ф.3. Оп.1. Д.78.

⁵² Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов. Указ. изд. С.78.

предусматривающая разрозненные действия отдельных подразделений, иными словами, тактика партизанской войны⁵³. Петроград оставался без организованной защиты. 10 марта новый военный руководитель Петрограда А.В. Шварц, считавшийся представителем Высшего Военного Совета, который в тот день отправлялся в Москву, докладывал М.Д. Бонч-Бруевичу:

«Принимая на себя организацию обороны Петроградского района, я считаю своим долгом доложить Вам и довести до сведения Совета Народных Комиссаров, что оказать сопротивление организованному противнику, имеющему безусловно превосходящие силы, только этими силами, кои в данный момент имеются в моем распоряжении, с надеждой на успех — не представляется возможным.

Поэтому, если немцы не дадут времени на формирование новой армии и начнут наступление в недалеком будущем — я принужден буду, оказывая лишь возможно энергичное сопротивление на путях к Петрограду — оставить Петроград и, отступая на Восток, перенести линию обороны на р.Волхов»⁵⁴.

Ответ Бонч-Бруевича был краток: «С технической точки зрения, сказанное в письме вполне справедливо и с изложенными соображениями я как военный руководитель согласен.

Политический комиссар Шутко находит высказанную в письме предусмотрительность целесообразной».

А.Л. Фрайман в своей работе цитирует мемуары германских генералов и политических деятелей — Людендорфа, Гинденбурга, фон дер Гольтца, которые явно разочарованы тем, что им не удалось взять Петербург. Он, однако, опускает доводы противоположной стороны, которая, в данном случае, одержала верх⁵⁵.

В отличие от тех, кто выступал за продолжение наступления на русскую столицу, другие политические деятели, такие, как Кюльманн, Хертлинг и Паер, соответственно, секретарь по иностранным делам, канцлер и вице-канцлер, отдавали приоритет восстановлению власти «немецких баронов» в балтийских землях и считали несвоевременным начинать новое военное наступление в России в то время, как положение на западном фронте было далеко не блестящим. Конечно, Петербург был для них ненавистным «очагом заразы», но они не считали, что падение столицы автоматически повлечет за собой падение коммунистиче-

⁵³ ЦГАСА. Ф.3. Оп.1. Д.78. Л.83, 136.

⁵⁴ ЦГАСА. Ф.3. Оп.1. Д.78. Л.250, 251. А.Л. Фрайман приводит единственную фразу из этого доклада, полностью искажая ее смысл. См.: Революционная защита... С.271.

⁵⁵ Там же. С.282-284.

ского режима⁵⁶. Кайзер, видимо, разделял их точку зрения: все время повторяя, что «Петербург — это очаг заразы», он, тем не менее, опасался того, что немецкое наступление вызовет массовое вторжение английских войск в Россию и, со временем, усилит здесь англо-саксонское влияние. Таким образом, хотя он и поддерживал врагов большевизма, но предпочитал делать это не столько путем прямого военного наступления, сколько за счет нанесения по Петербургу мощных ударов, идущих из балтийских стран.

Такова была позиция Германии. Следует также отметить возросшую активность союзников, которые усилили нажим на большевистское правительство, уговаривая его оказать сопротивление германцам и задержать тем самым войска противника на восточном фронте. Франция предложила военную и финансовую помощь, Англия сделала то же самое. ЦК обсуждал этот вопрос 22 февраля и решил, 6 голосами против 5, принять некоторые предложения бывших союзников. Ленин, не присутствовавший на этом заседании, прислал записку: «Прошу присоединить мой голос *за* взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»⁵⁷. Однако в тот же день пришел немецкий ответ с новыми условиями мира, и большевистские руководители сделали окончательный выбор в пользу капитуляции и окончания войны.

Не в первый раз Петербург был на грани потери своего столичного статуса. Но то ли потому, что память об основателе империи была слишком значимой, то ли потому, что однажды распахнутое «окно в Европу» помогло России так глубоко проникнуть в дела европейских столиц, что повернуть вспять стало невозможно, ни один царь не осмелился покуситься на столичный статус Петербурга и вернуть столицу в глубь страны. Большевистская революция положила конец союзу с Западом, и северная столица теряла смысл своего существования. Как своевременно напомнил историк М.Покровский, председатель Московского Совета, идея вернуть русскую столицу в Москву возникла еще в эпоху Крымской войны в политических кругах Пруссии, которые рассчитывали таким образом «разделить дело Петра, "поворотить" снова Россию на Московию /.../»⁵⁸. Историк подспудно признавал, что эти расчеты не были безосновательными:

⁵⁶ Розенфельд Г. *Sovjetrussland und Deutschland. 1917-1922.* Берлин, 1960. С.59, 60.

⁵⁷ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Указ. изд. С.206-208.

⁵⁸ Покровский М. *Германские условия мира // Коммунист.* 1918. 5 марта.

«Как ни приятно [это было бы] сердцу москвича, но такая *насильственная* централизация русской рабочей революции представляет собой огромный *интернациональный* минус. Отрезанная /.../ Москва никогда не станет тем мировым очагом пролетарской революции, каким уже стал Питер».

Передвижение центральных учреждений к Московскому вокзалу стало заметным с конца февраля. В Петрограде началась лихорадка. Чрезвычайная комиссия по эвакуации, созданная 21 февраля, издала приказ установить кордон вокруг столицы для того, чтобы, с одной стороны, помешать притоку беженцев и дезертиров, а с другой, воспрепятствовать оттоку населения из города⁵⁹. Задача была трудной: тысячи горожан штурмом брали отделы по эвакуации и вокзалы, и приходилось вызывать вооруженных часовых для их защиты. На поезда нападали банды демобилизованных солдат, среди которых были и знаменитые матросы — недавняя «гордость революции». Гангрена, по выражению Бонч-Бруевича, полностью поразила их: Дыбенко, обвиненный в том, что не обеспечил оборону Нарвы, был смещен с поста наркома по морским делам и исключен из партии; Железняков ушел к Махно. Слух о том, что большевики покидают Смольный, распространился по городу как весть о неизбежном конце: конце столицы, конце эпохи, начале немецкой оккупации и даже просто — на просто агонии. «По улицам Петрограда издохшие лошади — еще их не едят»⁶⁰. Но газеты уже требовали создания похоронной комиссии «ввиду того, что революция продолжается, столкновения не прекращаются и трупы остаются непогребенными по нескольку дней и даже недель»⁶¹. Улицы затопила «вакханалия революционных самосудов и расстрелов»⁶². С отъездом большевиков «растут два течения: крайне анархическое типа Блейхмана и черносотенное»⁶³. 90% уличных нападений заканчиваются убийством, — уточнял руководитель борьбы с уголовным элементом, — и 99% грабежей и убийств совершаются лицами в солдатской форме, в распоряжении которых имеется все: автомобили,

⁵⁹ ГА РФ. Ф.3842. Протоколы Чрезвычайной Комиссии по эвакуации Петрограда. Оп.1. Д.31. Л.13.

⁶⁰ Тан (Богораз) В.Г. Голодные бездельники // Петроградское эхо. 1918, 14 марта.

⁶¹ Непогребенные // Новая жизнь. 1918, 22 марта.

⁶² Строев В. Разгрузка Петрограда // Новая жизнь. 1918, 12 марта; Беспартийная рабочая конференция // Новая жизнь. 1918, 20 марта.

⁶³ Петроград // Утро России. 1918. 15 марта.

пулеметы, ордера на обыск и на розыск оружия»⁶⁴. Паника, охватившая большевистские верхи в последние дни германского наступления, их повторяющиеся предупреждения о неминуемом наступлении на Петроград, опасность которого не исцезла с подписанием мирного договора, были очень серьезно восприняты коммунистами столицы. Они не обвиняли руководителей партии в бегстве, не возмущались эвакуацией, но решили защищать покинутый город и требовали средств, чтобы организовать эту защиту. 4 марта Петроградский комитет РКП(б), известный своим несогласием с Центральным Комитетом по вопросу о мире, информировал ЦК о своем решении перейти на нелегальное положение. Два дня спустя, поняв, что происходит, Петроградский комитет изменил свое решение и заявил, что «эвакуация происходит в нежелательной форме»⁶⁵. Нежелательной, поскольку она оставляла Петроград без административного управления, без власти, без защиты. По мнению С.Косиора, подписание мирного договора и «передышка», которую он дал коммунистической власти, радикальным образом изменили ситуацию и диктовали изменения плана эвакуации: «Очистить Петроград действительно необходимо, но он [Косиор] протестует против политического характера эвакуации»⁶⁶. К.И. Шелавин, предложение которого было одобрено Петроградским комитетом, выдвинул следующий план: «1) В первую очередь эвакуировать технические ценности на заводах, а не правительственные учреждения. 2) Эвакуация Советов недопустима, так как население останется совершенно без административно-хозяйственного аппарата, к Советам оно уже начало привыкать. Эвакуация правительственных учреждений в спешном порядке не желательна. 3) Партийную эвакуацию необходимо постепенно подготовить. 4) ЦИК и Петроградский Исполнительный Комитет не должны быть эвакуированы в первую очередь»⁶⁷.

Что касается городских властей, то межрайонный комитет Советов набросился на председателя Петроградского Исполкома Калинина с вопросом о мерах, которые он предлагает на случай германского наступления. Пытаясь заглушить инициативу местных органов, Калинин холодно заверил своих собеседников, что питерским рабочим не грозит никакая опасность, так как, с одной стороны, эвакуация промышленности — это вопрос дней,

⁶⁴ Преступный Петроград // Вечерние огни. 1918. 23 марта.

⁶⁵ Протоколы заседаний Петроградского Комитета РКП(б) // ЦГАИПД. Ф.1. Оп.2. Д.1. Л.1.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. Л.1-2.

а с другой — все мужчины, способные держать оружие, пойдут в случае необходимости сражаться с врагом; в городе останутся только обыватели, за которых коммунистической власти не следует беспокоиться⁶⁸. Ответ представителей Советов был резким: «Утверждать, как Калинин, будто немцы совсем не придут, едва ли можно. Нужно заранее подготовиться к этому моменту. Если вы думаете, что в городе останутся одни только обыватели, то вы жестоко ошибаетесь. /.../ Не может никуда уйти с детьми и женщинами почти миллионное пролетарское население Петрограда. Можно ли их оставить на произвол судьбы? /.../ Если мы не позаботимся сейчас /.../, то в сознании рабочих мы навсегда похороним идею рабочих Советов и вызовем против себя взрыв вражды и ненависти»⁶⁹.

Газета «Известия», уже переехавшая в Москву, метала громы и молнии в адрес рабочих, которые, опасаясь прихода немцев и останки производства, требовали выплатить им заранее жалование за шесть недель. «То же, что происходит теперь на некоторых заводах и фабриках Петрограда, нельзя назвать иначе, как мелкой животной трусостью»⁷⁰. Газета «Правда» призывала усилить бдительность по отношению к «очагу контрреволюции» и установить «террор против грабителей, спекулянтов, мародеров, /.../ контр-революционеры, белогвардейцы, хулиганы — весь темный Петроград — берегитесь!»⁷¹ С 14 марта начались митинги и забастовки на Путиловском и Обуховском заводах — самых революционных в Петрограде. Они продолжались с перерывами вплоть до окончательного закрытия заводов в мае 1918. 20 марта беспартийная рабочая конференция, образованная 5 января, осудила капитуляцию в Брест-Литовске, выступила против бегства правительства, потребовала хлеба, работы и профсоюзных прав⁷².

Большевистские руководители знали, почему они покидают Петроград, и понимали, что, поступая так, они приговаривают город. Они оставляли его без необходимой военной защиты на случай немецкого наступления. Предусматривая возможность последнего, они решили вывезти всю тяжелую промышленность и все запасы сырья⁷³. Из-за недостатка вагонов, большевики отказались от плана вывезти из Петрограда «по железной дороге все здоровое мужское население». Первоначально же предлага-

⁶⁸ Охрана Петрограда // Новая жизнь. 1918, 10 марта.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Беленин А. О разгрузке и эвакуации Петрограда // Известия. 1918, 10 марта.

⁷¹ Берегитесь! // Правда. 1918, 10 марта.

⁷² Беспартийная рабочая конференция // Новая жизнь. 1918, 20 марта.

⁷³ Беленин А. Указ. соч.

лось: «вооружить все здоровое население, одеть в солдатское платье, часть направить против немцев, а другую — по шоссе на дороге»⁷⁴. Одновременно Комиссии по борьбе с контрреволюционными погромами и саботажем было поручено «произвести массовые облавы в Петрограде в целях обнаружения и задержания преступных элементов. Эта категория лиц при разгрузке Петрограда подлежит вывозу в последнюю очередь»⁷⁵.

Среди товарищей Ленина было немало тех, кто неохотно согласился с решением о переезде в Москву. Но только один из них, Анатолий Луначарский, нарком культуры, взбунтовался по настоящему. В начале марта он направил своим коллегам по Совнаркому следующее письмо:

«Правительство твердо и совершенно правильно решило покинуть Петербург и перенести столицу Советской России в Москву даже в том случае, если мы получим более или менее длительное замирение.

Но, конечно, правительство не может оставаться равнодушным к дальнейшей судьбе громадного, первоклассного мирового революционного центра. Петербургу придется круто. Он вынужден будет болезненно пережить процесс свертывания и в экономическом и в политическом отношении.

Конечно, правительство всемерно постарается облегчить этот мучительный процесс, но все же нельзя будет спасти Петербург от обострения продовольственного кризиса, от дальнейшего роста безработицы, а в связи с тем недовольства остающихся на месте масс и поредения их в ущерб революционности населения в целом.

Все это и тяжело само по себе для жителей, и чревато опасностями для судеб Советской власти в Петербурге. /.../

Я решаюсь предложить товарищам народным комиссарам лично себя на пост их официального представителя в Петрограде. Я думаю, что известие о том, что я остаюсь в городе, хоть немного смягчило бы горечь покидаемого правительством центра. Не берусь за администрацию в военном, полицейском и продовольственном отношениях, но берусь по мере сил поддерживать дух бодр, доверие к Советской власти, быть защитником Петрограда перед вами, если за общегосударственными перспективами вы начнете терять несколько из виду геройский центр революции, и, деля во всем его судьбу, быть перед его массами защитником престижа правительства.

Я сознаю всю ответственность, которую беру на себя, всю тягостность, опасность, скажем, почти гибельность той по-

⁷⁴ Беленин А. Указ. соч.

⁷⁵ ГА РФ. Ф.3842. Оп.1. Д.31. Л.15.

зиции, которую я прошу у вас позволения занять, но, если я не ошибаюсь, занять ее является моим долгом: во-первых, я неоднократно обещал массам Петрограда, с которыми нахожусь в непрерывном контакте, не покидать Петрограда до последней возможности. Во-вторых, ко мне, если я не обольщаюсь, имеется известное доверие, в-третьих, я менее других нужен в центре, так как на моем теперешнем посту меня легко может заменить тов. проф. Штернберг.

Прошу Совет Народных Комиссаров рассмотреть это мое заявление и дать свое заключение в кратчайший срок»⁷⁶.

Превращение Петрограда в провинциальный город удручало, кажется, в первую очередь, коммунистов столицы. Как писал «Коммунист», печатный орган «левых коммунистов», «в буржуазных кругах отъезд правительства вызвал ликование /.../. Для буржуазии большевики это горсть вождей...»⁷⁷. Среди «буржуазии» было, несомненно, немало тех, кто разделял мнение газеты «Новая жизнь», органа социалистов-интернационалистов: «Петрограду не бесполезно будет стать хоть на некоторое время провинцией. Население придет в себя и отдохнет от необходимости испытывать на своих плечах всю мощь и всю силу сперва самодержавия, потом, за год революции, то коалиционной, то советской власти»⁷⁸.

Действительно, судьба Петербурга, или, скорее, конец его судьбы, не слишком сильно волновали современников; на первом плане было событие, которое поразило воображение и привлекло к себе всеобщее внимание: реабилитация Москвы.

Как по волшебству, престиж и харизматическая власть старой столицы распространились на новых хозяев, как только они оказались в стенах Кремля. Генерал Бонч-Бруевич опасался, что бегство из Петрограда будет воспринято как признак слабости, но вышло наоборот: общественное мнение в большинстве своем приняло аргументацию коммунистов, которые пытались представить этот отъезд как подтверждение прочности и национальных корней своей власти. «До сих пор Петроград считался центром революций, и всякая мысль об эвакуации Петрограда считалась недопустимой. Но сейчас, по мнению руководящих сфер, советская власть настолько утвердилась, что ей не грозит никакая опасность, если даже центр будет перенесен из Петрограда в Моск-

---

⁷⁶ Литературное наследство. Т.80. 1971. С.58-59.

⁷⁷ Отъезд комиссаров. // Коммунист, 1918. 12 марта.

⁷⁸ Пилецкий Я. Бегство // Новая жизнь. 1918. 9 марта.

ву», — писала «Новая жизнь»⁷⁹. А вот мнение «Московского вечернего часа»: «Очевидно, что перенесение столицы носит характер не временной, не чисто военной меры, /.../ а является актом, завершившим собою "углубление" революции»⁸⁰. «Утро России», газета, издаваемая фабрикантом Рябушинским и будущим лидером эмиграции Устряловым, пришла к тому же заключению. Напомнив, что совсем недавно положение Петрограда казалось непоколебимым и что «революционная демократия» была первой, кто отверг идею о созыве Учредительного собрания в Москве, эта газета констатировала: «Теперь уже несомненно, большевизм не может быть приурочен к какому-нибудь городу. Он распространился "от финских хладных скал до пламенной Колхиды"». /.../» Безусловно, большевики прибыли в Москву с «отпечатком» Петербурга, его психологии и бытовых условий, сложившихся на фабриках, заводах, в казармах бюрократической столицы Империи, но и Москва, даже если она была мгновенно завоевана и подавлена, все же умерила их пыл своим «независимым общественным духом», который здесь культивировался на протяжении двух веков⁸¹.

Таким образом, общественные деятели, представители торгово-промышленных кругов и земства, — все те, кто свергнув самодержавие, стали возмущаться тем, что русская столица находится в «немецком городе», а святая Москва покинута, не могли опомниться от решения большевиков и ждали чудесных последствий.

Во время выступления перед делегатами IV съезда Советов Ленин неожиданно произнес слова «об обездоленной, убогой матушке-России». «Нет, это была не оговорка, — ободряла газета "Вечерние огни"». — Как древний Антей, прикоснувшись к земле, обретал снова свои силы /.../, так нужна была Москва, старая, златоглавая Москва, некогда объединившая русские земли, чтобы напомнить членам рабоче-крестьянских Советов, что они не только представители эксплуатируемого класса, но и русские люди! /.../ Почувствовали бы они это, выходя из Смольного? Мне кажется, что нет. Московская бацилла проникла, по-видимому, даже в крепкий и твердый, как дуб, организм Советской центральной власти. В сектантском голосе ее, где до сих пор металлически сухо звучали лишь ноты узкой нетерпимости и партийно-классовых интересов, в последние дни как будто начинают проскальзывать более мягкие, более широкие, почти государственные нотки. Москва, Москва — сердце бывлой великой России,

⁷⁹ Эвакуация Петрограда // Новая жизнь. 1918. 7 марта.

⁸⁰ Московская республика // Московский вечерний час. 1918. 13 марта.

⁸¹ Оставленный Петроград // Утро России. 1918. 16 марта.

Москва — собирательница Руси, Москва земских лучших людей, город славных традиций /.../ суждено ли тебе опять в годину гибели России набатом своих сорока-сороков колоколен разбудить уснувшую совесть русских людей?»⁸²

Эту преждевременную «смену веж», одобрение со стороны буржуазных и патриотических кругов, Ленин получил благодаря решению покинуть Петербург и разместиться в Кремле. Газета «Известия» с гордостью высказала идею, занимавшую все умы: «Там, где старая Россия утвердила некогда свое величие, поднимает голову Россия молодая — и новая. Преемственность нашего государственного развития не прервана»⁸³.

Впрочем, формулировка «Известий» была не совсем точной. Ленин сделал больше: он не просто подтвердил преемственность власти, но и, по мнению своих противников, возобновил связь с *истинной* старой Русью и покончил с ошибочной западнической ориентацией, господствовавшей в течение двух веков. «Перенесение столицы в Москву /.../ завершает петербургский период нашей истории. Переезд народных комиссаров в Москву, в сущности, открывает новый, московский период русской истории. Большевикам удалось осуществить мечту славянофилов»⁸⁴, — писал «Московский вечерний час». Несмотря на иронические нотки по поводу «дипломатического гения» Ленина, который «забил окно» и отдал ключ немцам, статья была полна пафоса и не оставляла сомнений в поддержке решения большевиков: «Какова же задача Московской Руси? Эта задача — повторение того исторического дела, которое уже выполнила однажды Москва и которое ей придется повторить вновь: дело пробуждения национального чувства и собирания России». На фоне такого пыла скептицизм нескольких закоренелых западников из «Новой жизни» не производил впечатления. Их сомнения в способности Москвы, «самого буржуазного города в России»⁸⁵, проникнуться современным и европейским духом большевиков, их сожаление о том, что «революция отброшена далеко на Восток, в беспредельные равнины центральной мужицкой Московии», не вызвали отклика⁸⁶.

Если верить печати, то в конце марта петроградские большевики вознамерились вернуть городу его историческое название и вновь переименовать его в Петербург⁸⁷. Однако дело заглохло.

⁸² Холмский Т. Перелом // Вечерние огни. 1918. 22 марта.

⁸³ Р. В Москве // Известия. 1918. 14 марта.

⁸⁴ Московская республика. Указ. публ.

⁸⁵ Пилецкий Я. Бегство // Новая жизнь. 1918. 9 марта.

⁸⁶ Годовщина Революции // Новая жизнь. 1918. 12 марта.

⁸⁷ Ниль Н. Переименование Петрограда // Вечерние огни. 1918. 2 апреля.

Возможно, это произошло потому, что никто, за исключением коммунистов — членов «Петроградской трудовой коммуны», не придавал ему большого значения. И уж конечно, этим не было обеспокоено «буржуазное» общественное мнение Москвы: «Оставленный Петроград — это символ целого пройденного тракта русской истории, тракта, с которого мы давно должны были сойти, но по которому мы упорно шли, следуя бюрократической инерции», — писала газета «Утро России». Все еще надеясь, что немцы в конце концов покинут подступы к бывшей столице, Финляндию и Эстонию, газета промышленных кругов предрекала: «И все же чувствуется, что бывшее величие Петрограда не возродится. Многолетнее почти инстинктивное отчуждение от него России требует нового центра. И останется Петроград историческим городом Петра...»⁸⁸. Все, даже петербуржцы, смирились с приговором народа и подчинились историческому авторитету Москвы: «Санкт-Петербургский период истории укладывается в ящики и чемоданы. Что же, надо ехать, надо работать, учиться, покаяться в Санкт-Петербургском грехе, самодержавной гордыне, невских химерах — России надо жить. И она еще вернется, но в свой, заработанный, в подлинный русский Петроград»⁸⁹.

Петроград, лишенный звания столицы, предоставленный самому себе, медленно приходил в чувство после шока. Понадобилось время, чтобы его жители, как коммунисты, так и обыватели, поняли, что новая власть старается, исходя из «общегосударственных перспектив», не столько «терять из виду», сколько сокрушить прежнюю столицу. Понадобились дезорганизация городской промышленности под видом эвакуации, разрушение самых боевых Советов, усмирение рабочего класса, голод, эпидемия холеры, изнурение интеллигенции и чудовищное сокращение населения города, чтобы осознать конец Петербурга. Три месяца спустя Горький с тревогой восклицал: «Голод в Петрограде начался и растет с грозной силой /.../. Умирает Петроград как город, умирает как центр духовной жизни»⁹⁰. А Осип Мандельштам уже понял:

Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась, воск бессмертья тает...
О, если ты звезда, — Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает!⁹¹

⁸⁸ Оставленный Петроград // Утро России. 1918. 16 марта.

⁸⁹ Пессимист. Реквием по Санкт-Петербургу // Московский вечерний час. 1918. 13 марта.

⁹⁰ Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918, 1 июня.

⁹¹ Мандельштам О. На страшной высоте // Вечерняя звезда. 1918. 6 марта.

РОССИЯ И УКРАИНА

Из дневников Н.М. Могилянского
и писем к нему П.П. Скоропадского
1919-1926

Публикация А.Сергеева

Гетманский период новейшей истории Украины (29 апреля — 14 декабря 1918) характеризовался советскими историками особенно единодушно: реставрация монархии со ставкой на крупных землевладельцев, буржуазию и немецкие штыки¹. Разумеется, с таких же позиций оценивалась и центральная фигура этого периода — гетман Павел Петрович Скоропадский (1873-1945). Предлагаемые материалы позволяют взглянуть на эту форму украинской государственности глазами самого П.П. Скоропадского и деятельного члена его правительства Николая Михайловича Могилянского (1871-1933).

П.П. Скоропадский — аристократ, украинец по происхождению (его предком был И.И. Скоропадский, сменивший гетмана И.С. Мазепу), генерал, состоявший на службе при императорском дворе, до 1917 украинскими вопросами интересовался мало. Перелом произошел после февральской революции — он первым украинизировал свой корпус, которым командовал в годы войны. Несмотря на это, отношения с Центральной Радой были сложными: недавняя верность Скоропадского Империи и крупные его землевладения вызывали недоверие у радикально настроенных украинских политиков (в Раде было много социалистов). Некоторые современные исследователи иронизируют над быстротой «украини-

---

¹ Из исследований зарубежных историков по этому периоду см.: Мірчук П. Українсько-московська війна (1917-1919). Торонто, 1957. Далее цит. по: Он же. Помилка гетьмана Скоропадського: Гетьманат і українські державники // Народна газета. 1991. №3-5 (11-13). Трав.-Черв. Субтельний О. Гетьманат // Український історичний журнал. 1991. №6. С.102-106. См. также: Папакін Г.В. Гетьман Павло Скоропадський: Штрихи до портрета // Скоропадський П. Спомини. К., 1992. С.3-9.

зации» Скоропадского². Им можно возразить, что в такие годы, как 1917-1918, время как бы «спрессовывается»: вспомним, что и глава Центральной Рады М.С. Грушевский и большинство ее Генерального Секретариата и после обнародования III Универсала (7 ноября 1917) видели будущее Украины в форме *federation* с Великобританией.

Сам Скоропадский не отрицает своих симпатий к России. Он хотел создать смешанное русско-украинское правительство, пытаясь примирить таким образом радикальных украинцев с теми, кто ориентировался на Великобританию. На практике осуществить это не удалось по множеству причин, в том числе, как отмечают современники, из-за мягкости характера гетмана³. Другой попыткой в названном направлении был Универсал Скоропадского о федерации с Россией, категорически отвергнутый украинскими партиями и освободивший их — согласно их представлениям — от обязательств перед гетманом⁴. Пройдя достаточно суровую политическую школу, Скоропадский приходит к малоутешительному выводу: уже само *mentalité* великороссиянина не позволяет ему относиться к Украине иначе, чем как к одной из российских губерний.

Еще два обстоятельства, характеризующих гетманство. За этот недолгий период были осуществлены значительные сдвиги в развитии украинской культуры. Достаточно назвать 9 июля 1918 — день образования Комиссии под председательством В.И. Вернадского по разработке проекта Украинской Академии наук и 27 ноября 1918 — день создания Академии. «Гетман Скоропадский будет иметь на суде истории наилучших защитников в лице украинских школы и науки, могильщики гетманства, напротив, были и могильщиками украинской культуры, и в этом смысле они предстанут перед лицом того же суда»⁵. Отрекшись от власти, Скоро-

² «Скоропадский потомок старинного казачьего старшинского рода и один из крупнейших землевладельцев на Украине — принадлежал к высокопоставленным особам царского двора: служил адъютантом Николая II и был очень авторитетным генералом во время войны. Однако во время революции он украинизировал свой армейский корпус и после того, как Центральная Рада отказалась от его услуг, был номинально избран командиром сельской милиции — "вольного казачества". Когда этот русифицированный "малоросский" аристократ, который неожиданно вспомнил о своем украинском происхождении, пришел к власти, начался новый этап революции на Украине, который характеризовался попытками возобновить законность и порядок и положить конец некоторым "социалистическим экспериментам" Центральной Рады» (Субтельный О. Указ. соч. С.102).

³ Вышевич К. Украинский вопрос, Россия и Антанта. Гельсингфорс. 1918. С.31-32.

⁴ Мирчук П. Указ. соч. №5.

⁵ Томашівський С. Під колесами історії. Берлін. 1922. С.11. О. Субтельный указывает: «Особенно впечатляющими оказались достижения правительства в области просвещения и создания инфраструктуры научного дела. Для начальной школы было подготовлено несколько миллионов учебников на украинском языке, а язык этот — введен в большинство школ. Начали действовать около 150 украинскоязычных гимназий, причем немалое число из них в сельской местности. В Киеве и Каменец-Подольске в октябре были открыты два новых университета. Были также созданы национальный архив и библиотека /.../. Таким образом, за считанные ме-

падский ни словом, ни делом не вмешивался в государственное творчество тех, кто пришел ему на смену⁶.

Профессор-антрополог Н.М. Могилянский родился и получил гимназическое образование в Чернигове. В 1893 окончил естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета, затем продолжил образование в парижской Ecole d'Antropologie (1895-1897); вернувшись в Петербург, был хранителем Музея антропологии Академии наук, а с 1908 заведовал Этнографическим отделением Русского музея, преподавал в ряде столичных вузов.

В отличие от многих своих современников, он даже в студенческие годы политикой интересовался умеренно, будучи тем не менее в курсе современных общественных теорий: «В течение университетского курса самостоятельно прошел курсы истории философии и внимательно прочел три тома Маркса, теорию политической экономии и всю марксистскую литературу того времени — никогда не увлекаясь особенно доктриной, но считая основу социализма высшей правдой, особенно под влиянием Герцена, которого прочитал раза три запоём. "С того берега" знаю чуть ли не наизусть и рвался пылко в Западную Европу, /.../ но самые крупные увлечения были: пергамские обломки и вагнеровская музыка, впервые открывшаяся моему чувству и сознанию»⁷. Политические симпатии петербургского профессора Н.М. Могилянского были на стороне партии кадетов.

После 1917 Могилянский активно включился в политику, которой не остался чужд и в послереволюционной эмиграции, сначала в Париже, а затем в Праге, где профессорствовал в Русском университете. Между большевиками и украинцами-самостийниками Н.М. Могилянский по сути не делал различий и делил между ними ответственность за анархию и бойню, царившие в годы гражданской войны на Украине⁸.

Украинская проблема, по мнению Могилянского, «есть вопрос национальной культуры и не может он разрешиться силою оружия. Глубоко заблуждаются те, кто этим путем думает решить украинский вопрос. Если можно и должно непримиримо и до конца воевать с разбойниками типа Петлюры, Винниченко, Махно, теми, кто и в массу украинского народа бросил лозунги большевизма и вопреки воле и сознанию украинского народа самозванно и нагло объявил сепаратизм, как необходимое условие для будущего благополучия, то не умно и опасно для будущих судеб самой России: 1) игнорировать украинский вопрос и бороться с самим законным стремлением украинского народа к культурному национальному развитию; 2) всех украинцев считать сепаратистами и преступниками против России»⁹.

сыцы в области культуры гетманство, следует отдать ему должное, сделало то, о чем украинская интеллигенция мечтала веками» (Указ. соч. С.104).

⁶ Томашівський С. Указ. соч. С.68.

⁷ ГА РФ. Ф.5787. Оп.1. Д.3. Л.34-35. В возрасте 23 лет Могилянский действительно посетил места традиционного паломничества российской интеллигенции.

⁸ Там же. Д.35. Л.18.

⁹ Могилянский Н. Больной вопрос // Россия (Прага). 1920. №20.

Будущее Украины Н.М. Могилянский видел в федеративном Российском государстве. Но в слово «федерация» в начале века вкладывался иной смысл, чем ныне. Во всяком случае, мечтая о федерации с Россией, ученый полагал, что народ Украины заслуживает лучшего, нежели существование под имперским диктатом Москвы. Обосновывая свое мнение, он писал об украинском народе: «Население этого края по своим этническим и психологическим корням глубоко рознится от населения средней и северной России, ибо в историческом процессе впитало в себя иные антропологические элементы, не финского, а тюркского происхождения и, что еще более существенно для нашей эпохи, в историческом процессе жизни было более европеизировано. Не случайно то обстоятельство, что в религиозном искании южно-русы в отличие уже от орловца и калужанина идут не в хлыстовщину или скопчество, а в рационализм: штунду или баптизм. Кроме вышеуказанных этнических основ, здесь сыграла свою роль история и культура. Через Литву и Польшу на Украину шло в свое время влияние европейской цивилизации. В XVII веке, когда тишайший царь Алексей еще [лишь] подписывал свое имя, все почти население Украины было грамотное, гетман же всей Украины говорил по-французски и по-турецки, т.е. на дипломатическом языке того времени. В последующий затем период унии Украины с Россией, особенно начиная с Петра, потом при Екатерине и до последнего времени огромное число южно-русов или украинцев отдавало свои силы на государственное строительство России. И до сих пор еще, несмотря на рецидив безграмотности населения на Украине под влиянием унификационной тенденции, отразившейся на школе, крестьянин украинский резко отличается своей мышленостью, сообразительностью: на военной службе он фельдфебель, в артиллерии — наводчик, он знает поголовно и вексельный устав, и нотариальные и судебные порядки — в полную противоположность часто тупому, косному, трудно усваивающему элементы культуры великороссу»¹⁰.

Дневники Н.М. Могилянского представляют собой несколько объемистых тетрадей и состоят (помимо подневных записей) из публицистики автора, его воспоминаний¹¹, стихотворений на русском и французском языках. Кроме того, на страницы этих дневников вклеены вырезки из писем к автору от разных корреспондентов, из повременной печати, а также фотоматериалы. Для публикации мы отобрали только фрагменты, относящиеся к Скоропадскому¹², а также хранящиеся отдельно его письма к Могилянскому¹³.

¹⁰ ГА РФ. Ф.5787. Оп.1. Д.35. Л.11.

¹¹ Часть воспоминаний Могилянского о Скоропадском была опубликована: Трагедия Украины // Архив русской революции (Берлин). 1923. Т.11. С.74-105.

¹² ГА РФ. Ф.5787. Д.6. Л.100-100об., 101об., 111-112, 114, 115об.,116; Д.7. Л.12-13; Д.14. Л.3-6об.

¹³ Там же. Д.163. Пользуемся случаем, чтобы выразить нашу благодарность за помощь при подготовке этой публикации историку Г.М. Курасу (г.Шорс Черниговской обл.).

М.Петрово-Соловово и С.Н.Ставровский. Тула. 1903

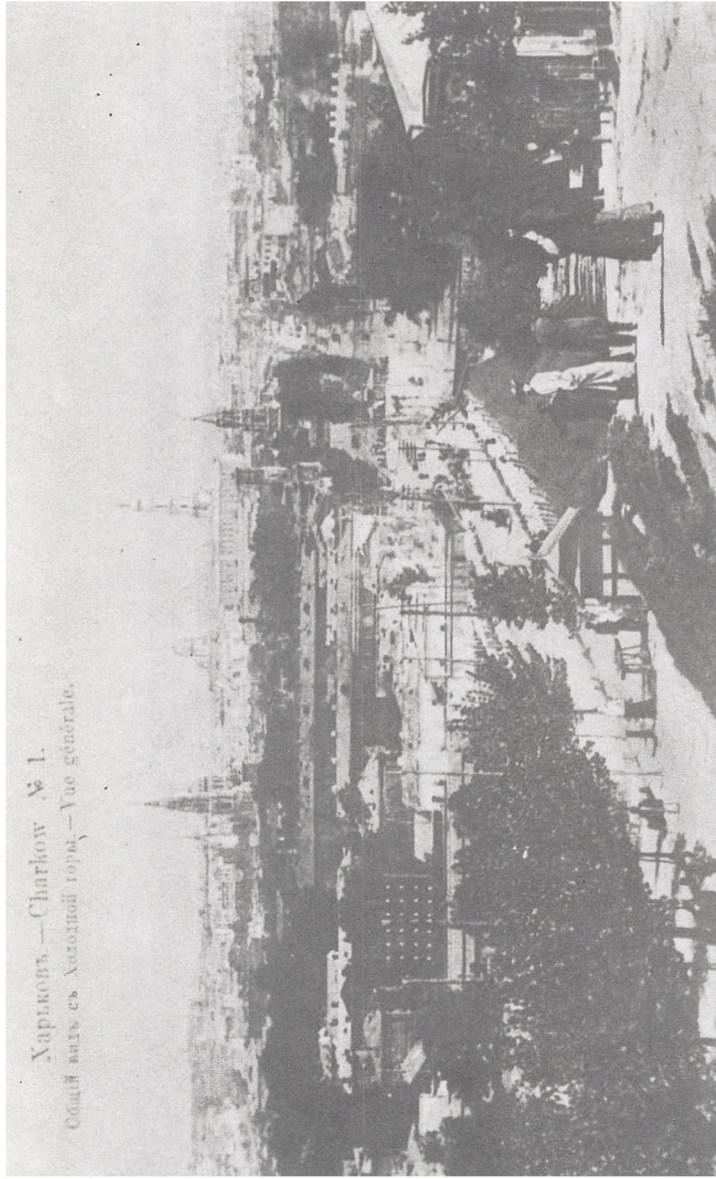
Д.В., С.А., А.В. Петрово-Соловово. Вязовка. Апрель 1916

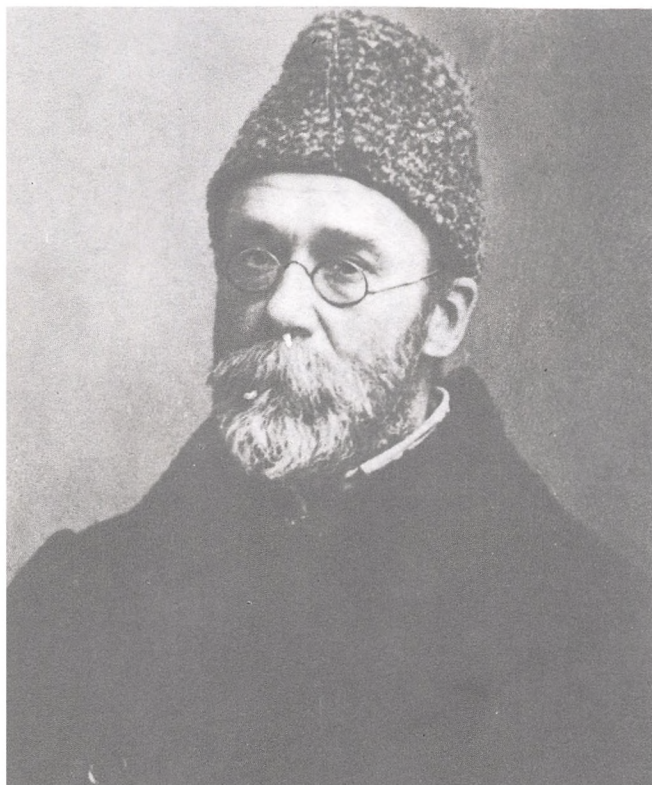
С.М. Смидович. Харьков. 1918

Харьковъ — Charlow № 1.

Общій видъ съ Холодної гори, — Vue générale.

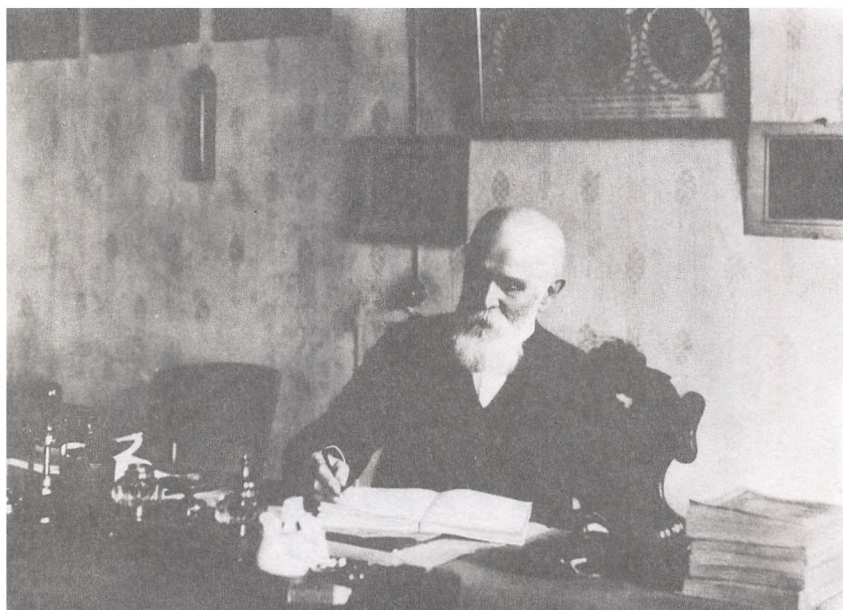
Харьков. Вид с Холодной горы. 1910-е.

С.Н. Ставровский. Алчевск. Январь 1923

М.С. Немцов. 1950-е.

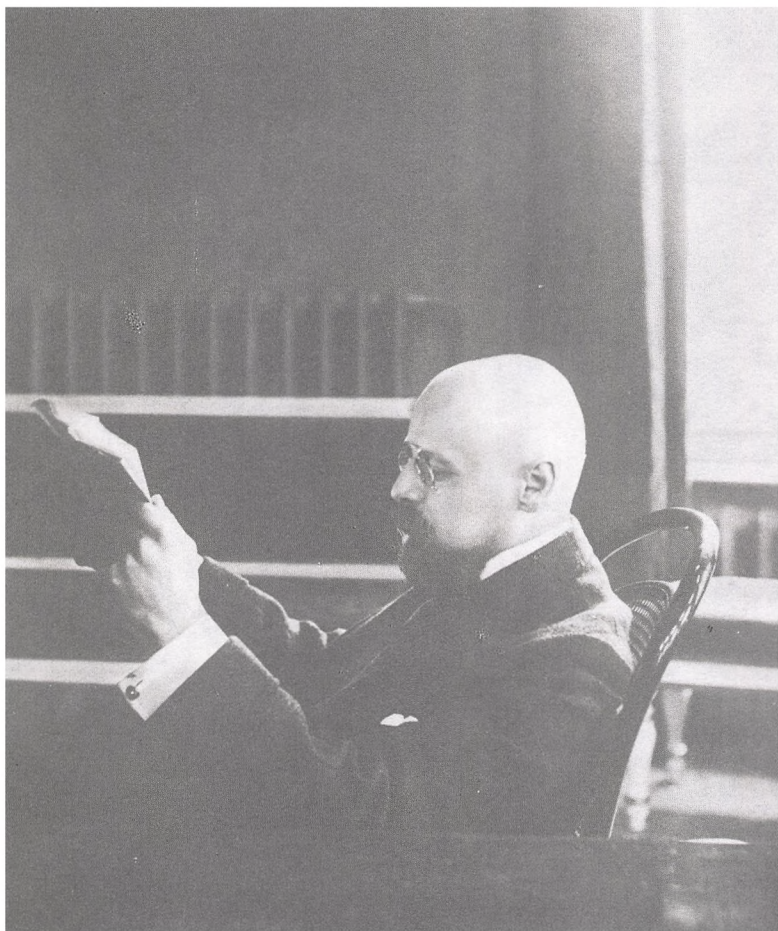

А.И. Дубровин. Петербург. 1910-е. (ЦГАКФФД)

Н.Е. Марков. Петербург. 1913. (ЦГАКФФД)

В.М. Пуришкевич. Петроград. 1917. (ЦГАКФФД)

Торжественное собрание членов Союза им.Михаила Архангела
по случаю празднования 300-летия Дома Романовых.
Петербург. Таврическая, 37. 1913. (ЦГАКФФД)

**Руководители и члены Союза русского народа у Казанского собора
в день посещения его Николаем II. 1913. (ЦГАКФФД)**

И.Г. Щегловитов. Петербург. 1914. (ЦГАКФФД)

А.Н. Хвостов. Петроград. 1915. (ЦГАКФФД)

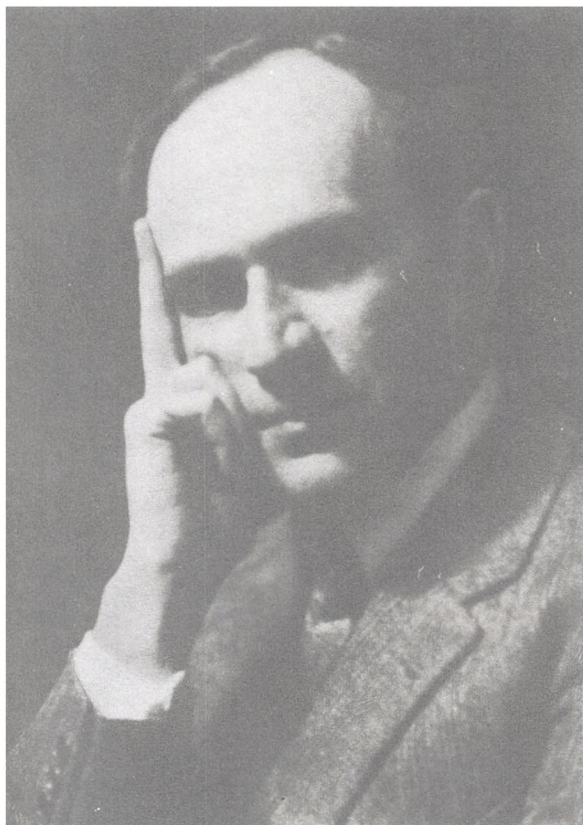

С.П. Белецкий. Петербург. 1914. (ЦГАКФФД)

Г.Г. Замысловский. Петербург. 1910-е. (РГИА)

В.Г. Лидин. 1928

ИЗ ДНЕВНИКА Н.М. МОГИЛЯНСКОГО

9-10 февраля 1920 г.

Из рассказов бабушки о Скоропадском я помню лишь то, что это богатый, блестящий светский офицер — «пан на усю губу», тратит много денег... говорила это одобрительно...

/.../

Я увидел его в первый раз в весьма серьезную и ответственную минуту его жизни. Это было 29 апреля 1918 г. между 3-4 часами дня, через полчаса после избрания *par acclamation*¹ «Гетьманом всієї України» на съезде крестьян-«хліборобов». Через десять дней я получил назначение товарищем государственного секретаря и 8 мая уехал в Одессу для переговоров с австро-венгерским командованием. /.../ Дня через три я вернулся обратно в Киев и с половины мая до половины октября почти непрерывно просидел в заседаниях Совета Министров.

/.../

Из письма* 17 октября 1919 г.: «Меня все непременно выставляют каким-то ярым германофилом. Я такой же германофил, как и франкофил, я просто русофил, желающий восстановления России. Вся разница между моими противниками и мною состоит в том, что они несравненно более, чем я, "филы" "Entente"² с Германией, а затем, что я совершенно не верю в возможность восстановления России прежней, а считаю, что она должна быть по национальностям автономна, т.к. снова создавать эту Россию, единство которой опиралось бы только на штыки и жандармерию, невысказано и нежелательно. Что я такой же германофил, как и франкофил, видно из того, что пока не было немцев у нас на Украине, я хотел свергнуть Центральную Раду при помощи французов во главе с генералом Тавоис³; не моя вина, если они не решительно на это пошли, а немцы пошли /.../. Но будучи русским, я и украинец, конечно, не петлюровской "марки", и утверждаю, что никогда великорусскому правительству не удастся справиться с украинским движением. /.../ Главное, в чем я убежден, что моя Украина для величия России вернее и прочнее, нежели та Малороссия, которую создает Деникин. /.../ Затем, меня почему-то изображают каким-то реакционером. Вы знаете мою борьбу с

* Скоропадского к Могилянскому. — А.С.

крайними правыми кругами и знаете, насколько все эти пустые статьи* мало отражают истину. Для меня так же ненавистны левые большевики, как и большевики справа. /.../

Я никогда не полагал, что немцы победят, но я не учел немецкой революции, с другой стороны, я всегда рассчитывал на победу Франции, но никогда не думал, что она поведет ту политику, которую она повела против нас, считая, что этот путь ей невыгоден, а был бы полный расчет нас поддержать всячески».

Скоропадский не верил, чтобы из Учредительного собрания возникли новая власть и порядок, основанный на законе в России. Не будучи ни поклонником, ни защитником русского самодержавия, он склонен видеть спасение в создании конституционной, ограниченной монархии. Скоропадский не централист — он ярко и определенно стоит за федеративное начало для создания будущей России и не за автономию, а за федерацию, т.е. за союз равноправных частей. В этом отношении взгляды его очень радикальны.

Не менее радикально смотрит генерал П.П. Скоропадский на аграрный вопрос. Землю нужно передать крестьянам за выкуп — латифундиями необходимо и неизбежно пожертвовать. Сам крупнейший помещик, он настаивал на радикальной аграрной революции сверху.

/.../

**«Как я и ожидал /.../ у Деникина нехорошо и будущее рисуется еще печальнее. Если я не соглашаюсь с Деникиным, то это не значит, что Добровольческая армия мне не близка: она битком набита моими товарищами, друзьями и подчиненными. Взять хотя бы Врангеля, который теперь, кажется, ими командует и играет вообще выдающуюся роль — он офицер моего полка, в начале войны командовал у меня эскадром, я его представил к Георгиевскому кресту — вообще его выдвигал все время — он, действительно, выдающийся офицер и, думаю, что из всех окружающих Деникина он наиболее мне симпатичный и способный. Поэтому все невзгоды Добровольческой армии я принимаю близко к сердцу и мне чрезвычайно тяжело теперь тут спокойно сидеть в такую минуту, когда я всю жизнь и всю войну был с ними и разделял все радости и горести их. Но со всей этой политикой я совершенно не согласен. Меня удивляет наша интеллигенция —

---

* Дело идет о статьях в петлюровской прессе за границей и статьях «Pour la Russie» (Примечание Н.М. Могиланского.)

** Отрывок из письма Скоропадского к Могиланскому от 1 января 1920, занесенный адресатом в дневник. — А.С.

как она оторвана от действительности, как она не гибка и как поэтому всегда попадает впросак. /.../

11 февраля 1920 г. Лозанна*. «Возвращаясь к нашей Украине, я того мнения, что те деятели теперь лишь могут иметь успех, которые без задней мысли будут создавать Украину как самостоятельное государство на началах мелкобуржуазных с широкою мировой политикой. /.../ Только тот может иметь успех, кто стоит на точке самостоятельности». Документы красноречивы, мысли ясные! Впрочем, я сам виноват отчасти в воспитании украинского империализма у генерала П.П. Скоропадского. Я ему послал несколько номеров наглой петлюровской [нрзб. одно слово] газеты гр. М. Тышкевича «La France et l'Ukraine»... Начитался... усвоил! Я отправил П.П. Скоропадскому резкое письмо, указав на новое противоречие всему тому, что он писал мне, например, в письме от 17 октября 1919 г., и всему тому, о чем мы говорили при свидании. Я писал ему: «Я все время знал П.П. Скоропадского не врагом России и так его везде, где мог, рекомендовал. Оказывается, я всех и все, по существу, надувал, генерал Скоропадский хочет "Самостоятельного государства Украины"». Я Вам на этом пути не помощник. Я неизменно хочу Украины не немецкой, не британской, а сознательно сговорившейся с Россией — какие бы на этом пути ни стояли препятствия. Тогда Вам по дороге с Петлюрой, Поршем, Блаватским⁴ и всеми этими господами, от которых меня лично тошнит. /.../ Я хочу создавать не "самостоятельную", [но] культурную Украину при сотрудничестве всех умных и честных русских людей, ибо без них никакой Украины, кроме (временно) польской нам никогда не создать. Я все же за Россию, сколько бы грехов ни было на ее совести по отношению к Украине в прошлом. Это мой путь для создания Украины, и другого я не вижу и, по совести, не хочу».

Письмо это не застало П.П. Скоропадского в Лозанне, он уехал в Германию, и теперь жду случая передать ему два моих последних письма. В Германии все письма еще до сих пор подвергаются цензуре — я ответа на них не имею. Да что мне, по существу, в этом ответе!.. Я был бы разочарован, если бы с именем Скоропадского связывал какие-нибудь политические комбинации или чаяния. Своими шатаниями он сам губит себя в глазах последних своих защитников, выбивая у них почву даже для необходимой реабилитации Скоропадского перед культурным миром и особенно Россией за его Гетманство.

---

* Эта запись начинается недатированной вырезкой из письма Скоропадского. — А.С.

1 января 1923 г.*

П.П. Скоропадскому.

Как ни эфемерно было возникшее на Украине Гетманство, как ни кратко было его существование, все же его можно помянуть добрым словом.

Благодаря капризу истории эта архаическая форма власти, как молния, на мгновение озарила историческую арену украинской жизни... и погасла... кто скажет — навсегда ли? Нужно было, конечно, пережить то, что мы пережили с 1914 года, чтобы реализовать такую фантазию, как гетманство на Украине... Мировая война, мировой социальный опыт большевизма, вплотную подошедший к двери истории...

Двум причинам обязано появление гетманства: центробежной силе, вызванной проигранной Россией войной и революцией. Реакция против социалистических утопий... Определяющим моментом явилось покровительство еще не разбитой, мощной Германии, которой нужен был украинский хлеб для продолжения войны.

Если было на свете лицо, которое в силу исторической традиции могло претендовать на роль гетмана Украины, то это был несомненно Павел Петрович Скоропадский. Он взял на себя этот крест, это непосильное бремя истории... Нельзя требовать от человека, чтобы он сделал сверхчеловеческое... Да, гением Наполеона он не обладал, но еще неизвестно, мог ли бы даже гений Наполеона справиться с той задачей, которая состояла в удержании Украины от напора большевизма. Украинское население, как и русское, стремилось к двум целям неудержимо:

- к ликвидации тяжелой войны,
- к дележу помещичьей земли.

В этом вся причина успеха большевиков.

Скоропадского предали: немцы, когда он стал им не нужен, и украинцы — руководители движения, как и русские, зараженные социалистическими доктринами, и как завистники и соперники в своих притязаниях на власть. Как бы ни старались его осудить и очернить — это был глубоко честный, порядочный человек, настоящий джентльмен. Невероятную слепоту обнаружила Антанта и ее политики, в частности Франция, не поддержав Скоропадского в ноябре 1918 г., когда к тому была полная возможность.

---

* Далее следует мемуарный фрагмент Могилянского с посвящением Скоропадскому. — А.С.

Еще далеко не написана история гетманского периода на Украине, однако несомненно одно: Скоропадским создано было честное, работоспособное правительство⁵, которое могло с достаточной удовлетворительностью разрешить вопросы — русский и украинский в условиях временного независимого украинского государства. Скоропадский был достаточно русским, чтобы не предать интересов России, он был искренним украинцем, чтобы не дать в обиду украинских интересов. Если бы у украинских «самостийников» было немножко больше государственного опыта и понимания — они обеими руками должны были бы держаться за Скоропадского, который мог составить счастье украинского народа. Судьба решила иначе. Узкие шовинисты, тупые мыслители и ничтожные, жалкие политики — Петлюра, Винниченко, Порш из Национального союза⁶ сделали свое грустное дело развала Украины, подняв восстание против гетманской власти, как ненациональной и реакционной и... отдали ее целиком во власть большевистской анархии.

На совести Скоропадского нет ни гонений против всего русского и русской культуры... нет и преследований евреев⁷... нет, ему нельзя поставить в упрек национальную исключительность, шовинизм и насилие против других национальностей. Это беспристрастная история должна поставить ему в крупную заслугу. Он, несомненно, хотел и стремился только к добру. Я вспоминаю его всегда с самым теплым чувством. Как Гетман он отличался удивительной простотой, привлекательностью и желанием всем и каждому облегчить его положение и, по мере сил, помочь. Сколько народа злоупотребляли его добротой и отзывчивостью! Человек этот — исключительно добрый и благожелательный.

Кто знает, какие события предстоит пережить еще России и Украине... Одно ясно, к прежнему центровизму возврата нет и быть не может. Максимум здесь может быть достигнут лишь самими большевиками и их насилием. Освобожденная от них Россия не может не искать иных, свободных форм национального общежития. И как [жаль], что имя Скоропадского скомпрометировано историей — она не прощает неуспеха. К тому же вокруг идеи гетманства в эмиграционных кругах украинства самая реакционная, неумная политика: гетмана хотят видеть самостоятельным украинским монархом... Упаси Боже Украину от этой глупости.

***

ИЗ ПИСЕМ П.П. СКОРОПАДСКОГО
К Н.М. МОГИЛЯНСКОМУ

1

22 января 1921 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Вернувшись в самый день встречи нашего Нового года из Германии, я застал Ваше письмо и, желая Вам скорее дать ответ, послал Вам коротенькую открытку, теперь пишу Вам более обстоятельно. Мне было очень приятно получить от Вас известие; в течение нескольких месяцев я ничего о Вас не знал, что касается Вашей политической деятельности, то, конечно, Вы совершенно правы, я не разделяю Вашего мнения, но, по-моему, и я в этом с Вами согласен, это нисколько не мешает оставаться нам в хороших отношениях, что для меня очень приятно. Я благодарен Вам за то, что Вы в Вашем письме милостиво отнеслись к нашему бывшему правительству. Сколько бы там его ни хаяли, из всех, созданных за время революции, это правительство было наиболее продуктивное и честное, особенно в тот период, когда оно создавало Украину без всяких колебаний, что под влиянием политических событий было во втором, последнем периоде. Спасибо Вам за добрую память о Вашем пребывании у нас.

Мы живем по-прежнему, в той же самой ville'n у M-me Vogard, которую Вы же нам нашли. Дети втянулись в работу. Марийка усиленно режет руки и ноги всяких швейцарских трупов, Лилинька бегаёт в 4 школы рисования, лепки и какие-то высшие курсы французского языка, а Данила всецело поглощен своею гимназиею и лазанием по горам. Учится он хорошо, один из первых, здоров и красив, но он так занят своею гимназиею, что положительно не имеет пока времени читать и думать о том, что не входит в сферу гимназических забот. Меня это исключительно беспокоит, ему уже 17 лет, ведь не к швейцарской же деятельности он готовится! До окончания гимназии ему еще полтора года. Скоро придется призадуматься, куда его послать в дальнейшем.

Здесь я перезнакомился со многими милейшими людьми, особенно военными из правительства [нрзб. одно слово], есть много славных людей, но все это с мелким масштабом. Мои дела будто пойдут лучше, я думаю умудриться продать кое-что из моего имущества, находящегося в России, тогда я буду совершенно спокоен за семью. Мне очень тяжело думать, что Вы до сих пор не могли добиться соединения с Вашей семьею, верьте мне, что я глубоко

Вам сочувствую. Я был бы очень рад с Вами повидаться, но пока ни для Вас, ни для меня это не под силу, подождем немного, по-моему, так или иначе времена для нас изменятся. Я в курсе всех тех украинских и русских дел, которые творятся у Вас в Париже, теперь начинается новая акция, как принято тут выражаться, не без живейшего участия Ваших парижских некоторых партий, в [Вене] собирается Всеукраинский съезд, посмотрим, что из этого выйдет. Вы пишете, что работаете у Игоря Александровича Кистяковского⁸, я убежден что дело у него хорошо пойдет, у меня, т.е. скорее у моей дочери, есть дело, по которому очень возможно, что я попрошу его помочь мне советом, но все это, к сожалению, в будущем. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне сообщили, что нового на книжном рынке, касающемся России, нет ли каких-нибудь интересных исследований недавнего исторического прошлого и т.д. Ведь, кажется, «Грядущая Россия» перестала выходить? Нет ли подобных ей журналов? За сообщение я Вам буду очень благодарен; здесь добиться чего-нибудь в смысле справок через Рауот⁹ совершенно немыслимо.

До свидания, дорогой Николай Михайлович. Мои все Вам шлют привет. Жму Вашу руку.

Искренне уважающий и преданный Вам П.П. Скоропадский.

2

21 марта 1921 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Долго не отвечал на Ваше письмо по следующим причинам: 1) у меня было много всевозможных частных дел, которые заставили временно забросить всю мою переписку, 2) сознаюсь, я не знал, что Вам писать, я человек откровенный или скорее, правильно сказать, по природе своей откровенный, хотя теперь, после политической школы, которую прошел, умею себя в этом отношении сдерживать, но у нас с Вами установились такие отношения, что я отдаюсь своей природе, а не занимаюсь с Вами политикою — и потому скажу Вам то впечатление, которое я испытал. Я получил Ваше письмо, я Вас понимаю, считаю, что Вы стоите более на идейной почве, нежели я, я более на практической, что Вы в силу Вашей культуры более привязаны к идее Великой России, нежели я, а главное, Вы более доверчивы. Я же менее привязан к идее России, а главное совершенно недоверчив во всем, что касается получения чего-нибудь для Украины из рук великороссиян по их добровольному желанию, не только со стороны идейно связанных

со старым царским правительством, но также со стороны людей, называющих себя демократами, как у тех, так и у других *mentalité* в этом отношении совершенно одинаков; т.к. я страстно хочу Украины, то я совершенно не понимаю, не веря в добрую волю великороссиян, чтобы по Вашему рецепту что-нибудь вышло. Это совершенно не значит, что я близок с петлюровцами в их дикой ненависти к России, совершенно нет, но я решительно не желаю быть в Украине, которая получала бы приказания из Москвы, для этого путь один: нужно создать Украину, а там видно будет, каковы будут договорные отношения. Вы другого мнения, последнее я уважаю, но не разделяю. Вообще по Вашему письму все прекрасно. Потом через день я получил *Jeune Ukraine*, тут уж, простите, не обижайтесь, что говорю прямо, совсем другое, не только в статьях Ваших сотрудников, но и у Вас, тут уже просто ненависть к Украине и ко мне, в частности, хотя и замаскированная, но ясно читаемая сквозь строки и очень бьющая в нас. Этого я не понимаю, и если бы я Вас не знал и не считал бы человеком высших нравственных и культурных убеждений, я не обратил бы на это внимания, но здесь я поразился, скажу правду. Надеюсь, Вы на меня не сердитесь и понимаете, что если я Вам про все это пишу, то именно ввиду моего высокого мнения о Вас, не допускающего малейшей тени на все, что выходит из-под Вашего пера.

Лично я теперь стою несколько в стороне от политической жизни, но я за всем слежу и хорошо ориентирован. Я несколько устроился со своими делами или, лучше сказать, устраиваюсь, в семейном отношении и жизни я очень счастлив и, поверьте мне, лично для себя я ничего не хочу. В газетах часто пишут про меня — все это в большей своей части сплошной вздор. Живу в данное время очень счастливо, и если бы я снова хотел выступить, то только на дело, которое сулит более или менее верный успех и только ради создания Украины светлой и действительно где бы была свобода, а не той, как ее понимают великороссияне всех оттенков, включая демократов. Если это время не придет для меня, оно придет после меня, я этому глубоко верю, а что оно не придет для меня, я об этом тужить, поверьте, не буду, мне ничего не надо. Я Вам нарочно все это пишу, чтобы Вы понимали, что личность моя тут совершенно не замешана, но что я просто не понимаю Вас и что это мне было неприятно, поэтому я воздержался, в дополнение к другим причинам, лишившим меня возможности переписываться, Вам немедленно же отвечать. Но время все сглаживает, я успокоился и Вам откровенно высказал свое мнение, надеюсь, что Вы меня поймете, как того бы я хотел. Кстати, теперь столько интересного и, если хотите, радостного на севере,

что хочется спросить Ваше мнение: смотрите ли Вы на все происходящее как на гибель большевиков или же только [как] на сильный сдвиг в сторону их провала, но пока еще не гибели. Сознаюсь, лично, хотя и проникнут сознанием важности происходящего, я думаю, что это лишь сдвиг, но последствия которого будут неисчислимы, как для России, так и для Украины, скажу больше: для всего света. Так ли это, и как у Вас на это смотрят в Париже? В связи со всем тем, что я написал Вам выше, я совершенно с Вами согласен, что жаль, что мы не можем с Вами в скором времени свидеться. Если мои дела устроятся, мы купим небольшой дом и тогда я попрошу Вас к себе приехать погостить. А пока, ради Бога, поймите как следует мое письмо и не взывайте за откровенность.

Искренне Вас уважающий П.Скоропадский.

3

21 марта 1921 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Я стою за самостоятельную Украину потому, что только ясно и определенно поставленный национальный лозунг может спасти Украину от большевистского ига; кроме того, решительно изверившись в стремлении Россией всех лагерей к честному разрешению украинского вопроса, я считаю, что, только стоя на самостоятельном пути, Украина и Великороссия смогут установить честные, братские взаимоотношения. Я считаю, что именно моральное чувство, если глубоко вдуматься в этот трагический, как Вы его называете, вопрос и сердцем переживаете его, требует исповедывания самостоятельности.

Совершенно верно, смешно и глупо было бы предполагать во мне какую-то злобу по отношению к Великороссии, наоборот, я люблю ее, но я ясно отдаю себе отчет, что если с Великороссии даже и скинут, дай Бог, большевистский режим (чего я не ожидаю), то жизнь культурная и государственная вряд ли от этого многим выиграла бы. С Украиною вопрос стоит иначе, там, хотя и с трудом, можно создать жизнь более нормальную, этого и нужно добиваться. По моему глубокому убеждению, достичь этого возможно лишь при признании самостоятельной Украины.

Всех самостоятников называть мерзавцами я считаю ошибочным. Я знаю порядочное число людей из большинства украинских партий, которых считаю честными и неглупыми. В процент-

ном отношении, особенно в вопросах нравственных понятий, я думаю что пропорция [между] честными и бесчестными та же, что и в российском лагере.

К сожалению, жизнь должна бы была всех нас научить, что убеждениями в вопросах этого порядка никого не возьмешь. Примеры Чайковского и Милюкова теперь не убедительны. Что касается Савинкова, в общем лично мне он, вопреки мнению многих, нравился, когда мне приходилось с ним встречаться, но, принимая, тем более, в соображение, что он не дурак, скажу определенно: признает ли он самостоятельную Украину теперь по тем же соображениям, по которым большинство великорусских деятелей в нужную минуту шли навстречу Украине в той или другой форме, а потом все это оказывалось ложью, или же он, как один из главварей партии, которая как-никак, а имеет большую связь с народом, чем большинство остальных российских партий и меньшее количество оторванных от действительной жизни интеллигентов и всяких финансистов и чиновников бывшей России, или же он, как один из главварей социалистов-революционеров, пришел к заключению, что лучший выход не только для Украины, но и для Великороссии — именно создание самостоятельной Украины, трудно сказать.

Вы говорите, что между федерацией и самостоятельностью пропасть абсолютная и непроходимая, совершенно верно. Эта пропасть, по-моему, должна быть абсолютной и непроходимой для всех тех элементов, которые на лживых обещаниях, на обмане, на вечном шантаже, на заигрывании, на пресмыкании перед иностранцами, строят будущие взаимоотношения Великороссии и Украины, как то делают до сих пор, за редким исключением, большинство россиян, в то время, как при другом, честном образе действий с их стороны, разница между этими двумя понятиями могла бы найти равнодействующую не во вред той или другой стране.

Я Украину самостийную понимаю (постоянно Вам повторяю) не петлюровского пошиба с проповедью ненависти ко всему идущему с севера, но конечно, теперь без того крайнего доверия, которое я имел раньше ко всем тем деятелям, прибывавшим с севера, которые являлись к нам для устройства своих дел, получения места и т.д., и тут же начинали свою разлагающую работу без всяких серьезных оснований и возможностей создать что-либо лучшее, нежели то, чем они пользовались у нас.

Теперь, простите меня, но Вы в Вашем последнем письме задали мне вопрос или, скорее правильно сказать, Ваше письмо требует разъяснений от меня — я откровенно Вам его дам; позво-

лю себе в такой же форме, как и Вы, поставить вопрос. Я считаю, что для того, чтобы говорить украинцу о федерации, прежде всего должна быть Украина. По-моему, несомненно, что в будущей Украине самостийной всегда будет течение федеративное с Россией, также как и найдутся люди, желающие федерацию с Польшей, с украинской стороны все это именно имеет *raison d'être*¹⁰ с того момента, как будет Украина, но говорить о федерации, когда Украина находится в большевистских тисках, когда ее нет, когда мы не видим даже среди будущих претендующих на власть партий в Великороссии группы людей, которым можно было верить, что они допускают честно идею Украины, для меня это непонятно, особенно если это исповедуют украинцы. Яснее было бы сказать «никакой Украины нет и быть не должно» и на этом поставить точку.

Возвращаясь к Савинкову, для украинца, как Вы, стоящего в данный момент за федерацию, в то время, как он, Савинков, великоросс, стоит за самостийность, интересно, в самом деле, было бы выяснить те побуждения, которые толкают его стать на этот путь, ведь нельзя же всегда все объяснять подкупом, глупостью и т.д.

Скажу Вам откровенно, не желая отнюдь быть резким, что будучи украинцем и в тот момент, когда Украина находится в борьбе за свое право на жизнь и не имеет ниоткуда поддержки, говорить о федерации с Великороссией, которая не существует и имеет значительно меньше шансов существовать в данное время как народ, живущий действительно своей жизнью, своим умом и т.д., это толкать свой родной край в пропасть, от которой его можно было бы удержать, и потому эту точку зрения я нахожу лишенной моральной подкладки.

Кто бы из нас ни ошибался, Вы или я, имейте в виду, что я проникнут к Вам самыми лучшими чувствами и благодарю Вас за то, что Вы высказали мне в Вашем последнем письме, повторю, я тронут и принимаю Ваши слова с благодарностью.

Жму крепко Вашу руку.

Искренне Ваш П.Скоропадский.

Я перечитал свое письмо прежде, чем запечатать. Да, я так думаю, и вполне бескорыстно, но, к сожалению, считаю, что для того, чтобы Вам еще яснее было, нужно было много изложить; это, к сожалению, возможно лишь при свидании. Совершенно не понимаю, почему Вы, видимо, нашли предосудительными слова мои «хочу Украины», объясните яснее, я положительно не понимаю, на что Вы намекаете. Я далеко не сторонник Центральной Рады

и т.п. лиц, но сказать, что «они чуть не погубили мировую культуру, а уж Россию-то наверное», по-моему приписывать им большее значение, нежели они того заслуживают. Прошу тоже мне это выяснить.

4

30 июня 1921 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Очень рад был получить от Вас письмо, но сознаюсь, я не вполне уяснил себе Вашу точку зрения. Насколько я понимаю Вашу деятельность, мне казалось, что Вы проводили мысль *немедленной* федеративной Украины, из письма же Вашего явствует, что Вы говорите французам о необходимости создания Украины самостийной с тем, чтобы впоследствии, вероятно, я так понимаю, когда создастся Великороссия, она бы с последней федерировалась. Так ли я понимаю, если так, то путь Ваш и самых щирых украинцев пока общий и расхождения будут лишь впоследствии, т.е. с того момента, когда будет создана Украина и когда будет с кем договариваться в Великороссии. Щирые украинцы будут настаивать на самостоятельности, а Вы будете настаивать на федерации. Это большая разница с тем, как я вас понимал раньше, когда Вы, я думал, проводили мысль о *немедленной* федерации, когда Украины нет, а великороссы никакой не только федерации, но и автономии *честно* не хотят. Может быть, я ошибаюсь, но я положительно того мнения, что русских людей, допускающих *честно* не только федеративную Украину, но Украину хотя бы с некоторой культурной автономией, почти нет, да и те принадлежат не к разряду людей волевых и людей действия, а так себе, идеалисты, гуманисты, которые живут вне действительности и поэтому в разрешении этого вопроса не играют никакой роли. Так ли это или нет? Если нет, то назовите мне хоть несколько человек, меня это очень интересует, я, сознаюсь, таковых искал, но не находил; вера моя раньше, что таковые русские люди имеются, была, между прочим, одна из причин моего провала в восемнадцатом году на Украине.

Если таковых людей нет, к чему, судя по Вашему письму, и Вы склоняетесь, то как же Вы хотите создавать практически Украину, я не понимаю. Если Вы не поставите ясно принципа украинства, хотя бы украинства, поставленного в широкие рамки, т.е. понимая честных людей века, интересы которых связаны исключительно с Украиной, как это проводилось в жизнь за время моего

гетманства, то теперь после всех прелестей с севера и действий Деникина, Врангеля, Драгомирова, Шульгина¹¹ и др., конечно, вопрос украинской линии стоит значительно острее, нежели в мое время, когда ни одна капля крови не была пролита, кроме как в войне с большевиками. Мне казалось бы, что если бы я был самый заядлый москвич, я бы стоял за самостоятельную Украину: может быть в глубине души я надеялся бы, что со временем это изменится, во всяком бы случае я деятельно бы помогал созданию Украины, т.к. это было бы крупным шагом вперед в смысле освобождения моей Родины Великороссии от большевизма, но теперь, когда я знаю великорусскую психологию, я знаю, что я был бы совершенно одинок. Как мне давно еще говорил один очень милый человек, великоросс, человек очень культурный:

— Знаете, а я был очень доволен, когда казалось, что большевики возьмут Варшаву.

— Помилуйте, князь, можно поляков не любить, но взятие Варшавы было бы крупнейшей победой большевиков, которая ознаменовала бы, может быть, и даже наверное, чрезвычайно быстрое распространение большевиков в Европе.

— Так-то так, но, знаете, раз нам плохо, приятно было бы знать, что и другим плохо.

Ну что с такими господами поделаешь?

Я неоднократно говорил Вам и писал, что я с Петлюрою никогда ничего не имел общего, что я его презираю и считаю его величайшим врагом Украины, но обвинение его в том, что он залил кровью Украину я считаю неправильным, т.е. я считаю, что он слишком мало ее залил, если можно так выразиться, т.к. благодаря всей своей политике и отсутствию организаторских талантов, не сумел привлечь на свою сторону народ и не сумел выгнать большевиков с Украины. Его сепаратизм я не уважаю, т.к. он глуп, у него не сепаратизм виноват, а виноват сам Петлюра, только сильная национальная идея может успешно бороться против большевизма, а для ясной национальной идеи нужен сепаратизм.

До свидания. Жму Вашу руку.

Ваш П.Скоропадский.

Многоуважаемый Николай Михайлович!

Вы мне предлагаете Вашу статью относительно меня, взятую из Вашего дневника¹². Это, конечно, интересно, но в данном слу-

чае это не совсем то, что я Вас просил. Вопрос идет о том, чтобы на основании документальных данных написать историю гетманства. Я считаю, что помочь этому делу до известной степени является моим долгом. Конечно, для этого прежде всего нужно иметь материалы, следовательно, первая стадия этого дела есть сбор материалов. Материалы собираются и по доступным архивам, а также, ввиду того, что большинство крупных деятелей этого периода живы, желательно иметь очерки их деятельности. К таким крупным деятелям гетманского периода принадлежите и Вы, т.к. Вы принимали живое участие во всей его законодательной деятельности. Я просил Дорошенко¹³ обратиться ко многим другим лицам, между прочим к Игорю Александровичу Кистяковскому и уже читал его ответ, где он пишет, что даст все, что только поможет осветить его деятельность или [нрзб. одно слово] деятельность возглавляемых им учреждений. Поэтому повторяю, Ваша статья обо мне, конечно, очень интересна, но в данном случае желательно было бы не столько мою личность осветить, сколько деятельность Вашу, как державного секретаря, конечно, оставаясь в рамках чисто деловых.

Теперь, что касается Вашего мнения о Дорошенко и о Лепинском¹⁴, то хочу сказать лишь одно, очень рад, что Дорошенко Вам пришелся по вкусу и очень сожалею, что Лепинский не удовлетворяет Вашим требованиям. Лично я в данном случае не разделяю Вашего мнения, я его считаю талантливым, честным и, главное, искренно преданным тому правому, в хорошем смысле слова, созидательному, а не разрушительному стремлению в украинском вопросе, которое все больше и больше намечается среди украинцев за последние полтора года. Его правизна ровно ничего не имеет общего с черносотенством, его отношение к России таково, что дай Боже, чтобы среди истинно русских людей было побольше такого отношения. Что же касается его, как Вы говорите, мистики, то лично я того мнения, что без мистики вообще большого дела не создают, а в этой области, да еще (и это особенно) у нас, и подавно. Ну да все это дело убеждений, и спорить я с Вами не стану. В данном случае я хочу, чтобы были собраны материалы и составится, если можно так выразиться, деловая история. Всякий прохвост или круглая бездарность может писать, что ему угодно, про этот период [нрзб. одно слово], я считаю, что входить в полемику с этими типами ниже нашего достоинства, нужно просто написать историю, освещающую, насколько это возможно, наши действия. Потом нужно, чтобы знали, кто были действительно деятели этого периода, а кто лишь при этом долго окопался. На днях я прочел в «Архиве гражданской войны» статью

этого прохвоста Маляревского¹⁵, которого я прогнал за бесчестность, по его словам, я был чуть ли не его другом, и будто бы он играл какую-то видную роль. Я его держал из жалости, и виделся с ним редко и никогда с ним про государственные дела не говорил, он же пишет, что все были идиоты, а он делал дело. Это смешно, но все же грустно. В архиве Гессена Лукомский¹⁶ пишет, что мы получили одиннадцать миллионов от немцев, что я ему предлагал место министра, ведь это же все вранье! Ни один период гражданской войны, как они называют, не стараются так очернить, как гетманство. А между прочим, без всякого сомнения я скажу: 1) мы собрали выдающихся людей 2) этот период был наиболее творческим. Были, конечно, громадные ошибки. Но если взять скоротечность гетманства, и в связи с этим невозможность опираться на широкую испытанную организацию, было сделано очень много. Я думаю, что и Вы должны быть со мною согласны, а потому можете, давши нам очерк Вашей деятельности, а попутно с этим, конечно, и Ваши воспоминания, если таковые имеются. Будьте так уж милы и напишите Ваше мнение.

У нас тут все спокойно, начинается весна, много работаю в саду и как-то особенно грустно, что я так далеко от родных мест. Жена и дети шлют Вам искренний привет.

Душевно жму Вашу руку.

Искренне преданный Вам П. Скоропадский.

Фотография моя, что сделана Фаберже, просто убийственна, и к чему он ее показывает? Уж что-что, а фотограф он плохой. Лиля вылепила мою голову, должен сказать без преувеличения, просто очень хорошо. Когда все будет готово, если Вам это интересно, я Вам пришлю с этой головы фотографию.

КОММЕНТАРИЙ*

Случайно, в Берне, в августе 1919 г. я встретил П.П. Скоропадского, которого раньше по делам службы видел несколько раз в Киеве, в 1918 г. (я служил товарищем Державного секретаря). Мы разговорились на тему о причинах падения гетманской власти на Украине. В Скоропадском, человеке в общем недалеком, меня всегда подкупали черты его удивительной скромности и благородства, морального джентльменства. Я много делал усилий к тому, чтобы склонить его к идее федерализма, он же,

---

* Далее следует автограф Н.М. Могилянского. — А.С.

как видно из его писем, упорствовал на позициях «самостийной» Украины и ее приверженцев. Конец дружеской, в общем, переписки положила моя статья в «Архиве русской революции», после которой Скоропадский резко оборвал переписку, очевидно, обидевшись на мою мизерную его оценку и его роль в эфемерной «гетманской» Украине 1918 г. и за общую характеристику его правительства.

К письму П.П. Скоропадского, по-моему, 30 июня 1921 г.: я говорил французам о необходимости, в случае (во что я не верил, и на это есть документы — мои письма г.Палеологу — бывшему французскому послу в Петербурге, а тогда Директору Канцелярии Министерства иностранных дел) успеха интервенции Польши на Украине — скорейшего вывода оттуда оккупационных войск и предоставления ей самостоятельного устройства своих внутренних дел и урегулирования своих отношений к ССР. Отсюда в письме Скоропадского упоминание о «необходимости создания Укрины самостийной», как о теме моей беседы с французами.

К письму от 28 февраля 1923 г.: «Лили» — дочь П.П. Скоропадского. От написания статьи о законодательной деятельности гетманского периода я отказался в виду отсутствия необходимых материалов. Всех писем, к сожалению, сейчас нет. Их было больше. Если я обнаружу еще письма, представляющие общий интерес, то непременно передам их «Архиву».

9 января 1926 г. Н.Могилянский.
Прага.

P.S. В 1920-21 гг. семья Скоропадских жила в Лозанне, в стесненных материальных обстоятельствах. Я убедил П.П. нанять дачу в окрестностях Лозанны и приехал для этого из Парижа. Я же убедил Скоропадского не препятствовать дочери Марии поступить на медицинский факультет, который она в настоящее время уже закончила. В конце декабря и начале января по вечерам я читал семье Скоропадских популярные лекции-беседы по общей истории культуры, археологии и этнологии России и Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Без голосования (фр.). Об избрании П.П. Скоропадского гетманом см.: Мирчук П. Указ. соч.

² Соглашение (фр.).

³ Комиссар Франции при правительстве Украинской народной республики.

⁴ *Порш* Микола (1879-1944) — украинский политический деятель и экономист. Социал-демократ. Член Центральной и Малой Рады. С ноября 1917 — генеральный секретарь (министр) труда, после IV Универсала (11 января 1918) — министр труда и военных дел Украинской народной республики, в 1919-1920 — посол УНР в Германии. Автор экономических работ, в которых доказывал эксплуатацию Украины Россией. До 1917 будущее Украины видел в федеративной Российской республике (см.: Порш М. Автономія України і соціаль-демократія. К., 1917). *Блавацкий* Василь (1889-1944) — адвокат.

⁵ О правительстве П.П. Скоропадского см.: Левицкий К. Великий зрив. Львів, 1931. С.48-49.

⁶ Украинский национальный союз под председательством В.К. Винниченко образован летом 1918 из представителей радикальных украинских партий (главным образом социалистических) как «противовес» гетманскому правительству, из рядов этого союза была выбрана Директория, объявившая войну гетманству и, в итоге, свергнувшая его. См. также: Вышевич К. Указ. соч. С. 31-37.

⁷ О роли С.В. Петлюры в организации еврейских погромов существует отличная от общепринятой, достаточно аргументированная точка зрения: Гунчак Т. Чи був Симон Петлюра ворогом євреїв? // Дзвін. 1991. №2. С.102-117. Перевод с англ. См. также: До єврейсько-українського форуму в Ізраїлі // Сучасність. 1992. №8. С.49-167.

⁸ *Кистяковский* Игорь Александрович (1876-?) — юрист, кадет. В правительстве Скоропадского — государственный секретарь, затем — министр внутренних дел. В дневниках Могилянського немало страниц посвящено Кистяковскому, в том числе отдельная статья (ГА РФ. Ф.5787. Оп.1. Д.3. Л. 62-65об.).

⁹ «*Rayot*» — французское издательство.

¹⁰ Смысл бытия (фр.).

¹¹ *Драгомиров* Абрам Михайлович (1868-1956) — генерал, участник Белого движения; *Шульгин* Василий Витальевич (1878-1976) — политический деятель, монархист.

¹² ГА РФ. Ф.5787. Оп.1. Д.6. Л.99об.-118. («Генерал Павел Петрович Скоропадский. Личные впечатления»).

¹³ *Дорошенко* Дмитрий Иванович (1882-1951) — украинский политический деятель, историк. Автономист-федералист. В Центральной Раде — председатель Генерального Секретариата и генеральный секретарь внутренних дел. Один из немногих видных деятелей Центральной Рады, вошедший в правительство Скоропадского.

¹⁴ *Липинский* (Лепинский) Вячеслав (1882-1931) — землевладелец, политический деятель, историк и публицист. Один из идеологов Украинской Демократическо-Земледельческой (Хліборобської) партии, отстаивавшей украинскую самостоятельность и сохранение частной собственности. Земельный вопрос предлагал решать через сейм на основе парцел-

ляции и выкупных платежей. (См.: Андрієвський В. До характеристики українських правих партій. Берлін, 1921). Во время гетманства считал крупной ошибкой Скоропадского его действия, направленные на создание федерации с Россией. Липинский — органический противник всех социалистических доктрин.

¹⁵ *Маляревский* Александр Иванович — литератор и мемуарист. Последовательный противник какой бы то ни было автономии Украины, воспринимал идею украинской государственности как порождение австрийских интересов. В 1917 — сотрудник петроградского издательства «Сила Земли», в 1920 — редактор берлинского журнала «Русь». Его мемуары «На переэкзаменовке: П.П. Скоропадский и его время» (Архив Гражданской войны. 1922. №2. С.105-142) посвящены обличению гетмана.

¹⁶ *Лукомский* Александр Сергеевич (1868-1939) — генерал Добровольческой армии. См. Лукомский А. Из воспоминаний // Архив русской революции (Берлин). 1922. Т.5. С.101-189. В воспоминаниях Лукомского речь идет о *пятнадцати* миллионах, полученных Скоропадским от немцев. (С.179).

«ТРИ НЕДЕЛИ БЕСПРОСВЕТНОГО КОШМАРА...»

ПИСЬМА С.РЕЙЛЛИ

Публикация Д.Зубарева

Автор публикуемых ниже писем — личность столь же известная, сколь загадочная. Загадки начинаются уже с его имени. Вторую половину жизни он был известен как Sidney George Reilly; в русской транскрипции: Сидней Джордж (или Георгиевич) Рейлли, встречалось также написание Рэли, Рилей, Райли. Инициалы «С.Р.» (именно так мы будем именовать его в дальнейшем) он сохранил, очевидно, от имени, данного ему при рождении: Сигизмунд Розенблюм. Столь же туманны сведения о датах его жизни. Если год рождения — 1874 — все биографы С.Р. принимают без разногласий, то местом его появления на свет указывается и Одесса, и Киев, и Царство Польское. Во всех случаях источником сведений является, судя по всему, сам герой, и поэтому достоверность этих данных нуждается в дополнительной проверке. Еще более запутанным был вопрос о дате, месте и обстоятельствах смерти С.Р. Назывались годы 1925, 1927... а ряд авторов еще в 1950-е почитали С.Р. живым. Публикация документов из оперативных архивов Министерства безопасности России внесла бо́льшую определенность в этот сюжет, однако в силу специфики использованных источников — тему вряд ли можно считать окончательно проясненной.

Бурной жизни С.Р. посвящен чуть ли не десяток книг на русском и английском языках, а также изрядное количество публикаций в периодике¹. Он стал персонажем кино и телефильмов. Мало того, выдвигались

¹ Основу англоязычной литературы о С.Р. составляют: воспоминания его жены — *The Adventures of Sidney Reilly, Britain's Master Spy, written by himself, completed by his wife.* N.Y., 1933 (имеется французский перевод), а также две книги его коллег: *Lockhart Robert Bruce. Memoirs of British Agent.* London, 1932; *Hill George A. Go Spy the Land.* London, 1932. Позднейшие работы: *Lockhart Robin Bruce. Ace of Spies.* N.Y., 1967; Он же. *Reilly: the First Man.* London, 1987; *Kettle Michael. Sidney Reilly: the True Story of the World's Greatest Spy.* London, 1984. Русскоязычная ли-

предположения, что он является прототипом двух литературных героев: «пламенного революционера» Овода из одноименного романа Э.Л. Войнич² и «мировой гадины» Мандро в романе А.Белого «Москва»³. При этом обе трактовки личности С.Р. — советская (демонизирующая) и британская (бульварно-апологетическая) — мифологичны; обе явно несут пропагандистскую нагрузку. Представляющие их сочинения опираются в основном на мемуары, зачастую пересказывая их и лишь изредка используя документы, да и то в препарированном виде. Между тем в отечественных архивах (мы не имеем в виду архивы бывшего КГБ, доступ к которым все еще затруднен) имеются сотни документов, дающих возможность для верификации мифов и легенд, нагроможденных вокруг этой, во всяком случае, незаурядной личности.

Мы предлагаем читателю 17 писем С.Р., посвященных одному историческому (и достаточно хорошо известному) событию — тайной поездке Бориса Савинкова в СССР, его аресту и суду над ним (август 1924).

К этому времени личные отношения Савинкова и С.Р. длились уже 6 лет. Они познакомились в революционной Москве летом 1918 (Савинков был руководителем подпольного антибольшевистского Союза Защиты Родины и Свободы, а С.Р. — агентом британской разведки, посланным специально для контакта с подобными организациями). Это знакомство укрепилось в Париже летом 1919 во время Версальской мирной конференции. Савинков был там членом Русского Политического Совета, а С.Р. — офицером связи, информирующим правительство Великобритании о русских делах. Именно он познакомил Савинкова с военным министром У.Черчиллем. Осенью 1920 Савинков и С.Р. участвуют в рейде «армии» С.Н. Булак-Балаховича на территорию советской Белоруссии.

тература 1940-1960-х проанализирована в памфлете Р.И. Пименова «Как я искал шпиона Рейли» (1968). Первая публикация: Собрание документов Самиздата. Т.22. Мюнхен, 1972. Перепечатки: Русская мысль (Париж), 1972, 8 июня; Новое русское слово (Н.-Й.). 1972, 21-24, 26 июня; Совершенно секретно (М.). 1990. №8; Кодры (Кишинев). 1990. №8. К сожалению, неизвестно Р.И. Пименова с зарубежными источниками и периодикой 1920-х увлекло его мысль на ложный, хотя и соблазнительный путь объявить С.Р. не британским, а советским разведчиком. Из более поздних сочинений: Козлов Н. Хранить вечно. Магадан, 1974; Генри Э. Профессиональный антикоммунизм. М., 1981; Гладков Т., Зайцев Н. И я ему не могу не верить... М., 1986. Наконец, уже упомянутая публикация документов госбезопасности об обстоятельствах смерти и захоронения С.Р.: Совершенно секретно. 1992. №3. С.30.

² Первые — в кн. Робина Б. Локкарта (см. прим.1). Отклики в советской прессе: Полевой Б., Таратута Е. Кому же подражал Павка Корчагин? // Известия. 1968. 12 июня. С.3; На Овода надевают маску // Литературная газета. 1968. 12 июня. С.9.

³ Глухой намек на такую возможность см.: Берберова Н. Железная женщина. Н.-Й., 1981. С.68. Развитие темы см.: Золотоносов М. «Еврейские тайны» романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита» // Согласие (М.), 1981. №5. С.36, 45-46.

Жизненная катастрофа 1921 (крушение «польской акции» Савинкова⁴ и увольнение С.Р. из британской армии) еще теснее сблизила обоих деятелей. Для Савинкова его английский друг становится одним из главных спонсоров, а для С.Р. предполагавшийся приход Савинкова к власти в России был единственным (пусть и иллюзорным) путем к возврату утраченного во время революции состояния и реализации своих наполеоновских комплексов. Свидетельства этому — 104 письма С.Р. к Савинкову за 1922-1924, отправленные из Берлина, Праги, Лондона, Нью-Йорка (готовятся нами к печати).

В последнем письме С.Р. к Савинкову из Нью-Йорка, датированном 25 июня 1924, он писал: «Главный мотив желания вернуться — жажда повидаться с Вами». Менее чем через месяц, 19 июля, С.Р. уже у Савинкова в Париже. А еще через несколько дней там появляются долгожданные «друзья» из России... Решение принято: Савинков едет в Советский Союз. 28 июля он телеграммой вызывает в Париж из Праги сестру Веру⁵. Дальнейшее развитие событий — в публикуемых ниже письмах (особенно важны письма 1 и 2 — очевидно, уникальные документы, где цели поездки Савинкова формулируются с максимальной аутентичностью).

Адресаты писем — родственники Б.В. Савинкова, жившие с конца 1921 в Праге, — сестра Вера Викторовна Мяглова (?-1942), ее муж, геолог и инженер Александр Геннадьевич Мягков (1870-1957) и брат — Виктор Викторович Савинков (1886-?), бывший художник, офицер русской (1916-1917), а затем Добровольческой (1918-1920) армий. И А.Г. Мягков, и В.В. Савинков были активными участниками «польской акции» 1920-1921; оба стали членами пражской группы Народного Союза Защиты Родины и Свободы — партии, воссозданной Б.В. Савинковым в 1921 (далее: НСЗРС). Однако еще за год до описываемых событий, летом 1923, между ними произошел разрыв, и В.В. Савинков от политической деятельности полностью отошел⁶. Все трое хорошо знали С.Р. еще по Варшаве, а А.Г. Мягков поддерживал с ним в 1922-1923 деловую переписку (см. прим.3 к письму 2).

***

Письма печатаются по автографам, хранящимся в фонде А.Г. Мяглова (ГА РФ. Ф.6756. Д.18. Л.31-80; опущены письма от 21 августа и 23 сентября, совпадающие по содержанию с другими).

В ряде случаев сохраняется специфическая орфография и особенно пунктуация С.Р., являющиеся источником дополнительной информации о разных сторонах его личности. Очевидные опiski устранены без оговорок, элементы орфографической нормы 1920-х исправлены на современную. Курсивом выделены слова, подчеркнутые в оригинале.

⁴ Подробнее об этом см.: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 / Публ. Э.Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993.

⁵ Письмо А.Г. Мяглова к Б.В. Савинкову от 29 июля 1924 (ГА РФ. Ф.6756. Д.20. Л.180).

⁶ См. его письма Б.В. Савинкову (ГА РФ. Ф.5831. Д.177).

В предисловии и примечаниях приняты следующие сокращения:
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
РФК — Библиотека-архив Российского Фонда Культуры
Арцыбашев — Арцыбашев М.П. Письма к Борису Савинкову /
Публ. Д.И. Зубарева // De Visu. 1993. №4.

Переписка — Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924 / Публ.
Э.Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее. Исторический
альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993.

Глубокую благодарность за помощь в работе публикатор выражает
Л.Г. Аронову (Москва), Э.Гарэтто (Бергамо), А.И. Добкину (Санкт-Пе-
тербург), Н.В. Петрову (Москва), Г.Г. Суперфину (Мюнхен), Н.С. Двор-
чиной (Москва).

1. А.Г. Мягкову

8.VIII.24. Hôtel Montplesier
12, rue de Richelieu
Paris

Дорогой Александр Геннадьевич!

В[ера] В[икторовна] расскажет Вам подробно какие тревож-
ные и вместе с тем глубоко знаменательные дни мы прожили
здесь¹. Как ни велико наше беспокойство за дальнейшую судьбу
Б[ориса] В[икторовича], каким бы волнующим догадкам мы не
предавались, мы все здесь единодушно поняли, что иначе он не
мог поступить ни с точки зрения политической, ни по своему пси-
хическому состоянию.

На все есть времена и сроки, и, если в течение последних двух
лет я всячески, по мере моих сил, старался сдерживать стремле-
ние Б[ориса] В[икторовича] уехать², но на этот раз я чувствовал,
что дальнейшие убеждения будут и бесполезны, и неуместны, ибо,
совершенно объективно рассуждая, я думаю, что действительно
времена и сроки близки теперь и что он не мог упустить этого мо-
мента.

Если все обойдется благополучно (а я инстинктивно верю в
звезду Б[ориса] В[икторовича]), то я убежден, что его поездка
ознаменует собою эпоху в ходу событий. Во всяком случае она
откроет пути к широкой деятельности. Если даже предположить,
что он, не сделав ничего окончательного, вернется через 6-9 ме-
с[яцев] и оповестит мир (посредством соответствующей книги) о
своей поездке, о том, что он видел и о своих выводах, то и это

одно будет огромно и сразу выдвинет его на первое место как в России, так и всюду и откроет новые перспективы работы.

Тяжелее всего нам, которые должны остаться по эту сторону, надеяться и ждать. Тем важнее становится более тесная связь между нами. Мы условились с В[ерой] В[икторовной] поддерживать отныне правильные сношения и могущие получаться известия немедленно сообщать друг другу.

Мои личные дела находятся в отвратительном положении. Обнищал чрезвычайно. 20-го сент[ября] уезжаю в Нью-Йорк, где 6-го окт[ября] слушается мое дело (около \$ 750 000)³. У меня очень солидные шансы выиграть это дело. От благополучного его исхода для меня зависит почти все. Или пан — или пропал. — До поездки в Америку буду здесь или поблизости. Во всяком случае о всякой перемене адреса буду извещать Вас. Из Америки я вернусь не позднее 15-го декабря и первым делом поеду в Прагу и Варшаву⁴.

Таким образом мы скоро увидимся и, надеюсь, сможем поделиться хорошими вестями.

Всегда искренне преданный Вам

Сидней Рейлли

Сердечный поклон В[иктору] В[икторовичу] и его супруге⁵.

¹ Мы — имеются в виду Б.В. Савинков, А.А. и Л.Е. Дикгоф-Дернталь, готовившиеся к поездке в СССР, а также сам С.Р., его жена и В.В. Мягкова, помогавшие им в сборах. *Глубоко знаменательные дни* — первая неделя августа 1924, когда все шестеро съехались в Париж. См. предисловие к наст. публ. и прим. к письму 3.

² С.Р. не совсем точен. Он не столько сдерживал стремление Савинкова нелегально съездить в СССР, сколько подчеркивал неоправданный риск поездки: «Это в Вашем случае может привести только к провалу /.../ Еще один триумф сволочам» (С.Р. — Савинкову, 7 декабря 1923); «Я с очень тяжелым сердцем думаю о Вашем намерении /.../ страшно, чтобы сволочи получили лишний триумф» (С.Р. — Савинкову, 9 июня 1924).

³ *Мое дело* — иск С.Р. против нью-йоркской фирмы «Baldwin Locomotive Company», отказавшейся оплатить ему комиссионные за посредничество при поставке в Россию военного снаряжения в годы Мировой войны (в декабре 1917 советское правительство аннулировало все обязательства России по внешним займам). С названным иском были связаны как две предыдущие поездки С.Р. в США (август-декабрь 1923 и май-июль 1924), так и последняя, о которой идет речь (она была отложена на две недели — см. письма 14 и 17). Для С.Р. характерно, что, не имея денег даже на билет в Европу, он отказался от предложенного ответчиками отступного: 25 тыс. долларов (С.Р. — Савинкову, 25 мая 1924; ср. также в комментируемом письме — *или пан — или пропал*).

⁴ Проиграв в ноябре 1924 процесс (писем к Мягковым из США в фонде нет), С.Р. застрял в Нью-Йорке до августа 1925. Ни в Праге, ни в Варшаве он больше не побывал.

⁵ О *В.В. Савинкове* — см. предисловие к наст. публикации и нашу справку о нем: Арцыбашев. С.64. Его жена — Александра Юрьевна (ум. 1925).

2. В.В. Мягковой

20.VIII.24. Hôtel Montplesier
12, rue de Richelieu
Paris

Дорогая Вера Викторовна,

Можете себе представить, с каким лихорадочным вниманием я следил эти дни за всеми газетами. Т.к. до сегодняшнего дня никаких тревожных известий нигде не появлялось, то мы можем с полной уверенностью принять, что самый критический момент, т.е. проезд до места, прошел вполне благополучно. Если бы что-нибудь случилось в пути, то эти господа не преминули бы раструбить это всему миру¹. — Теперь можно хоть немного успокоиться — остальное это «risques du métier»² и воля рока.

Из Америки получил письмо, что книга *черезвычайно* понравилась издателям, сейчас идет вопрос об условиях и времени издания³. Об этом скоро получу второе письмо. — Мой сердечный привет дорогому Александру Геннадьевичу. С нетерпением жду нашей встречи в ноябре; надеюсь, что выиграю свой процесс и что тогда мы снова примемся за издание нашей книги, которая причинила А[лександру] Г[еннадьевичу] столько хлопот⁴.

Привет также В[иктору] В[икторовичу] и его супруге.

Глубоко преданный Вам

С.Р.

Пепита⁵ шлет Вам самый дружеский поклон.

Пожалуйста, напишите мне немедленно как только что-нибудь узнаете.

¹ С.Р. знал о маршруте и расписании поездки, предложенных Савинкову «друзьями»: переход польско-советской границы (в ночь на 16 августа, остановка в Минске, затем — «проезд до места» («конспиративной дачи» в Подмоскowie). Его наивная уверенность в том, что о произведенном аресте ГПУ «не преминуло бы раструбить /.../ всему миру», заставляет усомниться в профессионализме С.Р. как разведчика. В действительности Савинков, А.А. и Л.Е. Дикгоф-Дерентали были арестованы именно

в Минске утром 16 августа и в тот же день доставлены в Москву во Внутреннюю тюрьму ГПУ.

² Профессиональный риск (фр.).

³ Речь идет об английском переводе повести Савинкова «Конь Вороной». Повесть была закончена в июле 1923, автор мечтал превратить ее одновременное издание на нескольких языках в мировую литературно-политическую сенсацию (см. его переписку с А.Г. Мягковым, Л.Козловским и А.Маделунгом — ГА РФ. Ф.6756. Д.20. Л.46-47; Ф.5831. Д.92. Л.1-4; Д.112. Л.1). Всем этим надеждам не суждено было осуществиться: состоялось только чешское — почти безгонорарное издание; о русском издании повести и реакции на него эмигрантской критики см.: Переписка. С.120, 126. Перевод на английский и предисловие к изданию Савинков попросил сделать бывшего британского разведчика сэра Пола Дюкса (1889-1967, в России в 1909-1917 — губернатор, студент Петроградской консерватории; в декабре 1918 — августе 1919 — резидент британской секретной службы «под крышей» корреспондента социалистических газет). Работа над переводом (к ней подключился и С.Р.) затянулась почти на год и закончилась только в июне 1924 (см. три письма Дюкса к Савинкову — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.70; а также многочисленные упоминания в письмах С.Р. к Савинкову в августе 1923 — июне 1924). Американское издание не состоялось, а английское (Savinkoff V. The Black Horse. London, 1924) вышло в свет после суда над Савинковым, несмотря на попытки С.Р. его остановить (см. письмо 14, а также письмо С.Р. к В.Л. Бурцеву из Нью-Йорка от 25 октября 1924 — ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.507. Л.4-5).

⁴ *Наша книга* — задуманный С.Р. осенью 1922 сборник статей к пятилетию большевистской революции — «Великий блеф». Он предложил Мягкову заказать обзорные статьи ведущим деятелям русской эмиграции, гарантируя оплату и последующее издание сборника в США. Весной 1923, полностью разорившись, С.Р. утратил интерес к этому замыслу и перестал отвечать на письма Мягкова, так что последнему пришлось разыскивать его в Лондоне с помощью А.В. Тырковой-Вильямс (сообщено Г.Г. Суперфином; см. также: ГА РФ. Ф.6756. Д.18. Л.25-30).

⁵ *Пепита* — домашнее имя актрисы Жозефины-Фернанды Рейлли (урожд. Бобадилья), жены С.Р. с мая 1923. С.Р. пытался заинтересовать ее русскими делами, учил русскому языку, знакомил со своими русскими друзьями. Ссылку на ее мемуары см. в прим.1 к предисловию.

3. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

29.VIII.24. Hôtel Montplesier
12, rue de Richelieu
Paris

Дорогие друзья, завтра, вероятно, Вы прочтете в Ваших газетах это потрясающее известие (прилагаю вырезку из сегодняш-

него Temps)¹. Мне оно было сообщено из одной знакомой редакции сегодня утром. Исходит от Аг[ентст]ва Navas, которое его получило вчера ночью с датой 28-го.

Оставляя в стороне наши личные переживания (и Ваши и мои), я спешу поделиться с Вами теми соображениями, которые вызваны у меня этим известием.

1) До получения точных подтверждающих данных, это сообщение не следует считать положительным и окончательным. Для этого есть целый ряд оснований.

а) Если арест и произошел 20-го, а суд 25-го, почему эти факты предаются гласности только 28-го? Казалось бы, все говорит за то, что немедленно похвастались бы.

б) От 20 — 28 прошло достаточно времени, чтобы за границей появились перепечатки из «Известий», в которых такой крупный факт непременно был бы напечатан. Обыкновенно самые интересные известия из Сов[етской] прессы передаются за границу телеграфно из Риги и из Ревеля.

с) Возможен ошибочный арест совершенно другого лица.

д) Возможно, что арестован Ал[ександр] Ар[кадьевич]², намеренно выдающийся за Б[ориса] В[икторовича].

е) Возможно, что большевики, что-то такое зная, прибегли к такому способу, чтобы усыпить внимание и т.д.

2) Считаю поэтому, что до полного подтверждения, мы все должны занять в высшей степени сдержанную позицию — и даже подчеркивать крайнюю невероятность этого события.

3) Если же событие подтвердится (вероятно, уже в течение 2-3 ближайших дней), то, каждому, по мере сил и связей, поднять самую энергичную агитацию, в основу которой положить защиту человека с огромным прошлым и с большим литературным талантом. (Слишком большое ударение на антибольшевицкой деятельности могло бы отозваться крайне прискорбно).

4) Слишком большая поспешность и потому нежелательна, что каждый час может одному из нас принести известие, дающее нужное руководство. Известий я жду от С[ергея]³, А[лександра] А[ркадьевича], Л[юбови] Е[фимовны]⁴, о которых пока ничего не сказано.

5) Приложенная вырезка явно содержит в себе невероятные несуразности, на которых даже не стоит останавливаться.

Сегодня утром я телеграфно запросил Диму⁵, имеет ли он подтверждение. Затем повидал Вл[адимира] Льв[овича] Б[урцева]⁶ (который во все был посвящен Б[орисо]м) и просил его (до окончательного подтверждения) никому никаких сведений не давать.

Через Вл[адимира] Льв[овича] передал то же самое Фунд[аминскому]⁷ (тоже знающему).

Составил программу немедленных действий во всех доступных мне кругах — на случай подтверждения.

Надеюсь, что Вы согласитесь с высказанными мною выше соображениями и моим способом действия.

Совершенно нет слов сказать Вам, что переживаю.

Душевно Весь Ваш

С.Р.

Жена совершенно убита горем; горячо обнимает Веру Викторовну.

¹ «*Temps*» — вечерняя парижская газета. *Потрясающее известие* — перевод трех информационных сообщений ТАСС, распространенных в ночь на 29 августа 1924. — «Арест Б.В. Савинкова», «Суд над Б.В. Савинковым» и «Последние известия» (Известия. 1924. 29 августа. С.1), где арест Савинкова датировался «20-ми числами августа», вручение ему обвинительного заключения — 23 августа; говорилось о двухдневном судебном заседании и последнем слове подсудимого, которое он закончил «призывом ко всем любящим свой народ безоговорочно признать Советскую власть и подчиниться ей». Французский перевод, очевидно, был неточен — ср. пункт 1а комментируемого письма.

² Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь (1885-1939). Справки о нем см.: Переписка. С.106, 107 и Арцыбашев. С.63-64. Во время суда над Савинковым находился в зале.

³ Сергей Эдуардович Павловский (ум. 1924?) — ближайший помощник Савинкова по боевой работе в 1921-1923 (справку о нем см.: Арцыбашев. С.68). С.Р. был знаком с ним с осени 1920 (оба участвовали в «мозырском походе» С.Н. Булак-Балаховича), виделся с ним в Париже в июле 1923, незадолго до поездки П. в СССР. В письмах к Савинкову С.Р. постоянно интересовался вестями «от Сержа»; писал, что завидует ему; читал письма, пересылаемые П. «из подполья» (в действительности продиктованные сотрудниками ОГПУ); предлагал «обработать его приключения на американский лад» для Голливуда. Ко времени суда над Савинковым П., очевидно, уже был убит.

⁴ Любовь Ефимовна Дикгоф-Деренталь (урожд. Броуд, 1890-е — 1970-е). О ней см.: Арцыбашев. С.67. Подруга Савинкова с 1920 (формально оставалась женой А.А. Дикгоф-Деренталья). Во время суда над Савинковым находилась в зале.

⁵ Дима — Дмитрий Владимирович Философов (1872-1940). О его отношениях с Савинковым см.: Переписка. С.124, 129 и Арцыбашев. С.50-57, 62-69. Местонахождение переписки его с С.Р. в 1922-1925 нам неизвестно; цитируется в *The Adventures...* (см. предисловие к наст. публ.).

⁶ *Владимир Львович Бурцев* (1862-1942). См. о нем и его отношениях с Савинковым: Переписка. С.75, 158. Познакомился с С.Р. в Париже в 1919 (увлекательная версия об их знакомстве с 1890-х, когда оба жили в Лондоне, работающая на гипотезу о С.Р. как прототипе Овода, подтверждения не наша). О звонке Бурцеву, которым С.Р. известил его 29 августа 1924 об аресте Савинкова, см.: Бурцев В.Л. В сетях ГПУ: Исповедь Савинкова // Иллюстрированная Россия (Париж). 1927. 15 октября. №42 (127). С.1-6. Там же — версия мотивов поведения Савинкова, во многом совпадающая с имеющейся в публикуемых письмах (ср. письмо 12 наст. публ.). Переписка Б. с С.Р. продолжалась после отъезда последнего в США — ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.507. Позднее Б. предал гласности сведения о провокации ОГПУ по завлечению С.Р. в СССР в сентябре 1925 и высказал версию о его убийстве после «откровенных показаний», вынужденных зрелищем расстрелов в подвалах Лубянки, — Бурцев В.Л. В сетях ГПУ // Указ. изд. 1927. 8 октября. №41 (126). С.3-4.

⁷ *Фундаминский* (Фондаминский) Илья Исидорович (1880-1942). См. о нем: Минувшее: Исторический альманах. Вып.3, 5, 8, 9, 13 (по указ.). Друг Савинкова с 1906. Единственный член бывшего руководства ПСР, поддерживавший с ним личные отношения в Париже в 1922-1924. Отказался публично осудить «отступничество» Савинкова, чем тот был «глубоко обрадован» (Савинков — В.В. Мягковой, 5 февраля 1925 // РФК. Ф.1. Оп.1. Д.40. Л.2).

4. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

30.VIII.24. Paris

Дорогие друзья,

Все мои вчерашние соображения (продиктованные естественным чувством осторожности) оказались «бормотанием» (по выражению Б[ориса] В[икторовича]).

Сегодня уже нет никаких сомнений, что арест, суд, осуждение на смерть и изменение приговора на 10 л[ет] тюрьмы — состоялись. Понятно, не нужно придавать *никакого* значения так называемым «признаниям». Это очередная большевицкая грязь. Напротив, даже из этих отрывочных сведений ярко выступает, что Б[орис] на суде держался так, как именно ему подобает. — Подробности мы узнаем из «Известий»¹. — Главное, что теперь уже можно почти что с уверенностью сказать, что пострадал *только* он. — Поэтому мы теперь со дня на день можем ожидать известий или даже приезда². — Тогда видно будет, что делать дальше. Ясно, однакож, что теперь ввиду смягчения приговора — у всех нас вырвана почва для какой-нибудь агитации в *личную* пользу Б[ориса] В[икторовича]. — Мне кажется, что с этой точкой

зрения Вы все, хотя и с болью в сердце, должны согласиться. — Я уверен, что [это] и отвечает желанию Б[ориса] В[икторовича]. — Что *активно* можно будет сделать для Б[ориса] — будет видно (постепенно) по мере получения известий оттуда. — Если друзья свободны, то они во всяком случае принимают все возможные меры. — Я думаю, однакож, что в течение, по крайней мере, трех месяцев, ничего нельзя сделать. — А дальше будет видно. — В том, что случилось (раз не суждено было осуществиться нашим прежним упованиям), я готов видеть много хорошего и в настоящем и будущем. — Быстрый (можно сказать скоропалительный) процесс и смягчение приговора — указывают на боязнь и слабость противника, а созданная гласность и тюремное заключение увеличат легенду, славу и силу.

От Димы у меня пока еще нет ответа на мою телеграмму. — Буду с величайшим нетерпением ждать как Ваших, так и его известий и возможных указаний. Меня немного беспокоит, как все это может отозваться на Ваших делах, в особенности материальных³.

Крепко обнимаю Вас всех

С.Р.

¹ Очевидно, С.Р. получил распространенный телеграфными агентствами французский перевод приговора и Постановления Президиума ЦИК СССР от 29 августа 1924 (Известия. 1924. 30 августа. С.3). Его реакцию после знакомства с самим этим номером газеты см. в письме 8.

² С.Р. рассчитывает на возвращение А.А. и Л.Е. Дикгоф-Деренталей, а возможно и С.Э. Павловского.

³ В 1922-1924 Савинков и супруги Мягковы получали от правительства Чехословакии ежемесячную субсидию, выдававшуюся в рамках Акции русской помощи, направленной на поддержку русских эмигрантских ученых, студентов и общественных деятелей демократической ориентации.

5. А.Г. Мягкову и В.В. Мягковой

2.IX.24. Париж

Друзья мои, страшно беспокоясь, что от Вас ни слова, я Вам писал 29 и 30 на адр[ес] Khronice¹. Получили ли. — На мою телеграмму от 29, я 30-го от Димы получил ответ, что у него никаких подтверждений нет. — Писал Диме 31-го и жду теперь его ответа. — Как Вам, несомненно, известно, положение с каждым днем становится кошмарнее. Одна агентская телеграмма хуже другой. Последняя уже долгалась до того, что Б[орис] В[икторович] назначен начальником иностр[анного] отдела ГПУ!!!

Но, понятно, не в этих клеветах дело! А главное в двух вопросах 1) какова действительная судьба Б[ориса] В[икторовича]? 2) как реагировать по отношению к мировому общественному мнению? (Ведь впечатление *всюду* — потрясающее!) На оба эти вопроса я жду ответа, главным образом, из Варшавы. — По первому вопросу — я думаю, что поляки скорее всех могут узнать истину; по второму директиву, по своему положению, должна дать «Свобода»³. — У меня готовы статьи для англ[ийских] и амер[иканских] газет, но Бурцев настоятельно удерживает меня от публикации. Отчасти я присоединяюсь к его доводам: все, что я или другие испытанные друзья (в том числе и Бурцев) можем сказать — это будет *голословно* — и может никого не убедить. Самой-то сути мы сказать не можем, т.к. не знаем, как это отзовется на Б[орисе] В[икторовиче]. — Понятно, я рвусь кричать на весь мир, что Б[орис] В[икторович] не предатель и т.д. — но я решил подождать пару дней — авось мы получим какие-нибудь данные о его судьбе. Авось мы узнаем что-нибудь такое ошеломляющее, что все клеветы сразу и навсегда будут раздавлены. — Весь день теряется в самых фантастических догадках. Наиболее вероятная для меня та, что Б[орис] В[икторович] погиб, сопротивляясь при аресте на границе, и что в Москве инсценировали суд над заведомо иным лицом. К этому предположению меня склоняют четыре маленьких факта.

1) что заседание трибунала, по сведениям «Times», происходило при *закрытых* дверях³.

2) что в «Известиях» по 28 включительно еще ни слова о Б[орисе] В[икторовиче] не упоминается!!!

3) что все так назыв[аемые] «показания» состоят из одного старого общеизвестного хлама⁴.

4) что не упоминается об аресте А[лександра] Ар[кадьевича] или Л[юбови] Е[фимовны].

Провокация А[ндрея] П[авловича]⁵ для меня теперь уже почти что вне сомнения. Сергей, вероятно, уже давным-давно погиб и все известия от него были мифические. Ив[ана] Тер[ентьевича]⁶ держала в лапах Чека через его жену.

У меня явилось предположение, не остались ли А[лександр] Ар[кадьевич] и Л[юбовь] Еф[имовна] в последний момент где-нибудь в Вильне или т.п.? Но в таком случае от них что-нибудь уже было [бы] слышно!

Всюду — непроницаемая тайна. — Настаиваю перед Вами, как я настаивал в своем письме к Диме, что в такой момент мы должны быть в тесном контакте, сообщать друг другу малейшую важную подробность и согласовывать свои действия и заявления.

Не стоит говорить о том, что я и жена переживаем. Уже какую ночь не спим.

Письмо В[еры] В[икторовны] от 27-го мы получили. Ваш новый адрес буду употреблять до 1-го окт[ября].

Весь Ваш

С.Р.

¹ *Khronice* — пригород Праги, где Мягковы жили летом.

² «Свобода» («За Свободу!») — русская ежедневная газета. Выходила в Варшаве в 1920-1932 (см.: Переписка. С.115 и Арцыбашев. С.50-57, 61-62; там же — С.66-67 — сведения о реакции газеты на процесс Савинкова). О психологическом состоянии членов редколлегии в эти дни М.П. Арцыбашев сообщал А.В. Амфитеатрову 5 сентября 1924 (автором ошибочно датировано 5 августа): «Кошмар неопишуемый. Философов едва не умер. Португалов совсем сварился». (Amfiteatrov manuscripts. Manuscripts Department. Lilly Library. Indiana University. Bloomington. Indiana. USA; сообщено Э.Гарэтто).

³ «*Times*» — лондонская ежедневная газета. Сведения о «закрытости» процесса неточны: помимо присутствовавшей в зале все два дня избранной советской и коминтерновской публики, на последнее заседание (вечером 28 августа) были приглашены три корреспондента буржуазных газет.

⁴ Имеются в виду показания Савинкова о его роли в Ярославском восстании 1918 и деятельности в Польше в 1920-1921, уже широко освещенных к тому времени в советской и эмигрантской прессе.

⁵ *Андрей Павлович* Федоров (1888-1937) — сотрудник Контрразведывательного отдела ОГПУ. См.: Переписка. С.113, 114; Арцыбашев. С.58-61, 65. Познакомился с С.Р. в Париже в июле 1923, виделся с ним там же в мае и летом 1924. Никакого недоверия к себе со стороны С.Р. тогда не вызвал. Ср. об отношении к Ф. жены С.Р. в письме 14. Через три дня после комментируемого письма награжден орденом Красного Знамени.

⁶ *Иван Терентьевич* Фомичев — крестьянин с.Романовского Каширского уезда Московской губ. В 1906-1918 — член ПСР. Участник стрелково-пыточного восстания (Гомель, 1919). Воевал в армиях Юденича (1919) и С.Н. Булак-Балаховича (1920). В 1922-1924 — представитель НСЗРС в Вильно (см.: Переписка. С.143; Арцыбашев. С.60 и 68). Роль Ф. в заманивании Савинкова в СССР неясна: сам Б.В. называл его «мерзавцем», а В.Ардяматский описал сцену сложной мистификации Ф. во время его поездки в СССР в мае-июне 1924 (Возмездие. М., 1968. С.407). См. также: Фомичев И. Письмо-покаяние // Известия. 1924. 17 сентября. С.2; Бывший польский шпион Фомичев // Там же. 19 сентября. С.3 (с портретом и факсимиле письма). Обещанных дальнейших разоблачений не последовало. Судьба неизвестна.

Дорогие друзья,

Дольше молчать не могу. — Написал и отправил сегодня в Morning Post статью, с которой прилагаю копию для Вашего сведения¹. — Спешу, чтобы еще сегодня отправить Вам ее.

Весь Ваш

С.Р.

Надеюсь, что поймете меня и одобрите.

¹ «Morning Post» — ежедневная лондонская газета, орган крайних консерваторов (русская революция трактовалась в ней исключительно сквозь призму «германских денег» и «Протоколов сионских мудрецов»). Упомянутая копия (машинопись, на англ. яз.) хранится среди публикуемых писем С.Р. (Л.45-48) и представляет собой ответ на редакционную статью (Savinkoff's Nominal Sentence // Morning Post. 1924. 1 Sept.). Изложенная в этом ответе аргументация С.Р. в пользу версии гибели Савинкова и подмены его на суде загримированным артистом — почти текстуально совпадает с содержанием письма 5. Кроме того, автор сообщает о своем участии вместе с П.Дюксом в переводе «Коня Вороного» и пребывании в Париже с 19 июля по 10 августа для подготовки поездки Савинкова в СССР. Это письмо, помещенное в газете 8 сентября (перепечатка: Sayers M., Kahn A. The Great Conspiracy: The Secret War Against Soviet Russia. Boston, 1946; русс. перевод: Тайная война против Советской России. М., 1947. С.144-145), стало едва ли не единственным документом, где С.Р. публично заявил о себе и своей политической деятельности (его имя даже в переписке Савинкова и его окружения обычно заменялось инициалами или условными кличками; напр., в письмах Мягкова — Legu). Будучи пересказано в советской печати (Отклики на процесс Савинкова /.../ Корреспонденция «Морнинг Пост» // Известия. 1924. 12 сентября. С.4), это письмо, очевидно, повысило интерес к его автору со стороны ОГПУ, а возможно и подсказало будущую комбинацию с его собственным задержанием в Москве и инсценировкой убийства на границе.

7. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Paris, 4.IX.24.

Дорогие друзья,

Прилагаемая фотография из «Times-a» совершенно уничтожает мою теорию о том, что Б[орис] В[икторович] погиб и что вместо него судят подставное лицо¹.

Приходится искать другого объяснения этой убийственной клеветы. — Уповаю, что оно не заставит себя ждать, ибо мы

все живем в кошмаре — как в смысле личном, так и в смысле общественном.

Меня страшно беспокоит, что от Вас ни слова. С 30-го уже было время от Вас услышать. Я Вам писал — 29, 30, 2 и 3. — В чем дело? Как здоровье Веры Викторовны?

Весь Ваш

С.Р.

¹ Упомянутая фотография — очевидно, один из многочисленных снимков Савинкова на скамье подсудимых, появившихся в советской печати начиная с 30 августа 1924.

8. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Париж, 5.IX.24

Дорогие друзья,

Сегодня получил Вашу телеграмму. Прийди она вчера — она была бы для меня большим утешением и опорой, но *сегодня* меня уже ничего утешить не может. Сегодня я получил № «Известий» от 30-го авг[уста]¹ и два раза прочел его от первого до последнего слова. Пусть это будет официальный орган «сволочей», пусть это будет величайший в мире рассадник лжи и клеветы, но под заглавиями «Письменное показание Савинкова» и «Заключительное слово Савинкова» говорит *никто* иной, как Б.В. С[авинков] — это *его* слова, это *его* стиль, это *его* образные выражения. Подпись его они подделать могут — сколько угодно², но *этого* даже они не могут сфальсифицировать; *это только его, это* неподражаемо! — Мы стоим перед абсолютным *фактом* (мне слишком тяжело его квалифицировать); оспаривать этого факта мы не можем — единственное, что мы можем, это — искать мотивы и разобраться в них. — Каждый из нас это будет делать по-своему — но от этого ничего не изменится. Факт свершился; ОПРАВДАТЬ его ничем нельзя. Совершился величайший грех — «грех против Св.Духа» — это неизмеримо больше, чем грех против родины, друзей, товарищей и пр., и пр.; нанесен величайший удар антибольшевицкому движению во всем мире; дан неоценимый по размерам триумф большевикам (куда больше, чем победа над Колчаком, Деникиным и др.).

Ввиду этого нам, поскольку мы общественные деятели, поскольку мы верим в правоту нашего непримиримо антибольшевицкого дела, непозволительно дальше заблуждаться или искать

самоутешения в фантастических предположениях. Мы должны пренебречь своими личными чувствами и считаться *только* с политическими и идейными соображениями. Поэтому *сегодня* я всецело присоединяюсь к заявлению (правда, пока еще предположительному) передовой статьи «Свободы» в № от 2-го сент[ября] и всецело одобряю упущение имени Б[ориса] В[икторовича] из списка редакционной коллегии³.

Вы должны понять, как *невыразимо* тяжело мне это сказать — но я, по совести, не могу иначе. Простите, если сегодня я не буду писать больше. Чтобы сказать все, что роется в голове, — нужны томы. Сегодня я и физически и душевно — не в силах. — С величайшим нетерпением жду Вашего письма, *после* прочтения Вами «Известий».

Душевно весь Ваш

С.Р.

¹ В указанном номере, кроме упомянутых приговора и Постановления Президиума ЦИК, были помещены: «Письменное показание Б.Савинкова, данное 21 августа 1924 г.» (С.2), «Заключительное слово Савинкова», (С.3), «Обвинительное заключение» (С.2) и начало стенографического отчета о процессе (С.3-4).

² После текста «Обвинительного заключения» было помещено факсимиле автографа: «Копию настоящего обвинительного заключения получил 23 августа в 23 ч. 30 м. Б.Савинковъ». Здесь характерна подчеркнутая приверженность старой орфографии — ср. прим.1 к письму 15.

³ До 1 сентября 1924 включительно «За Свободу!» выходила с подзаголовком, включавшим фамилию Савинкова в список пяти «ближайших сотрудников». Только 2 сентября эта фамилия (а также А.А. Дикгоф-Деренталя) была снята. См.: Арцыбашев. С.66-67.

9. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Hôtel Montplesier
12, rue de Richelieu
Paris. 7.IX.24.

Обратите внимание на мой адрес: Вы ошибочно пишете на rue Rivoli вместо *Richelieu*

Дорогие друзья,

Получил Ваши письма от 3 и 5. Из моего письма от 5 Вам уже известна моя позиция, и теперь я обязан еще раз и уже обстоятельнее ее подтвердить. Я всей душой с Вами в Вашем горе, я глу-

боко понимаю, что Вы, как родные, переживаете, но даже из уважения к Вашей скорби я не могу молчать. Я имею право сказать, что я *никому* не уступал в моей любви, дружбе, преданности и жертвенности по отношению к Б[орису] В[икторовичу]¹ и поэтому я имею право сказать, что измена и предательство Б[ориса] В[икторовича] для меня вне всякого сомнения. А раз я в этом убежден, то мой долг, как врага большевиков и друга России, — резко отмежеваться от Б[ориса] В[икторовича] и всюду, всячески клеймить его измену и предательство. Поэтому я высказываю мое полное несогласие как с Вашим заявлением в Редак[ционную] Коллегию «Свободы», так и со статьей Виктора Викторовича². Объясню себе и то, и другое только тем, что Вы еще не читали в самих «Известиях» «Письменного показания» и «Заключительного слова» Б[ориса] В[икторовича]. *Каждый*, кто *их* читал, не может не быть убежденным в измене и предательстве Б[ориса] В[икторовича]. — Повторяю то, что я сказал в своем письме от 5-го: большевики все могли подделать — и подпись, и факт, и сведения — все что хотите — но *стиля* Б[ориса] В[икторовича] даже они не могли подделать. А здесь подлиннейший собственнейший *стиль* Б[ориса] В[икторовича] и больше ничей. — Раньше, чем подробнее разбираться в этих двух документах, я постараюсь Вам нарисовать ту гипотезу, к которой пришел Бурцев и к которой я всецело должен присоединиться, т.к. только она все объясняет. — Мы оба убеждены, что он отсюда уехал тем честным антибольшевиком, которым мы его знали. — Трагедия, по-видимому, начинается в Минске. Там он, вероятно, впервые попадает в руки ГПУ. — Перед ним отверзлась во всем своем кошмарном ужасе та пропасть, к которой его привели. — Явная провокация; позор, что он, искусленный конспиратор, доверился ей, несмотря на все наши упорные предупреждения; открытие, что Сергей давно уже погиб; что вся Московская организация — миф³; что искусство подосланные, в последний момент перед отъездом, известия о наличии больших денег — ловушка⁴; что его собственная гибель и гибель А[лександра] Ар[кадьевича], а в особенности Л[юбови] Еф[имовны], неминуемы; хуже того — ему грозят позорящими интимными разоблачениями в связи с Л[юбовью] Еф[имовной], его запугивают грозящей ей участью. А с другой стороны, к нему подсылают (пусть это будет в Москве) крупных людей из правого лагеря (назовем их «Красиными» — все равно они действовали заодно с Дзержинским)⁵, которые ему говорят: Вы давно уже наш, с Вами мы всегда могли сговориться, разногласия между *нами* незначительные, мы любим родину, как и Вы, нужно спасти ее от расхищения иностранцами, настало время, когда мы должны заодно

действовать ради спасения родины, нужно ликвидировать этих мерзавцев — крайних, Вы единственный, который может это сделать, затем мы с Вами образуем новое правительство, за Вами пойдет вся Россия, Вы будете спасителем родины. Идите с нами, и мы Вас спасем и спасем Ваших друзей; мы охраним Вас от позора интимных разоблачений, от смешения с бандитом Павловским. Для того чтобы мы Вас спасли и дали Вам возможность спасти родину — нужно, чтобы Вы громогласно заявили, что Вы уже давно с нами и пр. и пр. Никаких позорных покаяний от Вас не потребуется; не нужно, чтобы Вы выдали фамилии своих друзей⁶, — нужно только Ваше мотивированное заявление, что Вы искренне ошибались и что теперь Вы с нами. — Вы хотите гарантий? Отлично. Какие большие гарантии мы можем Вам дать, как то, что Вас, Б.В. С[авинкова], нашего злейшего врага, не расстреляют, а даже совершенно освободят; что Ваших двух друзей даже судить не будут, что никаких позорных разоблачений о Вас не будет допущено? С Вами поступят с достоинством, подобающим такому человеку, как Вы. И вот всему этому Б[орис] В[икторович] поверил и пошел по пути, который ему указали. Поверил он, пожалуй, не сразу, т.к. его по-видимому целую неделю донимали, но, раз поверивши, он пошел до самого конца. — Вот это есть *самое великодушное, самое милосердное* объяснение его измены. — Но разве оно может в *какой-либо* мере послужить ему *оправданием*? Разве от этого объяснения его предательство становится меньше? Разве, ввиду такого объяснения, мы, его политические товарищи, можем его простить? Нет и тысячу раз нет. Он был наш идейный и политический вождь, он стоял во главе С[оюза] З[ащиты] Р[одины] и Св[ободы], сотни членов Союза гордо шли на смерть, поминая его имя (см. протокол суда), он не мог не знать, какой ужасающий удар он наносит своей изменой антибольшевицкому делу; — он сделал ошибку, он попался в ловушку — он должен был исполнить свой последний долг, т.е. достойно умереть. — От исполнения этого долга — никакие политические соображения, а тем паче никакие личные чувства его не должны были удержать. — Но он не умер, а предпочел игру играть с большевиками, надеясь, что он их перехитрит. Нет — не перехитрит! Потому что левые его ненавидят, а правые его презирают; оба действуют заодно и проявили величайший ум; использовали его гениально как для внутреннего, так и для внешнего употребления, используют еще, выжмут его, как лимон, и выбросят за границу или, по первому предлогу, пристрелят⁷. Нет; нет ему оправдания!

Вы говорите — это все махинация и ложь и клевета большевиков. — А почитайте-ка «Письменное Показание» и «Заключи-

тельное Слово» — в особенности последнее. — Про сестру и ее мужа — большевики выдумали?⁸ Лирика и пафос эпизодов с Сазоновым и Каляевым — большевицкие?⁹ Разве из каждой строки не лезут стиль и выражения Б[ориса] В[икторовича]? Это бесподобное «Я целую в губы Каляева»! Это тоже большевики выдумали? — Оба эти документа пересыпаны выражениями, присущими только Б[орису] В[икторовичу]. Оба эти документа представляют собою строго продуманное, в высшей степени стройно созданное литературное *целое*, могущее принадлежать только Б[орису] В[икторовичу]. А если это так, то и каждая фраза, каждая мысль в нем принадлежит Б[орису] В[икторовичу]. А каждая сколько-нибудь *значительная* фраза свидетельствует о неопровержимой измене. Но нигде она ярче не выразилась, как в этом ужасном афоризме: «Остались *только* идейные разногласия: Интернационал или родина, диктатура пролетариата или свобода?! *Но из-за разногласий не поднимают меч и не становятся врагами*». Вот на этой фразе, больше чем на чем-либо другом, — лежит Каинова печать. — Пусть *все* показания в ответах Б[ориса] В[икторовича] на допросе были выдуманы большевиками — но эти два документа *только его*. Впрочем, относительно показаний тоже нужно оговориться; есть там масса подробностей, которые были известны только Б[орису] В[икторовичу] и очень немногим друзьям, но во всяком случае уж не большевикам. — Спрашивается, почему в показаниях ни слова о личностях — о Вас, о варшавских друзьях, обо мне и еще о других? Вы думаете, у него не спрашивали? Будьте уверены, что спрашивали до мельчайших подробностей и Б[орис] В[икторович] не мог не сказать. Очевидно, что был пункт взаимного договора, чтобы такие «личные» сведения не публиковались. Это могло умалить Б[ориса] В[икторовича]. А большевикам, как это из всего процесса видно, нужно было роль Б[ориса] В[икторовича] в контрреволюции возможно возвеличить и сделать его показание чисто идейным. Иначе, ведь, грош ему цена была. — Вот, и самый большой ужас в тех показаниях, которые *не* преданы гласности, — потому что они остаются у большевиков в качестве постоянного дамкловла меча против Б[ориса] В[икторовича] и посредством их его еще не то заставят делать.

Вот в общих чертах — те выводы и соображения, к которым должен прийти всякий беспристрастный, спокойно анализирующий человек. — Никакие чувства, никакие мысли о прошлом Б[ориса] В[икторовича] не должны затмить нашей логики. — А эта логика ставит нас перед неопровержимым фактом измены и предательства Б[ориса] В[икторовича]. Вот это есть единственное, с чем мы, как политические деятели, должны считаться и согласно

чему мы должны действовать. — Иначе мы сами вычеркиваем себя из списка борцов против большевиков и играем в их руки. — Мы защищали Б[ориса] В[икторовича] покуда это было возможно; теперь мы раз навсегда должны его заклеить как изменника и предателя. — Это наш святой долг, и никакие личные чувства нам не должны помешать его исполнить.

Я старался честно Вам высказать мои мысли; всех не выскажешь — нужны были бы тома. — Теперь судите и поступайте так, как Вам подскажет Ваша политическая совесть. Моя дорога мне совершенно ясна. Я Вам не говорю о том неопишемом личном горе, которое я переживаю, потому что как ни велико оно — оно ничтожно в сравнении с постигшим нас политическим идейным бедствием и оно не может помешать мне исполнить мой долг. — Последние слова, которые я сказал Б[орису] В[икторовичу], были: «Помните, Б[орис] В[икторович], Вы самый дорогой для меня человек в мире; есть только одно, что мне дороже Вас, — это наше дело». — Это Вам все должно сказать.

Для Вашего сведения: я протестовал (в письме к Диме) против упущения имени А[лександра] Ар[кадьевича] из списка ред. коллегии¹⁰. — Это по-моему и ошибка и несправедливость — потому что о А[лександре] Ар[кадьевиче] большевики нигде не упоминают. Лично я уверен, что он в измене не участвовал. — Бурцев в самые ближайшие дни выступит в мировой прессе со статьями приблизительно в том духе, в котором я Вам писал, только, понятно, для общественности, он поставит весь вопрос в значительно более широкие рамки¹¹. — С нетерпением жду сюда Диму, проезд которого сюда, по-моему, настоятельно необходим¹². — Понятно, очень хорошо было бы, если и Ал[ександр] Ген[надьевич] мог бы сюда приехать.

Сколько боли мое письмо Вам ни причинило бы, подумайте, что мною руководит только безграничная преданность нашему делу. Душевно весь Ваш

С.Р.

P.S. В Вашем заявлении в Варшаву в последнем абзаце Вы говорили об одном обстоятельстве, которого не знает эмиграция и т.д. Неужели Вы намекаете на присутствие Л[юбови] Еф[имовны] и неужели Вы в этом обстоятельстве видите какое-нибудь объяснение или оправдание случившегося?!

Я прямо недоумеваю!

¹ Не исключено, что под своей *жержменностью* С.Р. подразумевает и постоянную материальную помощь, которую он оказывал газете «За Свободу!» и лично Савинкову до лета 1923, когда разорился.

² Савинков В. Почему не расстреляли? // За Свободу! 1924. 4 сентября. С.2 («Если бы нам даже показали документ, написанный рукою Бориса Савинкова, мы не поверили бы»). Заявление Мягковых в газете опубликовано не было.

³ О *Московской организации* см.: Переписка. С.114 и Арцыбашев. С.55-56, 58-69.

⁴ Имеется в виду письмо Савинкову от С.Э. Павловского (во всяком случае написанное от его имени и датированное 21 июля 1924), переданное уже в Польше 15 августа: «Только что получены сведения о благоприятном исходе нашего предприятия в южном отделении. Сделка заключена на очень выгодных условиях» (ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.394. Л.26).

⁵ Леонид Борисович *Красин* (1870-1926) — в тот момент нарком внешней торговли СССР. Встретившись с Савинковым в Лондоне в начале 1922, предложил ему (вероятно, по праву бывшего коллеги по боевой работе против царского правительства) прекратить борьбу против Советской власти. Версия С.Р. (и Бурцева) о беседах с Савинковым в тюрьме кого-то из «крупных людей» не нашла подтверждения — как видно из полного текста его предсмертного письма, самым высокопоставленным из его собеседников был именно Дзержинский (Служба безопасности. М., 1992. Пробный номер. С.19). Вопрос о роли отдельных членов Политбюро ЦК ВКП(б) в судьбе Савинкова можно будет выяснять, если станут доступными касающиеся его документы из архива Политбюро, хранящиеся ныне в архиве Президента РФ.

⁶ Эта догадка подтвердилась. См. запись в тюремном дневнике Савинкова от 1 мая 1925: «Недаром я слышу, что у меня "дурной характер". Дурной характер в том, что я не хочу называть людей, которые верили мне и которые теперь уже не могут принести вреда?» (Служба безопасности. 1992. Пробный номер. С.20).

⁷ Прогноз дальнейшей судьбы Савинкова («выжмут его»...), верный в общем, расходится с имеющейся ныне информацией относительно конкретной формы гибели. Хотя самоубийство Савинкова нельзя считать вполне доказанным, версия о тщательно подготовленном его убийстве, выдвинутая еще в мае 1925 эмигрантской прессой и поддержанная впоследствии В.Т. Шаламовым и А.И. Солженицыным, оспаривается содержанием доклада Дзержинского 8 мая 1925 на заседании Политбюро, в котором речь идет именно о самоубийстве (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.503).

⁸ *Сестра и ее муж* — Надежда Викторовна и Владимир Христович фон Майдель, расстрелянные большевиками в годы Гражданской войны. Савинков мотивировал свою многолетнюю непримиримость к Советской власти тем, что не мог «переступить через их трупы».

⁹ Иван Платонович *Калев* (1877-1905) и Егор Сергеевич *Сазонов* (Созонов, 1879-1910) — члены Боевой организации ПСР, исполнители организованных Савинковым терактов. К., кроме того, был другом детства. Увековечение памяти погибших товарищей (К. был казнен, С. покончил с собой на каторге), апологетические воспоминания о них, где сам

Савинков предстал единственным хранителем заветов легендарной Боевой организации, были постоянными мотивами его публицистики. Савинков бережно хранил их архивы (ныне — в составе его фонда: ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.543-554 — Созонов; Д.555-571 — Каляев). Свое «Письменное показание» в 1924 он начал словами: «Я, Борис Савинков, бывший член боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева...», постоянно апеллировал к их памяти и на суде.

¹⁰ Редакция мотивировала это свое решение необходимостью оставить в своих рядах только тех лиц, местонахождение и политическая позиция которых ей известна (От редакции // За Свободу! 1924. 8 сентября. С.1).

¹¹ См., напр.: Из письма В.Л. Бурцева о Савинкове // За Свободу! 1924. 24 сентября. С.2; Бурцев В.Л. Торг, измена, предательство // Там же. 15 октября. С.2-3. Последняя статья была переслана в Варшаву самим С.Р. Сообщая об этом автору, он писал ему в Лондон 2 октября 1924: «Судьба правительства Макдональда, по-видимому, решена. Это, наверное, в очень желательном смысле отразится на здешней политике. У большевиков сорвалось! Не начинает ли лопаться по всем швам? С[авинков] выбрал поразительно подходящий момент для своего вольта!!» (ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.507. Л.3). Статьи Бурцева широкого резонанса тогда не получили.

¹² Д.В. Философов приехал в Париж только в середине октября 1924, когда С.Р. там уже не было.

10. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Париж, 10.IX.24
Hôtel Montplesier
12, rue de Richelieu

Дорогие друзья,

Вы понимаете, что как ни больно мне было читать Ваши письма от 7-го и приложенные копии Ваших заявлений, я по существу с ними согласиться *не могу*. Установившееся у меня (*и у Бурцева*) непоколебимое убеждение в измене Б[ориса] В[икторовича] сегодня получило то капитальное подтверждение, которое я с уверенностью ожидал. Сегодня я получил номер «New York Times» от 30-го авг[уста] (это яро антибольшевицкая газета, оказавшая нашему движению неоценимые услуги в течение 7 лет). William Duranty¹, их корреспондент, убежденный антибольшевик, присутствовавший с начала до конца на суде, отлично знающий русский язык, в длиннейшем кабеле на трех столбцах дает полное подтверждение самых существенных, позорнейших показаний и покаяний Б[ориса] В[икторовича], его отказа от всей прежней де-

ятельности и безоговорочного признания большевицкого правительства.

Что теперь еще можно сказать? Что Duranty подкуплен большевиками? Нет, довольно! Нужно прозреть и уметь посмотреть правде в глаза. Б[орис] В[икторович] изменник, подобного которому мировая история не знала со времен Иуды² — и нужно иметь храбрость это заявить громогласно. — Это наш долг и это величайшая услуга, которую мы можем оказать нашему делу. — Никакие колебания, никакие соображения тактические или чисто личные более недопустимы. — Весь объем предательства Б[ориса] В[икторович]а нам еще неизвестен; но он еще вскроется и, я уверен, очень скоро. — Подумайте объективно о том, что я Вам писал 7-го, постарайтесь восстановить детали — и Вы ужаснетесь так же, как и я.

Я сегодня телеграфировал «Свободе» об отчете Duranty³. — Я был очень поражен и огорчен, что «Свобода» в № от 7-го как будто берет некоторый курс назад⁴.

Мое письмо от 3-го появилось в «Morning Post»⁵, и я теперь считаю своим долгом в самой определенной форме отказаться от него и печатно заклеить в Англии измену Б[ориса] В[икторович]а⁶. Бурцев это сделает в фр[анцузской] и русск[ой] прессе.

Я говорю Вам все это, зная что я рискую потерять Вашу дружбу, которая мне очень дорога. Но я смотрю на Вас не только как на своих друзей, но еще больше как на политических товарищей, служащих той же идее, и потому считаю своим неотступным долгом говорить Вам всю правду — до конца.

С нетерпением жду Вашего ответа.

Душевно весь Ваш

С.Р.

¹ Уолтер (а не Уильям, как у С.Р.) Дюранти (1884-1957) — корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Москве в 1921-1934. Сыграл видную роль в установлении дипломатических отношений между СССР и США.

² Это написание (а также иные орфографические ошибки, отчасти сохраненные нами в публикуемых письмах) позволяет предположить, что С.Р. учился грамоте не в русской, а в польской школе.

³ См.: Американский корреспондент о процессе Савинкова // За Свободу! 1924. 12 сентября. С.1. Подробный пересказ репортажа У.Дюранти (очевидно, посланный по почте) появился в газете через неделю (фамилия «парижского корреспондента», приславшего его, названа не была).

⁴ Мотивы смягчения приговора // За Свободу! 1924. 7 сентября. С.1. Советские газеты, запрещенные к распространению в Польше, поступали в Варшаву с опозданием, поэтому ключевой номер «Известий» от 30 ав-

густа был получен в редакции «За Свободу!» только 10 сентября. На следующий день там началась публикация материалов суда.

⁵ См. письма 5 и 6 и прим. к последнему из них.

⁶ Русский вариант письма см.: Англичанин о Савинкове // За Свободу! 1924. 19 сентября. С.2. Об авторе говорилось только: «один англичанин, бывший другом Савинкова». Имя С.Р. оставалось табу на страницах этой газеты до середины декабря 1925.

11. В.В. Мягковой

11.IX.24.

Дорогая Вера Викторовна,

Только что получил Ваше письмо от 8-го. Верьте, мне бесконечно больно за Вас. Я тем более Вас могу понять, потому что Б[орис] В[икторович] был мне — в чисто *личном* отношении — как брат — несравненно больше чем брат. Но согласиться с Вами я ни в коем случае не могу. В служении идее — разграничение должно быть резкое: белое или черное; верность или измена; с нами или с ними. — Борис с ними; для меня он перестал существовать. — Мотивы, побуждения его измены могут быть очень сложны, разнообразны и интересны, но измена остается во всей своей чудовищности. — У Иуды тоже были мотивы.

Ваша сестра (С.Турчинович) поместила письмо в «Веч[ернем] Вр[емени]»¹ о расстреле бар[она] Майдель. — Я могу поклясться, что в пятницу 8-го авг[уста], Б[орис] В[икторович], делая со мною своими воспоминаниями, рассказал мне этот инцидент в *точно* той же версии, как он рассказал его на суде, т.е. что бар[он] Майдель, будучи офицером, отказался стрелять в рабочих 9-го янв[аря] и что он был одним из первых расстрелянных большевиками. Этого, сказал Б[орис] В[икторович], я им простить не могу.

Понятно, я и не думаю опровергать это, тем более в «Веч[ернем] Вр[емени]».

Неизменно весь Ваш

С.Р.

¹ София Викторовна *Турчинович* (урожд. Савинкова, 1888-?) — младшая сестра Савинкова, в 1906-1917 — член ПСР, активная участница нелегальной работы. Самый известный эпизод — участие (по просьбе Бурцева) в побеге из ссылки за границу раскаявшегося сотрудника Варшавского охранного отделения М.Бакая. После 1920 Т. — в эмиграции. Там жила одиноко, бедствовала; в конце 1923 переехала в Варшаву, стала рабо-

тать в редакции «За Свободу!» (корректор, ведущая отдела шахмат). Упомянутое письмо послала, очевидно, в редакции многих газет (За Свободу! 1924. 6 сентября. С.3). Опровергала подлинность показаний брата ссылками на допущенные неточности в биографиях Н.В. и В.Х. фон Майделей. Т. виделась с братом в Варшаве 12 августа 1924; в письме к нему во Внутреннюю тюрьму ОГПУ спрашивала его об обстоятельствах встречи, чтобы убедиться в аутентичности корреспондента. «Вечернее время» — парижская газета, издававшаяся Б.А. Сувориным (см.: Переписка. С.149).

12. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Париж, 13.IX.24.

Дорогие друзья,

Получил Ваши письма от 9 и 10, а сегодня Бурцев показал мне письмо В[еры] Викт[оровны] от 11-го. — С глубокой скорбью, с самым искренним уважением к Вашим чувствам, я еще раз должен заявить Вам, что мое убеждение в измене Б[ориса] В[икторовича] остается бесповоротным. Я считал своим долгом публично высказать его в моем сегодняшнем письме в «Morning Post». (Прилагаю вырезку).

Мое убеждение основано на следующих неопровержимых данных:

1) На «Письменном Показании» и на «Заключительном Слове» Б[ориса] В[икторовича]. Оба эти документа для меня так же подлинны и достоверны, как будто бы я сам присутствовал, когда Б[орис] В[икторович] их сочинял. *Этих* двух документов *никто* подделать не мог.

2) На подробнейшем отчете Duranty, кор[респондент]а «New York Times», присутствовавшего на процессе от начала до конца¹.

3) На отчете кор[респондент]а «Berliner Tageblatt»², тоже присутствовавшего на суде. Этот отчет я пока знаю только по выдержкам.

4) На сведениях, полученных мною от таких лиц в Англии, которые имеют возможность знать то, что знает Мин[истерство] Иностран[ных] Дел.

Все эти данные сходятся полностью и в точности. Но самые убедительные доказательства я вижу все-таки в словах самого Б[ориса] В[икторовича] в «Письменном Показании» и «Заключительном Слове».

Вы ищете оправдания своей точки зрения в том, что Б[орис] В[икторович] не на свободе, а в тюрьме. А для меня это лишнее

доказательство какого-то происшедшего торга. Вы говорите, что большевикам было полезно быть великодушными. Да, согласен; это было не только полезно, но даже гениально. И все-таки, если бы Б[орис] В[икторович] держался так, как ему подобало, они его расстреляли бы, несмотря на все тактические соображения. Они это не сделали, значит он дал им возможность этого не сделать. — Вы несколько раз в своих письмах намекаете на Л[юбовь] Еф[имовну]. Я не сомневаюсь, что она сыграла очень большую роль в измене Б[ориса] В[икторовича], но в этом обстоятельстве я и вижу самый большой ужас, самое глубокое падение.

Бурцев и я, стараясь реконструировать происшедшее, понятно, можем ошибаться в деталях (мы на них и не настаиваем), но в общих чертах мы безусловно правы. Б[орис] В[икторович] арестован — он не расстрелян; значит, был торг, была измена. — Ничто не может изменить моего убеждения: Б[орис] В[икторович] был вождь, он посылал людей на смерть; его час пришел — он должен был умереть. Умереть, как Каляев, которого он так часто упоминал на суде. — Своей смертью он оказал бы движению величайшую услугу, поднял бы его на небывалую высоту и стал бы для всех символом близкой и неминуемой победы. Он этого не сделал; он отрекся, признал «их» и он жив.

Вы говорите — большевики все выдумали. Неужели Вы на минуту допускаете, что они посмели бы это выдумать, что они такие идиоты? Ведь пройдет еще одна неделя, другая и *все* обнаружится. Если выдумали — так этим они дали бы величайшую победу всемирному антибольшевицкому движению! Нет, это не из области реального и не стоит обсуждения.

Итак, мое убеждение бесповоротное. Моя позиция занята, и ничто ее не может изменить. Близкое будущее меня оправдает и заставит и Вас присоединиться к моему убеждению. Его полностью разделяет и Бурцев, и я уверен, что будь с нами прежний Б[орис] В[икторович] — борец, вождь и непримиримый враг большевиков, он первый одобрил бы меня.

Вы вероятно заметили, что ни в одном из моих писем я не говорил о своих личных чувствах. Я имел бы некоторое право говорить о них, но считаю, что они имеют несоразмерно ничтожное значение в сравнении с той катастрофой, которую измена Б[ориса] В[икторовича] причинила всему антибольшевицкому движению. Я могу думать только об этом и потому считал своим долгом, убедившись в измене Б[ориса] В[икторовича], честно, открыто, не считаясь с своими личными чувствами, и частным образом, и публично об этом заявить. Казалось бы, что *Вы* должны были бы понимать, как невыносимо тяжело это было делать

мне. Я не считаю уместным отвечать теперь на упрек, брошенный мне Ал[ександром] Ген[надьевичем], что «мне хорошо писать — сидя в Париже»; достаточно чудовишно, что это сказано *мне*.

На это письмо я уже не жду ответа. Это мне бесконечно тяжело, но я уверен, что пройдет время, когда наши прежние отношения восстановятся.

Искренне преданный Вам

Сидней Рейлли

¹ Удивительно, что С.Р., переведя репортаж У.Дюранти, где корреспондент говорит о том, что слышал только заключительное слово Савинкова и приговор, пишет о его присутствии на суде «с начала до конца».

² Корреспондентом «*Berliner Tageblatt*», присутствовавшим на заключительном заседании суда, был Пауль Шеффер. См.: Немецкий корреспондент о суде над Савинковым // За Свободу! 1924. 11 сентября. С.2.

13. В.В. Мягковой, А.Г. Мягкову и В.В. Савинкову

Париж, 17-го сент. 1924 г.

Дорогие друзья,

Получил письмо Веры Викторовны и письмо Виктора Викторовича и еще раз пишу Вам, хотя мало верю в то, что *сейчас* между нами может установиться согласие. На этот раз обращаюсь больше всего к Виктору Викторовичу и очень благодарю его за сдержанный тон его письма. Да, я согласен, что в моем психологическом построении случившейся катастрофы могут быть ошибки. Пойдем дальше — процевим через самое тонкое сито *все*, известное нам — из советской и несоветской прессы — о процессе С[авинкова]. Что останется? Для Вас — только факт ареста, суда и приговора к 10 г[одам] тюремного заключения. Для всякого объективного человека — значительно больше: те показания, которые были ничьими иными, чем С[авинков]а; целые абзацы из «Письменного Показания» и «Заключительного Слова», которые несомненно *целиком* исходят от С[авинков]а и *только* от С[авинков]а, и, наконец, сведения двух беспристрастных свидетелей, кор[респонденто]в N.Y. Times и Berliner Tageblatt. Будем еще строже, выбросим *все*, за исключением свидетельств этих двух иностранцев, из которых каждый является представителем яро антибольшевицкого органа. — Что же мы видим? Оба, в один голос, почти что в тех же самых выражениях описывают процесс и его детали. Оба,

с изумительной точностью (т.к. они *не* стенографировали) передают нам произнесенное С[авинков]м «Заключительное Слово» и устанавливают, *что он признает всю свою прежнюю деятельность ошибочной и что он безоговорочно («unconditionally» — «bedingungslos») признает власть большевиков.* Что же больше нужно, чтобы доказать измену С[авинков]а? Но Вам этого мало! Вы наполовину готовы признать, что эти свидетели правдивы, но Вы сейчас же для оправдания С[авинков]а пытаетесь найти «мотивы» и Вы говорите о «пытках»! Мы знаем, что на суде С[авинков] был цел и невредим, — значит, физической пытки не было. Были моральные? Вероятно; но речь ведь идет о Б.В. С[авинкове], а не об институтской барышне! Как «ultima ratio»! Вы несколько раз выставляете ту же Л[юбовь] Еф[имовну]! Я обращаюсь к Виктору Викторовичу как к активному борцу, контрреволюционеру и человеку, бывшему в боях: считает ли он такой глубоко позорный мотив позволительным или оправдывающим? С одной стороны — родина, идея, дело, товарищи; с другой — женщина!

Итак, извольте отбросить мотивы. Мотивы были — несомненно — но *мы в этом деле никаких* мотивов признать не можем и *не имеем права.*

Ужас падения и измены С[авинков]а огромный, но он *не весь* в тех фактах, которые бесспорно установлены данными иностранных свидетелей. Весь объем этого ужаса кроется *за* этими фактами. Он в том, что у С[авинков]а, на суде, в единственный момент, когда он был физически свободен и в присутствии какой-то гласности, *не нашлось даже малейшего намека на какую-нибудь критику большевиков и хотя бы самого слабого протеста против них.* — Этим ли языком говорили на суде Каляев и Сазонов? — Тут уже нужно взять не одно «Заключительное Слово», но и «Письменное Показание», и многое, безусловно достоверное, из допроса. — И что же мы видим? Красной нитью через все это проходит желание оправдаться и просьба о помиловании. Согласие и поддакивание во всем и даже забегание вперед. Ни одного намека на критику, на протест, даже на разногласие. «Они» во всем правы. (Не вспомнилось С[авинков]у, что рабочая власть расстреливает рабочих за один факт забастовок, что крестьянство эту власть в своей массе знать не хочет (сами же «они» это признали), что нет свободных выборов в советы, что единственное духовное достояние народа — православная вера поругана, что есть Чека и Соловки, не вспомнилась вся бесконечная духовная пропасть между «нами» и «ими» и проч., и проч., и проч.). Если бы хоть что-нибудь такое вспомнилось, так где-нибудь (а в

особенности в *подлиннейшем* «Заключительном Слове») мы бы нашли хоть малейший намек на это и отклик его дошел бы до нас. — Вот в этом величайший ужас, падение, измена и предательство.

А вместо того, чтобы их заклеить, Вы говорите мне и Бурцеву: «Вы клеймите Савинкова, Вы называете его изменником, — Вы помогаете большевикам, Вы делаете именно то, чего они хотят». И тут же Вы прибавляете: «Не надо усиленно защищать С[авинков]а, а то большевики его могут расстрелять». Значит, что нужно делать? Скрыться, молчать? Нет, молчать мы не можем! Во всяком случае я не могу. — Сейчас, — до поры до времени — я сказал все, что нужно. Теперь нужно оглядеться, собраться с силами и решить, как дальше продолжать дело.

Душевно Ваш

Сидней Рейлли

¹ Последний довод (лат.).

14. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Париж, 20.IX.24.

Дорогие друзья,

За три недели беспросветного кошмара и глубокого горя Ваши письма от 17-го дали мне впервые некоторое душевное утешение. Я рад, что непоправимая потеря Бориса не усугубилась еще потерей *Вашей* дружбы. — Рано еще подводить итоги всему происшедшему, но я хочу, чтобы Вы твердо понимали, что в моем осуждении Б[ориса] мною руководила и всегда будет руководить исключительно моя преданность нашему общему делу. Повторяю, *все* личное несоразмерно ничтожно, и я еще не успел о нем подумать. Я глубоко убежден, что прежний Борис, тот, который мне был действительно больше чем брат, меня всецело бы одобрил; в этой мысли я черпаю и новые духовные силы и утешение. — Я, понятно, Вам буду сообщать все то новое, что я узнаю. — На днях ожидаю целый ряд весьма достоверных сведений из немецких источников. Немного позже жду еще из английских источников. — Мало-помалу вся правда откроется перед нами. — Бурцев глубоко уверен, что при первой возможности Б[орис] напишет Вам, Диме, ему и мне¹. Я мало в это верю. — Все-таки полагаю, что раньше или позже он должен сделать какие-нибудь распоряжения хотя бы относительно Левочки². — В связи с этим, я дол-

жен сказать, что я сейчас в полной неизвестности о судьбе американского и англ[ийского] издания «Коня Вороного». — Не знаю, сочтет ли еще Duker возможным издавать ее. Все это я выясню сейчас же после приезда в Нью-Йорк и сообщу Вам. Моя поездка — ввиду происшедшего — немного отложена; выеду отсюда не раньше 27-го, а то и несколько дней позже. Понятно, и дела от туда и адрес свой Вам сообщу.

Необходимо, чтобы мы остались в самом тесном контакте. Если уж кто получит непосредственные сведения от Б[ориса], так это будете Вы — первые.

Кстати, не знает ли кто-нибудь из Вас фамилии Анд[рея] Павл[овича]. — Мне из одного иностранного источника, весьма достоверного, сообщают, что агент ГПУ, который Б[ориса] привез в Россию, назывался Антоненко (Анд[рей] Пав[лович] был похож на хохла). — В одной заграничной советской делегации провокация против Б[ориса] была известна уже давно и знали, что он скоро после 10-го авг[уста] должен прибыть в Россию. Мой осведомитель знал все это приблизительно за неделю до отъезда Б[ориса], но считал это вздором и не сообщил мне об этом, т.к. еще раньше знал от меня, что Б[орис] уезжает на Балканы!! По уговору с Б[орисом], я уже недели за две усиленно распространял это.

Дима обвиняет меня в том, что я не сумел *удержать* Б[ориса] от поездки!³ Я спрашиваю Веру Викторовну: что же больше я мог сделать? Ведь я ему в течение месяца ежедневно рисовал картину провокации точно в том виде, в котором она в действительности и произошла! А из-за поездки Л[юбови] Еф[имовны] я ведь с ним почти что разошелся! Что же больше можно было делать? Ведь он *абсолютно* никого и ничего слышать не хотел! Никто все это так хорошо не знает, как Вера Викторовна.

Впрочем, все эти рассуждения «post factum» ни к чему. Случившегося не изменишь. Нужно думать, что дальше делать. — Встало очень много весьма сложных и трудных вопросов. В ноябре нужно нам непременно собраться и решать.

Всегда весь Ваш

С.Р.

Жозефина Францевна шлет самый сердечный привет, в особенности дорогой Вере Викторовне. — Она очень много перестрадала за это время. Поразительно, что она единственная из нас всех, которая *ни на одну минуту* не переменяла своей глубокой уверенности в провокаторской роли Анд[рея] Павл[овича].

¹ Предположение Бурцева полностью подтвердилось. Всем названным лицам Савинков написал из Внутренней тюрьмы. Об обмене посла-

ниями с Философовым см. письмо 15 и прим.1 к нему; с Бурцевым — Переписка. С.158; письмо самому С.Р. (местонахождение оригинала неизвестно, машинописные копии хранятся в фондах Бурцева и Мягкова: ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.530. Л.9-12; Ф.6756. Д.18.), самое обстоятельное, осталось без ответа. Супруги Мягковы стали единственными людьми из ближайшего окружения Савинкова, отказавшимися его публично осудить и поддерживавшими с ним частную переписку до последних дней его жизни (ксерокопии писем — РФК. Ф.1. Оп.1. Д.33-38, 40-45; машинописные копии — ГА РФ. Ф.6756. Д.18).

² *Левочка* — Лев Борисович Савинков (1912-1987) — сын Савинкова и его второй жены Е.И. Зильберберг (в первом браке — Сомовой). С 1920 жил с матерью и бабушкой, М.А. Зильберберг, постоянно получавшими от Б.В. денежную помощь. Его письма к отцу за 1920-1924 — ГА РФ. Ф.5831. Оп.1. Д.179. Л.1-55. В дальнейшем — поэт (Аванпост. Париж, 1936), журналист. В 1937-1938 воевал в составе Интербригады в Испании.

³ О колебаниях самого Философова относительно «русских друзей» и возможной поездки Савинкова в СССР см.: Арцыбашев. С.69.

15. В.В. Мягковой и А.Г. Мягкову

Париж, 21.IX.24.

Дорогие друзья,

Как я и ни был уверен в измене С[авинкова], но даже я был невыразимо потрясен его письмом Диме¹. Такой глубины падения не только в нем, но даже вообще в человеке нельзя было бы предположить. Нет примера, нет слов! — Понятно, с точки зрения политической, вся трагедия теперь превращается в какой-то похабный фарс, который уж никак не может быть на пользу большевиков и во вред нашего дела. Зато, с точки зрения психологической, мы стоим перед такой уж пропастью омерзения, что мы, обыкновенные люди с обыкновенной человеческой моралью, с обыкновенными человеческими чувствами, никогда дна ее не сможем узреть. — Теперь подтвердилось то, что я только самому себе, и то только в последние дни, смел говорить: измена старая, никакой провокации не было, в течение целого года он нас всех околпачивал. Как вспомнишь все, и большое, и малое, что было за этот год, а в особенности за последний месяц, — нет, не имею слов выразить, что думаю и чувствую!

Сейчас весь мой интерес сосредоточен на письме, которое получит Вера Викторовна². Я надеюсь, что Вы мне сейчас же пришлете полную и точную копию; я думаю, что в этом деле между нами не может быть секретов. Моя дружба к Вам и преданность

общему делу повелевает мне сказать Вам, что это письмо (составляющее в первую очередь исторический, а не частный документ) требует самого осторожного к нему отношения. Во-первых, я считаю, что оно, так же как и письмо к Диме, должно быть немедленно передано гласности. Во-вторых, я думаю, что всякий ответ на него должен быть коллективный (за подписями А[лександр] Ген[надьевича], В[еры] В[икторов]ны и В[иктора] В[икторовича] и тоже должен быть немедленно передан гласности. (Даже в той части, которая может касаться семейных дел). В-третьих, я думаю, не должно быть никакой частной переписки. — Я надеюсь, что Вы не увидите в моих словах никакой попытки нескромного вмешательства. Я говорю исключительно из дружбы к Вам и из преданности общему нашему делу. — Тут малейший или поспешный шаг может нанести и Вам, и делу огромный вред. — Я уверен, что Вы меня одобрите.

Соглашательство Дерентали для меня явилось новым и уже совершенно неожиданным кошмаром! Не могу выразить, с каким восхищением я прочел полное достоинства и твердости письмо Димы³.

Жду Вашего письма с жгучим нетерпением.

Весь Ваш

С.Р.

¹ Письмо Савинкова было доставлено Философому на его варшавскую квартиру из советского посольства нарочным 16 сентября 1924. И содержание письма (Савинков призывал своих варшавских друзей вернуться в Советскую Россию, гарантируя их безопасность; сообщал, что А.А. и Л.Е. Дикгоф-Дерентали разделяют его новые взгляды), и его внешний вид (письмо было написано по новой орфографии, которой С. тщательно избегал ранее) окончательно развеяли все иллюзии относительно происшедшего. См.: Предатели // За Свободу! 1924. 17 сентября. С.1; Философов Д. Вместо предисловия // Там же; Савинков Б. Письмо Д.В. Философому // Там же; Философов Д. Ответ Б.В. Савинкову // Там же. См. также: Арцыбашев. С.67.

² Упоминание о письме, посланном В.В. Мягковой, содержалось в «Письме Д.В. Философому».

³ В своем «Ответе» Философов отрекался от дружбы с С., называл его «живой собакой» (вместо «мертвого льва», каким Савинков мог бы стать, если бы мужественно погиб) и просил больше не писать ему, заранее предупреждая, что отвечать не намерен.

Дорогая Вера Викторовна,

Сегодня получил Ваше письмо от 21-го с приложением копии письма С[авинкова]¹. Из моего письмо от 21-го Вы теперь уже знаете, как круто я расхожусь с Вашей точкой зрения. Для меня С[авинков] теперь еще существует только как злейший враг; для Вас он остается тем же горячо любимым братом, для которого Вы и теперь готовы «всем пожертвовать». Это разное отношение создает между Вами и мною пропасть, в которую, казалось бы, навеки должны кануть наши дружеские отношения. — Но раньше, чем это окончательно случится, позвольте мне, как человеку, которого С[авинков] называл своим братом, которому он когда-то (на случай своей смерти) торжественно поручал свою мать², спросить Вас, достаточно ли Вы обдумали Ваше решение и сознаете ли Вы, куда оно Вас может повести? Ведь это значит, что Вы будете поддерживать и помогать человеку, который нанес величайший удар антибольшевицкому движению и которого осудили лучшие люди всего мира! Это значит, что Вы Ваше родство с ним ставите выше того дела и той России, которым Вы и Ваш муж служили всю жизнь и которым — Вы наверное хотите — чтобы и Ваши дети служили с таким же самоотвержением! Разве Вы и Вашим детям скажете, что нужно этого предателя России — любить больше, чем Россию? Вспомните покойную Софью Александровну! Разве она не прокляла бы своего обожаемого Бориса как изменника! Я уверен, что прокляла бы, и я рад, что она не дожидала до этого позора. — Нет, Вера Викторовна, я смею думать, что Ваше решение еще не окончательное; что оно продиктовано только первым импульсом. Я много дал бы за возможность лично переговорить с Вами обо всем этом страшном деле. Я уверен, что мог бы Вас убедить, что в нем значительно меньше трагедии и сложности, чем Вы предполагаете. В письме всего этого, бесконечно многого, не выскажешь, но одно я Вам скажу: в *финальном* анализе вся «трагедия» сводится к *деньгам*. Да, к деньгам! И я утверждаю, что, будь в распоряжении С[авинков]а в июле 100 000 или даже 50 000 франков, то он остался бы за границей и пытался бы на эти деньги продолжать какую-нибудь *антибольшевицкую* деятельность. — Он уехал — *наполовину*, в *самые* последние дни, сговорившись с А[ндреем] П[авловичем], потому что не было денег и неоткуда их было больше ждать (Муссолини провалился³, а в успех моего процесса он мало верил). Вот весь корень «трагедии», а дальше уже начинается сознательная «коме-

дия». — И из-за человека, способного на это, — Вы готовы «всем пожертвовать»? Не верю — пока Вы, еще раз, спокойно, не скажете этого. А уж если скажете — то я сочту своим долгом честно и навсегда с Вами разойтись. В таких вопросах я признаю только: черное — белое, а серого не понимаю. Раньше Борис для меня был самым дорогим для меня [так! — *Публ.*] человеком; теперь он для меня злейший враг. Я его ненавижу несравненно больше, чем большевиков — потому что они меня никогда не обманывали; они мне в любви и дружбе не клялись. И если я выиграю свой процесс, если у меня снова будут средства, то я посвящу большую часть их, чтобы, при помощи лучших русских людей, беспощадно бороться — не против Савинкова, который теперь только живой труп — а против Савинковщины, той ужасной гангрены, той смердящей заразы, которую он внес в антибольшевицкое движение.

В ожидании Вашего ответа

Искренне преданный Вам

С.Р.

Мой дружеский привет глубокоуважаемым А[лександр] Г[еннадьевич]у и В[иктор] В[икторович]у. Я с большим нетерпением жду их писем, излагающих, хотя бы кратко, ту позицию, которую они решили занять. Я вижу из № от 23-го сент[ября], что В[иктор] В[икторович] уже одобрил позицию, занятую «Свободой»⁴.

¹ Копия этого письма была послана в редакцию «За Свободу!», однако опубликовано оно не было.

² София Александровна Савинкова (урожд. Ярошенко, 1855-1923). См.: Переписка. С.89. С.Р. постоянно общался с ней в Праге в мае 1922.

³ О контактах Савинкова с руководством фашистской Италии в 1923-1924 и его разочаровании в Муссолини см.: Переписка. С.77, 78, 109 и Арцыбашев. С.59, 65, 67.

⁴ Второе письмо Савинкова // За Свободу! 1924. 23 сентября. С.3.

17. В.В. Мягковой

Париж, 27.IX.24.

Дорогая Вера Викторовна,

Ваше письмо от 24-го мне действительно раздирает душу; я вижу, как ужасно Вы мучаетесь, и не знаю, что сделать, чтобы Вам помочь. Как умная и деятельная женщина, Вы должны по-

нять, что Вы не имеете права так злоупотреблять Вашими нервами и Вашими душевными силами, которые и Вашим близким, и Вашим друзьям, и делу еще очень понадобятся. Вы должны успокоиться и занять единственную возможную в этом деле позицию — ту, которую занимают и Ваш муж, и Ваши родные и Ваши друзья, и вообще все те, с мнением которых Вы считаетесь. — Все это дело ведь бездонное; всех извилин и подробностей его мы, пожалуй, никогда или еще очень долго не узнаем. Мы можем, мы *должны* считаться только с *главными* фактами; *эти* факты и для Вас не подлежат никакому сомнению. Согласно *этим* фактам, мы и должны занять наши позиции. А как? и почему? Это ведь второстепенно, во всяком случае эти вопросы не должны иметь никакого влияния на нашу линию поведения. — Поэтому я и ценю так письмо Димы — оно выражает *всё*, что, с страшной болью в сердце, могут *теперь* сказать самые лучшие друзья С[авинкова]. Но после этого письма — должна быть (всеми нами) поставлена точка.

Бурцев Вам вчера написал очень длинное письмо¹, с которым я совершенно согласен. Вам, Вера Викторовна, мучительнее всего примириться с мыслью, что С[авинков] давно уже не был наш и что, по-видимому, он давно нас всех обманывал. (А Вы думаете, мне и Диме легко с этим примириться? Ведь в этом главный-то кошмар для нас!) Тем не менее совершенно вычеркнуть этой мысли *нельзя*; есть многое, что за нее говорит, в особенности в области чисто психологической. Подробно об этом мы когда-нибудь поговорим лично. Я думаю, однакож, что наиболее верное разрешение загадки заключается в чем-то третьем, серединном. Поясню свою мысль. И то, что С[авинков] *давно* уже изменял, и то, что он изменил *только* в момент ареста, — по-моему, одинаково не верно. — Тут нужно было бы предположить или какую-то сатанинскую подлость, или подлейшую трусость. Это никак не вяжется с С[авинковым] и потому психологически не верно. Вероятнее всего следующее: уже целый год С[авинков] душевно очень шатался, прежней цельности уже не было (это теперь, по-моему, видно); один удар за другим ясно доказывали ему, что за границей он в тупике; естественно, что его огненная натура всеми фибрами ухватилась за заманчивые перспективы, рисованные провокаторами. — Он так жаждал деятельности, так боялся эмигрантской «водосточной трубы»², что он цеплялся за эти перспективы — несмотря на все наши увещевания. При его уме и опытности он провокацию видел так же ясно, как мы, но он надеялся ее перехитрить. *В самые последние дни* он, наверное, очень близко подошел к А[ндрею] П[авловичу]. — Что именно случилось — мы не знаем

— но нужно предполагать, что они друг друга «прощупали», что намеками они друг друга поняли. — А[ндрей] П[авлович], вероятно, уверил С[авинков]а, что даже в случае ареста могущественные друзья из организации сумеют за него постоять и что — при некоторых незначительных компромиссах — его деятельность не будет стеснена; С[авинков] хотел этому верить и поверил, а кроме того надеялся, что *там* он всех перехитрит. Такого рода молчаливое соглашение, наверно, здесь было — и оно все объясняет. И письма С[ергея] Э[дуардовича], и настаивание А[ндрея] П[авловича] на поездке Л[юбови] Еф[имовны], и отношение С[авинкова] к нам всем, и те поручения контрреволюционного характера, которые он мне оставил, и его просьбу, чтобы я изменил свое недружелюбное отношение к А[ндрею] П[авловичу] — и все остальное.

А дальше — после ареста — уже начинается все то ужасное и непростительное, что мы знаем. — Вот это «третье» решение и есть *maximum* благожелательного объяснения поступка С[авинков]а — но, понятно, оно *ничего* не изменяет. Факты ужасные, беспримерные — налицо. И помните, что они еще не худшие. Дальше пойдут еще неизмеримо хуже. — Вы правильно говорите, С[авинков] теперь будет служить большевикам не за страх, а за совесть. Он будет, именно как говорит Бурцев, самым ужасным Савлом. — Так что же может быть общего между им и нами? Между им и Вами? *Нужно, чтобы он знал*, что между ним и всеми теми, которых он еще *теперь* смеет называть своими друзьями, — нет и не может быть ничего общего. *Нужно*, чтобы он знал, что даже Вы от него навсегда отвернулись. — *Не может* быть никаких частных дел, никакой частной переписки. Как это Вы, Вера Викторовна, такая чуткая, такая прямая, такая твердая, этого не понимаете?

Душевно Ваш С.Р.

Понятно, что я присланным Вами письмом С[авинков]а нигде не воспользуюсь. И за Бурцева тоже отвечаю.

Моя поездка в Америку задерживается на 2 недели. Я очень рад, потому что это дает мне возможность увидеть Диму. И от Вас еще получить письма, которые окончательно выяснят Ваше отношение.

Сердечный привет Вам от жены и наш привет А[лександр]у Г[еннадьевичу] и В[иктору] В[икторовичу].

¹ См.: ГА РФ. Ф.6756. Д.3. Л.9-20.

² «Живу в водосточной трубе и питаюсь мокрицами» — этой цитатой из Чехова С. характеризовал в письмах к близким условия своей жизни в Париже в 1922-1924. См.: Переписка. С.132; Арцыбашев. С.57.

***ИЗ ИСТОРИИ
ПРОПАГАНДЫ***

ВОКС В 1930 — 1940-е ГОДЫ

Публикация А.В. Голубева и В.А. Неvejeина

8 августа 1925 в Москве по постановлению ЦИК и СНК СССР было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Деятельность ВОКС неоднократно затрагивалась в многочисленных исследованиях¹. Однако советская историография упорно обходила вопрос о роли Общества в большевистской политической пропаганде за рубежом. «Конкретное знание действительности и документов, — читаем в сборнике, вышедшем в свет в 1987, — все чаще — даже не в согласии с намерениями использующих их исследователей — рушит ложный пропагандистский имидж советской культуры»². Мы взялись опровергнуть подобные категорические утверждения, опираясь при этом на впервые вводимые в научный оборот архивные документы.

В 1925 учредителями Общества стали ЦИК, Наркоминдел, Академия наук СССР, ВЦСПС, Наркомпрос РСФСР и другие. Цель деятельности ВОКС определялась в Уставе как содействие «установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы»³.

В первое время Общество имело как коллективное, так и индивидуальное членство, бюджет складывался из членских взносов, доходов от различных мероприятий, а также субсидий заинтересованных организаций. Позднее финансирование стало чисто государственным. Кадровый состав, особенно руководящий, стал определяться исключительно в ЦК ВКП(б).

¹ См., напр.: Кузьмин М.С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917-1932 гг.). Л., 1971. С.14; Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры (1917-1932 гг.). М., 1975. С.422.

² Взаимодействие культур СССР и США XVIII-XX вв. М., 1987. С.11.

³ ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.1. Л.1.

Общество было наделено правом непосредственных контактов с зарубежными организациями и частными лицами по вопросам культурных связей. Специальные уполномоченные ВОКС за границей назначались, как правило, из работников советских организаций — полпредств, торгпредств, Центросоюза и др. Имелись отделения и внутри СССР (Ленинград, Киев, Ростов-на-Дону).

На первых порах ВОКС состоял из правления, бюро, секретариата и референтуры. В двух секторах общества — научно-техническом и художественной культуры — сотрудничали на общественных началах научные работники, литераторы, деятели искусства СССР. Первый сектор включал педагогическую, медицинскую, сельскохозяйственную, правовую, химическую, этнографическую секции, а также комиссию по высшей школе. Второй состоял из архитектурной, кинематографической, литературной, музыкальной и театральной секций. Работали еще две отдельные секции — студенческая и «иностранные языки в массы».

Ключевым элементом структуры ВОКС была его референтура. В положении о ней (1925) ей вменялось в обязанность выявлять за границей «отдельных лиц, организации, учреждения, могущие явиться проводниками советского культурного влияния», а также намечать мероприятия «для расширения и закрепления» связей с ними⁴.

Во второй половине 1920-х в составе Общества появилось еще 5 бюро: приема иностранцев, международного книгообмена, выставок, печати и устройства вечеров. С 1925 издавался информационный бюллетень, с 1930 — журнал «ВОКС». Для активизации пропагандистской деятельности в 1933 было создано Информационное бюро ВОКС.⁵

В 1934 была утверждена новая структура Общества. В ее основу были положены принципы, во многих чертах взятые у НКВД. Появилось 5 территориальных отделов — 1-й, 2-й и 3-й Западные, занимавшиеся связями с континентальной Европой, Англо-американский отдел (США, Южная Америка, Великобритания и доминионы) и Восточный отдел. Наряду с ними были образованы функциональные отделы — печати, выставок, книгообмена, а также секретариат правления, ученый секретариат и управление делами⁶. В октябре 1935 был создан также протокольный отдел, ведавший приемом и обслуживанием иностранцев⁷.

Во многом эти структурные изменения определялись переменами во внутренней и внешней политике СССР и конкретными задачами, ставшимися перед ВОКС. Эти задачи были впервые сформулированы еще в 1926 и разделялись тогда на политические и собственно культурные. В политической части своей работы ВОКС должен был организовывать на Западе «общественное мнение в пользу Советского Союза». Для этого ВОКС организовывало за рубежом «Общества сближения с

⁴ ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.1. Л.4.

⁵ Материалы к 60-летию Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. М., 1985. С.14-15, 26, 27, 29.

⁶ Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.В. Александр Аросев. Казань, 1974. С.65.

⁷ ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.353. Л.32.

СССР». Они становились объектом идеологической экспансии со стороны ВОКС. Все это должно было создавать «благоприятную общественную обстановку для поддержки политической линии советских полпредств» и влиять «соответствующим образом» на интеллигенцию Запада⁸.

Этот социальный слой не случайно был избран основным для налаживания прямых контактов. В 1925 первый председатель правления ВОКС О.Д. Каменева прямо заявляла, что главное — «организовать правильную информацию среди интеллигенции», так как она играла за рубежом доминирующую роль, являлась рупором общественного мнения или создавала его через прессу⁹.

По замыслам руководства, пропагандируя «преимущества социалистической культуры и социалистического строя», ВОКС должно было «стремиться подтолкнуть широкие слои интеллигенции к активным действиям, направленным на решение в своих странах еще не решенных социальных проблем». Наконец, перед Обществом ставилась цель, опираясь на интерес зарубежных интеллектуалов к СССР, «нейтрализовать часть буржуазии и парализовать ее в значительной степени при всяком внешнеполитическом осложнении»¹⁰.

В 1927 была провозглашена монополия внешних культурных связей по типу монополии внешней торговли. Главным и единственным их носителем в масштабе СССР было объявлено ВОКС¹¹. В 1928 был провозглашен примат политических задач Общества над чисто культурными. Основной целью стало «укрепление Обществ сближения, которые являются ячейками ВОКС за границей»¹².

Таким образом, к середине 1930-х структура и главные задачи ВОКС были вполне определены.

За это время руководство ВОКС менялось трижды. В 1929 место О.Д. Каменевой на посту председателя правления Общества занял Ф.Н. Петров (1876-1973), участник революции 1905. В 1920-1922 он был заместителем председателя Совета министров ДВР. Медик по образованию, он в 1923-1927 управлял Главнаукой, затем, в 1927-1929 служил в издательстве «Советская энциклопедия».

В 1934-1937 во главе правления ВОКС стоял А.Я. Аросев (1890-1938), также герой 1905, большевик с 1907. В 1917 был одним из руководителей Московского ВРК, затем — председателем Верховного Революционного трибунала Украины. Впоследствии А.Я. Аросев — на дипломатических постах: с 1927 — полпред в Литве, затем — в 1929-1933, — в Чехословакии. Дипломатический опыт оказался полезным для ВОКС. Наряду с этим А.Я. Аросев был известен как писатель, владел несколькими европейскими языками.

⁸ ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д. 100. Л.118. Здесь мы приводим материалы, любезно предоставленные нам О.В. Заиченко. Пользуемся случаем выразить ей нашу глубокую благодарность.

⁹ Там же. Л.2.

¹⁰ Там же. Л.118.

¹¹ Там же. Л.119-120.

¹² Там же. Оп.2. Д.61. Л.54.

Возглавляя ВОКС, он рассматривал свою должность как «метр-дотельскую работу» во всеоюзном масштабе, в которой главное — «принимать и улыбаться», и в то же время «умело преподносить идеи коммунизма». Вместе с тем Аросев считал, что Общество может и должно стать «связующим звеном и координирующим центром» между всеми каналами пропаганды социализма. Свои суждения об этом он изложил в специальном письме в ЦК ВКП(б)¹³.

К середине 1930-х споры о том, на какую аудиторию за границей должно ориентироваться ВОКС, прекратились. Вопреки мнению представителей Коминтерна и Профинтерна о приоритете рабочих масс Запада, руководство Общества окончательно решило ориентироваться на зарубежную интеллигенцию. В 1935 задача «завоевания» на свою сторону творческой элиты зарубежных стран рассматривалась как главная для ВОКС.¹⁴

Именно Аросев стал инициатором структурной перестройки Общества в 1934 (см. выше). Ни для кого не было секретом то обстоятельство, что от уровня приема иностранных гостей, прибывавших в СССР, во многом зависели те впечатления, которые они получали от советской действительности. Кроме того, наряду с заботами о бытовых удобствах иностранцев в СССР, важнейшей функцией протокольного отдела, созданного в 1935, стал учет и подбор так называемых «объектов показа», которые могли «дать правильное представление иностранцам о подлинном содержании и объеме победоносного строительства социализма в СССР во всех важнейших областях»¹⁵.

Поскольку ВОКС играло роль одного из источников информации для НКВД, то Аросев в 1934 призывал заведующих отделами Общества принимать меры «к информированию полпредств и НКВД об итогах воксовской работы с представителями зарубежных стран»¹⁶.

Несмотря на попытки упорядочить работу ВОКС, она вызывала много нареканий. После поездки в Англию и во Францию в 1935 Аросев записал: «Отношение к ВОКС'у как к самому неаккуратному учреждению». Между тем, по его мнению, Общество являлось представителем социалистического строя и советского быта за границей¹⁷.

В мае 1937 Аросев предложил пересмотреть весь Устав ВОКС. Он намеревался провести крупную реорганизацию и «переменить само основание Общества»¹⁸. Однако его планам не суждено было осуществиться. В июле 1937 А.Я. Аросев был арестован, а в феврале 1938 — погиб в заключении. Подверглись «чистке» и сотрудники ВОКС. В октябре 1937 в качестве первоочередной задачи Общества была выдвинута «ликвидация последствий аросевщины».

¹³ Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов О.В. Указ. соч. С.65.

¹⁴ ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.277. Л.45.

¹⁵ Там же. Д.353. Л.32.

¹⁶ Там же. Д.277. Л.45.

¹⁷ Там же. Д.382. Л.104.

¹⁸ Там же. Д.357. Л.72-73.

События второй половины 1930-х: сталинские репрессии, большевисто-нацистский альянс («пакт Риббентропа — Молотова»), финская война — нанесли серьезный урон имиджу СССР в общественном мнении Запада. Основная социальная база, на которую ориентировалась пропагандистская экспансия ВОКС, — западная интеллигенция — стала избиваться от иллюзий насчет советского строя. Это неоднократно фиксировали документы ВОКС.¹⁹ Существенно ослабли к началу 1940-х культурные связи СССР с Великобританией и США²⁰. В отчете ВОКС за 1940 прямо говорилось об ухудшении условий для его работы в Соединенных Штатах, невозможности проведения «сколь угодно развернутых ВОКС'овских мероприятий» в Англии²¹.

Кроме того, репрессии 1937-1938 внутри самого ВОКС и среди дипломатов также негативно сказались на эффективности пропагандистских усилий Общества за границей. В июле 1940 комиссия НКВД подвергла специальному анализу деятельность Общества. В числе главных недостатков была отмечена неспособность сотрудников ВОКС «проводить в должной мере и с необходимым размахом» пропагандистские мероприятия «политического содержания» за рубежом. Подобного рода пропаганда, по словам комиссии, «велась кустарно»²².

8 марта 1940 решением Политбюро ЦК ВКП(б) председателем правления ВОКС был назначен В.С. Кеменов (1908-1988)²³. До этого он преподавал в ГИТИСе и других учебных заведениях Москвы, в 1938-1940 возглавлял Третьяковскую галерею. В ВКП(б) вступил в 1939. ВОКС Кеменов руководил до 1948. Впоследствии — зам. министра культуры СССР, постоянный представитель Советского Союза при ЮНЕСКО. С 1966 — вице-президент Академии Художеств, доктор искусствоведения (1958), автор ряда работ по истории искусства.

В первый же год своей деятельности во главе ВОКС Кеменов сосредоточил усилия на том, чтобы превратить Общество в практически монополярный орган «советской культурной пропаганды» за рубежом. Разумеется, речь шла по-прежнему исключительно о создании позитивного образа СССР в западном общественном мнении. Свои предложения по реформированию деятельности ВОКС и постановке ее «на широкую ногу» Кеменов сформулировал в докладной записке в ЦК ВКП(б), направленной 26 декабря 1940 А.А. Жданову и Г.М. Маленкову²⁴.

---

¹⁹ Например, в справке для служебного пользования (апрель 1943) говорилось о демонстрации апатичности в отношении СССР американской интеллигенции в 1937 и в период финской войны. Это приводило «даже к враждебным выпадам» с ее стороны против Советского Союза. Здесь же прямо признавалось: «В 1938 г. после процессов антисоветских центров в Москве большая часть зарубежной интеллигенции отвернулась от СССР» (ГА РФ. Ф.5283. Оп.14. Д.292. Л.164, 167).

²⁰ Подробнее см.: Невежин В.А. Культурные связи СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1990. С.26-32.

²¹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.14, 16.

²² Там же. Оп.125. Д.11. Л.17.

²³ Там же. Оп.3. Д.1020. Л.39.

²⁴ Там же. Оп.125. Д.76. Л.21-42.

Пути совершенствования работы ВОКС виделись Кеменову в следующем: полное фактическое подчинение деятельности Общества НКВД; активное заимствование зарубежного (в т.ч. нацистского²⁵) опыта культурной пропаганды; резкое усиление финансирования деятельности ВОКС²⁶; ужесточение партийного контроля за деятельностью ВОКС и его кадровым составом (см. ниже) и т.п. Кроме того все учреждения и организации, помимо ВОКС причастные к культурной пропаганде, рассматривались Кеменовым как балласт на пути к ее усовершенствованию и довольно негативно оценивались.

С целью легализации Общества как основного центра советской культурной пропаганды за границей он предлагал утвердить новое положение и устав. То, что стремился и не успел сделать Аросев, было воплощено в жизнь при Кеменове: в октябре 1941 СНК СССР принял специальное постановление о ВОКС, где утверждались его правовые основы, структура и штат²⁷.

²⁵ Вопрос об использовании опыта фашистов в распространении печатных изданий за рубежом был затронут на собрании актива Общества еще 14 мая 1937. Зам. председателя правления В.Смирнов считал, что учиться у нацистов не следует, поскольку они никогда «не обладали теми знаниями из практики в пропаганде и агитации», которыми владела большевистская партия. Аросев заявил: «Весь фашизм построен на лжи». По его словам, перенимать у фашистов нечего, а изучать их методы необходимо. (ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.357. Л.51, 61, 70-71). После подписания советско-германских соглашений 1939 ВОКС вновь обращается к германскому опыту: в докладной записке референта 1-го Западного отдела Римского-Корсакова на имя В.С. Кеменова (ее копия послана в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 24 марта 1941) делался вывод, что изучению германской культурной пропаганды ни Наркоминдел, ни ВОКС не уделяют должного внимания, между тем как проблема эта являлась острой и важной (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.38. Л.3-4).

²⁶ Смета ВОКС на 1940 была утверждена в сумме 300 561 инвалютный рубль (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.8). Этих денег явно не хватало. Позднее (в 1942) Кеменов прямо отмечал, что Общества культурной связи с СССР за рубежом регулярно издают журналы по материалам, которые получают от ВОКС и «на деньги, которые в секретном порядке ВОКС передает для этой цели зарубежным друзьям» (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.118. Л.103).

²⁷ Кадровый состав ВОКС в 1940 был следующим. По штату — 129 чел., из которых 47 — «ответственных работников» (председатель, два его заместителя, зав. отделами, редакторы и референты). Из общего числа сотрудников 28 являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б). По мнению представителя Управления пропаганды и агитации, кадры ВОКС в тот период не имели «нужной деловой и политической квалификации». Референтами работали дантисты, машинистки, секретари, стенографистки, физкультурник и т.д. (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.31. Л.79-80). В архиве имеется список ответственных работников ВОКС по состоянию на 20 февраля 1941 (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.31. Л.90-91). Нет лишь фамилии председателя — В.С. Кеменова. Из 26 человек, внесенных в этот список, членами партии и кандидатами являлись 18 чел., 1 — член ВЛКСМ. Высшее образование имели 15 чел. (включая тех, кто к тому времени еще не окончил вузы), среднее и незаконченное среднее — 10 чел., 3 класса — 1 чел. Среди ответственных работников 17 русских, остальные — евреи. Упомянут Ф.В. Козлов — «специалист» (очевидно, представлявший НКВД).

Многое из того, что предлагал В.С. Кеменов в своей докладной записке от 26 декабря 1940, трудно было осуществить, поскольку СССР практически оказался в полной дипломатической и политической изоляции и даже «дружественная Германия» весьма недоверчиво относилась к нему.

Эта изоляция была прорвана с началом Великой Отечественной войны. То, что Англия и США объединились с СССР в войне против Гитлера, способствовало возобновлению интереса и возникновению новых симпатий англичан и американцев к советскому народу. Соппротивление нацистам и те испытания, которым он подвергался в тылу и на фронте, укрепляло эти симпатии. В то же время межсоюзнические отношения с Великобританией и США способствовали оживлению культурных связей, организацией которых вплотную занималось ВОКС.

Руководство Общества использовало данное обстоятельство для более успешного решения своей главной задачи — активизации советской пропаганды на Западе. При этом ВОКС использовало различные методы. С одной стороны, — решительно вмешивалось в работу Обществ культурного сближения и дружбы с СССР за границей, с другой — легально финансировало эти формально независимые организации из государственного бюджета.

Все публикуемые документы, кроме специально оговоренных случаев, представляют собой машинописные экземпляры на русском языке. Большая часть из них приведена полностью, в других опущены разделы, не представляющие интереса для современного читателя. Все сокращения отмечены знаком /.../. Орфография — современная.

1

[ОТЧЕТ О ПРИЕМЕ Э.ХЭМСТЕДА
СОТРУДНИКАМИ ВОКС]¹
[май 1935]

Не подлежит оглашению

Англия

Эдуард Хэмстед —

член Лондонского Общества Культсвязи с СССР².

Писатель на сексуальные темы, интересуется проблемами аборта, предупреждения беременности и т.п., читает лекции в Университи Колледже в Оксфорде³. Был в качестве преподавателя в учебных заведениях Бельгии, Японии, Индии. В настоящее время, очевидно, главным образом, пишет. Приехал в СССР с целью изучить сексуальные проблемы здесь.

Пришел в ВОКС 6/V и сразу же заявил, что уезжает завтра же, так как несмотря на свое желание остаться на долгое время сразу же увидел, что «атмосфера здесь ему не подходит», что условия жизни ему не нравятся, что он уверен, что ему здесь ничего не удастся сделать, и т.п. Заявил, что поместили его в Ново-Московской в номер вдвоем с другим туристом и что в номере полованный умывальник. «Если так живут в лучших гостиницах, то как же живут в квартирах». Беседовали с ним и я, и тов. Байдер. Заявил нам, что он хоть и марксист, но в то же время буржуа и что «если у нас будет революция, то не такая, как у вас».

У него письма к д-ру Генцу от Браунинг⁴, но нам он заявил, что вряд ли ему стоит с кем-нибудь видеться, так как он все равно здесь не останется. На мой вопрос, был ли он у кого-нибудь здесь на квартире, ответил, что нет, что ему достаточно видеть улицы. Тон его замечаний в высшей степени злобный. Сказал, что ничего не хочет от нас и уезжает завтра. Звонила тов. Бельскому (Московская контора Интуриста) и сообщила ему об этом. Письмо Генцу оставила у себя.

На другой день он позвонил ко мне и попросил устроить ему свидание с д-ром Генцем. Тон его уже несколько изменился. Позвонила Броннеру (Наркомздрав), который сказал, что д-р Генц старый работник Наркомздрава, которому можно доверять.

Связались с Генцем, предупредили его о настроениях Хэмстеда. Хэмстед будет у него дома 4-го в 7 часов с нашим переводчиком. Генц заверил меня, что в смысле квартиры у него очень благополучно. Просила Генца поговорить с Хэмстедом об условиях жизни врачей здесь и их положении и т.п.

Остановился Ново-Московская № 469.

Л.Кислова⁵

ГА РФ. Ф.5283. Оп.2. Д.311. Л.153.

¹ Подобные отчеты (хотя, как правило, гораздо менее подробные) составлялись после каждой беседы в ВОКС с тем или иным иностранным посетителем. Специальная инструкция требовала, чтобы они представлялись руководству ВОКС не позднее, чем через 24 часа. (См.: ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.325. Л.65).

² Лондонское Общество культурного сближения (позже — культурных связей) с СССР (ОКС) возникло в 1924. Оно ставило своей целью установление тесного контакта между британскими и советскими работниками культуры, информирование британского народа о прогрессе современной России и ознакомление советского народа с культурной жизнью Англии. (См.: Кузьмин М.С. Английское общество культурных связей с СССР // Вопросы истории. 1966. №2. С.203). В середи-

не 1930-х ОКС насчитывало примерно 1 200-1 500 членов, имелось свыше десяти отделений в различных городах Великобритании, в т.ч. в Эдинбурге, Бристоле, Ливерпуле, Оксфорде и Кембридже. (См.: ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.328. Л.38; Оп.3. Д.725. Л.39). Среди его почетных вице-президентов числились Б.Рассел, Дж. Хаксли, супруги Уэбб и др. Президентом ОКС был профессор Лондонского университета Л. Аберкромби, а с 1936 — сэр Ч.Тревельян, председателем правления — Э.Мансел-Муллин, с 1936 — Д.Н. Притт.

³ *University Colledge* входит в состав Оксфордского университета. Основан в 1249.

⁴ *Браунинг Г.* — постоянный секретарь Лондонского ОКС. См. о ней в док. №7.

⁵ *Кислова Л.Д.* — референт, впоследствии заведующая Англо-американским отделом, с 1941 — Английским отделом ВОКС.

2

[ОТЧЕТ ПЕРЕВОДЧИКА ВОКС Ю.ЗАЙДЕМАН] [Не позднее 5 июня 1935]

Не подлежит оглашению

Г-н Хэмстед
(Англия)

К характеристике Хэмстед.
Беседа с д-ром Генс (4/VI-35 г.)

Впечатления господина Хэмстеда от пребывания в Ленинграде и в Москве сводятся на основании его собственных заявлений к следующему: «Ленинград — мертвый город. Облезлые дома. Стыдно показывать город в таком виде иностранцам. Если называть Ленинград городом революции, то, судя по внешнему виду и выражаясь образно, — революция мертва. Я был в Китае. Самые плохие кварталы его городов я не сравню с Ленинградом. Москва город живой. Восхищают меня станции метро; их оформление несравнимо красивее заграничных ст. метро. Я хотел бы зарисовать некоторые станции (внутри. — Ю.З.), но боюсь, что это соберет вокруг меня толпу народа».

Настроение господина Хэмстеда находится в самой тесной связи с оценкой, даваемой им своим жилищным условиям и своему материальному положению. «В Ленинграде я имел плохие жилищные условия, а в Москве еще более худшие и так как здесь все безумно дорого для нас, иностранцев, то я вынужден жить в ком-

нате вдвоем, что меня тяготит». — Все эти «жалобы» на «дороговизну для иностранцев» и свое, якобы плохое, финансовое положение, Хэмстед сам подкрепил следующим заявлением: «Знаете — я очень беден... Зато вот жена моя очень богата, да она чрезвычайно богатая женщина». Чувствуется резкое нежелание тратить валюту — даже в мелочах (газета и проч.) и как бы подчеркивается пренебрежительное отношение к советским деньгам. Брошенные им вскользь фразы и замечания не менее характерны: «Это, вероятно, для бюрократов из Кремля», — сказал он, указывая на проезжающее мимо нас прекрасное авто. При ссылке на одну из книг Ф.Энгельса — он сказал: «Энгельса?.. это какого? Вашего Энгельса?» — «Английское правительство самое умное правительство в мире», — заявил он. В Музее Западного искусства¹ он интересовался, «кем были собраны до революции эти прекрасные картины». Картины Мазереля² ни в какой мере его не заинтересовали, так как по его словам «в них чувствуется пропаганда, а этого в искусстве быть не должно».

Беседой с д-ром *Генс*, продолжавшейся несколько часов, — Хэмстед остался очень доволен. Беседа носила чисто научный характер и сводилась к разбору различных теорий о противозачаточных средствах. Эта тема его (Хэмстеда) последней книги, которую он оставил д-ру *Генс*, он оставил также несколько трудов профессора *Воджа*, напечатанных на машинке. Д-р *Генс* был сам очень заинтересован беседой, обещал г-ну Хэмстед познакомить его с д-рами *Брауде* и *Рубинчик*, занимающимися этими вопросами. Хэмстед сказал, что если ему будут предоставлены приличные жилищные условия — жить не в гостинице *Интуриста* — то он готов остаться здесь на несколько месяцев для проведения работы с советскими врачами.

Ю.Зайдеман

ГА РФ. Ф.5283. Оп.2. Д.311. Л.214.

¹ *Музей нового западного искусства* был создан в 1923. В нем были собраны национализированные частные коллекции, охватывающие произведения живописи зарубежных художников с 50-х годов XIX в. Расформирован в 1946 в связи с кампанией «борьбы с космополитизмом».

² *Мазерель Ф.* (1889-1972) — бельгийский график и живописец, член Компартии Бельгии.

[ОТЧЕТ РАБОТНИКОВ ВОКС
О БЕСЕДЕ С ДЖ. ТОМАСОМ]

[9 июня 1935]

Не подлежит оглашению

Англия.

Джон Томас (лектор Оксфордского университета) с женой были приняты т. Кулябко 9. VI¹.

Томас поставил перед ВОКС'ом следующие вопросы:

1) организации в Англии выставки коллекции фарфора Веджвуд, имеющегося в СССР (Эрмитаж и Детское Село).

Томас говорил об огромной популярности в Англии фирмы Веджвуд, с которой он связан, и уверял, что организация такой выставки в Англии будет иметь большое значение для укрепления культурных связей между Англией и Советским Союзом, т.к. покажет «как СССР ценит исторические художественные вещи», т.к. по его словам в Англии часто говорят, что в Советском Союзе разрушаются памятники старины, что Советский Союз не хранит и не ценит художественных вещей.

Томас хотел выяснить в Британском Музее реальные возможности устройства выставки и официально сообщить ВОКС'у.

2) Томас говорил также о проекте, который как будто бы имеется у фирмы Веджвуд, выпустить фарфор с изображением Ленина².

Томас был в ИМЭЛ³, получил там ряд фото Ленина, которые могут быть использованы при заказе изображения Ленина, причем Томас уверил, что изображение будет согласовано с ИМЭЛ. Первоначальное предложение Томас было таково. Фирма Веджвуд делает фарфоровую посуду с изображением Ленина и продает эту посуду Советскому Союзу по 10 шиллингов за вещь, а СССР продает эти изделия в Торгсине и в Англии и Америке через Общества культурсближения по 15 шиллингов за вещь. Таким образом, по мысли Томас, будет достигнута и коммерческая цель (приток валюты) и «политическая» (изображение Ленина во всем мире). Т. Бородин, присутствовавший на беседе, попросил Томас выяснить у фирмы Веджвуд возможность такого предложения: СССР на некоторых условиях дает разрешение фирме Веджвуд на производство и распространение во всех странах посуды с изображением Ленина.

Томас обещал поговорить с представителями фирмы и официально сообщить об этом в ВОКС.

3) Томас предложил написать текст для брошюры о фарфоре Веджвуда. Он считает, что такая брошюра, изданная ВОКС'ом, пользовалась бы большим успехом.

4) Жена Томаса просила поставить вопрос о возможностях установления связи между Международной Федерацией Женщин, окончивших университеты, и какой-нибудь организацией в СССР, в частности, просила выяснить возможности приезда в СССР делегации этой Федерации для проведения здесь очередной конференции и для ознакомления с Сов. Союзом.

В заключение Томас благодарил ВОКС за оказанную им помощь и поднес ВОКС'у бюст Бернарда Шоу, сделанный фирмой Веджвуд, отметив, что он надеется, что в свой следующий приезд он сможет поднести ВОКС'у бюст Ленина, сделанный той же фирмой.

Уезжают в Ленинград 9.VI. Пробудут там 2 дня, а затем в Англию.

(Л.Кислова)

ГА РФ. Ф.5283. Оп.2. Д.311. Л.223.

¹ Визит в СССР супругов *Томас* был основательно подготовлен. Дж. Томас, экономист и специалист по фарфору, привез рекомендательные письма от советского полпреда в Лондоне И.М. Майского к А.Я. Аросеву и руководителю III Западного отдела НКВД Е.В. Рубинину, а также от английского профсоюзного деятеля А.Хорнера к главе Профинтерна С.А. Лозовскому.

Супруги Томас были в числе основателей Британской компартии, но — на момент визита — не были ее членами, хотя и сохраняли с нею связь.

Программа визита была выполнена лишь частично (Томаса не пустили на фарфоровую фабрику, а его жене — педагогу — не дали встретиться с Н.К. Крупской), но супруги — судя по отчетам сотрудников ВОКС — остались довольны.

Кулябко Н.Н. — первый зампред правления ВОКС в 1935-1936.

² Предложения Дж. Томаса реализованы не были.

³ ИМЭЛ — Институт Маркса, Энгельса, Ленина. Создан в 1931 в результате объединения Института К.Маркса и Ф.Энгельса (создан в 1921) и Института В.И. Ленина (создан в 1923). С 1956 — Институт марксизма-ленинизма.

ХАРАКТЕРИСТИКА г-жи БЕАТРИСЫ КИНГ¹.

9 августа 1935

Не подлежит оглашению

КИНГ является членом Исполкома Лондонского Общества Культурного сближения с СССР и заведует просвещенческой секцией.

Насколько мне известно, она родилась в России, но русский язык знает довольно плохо, хотя не отказывается его преподавать.

В качестве председательницы секции она достаточно полезна и весьма активна. Фактически она является инициатором всех идей в работе этой секции. Однако в Исполкоме она пользуется малым авторитетом.

Постоянным ее желанием является получение какой-либо платной работы в советских учреждениях в Лондоне. Муж ее, англичанин, работает в Финансовом отделе «АРКОСа»²; сестра ее работала одно время в советской школе в Лондоне, была оттуда уволена и после этого в отношениях между КИНГ и руководством школы пробежала черная кошка.

В 1933 г., когда Общество издавало ежемесячник «Советская культура»³, за редактирование которого была установлена ставка 12 фунтов стер. в месяц, — КИНГ шла даже на то, чтобы выйти в отставку из Исполкома Общества для получения этой должности (по уставу Общества члены Общества не могут занимать платных должностей в аппарате Общества).

В 1935 г. КИНГ, в связи с предстоящим уходом в отставку секретаря Хильды Браунинг, пыталась обработать всех сколько-нибудь влиятельных советских людей для того, чтобы место секретаря дали ей, отказываясь верить, что эти надежды не смогут реализоваться.

КИНГ тесно связана с Союзом Демократического Контроля (организация, основанная Рамзеем Макдональдом⁴ и покойным Морелем⁵ для борьбы с тайной дипломатией).

В этом Союзе она делала ряд докладов о положении на Дальнем Востоке, обращаясь каждый раз за установками ко мне.

Она — хорошая приятельница редактора еженедельника «Нью-Стейтсмен»⁶ Кингсли Мартина⁷ и от время до времени помещает там статьи об СССР.

Она также помещает статьи о советских школах в «Бритиш Рашен газет».

Сейчас она написала книгу о советских школах⁸, о советском просвещении, причем в рукописи показала ее мне и т.Лазьяну (бывшему редактору «Рабочей газеты») для выправления всех ошибок.

Часть ее критических замечаний оставлена для придания книге «независимого» характера.

КИНГ тесно связана с чиновниками Министерства Просвещения, школьными инспекторами, работниками учительских организаций и т.д.

У нее часто проскальзывают нотки обиды, что ее работа недостаточно оценивается советской страной.

Уполномоченный ВОКС'а по Лондону
Виноградов⁹.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.587. Л.171.

¹ Педагог-психолог *Б.Кинг* характеризовалась в документах ВОКС 1931-1932 как «сочувствующий нам человек» (ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.577. Л.11). Посвященные Лондонскому ОКС советские работы (см.: Кузьмин М.С. Английское общество...; Дементьева С.Н. Английское общество культурного сближения с СССР и его роль в развитии англо-советских культурных связей: 30-е годы XX в. // Рабочий класс и элементы социалистической культуры в странах развитого капитализма. Пермь, 1975. С.230-243) умалчивают о постоянном вмешательстве ВОКС в дела ОКС, включая состав руководящих органов. Примечательно, что в последнем случае в расчет принимались не столько деловые качества или даже политические убеждения членов Общества, сколько готовность соглашаться с советскими представителями, входившими в состав правления.

² *АРКОС* — Акционерное торговое общество, учрежденное в 1920 в Лондоне делегацией Центросоюза. Прекратило свою деятельность в начале Второй мировой войны.

³ Вышло 6 номеров ежемесячника.

⁴ *Макдональд Дж.Р.* (1866-1937) — один из основателей и лидер Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ). Премьер-министр Великобритании в 1924 и 1929-1935. В 1924 одновременно — министр иностранных дел. В годы Первой мировой войны стоял на пацифистских позициях.

⁵ *Морель Э.* (1873-1924) — журналист и политический деятель. Член парламента от ЛПВ в 1922-1924. Редактор журнала «Foreign Affairs».

⁶ *New Statesmen and Nation* — еженедельный журнал. Основан в 1913 фабианцами (в т.ч. Б.Шоу и супругами Уэбб). Издается в Лондоне.

⁷ *Мартин К.Б.* (1897-1969) — политолог лондонской школы экономики (1923-1927), сотрудник «Manchester Guardian», в 1930-1960-е — редактор «New Statesmen and Nation».

⁸ Книга Б.Кинг «Меняющийся человек: Система образования СССР» вышла в Лондоне в 1936.

⁹ *Виноградов С.И.* — пресс-атташе советского полпредства в Лондоне, в 1935-1936 — одновременно уполномоченный ВОКС в Лондоне.

5

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ БЕАТРИСЫ КИНГ

[Август 1935]

Не подлежит оглашению

Думаем, что характеристика Беатрисы Кинг, данная уполномоченным ВОКС'а в Англии тов. Виноградовым, в основе правильна.

Кинг очень активна и деятельна (иногда бестолково) и для работы педагогической секции полезна, тем более, что связана с разными педагогическими организациями.

Она часто выступает с докладами об СССР, а также в прессе. К сожалению, у нас имеются неполные сведения о ее выступлениях.

Она в некоторой мере карьеристка, в достаточной степени тщеславна, и возможно, что ее симпатии к Сов. Союзу довольно неглубоки.

Она иногда проявляет удивительное невежество в тех вопросах, которые, казалось бы, должна знать. Она получает от нас довольно много материалов по школе и в прошлом году была в СССР, где специально изучала сов. школу, однако недавно она спорила с тов. Виноградовым, утверждая, что все средние школы называются ФЗС и ФЗД, и обратилась с письмом по этому поводу к нам.

Она выступает, конечно, с очень «дружественными докладами об СССР» и пишет тоже очень «дружеские» статьи, однако в ее статьях бывают иногда неожиданные выпады. В статье, помещенной в «Нью Стэйтсмен энд Нэйшен», Кинг занимается рассуждениями о «последней революции» в СССР, которую она видит «в тенденциях к большей интеллектуальной и культурной свободе и исчезновению узкой политической пропаганды».

В этой же статье Кинг говорит о своей встрече по дороге из Москвы в Киев с «пожилым профессором», который, «не боясь

открытой двери купе», разговаривал с ней о религии, Троцком, и на тому подобные «запрещенные раньше темы». «Конечно, — тут же заключает Кинг, — это не значит, что в СССР уже осуществлена свобода».

В другой своей статье о сов. театре (в журнале «Реперетори») Кинг рассуждает о том, что в период революции люди слишком много чувствуют и мало думают и поэтому на советской сцене отсутствуют большие пьесы.

«Либеральные» сожаления о том, что в СССР «нет политической свободы», — у Кинг довольно нередки. Возможно — это некая боязнь выступать более решительно, дань тем кругам «либеральной» общественности, в которых она, очевидно, вращается.

Может быть также, такой журнал как «Нью Стэйтсмен энд Нэйшен» и не поместил бы ее статьи без таких замечаний.

Кинг может быть по-настоящему полезна в том случае, если ее держать в руках — тут должно быть сильное влияние секретаря общества и, особенно, уполномоченного, и тогда ее работа будет гораздо более плодотворной и полезной, чем сейчас. Во всяком случае для педагогической секции ВОКС'а она делает много и безусловно нужна.

Л.Кислова

ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.587. Л.170.

6

[ИЗ ПИСЬМА С.И. ВИНОГРАДОВА
К Н.Н. КУЛЯБКО]¹

10 октября 1935

Уважаемый Николай Николаевич,

1. Кинг «ожиданно» для меня, хотя тайным голосованием по почте были получены избирательные бюллетени от 150 чл. ОКСа, — провалена при выборах в Исполком. Но она стоит первой в списке кандидатов и, т.к. новый член, художница Перль Байндер², уезжает на полгода в Москву и работать не сможет, то Кинг будет опять кооптирована. Может быть, эта «поездка на вороных» даст ей понять, что популярность ее относительна и зависит от кое-каких условий.

Вместо Барбары Лоу³ в Исполком выбрана Гильда Браунинг. Вопрос о секретаре будет рассматриваться после 21/Х когда истечет срок подачи заявлений от кандидатов на эту должность.

Уайз считается пригодной для удержания об-ва в теперешних рамках. Но это было бы смертным приговором обществу, а для разворачивания работы считают малоприспособной⁴.

Интерес вызывает кандидатура Дорин Брукхарст, которая в качестве научного работника жила несколько лет в Москве и знает русский язык. Сообщите ваше мнение о ней. Наведите справки, где она была и что делала.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.737. Л.1.

¹ Письма С.И. Виноградова, как правило, были посвящены самым различным, большей частью техническим, вопросам деятельности ВОКС. Этот документ и документ №9 представляют собой фрагменты, относящиеся к деятельности Б.Кинг. Данные фрагменты приведены полностью.

² См. о ней в документе №11 и прим.2 к нему.

³ См. о ней в след. документе.

⁴ Речь идет о Дорин Уайз. Ср. несколько иную характеристику ее в след. документе.

7

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ ИСПОЛКОМА ЛОНДОНСКОГО ОБЩЕСТВА КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ

17 октября 1935

1) Эдит Мансел Муллин¹ — председатель общества, бывшая суфражистка, общественная деятельница, была в СССР один раз (в 1933 году). Еще до приезда в СССР безусловно сочувственно относилась к Советскому Союзу, после же своего пребывания сделалась энтузиасткой Советского Союза. Мансел Муллин уже 75 лет, она не принимает активного участия в руководстве текущей оперативной работой Общества, но регулярно выступает и председательствует на больших вечерах и приемах, организуемых Обществом.

2) Джозеф Ривс² — вице-председатель — кооператор. Особенно активного участия в работе Исполкома не принимает, но, как правило, охотно выполняет указания, которые дают ему советские представители Исполкома. Последний раз был в СССР летом 1935 года.

3) Лорд Марлей³ — казначей Общества. Лейборист, получил титул лорда от лейбористского правительства Макдональда. Один

из руководителей антифашистского и антивоенного движения. Так как основной функцией казначея является изыскивание средств для общества и т.к. Марлей не может уделить необходимого времени для выполнения этой очень существенной для жизни общества задачи, то он не на месте. Было бы желательно поставить вопрос о новом казначее общества.

4) Дж. Краутер⁴ — научный корреспондент «Манчестер Гардиан»⁵ — физик. Был несколько раз в СССР — автор большого количества статей и двух книг об СССР: «Просвещение в СССР» и «Наука в СССР». Председатель научной секции ОКС. Интересуется, главным образом, развитием чисто научных связей. Относится вполне дружески к СССР, но иногда любит подчеркнуть свою независимость от советских представителей в Исполкоме.

5) Беатриса Кинг — председательница Педсекции Общества. Очень активна в своей секции. В Исполкоме (по сообщению т.Виноградова) не пользуется особым уважением. Много пишет и выступает об СССР, причем бывали случаи достаточно безответственных заявлений с ее стороны. Сейчас окончила книгу о советском просвещении, рукопись которой была выправлена полпредством. Б.Кинг нуждается в усиленном и неустанном руководстве со стороны наших товарищей на месте. При наличии такового, она безусловно может продолжать быть нам полезной.

6) Барбара Лоу — вошла в Исполком в последние перевыборы. Тетка жены т.Литвинова⁶. Сведений о ней у нас нет. По мнению т.Виноградова — балласт в Исполкоме.

7) Миссис Реккит — родственница Э.Мансел Муллин. По сведениям от т.Виноградова, активно работает в муз. секции общества. Владелица книжного магазина в Лондоне, продающего главным образом социалистическую и коммунистическую литературу.

8) Айвор Монтегю⁷ — член Компартии Англии. Кинодеятель (режиссер «Гормон Бритиш Филм» Компания). Знаток советской кинематографии. Работал с Эйзенштейном в Мексике⁸. В СССР был несколько раз.

Является казначеем Центр. Комитета Общества Друзей Советского Союза⁹. Никакой активной работы в обществе не ведет, выступает с докладами и участвует (нерегулярно) в заседаниях Исполкома. По сведениям т.Виноградова, пользуется немалым авторитетом в Исполкоме, и в этом его значение для нас как члена Исполкома.

9) Гарри Стивенс, член английской компартии, знает хорошо русский язык. Работал во время голода в Поволжье в АРА¹⁰. Переводил Шолохова. Особой активностью в работе Общества не отличается, особым авторитетом не пользуется, особенного

значения для нас в Исполкоме не имеет, целесообразно поставить вопрос о переизбрании.

10) Д.Н. Притт¹¹. Известный адвокат, лейборист, был председателем инсценированного суда над действительными виновниками поджога рейхстага, организованного в Лондоне во время Лейпцигского процесса¹². Очень влиятельный и авторитетный человек. Относится с большой симпатией к Советскому Союзу.

11) Гильда Браунинг — секретарь Лондонского Общества, активный член Независимой рабочей партии (левого крыла). Недавно написала книжку «Женщина при фашизме и при коммунизме». Прекрасный организатор, очень активно работает в Обществе и фактически руководит и проводит всю оперативную текущую работу общества. Именно благодаря ее работе как секретаря, Лондонское Общество развило большую активность за последние годы (организация секций, отделений общества в других городах и т.д.).

По сообщению т.Виноградова, Г.Браунинг собирается подать в отставку, т.к. уезжает из Англии.

12) Дороти Уайз — кандидат в секретари Лондонского Общества, бывший председатель одной из районных организаций Независимой Рабочей Партии¹³ в Лондоне. Имеет репутацию хорошего организатора и политически грамотного человека. Вдова б. казначей Лондонского общества Френка Уайз, пользовавшегося большим авторитетом в обществе¹⁴. По сообщению т.Виноградова, кандидатура Уайз не встретит возражения со стороны членов Исполкома. Уайз посетила СССР в первый раз летом 1935 г. в качестве гостя ВОКС. Безусловно она очень уступает Г.Браунинг, как со стороны общего политического развития и знания Советского Союза, так и со стороны (как нам кажется) личной энергии и активности. Однако т.Виноградов сообщает, что в настоящее время кандидатура Уайз является самой подходящей. Такое же мнение высказывал вице-председатель Общества Ривс этим летом.

Советская сторона в Исполкоме Общества представлена двумя товарищами:

1. т.Вул — представитель Центросоюза в Англии.
2. т.Лазьян — сотрудник Торгпредства.

Т.Вул, по сообщению т.Виноградова, в Исполкоме не активен (даже мало бывает) и авторитетом не пользуется¹⁵.

Т.Лазьян был введен в состав Исполкома в июне. О его деятельности мы пока мало знаем. Недавно он прочел лекцию о II-й пятилетке в Бристольском отделении ОКС.

Здесь надо отметить, что т.Виноградов, который является неофициальным уполномоченным ВОКС'а в Англии и через которого мы проводим нашу политику в отношении ОКС, не член Исполкома.

Предложения по составу Исполкома:

I. Вывести из состава Исполкома следующих членов:

1. Г.Стивен.

2. Б.Лоу.

II. Избрать нового казначея на место лорда Марлей, оставив его в составе Исполкома, благодаря его титулу.

III. Утвердить официальным уполномоченным т.Виноградова и ввести его вместо т.Вул в состав Исполкома (считать, что существующая политическая обстановка в отношениях между Англией и СССР делает вполне допустимым утверждение работника Полпредства офиц. уполн. ВОКС'а).

Президент Общества проф. Ласселес Аберкромби¹⁶ и 47 вице-президентов (известные ученые, писатели, социологи и т.д.) являются почетными членами Общества и никакого активного участия в работе Общества не принимают.

Их значение в том, что их имена, хорошо известные английской общественности, придают Обществу известный вес и авторитет. Однако некоторых вице-президентов было бы возможно втянуть в работу Общества по линии докладов, председательствования на вечерах и т.п., как например Гарольд Ласки¹⁷, Джулиан Хаксли¹⁸, Хингсли Мартин, Бертран Рассел¹⁹, Р.Тоузен и Сидней и Беатриса Уэбб²⁰. Помимо их было бы желательно включить в список вице-президентов и втянуть в работу по таким же линиям Бернарда Шоу²¹, Гордон Крэга²², лорда Сесиль²³, проф. Блакит²⁴ и, нам кажется, лэди Астор²⁵.

И.Амдур²⁶.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.283. Л.214-215.

¹ Манселл-Муллин Э. возглавляла ОКС в 1931-1936. Жена известного военного врача Ч.Манселл-Муллин (1851-1940). Ушла в отставку в связи с кризисом ОКС летом 1936. Этот кризис был вызван недостатком финансов и разногласиями в руководстве относительно дальнейшей работы. Некоторые настаивали на деполитизации работы ОКС, придании ей чисто просветительского характера. Встал даже вопрос о ликвидации Общества как самостоятельной организации. ВОКС тут же прореагировал: было предложено «обновить» руководство ОКС; одновременно А.Я. Аросев высказал готовность финансировать работу Общества (правда, сумма предлагалась небольшая: 10 фунтов стерлингов в месяц). Даже при ограниченном бюджете ВОКС сумма эта представля-

ется незначительной и вряд ли можно сделать вывод, что с 1936 Общество перешло «на содержание».

² *Ривз Дж.* (1888-1969) — один из лидеров Кооперативной партии (создана в 1917, тесно связана с ЛПВ). Член парламента от ЛПВ в 1945-1959. Был в СССР в 1927, 1929, 1935.

³ *Марлей Д.* (1884-1952) — английский политический деятель. С 1930 — 1-й барон Марлей. Морской артиллерист, с 1917 член Фабианского Общества. С 1920 в отставке, активный деятель ЛПВ. Неоднократно баллотировался в парламент. В 1930-1931 заместитель военного министра в правительстве Р.Макдональда. Автор ряда статей о России и СССР.

⁴ *Краутер Дж.* (1893-1950) — физик, популяризатор науки. Преподавал в Кембридже, в 1924-1946 профессор физики Ридингского университета. Почетный вице-президент Физического института.

⁵ «*Manchester Guardian*» — ежедневная газета. Основана в 1821. С 1959 выходит под названием «*Guardian*». Издается в Манчестере, с 1961 одновременно в Лондоне.

⁶ *Литвинов М.М.* (1876-1951) — советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898. С 1921 замнаркома, в 1930-1939 нарком иностранных дел. Настоящее имя — Макс Валлах. Будучи в эмиграции в Англии, женился на английской художнице Айви Лоу.

⁷ *Монтегю А.* (1904-1984) — киносценарист, режиссер, общественный деятель. Член Компартии Великобритании с 1931. Активный участник Движения сторонников мира, член Президиума Всемирного Совета мира (с 1969). Ленинская премия мира (1959).

⁸ *Эйзенштейн С.М.* (1898-1948) — советский кинорежиссер. В 1930-1932 снимал в Мексике кинопопею «Да здравствует Мексика!»

⁹ *Общество друзей Советского Союза* было создано в 1927. Английскую секцию общества возглавлял член ЦК Компартии Великобритании Т.Белл. С 1946 — Общество-британо-советской дружбы.

¹⁰ *АРА* — «*American Relieve Administration*», создана в 1919 и функционировала до 1923. Глава АРА — Г.Гувер (1874-1964). Предназначалась для оказания помощи странам, пострадавшим в Первой мировой войне. В 1921 действовала в РСФСР в связи с голодом в Поволжье.

¹¹ *Притт Д.Н.* (1887-1972) — английский юрист и общественный деятель. Член парламента от ЛПВ (1935-1950). В 1936-1969 — председатель Исполкома ОКС. Возглавлял Международную ассоциацию юристов-демократов. Ленинская премия мира (1954).

¹² *Лейтцигский процесс* (1933) — процесс о поджоге рейхстага. В качестве главного обвиняемого привлекался Георгий Димитров (1882-1949).

¹³ *Независимая Рабочая партия* возникла в 1893. В 1906 приняла активное участие в создании лейбористской партии и вошла в ее состав. Вышла

из ЛПВ в 1932. Ряд видных деятелей НРП, в том числе Е.Ф. Уайз (см. ниже), вышли из НРП, создали «Социалистическую Лигу», которая осталась в составе ЛПВ. НРП прекратила существование в 1946.

¹⁴ *Уайз Е.Ф.* (1885-1933) — экономист, политический деятель. Член британской делегации в Высшем Экономическом Совете Антанты (Париж, 1919). С 1923 — советник Центросоюза в Лондоне. Член парламента от НРП в 1929-1931. Казначей ОКС в 1930-1933. В документах ВОКС отзыв о нем был таков: «Один из консервативных членов Правления ОКС. Всегда настаивает на том, что ОКС есть и должен быть чисто культурной организацией. Очень характерен тот факт, что Уайз был против отделения независимой рабочей партии от лейбор. партии /.../. Необходимо вывести Уайз из правления». (ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.577. Л.11).

¹⁵ Жалобы на пассивность советских работников ВОКС за границей не были редкостью. Однако иногда они имели курьезный подтекст. Так например, в отчете НКВД о работе ВОКС (июль 1940) в качестве примера недобросовестного отношения к своим обязанностям уполномоченного Общества за границей приводились сведения о действиях советника полпредства СССР в Германии Кобулова, который якобы «считал ниже своего достоинства отвечать на письма и запросы ВОКС'а» (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.18). Речь шла об А.З. Кобулове, являвшемся резидентом НКВД в Берлине и исполнявшем секретное поручение Сталина. Руководство ВОКС, очевидно, не ведало об этой миссии своего «уполномоченного».

Данный факт — один из немногих известных сведений об отношении ВОКС и НКВД. Можно добавить, что в годы войны куратором Общества был В.Г. Деканозов, занимавший высокий пост в НКВД. Согласно постановлению ГКО от 5 июня 1943 предписывалось шире использовать возможности советских организаций, в том числе — ВОКС, как одну из легальных форм разведывательной работы за границей (РЦХИДНИ. Ф.644. Оп.1. Д.124. Л.178).

¹⁶ *Аберкромби Л.* (1881-1938) — профессор литературы Лондонского университета (1929-1935). Один из инициаторов Конгресса мира и дружбы с СССР в 1935. Являлся почетным президентом ОКС в 1924-1936.

¹⁷ *Ласки Г.Дж.* (1893-1950) — видный социолог, общественный деятель. С 1926 профессор Лондонской школы политической экономии. В 1936-1939 член Исполкома ЛПВ, в 1945-1946 председатель ЛПВ. В 1922-1936 член Исполкома Фабианского общества. Один из теоретиков демократического социализма.

¹⁸ *Хаксли Дж.* (1887-1975) — биолог, философ. Один из создателей «синтетической теории эволюции».

¹⁹ *Рассел Б.* (1872-1970) — философ, математик, общественный деятель.

²⁰ *Уэбб С.* (1859-1947) и *Б.* (1858-1943) — супруги, английские экономисты и социологи, идеологи фабианского движения. С.Уэбб (с 1929 —

лорд Пассфилд) был министром торговли (1924) и министром колоний и доминионов (1929-1931) в лейбористских правительствах Р.Макдональда. Неоднократно посещал СССР. Супруги Уэбб — авторы книги «Советский коммунизм — новая цивилизация» (1935).

²¹ *Шоу Дж.Б.* (1856-1950) — писатель, общественный деятель. Один из основателей Фабианского общества (1884). Нобелевская премия по литературе (1925).

²² *Крэгг Г.Э.Г.* (1872-1966) — режиссер и теоретик театра. Был в СССР в 1935. Автор книги о советском театре.

²³ *Сесиль Э.А.Р.*, лорд (1864-1958) — английский политический деятель. С 1923 — 1-й виконт Сесиль. Член парламента, консерватор в 1906-1910, независимый консерватор в 1911-1923. Заместитель министра иностранных дел в 1915-1916, 1918. Министр блокады в 1916-1918. Лорд — хранитель печати в 1923-1924. Канцлер герцогства Ланкастерского в 1924-1927. Основатель и президент Союза Лиги наций в 1923-1945. Почетный президент Ассоциации Лиги наций. Нобелевская премия мира (1937).

²⁴ *Блаклит П.М.С.* (1897-1974) — видный английский физик. Профессор Лондонского (1933-1937) и Манчестерского (1937-1953) университетов. Президент Королевского общества (1965-1970). Нобелевская премия (1948). Иностранный член АН СССР (1966).

²⁵ *Астор Нэнси* (1879-1964) — английская политическая деятельница. Жена виконта Астора. Первая женщина — член парламента (юнионист, 1919-1945). В 1931 вместе с Б.Шоу посетила СССР, встрчалась со Сталиным. Впоследствии получила известность в качестве хозяйки поместья Кливден, где собиралась т.н. «кливденская клика» — сторонники «политики умиротворения» гитлеровской Германии.

²⁶ *Амдур И.С.* — сотрудник ВОКС. Референт, затем заместитель заведующего, в 1935-1936 — заведующий Англо-американским отделом ВОКС.

8

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОГО АКТИВА ВОКС

17 ноября 1935¹

(Доклады председателя ВОКС'а тов. Аросева и заместителя председателя ВОКС'а тов. Черныязского² не стенографировались).

С места. Я считаю, что ВОКС'ом поставлены настолько серьезные вопросы, что мы сегодня вряд ли сумеем их разрешить. Я бы предложил ВОКС'у устроить специальную конференцию. Я, например, знаю, что у художников, поскольку они занимали

очень большое место в нашей жизни и деятельности, есть много спорных и очень сложных вопросов. Нам очень хотелось бы, чтобы вы посвятили этим вопросам специальное совещание.

С места. Мне приходилось читать в американской печати статьи известных пропагандистов. Один из них писал — удивляюсь, почему советские деятели не используют нашей печати для своих выступлений. Если вы возьмете, например, газету «Нью-Америкен», то там наши враги выступают регулярно и часто (не американцы).

Кто следит за американской печатью, тот знает, что там имеются довольно широкие возможности для того, чтобы ими могли воспользоваться наши общественные деятели, представители искусства, литературы и т.д. А между тем это очень редко используется. Иногда, обыкновенно в журнале «Каррент Хистори»³, но очень редко.

Мне кажется, что особенно теперь, когда ведется кампания со стороны прессы Херста⁴, по линии ВОКС'а можно было бы сделать значительно больше.

Еще один конкретный вопрос. Мне кажется, что ввиду имеющегося большого интереса у иностранцев (западных, американских), в частности, к нашему строительству, стоило бы поставить вопрос об издании социально-экономической части Большой Советской Энциклопедии. Сплошь и рядом видишь большой интерес к определенным проблемам у приезжающих к нам иностранных ученых. У нас даже нет изданных для них хороших книг, просто книг, в которых бы на языке этих иностранцев давались все нужные информации. Это, конечно, большой и серьезный вопрос, и его стоило бы поднять.

Еще одно предложение. Мы ввозим из-за границы кинофильмы. Совершенно ясно, что никогда кинокартины не могут производить нужного впечатления, если мы не знаем, на какую аудиторию рассчитывать.

Наши кинофильмы сделаны для нашей аудитории. Возьмите самый лучший фильм — «Чапаев»⁵. Этот фильм пользуется у нас большим успехом. Но за что боролся Чапаев, за что боролись комиссары — это просто до иностранной аудитории не дойдет, потому что мы для этой картины рассчитывали на нашу аудиторию, которая всю эту борьбу знает. Или если показать американцам картину «Аэроград»⁶, что такое для них партизаны? Они этого совершенно не поймут. Мы-то знаем, кто такие партизаны, но для иностранцев партизан — это пустой звук, он партизана скорее примет за охотника.

Мы видим, как действуют наши враги. Германские фашисты выпустили специальный антисоветский фильм, который демонстрируется в Англии и других странах. А у нас такого положения совершенно нет.

Можно было бы поставить вопрос о специальном художественном и видовом фильме, можно было бы сделать варианты кинофильмов специально для экспорта.

Во всяком случае, ясно, что мы не сможем использовать огромного рычага — киноискусства, если мы не будем специально учитывать запросы заграничной аудитории. Этот вопрос следовало бы проработать с специальными киноорганизациями.

Брауде. Когда иностранные гости попадают к нам, в Советский Союз, они интересуются нашим театром, нашей музыкой (я, в частности, интересовался их отношением к музыке). И тут наталкиваешься на невозможное положение. Нет ни одного издания, которое бы в элементарной форме объясняло нашу музыкальную структуру и имело бы характер какой-то маленькой энциклопедии, маленького путеводителя.

Мне кажется, что в вопросе искусства это настолько назревшая потребность, что ВОКС должен или сам сделать, или стимулировать в ближайшее время издание такого сборника на нескольких языках.

*Голунский*⁷. Товарищи, я являюсь представителем такой отрасли социалистического строительства, которая, пожалуй, меньше, чем какая-нибудь другая, до сих пор принимала участие в международной культурной связи. Я являюсь представителем советского права.

Право — это такая отрасль, где наши заграничные коллеги меньше, чем в какой-либо иной отрасли, являются материалом, пригодным для обработки. Характеристику юристов достаточно хорошо дали Маркс и Энгельс, и не так много приходится в ней менять.

Однако надо полагать (и тов. Аросев подтвердил это в своем сегодняшнем выступлении), что условия всеобщего капиталистического кризиса и другие новейшие данные явно отслаивают и среди этой неподвижной публики известные слои, среди которых мы могли бы чего-нибудь добиться.

Но мне кажется, что центр тяжести нашей работы должен был бы быть и не в этом. Оставляя в стороне профессиональное лицо, надо сказать, что просто широкие массы западноевропейской и американской интеллигенции были бы, несомненно, глубоко заинтересованы в нашем праве. На фоне тех видоизменений, которые мы имеем в государственном праве в буржуазных стра-

нах, направление, в котором работа идет у нас, представляет собой разительный интерес. То же в области права семейного, уголовного и т.д.

Я считаю, что ВОКС сегодняшнее собрание созвал и поставил вопрос своевременно. Уж если две такие «арийские» страны, как Германия и Япония, объединились между собой для совместной культурной работы, то не подлежит никакому сомнению, что мы должны такому расовому единству противодействовать.

Я не совсем склонен принять упрек тов. Чернявского в большой пассивности нашей советской общественности, по крайней мере тех ее кругов, представителем которых я являюсь. Правда, объективно мы были до сих пор действительно пассивны, но это потому что на нас не было спроса. На другие области спрос был гораздо больше, чем на советское право.

А вот вам показатель. Когда в прошлом году здесь был проведен Англо-Американский университет, когда ряд сравнительно крупнейших (хотя не очень) деятелей в области права Америки побывали у нас, то результатом этого прошлогоднего университета была появившаяся в Америке книга о советской юстиции доктора Фолько, рисующая в крайне симпатичном свете наше законодательство и прямо указывающая Америке на нас, как образец.

Поэтому мне кажется, что мы не должны соразмерять нашу деятельность только с тем спросом, который поступает из-за границы. Мы должны сами этот спрос создавать, если мы находим, что тот товар, который мы можем предложить в той или иной отрасли, того стоит. Я считаю, что наше советское право при современных социальных переплетках представляется товаром чрезвычайно гибким. Если мы сумеем его продать, то его возьмут, и то, что его возьмут, даст, несомненно, большой плюс в общем балансе наших культурных отношений с заграницей.

Я не намерен по примеру предыдущих товарищей сейчас называть те конкретные мероприятия, которые можно было бы провести в этой области. Это завело бы нас слишком далеко, таких мероприятий можно назвать десятки, и не на таком собрании, как сегодня, нужно их фактически обсуждать.

Я хотел бы сказать, что наши специальные юридические организации, в которых я работал, — правовая Академия, Правовой институт, Научно-исследовательский институт уголовной политики — с удовольствием пойдут навстречу ВОКС'у, если ВОКС укажет нам пути и способы, как это сделать.

Например, в данное время мы вырабатываем наш годовой план работы. Я ручаюсь, что все названные мной три организа-

ции — Правовой институт, Правовая Академия и Научно-исследовательский институт уголовной политики — включают в свои планы работы те вопросы, которые, по мнению ВОКС'а, будет целесообразно разработать специалистам для заграничного употребления. Безусловно, я гарантирую, что среди научных работников этих организаций мы легко сколотим довольно значительный актив, который смог бы быть полезен ВОКС'у как в смысле авторской и консультационной работы, так и в смысле живого общения с приезжающими сюда иностранцами.

Вот эти услуги я и хотел предложить сегодня ВОКС'у. Но рассчитывать на самотек в этом деле, чтобы мы сами что-то придумали и принесли вам, — не приходится.

Сегодняшнее собрание — первый и очень хороший шаг в этом направлении. Но если дело только этим ограничится, то я сильно опасаюсь, что ничего из него не выйдет.

Если же ВОКС и дальше пойдет в этом же направлении, то, я думаю, мы сумеем не только хорошо противодействовать германо-японской «арийской» культуре, но и сумеем сделать новый большой наступательный шаг в смысле завоевания общественного мнения на сторону социалистической мировой культуры.

Фрумкина. Мне думается, что ВОКС'у надо поднять еще один общий вопрос, которого до сих пор не касались выступавшие товарищи. Это вопрос о методике показа СССР иностранцам, причем методике показа не только ВОКС'ом, но и Интуристом.

Тут не случайно был задан вопрос — какой контакт существует между ВОКС'ом и Интуристом. Дело в том, что вредные методы показа приводят к таким результатам, которые ВОКС'у потом трудно загладить. Мне известен ряд случаев, когда люди средней интеллигенции, на которых рассчитан ВОКС, приезжают к нам и не попадают в сферу влияния ВОКС'а, а идут к Интуристу, который думает, что для рядового английского учителя интереснее всего Петергоф, и ни за что не хочет показать школу.

У меня есть ряд обоснованных жалоб: люди пишут, что приехали сюда с группой, думали, что группа уедет с энтузиазмом, а на самом деле группа уехала возмущенная тем, что методика показа СССР в Интуристе базируется на количестве оплаченных дней.

Второй вопрос об этой же самой аудитории. Тов. Чернявский сказал, что аудитория — это правый центр. Это же творческие работники, люди, достигшие определенного уровня. Тов. Чернявский тот же определил, что ВЦСПС занимается работой с левой интеллигенцией, ВОКС занимается художниками, писателями и т.п. Но есть еще очень важная прослойка в деле создания об-

шественного мнения — это середняки. Это тот английский и, в особенности, французский студент, который очень интересуется СССР, который пишет доклады об СССР. Такой студент иногда пишет очень курьезные материалы, о которых упоминается в журналах «Ревю Пари» и «Ревю Нувель» и др. Он стесняется обратиться в ВОКС, считая, что ВОКС — это высокое учреждение.

Он обращается иногда в наше скромное учреждение — радио. Надо популяризировать работу среди этой середняцкой массы — среднего учительства, средних учащихся, потому [что] в [их] школах СССР преподается самым курьезнейшим образом.

Мне кажется, что на эту молодежь ВОКС'у надо обратить самое серьезнейшее внимание и этот вопрос включить в раздел своей работы.

Для протокола я поднимаю вопрос о радио, но говорить о нем не буду. Я скажу только, что можно было кое-что сделать, но ничего не сделано.

Бройде /.../. Я думаю, что не только показ наших артистических сил, весь тот аппарат, который дает живое представление о совершенно ином мире, должны быть продвинуты по линии ВОКС'а на все эти фестивали, на все эти потенциально возможные очаги организации левого музыкального фронта.

Мне говорил тов. Эйслер⁸, с которым я беседовал, что сейчас момент чрезвычайно благоприятный для этого, и что те результаты, которые за последнее время он констатирует, чрезвычайно велики.

Я получил от тов. Эйслера письмо, в котором он приводит следующий совершенно потрясающий с моей точки зрения факт: в Англии левое рабочее музыкальное объединение обслуживается целым рядом профессоров музыкальной коллегии (то, что у нас называется консерваторией).

Я думаю, что сейчас, когда эти левые силы музыкально определяются, нужно непременно использовать такие моменты для осуществления контакта нашей музыкальной интеллигенции с западной. /.../

Мексин. Я работаю в небольшом учреждении — в музее детской книги, — который тем не менее имеет довольно обширные и широкие связи с разными странами. Этими связями мы обязаны, в первую очередь, и главным образом, ВОКС'у, который в течение нескольких лет помогал нам выращивать и укреплять связи. /.../

Я лично большой друг ВОКС'а и не хотел бы его обидеть, но по-дружески мне кажется, что в смысле темпов и четкости надо

быть на исключительной высоте. Нужно работать так, чтобы по поводу советов, о которых говорил тов. Аросев, — что нужно ввозить английских чиновников, мы могли бы с чистой совестью и спокойным сердцем смеяться.

Я не рекомендую ввозить таких чиновников из-за границы, я думаю, что, популяризируя за границей стахановские методы, мы должны стремиться, чтобы там ощущали пафос стахановского движения в работе.

/.../

ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.278. Л.108-117.

¹ В заседании приняли участие как сотрудники ВОКС, так и «представители московской общественности», составлявшие его актив, работающие в одной из секций ВОКС.

² *Чернявский Л.Н.* — член правления ВОКС, с июля 1935 — заместитель председателя ВОКС.

³ *«Current History»* (США) — ежемесячный журнал по вопросам международных отношений, современной истории и внешней политики США. Основан в 1914. Издается в Филадельфии.

⁴ *Херст У.Р.* (1863-1951). Американский газетный магнат, владелец 24 газет и ряда американских и английских журналов. В 1903-1907 член Конгресса США. В 1930-е выступал в поддержку фашистского режима в Италии и Германии.

⁵ *«Чапаев»* — фильм Г.Н. и С.Д. Васильевых (1934). В 1941 получил Государственную премию СССР.

⁶ *«Аэроград»* — фильм А.П. Довженко (1935).

⁷ *Голунский С.А.* (1895-1962) — юрист и дипломат. Член-корр. АН СССР (1939). В 1923-1939 работал в органах прокуратуры, одновременно занимался научной работой. Затем — в Наркоминделе, был, в частности, заведующим юридическим отделом НКВД (МИД) в 1943-1951. Участник Московской, Крымской, Потсдамской и др. международных конференций. В 1952-1953 член Международного Суда ООН.

⁸ *Эйслер Г.* (1898-1962) — немецкий композитор. В 1930-х дважды был в СССР. Автор ряда массовых революционных песен («Красный Веддинг», «Песня единого фронта», «Коминтерн»), Национального Гимна ГДР.

[ИЗ ПИСЬМА С.И. ВИНОГРАДОВА И.С.АМДУРУ]

10 февраля 1936

29. После того как Кинг была провалена при выборах в Исполком ОКСа, она стала активно искать других общественных постов. Секретарство в Об-ве Школьного Театра — это только один из них. Она активно работает в уцелевшем Комитете Конгресса мира и дружбы с СССР¹ и при этом использует оксовские связи. Например, пишет секретарям местных отделений ОКСа и предлагает им устроить в их городе ее лекцию, которая будет проводиться от имени Конгресса и собравшиеся будут рассматриваться как «местный конгресс мира и дружбы с СССР». Это дублирование вызывает большое раздражение в ОКСе. Кое-что будет сделано для выправления положения.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.739. Л.22.

¹ Комитет Конгресса мира и дружбы с СССР возник в 1935 для подготовки 1-го Конгресса (декабрь 1935). В марте 1937 был проведен 2-й Конгресс мира и дружбы с СССР. Прошел также ряд региональных конгрессов, наиболее крупный — в Шотландии осенью 1937. Конгрессы проводились на довольно широкой основе, в них участвовали не только лейбористы и представители различных левых организаций, но и видные консерваторы. Однако и проведение подобных конгрессов, и работа самого Комитета прекратились в конце 1937 в связи с известными московскими процессами.

10

[ПИСЬМО ЧЛЕНА ИСПОЛКОМА ОКС Е.РЕКИТТ]¹

5 июня 1936

*Копия*9, Олд Сквер,
Линкольнс ИннАйвор Монтагю, эскв.,
29, Ранелэф Гарденз.

Дорогой Айвор,

Мне было очень жаль пропустить последнее заседание Исполкома О.К.С., особенно когда я увидела в протоколах некоторые решительные выводы, к которым пришел Исполком. Мне все же кажется, что увольнение штата является неверным способом встречать трудности, в которых они не повинны, и что

мы обязаны перед ними и перед Обществом предпринять какие-то более конструктивные шаги перед следующим ежегодным собранием и прийти на это собрание с определенными идеями относительно новой линии, которую, по-нашему, должно проводить Общество, если оно должно оставаться живым и полезным.

Один или два пункта для дискуссии, пришедшие мне в голову:

1. Необходимо напомнить самим себе, что мы являемся культурной, а не политической организацией, и ограничиваться своей собственной сферой — это должно предотвратить подозрения и ревность Общества Друзей Советского Союза и Комитета конгресса.

2. Мы должны понять, что пропагандистская фаза нашей работы завершена, по крайней мере, поскольку речь идет об общей ситуации, и что потребность в лекциях, за исключением тех, что читают хорошо известные лекторы, по особенно привлекательным темам, почти исчезла.

3. Наши основные рутинные формы работы — обслуживание советских гостей, консультации для тех, кто намеревается поехать в СССР, организация выставок о советской художественной и общественной деятельности, установление контактов между университетами и культурными учреждениями обеих стран — или стоят денег, или — в лучшем случае — окупают сами себя. Хотя я думаю, что наши общественные функции должны быть сделаны гораздо более привлекательными кем-то, кто имеет соответствующие способности, они вряд ли смогут обеспечить нас необходимым доходом. Есть ли какие-то пути добывания денег, которые мы не испробовали, или мы должны обратиться в Посольство и откровенно сказать, что если работа О.К.С. все еще считается полезной, она должна субсидироваться? Я не уверена, что большая часть нашей работы не стала излишеством и что мы не можем существовать проще и дешевле в качестве отделения ВОКС, ограничив себя функциями консультантов.

4. Ведем ли мы нашу работу наилучшим из всех возможных способов, и понимают ли члены Исполкома и члены Общества, в чем состоит наша функция? Я сама в этом сомневаюсь. Мне кажется, что в организации существуют черты левачества и что многие наши члены делали бы гораздо более полезную работу в О.Д.С.С.² и что многие речи, произнесенные на наших мероприятиях, «попали не на то собрание». Также представляется слишком широким разрыв между Исполкомом и членами Общества — что показывают недавние ежегодные собрания — и что новый председатель должен предпринять попытку найти средства преодоления этого.

5. По какой-то причине наш Исполком, в мое время, по крайней мере, всегда был довольно сварливым и неэффективным органом — хуже, чем просто сумма его составляющих. Тем не менее я думаю, что мы должны попытаться и встретиться, чтобы определить новую политику — или, по крайней мере, уяснить для самих себя, к чему мы стремимся — это может быть либо специальным заседанием ИК, или предварительным докладом специально созданного подкомитета.

Я думаю также, что нам необходимо попытаться добавить немного свежей крови в комитет и посвятить некоторое время подысканию подходящих людей. Я была бы рада уйти в отставку, чтобы уступить место в пользу кого-либо со свежими идеями в отношении нашей деятельности и ее методов. В настоящий момент у нас лишь кучка «регулярных сил», и никакого осмысления не ведется — лишь рутинная деятельность.

Искренне ваша

Ева С. Рекитт.

[Перевод с английского.]

ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.740. Л.59-60.

¹ Машинописная копия на английском языке.

² Общество друзей Советского Союза.

11

[ПИСЬМО С.И. ВИНОГРАДОВА
Л.Н. ЧЕРНЯВСКОМУ]

24 июня 1936

ВОКС. т. Чернявскому

Уважаемый Лев Николаевич,

Я уже писал Вам о кризисе ОКСа, вызванном резким сокращением доходности. На заседании Исполкома председательница Мансель-Муллин, с которой новая секретарша Фэзи не сработалась, резко поставила вопрос об увольнении обоих штатных работников оксовского аппарата — Фэзи и Кранс-Джонс. Только под угрозой отставки председательницы Исполком пошел на то, что-

бы дать трехмесячный «нотис» обоим девицам. Это означает, что через три месяца они увольняются, а тем временем получают право искать себе работу и уйти немедленно по нахождении другого места. Формальный смысл этой операции — найти других лиц, которые взялись бы за эту работу по более низким ставкам. Экономия, конечно, грошовая.

Тем не менее председательница все же подала в отставку. Письмо ее к членам Исполкома я в копии прилагаю.

Также в копии прилагаю интересное письмо Евы Рекит, члена ИК ОКСа¹. Там она ставит вопрос о превращении О-ва в какой-то технически подсобный орган для ВОКСа и о переходе на прямую субсидию ВОКСа.

Исполком также решил переехать в маленькое помещение, где не будет возможности держать библиотеку и проводить какие-то собрания. Последнее обстоятельство вызвало раздражение среди членов. Оппозицию возглавляет Гильда Браунинг и Атчисон. Последняя обычно функционировала как «хозяйка» на вечерах русского разговора, устраиваемых ОКСом по вторникам, на приемах и пр. и считает, что оффис без площади для подобных функций будет означать смерть для ОКСа. Двадцать членов О-ва заявили о необходимости созыва срочного общего собрания для критики действий Исполкома, и такое собрание состоится 2-го июля. Циркуляр прилагаю.

Собрание советской стороны состоится 26 июня. В уполномоченные ВОКСа с одновременным вхождением в состав Исполкома ОКСа прочим т. Мосину, замторгпреда, которая сейчас находится в Москве.

Прошу срочно ответить на мой вопрос о возможности выдачи О-ву дотации из ВОКСовских сумм в размере 75 фунтов.

Со мной О-во официально прощалось вчера — члены Исполкома дали мне обед. В своей речи (текст приложен) я постарался развеять всякие сомнения относительно стабильности московского ВОКСа. Эти представления или опасения посеяны здесь Пэрль Байндер, и я о них вам уже писал².

После обеда был прощальный прием для меня и одновременно встреча Ильи Эренбурга, приехавшего для участия в работах секретариата международного объединения писателей в защиту культуры³. Было около 120 чел. Текст моей речи приложен. Эренбург говорил о нашем отношении к культурному наследству прошлого, о Максиме Горьком, о советской молодежи, о литературе и пр. Председательствовал Лассельс Аберкромби, профессор литературы Кэмбриджского университета. От также говорил о Максиме Горьком и хорошо сказал о советской конституции.

Меня проводили тепло, и я уже не еду на «уик-энд-скул», которая состоится 27-28 июня. Туда едет т. Столляр⁴ и т. Свердлов⁵.

Гарден-Парти О-ва⁶ прошла с приличным финансовым успехом, несмотря на дождь. Чистая выручка составила около 63 фунтов.

Уполномоченный ВОКСа в Великобритании

[С. Виноградов]

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 740. Л. 61-62.

¹ См. предыдущий док.

² *П. Байндер* — член Исполкома ОКС, художница и журналистка. Активно работала в английской секции Международного Бюро революционных художников. Член КПВ. В 1935-1936 работала в СССР. Речь идет о впечатлении, полученном П. Байндер в Москве из бесед с ответственными сотрудниками ВОКС. По ее мнению, возможно и небезосновательному, интерес к деятельности ВОКС и, соответственно, различных обществ дружбы с СССР за границей заметно снизился в связи с расширением дипломатических контактов по официальным каналам, в частности, со вступлением СССР в Лигу наций (1934) и подписанием советско-французского договора (1935). В этих настроениях в Москве могло сыграть свою роль также то обстоятельство, что вероятность «мировой революции» резко снизилась, а движение дружбы с СССР даже в лучшие времена охватывало лишь часть, причем не самую влиятельную, западной интеллигенции. Мнение П. Байндер произвело определенное впечатление на членов Исполкома ОКС и явилось одной из дополнительных причин кризиса ОКС летом 1936.

³ *Эренбург И. Г.* (1891-1967) — советский писатель. В июне 1936 в Лондоне проходил Второй международный конгресс писателей в защиту культуры. Первый такой конгресс состоялся в Париже в 1935, третий, и последний, в Мадриде, в 1937. Эти конгрессы являлись частью антифашистского и антивоенного движения. И. Эренбург принимал активное участие в работе всех трех конгрессов. С английской стороны в этом движении активно участвовали О. Хаксли, Э. Форстер, Г. Уэллс и др.

⁴ *Столляр С.* — второй секретарь советского полпредства в Лондоне, с июня 1936 — уполномоченный ВОКС в Англии.

⁵ Работник советского страхового общества в Лондоне, брат Я. М. Свердлова.

⁶ Дословно — «прием в саду». Устраивается обычно днем, на открытом воздухе. Одна из традиционных форм работы ОКС.

[ЧЕРНОВИК ПИСЬМА А.Я. АРОСЕВА
И.М. МАЙСКОМУ]¹

[июнь-июль 1936]

Не подлежит оглашению

Лондон

Полпреду т.Майскому²

Уважаемый Иван Михайлович.

Мы получили письмо от т.Виноградова, в котором он пишет о критическом положении Общества культурной связи и о некоторых настроениях, чуть ли не ликвидации Общества.

Мы здесь считаем, что ставить вопрос о ликвидации Общества совершенно не своевременно. Общество может иметь широкое поле деятельности, ибо вопрос завоевания на нашу сторону английской интеллигенции еще далеко не решен.

Общество Друзей Советского Союза хотя и имеет в числе своих членов ряд представителей интеллигенции, однако в основном опирается все же на рабочих и членов профсоюзов.

Комитет Конгресса — организация совершенно новая и пока, насколько нам известно, очень медленно развивает свою деятельность и еще не имеет широкой общественной базы. Однако совершенно очевидно, что работа Общества должна как-то перестроиться, но перестроиться на ходу. Центр тяжести, как нам кажется, должен быть перенесен в верхние слои средней буржуазии, и особенно в сторону углубления работы среди интеллектуальной — художественной и научной — элиты. Очевидно, также надо переизбрать и освежить Исполком Общества. Нужно привлечь свежие силы в руководство Общества, хотя, конечно, през. общ. Аберкромби должен остаться. Мы не стали бы настаивать на том, чтобы председателем общества оставалась Мансель Муллин, которая, по сообщению т.Виноградова, подает в отставку. Насколько нам известно, она за последнее время не принимала активного участия в работе общества.

Нам отсюда трудно решать, кто был бы подходящим председателем Общества. Необходимо, однако, чтобы это было лицо достаточно видное и авторитетное. Мы, может быть, могли бы назвать некоторых (сэр Норман Эндхью, сэр Джон Мэйнард, лэди Марлей и еще несколько других).

Т.Виноградов, к сожалению, ни разу не писал нам подробнее о мисс Физи; мы почти не можем иметь о ней мнения. Некоторые члены Общества, которые здесь были, дали нам довольно

благоприятную характеристику о ее организаторских способностях, однако без особенного энтузиазма. Мы не знаем, почему Мансель Муллин с ней не поладила. Мы хотели бы, однако, чтобы советская сторона была бы более активна в своей помощи к изживанию таких организационных неполадок. Нельзя ли опять привлечь Гильду Браунинг на работу секретаря. Мы решительно возражаем против переезда конторы общества в более маленькое помещение. Общество без библиотеки не сможет существовать.

75 фунтов, о которых запрашивает т.Виноградов для общества, мы согласны ассигновать, и в будущем ежемесячно будет поступать от нас обществу 10 фунтов. О подходящей форме для передачи денег обществу мы просим вас подумать.

Что касается Уполномоченного ВОКС'а, мы все же считаем, что самой целесообразной была бы кандидатура т.Столяр, и т.Нейман с этим вполне соглашается.

Нам кажется, что одним из наиболее эффективных мероприятий, проводимых общ., явл. выставки. За последнее время ввиду разных обстоятельств нами мало было сделано. Каково было бы ваше мнение о посылке в Англию, скажем, осенью или в конце года выставки советской живописи³...

ГА РФ. Ф.5283. Оп.3. Д.740. Л.44-45.

¹ Данный документ представляет собой рукописный черновик с многочисленными исправлениями и пометками, написанный рукой А.Я. Арошева. Окончание письма, дата и подпись отсутствуют.

² *Майский И.М.* (1884-1975) — советский историк и дипломат. Академик АН СССР (1946). Полпред в Великобритании в 1932-1943, затем, с 1943 по 1946, — замнаркома иностранных дел.

³ На этом текст письма обрывается.

13

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ С ЗАГРАНИЦЕЙ

13 сентября [1936]

Вся поступающая в ВОКС корреспонденция из-за границы распадается в основном на 3 части:

1. Просьбы о присылке литературы.
2. Просьбы информации.
3. Выяснение возможности приезда к нам.

Последнее в свою очередь распадается на 2 вида:

а) Приезды к нам для длительной работы.

б) Приезды для временного посещения.

Во всех случаях отдел ВОКС'а должен немедленно составить ответ, подтверждающий получение письма (не трафаретно). Затем навести справки об авторе письма либо по картотеке ВОКС'а, либо у Уполномоченного, либо в учреждении или ведомстве, относительно которого можно предполагать, что там знают про данного иностранца.

После этого следует подготовить ответ по существу. А именно: если требуется литература, то ее послать или не послать, в зависимости от характеристики, полученной про иностранца, и от решения руководства ВОКС'а. И в том, и в другом случае нужно ответить в возможно короткий срок.

Если требовалась информация, то в этом случае нужна особая осмотрительность и осторожность. И во всяком случае, прежде чем посылать информацию, нужно, чтобы она была проредактирована компетентным учреждением и лицом, виза которого осталась бы на копии информации, посылаемой за границу.

Это правило относится также и к посылке за границу самим ВОКС'ом так называемых «досье». Если речь идет о приезде иностранца, то немедленно нужно запросить отзыв по этому вопросу в соответственном компетентном учреждении (если речь идет, предположим, о медиках, то нужно запросить Наркомздрав, насколько он заинтересован видеть таких-то и таких-то медиков в СССР). Одновременно следует запросить Наркоминдел и соответственное Полпредство. Только имея отзыв этих учреждений, заведующий отделом обращается за санкцией к руководству. Во всяком случае, решение о въезде к нам иностранца может иметь место только после письменной зафиксированной резолюции руководства ВОКС'а.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.325. Л.13.

14

[ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ А.Я. АРОСЕВА
НА СОБРАНИИ АКТИВА ВОКС]'

14 мая 1937

...Я должен подчеркнуть один момент. Я считаю, что с точки зрения политической бдительности товарищи переводчики в особенности и референты и зав. отделами в частности очень тщательно должны вести беседы с иностранцами. Я предлагаю

переступить рамки анкеты и писать больше беллетристики. Я предлагаю вести ваши записи как можно подробнее, что, кроме беседы, вы выявили от общей обстановки, в которой проводилась беседа, и вообще весь этот антураж, чтобы вы после двух таких записок могли бы стать писателями. Ведь этот материал единственный. Наши товарищи-переводчики — это очень важные люди. Наши переводчики играют роль заградительных отрядов, которые идут впереди колонны. Иностранцы первые впечатления об СССР получают от переводчиков. Поэтому я считаю очень большим недостатком то, что с активом переводчиков и референтов мы не проводим производственных совещаний. Переводчики и референты должны быть в курсе всей тонкой политики, только тогда они будут мастерами своего дела...

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 357. Л. 67.

¹ Документ представляет собой фрагмент заключительного слова председателя ВОКС А.Я. Аросева на собрании актива ВОКС, посвященного бдительности. Подобные собрания в 1937 проводились по всей стране.

15

ПЛАН РАБОТЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ОТДЕЛА ДО КОНЦА 1937 г.¹

[Июль-август 1937]

Англия.

1. Обеспечить в октябре с.г. при перевыборах исполкома Общества в Лондоне более влиятельный состав членов, для дальнейшего развертывания работы Общества, в направлении охвата лиц, имеющих большой удельный вес среди интеллигенции Англии.

2. Установить возможность предоставления автономии Эдинбургскому обществу для активизации работы в Шотландии и, в случае благоприятного решения, подготовить все необходимое для выделения этого Общества с начала 1938 г.²

3. Проработать вопрос об активизации работы отделений Лондонского Общества.

4. Получить планы работы Лондонского Общества в целом и его секций для обеспечения их необходимыми материалами.

5. Поставить вопрос об изъятии нежелательной (троцкистской и т.п.) литературы из библиотеки Общества и дополнить ее нужной литературой³.

6. Организовать регулярную посылку материалов и статей для журнала Лондонского Общества⁴.

7. Направить не позднее 1 октября с.г. выставку «Конституция СССР» и досье к юбилейным докладам.

8. Обеспечить демонстрацию кино-фильм в дни торжеств для членов Общества, а также регулярный показ научных и хроникальных фильм.

9. Подготовить и оформить список гостей на юбилейные торжества в Москве.

10. Подготовить и оформить списки гостей на V театральный фестиваль.

11. Наладить переписку (индивидуальную) между школьниками и студентами.

12. Установить окончательно возможность обмена студентами для изучения страны и языка.

13. Обеспечить высылку необходимых материалов к 1/X с.г. для Конгресса мира и дружбы с СССР⁵.

14. Обслуживание групп и отдельных лиц.

15. Снабжение библиотек обществ и отделений корреспонденцией, периодикой, литературой, нотами, пластинками и т.д.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.356. Л.32.

¹ Этот документ был составлен в июле-августе 1937 в связи с арестом А.Я. Аросева и принятием постановления, посвященного борьбе с «аросевщиной». По всем основным позициям он дублировал план на 1937, принятый в начале года. В настоящей подборке публикуется раздел, посвященный работе в Англии.

² Общество дружбы «Шотландия — СССР» возникло только в 1945.

³ Подобные же попытки предпринимались и в отношении других общественных организаций, с которыми контактировало ВОКС. Далеко не все они увенчались успехом; так, например, не удалась попытка изъятия нежелательной литературы из библиотеки Нью-Йоркского Американорусского института, предпринятая сотрудниками советского полпредства в США в 1938 (ГА РФ. Ф.5283. Оп.14. Д.292. Л.164).

⁴ Посылка в зарубежную прессу статей и материалов стала впоследствии одной из ведущих форм деятельности ВОКС. Правда, здесь не обходилось без злоупотреблений и курьезов. Так, например, 21 декабря 1940 члены комиссии управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), проверившие издательскую и информационную работу ВОКС, А.Петросян и Е.Хорошенко, в частности, отметили, что отдел печати Общества, «посылая ежемесячно сотни статей за границу, никогда не поставил себе целью проследить, как используются эти статьи за границей, сколько

из них попадают на страницы зарубежной прессы, в каком виде, для каких читателей» (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.119). 27 декабря того же года консультант управления пропаганды и агитации писал: «Учета печатаемости рассылаемых статей за границей и контроля за их содержанием в иностранных газетах и журналах ВОКС не проводит. Это равносильно работе без явной перспективы. Такое положение крайне ненормально и политически вредно» (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.130). Согласно устным воспоминаниям Н.М. Козюры (с 1 октября 1940 до начала войны она работала главным редактором отдела печати ВОКС), возможность написания статей для заграницы использовалась сотрудниками Общества как один из способов заработать лишние деньги. Шли иногда и на то, что брали из архива тексты ранее отосланных за границу материалов и вновь использовали их, но для других стран.

⁵ Второй конгресс мира и дружбы с СССР состоялся в марте 1937. Здесь речь, очевидно, идет о Конгрессе друзей СССР, проходившем в ноябре 1937 в Бирмингеме и носившем региональный характер, или же о Шотландском конгрессе мира и дружбы с СССР (Эдинбург, ноябрь 1937).

16

[ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ ВОКС
В.С. КЕМЕНОВА ПО ПОВОДУ ОТКРЫТИЯ В СССР
ОТДЕЛЕНИЯ ПЕН-КЛУБА]¹

19 июня 1942

Секретно
Экз.2 №168/с

Заместителю народного
комиссара иностранных
дел СССР
тов. ВЫШИНСКОМУ²

Начальнику управления агитации
и пропаганды ЦК ВКП(б)

тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.³

В декабре прошлого года в ВОКС обратился Лондонский Пэн-клуб (Международная организация писателей) с предложением открыть отделение Пэн-клуба в СССР. При этом Правление клуба сообщает, что цель Пэн-клуба — объединение писателей-антифашистов, в связи с чем единственной страной, где нет отделения Пэн-клуба, является Германия.

ВОКС запросил устав Пэн-клуба, который в настоящее время получен. Хотя в п.1 устава говорится, что Пэн-клуб не должен «ни в каких обстоятельствах обращаться к политической деятельности», проведенный во время войны XVII-й конгресс, где стояли такие доклады, как «Писатели и пропаганда» и который носил резко антифашистский характер, это опровергает. Поэтому, на

наш взгляд, устав не препятствует вступлению в Пэн-клуб советских писателей.

Ввиду того, что советское отделение Пэн-клуба могло бы оказать влияние на позицию этой сильной международной организации, а также способствовало бы пропаганде произведений советской литературы за рубежом, — ВОКС поддерживает предложение посла СССР в Великобритании т.Майского о создании отделения Пэн-клуба в СССР.

Прошу Ваших указаний.

Председатель Правления ВОКС [подпись] В.С. Кеменов

[От руки помета:] «*В архив.* Организация отделения Пэн-клуба в СССР нецелесообразна, так как существует Иностранная комиссия Союза писателей, на обязанности которой лежит пропаганда советской литературы за рубежом. 24.VII. 42» [Подпись неразборчива].

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.123. Л.3.

¹ На бланке ВОКС.

² *Вышинский А. Я.* (1883-1954), юрист и дипломат. В 1903-1920 меньшевик, член ВКП(б) с 1920. В 1933-1939 — зам., а затем — генеральный прокурор СССР. Активный участник проведения политических процессов 1936-1938. С 1940 — зам. наркома иностранных дел.

³ *Александров Г. Ф.* (1908-1961) — начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в сентябре 1940 — апреле 1941.

17

[ПИСЬМО ЗАВ. АМЕРИКАНСКИМ ОТДЕЛОМ
УПОЛНОМОЧЕННОМУ ВОКС В США]

22 октября 1942

Посольство СССР в США
тов. Базыкину¹
Вашингтон

Уважаемый тов. Базыкин! С последней почтой нами получено несколько изданий АРИ — бюллетень «Russia in War»², и как это ни странно, в далеко не полном виде и буклет «Russia». Это превосходные публикации, производящие прекрасное впечатление. Приятно знать, что работа АРИ дает такие хорошие результаты. Материал в них подобран очень тщательно, они дают полное, всестороннее и, в общем, правильное представление о жизни Советского Союза. Здесь возможны только 2 замечания.

Первое — принципиального порядка. Бюллетень «Russia in War», является источником лишь экономической и географической информации о нашей стране; моменты собственно политические им тщательно обходятся. Даже в сообщениях о самых злободневных экономических и географических проблемах редакция подчеркнуто оперирует лишь статистическим и цифровым материалом. Таковы статьи (№91) «Where is Soviet Industry», «Bread Cards», «Weather on the Soviet Front» и многие другие. Эта позиция диктовалась условиями лета 1941 г., когда общественное мнение страны еще не освободилось от влияния антисоветской пропаганды 1940 г. и когда политически декларативные издания были преждевременными, но для листовок зимы и весны 1942 г. такой тон кажется странным. Самое удивительное, что листки не отражают этой эволюции общественного мнения, — тон их и в июле 41 г., и в мае 42 одинаково статистически-объективный. Нельзя ли в целом ряде случаев, пользуясь «географическими» поводами, говорить более резким языком? Например, можно было говорить не только о суховеях и угольных ресурсах шахтинского бассейна, а о мировом значении битвы за Кубань, о том, что Гитлер рассматривает этот плацдарм как возможную базу для прорыва через Кавказ в Иран и в Индию, что это не проблема экономической жизни Советского Союза, а нечто непосредственно касающееся каждого американца и англичанина. Надо использовать всякое новое название, встречающееся в сводке, всякий экономический декрет Советской власти для значительно более непосредственной агитации политического типа...

Второе замечание — полутехнического свойства. Изданиям АРИ нужен опытный редактор, хорошо знакомый с жизнью советской страны. Его отсутствие сказывается в целом ряде мелочей, описок, оговорок, портящих впечатление от изданий. Вот, примеры: /.../ «В результате особого законодательства царского правительства о немцах Поволжья *прогерманская и революционная деятельность* во время мировой войны приняла такие результаты, что царь издал приказ о массовой ссылке поволжских немцев» (№7). /.../ По первому вопросу ждем Вашего ответа. Может быть, Вам на месте виднее условия, диктующие такую линию. Во всяком случае, напишите, что Вы думаете по этому поводу. Второй вопрос, полагаю, не вызовет никаких принципиальных возражений, здесь просто надо принять меры³.

Уважающая Вас
Зав. Американским отделом ВОКС (Р.Либерзон)⁴.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.14. Д.125. Л.104-104об.
Машинопись. Отпукс.

¹ *Базыкин В.И.* (1908-1965) — в годы войны — уполномоченный ВОКС в США.

² Бюллетень «Russia in War» («Россия в войне») публиковал данные и обзоры — справки об экономике, боевой готовности, развитии культуры в СССР. Выходил с 1941 на 4 страницах тиражом в 3 000 экз. Выпускался Нью-Йоркским АРИ (ГА РФ. Ф.5283. Оп.14. Д.292. Л.164, 165). Американско-русские институты (АРИ) специализировались на распространении информации об СССР в США по вопросам культуры, искусства, науки, экономики, работы различных советских учреждений, а также предоставлении подобных сведений о Соединенных Штатах соответствующим советским организациям. Одним из источников доходов АРИ являлись справки, выдаваемые на коммерческих началах всем интересующимся Советским Союзом.

³ С 1943 бюллетень «Russia in War» перестал выходить в связи с изданием подобных материалов советским посольством в Вашингтоне (ГА РФ. Ф.5283. Оп.14. Д.292. Л.164).

⁴ *Либерзон (Орлова) Р.Д.* (1918-1989). Закончила филологический факультет ИФЛИ. С 1940 работала в ВОКС вначале референтом Англо-американского отдела, затем, в 1941-1947 — его заведующей. Чл. ВКП(б) с 1942. Впоследствии — кандидат филологических наук, в СССР написала 6 книг и более 200 статей. В 1981 лишена советского гражданства во время пребывания с мужем, Л.Копелевым, в ФРГ в гостях у писателя Г.Белля.

18

[АМЕРИКАНЕЦ О «БЮЛЛЕТЕНЕ ВОКС»]

6 мая 1943

Массачусетский Технологический Институт
Кембридж. Массачусетс.

Раисе Д. Либерзон, заведующей
Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей
Американский отдел
Большая Грузинская, 17. Москва, 56, СССР.

Дорогой редактор Либерзон!

Я только что получил Ваше письмо ко мне, помеченное 30 декабря 1942 г. У меня в руках два экземпляра «ВОКС»¹ номера 3-4 и 7-8, полученные в хорошем состоянии. Они меня заинтересовали не только потому, что прибыли из России, но также потому, что они представляют собой ту форму международных культурных отношений, которая, мне кажется, в Ваших руках стала особенно эффективной. Мои немногие замечания, о которых Вы меня просили, мало что прибавят к Вашим достижениям.

Я буду исключительно краток и прям.

1. Уделяйте меньше внимания детальному описанию чинимых немцами разрушений и больше изложению того, как связан разрушенный памятник с американской историей, искусством, литературой и т.д.

Одной фразы достаточно, чтобы убедить нас в том, что нам и без того известно: «Гунны варварски разрушили это здание». Большая часть Ваших усилий должна быть посвящена показу того, что русский очень похож на американца, что он в прошлом реагировал на события так же, как реагировал бы на его месте американец, и — по всей вероятности — будет вести себя так же и в будущем.

Каждый раз, когда для этого представляется случай, проводите в Ваших научных статьях хронологические параллели с соответствующими явлениями современной или прошлой культурной жизни нашей страны. Несмотря на то, что Вы часто это делаете, мне кажется, что количество таких параллелей может быть увеличено. Помещайте больше популярных статей — описаний сельской и производственной жизни, жизни детей, произведений на фольклорные сюжеты, не обязательно связанных с военными усилиями. Это разнообразие создает теплое чувство по отношению к Вам, которого трудно достигнуть с помощью чисто культурных материалов. Американцы, к которым попадают Ваши статьи, знают, что Россия произвела выдающихся людей, но будет хорошо, если они начнут чувствовать, что есть миллионы русских, похожих на миллионы американцев, — люди с заурядным прошлым, которые напряженно работают и получают удовольствие от скромных частных радостей, и постепенно эти американцы начнут чувствовать, что перед ними страна, не так отличающаяся от их собственной /.../. Многие американцы верят в простого человека и гордятся им. Помещайте больше материалов о Толстом и Англии, или о Толстом и Эдиссоне. Страницы 68-85 номера 7-8 теплы и человечны.

2. Избегайте правописания, не встречающегося в американской печати /.../, если Вы пытаетесь установить единство интересов и употребляете американский алфавит, то они должны Вам казаться естественными и возможными.

3. Пользуйтесь переводчиком, который чувствовал бы себя совершенно как дома в народных и идиоматических выражениях и даже в слэнге. Это, если возможно, должен быть человек, проживший в стране много лет. Он может при переводе выкинуть несколько фраз или вставить несколько других, но если ему удаст-

ся достигнуть того, что перевод звучит вполне естественно, читатель будет относиться к материалу с удивительной теплотой.

Пожалуйста, не думайте, что мои замечания внушены желанием раскритиковать вашу работу. Я не взял бы на себя труд писать столь длинное письмо, если бы я не был уверен, что это Ваше издание поистине очень хорошо.

Искренне ваш, Дуглас П.Адамс

ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 92. Л. 19.
Машинопись. Перевод с английского.

¹ Речь идет о «Бюллетене ВОКС», издававшемся по-английски.

19

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ ВОКС

19 августа 1944

С л у ш а л и :

*т.Коваленская*¹. Работа над справочником² разделена между двумя отделами — статьи справочного характера выполняются отделом культуры, статьи с более детальной информацией заказываются редакторами Литагентства авторам по тезисам, составленным референтами отдела культуры. Для специального редактирования материалов будет существовать редколлегия из крупных деятелей советской культуры. В настоящее время референтами территориальных отделов представлены образцы статей из зарубежных справочников. Размер справочника 20 п. листов. Сроки работы — 15.XI — сдача русского текста; 1.XII — сдача справочника в перевод.

т.Примаковский. Зачитывает план раздела по науке.

т.Кондратьева. Зачитывает план раздела о советской культуре.

*т.Кнабэ*³. Давать ли в справочнике оценку того или иного деятеля культуры, того или иного учреждения? Стоит ли включать в справочник вводные статьи. Зарубежный читатель, открыв справочник и увидев статьи, отнесется к справочнику с недоверием. Это сузит круг читателей справочника.

Включать ли в справочник определение понятий, например реализм, генетика и др.

т.Воловикова. Относительно пропагандистского характера материала. Если мы сумеем правильно, хорошо подобрать факты

нашей действительности любой области культуры, они сами настолько будут иметь большое пропагандистское значение, что не нужно будет делать свои, собственные суждения. Нужно так подобрать факты, чтобы они сами за себя говорили⁴.

т. Локишина. Необходимо в справочнике давать материалы разъяснительного характера о нашем театре, кино, здравоохранении, образовании и т.д. Не стоит бояться, что нас будут обвинять в пропаганде. Другие страны, например Англия, этого не боятся. В Англии выпущена серия брошюр, рассказывающих об английском сельском хозяйстве, о спорте и т.д. Эти брошюры распространяются в разных странах, и к ним проявляется большой интерес.

Материалы в справочнике должны даваться по строгой системе.

Включать ли в справочник тех деятелей советской культуры, которые умерли?

т. Кулаковская. Организационный вопрос. Очень трудно будет заказывать авторам статьи по чужим тезисам.

т. Соловьева. При составлении справок нужно придерживаться определенной системы. Справки должны быть короткими и четкими.

т. Конюхова. Есть один спорный вопрос, который необходимо здесь решить: кого включить в персонал?

т. Иноземцев. Об умерших деятелях культуры нужно сказать в вводных статьях. Спорный вопрос о типе справочника.

т. Примаковский. Зачитывает составленную им справку об академике Ферсмани.

т. Либерзон. Необходимо в справках о деятелях культуры указывать социальное происхождение. В американских справочниках, с которыми приходилось работать, обязательно дается социальное происхождение людей, их «просперити»⁴, т.е. показывается, как «чистильщик сапог» становится миллионером. В справках о наших людях необходимо указывать членство в партии, работу в Верховном Совете или в местном совете и т.д.

т. Кеменов. Что выяснилось на совещании? Работа над справочником для наших товарищей является новой. Никому раньше со спецификой этой работы сталкиваться еще не приходилось. Дело же это исключительной важности. Это видно и из разговоров с иностранцами, и из переписки с ними.

Сейчас как можно скорее нужно составить словарь, включив сюда учреждения, организации, персоналии. Такие понятия, как социалистический реализм, необходимо в справочнике давать, объяснить, откуда взялся этот термин, когда впервые Горький его провозгласил.

Вопрос, который вызвал здесь спор, — нужны ли вводные статьи. Такие статьи нужны, но они должны быть короткими, должны носить справочный характер, должны быть насыщены фактами. В справочнике нужно также указать, что современная культура выросла путем развития лучших, дореволюционных традиций. Большое количество деятелей советской культуры перешло живыми из 19-го столетия; как например, Немирович-Данченко, Павлов, Горький и др. В общих статьях нужно дать тех деятелей культуры, которые не будут помещены в персоналиях. Нужно ли включать в справочник умерших деятелей? Нужно. Человек умер, но традиции развиваются.

Сейчас нужно выделить 4-5 бесспорных тем и столько же персоналий, которые при всех случаях войдут в справочник, подготовить материалы, чтобы уже через несколько дней мы имели возможность обсудить их.

Организационный вопрос. По поводу того, что нельзя заказывать статьи по чужим тезисам. Редактор должен найти общий язык с референтом отдела культуры, должен ходить на секции, уточнять тезисы, работать над ними и уже после такой подготовительной работы заказывать статьи авторам.

П о с т а н о в и л и :

Подготовить 3-4 статьи и 3-4 персональных заметки и обсудить их на совещании 25 августа с.г.

Председатель [В.Кеменов]

Верно: подпись [Л.Иванова]

[На документе помета:] Оригинал получил [подпись неразборчива].

4.V-48 г.

ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.398. Л.19-19об.
Машинопись. Копия.

¹ Коваленская Т.М. — заведующая отделом культуры ВОКС.

² Речь идет о справочнике «Советская культура», который готовился силами ВОКС для зарубежного читателя. Замысел не был воплощен в жизнь по ряду причин, в том числе — из-за большого перерасхода отпущенных на него денежных средств. (ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.398. Л.22-24).

³ Кнабе Г.С. — референт, отв. секретарь внутреннего «Бюллетеня ВОКС».

⁴ Это перекликается с указаниями Кеменова на совещании правления ВОКС 27 августа 1943 («О фотоподборках, посылаемых за границу»). (ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.397. Л.28-29).

ИЗ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ ВОКС

2 ноября 1944

Присутствовали: тт. Кеменов, Караганов, Кислова, Гильвег, Либерзон, Коваленская, Косая, Левинсон, Волков, Урнов, Розенцвейг.

С л у ш а л и :

Информацию зав. отделами о плане на 1945 г.

Тов. Кислова. Обсуждая план на 1945 г., английский отдел выдвинул следующие темы: 1) Дальнейшее углубление и развитие «Дружбы народов»¹ с показом отдельных республик, в первую очередь Прибалтики и Украины, в частности показать сохранение национальной культуры, особенностей национального быта и т.д., подчеркнуть полную возможность к дальнейшему их развитию. Может быть, дать добавочную выставку к этой теме «Искусство национальных республик», например, театр, который показать по нескольким республикам.

2-я тема — итоговая выставка «Летопись Красной Армии», где нужно особенно подчеркнуть ее освободительную роль.

3-я тема — «Восстановление» — здесь необходимо показать и разрушения и цену, которую Советский Союз заплатил за победу.

4-я тема — Воспитание советского человека, преимущества советской системы во всех ее проявлениях, в частности — здесь надо осветить вопрос семьи — возвращение инвалидов войны и т.д.

По формам: Следует создать новый журнал типа «Дайджест» — реферативный журнал для заграницы, а также более активно использовать формы кино — создать ВОКСовские кинофильмы.

*Тов. Левинсон*². Тематика в основном должна перейти с этого года. Центральной темой будет «Дружба народов» в самом широком смысле этого слова. Необходимо развернуть специализацию материалов. Для Востока наши выставки необходимо специально редактировать. Желательно было бы готовить специализированные выставки для стран Востока. Необходимо создать серию выставок, фотоподборок о наших восточных республиках, с тем чтобы в целом эти фотоподборки давали картину национального развития этих республик. Необходимо поставить вопрос

об издании бюллетеня ВОКС на французском языке, т.к. в некоторых восточных странах распространять бюллетень на английском языке не только нежелательно, но и вредно.

Тов. Либерзон. Первая тема, которую американский отдел выдвинул на 1945 год, — «Красная Армия» — история войны. На нашем собрании было предложено издать исторический атлас мировой войны по типу американского. Это карта военных действий с подробным рассказом — что, когда и кем здесь совершено. Далее — «Красная Армия — освободительница Европы». Я считаю, что следует дать комплекс на эту тему. Вторая тема — «Дружба народов». В будущем году к этой теме следует дать дополнение в виде альбомов или фотоподборок по республикам. Третья тема — «Советский человек и преимущества советского строя». По этой теме конкретных предложений не было. Сюда надо сделать большую серию буклетов «советские города», которые должны идти в виде дополнения. Далее на нашем совещании говорилось о необходимости направлять в Советском Союзе изучение США. В связи с 20-летием ВОКСа надо будет провести сессию о культурных связях СССР с другими странами под названием «Культурное сплочение демократических стран в период войны для войны с фашизмом».

Следующее предложение, которое было выдвинуто на нашем совещании, — издание учебников для США — один для высшей школы и второй для средней школы. В учебник должны войти элементы истории, географии, государственной структуры СССР. Сейчас нас изучают по белогвардейским книжкам. /.../

Следующий вопрос — о направленности пропаганды. Отдел печати и отдел выставок готовят стандартные материалы для всех стран и не учитывают специфических требований каждой страны, не используют³ тот опыт, который имеется в этом отношении у референтов теротделов. Я считаю, что необходимо оставить стандартными большие формы нашей пропаганды (сборники, книги, выставки, хроники), вполне возможно и абсолютно необходимо дать разные для разных стран статьи и фотоподборки, причем эти жанры должны делаться в теротделах.

Последний вопрос — планы теротделов и функциональных отделов должны различаться по времени.

Тов. Коваленская. /.../ На нашем совещании тов. Сафронов выдвинул тему, связанную с традициями и корнями русской культуры и славянской культуры, которую следовало бы включить в план. Может быть, имеет смысл внести в план несколько тем, которые говорили бы о дружеских отношениях между этими страна-

ми, и тему интереса к СССР во время войны. Необходимо обратить внимание на тему классического наследия. Мы должны использовать юбилейные даты. Я считаю, что т.Мещерина своевременно выдвинула вопрос об издании путеводителя по СССР. Необходимо также увеличить тираж хроник советской культуры и издавать их на русском и французском языках. /.../

Тов. Урнов. Может быть, тему о советском человеке целесообразнее показать в теме о советских городах. Я поддерживаю точку зрения, что Литагентство должно быть самостоятельной организацией, а отдел печати должен быть связан или слит с теротделами. Необходимо подчеркнуть усиление в теротделах исследовательской работы по систематическому изучению пропаганды зарубежных стран. Любая пропагандистская организация в Англии или в Америке имеет самостоятельный исследовательский отдел. Татьяна Михайловна⁴ права, что необходимо усилить исследовательскую работу теротделов. Затем мне кажется необходимым обратить внимание на нашу библиотеку. У нас нет справочной библиотеки. Необходимо ее иметь.

Тов. Караганов⁵. Очевидно, нам придется на 1945 год планировать работу, учитывая послевоенное время. Новым будет: 1) организационно-структурные изменения в самом аппарате ВОКСа. Совершенно ясно, что отдел советской культуры в таком виде, как он существует сейчас, не сможет обеспечить работу. Надо будет более специализировать работников. Может быть, нужно по отдельным отраслям культуры иметь не одного работника, а трех — одного референта, который ведет собственно реферативную работу, другой — редактор, который делает хронику, и третий референт — исполнитель, который выполняет заявки. Надо продумать и ряд других изменений, о которых здесь говорили. Все же мы не сможем выполнить то идеальное требование, которое здесь высказали, — специализировать все материалы на все страны. Очевидно, нам следует провести специализацию материалов на группы стран: первая группа — страны-победительницы, вторая — страны освобожденные и третья группа — страны побежденные. Специализация может проводиться путем дозировки на ту или иную тему.

По формам и методам. Помимо печатных и наглядно-фотографических материалов мы получим возможность посылать макеты и выставки широкого плана. Необходимо иметь в виду пропаганду путем посылки людей — делегаций, ансамблей и т.д. Это самый действенный метод пропаганды.

Последний вопрос: как делать план? Мне кажется, что главную роль в составлении плана должна сыграть не какая-то осо-

бая коллегия, а та редколлегия, которая здесь сидит, и зав. отделами.

Тов. Кеменов. Первое совещание затронуло ряд очень существенных вопросов и показало, что надо было собрать производственное совещание по этим вопросам, по вопросам текущей работы. Я боюсь, что это совещание для плана на будущий год даст нам очень мало, исключая последнего⁶ выступления Александра Васильевича⁷. Было высказано много правильных предложений текущего характера, но это не есть линия работы на 1945 г. о подготовке наших мероприятий для заграницы. Предвидения здесь нет, нет фантазии, пропагандистских находок. Сказанное Вами — правильно и очень пригодится, но сейчас перед нами стоит самая серьезная задача: КАК БУДЕМ СТРОИТЬ РАБОТУ В 1945 ГОДУ? Разбивка по группам стран, которую предложил Александр Васильевич, должна натолкнуть вас на какие-то мысли.

План работы внутри СССР — очень важный участок работы. Почему нам в этом отношении не опередить англичан или американцев и самим не предложить им сделать у нас выставки, которые НАМ будут полезны? Недавно мы запросили выставку «Методы скоростного строительства». Это даст нашим инженерам большую пользу⁸. Но повторяю, мы должны перейти к наступательной тактике и сами должны запрашивать то, что нам нужно, а не ждать, пока они навяжут нам свои пропагандистские темы. Можно запросить, например, выставку «Англия в эпоху Шекспира». Такая выставка будет очень полезна нам и повысит авторитет Лондонского общества культурного сближения. Тоже и в отношении приезда к нам иностранцев. Мы должны здесь также перейти в наступление, приглашать сами и приглашать тех деятелей, которые нам нужны, а не ждать, пока [их] Министерство информации пошлет своих официозных чиновников.

Темы сегодня не были обсуждены, потому что, очевидно, никто над этим всерьез не думал.

Может быть, стоит подумать над тем, чтобы ту конференцию, которую мы намечаем, связать с 20-летием ВОКС и провести научную сессию «Культура демократических стран в борьбе против гитлеризма». Доклады по всем разделам сделать нашим работникам. Здесь нам нечего бояться. Такая конференция была бы хорошим подведением итогов того, что дала советская культура в борьбе против гитлеризма, а попутно и подведением итогов двадцатилетней работы ВОКСа.

Необходимо думать над совершенно новыми темами и новыми комплексами.

Ликвидация отдела печати, по-моему, совершенно неправильна. У нас идет очень много материалов, общих для всех стран. Другое дело, что общие темы должны приближаться к странам. Можно специализировать редакторов.

Председатель правления
ВОКС (подпись)

[В.Кеменов]

ГА РФ. Ф.5283. Оп.1. Д.398. Л.37-39.
Машинопись. Подлинник.

¹ Так в документе.

² Левинсон Ю. — заведующий Восточным отделом ВОКС.

³ Так в тексте.

⁴ Коваленская.

⁵ Караганов А.В. (р.1915). В 1939 окончил ИФЛИ. В 1944-1947 — зам. председателя правления ВОКС. Впоследствии возглавлял издательство «Искусство», Союз кинематографистов СССР. Доктор искусствоведения (1969), автор ряда книг и статей по вопросам киноискусства, театра и литературы.

⁶ Так в тексте.

⁷ Караганова.

⁸ Аналогичным образом руководство ВОКС стремилось использовать советско-германские культурные связи в период пакта Риббентропа — Молотова. В июле 1940 комиссия НКВД, в частности, отмечала: «Общие условия работы (ВОКС. — Публ.) в Германии диктуют сейчас исключительно обмен научными и культурными материалами специального характера... Центр тяжести во взаимоотношениях с Германией в том, чтобы взять как можно больше полезных для нас сведений из германской науки. Взять у них больше, чем дать им, и уметь взять именно то, что нужно нашему хозяйству». ВОКС планировал ряд совещаний с представителями советских НИИ, чтобы определить их запросы в Третьем рейхе (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.16.)

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.И. ПЕТРОВСКОЙ

Публикация Р.Л. Щербакова и Е.А. Муравьевой

Нина Ивановна Петровская (1884-1928) — писательница и литературный критик. Была замужем за Сергеем Алексеевичем Соколовым (псевд. — Сергей Кречетов, 1878-1936), адвокатом, поэтом, владельцем издательства «Гриф». Перу Соколова принадлежат сборники: «Алая книга» (М., «Гриф», 1907), «Летучий голландец» (М., «Гриф», 1910), «Железный перстень» (Берлин, «Медный всадник», 1924). Петровская была менее плодовита. Отдельным изданием вышел лишь небольшой сборник ее рассказов. В снисходительной рецензии на него А.Белый отметил: «Из Нины Петровской могло бы выработаться действительное дарование, если бы она не относилась так пассивно к собственным своим художественным переживаниям»¹.

В юбилейном альманахе «Гриф» (М., 1914) анонсировалась вторая книга Петровской — «Разбитое зеркало», но она так и не появилась. Разразилась Мировая война, потом революция. Медленно, словно в театре, опустился «железный занавес», разделив оставшихся «здесь» читателей и оказавшихся «там» писателей. На многие десятилетия были вычеркнуты из официальной культуры, а затем и из людской памяти гораздо более крупные литературные таланты. Имя второстепенной символистки и ее не очень самостоятельные творения, появившиеся на страницах газет, журналов и альманахов модернистского направления, выражаясь словами самой Петровской, «канули в бумажную пучину». Казалось, уже навсегда. Однако в последние годы они начинают выплывать из небытия. Сначала имя Петровской замелькало в набранных петитом примечаниях литературоведов, занимавшихся «серебряным веком», затем в текстах переиздающихся книг крупнейших представителей русского декаданса. Появился полный текст ее «Воспоминаний» и письма Петровской к О.И. Ресневич-Синьорелли и Ю.И. Айхенвальду². А недавно был даже выпущен московской киностудией небольшой фильм, посвященный Нине Ивановне. Этот интерес вполне закономерен. Здесь мы не будем подробно

¹ Вesy. 1908. №3. С.92.

² Жизнь и смерть Нины Петровской. Публикация Э.Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Т.8. Париж, 1989. С.7-138.

останавливаться на личности и судьбе Петровской, отослав читателя к уже упомянутым публикациям, к книге А.Белого «Начало века», к мемуарному очерку В.Ходасевича «Конец Ренаты» и другим работам. Сделаем лишь несколько конкретных замечаний по существу предлагаемой публикации.

На первый взгляд, письма Петровской могут показаться не очень интересными. Она не рассчитывала на посмертную литературную славу и вряд ли предполагала, что ее письма когда-нибудь появятся в печати. Поэтому в них нет ничего, рассчитанного на публику, они предельно заземлены и заполнены, как правило, сиюминутными делами и переживаниями. Однако внимательный читатель увидит за малозначительными подробностями картину давно отшумевшей жизни быстро отцветшего отечественного декаданса. Лексика, стиль взаимоотношений, психология его представителей достаточно выпукло обрисовываются в этих письмах. Специалисту они помогут в какой-то степени уточнить некоторые датировки, понять мотивы написания ряда произведений, разобраться в хитросплетениях тогдашних литературных схваток. Письма Петровской образуют своеобразную рамку, обозначающую начало и конец ее трагедии. Первые семь относятся к периоду, когда она была еще женой процветающего адвоката и известного издателя, хозяйкой маленького символистского салона, но уже не хотела оставаться в этой роли и желала сделать из своей жизни, как писал Брюсов, «трепет без конца». А последнее рисует то ужасное состояние человеческой души, когда нормальная жизнь становится абсолютно невозможна, а гибель — неотвратима. Адресат последнего предсмертного письма — писательница и переводчица Екатерина Владимировна Выставкина-Галлоп (1877-1957) — также из числа тех, кто безуспешно пытался спасти Нину Ивановну (как и Ходасевич, и Ю.И. Айхенвальд, и многие другие). В предисловии к «Воспоминаниям», написанным Петровской по просьбе Галлоп, последняя сообщает: «В 1924 году я встретила ее в Берлине. В опустившейся, старой, больной, нищей женщине трудно было узнать сразу блестящую хозяйку модного литературного салона. Но через несколько минут я уже узнала ее. Она не представляется мне ни бедной, ни нищей, ни истрепанной голодом и наркотиками. Больше того /.../ она остается в памяти сильной духом, вполне сохранившей внутреннее достоинство»³.

Письма Петровской к В.Ф. Ходасевичу находятся в РГАЛИ (Ф.537. Оп.1. Ед.хр.77), письмо к Е.В. Галлоп и письмо Ходасевича к Петровской — в собрании Р.Л. Щербакова. Последний документ можно назвать письмом весьма условно. Возможно, это лишь черновик, не исключено, что письмо так и не было отправлено, так как автограф случайно был обнаружен в старой книге, приобретенной в букинистическом магазине...

³ Рукопись тома «Русские символисты», подготовленного Н.С. Ашукиным для издания Литературным музеем. С.218-219. — Собрание Р.Л. Щербакова. Далее: Русские символисты.

24 августа [1906]¹

Дорогой Владислав Фелицианович, поручение Ваше исполнено. В[алерий] Я[ковлевич] сказал, что ехать нужно именно так и туда, как Вы пишете. Относительно же того, пускают или нет, — он наверно не знает. Прежде пускали без труда. Но, прибавил при этом, что делать там нечего и что сейчас там нет почти ничего интересного. Вот и все. Итак, в начале сентября в Москву? Вероятно, попадете к самой организации журнала². По крайней мере похоже, что он будет. А каков Ваш Антик!³ Кто же был прав? Я никогда не ошибаюсь. Подхожу к человеку всегда с мыслью: «Ты, мой милый, наверно, тоже негодяй»... и, если оказывается обратное (в одном случае из 100), пожимаю плечами и все же долго к нему и подозрительно присматриваюсь. Нахожу такой метод самым верным.

Итак возникает журнал: «Рэдакция», сотрудники, приемные дни, литературные дразги и все честь честью. Сереженька увязнет в литературных подлостях опять по самые ушки. Дай ему Бог! Он, действительно, очень хороший, этот самый Гриф⁴, и за это ему со всех сторон подкладывают свиней⁵. Подлее, гнуснее поведения Курсинского «из бездны» и представить себе ничего нельзя. А Вы еще книгу его вздумали издавать⁶, и Грифчик и Вы за него горой стояли. Эх, черти лиловые! Когда же Вы снимете с хвостов розовые очки?

Тароватый — мерз[ав]ец осторожный, ругает и клеветает за углами, когда уверен, что ему не прищелят длинного носа⁷. А уж что только говорят про нас! Про меня, про Марину⁸, Грифа, Вас!.. Даже и повторять не хорошо. А знаменитый «рябчик»! Ну и хам же и лгун⁹. Одним словом, все это вы уже, наверно, знаете, довольно об этих с[укины]х котях! Еще новостей во внешнем, кажется, нет. Приехал Бачинский Ал[ексей] Осип[ович]¹⁰. Прекрасное и благородное существо. На днях вернется Б. Попов¹¹. Л[идия] Д[митриевна] наняла кв[артир]у в доме Курносовых¹², а прекрасная чета выехала оттуда¹³. Вальдор¹⁴, вернувшись с дачи, ежедневно заседает в З[олотом] Р[уне]. Вероятно скоро «Сам»¹⁵ употребит его для целей полезных. Ну, напри[мер], заставит калоши подавать или что-нибудь в этом роде. Ах, милые, милые литераторы!

А еще могу Вам сообщить, что дом Голицына¹⁶ полон черных и рыжих тараканов. Они неистребимы и ходят по полу у Вас и

у нас пешком. Без страха. Это гнусно. Я содрогаюсь от отвращения. Как Вы к ним относитесь?

Я живу ничего. Очень, очень хотелось бы уехать в сентябре на месяц, но не знаю осуществлю ли это намерение¹⁷.

Затем прощайте. Жму руку и проч[ее].

Ваша Н.Соколова.

Милая Мариночка,
приезжайте. Я от Вас отвыкла, но надеюсь вновь вернуться к тем дням, когда мы забывали, кто у кого в гостях и дошло до вывода, что здороваться — лишнее. Москва еще все на летнем положении. Но, кажется, скоро войдет в свою застарелую колею. Нам положительно нужно придумать новых людей, а то ведь и из застарелой компании придется кое-кого вычеркнуть и подвергнуть остракизму. «Дриадные фокусы» привезите в Москву — это будет забавно и здесь¹⁸.

Целую за ушком.

Ваш Нин.

¹ Год определен по содержанию.

² 15 июля 1906 С.Соколов-Кречетов сообщил И.А. Новикову: «Осенью намерен организовать журнал, где наряду с чистым искусством будет принесен и политический элемент (не злободневный, не крикливый)». (Русские символисты. С.1026). Первый номер «журнала свободной мысли» «Перевал», издаваемого В.Линденбаумом и редактируемого С.Соколовым, вышел в ноябре 1906. Меткую характеристику новому изданию дал критик Анатолий Бурнакин: «"Физиономия" этого журнала в том, что у него нет никакой физиономии. Идеи мешанина по рецепту: "кто во что горазд". Метафизическое кадетство, позитивное мещанство, салонный анархизм, индивидуализм, соборность, неприемлющие, отрешенные, преобразенцы, мистики. Словом, безликость философская и социальная, но по-своему интересная. Характерная для наших дней, когда так много "направлений" и — ни одного пути. /.../ Как журнал искусства "Перевал" определеннее. Доминирует "новое искусство". Но оно теперь разбилось на враждующие кружки, и "Перевал" и здесь вот-вот утерет облик» (Альманах «Белый камень». Т.1. М., 1907. С.120).

³ Вольдемар Морицович *Антик* — владелец издательства «Польза», для которого немало потрудился Ходасевич. В частности, им был осуществлен перевод с польского драмы «Иридиона» С.Красинского (1910) и романа С.Пшибышевского «Адам Джазга» (1916), а также подготовлены сборники «Русская лирика. Избранные произведения русской поэзии от Ломоносова до наших дней» (1914) и «Драматические сцены» А.С. Пушкина (1918).

⁴ *Гриф* — дружеское прозвище С.Соколова-Кречетова.

⁵ Характеризуя литературное окружение С.Соколова в издательстве «Гриф», Н.Петровская писала из Неаполя Е.Л. Янтареву 13/26 апреля 1908: «Жалею еще Сережу, он добрый, исключительно благородный и цельный человек и принужден сидеть в этой грязи» (Русские символисты. С.1097).

⁶ Александр Антонович *Курсинский* (1873-1919?) — поэт, переводчик, журналист. Его третий сборник «Сквозь призму души» был выпущен в 1906 издательством «Гриф». После ухода С.Соколова из «Золотого Руна» Курсинский согласился заменить его в качестве заведующего литературным отделом журнала, но проработал там только 8 месяцев, до марта 1907. Подробнее о Курсинском и конфликте в «Золотом Руно» см.: Литературное наследство. М., 1991. Т.98. С.273.

⁷ Николай Яковлевич *Тароватый* (1876-1906) — редактор-издатель художественно-критического журнала «Искусство», который он выпускал в 1905 вместе с Соколовым, в последний год жизни возглавлял художественный отдел «Золотого Руна» (см. некролог: Золотое руно. 1906. №10). В своих воспоминаниях Б.Садовской пишет, как Тароватый сказал Ходасевичу: «Мне кажется, вы умрете от менингита. Знаете, какая это болезнь? У человека заживо гниет мозг: он пригибает от боли затылок к пяткам и воет собакой» (Записки. РГБ. Ф.669. 1. 9. Л.16). Через несколько дней, 6 октября 1906, Тароватый скончался от менингита в сильных мучениях.

⁸ *Марина* Эрастовна Ходасевич (урожд. Рындина, 1887-1973) — первая жена поэта. Венчание состоялось 24 апреля 1905 в Николаевской церкви при Румянцевском музее. Посаженым отцом был В.Брюсов, шафером — С.Соколов. М.Шагинян в своих воспоминаниях «Человек и время» приводит эпиграмму Ходасевича «Венчал Валерий Владислава», написанную по этому поводу (см.: Новый мир. 1973. №5).

⁹ *Рябчик* — Николай Павлович Рябушинский (1876-1951) — крупный фабрикант, представитель одной из богатейших купеческих семей, увлекался «новым искусством». А.Н. Бенуа дает ему такую характеристику: «Николай Павлович что-то по секрету пописывал и производил весьма малоталантливые картины в символическом или, как тогда говорили, "декадентском" роде» (Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Кн.V. М., 1980. С.439). Создавая в 1906 «Золотое руно», он сам стал его редактором-издателем, а на должность секретаря пригласил С.Соколова. Однако тот вскоре вынужден был уйти из журнала. 4 июля 1906, покидая «Золотое руно», Соколов писал Рябушинскому: «Вы жаждали власти и авторитета во что бы то ни стало. Но завоевать себе истинную авторитетность путем упорной работы над саморазвитием и самосовершенствованием Вам, вероятно, казалось и слишком долгим, и слишком трудным. И авторитет знания, опыта и утонченного вкуса Вы подменили грубым авторитетом денежной силы, которой подчинить Вы считали возможным все.

”Журнал — мой“, ”Дело ведется на мои деньги“, ”Я здесь хозяин и не допущу противоречий“, ”Что хочу, то и делаю“ — все эти выраже-

ния приобрели в Ваших устах право постоянного гражданства и стали Вашими обычными аргументами» (РГАЛИ. Ф.343. 2. 77а).

¹⁰ *Алексей Иосифович Бачинский* (1879-1944) — физик, с 1918 профессор МГУ. В первом номере «Передела» поместил резкую рецензию на книгу Рябушинского «Исповедь» (М., 1906).

¹¹ *Борис Михайлович Попов* — музыкальный критик, писавший под псевдонимами «Мизгирь» и «Группильон» в журналах «Золотое руно», «Передел» и киевском журнале «В мире искусств».

¹² *Лидия Дмитриевна Рындина* (наст. фамилия Брылкина, 1883-1964) — актриса, вторая жена С.Соколова (с ноября 1907). 27 августа 1906 она записала в дневнике: «Уже в своей квартире, еще не вполне устроенной. Сережа основывает журнал — издатель Линденбаум» (РГАЛИ. Ф.2074. 1. 1. Л.140об.). Дом П.И. Курносовой находился в Офицерском переулке, недалеко от Даниловской площади.

¹³ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁴ *Эсмер-Вальдор* — псевдоним французского поэта, члена объединения «Аббатство» Александра Мерсеро (1884-1982), приглашенного в Москву Рябушинским. 28 марта 1906 Л.Рындина записала в дневнике: «Приехал сюда француз из Парижа для сотрудничества в "Руне", благодаря ему и мне оказалась работа. /.../ Я перевожу дословно с русского стихи, а Вальдор их уже рифмует» (РГАЛИ. Ф.2074. 1. 1. Л.135). На двух языках были выпущены только первые шесть номеров журнала, и Вальдор оказался без работы, хотя контракт с ним был подписан на два года.

¹⁵ Имеется в виду Н.П. Рябушинский.

¹⁶ С.Соколов и Н.Петровская жили близ Арбата в Большом Николо-Песковском переулке, в доме князя Н.Э. Голицына. Там же снял квартиру Ходасевич.

¹⁷ 27 января 1906 Л.Рындина записала в дневнике: «Нина Ивановна предполагает ехать летом с Валерием Брюсовым в Норвегию и говорит: "Поезжайте вы куда-нибудь с Сережей"» (РГАЛИ. Ф.2074. 1. 1. Л.131). Эта поездка не состоялась, Брюсов уехал летом в Швейцарию вместе с женой, а Петровская гостила в деревне у Ходасевичей. В октябре 1906 Брюсов и Петровская вместе ездили в Петербург.

¹⁸ О «дриадных фокусах» Марины Ходасевич см. письмо 3, приписку к «Чижикю».

2

29 апреля 1907 г.

Мой дорогой зеленый друг!

За скорое письмо благодарю, но все же оно мне не заменило Вас. Стало пусто, чего-то не хватает. Должно быть, наших бесед и обстановки «сумасшедшего дома», которую мы создавали вза-

имной наличностью¹. Все «нормальные» нам с Вами, уж поверьте... Живу я плохо. Ох, как плохо! Мое стремление к бесконечности лишено всякой твердой почвы. «Прохожих» больше не принимаю². Об одном из них, впрочем, могла бы рассказать прелюбопытную вещь, но это будет сейчас не хорошо, не корректно, так сказать. Может быть, увидимся на свете, и время пройдет, тогда расскажу³. Мальчики наши⁴ рассеялись, как дым. Кое-как можно еще фиксировать одного Сашу⁵. Он переводит, сидит дома, ведет жизнь тихую, но, должно быть, лишенную тайны. Приходит лето. Нагло смотрит в окна круглое солнце, наглы шарманки по весне. И все мне представляется какой-то вечер (ненаписанный рассказ). Закат, пыльные стекла, лают собаки, дети визжат звонко. «Пронзительный хохот пролетки»⁶, а где-то на четвертом этаже ходит, ходит человек, и, как у Дымова⁷, (!!) язвительно улыбається своей разбитой жизни. Только ли улыбається?.. Не знаю, рассказ не написан. Думаю о своей книге⁸. Как Вы посоветуете, — ведь книга исключительно будет посвящена любви, — я написала три «песни любви» и их хочу в первую голову? Не бойтесь, не стихами, этого не могу. Приличной прозой, культурной прозой по форме вроде «Песен Билитис»⁹. И лучше Галунова¹⁰, клянусь! Очень любовно. Если захотите, перепишу той правой рукой, в которой не двигается один очень нужный сустав, и пришло.

Вашу «Элегию»¹¹ — отвергаю. Холодно, пахнет Пушкиным, — *это не Ваше*. Не забирайтесь на чужие вышки.ломайте душу всю до конца и обломки бросайте в строфы, таков Ваш путь или *никакой*. Как же Вы живете? Как поживает Чижик?¹² Он ничего не написал. Бегаёт по аллеям, за ней 6 собак; пар из ушей, юбки на голову, щеки — как самый свежий огурчик. «Ты все пылишь!» — «Не пыли!» «Вымой за ушами». «Так. Неизменно все, как было. Я в старом ласковом бреду...»¹³

А на вечеру я не читала! Меня просили, как тенора, как балерину. Увлекли в день вечера на репетицию; *я согласилась*. «Она» плакала, ей Богу. Вечером я оделась, и пришел Валерий. Мне звонили по телефону, и я, отказавшись, опять согласилась. А когда позвонили еще, Валерий взял трубку и по моей просьбе отказался. Она нас обругала в телефон. Тем и кончилось¹⁴. Говорят, вечер был позорно плох¹⁵. Благодарю моего Создателя. Какой Вы умный, что тоже не советовали!

Расскажите о «жизни». Мне о себе нечего. В апреле и мае я почему-то всегда страдаю. Весна меня не приемлет, а я ее. Может быть, приеду как-нибудь к Вам. Но когда — не знаю, не знаю. Вообще о моем лете пока неизвестно. Оно будет или прекрасно

или ужасно¹⁶. Я человек крайностей. Да будет так! Пишите мне длинные письма. Я что-то поверила в дружбу¹⁷. В нашу, конечно. А и скучно, должно быть в Лидине¹⁸. Не скрывайте, расскажите о скуке, о длинных зеленых днях зеленого друга.

Целую Вас и Чижика. Пусть он напишет. Приезжал камерюнкер?¹⁹ Пусть расскажет. Фелицианам²⁰ нежнейший привет. Не угнетайте их. Не повторяйте истории «черных и белых».

Ваш Нин.

P.S. «Новь» уже больше недели как прекратилась навсегда²¹. А про рецензию говорила²². Присылайте, она за Вами.

Гриф целует Вас и Мариночку.

¹ Ходасевич, как сообщает Ю.Колкер, «в апреле 1907 г., задолжав 28 рублей за квартиру, /.../ оставляет дом Голицына в Б.Никола-Песковском переулке и уезжает — в Рязань, если верить данным паспортного стола. Это было форменное бегство. Розыск недоимщика, предпринятый приставом 2-го участка Пречистенской части Москвы, длился до сентября и не дал результатов, показав лишь, что в Рязани Ходасевич не был» (Ходасевич В. Собрание стихов / Сост. Ю.Колкер. Париж, 1982. Т.2. С.286-287). В.О. Нилендер, поэт, участник «Золотого руна», 2 марта 1907 пишет Б.Садовскому, что с ним живет «гениальный Владислав», а из Рославля 22 августа 1907 сообщает, что его отец «предложил Владиславу место учителя русского языка и истории в гимназии» (РГАЛИ. Ф.464. 2. 148. Л.22 и 28). По всей видимости, Ходасевич крупно проигрался в карты.

² В очерке «Конец Ренаты» Ходасевич пишет, что Петровская «пробовала удержать Брюсова, возбуждая его ревность. В ней самой эти мимолетные романы (с "прохожими", как она выражалась) вызывали отращение и отчаяние. "Прохожих" она презирала и оскорбляла» (Некрополь. М., 1991. С.16).

³ См. письмо 3.

⁴ Имеется в виду круг молодых литераторов, близких к издательству «Гриф». В него входили В.Линденбаум, Б.Зайцев, А.Койранский, А.Тиняков, А.Брюсов, С.Киссин.

⁵ По всей видимости, поэт, публицист и художник Александр Арнольдович Койранский (1881-1968?).

⁶ Цитируется первая строка стихотворения К.Бальмонта «На улице», опубликованного в третьем альманахе изд-ва «Гриф» (М., 1905).

⁷ Осип *Дымов* (наст. имя Осип Исидорович Перельман, 1878-1959) — писатель и журналист. Героиня его новеллы «Осень» из сборника «Солнцеворот» (М., «Гриф», 1905), продавщица цветов в ресторане, все «ходит, ходит», но на нее никто не обращает внимания. Ходасевич опубликовал рецензию на этот сборник (Искусство. 1905. №5-7). Критикой отмечалась схожесть литературного почерка Н.Петровской и О.Дымова.

Так, П.Костаньян писал о ее рассказах: «Читателю не трудно узнать давно знакомый ему стиль Кнута Гамсуна, Петра Альтенберга и Осипа Дымова...» (Руль. 1908. 27 февраля).

⁸ См. прим.6 к письму 6.

⁹ *Песни Билитис* — сборник стихов Пьера Луиса, вышедший в переводе А.Кондратьева (СПб., 1907). Рецензируя его, Ник. Поярков писал: «Эта книга радость для тех, кого коснулось веянье темного Эроса, как тростинку пригибающего порой человека к земле, то ведущего его скорбным путем Голгофы, то осыпающего золотистым сияньем счастья» (Перевал. 1907. №7). Любовь в различных ее проявлениях воспевается устами прекрасной Билитис, поэтессы VI в. до Р.Х. Стилизация Пьера Луиса под античность вызвала в свое время заметный интерес.

¹⁰ Александр *Галунов* — автор двух книг, «Ad lucem» (М., 1904) и «Вереница этюдов» (М., 1907), выбрал тот же жанр, что и Нина Петровская, — коротких лирических зарисовок. Разбирая его произведения, Ор (наст. имя Ник. Ник. Киселев) писал: «Первая книга — это был маленький сборник стихотворений в прозе — попытка овладеть самой трудноудающейся и неблагодарной литературной формой. /.../ Овладеть этой формой Галунову не удалось. /.../ "Вереница этюдов" — книга лирическая и, отдавая ее страницам всю искренность и трепет душевных переживаний, нужно особенно бояться дисгармонии между внутренним и внешним, между формой и музыкальным мотивом, и форма полустихотворения в прозе, полуетюда, претенциозная и труднодостигаемая, должна быть отброшена, как ненужный и тормозящий балласт» (Перевал. 1907. №5). Отрицательную оценку дал также Н.Русов: «"Вереница этюдов" /.../ неприятна своим утомляющим однообразием» (Альманах «Белый камень». Т.1. М., 1907. С.124), а А.Белый вообще посоветовал Галунову «не писать больше "Вереницы этюдов"» (Весы. 1907. №3. С.83).

¹¹ Имеется в виду элегия «Поэт», написанная 22 апреля 1907. В ней цитируются две строки из пушкинского стихотворения «Певец» («Встречали ль вы в пустынной тьме лесной / Певца любви, певца своей печали») и развивается та же тема.

¹² Речь идет о Марине Ходасевич. Вторая жена поэта, Анна Ивановна Ходасевич пишет: «Марина была блондинка, высокого роста, красивая и большая причудница... Она обожала животных и была хорошей наездницей. Владислав Фелицианович рассказывал, что однажды, когда они ехали на рождественские каникулы в имение Марины, расположенное близ станции "Бологое", она взяла с собой в купе следующих животных: собаку, кошку, обезьяну, ужа и попугая» (РГБ. Ф.697. 4. 17. Л.5). В июне 1906 Н.Петровская гостила в деревне у Ходасевичей, и ей хорошо был знаком стиль тамошней жизни.

¹³ Цитируется начало стихотворения А.Блока без заглавия, опубликованного в «Весах» (1906. №5). Эту же цитату Ходасевич включил в послание «К портрету в черной раме», написанное 11 мая 1907 и адресованное Петровской.

¹⁴ Имеется в виду вечер «Нового искусства», который устраивался с благотворительной целью в Литературно-художественном кружке 24 апреля 1907. Было объявлено, что вечер будет состоять из трех отделений. В первом, литературном, должны были выступить Ю.Балтрушайтис, А.Брюсов, В.Брюсов, А.Белый, Вл.Высоцкий, П.Иванов, С.Кречетов, Н.Петровская. Во втором, музыкально-декламационном отделении, анонсировались Гвоздикив, А.Гольденвейзер, Игумнов, фон-Риген, Сибор и другие. Третье отделение отводилось мелопластике, представленной «госпожой Коровин» (см.: Русские ведомости. 1907. 19 и 21 апреля).

В письме к отцу, лечившемуся во Франции, В.Брюсов сообщал в конце апреля: «Я /.../ в этом вечере не участвовал, ибо меня рассердило рекламное объявление. Приглашали меня читать просто в благотворительном концерте, а вдруг объявляют о "вечере нового искусства". Вместе со мной отказались еще Игумнов, Балтрушайтис и Н.Петровская. Отказался было и Андрей Белый, но устроительница приехала к нему, рыдала, умоляла и он уступил. Ко мне она тоже приезжала и передо мной тоже рыдала, но я остался тверд» (РГБ. Ф.386. 142. 9. Л.5. Переписку между Брюсовым и А.Белым по этому поводу см.: Литературное наследство. Т.85. С.408).

¹⁵ В статье «Вечер нового искусства», подписанной буквой «Я» (псевд. Е.Л. Янтарева), утверждалось: «Три главных "бога", Брюсов, Балтрушайтис и Н.Петровская — отсутствовали. Первым зазвучал скучный речитатив Андрея Белого. /.../ Звучно продекламировал два стихотворения г.Соколов-Кречетов и еще несколько "избранных". Второе отделение заполнили гг. Сибор (скрипка) и Гвоздикив (рояль). Играли долго, скучно... В конце что-то протанцевала а la Дункан г-жа Коровин, и занавес задвинулся. Публика вздохнула облегченно и поспешила разойтись по домам» (Голос Москвы. 1907. 26 апреля). На следующий день в той же газете анонимный рецензент высказался еще более резко: «Хаотический беспорядок вечера явно показал, что "новое искусство" в данном случае было только рекламою. Реклама свое дело сделала, но устроители вечера оказали новому искусству поистине медвежью услугу... Ведь для всякого искусства опаснее всего скука, а именно она и царил в этот вечер, она создала ту смешливую атмосферу, которая мешала смотреть и слушать».

¹⁶ Предчувствие Петровской оправдалось. 22 февраля 1911, вспоминая 1907 год, она писала Брюсову: «Пришло лето... Я помню, как собирала я вещи, расставаясь с Сережей... Страшно вспомнить то лето... Какое горе, отчаяние, какой внутренний ужас может пережить человек! Бросить меня в таком состоянии ты мог только не любя, вовсе не любя, желая моей смерти или какою бы то ни было избавления от меня» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95).

¹⁷ Отношение Ходасевича к Петровской было неизменно дружеским; что же касается последней, то она порой оправдывала упрек А.Белого в том, что «ей верить нельзя» (Начало века. М., 1933. С.278). Так, в письме Е.Л. Янтареву от 13/26 апреля 1908 из Италии она утверждала: «Муни, Владька, Койранский, А.Брюсов — всем им одна цена — грош. Это от-

вратительная накипь литературы и жизни, о которой стыдно будет вспоминать» (Русские символисты. С.1097).

¹⁸ *Лидино* — имение близ Бологого, принадлежавшее дяде М.Ходасевич — Ивану Александровичу Терлецкому. Ходасевич описывает Лидино в статье «Обывательский Пушкин» (Возрождение. Париж. 1927. 6 июля).

¹⁹ Скорее всего, имеется в виду С.К. Маковский. 17 июля 1907 Ходасевич сообщал своему гимназическому другу Г.Л. Малицкому: «У нас все лето масса народу. Только послушай. На Пасхе был мой брат (Константин) и Сергей Маковский, затем от 19 мая до 20 июня — Борис Койранский. За это время у нас перебивали: одна Маринина знакомая, почти месяц, 2-ой раз Маковский, дней 5, Нина Ивановна, дней 5, и "Гриф", 2 дня...» (РГБ. Ф.697. 4. 28. Л.8).

²⁰ Так называли по-домашнему родителей В.Ф. Ходасевича (см. письмо 8). Поэт при крещении 28 мая 1886 получил двойное имя: Владислав-Фелициан, что засвидетельствовано в метрической книге московской римско-католической церкви Петра и Павла.

²¹ *Новь* — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, редактируемая Л.М. Родионовым. Выходила в Москве в 1906-1907. Это кадетское издание закрылось из-за финансовых неурядиц (см.: Столичное утро. 1907. 31 мая), последний 93-й номер вышел 21 апреля. В газете печатались В.Ходасевич, А.Койранский, С.Кречетов. 2 марта 1907 в ней было помещено стихотворение Муни «Владиславу Ходасевичу» и в том же номере опубликован рассказ Н.Петровской «Весной», а в «Прибавлении» к №70 от 21 марта ее же рецензия на сборник А.Блока «Нечаянная радость».

²² По всей вероятности, речь идет о рецензии Ходасевича на книгу Вацлава Берента «Гнилушки» (М., 1907), вышедшую в переводе В.Высоцкого. Рецензия опубликована в «Перевале» (1907. №8-9) за подписью «Сигурд» (псевдоним заимствован из драмы С.Красинского «Иридиона»).

11 мая 1907 г.

Дорогой и зеленый друг,
все более и более чувствую Ваше отсутствие. С 3-го мая — совсем одна. Сережа в Малаховке¹. Целые дни дичаю и молчу. «По вечерам, по вечерам» приходят иногда люди, но я радуюсь только *Одному*². У меня душа трижды верная. С теми, другими, придется говорить на каком-то иностранном языке. Трудно, утомительно и скучно. Мне все попадают не те души, каких я жду. Есть *весенние*, я их нюхаю, как те цветочки на тоненьких ножках, что вырастают на первых проталинках³. Понюхать и домой! Только Бальмонты думают, что можно жить среди цветов — вздор!⁴

И много других душ есть на свете, но меня не тешат контрасты, я ищу подобия. У нас с Вами есть какое-то печальное сходство. Недаром Мариночка говорила: «Вот бы Вас поженить!» Вот я по Вас и скучаю. В одиночестве моем развлекаюсь старинными способами. Вчера ездила в Девичий монастырь, кланялась праху незнакомцев, умилялась на могильные цветочки, смотрела через окно в склеп. О, там настоящая смерть и подлинно могильная тишина. А вечером пришел Бачинский, и я поила его эфиром, а завтра еду искать маме дачу. Воистину, жизнь чья-то «ядовитая выдумка». «Ядовитая выдумка», чертова игрушка и грустный смех загадочного Бога жизни. Знаете, Бачинский советует мне бросить всякие литерат[урные] формы писания и писать дневник, начав так: «сего года, такого-то месяца, я такая-то сижу на четвертом этаже дома Голицына»... а затем рассказывать о себе, называть всех по именам, все события полными словами. Выдумщик! При жизни людей в печати их имена и поступки. Как можно!

Милый зеленый друг, а еще мне очень скучно. Подкатывает к самому горлу. Ах, хочется на «остров забвенья»⁵. Чтобы волны вокруг были невероятно голубые, чтобы душа все забыла, чтобы туда приехал «мой милый» из Скандинавии. У него глаза синие, а душа обречена Любви и смерти. Придет ли он? Боже мой, неужели не придет? Простите за весь лирический вздор. Мне хочется говорить о том, «чего никогда не бывает», о том, «чего нет на свете»⁶. Вечер, одиночество, май. Сердце горит. Сейчас придет один Прохожий, о котором я Вам однажды расскажу. *Не теперь*, потому что еще *это не прошлое*. У него глаза не синие, в нем не бездумность, а забота о днях, а в сердце, может быть, лукавый и мелкий расчет, — напечатают ли? Что скажут? Нельзя ли пристроиться куда-нибудь прочно? Я зацеплю одним пальцем за самую глубокую скрытую струну, которая редко звучит, и поставлю ее петь. И буду думать, — это поет любовь⁷. Потом он уйдет, и мне будет скучно, скучно, и я стану думать о «милом» с синими глазами и строгой северной душой. А утром будут у моих окон выколачивать чьи-то ковры и чинить чьи-то бочки, а шарманки заплачут избитыми нежными мотивами о том, чего «нет на свете». Так она живет. Рассказа не посылаю, ибо это не рассказ, а нечто вроде стихотворения в прозе. И не знаю, не стыдно ли так писать. Их задумано три. Есть два. Когда будет «циклик», может быть, пришлю⁸. Стихи Ваши мне нравятся. В них есть то, что я в Вас люблю, — пронзительность тоски. Но они не для Вас, не новы, и тоска звучит не полно, хотя по форме совсем хорошо. Присылайте мне все, какие будут. Мы с Вами добросовестно относимся к нашим литературным шагам. Кажется, в этом мы —

единственные. Неужели Вам все еще не скучно в Лидине? Неужели не хочется жить «вакхически»? Мне все хочется, только не с кем. Ну, жму руку молодого скелета⁹. Не расцветают ли розы на Ваших щеках? Нет, наверно. Но мы зацветем, зацветем однажды.
Ваш Нин.

Милый Чижик,
пишу вам, и будто в эти миги переселяюсь на другую планету. Она «дымится по-весеннему», у ней щеки, «как зори», она «любит нежно, как всех»... Да ведь это другой мир, с другими законами. Что я чуть понимаю! Я Вас люблю, как существо другого мира, и радуюсь на Вас и дивлюсь. Что же Вы делаете? Плаваете, как весеннее облачко, которому все — все равно. Оно пронизано солнцем и не виновато в этом. Ваши спутники деревья, кусты, собаки, озерные волны, — воистину, Вы — дриада. И Вы ошибаетесь, когда думаете (это было однажды, недавно), что Вам нужна чья-то любовь. Бог с ними с «золотоволосыми», с «орлиноносыми» и со всеми другими. На что они Вам? Ах, маленький чиж, пойте о своем, кутайтесь в равнодушие, как душистый холодный плащ. Есть ли души блаженнее Вашей? Вы не обижайтесь, я искренно. Мне это нравится эстетически. Расскажите больше о камер-юнкере. Достаточно ли он нежен, красива ли его ложь. Нет ли в нем чего смешного? Не скоро ли его постигнет участь бедного Филата? Хотя едва ли так скоро он «вышепчется», ведь Филат¹⁰ умел рассказывать только о прочитанных уголовных романах. А как все рассказал, так и замолчал, бедный. Пишите мне часто. Обо мне все прочтете в письме к «зеленому негодяю». Неужели и сама природа еще не вернула его к «обязанностям». Если нет, то уж кажется все безнадежно.

Целую Вас нежно, за ушками и в твердые розовые щеки, которые пахнут свежими огурцами и цветами.

Ваш Нин.

Родителям мой привет. Старость чту, как юность.

¹ В подмосковном поселке Малаховка находилась своя дача («угодь» по выражению Н.Петровской) С.Соколова. Кроме того, тамошний Летний театр ангажировал в сезон 1907 на роль инженеру Л.Д. Рындицу.

² Н.Петровская в письме из Неаполя от 10/23 апреля 1908 признавалась Брюсову: «Я опять прежняя. С моей неизменной прекрасной печалью, с единственной мечтой, которую не убьют никакие химеры. Пусть все это так, но мне в этом мире нужны только одни твои глаза, один ты, со всем в тебе, что мне дорого и невыносимо» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95).

³ В рассказе Н.Петровской «Призраки» обыгран этот же образ: «У вас душа, как весенний цветок. Знаете, те желтые цветочки на тонень-

ких ножках, что вырастают на первых проталинках». Вероятно, именно об этом рассказе далее сообщается в письме.

⁴ Е.А. Андреева, вторая жена К.Д. Бальмонта, вспоминает: «Он любил животных, особенно птиц, бабочек и цветы. Цветы были его страстью, над которой сверстники его смеялись. Но он сохранил ее на всю жизнь. "Нет в мире ничего, — говорил он, — красивее и совершеннее цветов"» (РГАЛИ. Ф.57. 1. 333. Л.6).

⁵ *Остров забвения* — стихотворение С.Кречетова, опубликованное в третьем альманахе книгоиздательства «Гриф» (М., 1905) и положенное на музыку В.А. Золотаревым.

⁶ Цитируется стихотворение З.Н. Гиппиус «Песня».

⁷ Возможно, имеется в виду Александр Иванович Тиняков (псевд. Одинокый, 1886-1934) — поэт, журналист и критик. 22 апреля 1916 Ходасевич писал Б.Садовскому: «Тиняков — паразит, не в бранном а в точном смысле слова. Бывают такие паразитные растения, не только животные. На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц» (РГАЛИ. Ф.464. 2. 226. Л.50).

⁸ Скорее всего, один из них был опубликован в альманахе «Кристалл» (Харьков, 1908) под заглавием «Из цикла Песни любви».

⁹ А.Тимофеев рисует такой портрет Ходасевича: «Тонкий, сухой, бледный. Пробор посреди головы. Лицо — серое, незначительное, изможденное. Только темные глаза играют умом, не глядят, а колют, сыплют раздражительной пронизательностью. Совсем — поэт декаданса!» (Руль. 1908. 23 апреля).

¹⁰ Имеется в виду Николай Петрович *Феофилакт* (1878-1941) — художник-модернист, заведующий художественным отделом «Весов» (см. прим.5 к письму 5).

23 мая [1907]

Дорогой зеленый друг,
Вашу телеграмму прочла с огорчением. Опять «она» душит за горло? Ведь этому же нет конца. Две вещи могут спасти: — одна по существу — это устранение *причины*, а другая на время, как фенацетин от головной боли — переселиться на остров забвенья. Рецепт этот для меня и для Вас — одинаков¹. Первым моим и дружеским движением души было — ехать. Но... если бы Вы знали сама-то я какая сейчас! Потом до 1 июня затянулись разные узлы. Как уедешь от 5-го акта драмы!² Если я буду вообще на свете, я приеду тотчас после 1-го. После Вашего отъезда (так совпало) у

меня третий или четвертый день «глаза желтые». Понимаете, что это значит. Плохо... Меня-то уж повезут в «Орловку»³. Ах, зеленое чудовище, ах, молодой скелет! если бы нам с Вами однажды летом и, может быть, скоро куда-то уехать. Мы с Вами — единственные спутники друг для друга. Другую пару таких не выдумаешь. А как это было бы полезно для наших окружающих. Издали любят, вспоминают, забывают зло, ждут с открытыми объятиями. По опыту знаю⁴. Так было. И потом долго длится райское счастье. Ведь все лето будет «накатывать» и душить. Не спасет ни Ал[ександр] Серг[еевич]⁵, ни стихи, его и собственные. Вырвитесь, вообразите себя свободным, хотя на один месяц. Будем «у моря ночью». Поездка стоит дешево. Мариночка, м[ожет] б[ыть], не рассердится. Да ведь ездит же она, куда ей вздумается. Ах, зеленый, подумайте! Мы зацвели бы. А то и на меня стали задумчиво смотреть крючки, ждут, который я выберу. Ждут, проклятые! Напишите мне, что с Вами, подробно, ясно. Телеграмма говорит так мало. Не обижайтесь, что я не приехала. Люблю Вас очень, чувствуйте это. Теперь уж должно быть навсегда, но ведь это «фенацетин» — мой приезд. Не больше. В Москве плохо. У «Прохожего» в душе такая мель, что куры вброд переходят. А я-то думала! «Сам» — олимпиец⁶. Пишет, работает, презирает неврастению. Я рисую «кружочки и крестики». Поедьте, зеленый. Серьезно говорю. Напишите поскорее. Зачем Чижик в Петербурге?⁷ Зачем? Жму лапу.

Ваш Нин.

¹ Тоскливое настроение Ходасевича вызвано наметившимся разрывом с женой, у которой начался роман с С.К. Маковским. В подобной же ситуации оказалась и Петровская. В дневнике Л.Д. Рындиной 19 марта 1907 записано: «Не тайна, что я невеста Сережи, начат развод его с Ниной (за что последняя меня разлюбила)» (РГАЛИ. Ф.2074. 1. 2. Л.3).

² 3 июня 1906 Петровская писала Брюсову из Лидино: «А что я могу сказать тебе, Валерий? Наступил 5-ый акт драмы. Тот, кого любили, кто был центром всей жизни, чей образ царил надо всем, — где-то замерз. Вносят его холодное, холодное тело... Та страна, куда сначала ты сам стремился, куда потом звала тебя я, — чужда твоей душе. То солнце — не твое солнце. Оно обожгло, истомило тебя. Уйди. Есть время» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95. Л.84-86).

³ *Орловка* — Орловская лечебница Московского попечительного о бедных комитета для приходских неимущих больных. Находилась в Подколокольном переулке.

⁴ Собственный «опыт» Петровской не всегда подтверждает эту мысль. 30 ноября 1908 она писала Брюсову из Парижа: «И если я сейчас

не имею радостей положительных, то у меня есть постоянные отрицательные утешения: я не в Москве, я не вижу "мальчишек", я не распинаюсь по вторникам у колонн Художественного кружка, ко мне не придет Владька, чтобы рассказывать, как ты вчера проводил время, — словом, я уже за чертой всех этих мук» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95). См. также прим.17 к письму 2.

⁵ Любовь к Пушкину Ходасевич пронес через всю жизнь. Чуть ли не единственным имуществом, которое в 1922 он увез с собой за границу, были 8 томов собрания сочинений А.С. Пушкина в издании А.С. Суворина. Именно о них писал он весной 1923 в Саарове:

России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя.

⁶ Здесь «сам» — В.Брюсов. В письме к Г.Бахману от 18 марта 1907 он жалуется: «Работаю, работаю, работаю — с утра до вечера и с вечера до утра» (РГБ. Ф.386. 70. 6. Л.95). 13 апреля 1907 Брюсов пишет отцу: «На лекцию [«Театр будущего». — *Публ.*] все билеты проданы... Печатаю книгу о Пушкине, книгу своих избранных стихов да, вероятно, придется и лекцию напечатать отдельно» (РГБ. Ф.386. 148. 9. Л.3).

Замечание об олимпийском спокойствии Брюсова вызвано, вероятно, тем, что 14 апреля в Политехническом музее Н.Петровская пыталась выстрелить в него. В письме к З.Гиппиус Брюсов сообщает: «На лекции Бориса Николаевича подошла ко мне одна дама (имени ее я не хочу называть), вынула вдруг из муфты браунинг, приставила мне к груди и спустила курок. Было это во время антракта, публики кругом было мало, все разошлись по коридорам, но все же Гриф, Эллис и Сережа Соловьев успели схватить руку с револьвером и обезоружить. Я, по правде сказать, особого волнения не испытал: слишком все произошло быстро» (Литературное наследство. Т.85. С.694).

⁷ По всей видимости, М.Э. Ходасевич уехала в Петербург для встречи с С.К. Маковским.

5

28 мая [1907]

Печальный друг,
я работала эти дни. Кончила тот рассказ, который вчерне читала Вам¹. И писала новый. Называется «Она придет», его и буду завтра читать на вечере². Печаль в нем благородная, тихая, не орет на весь дом. Написала его неожиданно. После вечера сейчас же пришла. Потому и не отвечала Вам. Ах, слов нет! «Она» вцепилась в горло и душит проклятая. Почему? О причинах умолчим. Взаимно их угадываем дружескими сердцами. Не понимаю только, почему «она» ожесточается в воскресенье. Тут не без инфер-

нальности. В воскресенье хочется просунуть голову в петлю. Не замечали Вы? Или это только летом. Ужасное учреждение — лето. В Москве уже невыносимо. А ехать!.. Куда? Зачем? К Вам приеду. После 1-го непременно, хотя «на 15 минут»³. Хорошо пожить с добрым человеком. А без Вас ведь совершенно не с кем.

Вы спрашиваете о мальчиках — не знаю, почти не вижу, но они все же собираются к Вам. Саша Брюсов и Муни⁴.

На «Прохожего» махнула рукой. Почти сказала в глаза, что он бездарность, впрочем, еще в литературе кое-как плетется, а вот для жизни — не талантлив, что и говорить⁵. «Она придет», — говорится у меня в рассказе... «После смерти»⁶... Не сердитесь и за мое вялое бездарное письмо. Уж очень плохо себя чувствую, даже слова убежали. Дождь льет целый день, в комнате 20 градусов, рука болит. А мысли такие, что и рассказывать не хорошо.

После вечера напишу и пришлю рассказ. Ах, зеленый, когда же придет счастье? А Вы мне скажете: «ишь чего захотела...» Да, глупо. Никогда не придет.

Жму лапы. Мариночку целую и прошу написать.

Родителям привет.

Ваш Нин.

¹ По всей видимости, речь идет о рассказе «Северная сказка» (см. письмо б).

² Рассказ «Она придет» опубликован в журнале «Перевал» (1907. №8-9).

³ Как видно из следующего письма, в июне 1907 Петровская приезжала в Лидино.

⁴ Александр Яковлевич Брюсов (1885-1966) — соученик и приятель Ходасевича, в молодости поэт и журналист, а позднее профессор археологии. Его биография помещена в журнале «Советская археология» (1965. №3). Ему посвящено стихотворение Ходасевича «Меня роднят с тобою дни мечтаний...» Оно вошло в том «С гихотворений», вышедший в «Библиотеке поэта» (Л., 1989), без третьей строфы, сохранившейся в архиве А.Я. Брюсова (РГБ. Ф.708. 7. 55. Л.8) и намекающей на его увлечение социал-демократическими идеями:

Мы жили. Протекли мгновенья снов,
И я остался прежним, чуждым искушений,
Вдали от Дьявола, Общественных основ
Но, соблазненный, ты вступил на путь падений.

Муни — псевдоним Самуила Викторовича Киссина (1888-1916), поэта и критика. Он был женат на сестре А.Брюсова — Лидии Яковлевне. Ходасевич посвятил ему очерк в «Некрополе». Памяти Муни посвящены также первые издания сборника «Путем зерна», воспоминания о нем отразились в стихотворениях Ходасевича «Ищи меня» и «Леди долго руки мыла...»

Летом 1907 Муни действительно приезжал в Лидино и там им было написано стихотворение «Вакханты», посвященное Марине Ходасевич. Оно опубликовано в журнале «Русская мысль» (1908. №8). Приезжал в Лидино и А. Брюсов. В письме к Г.Л. Малицкому от 17 июля 1907 Ходасевич сообщает: «Около 15 июня приехал Муня, который еще у нас, а вчера объявился А. Брюсов, до среды. Кроме того, сегодня или завтра опять приедет Нина Ивановна дней на 7» (РГБ. Ф.697. 4. 28. Л.8).

⁵ Скорее всего, имеется в виду Сергей Абрамович Ауслендер (1888-1943) — писатель, племянник Михаила Кузмина. Ему посвящен сборник Петровской «Σαντος αμογ». Ходасевич вспоминал об этом эпизоде в очерке «Андрей Белый» (см.: Некрополь. С.52). Роман этот кончился после поездки Ауслендера и Петровской в Италию. 25 марта/7 апреля 1908 она жаловалась Брюсову из Флоренции: «Мальчик просто скучен. У него душа бездарная, неподвижная, чувства без оттенков и при этом непроходимая невежественность и безграмотность. /.../ Невольно оказываюсь постоянно в роли педагога до всех последних даже житейских мелочей. /.../ Что касается до одного пункта, который меня не перестает удивлять, то недавно я вспомнила рассказ Марины о Феофилактове и думаю, что мальчик представляет из себя неполную форму педерастического типа» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95).

В воспоминаниях Б.Садовского имеется эпизод, записанный явно со слов Ходасевича: «Нина Петровская с первого взгляда влюбилась в Ауслендера и решила увезти его в Италию. Конфидентом Нины во всех любовных делах всегда был Ходасевич. Когда Нина и Ауслендер уехали, не прошло и 6 недель, получает Ходасевич от Нины телеграмму с просьбой явиться вечером в "Прагу". Придя, он видит взбешенную Н.Петровскую и осоловелого Ауслендера. /.../ Как любовник никуда не годился: полнейший импотент. В литературе — невежество круглое: кроме Кузмина ничего не читал» (РГБ. Ф.669. 1. 12. Л.69).

⁶ Рассказ «Она придет» кончается фразой: «Ночь с извечной печалью прильнула к земле и шепчет черными губами: Придет!.. *После смерти*».

6

7 июля [1907]

Мой милый зеленый друг,
не думайте ничего дурного о моем молчании. «Просто-напросто» молчала. Вдруг попала в полосу тихой безжизненности внутри и всяких хлопотливых дел (вроде искания квартиры¹ и т[ому] п[одобного]) вне. Первое время по приезде из Лидина у меня для Вас не было слов. Все знаю, и что тут скажешь. Впечатление от всех Вас осталось хаотическое. Бьются люди, как рыбы в садке. Ну, что о них думать? Выбросить каждого в соответствующую

стихию, — и дело в шляпе. Но это рыбы, а с людьми труднее. Думала о Вас долго и, как тогда ничего не знала, так не знаю и теперь. Какой Вы? Что думаете? Клонит к жизни или к смерти? Что Мариночка? Не обойдутся ли все эти дела мирно или необходимо разрушение?² Напишите, расскажите мне, я ведь Вас люблю и всякие правды понимаю. Только помните одно — никогда не нужно подвешивать себя на волосе над неизвестностью. Определенность, какая бы то ни было, нужна для того, чтобы можно было писать, спать, даже плевать в потолок. Жить, исходя из какого-нибудь решения. Так вот, милый, не вешайте себя за ребро, а выберите. Говорю это по собственному опыту. Вот и у меня: когда все разрешилось (хотя вовсе не требуется, чтобы у Вас было так) я начинаю обретать себя, сшиваю обрывки души и надеюсь увидеть ее опять в целом виде. Не считайте мои слова «моралью». Какая я моралистка! Узнала я только одно, — и для работы, и для богатства внутренних переживаний нужен покой. Валерий так прямо говорит, что ему нужна даже безукоризненно заведенная внешняя жизнь — обед, чай в свои часы, его комната и т[ому] п[одобное]³. Это меня прежде возмущало. Сбил меня с толку Пшибышевский⁴. А теперь поуменела и знаю, что это правда. Или умирай, или живи. Но если уж выбрал жизнь, то не «виси» в воздухе. Все эти мои слова Вы, конечно, сумеете конкретизировать. Ведь ничего уж о Вас не знаю. Только Вы и прислали стихи. Они мне нравятся, нежно нравятся. Это я люблю в поэзии, это, когда поет не перо, а душа. И ненавижу С.Соловьева⁵ за обратное. Книга Ваша будет хорошая. Полезем вместе в сентябре⁶. Да? Пришлите мне «В моей стране»⁷, хочу прочесть еще. Я напечатала в «Утре» и «Накануне» два рассказа — «Я и собака» (помните?) и о Финляндии, я его Вам читала⁸. О нас с Вами, о ближайшем выходе наших «книг» было чуть не в 3-х газетах⁹. Медлить мне больше позорно. Полезем в сентябре?

Нового ничего нет. Тысячу раз прошу извинений у Вас и Мариночки за то, что без Вашего ведома поставила вещи к Вам в квартиру. Все стоит аккуратно, скромно. Со мной вышла неприятность — первую квартиру пришлось бросить. Зимой там мороз, узнала из верных источ[ников]. Пришлось искать вторую. Совсем случайно освободил[ась] на Арбате в доме Толстого прекрасная кварт[ира] на 5-ом этаже со всеми современными удобствами, но она будет готова к 20-му июля. Так что пока живу у мам[ы], а вещи у Вас. Мы опять соседи, от Вас 3 минуты.

Напишите, зеленый. Адрес: Арбат Мал[ый] Николо-Песковский пер., д.Пашинской, кв.1. Над[ежде] Ив[ановне] Петровской¹⁰ для Н.С.

Хотела, наконец, 11-го в Финляндию¹¹, но не знаю — денег мало. Кланяйтесь Муни и родителям.

Ваш Нин.

Милая Мариночка, как не стыдно! Хотя бы строчку... Неужели мы с Вами совсем раздружились?..

Напишите. О себе, *о событиях* — мне все очень интересно.

Ведь ничего не знаю о Вас много дней. Как думаете устроить «жизнь»? Когда в Москву? Что делаете и думаете в Лидине? Ведь, наверно, лиловая тоска? Я — все так же. К Москве привыкла. Напишите, Чижик. Целую за ушком.

Ваш Нин.

¹ Поиски квартиры вызваны разездом с С.Соколовым. 9 августа 1907 Л.Д. Рындина отметила в дневнике: «Развод у конца. Устраиваю общую квартиру с Сережей» (РГАЛИ. Ф.2074. 1. 2. Л.5). С.Соколов с Лидией Дмитриевной поселились в доме Бахрушина в Козицком переулке, а Н.Петровская переехала в дом Я.М. Толстого на Арбате (д.35). Возможно, стихотворение Ходасевича «Одинокая», написанное в Лидине 25 июня 1907 и не опубликованное при жизни автора, связано с приездом в деревню Н.Петровской.

² В декабре 1907 Ходасевич и Марина Эрастовна расстались. Официально развод был оформлен в 1910.

³ В письме к Петровской от 31 января 1909 Брюсов жаловался: «Всю жизнь мечтаю я о спокойном усердном труде. И вот за 35 лет жизни не мог добиться того, чтобы осуществить свою мечту. Всегда какие-то обстоятельства заставляют меня работать лихорадочно, торопливо, печатать начало, когда не написан конец, сдавать в печать вещи необработанные, необдуманые...» (Литературное наследство. Т.85. С.797). Невозможность создания налаженного быта с Н.Петровской стала, по всей видимости, одной из причин охлаждения к ней В.Брюсова. Весьма резко по тому же поводу высказался Ходасевич. Он пишет, что роман Брюсова «с Ниной Петровской был мучителен для обоих, но стороною, в особенности страдающей, была Нина. Закончив "Огненного ангела", он посвятил книгу Нине и в посвящении назвал ее "много любившей и от любви погибшей". Сам он, однако же, погибать не хотел. Исчерпав сюжет и в житейском, и в литературном смысле, он хотел отстраниться, вернуться к домашнему уюту, к пухлым, румяным, заботливою рукой приготовленным пирогам с морковью, до которых был великий охотник» (Некрополь. С.29). Петровская и сама понимала, что никак не укладывается в систему надежного быта, обеспечивающего декадентские порывы в творчестве. «Да, я, конечно, не могла бы, — признается она, — играть с ним и его родственниками по воскресеньям в преферанс по маленькой, чистить щеткой воспетый двумя поколениями поэтов черный сюртук, печь любимые пироги, варить кофе по утрам, составлять меню обеда и встре-

чать его на рассвете усталого, сонного, чужого» (Русские символисты. С.197).

⁴ Станислав *Пшибышевский* (1868-1927) — польский писатель-декадент. В рецензии на его книгу «Заупокойная месса» Н.Петровская пишет: «Все творчество Пшибышевского есть предчувствие будущих революций в области человеческого духа. Трагическое безумие, проявляющееся то там, то здесь в различных формах, которые условно и не исчерпывая их подлинного значения, называют видами неврозов и психозов, вскрывает невидимую жизнь души и выявляет в мгновенной вспышке молнии все, что есть в ней глубокого и тайного. Эту переходную ступень от тупого покоя к движению, этот миг напряженной работы духа, стремящегося к последнему синтезу и божественной сверхчеловеческой легкости, — всей мощью своего таланта объемлет Пшибышевский» (Перевал. 1906. №1). Свои отношения с Брюсовым Петровская пыталась построить как «трагическое безумие», без быта, в абстрактном пространстве. В недатированном письме к Брюсову она описывала свое состояние: «Знаешь, как у Пшибышевского: в мировом пространстве без стен, пола и потолка стоит диван, а на нем двое — в самом трагическом столкновении их чувств. Ни времени года, ни города, ни страны... На этом диване, стоящем в пространстве и в пустоте, — вся драма, и больше ничего. Я знаю, тебе это непонятно, но что же мне делать, если я чувствовала такую оторванность от жизни и существовала только в мире внутренних переживаний» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95).

⁵ Сергей Михайлович *Соловьев* (1885-1943) — поэт-символист, активный сотрудник «Весов».

⁶ Речь идет о первых сборниках Н.Петровской — «Sanctus amog» и В.Ходасевича — «Молодость», которые издательство «Гриф» намеревалось выпустить осенью 1907. Вышли, однако, обе книги только в 1908.

⁷ Стихотворение «*В моей стране*», посвященное Муни, открывает сборник «Молодость». Впервые опубликовано в журнале «Образование» (1907. №10а) без посвящения. А.И. Тиняков в письме Ходасевичу от 25 июня 1907 замечает: «...не понравилось "В моей стране" — это ужасное нагромождение ужасных образов и слов. Из недостатков его мне особенно бросились в глаза: совершенно непонятная фраза: "и ноги пахаря, как пламень, жжет ремень" и недопустимая рифма "осень-весен"; могла бы порадовать рифма "охать-похоть", но я уже встречал ее у Минаева ("Песни и сатиры", с.35) — и, хотя это не может служить укором, все же ценность рифмы уменьшается» (РГАЛИ. Ф.537. 1. 85).

⁸ Рассказ «*Я и собака*» опубликован 7 июля 1907 в ежедневной московской газете «Столичное утро», редактируемой С.Л. Кугульским, а рассказ «Северная сказка» — 1 июля 1907 в московской «ежедневной политической, литературной и общественной» газете «Накануне», редактируемой М.М. Духовским.

⁹ Газета «Голос Москвы» уведомляла читателей 4 июля 1907: «Молодая, но уже получившая громкую известность писательница Нина Петров-

ская осенью выпустит книгу новелл "Sanctus amor". Новеллы раньше печатались в "Перевале", альманахе "Гриф", в различных сборниках, газетах и др.». В этом же номере сообщалось об участии В.Ходасевича в IV альманахе молодых поэтов, выпускаемом осенью издательством «Гриф» (он так и не вышел). Майский номер «Перевала» (1907. №7) также анонсировал книги Ходасевича и Петровской. Об остальных аналогичных публикациях см. письмо 7.

¹⁰ Младшая сестра Нины Петровской, *Надежда Ивановна*, жила вместе с матерью и служила заведующей складом книгоиздательства «Гриф», размещавшимся в их квартире (см. объявление в газете «Столичное утро». 1907. 8 июля).

¹¹ Судя по письму 7, поездка в Финляндию не состоялась. В конце июля Петровская снова приезжала к Ходасевичу в Лидино, а осенью выезжала в Киев. 14 июля 1907 «Столичное утро» объявляло: «В сентябре месяце редакция киевского журнала "В мире искусств" устраивает литературно-художественный вечер, посвященный новому искусству. Специально для участия в вечере в Киев приезжают московские и петербургские литераторы и художники: Нина Петровская, Андрей Белый, Сергей Кречетов...»

7

11 июля [1907]

Получила письмо и стихи, благодарю, друг. Из Вашего тона, из Вашей «молодой бодрости», с которой Вы говорите о книге, стихах и прочем, заключаю, — может быть, делишки Ваши и не так уж плохи. То есть они плохи-то плохи, да Вы тверже, и то хорошо! Ах, думаю я еще, если нельзя найти в себе «философского» отноше[ния] к жизни, то да здравствует «автоматизм», прекрасное равнодушие, обладателя которо[го] можно колотить головой об стену, а голов[а] все будет думать свое. Вы думаете, я с ума сошла, все разное болтаю. Нет, я ужасно, ужасно умнею и... мертвею... в жизни. Одно утешение, мудрецы говорят, что это полезно для искусства. А, должно быть, и правда. Я теперь часто тихо утешаюсь пером и бумагой¹.

«В моей стране» — это самая лучшая Ваша вещь. Попробую почитать ее В[алерию] Я[ковлевичу]. Ничего? Ведь все равно прочтет в книге, а любопытно, что скажет².

Нового нет. Приехал и уехал Витя³. Я не хочу больше его. Итальянские впечатления вероятно, талантливее может передать Немир[ович] Данченко⁴. А Витя сейчас только итальянец. Не люблю людей, которые меняют душу соответственно цвету флага той страны, куда попадают. Скучно мне это! Не хочу! Вот что, дружо-

чек, котик, я хочу к Вам приехать. Сейчас у меня глупые дни, квартиры не получу до 1-го августа, живу у мамы. Есть дней десять свободных. Скажите, желанно ли это? О Вас не сомневаюсь. Но Мариночка? Она меня разлюбила. Спросите ее, и если ей хотя сколько-нибудь это не желанно или очень скучно, пусть скажет прямо. Не обижусь. Об этом ответьте скоро, и совсем попросту.

Объявили о нас в «Утре», в «Накануне», в «Руси»⁵, и Петр Пильский в Петерб[ургском] понедельнич[ном] листке «Свободные мысли»⁶. Вчера меня туда пригласил Василевский⁷ и вчера же в (!!!) «Голос Москвы» (ведь октябристы это) по 20 копеек за строчку. «Перевал»⁸ не одобряет, а «Сам»⁹ советует. Говорит — «хуже у левых писать». Согласилась. Но Сережа¹⁰ и А.Белы[й] говорят, что мужчинам там писать нельзя, неприлично — почти что «бей жидов». А мне наплевать. Я ведь выступаю только с пропагандой Любви¹¹.

О себе я реального ничего сказать не могу. Ибо сейчас я не реальна.

Целую Вас обоих. Дети, живите в мире!

Жду ответа.

Ваш неизменный Нин.

¹ Несмотря на душевные терзания, лето 1907 было наиболее плодотворным в жизни Н.Петровской. В 1908 она становится морфинисткой, и ее творческая продуктивность резко снижается.

² В.Брюсов в рецензии на сборники поэтов-дебютантов отозвался о «Молодости» Ходасевича как о книге «среднего уровня», отметив, однако, что «стихи порой ударяют больно по сердцу, как горькое признание, сказанное сквозь зубы и с сухими глазами» (Весы. 1908. №3). Стихотворение «В моей стране» не обратило на себя его внимания. Не отметил «В моей стране» и В.Гофман в своем более пространном и доброжелательном отзыве. В нем говорится: «Эта первая, чрезвычайно тоненькая и бедная количеством стихов книжечка молодого поэта, несомненно, заслуживает внимания. Достаточно открыть ее на любом стихотворении, чтобы убедиться, что поэт — прежде всего строгий к себе мастер формы» (Русская мысль. 1908. №7).

³ Вероятно, Виктор Иванович Стражев (1879-1950) — писатель-модернист, участник «Перевала». Был преподавателем словесности в 3-й Московской гимназии, где у него учился Ходасевич. Летом 1907 посетил Италию, в «Литературно-художественной неделе» (1907. №4. 8 октября) опубликован его рассказ «Pieta», основанный на воспоминаниях об этой поездке.

⁴ Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1844-1936) — плодовитый писатель, автор многочисленных путевых художественно-этнографических очерков.

⁵ Анонс о выходе сборника Н.Петровской появился в «Столичном утре» 27 июня 1907, в газетах «Накануне» и «Русь» объявлений обнаружить не удалось.

⁶ Петр Моисеевич *Пильский* (1876-1942) — литературный критик. В еженедельнике «Свободные мысли» от 9 июля 1907 он поместил анонс о выходе книг Н.Петровской и В.Ходасевича.

⁷ Лев Маркович *Василевский* (1876-1936) — поэт, журналист, театральный критик, один из активных участников еженедельной общественной и литературной газеты «Свободные мысли», выходявшей в 1907-1911. Одно время был ее редактором-издателем.

⁸ Имеется в виду издатель «Перевала» В.Линденбаум.

⁹ *Сам* — здесь В.Я. Брюсов. В этот период жизни он пренебрежительно относился к левым политическим течениям. В письме к Петровской от 23 мая 1906 Брюсов сообщает: «В субботу я уехал в деревню... Дача, конечно, построена на болоте, и все время кругом ползли туманы и покачивали своими балахонами. Я из комнат не решался показаться, а сестра — социал-демократка — изводила меня революционными речами (не со мной, я с ней не разговариваю, а с отцом). Не знаю, что хуже и что вреднее, сырость или социал-демократия, но обе несносны» (РГАЛИ. Ф.56. 1. 95).

В октябре 1907 В.Брюсов предлагал Ф.Сологубу, А.Блоку и Андрею Белому стать соредакторами «Литературных приложений» к «Голосу Москвы», издаваемому В.П. Рябушинским, братом издателя «Золотого руна». В силу разных причин план этот не осуществился (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 год. Л., 1976. С.112). Тем не менее, Брюсов участвовал и в левых изданиях. 8 мая 1907 он сообщает отцу: «...я послал тебе с мамой номер газеты "Утро свободы", из которого ты тоже увидишь, что я охотно участвую в изданиях левых. Только все же по убеждениям остаюсь на своем месте, а не с ними!» (РГБ. Ф.386. 142. 9. Л.6).

¹⁰ Сережа — Сергей Соколов-Кречетов.

¹¹ Вскоре после этого приглашения в «Голосе Москвы» (26 июля 1907) появился рассказ Н.Петровской «Бродяга».

8. Ходасевич — Петровской

Милая Нина!

Однажды ночью, еще не зная Вашего адреса¹, написал я Вам большое письмо, да наутро перечел его — и не отправил: стыдно стало даже Вас. Уж очень было оно «настоящее».

Прошло с тех пор полторы недели. Сегодня я в силах сообщить Вам лишь факты, о коих Вы, пожалуй, уже знаете. Ныне под кровом моим обитает еще одно существо человеческое. Если

еще не знаете кто — дивитесь: Нюра². Внутреннюю мотивировку позвольте оставить до того дня, когда снова встретимся мы с Вами, здесь, на этой земле, а не где-нибудь еще³.

Милая Нина! Я — великий сплетник⁴, но молчал о словах, которые слышал целых полтора года. Во дни больших терзательств⁵ мне повторили их снова — и стало мне жить потеплее. Тогда я сдался. Вы хорошо сказали однажды: женщина должна быть добрая. Ну вот, со мной добры, очень просто добры и нежны, по-человечески, не по-декадентски. Ныне живу, тружусь и благословляю судьбу за мирные дни.

И еще. Все ставки — роковые. Миллионер, ставящий на карту копейку и проигрывающий ее, — совершает шаг роковой, ибо уже ничто, никакие выигрыши в мире *этой* копейки ему не вернут, и разорится он в конце концов от того, что проиграл ее. Но все же весело играть⁶ не по копейке, а делая ставки решительные. Весело знать — день ото дня непоправимее запутываешь узлы — свои и чужие. Напишите мне все, что думаете, не браните меня и знайте, что я люблю Вас больше, чем всех других людей вместе⁷. Если бы Вы знали, как я обрадовался, прочтя хорошие, милые слова в начале Вашего письма. Будьте здоровы, поправляйтесь — и мы еще поживем. А на старости будем разводить тюльпаны и жить в добром захолустном согласии. Знаете ли Вы, что все это время я, почти не переставая, помню о Вас. И мне очень хотелось бы, чтобы Вы, Вы, Вы меня любили.

Сегодня утром умер мой отец⁸. Фелицианы кончились⁹.

На днях был у меня Валерий Яковлевич. Не знаю, сделал ли он это в укор «семье»¹⁰ или еще почему, — но я рад не враждовать с ним. Я не любил его за Вас — это Вы знаете¹¹. Но тогда, на вокзале, понял многое¹².

Он мне понравился по-человечески. Может быть, так и надо.

Будьте здоровы, пожалуйста, будьте здоровы. Да лечитесь, как пайнька¹³. Может быть, вообще надо жить пайньками. То есть пайньками, пайньками, а потом — трах! — взять да и выкинуть что-нибудь. Мы еще с Вами своих трахов дождемся.

Владислав.

24 ноября [1]911 г. Москва.

Я начал писать стихи. Кончу пришлю¹⁴. Черкните же. Н[адежде] И[вановне] поклон¹⁵.

А та женщина уехала в Петербург¹⁶. В ссылку. Не браните меня. «И от судеб защиты нет»¹⁷.

¹ Уехавшая в Италию Н.Петровская еще не успела сообщить своего адреса Ходасевичу.

² Нюра — Анна Ивановна Чулкова (в первом браке Гренцион, 1887-1964) — поэтесса и переводчица (псевд. Софья Бекетова), сестра писателя Г.И. Чулкова. После неудачного замужества она была гражданской женой друга Ходасевича — Б.А. Диатроптова, от него ушла к А.Я. Брюсову. Ее воспоминания о Ходасевиче опубликованы в журнале «Юность» (1987. №1). Жанна Матвеевна Брюсова в письме к сестре поэта Надежде Яковлевне сообщает 13 ноября 1911: «В воскресенье, на рождении Жени, мама мне шепнула: — Нюра уходит от Саши и переходит к Владе.

Что Нюра уходит от Саши, меня не удивило, но что она переходит к Владе, это странно. Я ничего не знаю об их жизни (жизни Саши и Нюры), внешне они жили до последних дней очень мило» (РГБ. Ф.386. 145. 35. Л.51).

Оставляя А.Брюсова, Анна Ивановна меняла сравнительно обеспеченную жизнь на весьма скромное существование, но это ее не остановило. В таких случаях она отличалась решительностью. В бумагах Б.Диатропова сохранилась ее записка: «Боря, я ухожу к Саше Брюсову. Прости, если можешь. Прачка принесет рубашки, отдай 20 копеек. Нюра» (Наше наследие. 1988. №3. С.94).

³ Следующая встреча В.Ходасевича и Н.Петровской произошла в 1922. Он вспоминает о ней в очерке «Андрей Белый»: «Осенью появилась в Берлине Нина Петровская, сама полубезумная, нищая, старая, исхудавшая, хромая» (Некрополь. С.64).

⁴ В письме к Б.Садовскому от 10 февраля 1920 Ходасевич, обыгрывая строки пушкинской «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», шутит: «"Ты сплетен ждешь, царица? — Нет их!" То есть и есть, да скучные. Сплетен не стало, остались одни дела. Впрочем, как-нибудь на досуге посплетничаю» (Вопросы литературы. 1987. №9. С.240).

⁵ А.И. Ходасевич вспоминает: «Однажды Владислав Фелицианович пришел к нам потрясенный горем: его мать ехала на извозчике по Тверской улице, лошадь чего-то испугалась, понесла, зацепила пролетку за тумбу, и мать Владислава Фелициановича выпала на мостовую, ушиблась головой о тумбу и тут же умерла. Вскоре отец Владислава Фелициановича, страдавший грудной жабой и потрясенный смертью жены, тоже умер. (О смерти матери см.: «Московская газета» 21 и 23 сент. 1911 г. "Ужасная смерть г-жи Ходасевич" и "Похороны С.Я. Ходасевич").

Владислав Фелицианович очень любил своих родителей. Эта двойная смерть очень тяжело отозвалась на нем. Как раз в этот период времени /.../ мы стали жить вместе с Владиславом Фелициановичем» (Юность. 1987. №1. С.87).

⁶ В.Ходасевич признавался сам: «Я на своем веку много играл в карты, много видал игроков, и случайных, и профессиональных» (Некрополь. С.31). В «Современных записках» была анонсирована его статья «Игроки в литературе и жизни», однако она не была написана. Возмож-

но, фрагментом ее явилась заметка «Пушкин, известный банкومت» (Возрождение. 1928. 6 и 7 июня).

⁷ Н.Петровская, по всей видимости, не очень верила в искренность Ходасевича. Впоследствии в своих «Воспоминаниях» она напишет: «Ходасевич, прекрасный друг моего прошлого, яловито эстетически "наблюдал"» (Литературное наследство. Т.85. С.789).

⁸ Фелициан Иванович Ходасевич (1836-1911), учился в Академии Художеств, расписывал церкви, затем увлекся фотографией. В конце жизни держал магазин фотопринадлежностей.

⁹ См. письмо 2, прим.20.

¹⁰ В письме к Н.Я. Брюсовой от 20 ноября 1911 жена поэта Ж.М. Брюсова, сетует: «Владя последнее время был ближайшим другом этой несчастной m-me Гриф [Н.Петровской. — Публ.]... Теперь Нюра будет дружить с тем лагерем, враждебным мне. Как я могу осуждать Нюру, что она ушла, когда я сама уже в продолжение многих лет редкий день не размышляю о том, как я расстанусь с Валей» (РГБ. Ф.386. 145. 35. Л.53об.). А.И. Ходасевич вспоминает: «Однажды пришел швейцар из нашего подъезда и сообщил, что нам звонил Валерий Брюсов и просил предупредить, что приедет к нам вечером. Мы очень удивились, так как Валерий Яковлевич раньше не бывал у Владислава Фелициановича. Решили, что это по каким-нибудь литературным делам. Но вечером приехал В.Я. с большой коробкой конфет и сам попросил напоить его чаем. За чаем в милой беседе высказал желание, чтобы мы познакомились и взяли под свое, "семейное прокровительство" молодую поэтессу Надежду Львову. Он был ею в то время увлечен» (РГБ. Ф.697. 4. 17. Л.9).

¹¹ В очерке «Валерий Брюсов» Ходасевич пишет: «С Ниной связывала меня большая дружба. Московские болтуны уверены, что не только дружба. Над их уверенностью мы смеялись и, по правде сказать, иногда нарочно ее укрепляли — из чистого озорства. Я знал и видел страдания Нины и дважды по этому поводу говорил с Брюсовым. Во время второй беседы я сказал ему столь оскорбительное слово, что об этом он, кажется, не рассказал даже Нине. Мы перестали здороваться. Впрочем, через полгода Нина сгладила нашу ссору» (Некрополь. С.30).

¹² В.Ходасевич вспоминает: «Осенью 1911 года, после тяжелой болезни, Нина решила уехать из Москвы навсегда. Наступил день отъезда — 9 ноября. Я отправился на Александровский вокзал. Нина сидела уже в купе, рядом с Брюсовым. На полу стояла откупоренная бутылка коньяку... Пили прямо из горлышка, плача и обнимаясь. Хлебнул и я, прослезившись. Это было похоже на проводы новобранцев. Нина и Брюсов знали, что расстанутся навеки» (Некрополь. С.30).

Хотя дату отъезда Ходасевич выяснял непосредственно у Петровской (см. его письмо к М.В. Вишняку от 16 февраля 1925 — «Знамя». 1991. №12. С.179), возможно, она ошибочна. Ж.М. Брюсова в письме к Надежде Яковлевне Брюсовой от 8 ноября 1911 извещает: «Сегодня уехала la belle Nina за границу» (РГБ. Ф.386. 145. 35. Л.48).

¹³ Полубольная Н.И. Петровская уехала в сопровождении врача — Г.А. Койранского.

¹⁴ Возможно, имеется в виду стихотворение «Бегство» («Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной...»), написанное осенью 1911 и посвященное в беловом автографе А[нне] Г[ренцион]. (РГАЛИ). Оно вошло в сборник «Счастливый домик». А.И. Ходасевич названа Хлоей также в стихотворении «О, если б в этот час желанного покоя...» (сб. «Путем зерна»).

¹⁵ Надежда Ивановна Петровская уехала за границу вместе с сестрой.

¹⁶ Возможно, это Евгения Владимировна Муратова, первая жена искусствоведа П.П. Муратова, в которую одновременно были влюблены Ходасевич и Муни. Летом 1911 Ходасевич путешествовал с ней по Италии, она стала героиней-«царевной» цикла «Звезда над пальмой» в сборнике «Счастливый домик». В канве автобиографии, написанной по просьбе Н.Н. Берберовой, указано: «1910 — Маскарад. Женя Муратова... Карты, пьянство. 1911 — пьянство. Карты. Италия. СПб. Смерть мамы. Босачество. Нюра. Смерть отца...» (Ходасевич В. Собрание стихов. Т.1. Париж, 1982. С.204).

¹⁷ Цитируется заключительный стих «Цыган» А.С. Пушкина.

9. Петровская — Галлоп

Дорогая моя,

извините, что пишу как приговоришка. У меня дрожат руки. Я чувствую потребность рассказать Вам все, как было, и уже не знаю для чего. Может быть из любви и дружбы, а может быть для себя самой, чтобы пересыпать всю рану солью и усилить боль. А это мне внутренне нужно — я себя хочу истерзать до последней капли крови. Так вот: все лето нам было ужасно. Голодали, не платили за комнату. Газеты пихали меня, как паршивого щенка. Я служила за грош в кухне, а потом еще в одной помойке. Зарабатывала 9 франков в день. Это было в октябре. Тут же Журочка¹ слегла окончательно. Сначала была лихорадка, потом, за месяц до смерти, прекратилась совсем. Я уходила на работу, а ее до слез терзала в это время директриса. «Лежать в Агмее и не работать — ”defendu“². Вы не больны и должны вставать. У вас это — нервы...» Полумертвую я ее вытаскивала из постели... Иначе стащили бы в городской госпиталь. А это гнилая страшная яма. Начались у нее безумные боли в животе. Я лечила тайно, как умела и могла. Но все перестало помогать. А директриса уже совсем стала гнать вон. Я попросила неделю сроку. Прожили ее до последнего дня. Какая-то монахиня прислала немного денег. Реши-

ли в девять вечера взять автомобиль и отправиться. А в 5 ввалилась целая толпа с кн[ягиней] Голицыной во главе. Та попала под автомобиль, спаслась и дала обет спасти кого-нибудь. В доме кн[ягини] Палей³ ей сказали о Журочке. Пришла в ужас. Комната без отопления, а на дворе 9 градусов. У бедняжки лапки застыли, синие. Лежит без помощи. Через два дня купила за 2 тысячи кровать в госпитале S. Josef, а 15 декабря ее увезли. У монахинь было хорошо, только в этой палате у меня на глазах умерло 6 человек. И смерти я перестала бояться. Все умирали без мучений, под наркозом. Как свечку задуть. Мы думали: легочный туберкулез у нее. Журочка Вас вспоминала: «самая прекрасная болезнь, до ста лет можно тянуть...» Но 18 декабря меня вызвала сестра и сказала, что это туберкулез печени, и надежды нет. О, милая, милая! Это было в час дня, а я должна была остаться до 3-х. В эти два часа около ее постели я выдержала экзамен на «человека». Не пролила ни одной слезы. Вернулась бодрая, с улыбкой слушала, как Журочка мечтает о весне, о солнце, о нашей жизни вдвоем. Только думала: О, скорее бы 3 часа, а то закричу, завизжу, как свинья на бойне. Но выдержала все до конца. И вот начался этот месяц... Я приходила к ней, уже к мертвой, каждый день. Потом наступали вечера, ночи, черные, как ямы. Наконец, монахиня сказала, что даже дни ее сочтены. А во мне развернулась словно пружина. Я решила все довести до конца. Видела ее в агонии, без сознания. В тот вечер в 6^{1/4} меня выгнали, а в 9 вечера она умерла. Говорят, без мучений. Я заботилась о похоронах, чтобы отпели в русской церкви. При мне ее зарывали в могилу. Во мне всегда жило религиозное чувство. Я верю в «тот свет» и, чтобы сделать ей радость, снова перешла в православие⁴.

Какие-то тени с кладбища перевезли меня «домой», то есть в комнату паршивого отельчика, где сейчас одна я изживаю агонию. На меня напало дикое изуверство: я спросила себя — «можешь жить?» и ответила — «не могу». Но этими свирепыми днями хочу искупить все причиненные ей обиды — вольные и невольные, хочу выкупаться в собственной крови. Не думайте: это не торговля. Смерти я не боюсь. И вот Вам доказательство. — Я колола ей руку иглой четыре раза, потом себе. Думала, заражусь трупным ядом. Но нет⁵. В моей физической конструкции заложена какая-то сверхчеловеческая сила. Меня нужно убивать, как Распутина, топтать, травить. И вот... Я изживаю последние капли крови. Я ее любила, оказывается, как никого в жизни. Но из этой комнаты с паршивыми цветочками на обоях живой и для жизни я не выйду. Такова моя судьба: умереть лютой смертью⁶.

Я в полном сознании, дорогая, только не движутся руки и подламываются колени. Спасибо Вам за все. Я Вас помню даже в эти часы.

Ваша Нина.

P.S. Для «литературы» мне открылись все двери. Но мне на нее начхать. Я больше не напишу ни одной строчки. Поздно. Только после смерти мне сказали, что это был рак желудка.

¹ *Журочка* — семейное прозвище Надежды Ивановны Петровской.

² Запрещено (фр.).

³ По всей вероятности, имеется в виду княгиня Ольга Валериановна Палей (урожд. Карпович, см. о ней «Последние новости». 1928. №2807. 28 ноября), мать погибшего в России поэта Владимира Павловича Палея, внебрачного сына великого князя Павла Александровича. Ходасевич был с ней знаком и, возможно, именно от него она узнала о бедственном положении сестер Петровских.

⁴ Ходасевич сообщает, что Петровская перешла в католичество, приняв «новое и тайное имя, записанное где-то в нестираемых свитках San Pietro, — Рената» (Некрополь. С.17).

⁵ Ходасевич пишет, что у Петровской рука «сперва опухла, потом зажила» (Некрополь. С.18).

⁶ 24 февраля 1928 в парижской газете «Последние новости» помещено не подписанное сообщение: «Самоубийство Нины Петровской. Вчера в Париже покончила с собой писательница Нина Ивановна Петровская. О самоубийстве ее стало известно при следующих обстоятельствах. Владельцу отеля "Прогресс" на ул. Годфруа-Кавеньяк — где проживала Петровская, показалось странным, что его жилища в течение всего дня не выходила из комнаты. Он постучался, но не получил ответа. Заподозрив неладное, хозяин вызвал полицию. Двери были взломаны, Петровская лежала на кровати мертвой. Писательница покончила с собой, открыв газовый рожок. Петровская жила в Париже в большой нужде» (С.1).

25 февраля в газете «Возрождение» (№988) сообщалось: «23 февраля скоропостижно скончалась Нина Ивановна Петровская (Соколова). Отпевание состоится в воскресенье, 26 февраля, ровно в 9 ч. 45 м. в церкви на ул. Дарю, погребение на кладбище Банье» (С.1).

ПИСЬМА Н.А. БЕРДЯЕВА К Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХУ

Вступительная статья и публикация
А.Б. Блюмбаума и Г.А. Морева.
Комментарии Г.А. Морева

«Полупоэт, полуфилософ, / Полуэстет, полумудрец...» — такой автоэпиграммой характеризовал себя в 1918 Эрих Федорович Голлербах (1895-1945)¹. И если некоторые из перечисленных характеристик — и прежде всего присущий ему тонкий эстетизм, определивший многолетние и плодотворные искусствоведческие и библиофильские разыскания², прочно вошедшие в историю культуры, однозначно утвердились в сознании его современников (вызывая, однако, далеко не однозначную реакцию и оценку)³, то собственное оригинальное — поэтическое и философское — творчество Голлербаха оказалось вытеснено на второй план (за исключением, пожалуй, монографии о Розанове, не потерявшей своей научной и историко-ведческой ценности). Между тем именно «нечастое содружество любомудра и поэта, /.../ изощренность философствующего разума»⁴ отме-

¹ См.: [Голлербах Э.] Портреты современных писателей // Вешние воды. 1918. Т.31/32. С.42. При указании даты смерти Э.Ф. Голлербаха (1945 год вместо 1942) мы придерживаемся версии, впервые изложенной О.С. Острой (см. ее статью «"Город муз" в жизни Э.Ф. Голлербаха» // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции [20-22 декабря 1989 г.]. Л., 1989. С.47; ср. также: Острой О.С., Юниверг Л.И. «Город муз» в жизни Э.Ф. Голлербаха. // Голлербах Э. Город муз. М., 1990 [приложение к репринтному воспроизведению издания 1930 г.]. С.57). На обоснованность этой версии указывают и другие свидетельства (напр., запись в дневнике О.Н. Гильдебрандт от 18 мая 1942: РГАЛИ СПб. Ф.436. Оп.1. Ед.хр.7. Л.67).

² См. автобиографию Голлербаха: Город муз. Указ. изд. С.188-190. Об искусствоведческой, библиофильской и издательской деятельности Э.Ф. Голлербаха подробнее см. в указанной статье О.С. Острой и Л.И. Юниверга (С.17-55).

³ См., напр., свод свидетельств и отзывов современников о Голлербахе, составленный им самим: Голлербах Э.Ф. Диоскуры и книга. Л., 1930. С.27-28.

⁴ Розанов С. [Рец. на кн.]: Э.Голлербах. Чары и таинства. [Пб., 1919]; В заре Логоса. [Пг., 1920] // Новый путь (Рига). 1922. №299. 1 февраля. С.4.

чал рецензент ранних произведений Голлербаха — стихотворного сборника «Чары и таинства» (Пб., 1919)⁵ и книги «спорад и фрагментов» «В зареве Логоса» (Пг., 1920). Философской проблематике было посвящено и первое выступление Голлербаха в печати — антипозитивистское и антиматериалистическое эссе «Ценность индивидуализации»⁶.

«Летом того же [1915] года, — вспоминал Голлербах в биографическом очерке 1920-х, одновременно кратко очерчивая направление своих философских поисков, — [состоялось] знакомство с В.В. Розановым, увлечение его мыслями. Переписка с ним до конца его дней. Переписка с Н.А. Бердяевым, З.Н. Гиппиус⁷, потом личные с ними встречи. Постепенно — полная ликвидация прежнего позитивизма, охлаждение к естествознанию. Глубокая погруженность в идеалистическую философию; интерес к оккультизму»⁸. Знаменательно, что основную в будущем область своих трудов — искусствоведение — в ранней, относящейся к ноябрю 1918, автобиографии, он рассматривает как свою «единственную связь /.../ с позитивным знанием»⁹.

Появление в достаточно скупой автобиографической хронике имен трех знаменитых корреспондентов Голлербаха не случайно: напряженный интерес к наиболее видным деятелям культурного и философского движения 1910-х, стремление к эпистолярному и личному общению с ними и желание быть «совопросником» первых умов эпохи — отличительные черты его человеческого облика.

В июле 1915 Голлербах одновременно обращается с письмами к В.В. Розанову и Н.А. Бердяеву, причем, сколько можно судить и по письму к Розанову, вскоре опубликованному адресатом¹⁰, и по ответу Бердяева, в них затрагивался примерно один и тот же круг жизненных вопросов, среди которых Голлербаху «самой тяжелой по своей безысходности задачей представляется /.../ примирение личности с миром»¹¹. И если ответ Розанова, действительно, послужил началом многолетнего и об-

⁵ Впоследствии сам Голлербах отзывался об этой книге как о «случайной и очень слабой» (письмо к Е.Я. Архиппову [1927]. — РГАЛИ. Ф.1458. Оп.2. Ед.хр.23. Л.3).

⁶ См.: Северный гусяр. 1915. №6. С.41-47; подпись «Э.Г.».

⁷ Письма З.Н. Гиппиус к Голлербаху подготовлены к печати А.Л. Соболевым (см. сб. «Автографы З.Н. Гиппиус в Публичной библиотеке». СПб., в печати).

⁸ РГАЛИ. Ф.341. Оп.1. Ед.хр.270. Л.25.

⁹ Собрание М.С. Лесмана. Позднее, в 1920, отвечая на печатные обвинения одновременно в «неомистицизме» и в «неозэстетизме», содержащиеся в статье С.Б. Любоша «Розанов — наизнанку», посвященной его книге «В зареве Логоса» (Вестник литературы. 1919. №12. С.8-9), Голлербах отвергнет и эту «единственную связь», декларируя свою «веру в единую, великую мистику и эстетику» (ОР РГБ. Ф.453. Карт.1. Ед.хр.13; цитируется статья Голлербаха «Сердитому критику. Письмо в редакцию», которая, согласно авторской пометке на корректуре, «должна была быть напечатана в "Вестнике литературы" №8, 1920 г., но была в последнюю минуту снята с печатного станка по каким-то "тактическим" соображениям А.Е. Кауфмана [редактора "Вестника литературы". — Публ.]»).

¹⁰ См.: Розанов В. Из жизни, исканий и наблюдений студенчества // Вешние воды. 1916. Кн.7/8. С.73 (письмо от 10 июля 1915).

¹¹ Там же. С.74 (из письма к Розанову от 21 июля 1915).

ширного эпистолярного диалога¹², то разговор с Бердяевым оказался для Голлербаха не столь плодотворным: в бердяевском письме (от 17 августа 1915) он увидел лишь «философские абстракции»¹³. Но разговор этот продолжился, так и не став, впрочем, диалогом, и, неизменно поддерживаемый адресантом, приобрел со временем «вопросно-ответный» и деловой характер.

Все же знакомство с Бердяевым, «подлинным творцом философии»¹⁴, сначала эпистолярное, а затем и личное, хоть и не оказало на Голлербаха того огромного формирующего воздействия, которое дало его общение с Розановым, имело важное значение в его интеллектуальной биографии. Голлербах посвятил Бердяеву два стихотворения и дружескую эпиграмму из цикла «Портреты современных писателей»¹⁵, а также несколько статей в периодической печати¹⁶.

Близость в 1915-1919 к националистически ориентированным кругам русской общественности (В.В. Розанов, М.М. Спасовский и его журнал «Вешние воды»¹⁷) заставляла Голлербаха сочувственно выделять в творчестве Бердяева те стороны, которые были близки его собственным построениям. «Московский период» (и особенно 1908-1918) для Бердяева был отмечен «сближением с православной средой»¹⁸, близостью к издательству «Путь» и группировавшимся вокруг него философам-неославянофилам (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн). Патриотическая позиция, ярко выраженная Бердяевым в его философской публицистике военных лет — в частности, в статьях, опубликованных в газете «Биржевые ведомости» и составивших впоследствии сборник «Судьба России» (М., 1918), — с ее пафосом «славянского единения» и «мировых задач» России, и вместе с тем отчетливо неортодоксальный характер текстов Бердяева, заявленный в них интерес к оккультизму и антропософии («Смысл творчества») несомненно импонировали Голлербаху и позволяли ему констатировать принадлежность философа к «школе мисти-

¹² См.: Письма В.В. Розанова к Э. Голлербаху. Берлин, 1922.

¹³ Вешние воды. 1916. Кн. 7/8. С. 80 (из письма к Розанову от 22 ноября 1915).

¹⁴ [Голлербах Э.] Словарь русских философов // Жизнь искусства. 1919. №205/206. 2/3 августа. С. 2.

¹⁵ См. стихотворения Голлербаха «Нежданное» (Вешние воды. 1917. Т. 30. С. 56), «Преодоление» (в его кн.: Чары и таинства. Пб., 1919. С. 10).

¹⁶ См.: Голлербах Э. Рыцарь свободной мысли: К 20-летию литературной деятельности Н.А. Бердяева // Жизнь искусства. 1919. №179. 3 июля. С. 1; Его же. Н.А. Бердяев и его философия // Накануне. 1922. №112. 20 августа. Лит. приложение №14. С. 8-10.

¹⁷ О М.М. Спасовском и его журнале подробнее см. ниже, в комментариях к письму Бердяева от 13 сентября 1916. Голлербах сотрудничал в «Вешних водах» с ноября 1916 (и в 1916-1918 печатался исключительно в этом издании; ср. неудачную попытку напечатать цикл стихотворений «Христос и Еврейство» в 1917 в журнале «Русское богатство» — ИРЛИ. Ф. 266. Оп. 2. №81), преимущественно публикуя стихи, целиком соответствовавшие, впрочем, проводившейся Спасовским линии. См., напр., реплику Голлербаха в стихотворной полемике с З.Н. Гиппиус, утверждающую «арийское» происхождение Христа (Вешние воды. 1917. Т. 23/24. С. 58-59).

¹⁸ Бердяев Н. Самопознание. М., 1991. С. 160.

тического алогизма и возрожденного славянофильства»¹⁹. Однако крайний философский эгоцентризм Голлербаха — черта, несомненно роднившая его с Розановым, — напротив, не мог не вызвать неприятия Бердяева, отстаивавшего идею «личной ответственности за коллектив» и предупреждавшего об опасности растворения личности в «эгоцентриском хаосе». Эта, явственно обозначившаяся в публикуемых письмах, полярированность мировоззренческих позиций, а также расхождения в отношении к фигуре Розанова²⁰, «еврейскому вопросу»²¹, конечно, сказались и на восприятии Голлербахом работ Бердяева. Несмотря на крайнюю заинтересованность личностью философа, оно далеко от апологетики. Но критика им Бердяева, не будучи вследствие известной электичности построений самого Голлербаха философски тотальной, носит скорее импрессионистический и общий характер²², хотя не лишена и метких наблюдений²³.

Публикуемые письма, как и другие известные сегодня эпистолярные документы из наследия Бердяева²⁴, отличает острая концептуальность. Часть писем варьирует актуальные темы, затрагивавшиеся Бердяевым в его «военных» статьях (письмо от 17 августа 1915) и в только что законченной книге «Смысл творчества» (письмо от 13 сентября 1916). Особенно же интересны автобиографические письма от 3(16) октября и 27 октя-

¹⁹ Голлербах Э. Рыцарь свободной мысли... Указ. изд. Подробнее о позиции Бердяева в годы Первой мировой войны см.: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало: Русские философы и первая мировая война // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Проблемы истории русской литературы начала XX века.* (Slavica Helsingiensia. 6). Helsinki, 1989. С.211-239.

²⁰ Полемику с известной статьей Бердяева «Христос и мир. Ответ В.В. Розанову» см. в кн.: Голлербах Э. В.В. Розанов: Жизнь и творчество. Пг., 1922. С.64-65.

²¹ Позиция Бердяева в этом вопросе могла, однако, толковаться современниками неоднозначно; ср. в этой связи несомненно отмеченный в кругу М.Спасовского эпизод с частичной перепечаткой статьи Бердяева «Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания» в юдофобском сб. «Израиль в прошлом, настоящем и будущем» (Сергиев Посад, 1915), а также отказ М.Горького и С.В. Познера — редакторов сб. «Щит» (М., 1915) — опубликовать статью Бердяева «О еврействе», «ввиду ее антисемитизма» (см.: Горький М. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос / Сост. М.Агурский, С.Шкловская. Иерусалим, 1986. С.174, 242).

²² Ср., напр., пассаж из статьи «Н.А. Бердяев и его философия»: «В его философии есть изрядная доля донкихотства. Она не столько свободна, сколько произвольна, как психологически, так и гносеологически. Она теоретична, предвзята и все-таки пытается быть доказательной несмотря на всю враждебность дискуссии. Она чрезмерно субъективна, склоняется к психологизму и антропософию подменяет антропоморфизмом. /.../ Драгоценные осколки ярких и сильных мыслей перемежаются в его книгах с самой беспомощной фразеологией» (Указ. изд. С.10).

²³ Ср., напр., в статье «Кошмарная мозаика»: «У Бердяева /.../ далеко не все свое, много чужого, но это чужое так хорошо усвоено, так прочно ассимилировано, что уже стало своим» (Жизнь искусства. 1919. №186. 11 июля. С.3).

²⁴ См., напр.: Бердяев Н.А. Выдержки из писем к госпоже Х. // Новый журнал. 1953. Кн.35; Там же. 1954. Кн.36; Письма молодого Бердяева / Публ. Д.Барас // Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981; Письма Николая Бердяева / Публ. В.Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990; Бердяев Н.А. Письма Андрею Белому / Публ. А.Г. Бойчука // *De Visu.* 1993. №2/3.

бря (9 ноября) 1918 — своеобразный пролог написанного двадцать лет спустя «Самопознания».

Предлагаемые письма Н.А. Бердяева публикуются по автографам из архива Э.Ф. Голлербаха в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф.207. Ед.хр.16). Письма инициировавшего эту переписку Голлербаха нам неизвестны²⁴, за исключением черновика письма от 20 февраля 1919, сохранившегося в части архива Голлербаха, входящей в состав собрания М.С. Лесмана. Это письмо (среди других материалов) было любезно предоставлено нам вдовой М.С. Лесмана Н.Г. Князевой. Пользуемся приятной возможностью выразить ей, а также Е.А. Голлербаху признательность за помощь в подготовке публикации.

1

Ст. Люботин, Южных дорог, имение Трушевой

17 августа [1915]

Уважаемый г-н Голлербах!

Письмо Ваше, пересланное мне «Бирж[евыми] Ведом[остями]», поднимает очень интересный вопрос. То что Вы пишете по поводу моей статьи¹, в сущности сводится к вопросу об отношении между личностью и коллективом, о личной ответственности за коллектив, о круговой поруке ответственности. Всеми своими примерами Вы хотите показать, что есть люди, которые в войне не виновны и потому не должны нести за нее ответственности. Здесь Вы вплотную подходите к тайне индивидуальной судьбы, которая рационально не может быть постигнута. Ведь в судьбе каждого человека многое представляется несправедливым и незаслуженным. Мы не можем постигнуть, почему у этого человека умирает близкий, почему он беден, почему несчастье и неудачи преследуют хороших людей. Такая судьба есть тайна. Можно верить в высший смысл всего свершающегося в жизни и отвергать [нрзб.] легкий случай. Но нам не дано постигнуть конкретно, почему именно это произошло с нами в жизни, почему отвергающий войну Пахом призывается на войну. Одно только для меня несомненно: личная судьба не может быть выделена из судьбы национальной, общечеловеческой и мировой, каждый человек несет ответственность за всех и за вся. Величайшая иллюзия думать, что находишься вне круговой поруки, потому что исповедуешь какие-нибудь учения, выделяющие из мира, напр[имер] толстов-

²⁴ В архиве Бердяева, находящемся в РГАЛИ (Ф.1496) и недавно открытом для исследователей, они не обнаружены.

ство. И Пахом несет вину, хотя бы он был самым крайним пацифистом. В национальном организме находится не только тот, кто признает идею национальности, но всякий живущий. Анархист также пользуется государством и также ответственен за государство, как и любой государственный. Вопрос этот решается не состоянием сознания лица, а объективной его принадлежностью к миропорядку, к национальному и государственному бытию. Даже святой в пустыне не может уйти от круговой поруки. Война — ужасна, с ней трудно примириться. Но она есть лишь частный случай ужаса жизни вообще. Жизнь в этом мире вообще ужасна, она вся в насилии, в постоянном убийстве. Трудно примириться с насилиями, которые совершает над человеческой судьбой природа и ее законы. Несчастный Пахом постоянно бывает раздавлен, не одной войной. Насилия войны — лишь частный случай вечных насилий, на которых основана жизнь в этом теле на этой земле. И с этим только можно примириться, лишь приняв ужас жизни внутрь, как путь искупления. Иначе мы обречены внешне бунтовать и быть рабами. Внешнее отрицание войны не освобождает нас. Еще мне хочется сказать, что искупление не есть наказание, что наказание есть чисто внешняя категория, неприменимая к духовной жизни. Поэтому не может быть и речи об арифметически справедливом соответствии между виной и тяжестью искупления вины. Христианство не знает арифметических подсчетов. Слова Христа, сказанные разбойнику, всегда ведь могут произвести впечатление отрицания закона справедливости, в них была благодать молитвы, а не законническая справедливость². Вот мысли, которые мне пришли в голову по поводу Вашего письма.

Готовый к услугам

Николай Бердяев

¹ См.: Бердяев Н. Мысли о природе войны // Биржевые ведомости. 1915. 26 июня. Утр. вып. С.2; вошло в кн.: Бердяев Н. Судьба России. М., 1918.

² См.: Лука, 23:43.

2

Люботин. 13 сентября [1916]

Мне помнится, что в прошлом году я ответил на Ваше письмо. Во всяком случае в Вашем письме я не почувствовал ничего такого, после чего явилось бы нежелание ответить. Теперь отве-

чаю на письмо, пересланное редакц[ией] «Бир[жевых] Вед[омо-стей]». Вы меня неверно понимаете, если думаете, что я пропове-дую «возврат к сухой и черствой церковности». Я вообще не про-поведаю «возврата». Моя последняя книга «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»¹, лучше всего выражающая мои стре-мления, достаточно показывает, как я далек от «сухой и черст-вой церковности» и от «возврата». Но Ваша характеристика ре-лигиозных стремлений современной молодежи представляется мне слишком расплывчатой, слишком неопределенной, слишком желающей совместить несовместимое. Без жертвы, без вы́бора и разделения невозможна никакая религиозная жизнь и никакие религиозные достижения. Религиозная истина не определяется тем, что нравится или не нравится современной молодежи, что соответствует или не соответствует ее инстинктам. Суeta мира («весь блеск, весь шум, весь говор мира»)² не может быть введе-на в религиозную систему. Религиозное сознание не может быть миродовольством и самодовольством. Но все должно быть имма-нентно пути, но все может быть путем человека, его испытанием, странствованием его духа к высшей жизни. Нельзя «предлагать» молодому поколению уверовать в троичность Божества. Вера не может быть навязана, она может быть лишь плодом жизненного пути и опыта. Если для Вас еще мертвы слова о Троичности Бо-жества и о Христе — Сыне Божьем, то и не нужно Вам принимать всего этого извне. Но я не верю в «Религию Мира», которой, по Вашим словам, «ищет современная молодежь»³. Это была бы ре-лигия довольства, но всякая религия есть глубокое, страдальче-ское, трагическое недовольство «миром». Всякое творчество есть недовольство «миром», преодоление «мира», исполнение запове-ди — «не любите мира ни того, что в мире»⁴. Я бы хотел, чтобы современная молодежь помнила и любила Ницше и путь Заратуст-ры. Это — жертвенный и суровый путь, путь горний, в нем есть совершенно своеобразный аскетизм духа. Жертва и аскетизм воз-можны не только во имя исполнения заповедей Бога, но также и во имя высшего достоинства и творческого призвания человека. Человек не должен быть рабом суety мира, он должен быть сво-боден от низших стихий мира во имя своего творческого и цар-ственного назначения. Человек не может допустить себя до того, чтобы быть распиленным «миром». Человек должен творить се-бя и новый мир, претворять хаос в космос. Эгоцентризм может быть великим рабством и утерей своего «я». Пер Гюнт у Ибсена был очень эгоцентричен. Нужно выковывать свое «я», высвобож-дая его из эгоцентрического хаоса. Путь свободы — суровый путь и трудный. Легкий путь — путь рабства.

Вот мысли, которые мне хотелось высказать по поводу Вашего письма.

Я затрудняюсь выслать Вам мою книгу «Смысл творчества», так как у меня нет ни одного экземпляра.

Мой адрес с конца сентября будет: Москва, Арбат, Бол. Властьевский пер., д.14, кв.3.

Готовый к услугам

Николай Бердяев

¹ См.: Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М., 1916.

² Перефразировка стиха из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833); у Пушкина: «И шум, и блеск, и говор балов».

³ Поиск философских оснований универсальной «вселенской религии» занимал Голлербаха и позднее: в 1917 «компилятивная статья» под таким названием была предложена им для журнала «Вешние воды», но отвергнута редактором М.М. Спасовским (см. его письмо к Голлербаху от 19 декабря 1917. — ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.88. Л.9-10; далее при ссылах на письма Спасовского указываются лишь номер единицы хранения и лист). Ранее, в 1915, эта статья, в которой сам автор отмечал «много противоречий», предлагалась им в журнал «Богема» (см. письмо Голлербаха к В.В. Розанову от 21 июля 1915 // Вешние воды. 1916. Кн.7/8. С.74). Ср. также не раз анонсировавшуюся, но не вышедшую книгу Голлербаха «Основы вселенской мистерии» (1919-1920). *Михаил Михайлович Спасовский* родился в марте 1890; в 1910-1915 учился на юридическом ф-те Петербургского ун-та, с 1909 занимался журналистикой. В 1913 организовал и возглавил Научно-литературный кружок русских студентов, выпустил сборник работ участников кружка «Вешние воды» (СПб., 1914), в том же году предпринял издание одноименного журнала (выходил до 1918). В ноябре 1914 познакомился с В.В. Розановым и привлек его к сотрудничеству в журнале. Автор книги статей «Большое творчество» (СПб., 1914), в которой, так же как и в редактировавшихся им журнале и сборнике «Молодая Русь» (Пг., 1916), выступал с крайне националистических, юдофобских позиций. В 1917 пережил (как и Голлербах) «лихорадочное увлечение оккультизмом» (письмо к Голлербаху от 19 апреля 1919. — Ед.хр.89. Л.20). В 1918 поступил в Академию художеств, занимал должность проректора по хоз. части. В 1924-1925 — член Совета и секретарь Ленинградского общества библиофилов (см.: [Голлербах Э.] Возникновение Ленинградского общества библиофилов. Л., 1928. С.20-23). В феврале 1926 выехал в Тегеран и в Россию не вернулся. С 1934 Спасовский, живший в Восточной Пруссии, участвовал в деятельности основанной в 1933 эмигрантской Всероссийской фашистской организации, публикуя в издававшейся в США газете «Фашист» русский перевод «Mein Kampf» (1934-1940) и ряд пропагандистских брошюр (Борьба за Россию. США, 1938; Тактика русских фашистов. США, б.г. и др.) под псевдонимом М.Гротт, использовавшимся

им и ранее (см., напр.: Гротт М.М. Некám адонай! // Вешние воды. 1915. Кн.1; Кн.2/3). О Спасовском как идеологе русского фашистского движения см. в кн. Дж. Стефана «Russian Fascists. Tragedy and Farse in Emigration. 1925-1945» (1978; сокр. русский перевод: М., 1992; автор, не располагающий сведениями о доэмигрантском периоде биографии Спасовского, ошибочно принимает псевдоним «Гротт» за его настоящую фамилию). В конце 1930-х Спасовский опубликовал книгу «В.В. Розанов в последние годы своей жизни» (Берлин, [1939?]; переработанное 2-е изд.: Нью-Йорк, 1968), вызвавшую резко отрицательный отклик З.Н. Гиппиус (см.: Антон Крайний. Об одной книжке // Современные записки. 1939. Т.LXIX. С.397-398; в связи с выходом 2-го издания см.: Ранн А. Два издания одной книги // Грани. 1970. №76). Умер Спасовский, как сообщил нам Г.Г. Суперфин, 4 июля 1971 в Австралии.

⁴ 1-е Посл. Иоанна, 2:15.

3

4 февраля [1917]

Уважаемый Э.Ф.! Буду очень рад, если проездом через Москву на обратном пути¹ Вы зайдете ко мне. Лучше, конечно, будет, если Вы заранее предупредите, когда у меня будете (мой телефон — 4-46-76). Письмо Ваше через «Биржев[ые] Ведом[ости]» получил и собирался отвечать Вам. Теперь уже лучше поговорим при свидании. Желаю Вам всего лучшего.

Николай Бердяев

¹ В конце 1916 Голлербах после перенесенного им тяжелого нервного заболевания жил в Крыму.

4

3-16 октября [1918]

Многоуважаемый Эрих Федорович! Вашу работу о Розанове¹ получил и благодарю. Не сразу ответил Вам, т[ак] к[ак] был очень занят. Если Вы предполагаете писать обо мне², то биографические сведения можно найти в автобиографии, которую я дал для С. Венгерова (не знаю, напечатана ли уже)³. Сообщу Вам вкратце биографические данные о себе. Я родился в Киеве в 1874 г. в дворянско-помещиц[ей] семье. Семья отца была военная, дед и прадед были генералами, отец служил в кавалергардском полку, но скоро вышел в отставку, был предводителем дворянства, а потом ди-

ректором Земельного банка. Мать, рожденная княжна Кудашева, была полуфранцуженка и получила французское воспитание. Ее мать, т.е. моя бабушка, была Графиня Шуазель. Моя бабушка со стороны отца была монахиня, и в детстве на меня оч[ень] сильное впечатление произвело, когда бабушку хоронили по монашескому обряду. Монахиней была также моя прабабушка со стороны матери. Я всегда чувствовал в себе переплетающиеся влияния духа военного и духа монашеского. Также всегда чувствовал вместе западную кровь и влияние католичества. Воспитывался я в Киевском кадетском корпусе. Из 6 класса я был переведен в Пажеский корпус, но вместо переезда в Петербург совсем покинул корпус и начал готовиться на аттестат зрелости. В 1894 г. поступил в Киевский университет на естет[венный] факультет, а через год перевелся на юридический. В 1897 г. я был арестован, но в тюрьме просидел всего 1 месяц. В 1899 г. был сослан на три года в Вологду⁴. С детства часто бывал за границей. В 1904 г. я переехал в Петербург и редактировал вместе с Булгаковым «Новый путь» и «Вопросы жизни»⁵. В 1907 г. я покинул Петербург и в течение ряда лет много жил в деревне, в Казанской губ[ернии], в усадьбе матери своей жены. Одну зиму провел в Париже, а затем переехал в Москву (в 1908 г.). В 1912 г. провел зиму в Италии.

Первая статья моя была написана об «Истории материализма» Ланге и напечатана по-немецки в «Neue Zeit» в 1899 г. Первая книга моя «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» вышла в 1900 г. Затем следовали книги: сборник «Sub Specie aeternitatis», книга «Новое религиозное сознание и общественность», сборник «Духовный кризис интеллигенции», книги «Философия свободы», «А.С. Хомяков», книга «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», которую я считаю главным трудом своей жизни, наконец совсем недавно вышел сборник «Судьба России» и брошюра «Кризис искусства»⁶. За последние годы мной кончены книга «Философия неравенства. Письма к недругам» и монография «К.Н. Леонтьев», но еще не печатаны. Сейчас задумано мной две книги — по философии истории и о Я.Беме⁷.

Моя внутренняя, духовная биография характеризуется несколькими кризисами. Первый кризис я пережил, когда мне было около 16 лет. Я начал искать смысл жизни. Я очень рано начал читать философские книги и вообще был раннего развития. Основное влияние на мою жизнь оказал Достоевский и он же навсегда остался моим любимым писателем. Из западных писателей большое значение для меня имели Шопенгауер, Гете и Карлейль. Следующий кризис пережил я, когда мне было около 25 лет. Я вернулся от социальных учений, которыми одно время увлекся, на

свою духовную родину, к философии, религии, искусству. В это время для меня имели большое значение Ницше и Ибсен. Самым серьезным кризисом своей жизни я считаю кризис 1905 г., когда я окончательно сделался христианином. В 1908 г. я с особой остротой пережил жизнь Церкви. Наконец, последним кризисом был кризис 1912 г., после которого я написал «Смысл творчества».

Было бы хорошо, если Вы могли прочесть мою автобиографию. Она коротка, но в ней мне удалось ясно сформулировать самое [нрзб.] и характерное. В письме могу Вам дать лишь самые краткие указания. [нрзб.] Писать обо мне работу биографического характера еще рано, но можно написать характеристику личности и творчества, что по-моему Вы и хотите сделать. [нрзб.] О Розанове Вы написали интересно, но недостаточно сконцентрировано [?]. Всего Вам лучшего.

Пред[анный] Вам

Николай Бердяев

Отрывки из этого письма были опубликованы (с неточностями), см.: Искусство Ленинграда. 1989. №3. С.57-59. [Публикация В.Н. Сажина].

¹ Первое издание книги Голлербаха «В.В. Розанов. Личность и творчество. Опыт критико-биографического исследования» — переплетенные отдельные оттиски из журнала «Вешние воды», где книга печаталась (№31-34 за 1918), — появилось в августе 1918 в количестве 200 экз. (См. письмо Голлербаха к А.Г. Горнфельду от 12 декабря 1921. — РГАЛИ. Ф.155. Оп.1. Ед.хр.277. Л.1об.). Ср. в письме Спасовского к Голлербаху от 1 сентября 1918: «Вас. Вас. [Розанов] *счастлив* (его выражение), что вышла брошюра» (Ед.хр.88. Л.40).

² Голлербах намеревался писать о Бердяеве очерк для готовившегося им совместно с Н.Н. Русовым «Словаря русских философов» (информацию об этом неосуществленном издании см.: [Голлербах Э.] Словарь русских философов // Жизнь искусства. 1919. 2/3 августа. №205/206. С.2; Он же. Русская философия и ее судьба // Новая русская книга. 1922. №2. С.1; Русов Н.Н. Словарь русских мыслителей // Вестник литературы. 1922. №1(37). С.17). По сообщению «Жизни искусства», «в основу издания взяты, главным образом, новые материалы, автобиографии и пр.».

³ Бердяев четырежды сообщал библиографу и историку литературы С.А. Венгеру библиографические данные о себе: в письмах от 9 мая 1903 (опубл. в 6-м т. Критико-биографического словаря русских писателей и ученых [СПб., 1904]) и от 2 апреля 1905 (опубл. в 1-м дополнительном томе словаря Брокгауза и Ефрона [СПб., 1905]); автобиография с библиографическими сведениями послана Венгеру в 1912 и опубликована в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т.6). Здесь Бердяев, скорее всего, имеет в виду автобиографию 1917, предназначавшуюся для 2-го (неосуществленного) издания Критико-библиографического словаря

(все документы хранятся в РО ИРЛИ. Ф.377; сообщено Г.В. Обатниным).

⁴ Ошибки памяти: Бердяев был арестован в ночь на 12 марта 1898. Выдержки из протокола обыска и допроса Бердяева см. в комментариях А.В. Вадимова к новейшему изданию «Самопознания» (М., 1991. С.415-416). В Вологду он был сослан 22 марта 1900 (подробнее см. публикацию Д.Барас «Письма молодого Бердяева» — Указ. изд. С.211).

⁵ С октября 1904 журнал «Новый путь», выходявший с 1903 под ред. П.П. Перцова, а с июля 1904 — Д.В. Философова, стал издаваться «при ближайшем участии» Бердяева, вернувшегося в Россию из Швейцарии, и С.Н. Булгакова. С января 1905 Бердяев и Булгаков становятся фактическими руководителями журнала «Вопросы жизни» (при официальном редакторстве Н.О. Лосского; подробнее см.: Колеров М.А. «Вопросы жизни»: история и содержание // Логос. 1991. №2. С.264-273).

⁶ Первая статья Бердяева, первоначально опубликованная по-немецки (F.A. Lange und die kritische Philosophie in ihren Beriehungen zum Sozialismus // Die Neue Zeit. 1899. №32-34), была напечатана по-русски в 1900 (Ф.А. Ланге и критическая философия // Мир Божий. №7). Далее Бердяев перечисляет свои книги: Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб., 1901; Sub Specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные, 1900-1906. СПб., 1907; Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907; Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-1909 г.). СПб., 1910; Философия свободы. М., 1911; А.С. Хомяков. М., 1912; Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918; Кризис искусства. М., 1918.

⁷ См.: Бердяев Н. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин, 1923; Он же. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926. Говоря о задуманных книгах, Бердяев имеет в виду написанный в 1918 «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» (Издано в Берлине в 1923). Замысел книги о Я.Беме не был осуществлен; к творчеству Беме Бердяев неоднократно обращался во многих своих произведениях, специально посвятив Беме отдельные статьи. См., напр.: Бердяев Н. Из этюдов о Я.Беме: Этюд I. Учение об Ungrund'e и свободе // Путь. 1930. №20; Этюд II. Учение о Софии и андрогине: Я.Беме и русские софиологические учения // Там же. №21.

5

Москва, 27 октября — 9 ноября [1918]

Многоуважаемый Эрих Федорович! Я начинаю думать, что писать так, как Вы хотите, можно только после смерти писателя.

Конечно, и при жизни писателя можно и должно вскрывать его психологию и психологические основы его идей. Но это должно иметь свои границы. Я враг того совершенного разрыхления души, своей и чужой, которое производит Розанов. Это дает очень интересный материал и Розанов производит это с гениальностью. Но так поругается человеческое достоинство, так колеблется образ человека, падают границы личности и личность погружается в бесформенную стихию. Мне изначально присущ аристократизм, который этому противится. В наши дни я придаю особенное значение дисциплине, форме, иерархической дистанции. Это необходимо русским. Русские потеряли личность в распущенности и хаосе. Мне дорого в католичестве то, что оно дисциплинирует душу, превращает ее в крепость. Вообще у меня ведь есть очень глубокие и природные католические симпатии. Это имейте в виду. Я всегда горевал, что в России не было рыцарства. Рыцарство же родилось на католической духовной почве. Вся моя эстетика — латинская. И по складу моей природы в моей эстетике преобладает элемент живописно-пластический над музыкальным. На все интересующие Вас вопросы я считаю невозможным ответить. Ответ означал бы не только автобиографию, но и исповедь. Я же по характеру своему человек замкнутый и скрытный и очень мало похожу на Розанова. Но кое-что могу сказать Вам. Я эстетически очень привязан к предметам. Для меня огромное значение имеет изящество обстановки. Я очень страдаю от всего уродливого и грубого. Во мне есть природное эстетство, которое всегда доставляло мне не только радости, но и страдание. В мире и людях я всегда видел более уродства, чем красоты. Вообще у меня есть некоторый уклон к пессимизму, заложен[ный] в моем чувстве жизни. В обстановке комнат я люблю строгий порядок и аккуратность. Малейший беспорядок приводит меня в дурное настроение и мешает мне работать. В моем характере есть педантизм. Я живу по часам, работаю по часам и размеренно. Во мне самом есть хаотическое начало, но я всегда дисциплинирую и оформляю хаос и не выношу торжества хаоса в складе жизни. Одним из основных лейт-мотивов моего бытия является любовь к свободе, в которой вижу знак богоподобия и высшего достоинства человека. Но свободу я не отождествляю, а противопоставляю хаосу. Для меня характерна некоторая гордость, в которой есть и [нрзб.] старины, но есть и большой грех мой. Отсюда вытекает трудность близкого общения с людьми. Об отношении к животным и собакам могу Вам дать очень определенный ответ. Про меня всегда говорили, что животных я люблю больше, чем людей, и близкие даже шутливо просили, чтобы я относился к ним, как к собакам. Я очень

люблю животных, и любовь эта привела меня к отказу от мясной пищи. К собакам же у меня настоящая страсть. У меня есть любимая собака, судьба которой имеет для меня огромное значение. Я всегда беспокоюсь о ней и волнуюсь от всяких пустяков в ее жизни. Сновидения имели очень большое значение в моей жизни. Вообще многое было связано у меня с ночью, многое раскрылось мне ночью. По существу моей природы я более ночной, чем дневной человек, хотя я всегда стараюсь иметь дневное обличье. Долгое время ночи мои были очень кошмарны, что-то темное обступало меня, но теперь я это преодолел. Связано это с моей религиозной жизнью. Я себя чувствую абсолютно и неизменно христианином. Это самое главное. Я, впрочем, дурной и грешный христианин, но верный и не сомневающийся. Вообще я не скептик по своей природе, я догматик. Душевные трудности для меня были связаны не с сомнениями, а с другим. Это — о себе. О вас же — вот что. Вам необходимо преодолеть импрессионизм и психологизм. Это преодоление связано будет с сосредоточенностью. Душевная сосредоточенность, духовное собирание самого себя — самое важное. Я придаю огромное значение духовной медитации. Это путь [нзрб.].

О Розанове Вы написали «интересно» (а не «истерично»), но недостаточно сосредоточенно, слишком разбросанно. Нужно высоко ценить Розанова, но преодолеть его, сделаться свободным от него. В Розанове есть распадение личности, но выраженное в гениальной художественной форме¹. Необходима работа над душевным хаосом, необходим выбор и сосредоточенность, дисциплина и терпение. Это не абстракции, это — рождение личности, рождение Бога.

Да хранит Вас Христос.

Николай Бердяев

¹ В своих оценках Розанова Бердяев следует ранее высказанным им печатно суждениям. См. его статьи: «Христос и мир» (Русская мысль. 1908. №7); «О "вечно-бабьем" в русской душе» (Биржевые ведомости. 1915. 14, 15 января. Утр. вып.); «Апофеоз русской лени» (Биржевые ведомости. 1916. 20 июля. Утр. вып.).

Повтор оценки книги Голлербаха о Розанове («интересно»), данной в предыдущем письме, вызван, вероятно, тем, что Голлербах неверно прочел это место бердяевского письма, написанного весьма неразборчивым почерком.

Москва 4-17 февраля [1919]

Многоуважаемый Эрих Федорович!

Простите, что так долго не отвечал Вам. Но я страшно занят и с трудом нахожу свободную минуту. По этой же причине не могу принять участие и в проектируемом Вами сборнике¹. Для писанья статьи у меня не будет времени в сколько-нибудь обозримом будущем. Моя занятость все увеличивается и будет увеличиваться, т[ак] к[ак] страшно много теперь уходит на заработок. Хотел написать Вам больше о самом плане сборника в духе старины, но сейчас не могу. С благодарностью возвращаю Вам Ваши две диссертации². Вид у них очень соблазнительный.

Умер В.В. Розанов. Ужасно, что негде даже написать о нем³.
Всего лучшего.

Пред[анный] Вам

Ник. Бердяев

¹ Идея издания сборника или «критического альманаха с 2-3 небольшими, но красивыми /.../ беллетристическими вещами» обсуждалась Голлербахом и Спасовским с 1917 (см. письмо Спасовского к Голлербаху от 19 февраля 1918. — Ед.хр.88. Л.18), однако, не была осуществлена вследствие «неблагоприятных типографских условий и железнодорожной разрухи» (там же). В 1918 Голлербах настойчиво возвращается к этому проекту. 17-19 марта 1918 Спасовский пишет ему: «Подумываю об организации издания сборника, о котором мы с Вами уже беседовали. Приготовьте статью, небольшую, но определенную, смелую. Сборник будет носить характер призыва — к созидательному творчеству Русских сил в планах государственного строительства России и нашего духовного просветления» (Ед.хр.88. Л.24). Летом 1918 Спасовский, возможно, в связи с подготовкой сборника, просит Голлербаха сообщить ему адрес Бердяева (письмо от 18 июля 1918. — Ед.хр.88. Л.34). Окончательно идея предполагаемого сборника была, видимо, сформулирована Голлербахом в письме к Спасовскому от 23 декабря 1918. Ответ Спасовского позволяет судить о составе и направлении издания: «...идея нашего Сборника такова: прежде всего — он будет называться "Светлыми путями" и должен отразить философскую идеологию жизненного благоустройства вне политических доктрин /.../. Хотелось бы иметь пять статей пяти авторов: В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, Л.А. Мурахиной, Вашу и мою». Далее Спасовский просит Голлербаха: «Окажите содействие, чтоб Бердяев прислал материал. Напишите ему» (Ед.хр.88. Л.46об.-48об.). Одновременно с отказом от участия в сборнике в публикуемом здесь письме к Голлербаху Бердяев, очевидно, написал о том же и Спасовскому: 19 февраля 1919 последний сообщает Голлербаху: «Сегодня получил письмо от Н.А. Бердяева, —

окончательно расстроился» (Ед.хр.89. Л.7об.). Изменение позиции Бердяева, заявленное им в предисловии к книге «Судьба России» (некоторые положения которой, несомненно, были близки платформе планировавшегося сборника; ср., напр., в статье «Славянофильство и славянская идея»: «Судьба славянской идеи не может стоять в рабской зависимости от /.../ политиканских расчетов». — С.142), его «горький пессимизм» в отношении «потерявшего свою идею» русского народа и возложенной на него миссии сделали невозможными дальнейшие переговоры и вызвали острую реакцию неприятия у Спасовского. 2 марта 1919 он писал Голлербаху: «Он [Бердяев] меня огорчил своим отречением от России» (Ед.хр.89. Л.9об.).

Одна из пяти упоминаемых участников сборника — *Любовь Алексеевна Мурахина* (урожд. фон Цеплин; 1843-47? — 1919), историческая романистка, журналистка и переводчица, сотрудница журнала «Вокруг света», автор книги «Из глубины веков (очерки и рассказы из жизни и быта древних народов)» (Харьков, 1915). В 1917 в «Вешних водах» опубликовался ее роман «Пирамида Хеопса». Подробнее о ней см. в письме Спасовского к Голлербаху от 18 декабря 1919 (Ед.хр.90. Л.8-9) и в его книге «В.В. Розанов в последние годы своей жизни» (Берлин. [1939]. С.34-35).

² О каких работах Голлербаха идет речь, установить не удалось.

³ В.В. Розанов умер 5 февраля 1919 в Сергиевом Посаде. Письмо Бердяева было для Голлербаха первым известием о его смерти. Вскоре после получения этого письма (20 февраля) Голлербах пишет Бердяеву: «Умер Василий Васильевич Розанов». Если б Вы знали, *что* это для меня значит, и *кого* я в нем потерял. Да и не я один, вероятно. Безгранично много хочется о нем сказать, но пока не могу — слишком больно и жутко [говорить]. Правда ли? Не ошибка ли это известие? Э.Г.» (собрание М.С. Лесмана). Последние строки из письма Бердяева процитированы Голлербахом в статье «Последние дни Розанова. (К 4-ой годовщине смерти)» (Накануне. 1923. 11 февраля. №258. Лит. приложение №39. С.5).

7

Москва 28 мая 1919 г.

Многоуважаемый Эрих Федорович!

Возвращаю Вам статью [о] Розанове. Очень жаль, что ее негде напечатать¹. Простите, что так долго не возвращал, но я все думал найти время, чтобы написать [настоящее письмо?] Вам. Время до сих пор не мог найти. Я так [страшно?] занят, что не имею свободной минуты. Адрес Михаила Осиповича Гершензона — Москва, Арбат, Никольский пер., д.14, кв.3².

Если будете в Москве, заходите.

Преданный Вам

Ник. Бердяев

¹ Имеется в виду оставшийся неопубликованным некролог «Памяти В.В. Розанова (1856-1919)», написанный Голлербахом 19 февраля 1919 (рукопись в архиве М.С. Лесмана). Вариант некролога появился 27 марта 1919 в газете «Жизнь искусства» (№105). Сохранился экземпляр публикации с пометой автора: «Этот некролог значительно искажен и урезан редакцией. Зачеркнутые слова присочинены, некоторые заменены другими, а иные фразы вовсе отсутствуют. Так процветает ныне "свободное" слово» (архив М.С. Лесмана). Цензурные препятствия встречали и другие публикации Голлербаха, связанные с именем Розанова: так, например, был конфискован номер 8/9 «Летописи Дома литераторов» за 1922 со статьей Голлербаха «Воспоминания о В.В. Розанове. (К трехлетию со дня смерти)», сопровождавшейся публикацией отрывков из писем Розанова к Голлербаху и «Последних мыслей» Розанова, записанных его дочерью Надеждой в декабре 1918 (см. письмо Голлербаха к В.Е. Аренс от 16 марта 1922. — ОР РНБ. Ф.33. Ед.хр.18. Л.9об.). Воспоминания Голлербаха одновременно появились и в рижской газете «Новый путь» (1922. №306. С.2-3), что повлекло за собой конфликт автора с редакцией «Летописи...» (см. письмо Голлербаха к А.Г. Горнфельду от 28 июня 1922. — РГАЛИ. Ф.155. Оп.1. Ед.хр.277). В 1923 Иностранным отделом Главлита была запрещена к ввозу в Россию вышедшая в декабре 1922 в Берлине книга «Письма В.В. Розанова к Э.Голлербаху» (РГАЛИ СПб. Ф.31. Оп.2. Ед.хр.13).

² Интерес Голлербаха к личности М.О. Гершензона, возможно, связан с той ролью, которую Гершензон сыграл в организации помощи умиравшему Розанову (подробнее см. комментарий В.Проскуриной к письму Розанова Гершензону конца 1918: Новый мир. 1991. №3. С.242).

ПИСЬМА В.Ф. ХОДАСЕВИЧА — В.Г. ЛИДИНУ
(1917-1924)

Публикация И. Андреевой

В письме к М.О. Гершензону от 24 июля 1921 Ходасевич писал из Петербурга: «Во всей Москве люблю Вас одного — душой. (Еще люблю — Лидина, но уже каким-то своим литературным боком, люблю его за беспросветную любовь к литературе, к литературщине, к переплетам, к литературной чепухе. Что он делает? Торгует, небось?)»¹

Ходасевич и сам был влюблен не только в литературу, но и в «литературное дело» во всем многообразии его проявлений: прекрасно знал размер печатного листа и сколько тысяч букв составляют его, умел думать о шрифтах, обложке; его влекли редакции журналов и издательств. У нас нет такого рода свидетельств, как «камерфурьерский журнал», о российском периоде жизни Ходасевича, но там, в Берлине или Париже, он мог за день обежать три или четыре редакции, был постоянным посетителем книжных магазинов «Москва» или Я.Поволоцкого.

Прожив обычной дачной жизнью летом 1915 в Раухале среди родственников любимой племянницы Валентины Ходасевич и ее мужа, он с тоской написал Анне Ивановне Ходасевич: «Скажу даже по совести. Если бы все дело было только в рассказе [в то время он был озабочен тем, куда пристроить рассказ "Заговорщики" — *Публ.*], я завтра же был бы в поезде и ехал в Москву. Но мне хочется побывать у Чулковых... Хочется побывать в Царском и после здешних разговоров о ягодах и грибах, да о сухом квасе — поговорить с людьми. Я отдыхал, мне здесь было хорошо, но прямо приехать в Москву — нет, у меня остался бы от поездки дурной, т.е. нудный осадок»².

Владимир Германович Лидин (1894-1979) — прозаик, автор двух десятков романов и повестей и множества рассказов, памятен главным об-

¹ ОР РГБ. Ф.746. Карт.43. Ед.хр.5.

² РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.44.

разом моментальными зарисовками редких, удивительных книг и тех, кто создает книги: писателей, художников, издателей, коллекционеров, библиофилов. «Люди и встречи», «Друзья мои — книги» переиздавались многократно.

Страсть к книге он пронес через всю жизнь: по всему миру разыскивал дома писателей, пытаюсь разглядеть в них отпечаток души, характера³ и — места последнего упокоения. Не случайно именно Лидин сохранил записи об уничтожении кладбища Данилова монастыря и переносе праха Гоголя, А.С. Хомякова, Н.М. Языкова — на Новодевичье кладбище⁴; он же в 1966 перевозил на Новодевичье урну с прахом Н.П. Огарева, похороненного на кладбище Шутерс-хилл в Гринвиче.

Под редакцией Лидина вышел ценнейший сборник «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков»⁵.

Ходасевич познакомился с Лидиным скорее всего весной 1917 во время создания Московского клуба писателей, который собирался на свои заседания в Художественном театре. По воспоминаниям Лидина, из этого клуба возник в 1918 Московский профессиональный Союз писателей, а затем — Всероссийский. Участники клуба издали сборник «Ветвь» (М., 1917); весь доход с издания пошел на нужды выпущенных из тюрем политических заключенных. В одной из своих новелл «Ветвь» Лидин рассказал о принадлежащем ему экземпляре сборника, на титульном листе которого расписались авторы: «Мир на земле! На святой Руси воля! Каждому доля на ниве родной!» — написал поэт-символист Вяч. Иванов. «Только бы любить — все будет хорошо. Друзья, друзья мои!» — написал Алексей Толстой. «Мир земле, вечерней и грешной!» — перефразировал двестише Иванов Владислав Ходасевич⁶. Сразу отметим, что Ходасевич процитировал первую строку стихотворения «Слезы Рахили» (1916), которое в сборнике «Ветвь» и было напечатано.

И в дальнейшем обоих корреспондентов связывала не только приязнь, но и книжные, литературные дела: В.Ф. Ходасевич и А.И. Ходасевич, жена поэта, торговали в 1918-1919 в Книжной лавке писателей, Лидин (несколько позже) — в лавке «Содружества писателей» на Тверской. (Вопрос в письме к Гершензону: «Торгует, небось?» — отражение реалий писательского быта тех лет).

Лидин работал в издательстве «Северные дни», составлял альманахи «Северные дни» (I и II), где Ходасевич печатался и, как мы увидим, не только сам, но и предлагал произведения других авторов.

С большой симпатией относился Ходасевич к литературной группе «Лирический круг», куда входили А.Эфрос, В.Лидин, С.Парнок, К.Липскеров, А.Глоба, С.Соловьев. Приезжая из Петербурга, он бывал на заседаниях «Лирического круга», собиравшихся то на квартире Лидина, то в

³ Лидин В. Места воспоминаний. М., 1938.

⁴ Лидин В. Перенесение праха Н.В. Гоголя // Российский архив. Т.1. М., 1991. С.243-246.

⁵ Писатели... М., 1926; То же: Издание дополненное. М., 1928.

⁶ Лидин В. Друзья мои — книги. М., 1976. С.153. Этот экземпляр сборника «Ветвь» в библиотеке Лидина не сохранился.

помещении издательства М. и С. Сабашниковых, читал свои стихи и слушал стихи москвичей. Для первого, оказавшегося, впрочем, единственным, альманаха «Лирический круг» написал статью «Окно на Невский» (судя под подзаголовку: «I. Пушкин», задумывался цикл статей).

Приятельские отношения не прервались ни с переездом Ходасевича в Петербург, ни даже с его отъездом за границу. В журнале «Беседа» был опубликован рассказ В. Лидина «Зацветает жизнь» (1923. №4); они виделись, когда Лидин в 1922 оказался в Берлине. Запись об этом осталась в «камерфурьерском журнале»: «11 нояб., суб. Обедать (у Бербер.). Геликон. (Белый, Пастернак). Ландграф (''клуб'') (Зайцевы, Осорг., Франк, Белый, Ященко, Муратов, Бердяев, Лидин...)»⁷

Письма Ходасевича к Лидину дают и один из ответов на вопрос, почему Ходасевич покинул Россию: за ними встает история крушения литературного дела, издательского дела, история борьбы и поражения неподцензурной русской литературы.

Приношу искреннюю благодарность дочери В.Г. Лидина — Елене Владимировне Лидиной за разрешение опубликовать письма.

1

Дорогой Владимир Германович, кипрокво¹ тяготеет и над нашим романом. Против всякой воли я вынужден его затянуть, ибо числа с 15 июня я только и делал, что возился с омерзительным многоголовчатым нарывом на лице. Мне его резали, перевязывали и т.д. Ходил я весь обвязанный и забинтованный, не имея возможности повернуть голову и наклониться к столу. Писать в таком состоянии было невыносимо. Только 10 июля я пришел в себя. Работаю теперь на всех парах, но все-таки роман запоздал. Посылаю Вам ровно половину его. Готово гораздо больше $\frac{3}{4}$, но еще не проверено. Буду высылать по частям. Устройте мне корректуру к 4 августа². В этот день я приеду в Москву, ибо уже взял билеты на 2 августа. Не гневайтесь. Я себя подвел больше, чем Вас, ибо из-за этого нарыва пошла у меня насмарку вся здешняя «поправка» + нарушились денежные расчеты. Будьте здоровы. Жму руку.

Ваш Владислав Ходасевич.
Коктебель, 13/VII 917.

Ваше письмо запоздало, ибо Вы написали неверный адрес. Надо: Феодосия, Таврич. губ., *Коктебель*³, дача Волошиной. — А Вы *Коктебель*-то и пропустили.

⁷ Бахметьевский архив Колумбийского ун-та (США). Ф. М.М. Карповича.

¹ Недоразумение (*фр.*)

² Ходасевич переводил роман французского писателя Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен». Выпущен изд-вом «Северные дни» в 1917 (Тилье Клод. Дядя мой, Веньямин. Перевод В.Ходасевича). О месте этого романа в творчестве Ходасевича см. Послесловие и комментарии И.Андреевой к переписке В.Ф. Ходасевича с М.О. Гершензоном (De Visu. 1993. №5).

³ Ходасевич вместе с пасынком — Гарриком (Эдгаром Гренционом) выехал в Коктебель 29 мая 1917, а вернулся в Москву скорее всего 13 августа. Во всяком случае, он писал Г.И. Чулкову, предложившему ему место ответственного секретаря в журнале «Народоправство»: «Мы взяли билеты отсюда в Москву на 2 августа, приедем 4-го, а 5 я могу "вступить в должность". Но: нельзя ли приехать 13 и начать работу 15?» (ОР РГБ. Ф.371. Карт.5. Ед.хр.12). Он очень тревожился о судьбе рукописи, поспеет ли она в срок, и просил жену в письме от 14 июня 1917: «Позвони к Лидину (1-04-26) или к нему же на службу (от 2 1/2 до 4 час.) по тел. 3-35-53 или 3-53-35 и узнай, не призван ли он и наверняка ли будет в Москве в начале июля, когда я пришлю рукопись» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.46).

2

[открытка]

Коктебель,
24 июля 1917.

Дорогой Владимир Германович,
погода в Коктебеле была сравнительно неважная, но теперь уже дней 10 — великолепная. Можно надеяться, что такая и будет. Август здесь обычно бывает не жарок, но очень тепел и тих, к[а]к и сентябрь. Комнат еще нет, но с 1 августа будут. Целой дачи свободной не найдется. Питание (3 столовых, самим готовить немислимо) по сравнению с Москвой обильно, но дороговато. Обед и ужин (2 + 2 блюда) стоит 150 р. в месяц с человека¹. Будьте здоровы. Жму руку. А[нна] И[вановна] шлет привет.

В.Ходасевич.

[Адрес:] Москва. Владимиру Германовичу Лидину.
Издательство «Северные дни». Тверская, 19.

¹ Очевидно, Лидин думал о приезде с семьей в Коктебель, где Ходасевич был уже завсегда: он лечился в Коктебеле летом 1916, подружился с М.А. Волошиным и другими постоянными обитателями.

Многоуважаемый Владимир Германович.

Я сейчас занят работой над биографиями Пушкина и Дельвига¹. Для этих работ мне постоянно нужны сочинения П.А. Вяземского, а так как служба вынуждает меня работать по вечерам, дома, то музейной библиотекой я не могу пользоваться. Поэтому, если Вы будете знать, что книги эти где-нибудь продаются, — не откажите посодествовать мне в приобретении их.

Вас уважающий

Владислав Ходасевич

13 июля 1919

¹ Пушкиным Ходасевич занимался всю свою жизнь, с юности. Он написал две книги о Пушкине «Поэтическое хозяйство Пушкина» (М., 1924) и «О Пушкине» (Берлин, 1937) и более ста статей, но мечтал написать биографию Пушкина. И у него были два договора на биографию: в России и во Франции. Устная договоренность с издательством Сабашниковых завершилась подписанием договора от 25 января 1922, подтверждавшего, что «Ходасевич принял на себя составление для издательства М. и С. Сабашниковых биографии Александра Сергеевича Пушкина размером до 10 печ. листов 40.000 букв каждый. /.../ 3) Биография должна быть окончательно составлена и представлена издательству в Москве в готовой к печати и отчетливо переписанной рукописи к первому июля сего 1922 года», за что «Автор авансом получает в течение февраля, марта, апреля, мая, июня по 25 рублей золотом в советских деньгах» (ОР РГБ. Ф.261. Карт.9. Ед.хр.16). Вначале он принялся за работу очень активно, стал собирать необходимые книги, просил переслать их в Москву А.И. Ходасевич — «для Сабашниковской работы». В архиве И.И. Бернштейна (А.Ивича) сохранилась первая глава: 17 длинных листов машинописи с правкой автора. Она начиналась словами: «20 мая 1799 г., в день Вознесения, в Москве, на Немецкой улице, в доме Скворцова, произошло одно из великих исторических событий: у отставного офицера гвардии Егерского полка Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны родился сын, которому предстояло стать гордостью и счастьем России. 8 июня младенец крещен и наречен Александром. Жизнь встретила его неласково. Но чтобы отчетливо представить себе обстановку пушкинского детства, необходимо взглянуть, что за люди были Сергей Львович и Надежда Осиповна, каковы были характеры их, в какой обстановке, в каких традициях и преданиях выросли они сами, какая физическая и духовная наследственность на них тяготела». Биография доведена до окончания Пушкиным лица. Очень скоро в письмах Ходасевича начинает звучать тревога, он чувствует, что не успевает, что «российский период» его жизни подходит к концу. 18 мая 1922 он писал А.И. Ходасевич: «Очень прошу быть осторожной с деньгами. Я ташу их с Сабашникова, хотя знаю, что ника-

кого Пушкина не видать ему. Это меня мучит» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.49).

Сохранились и протоколы четвертого заседания Пушкинской редакционной комиссии, состоявшейся в Париже 5 июля 1935, в 5 часов дня, в которой среди других историков литературы: М.Л. Гофмана, Н.К. Кульмана, Г.Л. Лозинского присутствовал В.Ф. Ходасевич и даже председательствовал после ухода Н.К. Кульмана. Среди множества рекомендаций и резолюций в протоколе записано: «В.Ф. Ходасевич сообщает о своем согласии написать биографический очерк и просит сообщить ему срок, в который работа должна быть сделана» (Амхерст. Центр русской культуры. Архив К.И. Солнцева). Был опубликован ряд фрагментов и глав из будущей книги о Пушкине в газете «Возрождение», но самой книге так и не суждено было родиться. В 1932 В.Ф. Ходасевич пишет — на этот раз Н.Н. Берберовой: «Настроение весело-безнадежное. Думаю, что последняя вспышка болезни и отчаяния были вызваны прощением с Пушкиным. Теперь нет у меня ничего» (Письма В.Ходасевича к Н.Берберовой / Публ. Д.Бетеа // Минувшее. Исторический альманах. Вып.5. Париж, 1988. С.285).

Собрание сочинений *Дельвига* Ходасевич готовил в 1918-1919. В 1918 он отправился в Петербург разыскивать дельвиговские архивы и о ходе работы сообщал Анне Ивановне Ходасевич: «У Модзалевского был вчера, он мил и обязателен чрезвычайно. Дальше — секрет: никаких дельвиговских бумаг в Публичной библиотеке нет. Они все погибли несколько лет тому назад. Это сильно облегчает мою задачу. Есть кое-что в Пушкинском Доме, и это все Модзалевский обещает мне приготовить к четвергу. Если придет Мирович, скажи, что я *работаю по Дельвигу*, больше ничего». 12 октября следует продолжение: «Дельвиг подвигается. Если кто будет спрашивать о Гор[ьком] и о Дельвиге — говори: не знаю, не пишет» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.47). Почему работа была оставлена и кто такой Мирович, — сообщает В.Лидин в очерке «Вячеслав Иванов»: «Некий мифический издатель затеял в ту голодную и холодную пору столь же мифическое, с эстетским уклоном, издательство, выпустившее в свет лишь проспект, и то напечатанный лишь на пишущей машинке: ни одной книги издательство так и не издало. Однако в его планах значились и том повестей забытой писательницы прошлого века Е.Ган, писавшей под псевдонимом Зенеида Р-ва, редактором этого тома взялся быть М.Гершензон, и ряд книг поэтов пушкинской поры под редакцией В.Ходасевича, а Вяч.Иванов по этому проекту должен был редактировать Веневитинова.

У издателя, красивого молодого человека, с лицом викинга, было все, кроме денег, бумаги и издательского опыта, но переговоры с редакторами будущих книг велись, и я помогал издателю» (Лидин В. Собрание сочинений в трех томах. Т.III. М., 1974. С.467-468).

В архиве В.Г. Лидина сохранился типографский бланк: «Издательство З.М. Мировича». По заказу этого Мировича и готовил Ходасевич собрание стихов Дельвига, которое так и не вышло в свет.

Дорогой Владимир Германович,
вот моя заметка. Если бы редакция (кстати: из кого она состоит?) нашла нужным оговориться, что она разделяет не все мои мысли, то на такую оговорку я заранее *согласен*. Но изменений никаких делать нельзя.

Жму Вацу руку. Заходите же.

Владислав Ходасевич.

26 янв. 1921,
Петербург.

Дорогой Владимир Германович,

Я только сегодня получил письмо Ваше. Простите, но [с] Дельвигом вышло вот что: я вечером накануне отъезда из Москвы должен был еще раз зайти к Чулкову, когда и намеревался отдать ему книгу. Но что-то случилось, к Чулкову я не попал, и Дельвиг пропутешествовал в П[етер]бург в кармане моего пальто. Не тревожьтесь за его судьбу. Но что прикажете делать? Послать ли его в Москву с оказией (ах, не верю я им!) или ждать Вашего приезда? Признаюсь, я не очень беспокоился об этом деле, ибо думал, что Вы приедете. Ведь Вы грозились приезжать каждый месяц. Так отвечайте же, как поступить.

Живем мы в «Доме Искусств» на углу Мойки и Невского. У нас две комнаты с порядочной мебелью, сносной температурой (8-12°) и чудесным видом. Всякие лекции, концерты, просто сборища и маскарады — в том же доме. Есть даже ванна и парикмахер и хорошо стряпающая прислуга. Эдгар благополучно сдал экзамены в Тенишевское училище, где, кажется, сохранился еще предрассудок, будто надо не только есть суп, но и учиться. Анна Ивановна служит в тихом и культурном учреждении, имеющем при себе целый антикварный музей; начальство ее — родня и добрые знакомые. Так что все было бы чудесно, если бы я не хворал почти все время. У меня уже 119-й нарыв, лечить их надо едой, а мне до сих пор не перевели сюда мой паек. (Кстати, писал я об этом Михаилу Осиповичу, умоляя похлопотать¹. Передайте ему поклон и горький упрек за молчание, бывшее ответом на мое письмо. Ну, да Бог с ним, я его очень люблю).

Литература, конечно, приглушена и здесь. Но все же не о пайке едином здесь говорят; что-то пишут, не торгуют и вообще несравненно, неизмеримо больше похожи на людей, чем москвичи. Я каждый день радуюсь, что перебрался сюда, хотя живется мне туго.

Слушайте, в самом деле, приезжайте-ка себя показать, людей посмотреть. Я бы рад повидаться с Вами.

Стихов пишу мало, но кое-что есть. А Вы что делаете? Не сообщите ли сплетен московских: о себе, об Ангарском², об Эфросе³ и Шпетте⁴ (поклоны им).

Михаилу Осиповичу *непреренно* поклон и укор.

Будьте здоровы.

Любящий Вас

Владислав Ходасевич.

Мой адрес: Морская, 14, Дом Искусств, кв.30а.

P.S. У нас много поэтов. Все славные мальчики, о футуристах не слышно. Это здесь считается провинциальным. Очень хорошие стихи пишет Мандельштам⁵.

¹ См. упоминавшуюся переписку В.Ф. Ходасевича и М.О. Гершензона (De Visu. 1993. №5).

² Николай Семенович *Ангарский* (Клестов, 1873-1943) — литературный критик. В 1919-1922 — редактор литературного журнала «Творчество», в котором публиковался Ходасевич. В 1924-1932 — руководитель изд-ва «Недра».

³ Абрам Маркович *Эфрос* (1888-1954) — искусствовед, театральный критик, переводчик, один из основателей общества «Лирический круг» — с юности был приятелем Ходасевича, близкий друг Муни. В следующих письмах Ходасевич называет его «домашним» именем: Бама. К нему обращено «Письмо» Ходасевича (Возрождение. 1927. 29 сентября).

⁴ Густав Густавович *Шпет* (1879-1940) — философ. О нем и его судьбе см.: Лица: Биографический альманах. 1. М.-СПб., 1992. Как вспоминает В.Лидин в книге «Друзья мои — книги»: «Тогда в Леонтьевском переулке была Книжная лавка писателей, а на Тверской, рядом с Московским Советом, — книжная лавка "Содружество писателей", за прилавком которой стояли подслеповатый профессор-литературовед Ю.И. Айхенвальд, философ Г.Г. Шпет и пишущий эти строки. Мы стояли в шубах и шапках, потому что помещение не отапливалось, а за нашими спинами теснились на полках до потолка книжные сокровища — все, что революция вытрясла из помещичьих усадеб или великокняжеских дворцов в Петрограде» (С.10-11).

⁵ Жизнь в «Доме Искусств» близко свела Ходасевича и *Мандельштама*, заставила их услышать друг друга. Ходасевич насмешливо от-

носился к Мандельштаму, шаржированно, комедийно изображал его в своих письмах, и это впечатление переносил на стихи. О втором издании «Камня» он писал: «В позднейших стихотворениях Мандельштама маска петроградского сноба слишком скрывает лицо поэта; его отлично сделанные стихи становятся досадно комическими, когда за их "прекрасными" словами кроется глубоко ничтожное содержание. /.../ Ну, право, стоило ли тревожить вершины только для того, чтобы описать дачников, играющих в теннис» (Утро России. 1916. 30 января).

Уже в Берлине он написал о книге Мандельштама «Tristia»: «Подобно Адаму (недаром сам акмеизм порой именовался "адамизмом"), поэт ставит главной своей целью — узнать и назвать вещи. Талант зоркого метафориста позволяет ему тешиться этой игрой и делать ее занимательной для зрителя. Поэзия Мандельштама — танец вещей, являющихся в самых причудливых сочетаниях. Присоединяя к игре смысловых ассоциаций игру звуковых, — поэт, обладающий редкостным в наши дни знанием и чутьем языка, часто выводит свои стихи за пределы обычного понимания: стихи Мандельштама начинают волновать какими-то темными тайнами, заключенными, вероятно, в корневой природе им сочетаемых слов — и нелегко поддающимися расшифровке» (Дни. 1922. 12 ноября). С той поры Ходасевич искал книги Мандельштама и его стихи в журналах. О сб. «Стихотворения» (1928) он писал: «Издание стихов Мандельштама — последних или нет — особая радость для поклонников поэта. В советских журналах Мандельштам почти не печатается, и в России, где сейчас так мало подлинных поэтов, книга его в некотором роде событие» (Возрождение. 1928. 16 августа). В 1931 критик привел строфу из стихотворения «С миром державным...», уловив «перемену в голосе» поэта. Ходасевич увидел, что за стихами стоит «кто-то новый», и пожалел, что не может узнать его ближе: книги Мандельштама не выходили, и в журналах стихи его появлялись редко (Возрождение. 1931. 9 июля. За подписью: «Гулливер»).

6

Морская, 14, Дом Искусств,
кв. 30а

Петербург, 28 февр. 1921.

Ловлю Вас на слове, дорогой Владимир Германович!
Давайте же переписываться — и без лености. Я знаю Ваше доброе отношение — и, поверьте, сам сердечно люблю Вас. Значит — убиваю двух зайцев: беседую с Вами и получаю вести о Москве. Идет!

Вот здешние новости.

Дом Литераторов задумал вести агитацию за превращение дня смерти Пушкина в день национального празднования. Составили комиссию. 11 февр[аля] (надо бы 10-го) было торжественное

заседание с представителями ученых и литер[атурных] организаций, а также правительства. Потом был Пушкинский вечер. Говорили: Блок, я и Эйхенбаум (уныло). Кузмин прочитал стихи. Я ждал, что меня побьют, ибо предсказывал охлаждение к Пушкину и корил «отзывчивую молодежь» тем, что она Пушкина не знает¹. Однако каждый из присутствующих очень тонко решил сделать вид, что к нему это не относится, а относится к соседу — и мне щедро рукоплескали. 26-го повторяли вечер в Университете, завтра — опять в «Д[оме] Л[итераторов]». Мне это наскучило, хоть я и заработал около ста тысяч.

Пайки у нас не отменены, но урезаны до неузнаваемости. Поэтому на днях придется читать лекцию о пушкинизме, а потом устроить вечер своих стихов. Публика на все это здесь охотно идет.

Вот Вам преysкурант новых книг: две — Кузмина, непристойные, с плохими картинками Митрохина и Милашевского², по 10 тыс. за каждую. Непристойности Ремизова³ — 7.500. «Седое Утро» Блока — 1000. Журнал «Дом искусств», №1 (Блок, Ахматова, Ремизов, Чуковский, Кузмин, я): 650. Альм[анах] стихов «Дракон»: 300. Ремизов, «Электрон»⁴ — 150. Во Вс[емирной] Лит[ературе] из Флобера ничего, не выходявшего в «Шиповнике»⁵, еще не вышло. 2 кн. Литературы Востока достану завтра и перешлю с будущей okazji⁶. Присыльте денег на покупку книг — и примерный список того, что нужно. Впрочем, ненужное легко продадите в Москве... Со своей стороны заклинаю Вас достать мне «Видение поэта» Гершензоново, 6-й том «Рус[ских] пропилей» и его же «Тургенева»⁷ — особенно «Пропилеи»! Приложите счет — и на ту же сумму немедленно получите здешних книг. О пересылке мне книг и денег поговорите с Марией Генриховной Суткевич (Леонтьевский пер., 16, кв.9, вход со двора, тел. 1-34-04, лучше после 5. Кроме того, она секретарь моск[овского] отд[еления] «Всемирной Лит[ературы]». М.Знаменский (на Знаменке), д.8, кв.10, тел. 2-56-47). В нее можете и влюбиться! Она наладит нам контакт.

Мельком видел А.Н. Чеботаревскую⁸. Она обещала зайти. Если зайдет, пришлю с ней Вашего Дельвига.

Дом Искусств открыл книжную лавку, в том же доме, где я живу. Книг пока мало. Впрочем, купил переводы в прозе Жуковского, изд[ания] Глазунова, 1827, чудесный экз[емпляр], 2 тома.

Почему не едет Абрамов?⁹ Он нужен Митрохину¹⁰ и мне.

Пуш[кинский] Дом готовит III-й временник.

За новости спасибо, присылайте еще.

Что Ангарский и живо ли его «Творчество»? Нет ли чего обо мне в «Кузнице»?¹¹ Есть — пришлите.

Юргису¹², Баме и Шпетту привет.

Крепко жму руку. А.И. благодарит за память и Вам кланяется.

Ваш Владислав Ходасевич.

Сегодня чудесный, тихий, спокойный день.

¹ На торжественном *Пушкинском вечере* 11 февраля 1921 Ходасевич не присутствовал: был болен. Впервые прочел свою речь 14 февраля в Доме литераторов. С той поры «Колеблемый треножник» публиковался много раз (впервые: Вестник Литературы. 1921. №4/5. С.18-20). Речь вошла также в сб. «Пушкин. Достоевский» (Пб., 1921), выпущенный Домом литераторов. Сборник открывался «Декларацией о ежегодном всероссийском чувствовании памяти Пушкина в день его смерти», принятой собранием 11 февраля 1921. Напечатаны здесь речь А.Блока «О назначении поэта», статья Б.Эйхенбаума «Проблемы поэтики Пушкина», стихотворение М.Кузмина «Пушкин» и др.

Интересно непосредственное впечатление от речи Ходасевича, которое оставила М.С. Шагинян, приведя страничку из дневника в книге «Человек и время»: «14 февраля [1921], понедельник /.../ Вечером в Доме Литераторов на пушкинском вечере, где выступили с речами Блок и Ходасевич. Блок повторил ту свою речь, с которой он выступил на торжественном заседании. Речь Ходасевича кончилась неожиданным для него триумфом: все ему неистово хлопали. Я ее прочитала: она лирическая и вызывает *лирическое* потрясение. Она вся построена на личной нежности к Пушкину и исторической субъективизации общественных настроений с точки зрения "нас" (группы немногих, лично и интимно воспринимающих Пушкина); говорю "нас", но это "мы" у Ходасевича почти что "я", эготическое общение с Пушкиным. Именно потому, что речь покоилась на несомненном внутреннем опыте, а, может, и потому, что была антиобщественна, она зажгла консервативную питерскую аудиторию» (Шагинян М. Человек и время. М., 1980. С.646).

² Кузмин М. Занавешанные картинки. / С рис. В.Милашевского. Амстердам, 1920 и Ренье А. де. Семь портретов./ Перевод М.Кузмина. С илл. Д.Митрохина. Пб., 1921.

³ Ремизов А. Заветные сказы. Пг., 1920.

⁴ Ремизов А. Электрон: Стихи. Пб., 1919.

⁵ Ходасевич имеет в виду издание «Шиповника»: Флобер Г. Полн. собр. соч. Новые переводы с последнего (юбилейного) издания. Т.1-4. СПб., 1913-1915.

⁶ *Литература Востока*: 2-й выпуск. Пб., 1920.

⁷ Гершензон М. Видение поэта. М., 1919 (вышла в 1920); Русские Пропилеи. Собрал и приготовил к печати М.Гершензон. Т.6. М., 1919; Гершензон М. Мечта и мысль Тургенева. М., 1919 (вышла в 1922).

⁸ Александра Николаевна *Чеботаревская* (1869-1925) — переводчица.

⁹ Соломону Абрамовичу *Абрамову* (1884-1957) Лидин посвятил очерк «Поэт и издатель»: «В годы, когда книги печатались на ломкой, недолговечной бумаге — и, перелистывая их ныне, боишься, что бумага рассыплется в твоих руках — в годы эти выходили примечательные по полиграфическому совершенству, на бумаге верже — альманахи под названием "Творчество". Такого же качества был и еженедельный журнал "Москва". Издавал этот журнал и альманахи Соломон Абрамович Абрамов, писавший в то же время и стихи. Наиболее любезной ему формой стихов был сонет, и в 1922 году он издал книжку своих сонетов "Зеленый зов" («Друзья мои — книги». С.95). С.А. Абрамов возглавлял акционерное издательство «Творчество», выпускавшее журнал «Москва» (1918-1922). В этом журнале Ходасевич опубликовал «Стансы», «Неприятный сонет» («Нет, не во мне прекрасное...»), «Вариация», «Так бывает почему-то...», «Слепая сердца мудрость», «Газетчик». В издательстве «Творчество» вышел его сб. «Путем зерна», о чем сохранилась расписка: «За книгу "Путем зерна", напечатанную в 1920 г. в количестве восемнадцать тысяч экземпляров, получил от С.А. Абрамова дополнительно, в виде процента с издательской прибыли пятьсот тысяч рублей. Владислав Ходасевич. 11 октября 1921» (ОР РГБ. Ф.1. Карт.2. Ед.хр.43). Подробно историю издания «Путем зерна» Абрамовым см.: Ходасевич В. Стихотворения. Вступительная статья Н.А. Богомолова. Примечания Н.А. Богомолова и Д.Б. Волчека. Л., 1989. С.373.

¹⁰ Художник Д.И. *Митрохин*, автор обложки и виньеток к журналу «Москва», ждал Абрамова, т.к. с его помощью издавал альбом своей графики: «Монография составлена, редактирована С.Абрамовым и выпущена под его наблюдением» — было написано на книге (М., 1922).

¹¹ В «Кузнице» о Ходасевиче ничего не появлялось.

¹² *Юргис* — Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873-1944) — поэт и переводчик.

7

Дорогой Владимир Германович,
Ваше последнее письмо я читал, слушая, как звенят стекла от кронштадтских пушек¹. И как ни люблю я матушку — российскую словесность — не захотелось в ту минуту говорить ни о ней, ни о себе. А уж у меня так заведено: сразу не ответил — пиши пропало. Вот почему только нынче собрался Вам ответить — при верной okazji послать Вам с Гарриком Дельвига.

Что нового здесь? Ничего. Писатели даже и не пописывают, больше почитывают лекции по разным «культам» и «просветам». Впрочем, вру: на днях выйдет 1-й № «Литературной газеты». Знаете ли о ней? Она будет двухнедельная, редакторы — Тихонов, Чуковский, Замятин и Волинский. Материала 1-го № я не видел, кроме статьи Замятина о свободе печати (жидковато) и передовицы, никем не подписанной, но любопытной. Называется она — «Памяти предка»² и излагает историю возникновения и жизни «Литер[атурной] Газеты» дельвиговской. Уж и не знаю, кто бы это мог ее написать?.. Вероятно, кто-нибудь из занимавшихся Дельвигом, ибо в ней есть неопубликованные данные о ходе хлопот с получением разрешения на издание газеты... Статейка, впрочем, наводит на размышления.

Недели две тому назад читал в «Доме Литераторов» лекцию о смысле и задачах пушкинизма. Сейчас больше пишу стихи. Приеду, вероятно, в Москву приблизительно через месяц, по некоему делу первостепенной для меня важности. Пока сижу смиренно, веду себя тихо и наблюдаю жизнь. Кое-какими наблюдениями подеюсь при свидании.

Зачем не присылаете денег на покупку книг? Не сердитесь, ей-Богу, *не могу* покупать на свои, ибо есть у меня паек, есть еще кое-какие блага, но именно *денег* мало до смешного. Обычно в кармане 5-10 тысяч. Пришлите денег — накуплю книг и привезу. Вышла книга Сологуба «Фимиамы», «Подорожник» Ахматовой.

Что слышно в Москве? Не хорошо, что Вы ждете ответа и сами не пишете.

Здесь с неделю гостит Пильняк и — в моде. Сам он славный, рассказы его буду слушать сегодня. Завтра Белый читает свою «Эпопею». Он много работает, бодр — и я рад за него.

Вот, кажется, и все. Будьте здоровы и пишите, т.е. миру и мне. Много ли написали за зиму? О чем? Сообщите.

Обнимаю Вас.

Владислав Ходасевич.

7 мая 921. П[етер]бург.

Морская, 14, Дом Искусств, кв.30а.

Гаррик пробудет в Москве до 16-го. Его адрес: Тверская, 69, кв.8, тел. 2-67-12, кв. Гренциона. Принимаются поручения по пересылке книг, писем, денег и проч.

¹ Речь идет о выступлении кронштадтских матросов 28 февраля — 18 марта. «Вестник литературы» (1923. №3) сообщал, что Пушкинский вечер, намеченный на воскресенье, 5 марта, «отложен вследствие запрещения зрелищ и собраний на время осадного положения». В №1 «Литера-

турной газеты», о которой пишет далее Ходасевич, помещено сообщение: «В дни кронштадтского восстания были арестованы следующие литераторы: А.В. Амфитеатров, В.Я. Ирецкий, Г.В. Иванов, Вс.Рождественский, А.А. Гизетти, Н.А. Рожков, С.В. Познер, И.Мандельштам, И.В. Амфитеатрова. Правлением Союза Писателей были избраны: А.А. Блок, А.Л. Волынский и Н.М. Волковысский для переговоров с соответствующими учреждениями об освобождении упомянутых лиц. В начале апреля все были освобождены за исключением Рожкова и Гизетти». См. также о Ходасевиче в эти дни: Милашевский В. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М., 1989. С.213.

По-видимому, с кронштадтскими событиями было связано и закрытие «Литературной Газеты» — двухнедельного журнала: №1 был отпечатан и тут же запрещен: содержание и состав редакции не отвечали политическим требованиям момента. Корректурный экземпляр, сохраненный М.Л. Лозинским в Публичной библиотеке, опубликован недавно А.Устиновым и В.Сажиным (Литературное обозрение. 1991. №2).

² «Памяти предка» — передовая, написанная Ходасевичем, хотя и имела подзаголовок «Историческая справка», — была страстным публицистическим откликом на происходящее в стране (С.96-97). Статья Замятина о свободе печати, опубликованная сразу же после передовой Ходасевича, называлась «Пора» (С.96-97).

8

Бельское Устье, 27 авг. 921.

Я оставил Ваш адрес в П[етер]бурге, дорогой Владимир Германович, — и только сегодня догадался, что можно переслать письмо через ангела Марию Генриховну¹ (тем более, что «ангел» и значит «вестник»).

Вот что. Живем мы сейчас в Порховском уезде, Псковской губ., в колонии «Дома Искусств»². Житье совсем робинзоновское, но светлое и с разных точек забавное. Живут здесь: Чуковские, Добужинские, мы, старушка Леткова (любовь Михайловского) с сыном, Н.Радлов, Замятин, три юных беллетриста: Зошенко, Лунц и Слонимский. Забавно, что у нас тут колоссальный фруктовый сад (1500 яблонь, персики, груши, сливы), «своя» рожь, огород и проч. угодия до старинной церкви включительно*. При церкви — поп, дьякон и псаломщик, великие мастера водить хороводы и играть в легкомысленные игры с поцелуями. Мы большие друзья с дьяконом. Питаемся «собственными» яблоками, ржами, овощами и молоком + вымениваем разные блага у ту-

* Есть и кладбище, вещь для меня приятная [примечание Ходасевича].

земцев, которые, не признавая денег, падки до ситцу, платков, сахарина, бус и проч., в Центральной Африке почитаемого так же.

Работать здесь не приходится: шумно, а кроме того много времени отнимают романтические похождения с тутошними красавицами, которые не в пример лучше питерских, ибо не читали и не будут читать моих стихов, любят петь хором и ходят в баню каждую субботу. Очень легко и весело иногда «опрощаться». Я занимаюсь этим уже 3 недели и мог бы, кажется, прожить таким образом целый год. К несчастью, это неосуществимо, — через неделю надо ехать в П[етер]бург, где и мечтаю в скорости получить от Вас письмо с ответом вот на какой вопрос.

Дело в том, что мне в конце сентября надо побывать в Москве. В получении командировки я не уверен, и пожалуй, придется платить за дорогу туда и назад 250 тысяч. Мне этих денег очень жаль, и я хотел бы получить их с добрых москвичей, в свою очередь усладив за это их слух своими стихами. Нельзя ли, в самом деле, устроить мне какое-нибудь чтение, которое покрыло бы сей расход — целиком или частично? Я стихами богат: у меня больше двух десятков новых, еще нигде не напечатанных, писанных в июне-июле (был у меня запой стихотворный)³. Пожалуйста, поразведайте и сообщите. Делаю Вас своим импрессарио. Могу читать целый вечер, прихватив кое-что из старого и надеясь, что до конца сентября напишу еще, и п[отому] ч[то] запой, чувствую, вовсе еще не кончился. Мне сейчас очень пишется — и по-моему не плохо. То же думает и Белый, написавший о новых моих стихах статейку (будет в следующей книге «Дневн[ика] Мечтателей»)⁴.

Я уехал из П[етер]б[урга] в тот день, когда у Блока началась агония; о смерти его узнал уже здесь, из письма Белого. Знаете ли, что эта смерть никак не входит в мое чувство, никак не могу *ощутить*, что нет Блока, — и не могу огорчиться. Умом понимаю — и просто душит меня злоба, — а огорчения *здесь* не чувствую. Должно быть, почувствую в Петербурге. Знаете ли, что живых, т.е. таких, чтоб можно еще написать новое, осталось в России три стихотворца: Белый, Ахматова да — простите — я. Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Вяч.Иванов — ни звука к себе не прибавят. Липскеровы, Г.Ивановы, Мандельштамы, Лозинские и т.д. — все это «маленькие собачки», которые, по пословице, «до старости щенки». Футур-спекулянты просто не в счет. Вот Вам и все. Это грустно. (Т[ак] н[азываемая] пролетарская поэзия, как Вам известно, «не оправдала надежд»: села на задние ноги). Особенно же грустно то, что, конечно, ни Белому (как стихотворцу), ни, уж подавно, Ахматовой, ни Вашему покорному слуге до Блока не до-

прыгнуть⁵. Это все соображения, не подлежащие огласке; делюсь ими с Вами, п.ч. знаю Ваше просто-хорошее отношение ко мне.

Пожалуйста, напишите же о себе. Что Вы делаете, как живете? Я сердечно хочу повидать Вас — и надеюсь, что в сентябре это, наконец, устроится.

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Владислав Ходасевич.

¹ О М.Г. Суткевич см. в письме Ходасевича от 28 февраля 1921.

² С 6 августа до середины сентября Ходасевич жил в писательской колонии «Бельское Устье», которую подробно и весело описал в письмах к А.И. Ходасевич, московским друзьям Диатроптовым, в стихах и очерках «Во Пскове» (1935) и «Поездка в Порхов» (1935). Воспоминания об этом лете оставили Н.Чуковский в очерке «Холомки» (Литературные воспоминания. М., 1988) и В.Милашевский (Вчера, позавчера. Указ. изд.); см. также: Чуковский К. Дневник (1901-1929). М., 1991.

³ Из Бельского Устья 5 сентября 1921 Ходасевич писал жене: «Должен тебя огорчить. Мне очень хочется писать. Здесь невысказано, но чувствую, что в Пб. будет продолжение прерванного поноса. Итак, готовься к моему сидению у окна, ответам не попад и проч. Но — что делать, иначе нельзя» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.48).

⁴ Белый А. Рембрандтова правда в поэзии наших дней (о стихах Ходасевича). // Записки мечтателей. 1922. №5. С.136-139.

⁵ Письмо Ходасевича А.Белому и ответ его см.: Литературное наследство. Т.92. Кн.III. М., 1982. С.532-533. Ср. ощущение смерти Блока как конца эпохи, конца очень важного периода русской литературы, а, может быть, и самой литературы — в Дневнике К.Чуковского: «Самое страшное, что с Блоком кончилась литература русская. Литература — это работа поколений — ни на минуту не прекращающаяся — сложнейшее взаимоотношение всего печатного с неумирающей в течение столетий массой — и...» (Чуковский К. Дневник. М., 1991. С.181). См. также в письме Г.П. Блока Б.А. Садовскому от 16 августа 1921: «Когда пишу — забирает всего, ничего не вижу. Кончу, прочту и бываю доволен иногда. Но сразу потом — и это всегда — начинаешь думать: да зачем же это я пишу, ведь *не стоит* теперь, когда его нет. Это "иррационально", но поверьте мне, что это правда» (РГАЛИ. Ф.464. Оп.2. Ед.хр.55).

Петербург, 18 окт. 1921.

Дорогой Владимир Германович,
я собирался перед отъездом зайти к Вам в лавку — это не вышло, п.ч. очень болела нога, а пришлось ходить в Госиздат и в Метрополь за билетом. Так мы и не простились¹.

Вот что. Посылаю Вам 3 стих[отворения] Надежды Павлович. Право, они лучше Липскеровских² и Глобовских³ во много раз. Если Ваш альманах не окончательно готов — возьмите эти стихи, из которых первое мне *чрезвычайно* нравится⁴. Писаны они, кажется, о Блоке, — но это не подлежит разглашению.

Павлович, конечно, нужны деньги. Заплатите побольше и пришлите почтовым переводом. Если сумма окажется превышающей дозволенную к переводу, то остальные пошлите на мое имя. Павлович зовут Надеждой Александровной. Адрес наш одинаков: Мойка, 59, Дом Искусств, кв.30а.

Будемте продолжать нашу переписку, пожалуйста.

Любящий Вас

Владислав Ходасевич.

P.S. Москва оставила во мне добрые воспоминания, она стала как будто лучше.

¹ Ходасевич выехал в Москву 2 октября, 16-го вернулся в Петербург (он только так называл этот город). 11 октября писал А.И. Ходасевич: «Милая Анюточка, из-за всяких задержек (Абрамов и пр.), я тут пробуду до субботы. В воскресенье, 16-го буду дома. Чувствую себя хорошо. Ходасевичи милы и заботливы чрезвычайно. Твое письмо получил вчера. Вчера читал в Союзе. Была "вся Москва". Кажется, я имел весьма большой успех. Тебе кланяется столько народу, что не упишешь. О делах знай, что просуществуем. Я в моде, но треплюсь мало, так что даже, пожалуй, поправляюсь. Будь здорова. Целую. Владя. Надю поцелуй. О.Д. поклон. Гарьку в затылок» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.48). *Надя* — Надежда Александровна Павлович (1895-1980) — поэтесса, приятельница Ходасевича, жившая с ним в одном коридоре «Дома Искусств»; *О.Д.* — Ольга Дмитриевна Форш (1873-1961). Несколько раньше, в письме к жене от 6 октября: «Был у Лидина. Видел Матусевича и Соболя, проявивших верх почтительности. Все эти таланты тебе низко кланяются».

² Константин Абрамович *Липскеров* (1889-1954) — поэт, переводчик, приятель Ходасевича. Пародия его на стихи Липскерова под названием «Кишмиш» вошла в том: Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989. С.258. См. также рецензию Ходасевича на сб. Липскерова «Песок и розы»: Утро России. 1916. 5 марта.

³ Андрей Павлович *Глоба* (1888-1964) — поэт, драматург, переводчик.

⁴ Ходасевич послал в альманах «Северные дни» (II. М., 1922) три стихотворения Н.Павлович: «Не его, не его схоронили...», «Он спит и так трудно дышит» и «Берегом, берегом с разбегу...», где они и были напечатаны (С.50-51). Вот то, о котором Ходасевич написал, что оно «чрезвычайно нравится» ему:

Не его, не его схоронили!
Он за кленом прятался там,

Усмехаясь высокой могиле
И железным парадным венкам.
А когда разошлись мы, он вышел
Из кладбищенских старых ворот,
Только шаг стал спокойней и тише,
Только тень рядом с ним не идет...
Разыграется ветер крепкий,
Псом цепным кидается в мглу.
Знаю, он в своей старенькой кепке
Ожидает меня на углу.
Поклонившись, он глухо скажет:
«Я такую погоду люблю»...
И рука его прежняя ляжет
На холодную руку мою.

В альманахе напечатаны стихотворения Андрея Глобы «Среди поля со-сна...» и Константина Липскерова «Трубка курильщика», рассказ В.Лидина «Хозяин» и подборка В.Ходасевича «Шесть стихотворений», куда вошли «Когда б я долго жил на свете...», «Люблю людей, люблю природу», «Гостю», «Пускай минувшего не жаль», «Пробочка» и «Ласточки».

10

Дорогой Владимир Германович,
что ж Вы любите? Молю — ответьте на следующее:

1) Как обстоит дело со стихами Н.А. Павлович, которые я послал Вам? Если они запоздали и не могут войти в альманах — скажите это мне. Если пойдут — шлите деньги, которые очень нужны автору.

2) Как идет дело с нашим журналом, о котором шла речь у Эфроса, когда я был в Москве?¹

3) Что вообще делается в Москве? Пожалуйста, пишите, я очень люблю получать Ваши письма.

Любящий Вас

Владислав Ходасевич.

10.XI.21.

П[етер]бург.

Мойка, 59, Дом Искусств, кв.30а (Это и мой адрес, и Павлович).

P.S. Пришлите, пожалуйста, альманах с моими стихами, когда он выйдет.

[На обороте листка:]

Владимиру Германовичу Лидину.

Тверская, рядом с Советом, книжная лавка
«Содружество писателей».

После 2-х часов.

¹ Скорее всего, имеется в виду альманах «Лирический круг»: он задумывался как периодический.

Дорогой Владимир Германович,
вот заявление в Госиздат и копия его (с заявлением же) — для Союза¹. Союзное заявление передайте Эфросу, который в курсе дела.

Подавая заявление в Госиздат (за что спасибо заранее) — непременно возьмите талон, расписку в приеме заявления — и, если можно, пришлите мне.

Жму руку. Простите, что обременяю.

В.Х.

17.II.922²
Москва.

¹ Содержание заявлений Ходасевича нам неизвестно, но можно предположить, что он протестовал против издания Госиздатом книг, вышедших до революции, без ведома автора или переводчика. А.Эфрос был одним из тех, кто подписал письмо-заявление от Всероссийского Союза Писателей наркому просвещения А.В. Луначарскому с протестом против посягательств государства монопольно владеть литературой. См.: Вестник литературы. 1921. №4/5. С.11-12.

² Январь-февраль 1922 Ходасевич провел в Москве: здесь он дописывает и отдает в альманах «Лирический круг» эссе «Окно на Невский», о чем сообщает жене в письме от 31 января 1922: «Насилу дописал для Бамы статью о Пушкине, начатую еще дома. В субботу у Лосевой Г[еоргий] И[ванович] читал свой рассказ, я стихи. Ахали. Вчера занимался тем же у Пахомова. Ахали. Скучно, п.ч. кроме ахов ничего путного. /.../ Дороговизна в Москве чудовищная. Хлеб черный — 28 т., пирожное — 30, торт в Ампире — 90 т. кусок! Бифштекс — 150. За статьи — 2¹/₂ м[иллиона], за рассказы 5 с листа. Но стихи — 10-15 maximum. Копельман, возрождающий "Шиповник", согласился платить мне по 25, но под честным словом — не говорить московским стихотворцам, которым я бы, впрочем, не дал гроша ломаного. Марина, Липскеров, Глоба пишут такое, хоть святых выноси. О, сестры Наппельбаум! О, Рождественский! Это — Боги в сравнении с москвичами. Ты любишь поклоны. Вот что я собрал тебе пока: от Чулковых, от Диатр[оптовых], от Наташи и Гриши, от Пахомова, от Парнок (приехала старая и нища ужасно), от Гершензона, от Веры Зайцевой». В это время Ходасевич часто видится с В.Г. Лидиным и другими писателями-москвичами. 8 февраля 1922 он пишет А.И. Ходасевич: «В понедельник в Союзе Пис[ателей] был вечер в пользу Макса Волошина,

который очень болен (он в Коктебеле). Собрали 15 миллионов. Читали Бердяев, Новиков, Лидин, Парнок, Борис Зайцев и я. Публику я уложил в лоск. Ахали». 6 мая Ходасевич привез в Москву рукопись новой книги стихов «Тяжелая лира». В сложившейся издательской ситуации перед ним встал выбор: нести рукопись в Государственное издательство или печататься за границей. Переписка Ходасевича с женой, болезненная и мучительная (Ходасевич уже написал ей о невозможности жить вместе и необходимости расстаться), тем не менее сохранила подробную историю поисков издателя, череду надежд и разочарований:

10 мая: «Плохо дело с книгой. Моск[овские] издательства закрываются. И Копельман, и Архипов и т.д. Впрочем, конечно, буду хлопотать».

12 мая: «С книгой дела будут очень трудны. В Москве книжный крах».

15 мая: «Копельман книг больше не покупает. "Дельфин" даст ответ послезавтра, 17 или даже 18 числа. Кажется, с ним тоже ничего не выйдет. Тогда буду хлопотать через Когана в Госиздате. Но это вряд ли: не подойдет по направлению. Если и это не выйдет, буду выдумывать еще что-ниб[удь]. Дал стихи Лидину для какого-то альманаха». (Вероятно, речь идет о «Московском альманахе». М., 1922).

18 мая: «Стихами не торгую, п.ч. здесь все прикрывается. В "Узле" еще не был, но, говорят, он вряд ли выпустит №2, а м.б., и 1-й не выйдет. "Дельфин", Копельман, Пахомов и "Сев[ерные] Дни" от моей книги уже отказались. Сейчас был у Зайцевых. М.б., устроится с "Изд[ательством] Писателей". Если и это лопнет, пойду в Госиздат, к П.С. Когану, чего по тысяче причин не хотел бы делать. /.../ В общем, литература опять кончена, по крайней мере до сентября. Тогда почему-то издатели надеются выплыть. "Шип[овник]" отложен до осени. /.../ Видел Парнок, К.Липск[ерова], Баму: был в "Лирич[еском] Круге". Но как-то их не заметил, не до того мне, на душе очень плохо. /.../ Вышел №1 "Лирического Круга". №2, вероятно, не выйдет, хотя Бама шебаршит. Денег у них ни гроша».

1 июня: «Книгу мою изд[ательство] писателей не берет, хотя это еще не официально. Дня через два начну хлопотать в Госиздате, ибо в П[е]тер[б]ургской "Товарищество писателей" не верю, оно дутое "волынское", слышал о нем. Эфрону же продам *помимо* России».

8 июня: «Книгу завтра же сдаю в политотдел Госиздата: Для России. Сам сейчас пишу статью, но что из этого выйдет — не знаю».

(РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.48).

5 октября из Берлина: «Ты получишь от Гриши Хрущева около 40 миллионов: это доплата за "Тяж[елую] Лиру" из Госиздата. Я Грише послал доверенность. Он же заведует корректурой и пришлет тебе экземпляры для раздачи. Кому — сообщу позже. Книга выйдет, думаю, к началу ноября...»

2 января 1923 из Саарова: «Вельможам же петербургским собирался послать гржебинское издание. Но раз ты уже раздала московское — пусть будет так. Только очень прошу тебя попросить всех получивших его исправить хотя бы *важнейшие* опечатки, список коих прилагаю. Издание это ужасно». Вслед за списком опечаток следовало примечание: «мелких опечаток не выписываю: их больше 40».

Мариенбад, 7 дек. 1923.

Дорогой Владимир Германович, вот уже два месяца, как я живу, не представляя себе, каков будет мой завтрашний адрес. Потому-то и не писал Вам. Буквально — только сегодня осел более или менее прочно — и тотчас пишу Вам.

Мне в Берлине передали, что у Ремизова — Ваша книга для меня¹. Спасибо за память и за добрую надпись, которую, вероятно, Вы сделали на книге: но я ее не видел, пот[ому] что Ремизов засунул ее куда-то и мне так и не отдал. Другое дело — рассказ. Его я получил в собственные руки и тотчас переслал Горькому, ибо в прозаическом отделе «Беседы» я не хозяин. Вчера, наконец, мы снова съехались с Горьким. Рассказ Ваш ему нравится. Печатаем его в ближайшей книжке «Беседы» (4-й). Кажется, он уже даже набран. Гонорар (увы! 2 фунта за лист) будет Вам доставлен. Очень рад, что Вы — наш сотрудник.

Из Берлина мы уехали, как и все прочие². Думаем перебраться в Италию, но на ближайшие полтора месяца эту мысль пришлось оставить. Эту зиму, как и прошлую, опять будем жить под одной кровлей с Горьким.

Если хотите знать обо мне — вот: пишу книгу о Пушкине³. Написал 8 листов, 4 еще в черновиках, всего будет около 15. Мечтаю, что к весне кончу и новую книгу стихов. Последние полтора месяца не работал, ибо хлопотал и переезжал. Кроме того, целый месяц за это время погубил на жизнь в гостинице, да еще в Праге, самом невдохновительном городе на земле.

Еще прошлой весной узнал о Вашем несчастье. Не написал Вам тогда, потому что как-то всегда стыжусь сочувствовать и соболезновать. Поверьте, однако, что мне было по-настоящему горько и больно за Вас. А еще поверьте — что всегда очень любил и продолжаю любить Вас. Пожалуйста, напишите о себе, о работе и проч.

Поклонитесь Гершензону, Цявловскому⁴ и Софии Яковлевне⁵. Эти трое да Вы — для меня «вся Москва». Вру: еще люблю Глобу. Скажите это ему и велите прислать в «Беседу» стихов, а то и прозы⁶.

Крепко и крепко жму Вашу руку. Нет, обнимаю Вас и целую.

Владислав Ходасевич.

Мой адрес: Чехословакия. Мариенбад.
Ceskoslavensko. Mariánske Lázní. Marienbad. Hôtel Maxhof.

¹ Скорее всего: Лидин В. Повести о многих днях. Берлин, 1923.

² «Камерфурьерский журнал» Ходасевича в 1923 пестрит словами «отъезд», «проводы»: русский Берлин разъезжался. *9 августа* появляется запись о Гершензоне, добром «друге и учителе»: «Завтра он уезжает рано утром»; *8 сентября*: «К Лежневу. К Осоргину (Бахрах, Муратов, Зайцев, Ремизов, Белый). С ними сниматься. Веч. в рус. ресторане (проводы...)»; *9, воскр.*: «В кафе. Провожать Зайцевых». (Они уезжали в Италию, надеясь поселиться там); *10, понед.*: «За покупками (сундук!)...»
Меньше чем через месяц Ходасевич и Берберова уедут в Прагу в ожидании итальянской визы, так и не получат ее и 6 декабря вместе с Горьким отправятся в Мариенбад. Но до этого еще будут проводы — *21 сентября*: «Шкловский уезжает сегодня в Россию»; *24 октября*: «Веч. в синематограф и на вокзал в Zoo (провожд. Бахраха и Осоргину)». (Они уехали в Париж).

³ Книга Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (М., 1924) вышла в России с таким количеством искажений, ошибок и опечаток, что Ходасевич послал «Письмо в редакцию» К.Федину, надеясь, что оно будет опубликовано в «Книге и революции». Журнал этот закрылся, в России письмо не опубликовали. Оно появилось в журнале «Беседа», последнем его №6/7 в 1925 и кончалось словами: «Все эти безобразные искажения, пропуски и прибавления, которые не могу иначе назвать, как наглыми и умышленно-издательскими, заставляют меня отказаться от всякой ответственности за эту книгу, в том виде, в каком она напечатана книгоиздательством "Мысль"» (С.479).

⁴ Мстислав Александрович *Цявловский* (1883-1947) — историк литературы, пушкинист, мнением которого Ходасевич дорожил и просил Гершензона рассказать ему историю издания «Поэтического хозяйства Пушкина».

⁵ *София Яковлевна* — Софья Парнок (1885-1933) — поэт, критик, автор статьи «Ходасевич», не преодолевшей цензуры. Ходасевич был дружен с ней, переписывался, писал о ее стихах; стихи С.Парнок опубликовал в «Беседе» (1923. №2). Его заметка на смерть поэтессы «С.Я. Парнок» появилась в «Возрождении» 14 сентября 1933.

⁶ Стихи А.Глобы в «Беседе» не печатались.

Венеция, 18 марта 1924.

Дорогой Владимир Германович,
сам не знаю, почему так долго не отвечал Вам. Все откладывал, а почему — сам не знаю. Что рассказать Вам? С начала ноября по начало декабря жил я в Праге, противнее которой вряд ли есть что-нибудь на свете. Потом приехал Горький и потащил с собою в

Мариенбад, где я и прожил с ним до 11 марта. В Мариенбаде — глушь, тоска, холод, снег. Я не написал там ни строчки стихов. Зато кончил книгу о Пушкине. 11 числа я сбежал и из Мариенбада и теперь слоняюсь по свету, мало зная, что будет дальше. Вот уже 4 дня, как я в Венеции, еще дня через 4 поеду во Флоренцию, а что будет дальше — никто не знает. Вероятно, Париж, в который меня не тянет. А, м.б., опять съедемся где-нибудь с Горьким. Мы за эти два года очень сжились с ним.

Пока что — хожу по Венеции, в которой не был 12 лет. Она все такая же, да уж я не тот. Для Венеции нужна беззаботность, точнее — способность предаваться чистому лиризму (любой окраски). А вот ее-то и поубавилось. Кстати: в Берлине, Праге, Мариенбаде и здесь видел я много домов, в которых родились или жили многие великие люди: Гете, Байрон и т.д. Хотел бы я также повидать дом, в котором родился Герцен. Как по-Вашему: стоит?¹ Спрашиваю не для ближайшего времени, а вообще. Вы в таких делах понимаете, и Ваше мнение для меня ценно. Однако, весь вопрос — между нами.

Вопрос второй: нет ли издателя на книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина»? Часть ее Вы могли видеть в «Беседе». Впрочем, и эта часть ныне значительно исправлена и переделана. Вся книга состоит из 50 заметок, различных по темам, приемам и размерам (от 8 строк до 2 1/2 листов). Вся книга = 13 листам сорокатысячным и может быть Вам доставлена в любую минуту, если есть *прочное* предложение. Поразуйте-ка, да и черкните по адресу: Berlin SW68, Zimmerstrasse, 7-8, Epoche-Verlag, Heern W.Chodasewitsch. (Не заказным). Мне перешлют письмо точас, где бы я ни был. Я бы Вас не затруднял, да не знаю нынешних издательств и их дел. NB. 6 июня — 125 лет со дня рождения Пушкина.

Пожалуйста, напишите о себе, о Москве и московских людях. Кланяйтесь Михаилу Осиповичу.

«Беседа» с Вашим рассказом, вероятно, вышла, но я еще не видал ее, т.к. уехал из Мариенбада.

Будьте здоровы. Дружески обнимаю Вас и люблю по-прежнему.

Ваш Владислав Ходасевич.

¹ В такой иносказательной форме Ходасевич спрашивал, может ли он вернуться в Россию. Возможность возвращения, размышления о том, как его встретят, — постоянная тема писем тех лет. 19 октября 1922 он писал А.И. Ходасевич: «Да, моя командировка кончается 8 декабря. Да, мне сейчас предлагают работу, кот[орая] обеспечит меня еще на 6 мес[яцев] и внутренне мне *очень* желательна. Кроме того, не знаю, что мне

делать сейчас в России, что я могу там заработать. Ты знаешь мое отношение к Сов[етской] Власти, ты помнишь, как далеко стоял я всегда от всякой белогвардейщины. И здесь я ни в какой связи с подобной публикой не состою, разные "Рули" меня терпеть не могут, — но в России сейчас какая-то неразбериха. Футуристы компетентно разъясняют, что я — душитель молодых побегов, всего бодрого и нового. И хотя я продолжаю утверждать, что футуризм — это и есть самое сволочное буржуиство, — все же официальная критика опять, как в 1918 г., стала с ними нежна, а с нами сурова. У меня нет уверенности, что моя "мистика" не будет понята, как нечто дурное, — и тогда мне в Р[оссии] житья не будет, печатать меня не станут, — я окажусь без гроша. А спорить и оправдываться я не стану, насильно быть милым — унижительно.

Я к Сов[етской] Вл[асти] отношусь лучше, чем те, кто ее втайне ненавидят, но подлизываются. Они сейчас господа положения. Надо переждать, ибо я уверен, что к лету все устроится, т.е. в Кремле сумеют разобраться, кто истинные друзья, кто — враги. Тогда и поднимется вопрос о моем возвращении, — вопрос, кот[орый] осложняется тем, как сложатся наши отношения».

В 1923 вопрос ставится конкретной: «Слушай. Дело обстоит так. Во-первых — сторона политическая. Могу ли я вернуться? Думаю, что могу. Никаких грехов за мной, кроме нескольких стихотворений, напечатанных в эмигрантской прессе, нет. Самые же стихи, совершенно лояльные и благополучные (те же самые) печатаются в советских изданиях. Это дело можно уладить. В Кремле знают, что я не враг. Хуже — второе. Здесь я кое-что зарабатываю. Жизнь здесь дешевле. Есть люди, которые мне помогают. А вот где я буду печататься в России — не вижу. Вряд ли я смогу там печататься больше, чем ты сейчас продаешь моих вещей. А сейчас я печатаю то же самое два раза: там и здесь. Здесь легче находить издателей на книги. Здесь Беседа, которая мне дает фунта два в месяц и в которой у меня есть верный кредит. Но, предположим, что я рискую — и все же решаюсь ехать в Россию, куда мне, конечно, очень хочется. Тут настает третье затруднение. Кроме визы советской, мне нужна твоя виза на въезд в Россию. Боюсь, что получить ее — труднее. Подумай хорошенько и просто, спокойно, по-человечески ответь мне: сможем ли мы ужиться в Питере? В Москву ехать я не хочу. Терпеть ее не могу».

И наконец, в 1924, понимая, что «Беседа» кончилась, что в Россию ее не пустят, — без жилья и работы, на распутьи — он мысленно возвращается к дому, где родился Герцен, где они столько раз встречались с Лидиным, — и снова и снова проверяет себя: может ли он вернуться. Ответа Лидина мы не знаем, но в сущности он заключен в его повести «Ковыль скифский», написанной еще в 1922. Очень похоже, что какие-то черты Ходасевича, его знаменитая Пушкинская речь послужили Лидину материалом для создания образа героя этой повести — литератора Ильи Николаевича Страшунцева, живущего в «гроте сталактитовом», почитателя и исследователя Пушкина. «Самое ужасное», что Страшунцев «слыхал за всю революцию», были слова его попутчика в поезде, военспеца Гоголева:

«— Вот вы все: Пушкин, Пушкин..., — а что Пушкин такого написал. Все природа, природа, помещики... помещиков эвон — тью, дым остался, природу тоже на топливо. Это так — одного почитания ради.

Страшунцев — (глухо, торжественно) — Россия не может погибнуть, если есть Пушкин.

— Не только не может, но и погибла отлично, и стерженька не осталось».

И Ходасевич, хоть и просил совета у приятеля, про себя понимал: «Насчет Пушкина не знаю, а только кончилось». Для Лидина, по-видимому, картина была иной: вокруг брела «Русь древняя, княжеская. И как поют калики с испоконных веков, как течет и течет ковыль белый, за всею псею и распрями горит и горит жизнь живая, бежит ручейком под колодным подо всем горем людским, отравляется и отравляется на труд новый, на заботу новую, — по пути исконному, ковыльному, скифскому». (Лидин В. Повести о многих днях. Берлин, 1923).

А.Белый и П.Н. Зайцев
ПЕРЕПИСКА *

Публикация Дж. Мальмстада

28

Схвители. 25 июня 28 г.

Дорогой Петр Никанорович,
Горячее спасибо Вам. Получил телеграмму о деньгах и повестку на них¹; завтра постараюсь быть на почте и послать Вам телеграмму. Простите за тревожные ноты ряда писем; но Вы поймете, что ведь только через 1 1/2 месяца после отъезда долетел отклик от Вас, что деньги посланы будут; тревога моих писем — от полной невозможности знать, будет ли вообще у нас точный адрес кроме сачхерского, где неудобно быть позднее июля; если бы деньги не пришли до июля, они не могли бы уже притти. И это от особенностей Кавказа, куда, кажется, я больше — ни ногой, потому что 1) «Путеводители» — врут, скрывая курорты и давая ложные показания об указанных местах (в смысле цен, климата и т.д.); 2) местные люди бестолковы и не умеют точно ориентировать, или даже не понимают, чего нужно нам; 3) будучи брошены на самых себя, куда бы ни приехали, — риск: либо хорошо, но — а) все занято б) дорого с) нет пищи d) ужасный климат и т.д. либо — а) есть комнаты б) дешево с) хороший климат, но — крыша протекает и т.д. Изволь вместо отдыха метаться по всему Кавказу, перерезая 1000 верстное пространство с востока на запад! Все — для богачей, экскурсантов, или отпускников, имеющих твердый базис «Домов отдыха»; и — ничего: для

---

* Продолжение. Начало см.: Минувшее. Т.13. С.215-292.

нас грешных; с 1-ого июля нам предстоит именно метаться по Кавказу за поиском пристанища; не имея запасных средств, лучше уехать назад, в Кучино. Да еще не знаю: пристроимся ли? Может быть, — придется вернуться гораздо раньше; а потому, дорогой друг, передайте Шиповым, что я могу вернуться *уже в июле*, чтобы комнаты были готовы (они хотели, — ремонт: было бы желательно, чтобы с ремонтом было кончено, ибо вернуться можем *скорей*, чем хотели бы); наконец отбивает всякую охоту тратить усилия и деньги на устройство здесь — одинаковость всех мест в том отношении, что отвратительный туманище висит, висит и мочит, куда бы ни приехать²; в этих условиях удобнее перемотать туман дома, чем на Кавказе.

С Арменией вышло удачно в смысле материала для очерка, а не в смысле возможности в ней жить: у меня впечатление, что при всех красотах нам в Армении жить нельзя. В Тифлисе грузины нас подвели в том отношении, что наобещали: мы *де* Вам покажем *то-то* и *то-то*; но из всех показов вышли — путаница, бессельное ожидание и то, что ряд мест мы прозевали в ожидании «журавлей», которые сулились; и в результате попали на прекрасный тычок; но он закрыт туманом — месяц; мысль просидеть в хлюпанье дождей еще столько же не улыбается; если будет так, уедем на Волгу.

Вообще, милый, бывает как-то грустно и досадно... на какие-то не по воле твоей вырастающие кривые; ты идешь по прямой, а все вокруг начинает кривиться: люди, горы, независимые обстоятельства. Отдыха нет *нигде*.

Переживаем сейчас с К[лавдией] Н[иколаевной] чувство какого-то особенного одиночества и непонимания со стороны окружающих. Чтобы ты ни сделал, — твои поступки, мысли, намерения обстание изображает в *Кривом зеркале*. Очень понимаю Ваше чувство неудовлетворения после постановки пьесы: после «*Петербурга*» мне было *так постыло*, что я 2 недели не мог найти себя, а я обстрелянный (т.е. годами «*проруганный*») воробей; и то я не вынес тяжести постановки и «*все*», что вышло из первоначального задания³. Очень сочувствую Вам, но — *твердитесь*: не падайте духом; и — пишите: следующую пьесу.

Посылаю очерк «*Армения*» (3 печ[атных] листа) прямо в «*Красную Новь*». Ремингтонировать не мог; К[лавдия] Н[иколаевна] оказала мне гигантскую услугу, *четко* переписав рукопись; пусть ремингтонирует редакция (и вычтет из гонорара); надеюсь, — вполне цензурно, вполне для журнала; и лично считаю очерк — удачным и цельным: и по композиции, и по материалу, и по стилю. Надеюсь, — трудностей не будет (разве, — если вдруг по не-

ведомым причинам «не захотят» меня печатать; но Раскольников говорил об очерке, как о решенном вопросе). В случае ремингтонирования и корректур главный вопрос правки в том, чтобы *точнейше* соблюдали мое правописание, иначе *погибнет* структура метра: ◡ — ◡ — — ◡ — — ; для плавности я в одном случае говорю здание, в другом здание; в одном Иваныч, в другом Иванович; и ремингтонистки, и наборщики не считаются с этим. Дорогой, поговорите с Санниковым в этом смысле, чтобы правка была *пунктуальна* в этом именно отношении. Как статья о ритме? Конечно, и тут найдут какие-либо недоразумения: ведь на протяжении 15 лет, как только дело доходит до ритма, я слышу: «Неудобно», «Нельзя», «Неподходит», «дорого», «неинтересно», и т.д., что меня еще более укрепляет в мысли, что я *сделал открытие*, за что мое открытие и гонится; оттого и — «нельзя»; после моего письма Никитиной о ритме, и ее ответа, что она лично беретса *настоять* на печати, то, что Вы пишете, — очень удручает; значит и Никитина бессильна в «*Никит[инских] Субботниках*», раз дело дошло до работ Белого о ритме; и тут — «нельзя».

К этому привык!

Простите, дорогой друг, за «кислое» письмо; кислота оттого, что 2 месяца только и заняты тем, что перемогаем неудобства, туманы, зависимость от людей, сулящих нас где-то устроить; и все чего-то ожидаем; виснет — серый дымовой язык с неба; и капают с него слюни в виде дождей; и впредь не ждешь ничего. А подумав, сколько хлопот, ожиданий, денег, наконец, уходит под эти «*небесные слюни*», — то досада вскипает: отдыха — никакого! Еще раз, сердечное спасибо Вам за Ваши хорошие слова и помощь. Остаюсь сердечно любящий

Борис Бугаев.

От К[лавдии] Н[иколаевны] и меня привет и уважение Марии Сергеевны.

Заказное письмо. Штемпель Сачхери: 27.6.[1928]. Штемпели Москвы: 2.7.28; 3.7.28.

¹ 21 июня 1928 Белый записал в РД: «Жара. Телеграмма от Зайцева».

² 4 и 5 июня Белый записал «Дождь. Туман» в РД. 6, 10, 11 и 15-го — «Дождь», а дальше: «23-ье. Туман. Нервность. К.Н. испорчена ночь под Ивана Купала. 24-ое. Прутковщина прет из головы. Это моя борьба с туманом. 25-ое. Душит и льет. Мы на Кавказе арестованы дождями».

³ См. прим.1 к письму №7.

Коджоры. 9 июля 28 года.

Дорогой, милый Петр Никанорович, получил только за пять минут до отъезда Ваше письмо и книги, адресованные в Сачхери; получил их в Тифлисе за пять минут до отъезда в Коджоры; и только по счастливой случайности (оказия из Сачхер). Милый мой, как Вы меня огорчили своим беспокойством в ответ на мое беспокойство; разве я не знаю Вашей доброты, сердечности, которым так много обязан; ни минуты не сомневался в том, что Вы подумаете обо мне и уведомите во-время телеграммой, что Вы и сделали. Но поймите и Вы меня в моем беспокойстве: ведь я не получал от Вас ни единой строки 5 недель, а за это время жил 2 раза в Тифлисе, был в Армении, раз был в Имеретии; и наконец вторично водворился в Сачхери; и — главное знал, что здесь только до июля; дальше опять — нет адреса.

Ни Вы, ни я не представляли себе конкретно степень медлительности писем; это — во первых; во вторых: ужасно трудно устроиться определенно на Кавказе; капризы мест, капризы климатов, капризы организмов, выносящих то, не выносящих это; мы до сей поры живем в переменных планах; не попадаем туда, куда хотим попасть, попадаем туда, куда попасть не думаем; там — переполнено, там — малярия; там — климат прекрасен, но нет гор; туда неожиданно размыты дороги и т.д. В этом году до июля лили дожди, скрывались горы, размывались дороги; и это все заставляло нас буквально менять планы каждый день. Сачхери было местом июньского сидения; до — не имели пристанища; после — не знали, где иметь. Как счастливо, что получил деньги в Сачхери — 27 июня, а 28-го за нами заехали, чтобы взять в Кутаис; машина была приготовлена в Кутаисе «*поэтами*», не властными когда угодно иметь машину, а мы зависели с отъездом от приезда «*поэтов*»; вот почему, завися от других в свою очередь, зависящих от *авто*, я должен был во-время иметь деньги в Сачхери, либо их не получить вовсе. Мы должны были из Кутаиса по военно-осетинской ехать через Они во вновь открываемый курорт Шови (в 7 верстах от перевала), где намеревались прожить 2 недели, потом побывать на Афоне; и на возвратном пути заехать за вещами в Сачхери. 27-го (в день получения денег) явились поэты, а 28-го мы уехали в Кутаис; но машина, нас ждавшая в Кутаисе ранее, уже уехала в Шови; кроме того: ливни размывали дорогу; она закрылась до середины июля; хлынули в Кутаисе дожди; малярийная опасность погнала нас из Кутаиса, а ряд обстоятельств, о которых не скажешь в двух словах, начиная с

неудобств дорог, отрезали нас от Сачхери, где я оставил вещи и положенные в сберегат[ельную] кассу деньги; мы — неожиданно оказались в Тифлисе, расбросав вещи по дороге (деньги переведут в Тифлис на Яшвили); попав в Тифлис с разбитыми планами, мы неожиданно для себя устроились в Коджорах¹, в горной местности в 18 километрах от Тифлиса и полтора километра в высоту т.е., если бы нас соединить с Тифлисом, мы оказались бы в воздухе, выше птичьего полета; например: здание *фуникуляра*, высшая горная точка над Тифлисом на вершине Давида видна из Коджор в голубом тумане — внизу, внизу под ногами; местность удивительная, лучше всяких Боржомов и Абас-Туманов; соединение — высоты и шири; почти географическая карта во все стороны стелится от нас; и — под нами; она обрамлена с севера снежною цепью главного хребта; с юга горами Армении (Малый Кавказ), с северо-востока — Кахетинским хребтом; и над ним — Дагестаном; с юго-востока — долиной Куры на несколько десятков верст; а с запада — Сурамским Хребтом; этот вид в расстоянии 15 минутной, тишайшей ходьбы, — восхода на малый «*холмик*», который — вершина огромной горы; Коджоры — под вершиною.

После туманов Сачхери с грязными размытых дорог и тьмой неудобств в доме, после «*клопов ужасных*» прекрасного Кутаиса, облитого ливнями, с москитами и малярийными комарами, после духоты Тифлиса и людской сутолоки, — вдруг блещущие чистотой две комнаты в гостинице «*Наркомздрова*», открытой на днях, где мы — единственные обитатели, тишина, удобства, тихий служитель, готовый услужить, приятная свежесть лазурного дня (здесь — весна: все покрыто белыми розами) и ландшафт невыразимой красоты (срошеные хребты и хребетиков — под нами и на нашем уровне); и грандиозные горы со всех четырех сторон горизонта; как 2 месяца на нас сваливались все виды беспокойств и неудач с исканием места отдыха, так вдруг свалился на нас комфорт, успокоение, вплоть до улыбнувшейся нам погоды, до милой любезности заведующего курортным отделом, взявшим с нас почти вдвое дешевле нормы.

Вот, милый друг, два слова о длинной эпопее всяких дорожных приключений и ряда неудач и тревог, которые мы пережили и которые я предвидел в Сачхери, когда писал Вам письмо за письмом; не пишу — сколько поездок расстроилось (Шови, весенняя поездка в Кутаис /до Армении/, поездка в Кахетию, на Новый Афон). На Кавказ надо ехать: 1) осенью 2) имея *твердое* место с заранее намеченными комнатами, откуда и делать вылазки 3) имея все деньги сразу, ибо ждать денег в месте, где ждать не-

льзя, с почтой медлительной до последней степени, — невозможно. Лучше вовсе не ехать на Кавказ; иначе, либо погибнешь в грязи, либо разоришься в две недели и т.д.

Ведь нам помогают и помогали всюду, всюду шли навстречу и в Армении, и в Тифлисе: в Армении — Шагинян, Сарьян, наконец «Наркомпросс», давший всюду бесплатную машину, открывший нам доступ на заводы и на предприятия, где, опять таки, инженеры оказывали содействие; а в Тифлисе у нас — ряд друзей, оказавших теплейшее, прекрасное гостеприимство. И то — порой трудно от зыбкости и неопределенности. А главные пакости устроивал изменившийся климат; 2 месяца (май и июнь) не видели гор: грязный, серый туман и мочил, и душил.

Здесь все неопределенно; и мы вовсе не знаем, как и где проведем остаток времени; завтра могут Коджоры утонуть в сыром тумане; настанут холода (здесь — высоко); и мы — снимемся с места и неожиданно очутимся в Москве, еще в июле. Или — наоборот: настанет длительная хорошая погода, откроются горы, починятся дороги: мы, прожив здесь, нырнем таки в Шови (очень уж там, говорят, хорошо), с недельку застрянем на Военно-грузинской (в дожде ни туда, ни сюда не поедешь); тогда вернемся в августе. Главное: теперь я не завишу от денег; они — получены; их хватит вполне (их нам взялись сохранить друзья). И за это Вам сердечное спасибо.

Крайний срок пребывания в Коджорах — до 24-26 июля; если настанут холода — уедем раньше. Передайте Елизавете Трофимовне мой сердечный привет; сообщите ей: *очень возможно, что будем в июле в Кучине.*

Видите, Петр Никанорович, — я был прав, что «Красная Новь» не поместит статьи о ритме; трудна и отвлеченна для нее. И — главное: судьба моего ритма та, что печатный станок его извергает; так и умру, проглотив в себя свое «открытие».

Получил «Петербург», но с гранками статьи Воронского случилось несчастье; я для сохранности положил их в карман, ибо получил и книги, и письмо за 5 минут до подачи автомобиля в Коджоры: *гранки пропали из кармана.* Ужасно досадно! Кроме заглавия «Мраморный гром» ничего не прочел². Передайте если увидите Воронского, что я готов рвать волосы на себе: так хотелось прочесть, а не привелось. Передайте Пастернаку, что напишу ему³; спасибо сердечное ему! Вашей супруге и Вам от нас с К[лавдией] Н[иколаевной] сердечный привет. Обнимаю Вас и остаюсь сердечно любящий Б.Бугаев.

P.S. Это письмо — ответ на Ваше, помеченное 20 июнем; Вы его получите не ранее 15-го (месяц, чтобы перекликнуться!)⁴.

Штемпель Коджоры (у Белого везде «Каджоры», что мною исправлено): 10.7.28. Штемпель Москвы: 12.7.28.

¹ «27-го [июня 1928 г.]. Телеграмма от Яшвили. Прутковщина. Приезд поэтов. Бредный день. Застольные беседы. У нас с К.Н. голова идет кругом. 28-ое. Кутаис. Утром отъезд из Сачхери. Вечером — храм Баграта. 29-ое. Поездка к Гелатскому Монастырю. 30-ое. Шови отрезано. Мытарство. Комары, клопы, вши. Грязь. Томимся. /.../ 1-ое июля. Кутаис. Ужас! Читаю Кальдерона (перувианца) и секретаря Франса (2 тома). Поездки расстроены. 2-ое. Тифлис. Не можем опомниться от Кутаиса. 3-ье. Вечер с Робакидзе. 4-ое. Измучены клопами. Сыплем дезинфекцию. Поездка в Коджоры. 5-ое. Разговор с Мадам Табидзе. Грузинские поэты. Музей: перс[идские] миниатюры. 6-ое. Коджоры. Переезд в Коджоры. Отдыхаем. 7-ое. Прогулки. Читаю Бруссона (о Франсе). 8-ое. Читаю историю похищения Чавчавадзе (Бруссон). Мысли о Франсе. 9-ое. Читаю Гана: "Известия древ[них]... писателей о Кавказе" Открыли нашу вершину» (РД).

² Статья «Мраморный гром (А. Белый)» была опубл. в книге Воронского «Искусство видеть мир». М., «Круг». 1928. С.115-150.

³ «24 [июля 1928 г.]. Письмо Пастернаку. Желудок» (РД). Письмо датировано 23 июля 1928, опубл. в кн. «Андрей Белый. Проблемы творчества». М., 1988. С.694-697.

⁴ Постскриптум поставлен в начале письма, в верхнем углу первого листа из-за нехватки места.

30

Коджоры. 27 июля 28 г.

Дорогой Петр Никанорович,
давно не писал Вам, полагая, что Вы в отпуску и что Вас нет в Москве и в Кучине. Скоро, вероятно, увидимся, потому что мы снимаемся с Коджор, где очень хорошо провели время (почти весь июль); и место, и погода нам улыгнулись. *Коджоры* — необычайно прекрасное место; здесь все, что угодно: высота, даль, ширь, альпийские луга, поляны, ущелья, леса, воздух, скалы и мягкие каты скатов, и благосклонные склоны, и обрывистый скаловорот: в пространствах таятся пространства, в скрещеньях хребтов и хребетиков — таятся долины, лески. Немного поднимешься и — сотни верст на ладони: от Казбека до Армении (с севера на юг) и от степей Азербейджана до Сурамского Хребта — с востока на запад; можно сказать, что $\frac{3}{4}$ всей Грузии — на ладони; стоит немного спуститься, — луга, хлебные поля, мирные, тенистые лески и будто небольшие зеленые балки ограничи-

вают дали и выси хребтов; точно — в Кучине. Точно — квартира о много комнат: каждая — ландшафт неповторяемый: здесь — Швейцария, там — Кавказ, там — средняя Россия, и т.д. Каждый день гуляем, и — не исчерпали прогулок¹. Прожили в гостинице Наркомзема, в уютном здании с верандой на ширь и даль, и в 15 минутном расстоянии от высшего пункта всей окрестности; живем, представьте, одни во всей гостинице с уютным служителем, Мелитоном, с самоваром²; можно даже готовить собственный обед; «гости» приезжают сюда из Тифлиса лишь с субботы до понедельника.

Но пора двигаться; 31-го спускаемся в Тифлис (т.е. на 1 1/2 километра вниз), чтобы кануть по Военно-Грузинской (Тифлис — Владикавказ — Тифлис); и — тронуться к Москве: еще не выяснено — как: либо с заездом в Шови, либо через Батум — Сухум; и автомобилем по побережью (с заездом в Красную Поляну). На Кавказе нельзя знать, куда попадешь, а потому и не знаем, каким способом вернемся и сколько времени это займет; будем не позже 15-го, не ранее 7-8-9-10-го³.

Милый друг, — не зная точно почтового адреса Воронского, направляю Вам письмо к нему (передайте в «Круг»). И уведоьте Елизавету Трофимовну в том, что возвращаемся в пределах первой половины августа.

До скорого свидания. Еще раз спасибо Вам за хлопоты.

Остаюсь искренне любящий и близкий

Борис Бугаев.

P.S. Марии Сергеевне передайте от нас с К[лавдией] Н[иколаевна] привет и уважение. К[лавдия] Н[иколаевна] Вам кланяется.

Штемпель Коджор: 29.7.28. Штемпель Тифлиса: 30.7.28. Штемпель Москвы: 3.8.28; 4.8.28.

¹ Ср. из РД: «10-ое [июля 1928 г.]. Мысли о 4-х измерениях. Чувство высот нас охватывает. /.../ 11-ое. Высота! /.../ 12-ое. Высота. Прогулки. /.../ 14-ое. Фантазмагория гор! /.../ Прогулка. 15-ое. Прогулка в направл. к замку "разбойника". /.../ 16-ое. Неповторимая картина: пожар гор. Прогулка. 17-ое. Отстранение глубины. /.../ Прогулка. 18-ое. Мысли о рельефе. Мысли о горнем. Прогулка. 19-ое. Были в Тифлисе. Опьянение Коджорами. 20-ое. Прогулки. 21-ое. /.../ Прогулка по Кикетской дороге. /.../ 26-ое. /.../ Прогулка по гряде (замка). /.../ 30-ое. /.../ Коджоры — "сон на яву"».

² «Во время наших кавказских поездок предмет постоянных забот и волнений составляли "трудности с самоваром", потому что Б.Н. всегда любил "поуютничать за чайком". /.../ А между тем — получить самовар на Кавказе "редкое благополучие". И можно было написать

целую эпопею о наших "самоварных и чайных" боях в Армении, в Грузии» (К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом. С.90).

³ «31-ое [июля 1928 г.]. Тифлис. Разбита поездка в Владикавказ и Шови. /.../ 1-ое августа. Коджоры. Радость возврата. /.../ 8-ое. Мысли о Коджорах. Непередаваемые переживания наши. 9-ое. Последний день. Вид на Армению. 10-ое. Тифлис. Предъездные хлопоты. 11-ое — 13-ое. Поезд. Впечатление от хребта около Дербенда. 14-ое. Москва. 15-ое. Курино. Читаю книгу Воронского» (РД).

Зайцев — Белому

Пароход «Ленин-Ульянов»
6 августа 1928

Дорогой и добрый Борис Николаевич!

Благодарю Вас за последние 2 письма, такие добрые и ласковые. Простите, что не успел и не мог ответить на предпоследнее, которое получил 18-го июля. Отвечаю сразу на оба письма. Последнее получил в день моего отъезда из Москвы.

Чувствовал себя ужасно плохо, со злостью, с отвращением ко всему. А тут еще, получив отпуск, нечаянно заболел — правда, пустяки, инфлуэнза. Но было неприятно и досадно.

Позвольте по порядку сообщить о делах.

Я оставил у Марии Сергеевны деньги для Вас — 200 руб. и — ради Бога простите за растрату: не получив некоторых долгов со своих должников, я был вынужден взять из Ваших денег 30 руб. Простите мне, дорогой Борис Николаевич, это самовольство и самоуправство. По возвращении я немедленно Вам верну. Всего Ваших денег, стало быть у меня было 230 руб.

Жена передаст Вам 200 руб. «Субботники» ведут себя неприлично. Они за *май*¹ месяц уплатили только не то 50 не то 100 руб. Стало быть — половина мая, июнь и июль не покрыты. Они обещали на днях послать Вам в Долгий некоторую сумму. Сомневаюсь, чтобы они это обещание выполнили. Жалуются, что дела все еще не окончательно поправились. Нам нужно будет с Никитиной повести серьезный и решительный разговор. По моем возвращении (надеюсь, Вы уже будете в Москве) мы обо всем переговорим подробно и постараемся добиться ясности. То же относительно «Ритма». Они его хотят издавать. Но надо договориться об условиях.

Я оставил у Марии Сергеевны для Вас кучу книг — отдельным свертком по 5 экз. 2 тома «Петербурга» — авторские. Образцовые экземпляры «Москвы» в новых обложках и перепле-

тах. Понравятся ли они Вам. Обложку делал Н.Н. Вышеславцев. Среди книг «Круга» есть книжка Воронского (в той пачке, которую передаст Вам М.С.). В ней статья о Вас, которую Вы не успели прочитать в корректуре. Статья меня раздражила. Какие они все таки все глупые и тупые — теперешние критики! А ведь Воронский лучший и умнейший среди них и не без слуха! Это оттого, что «мамка в детстве ушибла» и вынужденность рассуждать от печки! Жаль Воронского!

Письмо для Б.Л. Пастернака я получил. Но, к сожалению, он тоже уехал на Кавказ (повидимому в Теберду) и вернется лишь осенью. Письмо лежит у меня.

«Ветер с гор» (так назвал «Кавказ» Тихонов) отпечатан. Печатается обложка. Книга должна скоро выйти². Между прочим «Круг» переехал в новое помещение на Театральную площадь, это сзади Большого Театра, и слился с Из-вом «Федерация писателей». Ваша книга выходит под маркой Федерации.

Вот, кажется, все то основное, о чем Вам интересно знать.

Да, забыл сообщить о статье по ритму. Вопрос о ней в «Кр[асной] Нови» еще не решен окончательно. Но на грех уехал Санников и я в неизвестности, что с ней в настоящий момент.

Ваша статья об Армении идет в августовской книжке. Я тщетно старался получить корректуру. Статья вплоть до моего отъезда еще не была получена из типографии. А я очень хотел ее прочитать, заодно бы прочитал и корректуру.

О своем путешествии постараюсь написать в ближайшие дни.

Передайте, дорогой Борис Николаевич, мой искренний и большой привет Клавдии Николаевне. К моему стыду, я не ответил на ее милое и ласковое письмо. Моя вина и моя беда!

Крепко обнимаю Вас и желаю всего доброго. Через две недели вернусь, тогда увидимся и переговорим.

Искренне преданный Вам и любящий Вас П.Зайцев.

(РГБ. Ф.25. Карт.15. Ед.хр.16)

¹ «Май» дважды подчеркнуто.

² «Ветер с Кавказа» вышел 21 августа 1928.

14 сент[ября] 28 года. Кучино.

Дорогой Петр Никанорович,

К[лавдия] Н[иколаевна] торопится на поезд¹, а я пишу спешно: во всякий день рад Вас видеть, кроме завтрашнего, т.е. суббо-

ты 15-го; не исключена возможность, что могу утром в воскресенье попасть в Москву², а — потому: с воскресенья вечера Вас жду; дома — в понед[ельник], вторн[ик], сред[у], четв[ерг], пятн[ицу].

Повторяю, всегда рад Вас видеть. Искренне Ваш

Б. Бугаев.

На конверте, без марки, Зайцев синим карандашом приписывает: «14/IX 28».

¹ «14-го [сентября 1928 г.]. Чтение. Уехала К.Н.» (РД).

² В воскресенье, 16-го сентября, Белый не поехал в Москву: «Мысли о современности. Были Табидзе и Робакидзе» (РД). Зайцев обычно приезжал в Кучино по четвергам и 20-го (четверг) он был у Белого в гостях.

32

28 сент[ября] 28 года.

Дорогой Петр Никанорович,

я совершенно упустил, что 29-го надо мне с К[лавдией] Н[иколаевной] вечером быть в Москве (Михайлов день); завтра в субботу еду в 6 ч. 30 м. в Москву¹; это — вот о чем: Вы хотели приехать в Кучино в пятницу или субботу. Не лучше ли, если есть что спешное *передать*, то увидеться нам у К[лавдии] Н[иколаевны] воскресенье, часов в 12; в 2 же я опять уезжаю в Кучино; если Вы свободны приехать в понед[ельник], то я — дома (и понед[ельник] и вторн[ик] и т.д.), но если Вы заняты могли бы увидеться и у К[лавдии] Н[иколаевны] воскресенье 30-го сентября с 12-ти до 2-х)².

Теперь: Н.Н. Вышеславцев хотел приехать в пятницу-субб[оту]-воскресенье; завтра, в субботу, если приедет в 1-2 часа, могли бы вместе уехать в Москву; *а воскресенье*³ — я буду в Кучине между 4 и 5 часов; мы можем прямо, к обеду встретиться в Кучине; пусть меня подождет, если приедет немного *раньше*. Не говоря о том, что в понед[ельник] я был бы тоже рад его видеть.

Милый Петр Никанорович, — нельзя ли его предупредить, главное, *о воскресенье*: чтобы, если он в воскресенье едет, то — пусть знает: не ранее 4 часов я буду в Кучине. Если сегодня успеете предупредить, то приезжал бы завтра, к 2-м.

Вот что наделал тот факт что мы с К[лавдией] Н[иколаевной] забыли: суббота — 29-ое (т.е. Михайлов день). Все еще под впечатлением Вашей пьесы⁴. Хотелось бы о ней поговорить.

До скорого свидания.

Б. Бугаев.

Привет Марии Сергеевне: очень думаем о ее здоровье⁵.

¹ «29-го [сентября 1928 г.]. Москва. Уехали. Работа над Москв[ой] [т.е. над первой главой первого варианта романа «Маски». — Публ.]. Мысли о Наполеоне (ко дню Мих[аила])» (РД). Архангел Михаил был особенно чтим московскими антропософами, к которым примкнул Белый. Они себя называли «ломоносовской группой» в честь писателя, носящего имя Михаила; как Белый писал Иванову-Разумнику 25 ноября 1926, он посвятил роман «Москва» «Архангельскому Христианину Михаилу [Ломоносову]».

² Белый провел воскресенье 30 сентября в Москве («День Софии. Мысли о Софии», РД) и вернулся в Кучино в понедельник 1 октября. Зайцев приехал туда в пятницу 5 октября («Работа над "Москв[ой]"»). Был проф. Великанов. Был П.Н. Зайцев. Работа над "Москвой"». Читаю сборник "Комсомольский быт"» — РД).

³ «А воскресенье» — дважды подчеркнуто. Встреча с Н.Н. Вышеславцевым, судя по записям РД, не состоялась в это время.

⁴ «22-го [сентября 1928]. Москва. Были на "Фроле Севастьянове"» (РД). См. прим.2 к письму №23.

⁵ Последняя фраза написана на обороте первого листа письма.

Зайцев — Белому

[28 октября 1928 г.]

Дорогой горячо любимый Борис Николаевич,

С чувством братской связанности всей силой горячей любви и признательности ученика и человека вам стольким обязанного приветствую вас в день вашего рождения. Желая Вам много лет жизни, здоровья и бодрости. Верю глубоко: народ и страна нуждаются в вас единственном в наши дни художнике, мастере слова, мыслителе.

Всем существом с Вами в эти дни. Обнимаю вас крепко. Горячий привет дорогой Клавдии Николаевне.

Любящий Вас П.Зайцев.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.188. Телеграмма на трех бланках с датой «28/Х». Белый родился 26 октября 1880 по новому стилю).

Зайцев — Белому

Дорогой и добрый Борис Николаевич!

Я в пятницу не смогу к Вам приехать. А в субботу жду Вас к себе. Будут: Б.Л. Пастернак, Г.А. Санников, Н.Н. Вышеславцев и др.¹

Вероятно, Вы не успели ничего сделать с «Пеплом» и с «Котиком Летаевым» для Субботников². Ну, ничего, еще два-три дня подождут.

К Вам собирается поехать Дм[итрий] Мих[айлович] Пинес³. М[ожет] б[ыть] это письмо я передам ему.

Итак, — до субботы. Ждем Вас к 8 ч.

Крепко жму руку.

Любящий Вас и преданный сердечно

П.Зайцев.

1 ноября 1928 г.

(РГБ. Ф.25. Карт.15. Ед.хр.16).

¹ В субботу 3 ноября 1928 Белый записал в РД: «Москва. Был в "Федер[ации]". Купил 3 тома "Былое и думы" (Герцен). Заходил Пинес. Читаю у П.Н. Зайцева 1-ую главу "Москвы" (сильный успех)». Присутствовали еще М.М. Коренев и С.Д. Кржижановский.

² В октябре 1925 Белый, по просьбе Воронского, готовил «сокращенный "Пепел" к переизданию; весь месяц правка стихов» (РД), но издание не осуществилось. Вопрос об издании снова возник в 1928: «4-ое [ноября 1928 г.]. Кучино. Перерабатываю, дорабатываю "Пепел" (для издания). 5-ое. Дорабатываю "Пепел". Читаю Герцена. 6-ое. Приехала К.Н. Работа над "Пеплом". Читаю Герцена. 7-ое. Читаю "Былое и думы". Восторг. Мысли о Герцене. Ретушь "Котика Летаева". Пишу предисловие (для переиздания)» (РД). 9 ноября рукопись «Пепла» была сдана в «Никитинские субботники» (предисловие датировано 28 ноября). В 1929 в издательстве вышло второе, переработанное издание сборника стихов «Пепел» (первое издание: конец 1908), тиражом 3000 экземпляров. Переиздание романа «Котик Летаев» не осуществилось. См. публикацию А.В. Лаврова: «Предисловие Андрея Белого к неосуществленному изданию романа "Котик Летаев"» (Русская литература. 1988. №1. С.217-219).

³ Д.М. Пинес (1891-1937, расстрелян), литературовед и библиограф, друг Белого и Иванова-Разумника со времени их работы в «Вольфиле», приехал в Кучино в пятницу 2 ноября. О нем см. предисловие к моей публикации «Переписка Андрея Белого с Д.М. Пинесом» (В печати).

Дорогой Петр Никанорович,
Спасибо за отклик. Увидимся в субботу. Я объясню, почему мне не удобно брать вечер в «Союзе Писателей»¹. Я не отказываюсь; я прошу лишь пока повременить с моим докладом.

В следующую субботу мне будет не удобно.
Буду у Вас в субботу от 7 до 8-ми.
Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев.

На конверте без марки, в нижнем правом углу Зайцев красным карандашом написал: «28 г.?».

¹ Выступление Белого на вечере московского «Союза писателей» после его возвращения в Россию нигде не отмечено, ни в РД, ни в списке 1932 «Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед и т.д.» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96).

Российский Союз писателей — писательская организация (1922-1929), предшествовавшая современному Союзу, созданному в 1934.

34

[1928-1929?]

Дорогой Петр Никанорович,
Жду Вас во вторник с Клычковым.
Буду рад.
Пишу кратко: работа.
До скорого свидания.
Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

На конверте без марки и даты, рукой К.Н. Васильевой: «Петру Никаноровичу Зайцеву. Староконюшенный 5. кв.45». В правом верхнем углу карандашом запись (Белого?): «от Б.Н. Бугаева». В архиве письмо помещено после писем 1927 г.

Белый познакомился с поэтом и прозаиком Сергеем Антоновичем Клычковым (1889-1937, расстрелян) в октябре 1918: «за этот месяц кроме "своих" и антропософов постоянно по делу выдаюсь в Пролеткульте с Шварцем, Плетневым, Герасимовым, Клычковым, Есениным, Орешиним, Полетаевым, Родовым, Санниковым, Александровским, Кривцовым, Красиным, и рядом других лиц» (РД). Его приезд в Кучино нигде в РД не отмечен. В понедельник 22 апреля 1929 он присутствовал на чтении Белого: «Вечером читал "Москву" в редакции "Красной Нови" (Пильняк, Раскольников, Павленко, Тальников, Канатчиков, Большаков, Сутырин, Добрынин, Зайцев, Пастернак, Клычков, Малашкин, Новиков-Прибой, Буданцев, Всеv. Иванов и др.)» (РД). На следующий день (т.е. во вторник) Зайцев был у Белого в Кучино, но без Клыčkова.

Эривань. 11 мая 29 года¹.

Милый Петр Никанорович,

Пишу Вам несколько слов. Отдыхаем в Эриване, — отдыхаем от московского холода; здесь так тепло, что хоть спи ночью с открытыми окнами. Устроились в Эривани очень хорошо: все дни наполнены, — прогулки, общение с людьми и чтение обильного материала по Армении (устроился со здешней библиотекой); впереди ряд намечающихся экскурсий; скоро пишу подробно². От Вас пока не было вестей; и главное: никаких вестей о том, что же с выпиской из заборной книжки? Пока в Эриване, отсутствие ее не играет роли, но с июня, когда можем оказаться в Дарачичаге (дачной местности), заборная книжка (верней выписка — необходима, ибо там не город; и зависимость от кооператива — полная)³; вышлите при случае на адрес Сарьяна (Армения. Эривань. Мартирос Сергеевич Сарьян. Улица Рубени. 55. для меня)⁴; если Вы не получили выписки от Елизав[еты] Трофимовны потому, что она по свойственной ей халатности не была в Реутове⁵, — то при случае, когда будете в Кучине, поставьте ей *строго* на вид, что так не делается и что я на нее в претензии. Что касается книг, то очень прошу по выходе «Ритма» выслать 3 экземпляра мне по адресу Сарьяна⁶. Жду от Вас письма. Напишу скоро подробно. Остаюсь искренне Вас любящий

Борис Бугаев.

Мы здесь до 25 мая. Дальше — еще не определилось окончательно. А потому напишите скорей, а то письма разведутся и опять, как в прошлом году, мы будем отрезаны от них.

Почтовая открытка. Штемпель Эривани: 12.5.29. Штемпель Москвы: 18.5.29.

¹ «Эривань. Чтение материалов по Армении. Письма в Москву» (РД, 11 мая 1929).

² «20-ое [апреля 1929 г.]. /.../ Кучино в снегах: зимний ландшафт. /.../ 24-ое. Последний вечер в Кучине; укладка. 25-ое. Москва. Вечер прощания с "нашими". 26-ое. Москва. Отъезд. 27-28-ое. Дорога. 29-ое. Тифлис. Остановка в Тифлисе у Лидии Павловны Сильниковой. Отъезд в Эривань. 30-ое. Эривань. Встреча с Сарьяном. Водворение в гостинице. *Май*. 1-ое. Эривань. Праздник первого мая. Прогулка в персиковые сады. Обед у Сарьянов: Люся Лазаревна, ее родственник: его рассказы о Персии. Знакомство с дочерью Туманьяна. 2-ое. Эривань. Утром взяли фэтон с К.Н. и поехали в село Канакер (вверх над Эриванью): картина Алагеза и Арарата. Условились слушать Сазандари. После обеда нырнули в восточный квартал; гуляли вдоль берега Занги (до электро-

станции); смотрели на пляски; народный праздник; "оперные" староармянские костюмы. 3-е. Эривань. Утром встреча с Сарьяном (в кафе-не Норк). Усталость от впечатлений. К вечеру были с Сарьяном у доктора Аванесова (осмотрел, разрешил в горы, подарил свою книгу); зашли с Сарьяном и К[лавдией] Н[иколаевной] в его персидские комнаты; забрали у него книг (2-ой том Линча); пришел поэт, Аведик Исакьян; беседа с ним. 4-ое. Эривань. Заход с Сарьяном в публичную библиотеку к Кеоркьяну. Знакомство с пролет-поэтом Хореном ("Радио"); зашли в худож. мастерскую к Алекс. Иван. Таманову; осматривали мраморы, туфы, планы народного дома до реконструкции Эривани. Зацепились за Хачатряна (мужа Шагинян): сидит в "Зактаче"; были у наркомпроса Мравьяна с Сарьяном (мой официальный визит ему: поблагодарить за комнаты, дачу в Дарачичаге, машину). Знакомство с дочерью композитора Спендиарова. Читаю: Линча, Нансена ("L'Arménie et le Proche Orient"). 5-ое. Эривань. Читаю: Линча (2-ой том "Турецкая Армения"), Нансена, Эмина ("Исследования, статьи"). Были на выставке армянского худ[ожника], вернувшегося из Америки; познакомились с рядом армянских деятелей; встретились с Ованесом Ованесьяном; вечером прогулка по ущелью; визит Таманову (не застали). 6-ое. Эривань. Чуть не уехали в Джульфу: наткнулись на препятствия. Набрал из библиотеки книжищ: между прочим первый том Strzygowski ("Die Baukunst der Armenier und Europa". 1-455. Wien. 1918). Вечером прогулка вверх: по канакерскому шоссе: удивительный вид на долину Аракса, Арараты, Эривань, Агридаг. 7-ое. Эривань. Поездка в Аштарак и Иоганнован [т.е. Оганнаванк или Иоанна-ванк. — Публ.] (мы с К.Н., Сарьян и профессор Коллонтар; сперва осмотр остатков мамонта в отделе охраны пам[ятников]. Машина — вцикская: шоффер — прошлогодний знакомец, Вака: предгория Алагеза: гора Ара, гора Семирамиды; ущелье Касах, Аштарак: осмотр церквей св.Иоанна (Иоганнован), монастыря св. Варвары, Могни (7-ой век) (между Аштараком и Иоганнованом), "Красной Церкви", Маринэ (в Аштараке); завтрак у крестьян; объяснения Коллонтара; осмотр древней крепости; священники; село Ошаган; возвращение чрез Эчмиадзин; разговор о Тораманьяне. Под Эриванью застигла буря (расстрел туч градобойными пушками). Вечером улизнули с концерта в память Спендиарова. 8-ое. Эривань. Усиленное чтение Стржиговского; мысли о зодчестве и Тораманьяне. Читаю отрывки из Моисея Хоренского и Вардана Великого. Долгое рысканье по персидским кварталам: улочки, мечети. Заходил Хорен. 9-ое. Эривань. Прогулки, чтения. Встреча с Линой Шагинян. 10-ое. Эривань. Утром прогулка в персидском квартале. Едва вернулись — комендант Вцика с машиной: "Мравьян просит осмотреть дачи в Дарачичаге". Молниеносно понеслись в Дарачичаг (120 килом. в час!). Наметили комнаты. И столь же молниеносно спустились; сломали колесо около селения "Сухой Фонтан".

Беседа с молоканами (нам дали в подарок хлеба). В 3 часа сделали 120 километров и осмотрели Дарачичаг. Вернулись в Эривань к обеду; были у Сарьяна; к вечеру у нас был Сарьян (путаница с комнатами); был Ата-

насян; пригласил на чай с писателями. Наряду с другими книгами читаю Борьяна: "Армения, международная дипломатия и СССР". Часть 1. 1928 г.» (РД).

Записная книжка с записями Белого из его чтения об Армении находится в РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101.

³ Дарачичаг — ныне Цахкадзор, курортный городок недалеко от Еревана. Карточная система, распространяющаяся на рабочих и служащих, вводилась с ноября 1928 — сначала на хлеб, а к концу 1929 почти на все продовольственные товары, потом и на промышленные. Деревня оставалась на самообеспечении.

⁴ Переписка Белого и художника М.С. Сарьяна (1880-1972) опубликована в кн.: Андрей Белый. «Армения». Ереван. 1985. С.82-106.

⁵ Реутово — подмосковное дачное место, недалеко от Кучина (см. письмо Зайцева Белому от 18 мая 1929). Елизавета Трофимовна Шипова — домохозяйка Белого в Кучине (см. прим.4 к письму №14 Белого Зайцеву).

⁶ «Ритм как диалектика и "Медный всадник"». Исследование вышло в середине мая 1929 в московском издательстве «Федерация» (тираж 3000 экз.).

36

Эривань. 14-го мая 29 года.

Дорогой Петр Никанорович,

Извещаю Вас, что мы уеждаем из Армении; и, может быть надолго адрес будет неустойчив; в Армении устроиться не удалось¹; где осядем на июнь, неизвестно: Красная Поляна, Цихис-Дзири, Шови, — где удастся. А может быть до 15 июня будем блуждать. Не пишите на адрес Сарьяна и не высылайте по этому адресу книг; ибо Сарьяну некуда будет мне их переслать, да и мне они нужны были *лишь для Армении*; далее они — балласт. Очень жаль, что Вы не черкнули хоть открытки, ибо не знаем, почему я не получил во-время выписку о сдаче заборной книжки; в Армении (в Эривани) можно было обойтись без выписки; в других местах, может быть, она необходима. Теперь, увы, — поздно! Жаль, что Вы все таки не черкнули хоть двух слов. Когда спишемся, — неизвестно, может быть, — в июле, не ранее. Надо все таки перекликаться. Ну да все равно. Остаюсь искренне любящий Вас

Б.Бугаев.

Почтовая открытка. Штемпель Эривани: 15.4.[так!]29. Штемпель Москвы: 20.5.29; 21.5.29.

¹ «12-ое. Эривань. Утром долгий разговор с Хореном; в 6 пришел Сарьян; в 6 1/2 пришли Атанасьян, армянский публицист (забыл фамилию), дочь Туманьяна; в 8 пошли с Сарьяном в кафе: разговор en deux (ужжать или нет). Сарьян — пленителен. Вечером чтение. 13-ое. Эривань. Днем Сарьян; вечером со "стариками" Союза Писателей (Айвазян, Исакиан, Ованесьян, Атанасьян, седой профессор краевед, старый драматург (с бородой Черномора), Сарьян, профессор Акуньян); скучноватый вечер с милыми людьми. 14-ое. Эривань. Заход в библиотеку за 2-ым томом Стржиговского; долгая беседа с Георгьяном. Решение уехать в Тифлис; оборудываем поездку в Гарни-Гехарт с Сарьяном; вечером — чай у Левоньяна; был Атанасьян» (РД).

Зайцев — Белому

Москва, 18 мая 1929 г.

Дорогой и добрый Борис Николаевич!

Послал Вам с 1-м письмом спешной почтой бумажку из Рут[овского] О-ва потреб[ите]лей на получение карточек продовольств[енных], а на этой неделе спешной же бандеролью — книгу «Ритм как диалектика». Надеюсь, Вы и то и другое срочно получите и получили.

Книга возбуждает большой интерес. Гольцев считает выход ее большим событием в литературе¹. Раскольников, с которым я виделся в Ред. «Кр. Нови», говорил, что он видел эту книгу и жаждет ее получить и прочитать². Он будет очень рад получить ее от Вас в подарок. Всех интригует название книги. И все очень хотят ее прочесть. По-видимому, она будет в большом спросе и ходу. Второго экземпляра я Вам пока не посылаю. Если Вам он потребуется, срочно вышло.

Раскольников взял для журнала из «Рубежа» главы о профессорах (о М.Ковалевском, А.Веселовском, Стороженке и др.) и главу, где Вы даете портрет К.А. Тимирязева³. Книга в целом на него произвела большое впечатление и он отзывался о ней хвалебно, считает ее очень острой, а характеристики блестящими. Отрывки пойдут в июльской книжке «Кр. Нови».

С «Зиф» составлен проект договора: гонорар 200 руб. за лист, тираж 5 000 экз. сроком на 2 года, срок выхода всей книги ограничен — не позднее 1 октября этого года, причем ее в виду большого объема (не 23, как Вы считали, а 27 листов) издадут 2-мя томами⁴.

Я на это согласился. И это необходимо в Ваших интересах, в интересах распространения книги. Вот только как ее делить? Не откажите указать это в ближайшем письме. Договор надеюсь подписать в понедельник 20 мая. Волокита ужасная! Но эта волокита еще не столь ужасна, как волокита с профсоюзным би-

летом. Я до сих пор еще не мог получить его. Еженедельно 3-4 раза в неделю справляюсь и получаю в ответ: завтра, послезавтра; в понедельник мне отвечают, что билет будет готов в пятницу; в пятницу, когда я звоню, говорят: «Будет в понедельник». Так проходят недели. Впрочем, билет, кажется, окончательно будет в понедельник 20 мая⁵.

«Пепел» начали печатать. Недели через две книга должна выйти⁶.

Свои книги я у Вас взял. Для А[лексея] С[ергеевича] тоже, и лично их ему передал⁷. Он вернулся из Крыма. Очень доволен путешествием.

Работаем над сценическим циклом лекций. Вспоминаем каждый раз Вас — в связи с Вашими стихами и с прозой Вашей, начинаю понимать, что такое жест в слове и как он важен вообще и в драматических произведениях особенно.

19 мая.

Вчера получил Вашу открытку. Завтра вместе с этим письмом спешной почтой вышлю 2 экз. «Ритма».

Билет профсоюза постараюсь получить в ближайшие 2 дня и также вышлю спешной. Но скорое получение его зависит не от меня, а от губернского отдела союза, где этот вопрос маринуется уже 4 месяца.

Здесь, в Москве, полмесяца стояла хорошая, солнечная и жаркая погода. С сегодняшнего дня она стала что-то портиться. Надеюсь, что не надолго...

Передайте, дорогой Борис Николаевич, мой горячий привет Клавдии Николаевне. Желаю Вам и ей отдохнуть и поправиться.

Кланяются Вам и Кл[авдии] Ник[олаевне] Галя Назаревская, Дора и Маргарита⁸. С Маргаритой и Дорой часто-часто вспоминаем Вас.

Желаю Вам всего доброго.

Искренно преданный и любящий Вас

П.Зайцев.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.188).

¹ Гольцев Виктор Викторович (1901-1955) — критик, сын В.А. Гольцева.

² О Ф.Ф. Раскольникове см. прим. 4 к письму №26 Белого Зайцеву.

³ «Апостолы гуманности» (отрывок из книги «На рубеже двух столетий») был опубликован в седьмом номере «Красной Нови» за 1929 г., с.141-148. Другой отрывок («Кариатиды и парки») появился в девятом номере, с.107-124, а «Тимирязев и Анучин» в десятом номере, с.116-120.

Уезжая на Кавказ, Белый оставил Зайцеву следующую доверенность (машинопись): «Доверяю получать Петру Никаноровичу ЗАЙЦЕВУ причитающийся мне гонорар из Редакции журнала "Красная Новь" за принятые к напечатанию и имеющие быть напечатанными отрывки из моей книги "На рубеже двух столетий"».

Подпись П.Н. Зайцева: [подпись] удостоверяю [подпись Белого]
Москва, 25 апреля 1929 г.»

(РГАЛИ. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.45).

Хотя Раскольников отзывался о книге хвалебно, он «отклонил предложение Г.А. Санникова о напечатании рецензии Б.Л. Пастернака на книгу "На рубеже двух столетий"». Впрочем, Пастернак еще не написал ее. Вопрос шел о том, будет ли она напечатана, если Пастернак ее напишет. Оказалось — нельзя» (воспоминания Зайцева о Белом, неопубл. часть).

⁴ «27 листов» — дважды подчеркнуто. 30 ноября 1928 Павел Николаевич Медведев (1891-1938, расстрелян), исследователь русского символизма и редактор «Ленгиза», предложил Белому опубликовать его воспоминания о Блоке (так называемый берлинский вариант «Начала века»). В это время Белый был занят писанием своих воспоминаний о Рудольфе Штейнере и отклонил предложение (см.: Андрей Белый. Письма к П.Н. Медведеву / Публ. А.В. Лаврова // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.430-444). А 20 января 1929 Белый написал Медведеву, что начал «размышлять, нельзя ли мне что-либо предложить. /.../ предлагаемый том можно было бы назвать "На рубеже двух столетий"» (или как-нибудь в этом роде)». (Там же. С.433-434). Летом 1928 в Коджорах Белый уже записывал свои воспоминания о ранних годах жизни: «12-ое [июля]. Запись о воспомин. отрочества. /.../ 13-ое. Записываю воспоминания о Моск. Универс. /.../ 14-ое. /.../ Воспомин. об Универс. (записано). /.../ 22-ое, 23-ье, 25-ое, 27-ое, 29-ое. Записано: воспом. о профессорах. /.../ 2-ое, 3-ье, 5-ое августа. Записано: воспом. о професс.» (РД). 22 августа в Кучино он начал «приводить в порядок запись sui generis своих "Трудов и дней"?!» (РД). К работе над книгой Белый приступил в феврале 1929. («6-ое. Мороз "42"». Начал писать "На рубеже двух столетий"», РД) и написана она была в очень короткий срок: 12 апреля Белый ее закончил.

О книге Белый писал: «В прошлом году я написал в два месяца 26 печатных листов мемуаров, теперь изданных "ЗИФ"ом под заглавием "На рубеже двух столетий"». Иные хвалят меня за живость письма вопреки небрежности формы. Эти мемуары я "писал" в точном смысле слова, т.е. строчил их и утром и вечером; работа над ними совпадает с временем написания; мысль о художественном оформлении ни разу не подымалась; лишь мысль о правдивости воспоминаний меня волновала» (Как мы пишем. Л., 1930. С.10).

23 апреля 1929 Белый должен был извиниться перед Медведевым: «...без всякого моего участия (ибо сижу в Кучине, нигде не бываю, ни с кем не вижусь) — моя книга "На рубеже двух столетий" получила огласку: прочел из нее одному приятелю [видимо, Зайцеву. — Публ.] кусочек; он в Москве рассказал; и сразу два предложения: — из "Красной Нови"»

печатать отрывки из книги; и из "Зифа" предложение книгу издать в нем ("Земля и фабрика" и вне этого просила меня дать что-либо)» (А.Белый. Письма к П.Н. Медведеву. Указ. изд. С.439). Письмо было вызвано тем, что уже 13 апреля Белый имел «разговор в "Зифе" о книге "На рубеже" (Ионов, Каплун, Штрайх, Чермак, Свистунов). /.../ Вечером ворвались Мейерхольд с Зайцевым; и на машине утащили к Мейерхольдам слушать пьянистку Юдину (Юдина, Гнесины и др.)» (РД). На следующий день Белый уже вернулся обратно в Кучино: «Был Зайцев: вырешали дела; намечился день отъезда» (РД), а 22 и 23 апреля Белый имел с ним «деловой разговор» (РД). Книга была выпущена в самом конце декабря 1929 (РД) московским акционерным кооперативным издательством «Земля и фабрика» («ЗиФ») тиражом 5 000 экземпляров.

⁵ В записной книжке Белого (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101) есть заметка: «Документы: /.../ Профсоюзный билет за №129664».

⁶ Пепел: Стихи. Издание второе, переработанное. М., изд-во «Никитинские субботники», 1929. О нем см.: прим.2 к письму Зайцева Белому от 1 ноября 1928.

⁷ А.С. Петровский — см. прим.4 к письму Зайцева Белому от 23 июня 1921.

⁸ Встречи Белого с этими женщинами, особенно с Назаревской, часто упоминаются в РД. Они принадлежали к его антропософской среде в Москве.

Тифлис. 24 мая [1929 года]¹

Дорогой, милый Петр Никанорович,

Вот первая моя внятно написанная весточка, ибо две эриванских открытки — невнятный цирк между двумя суматохами; спасибо, спасибо, — выписку получил; и накануне отъезда получил книжку. Потому писал о выписке, что без нее чаю и сахару получить нельзя, а без чаю, сами знаете, — путешествие — «непутешествие»!

Что сказать о нашем впечатлении от Армении? Во первых: спасибо Эривани; она согрела солнышком так, что спали с открытыми окнами, забыв думать о холоде; с 30 до 21 мая — жаркие, благодатные дни; во вторых: согреты людьми, начиная с Сарьяна и исключительно хорошего отношения властей (Габриэляна, Мравьяна, Якубяна)² давших возможность прожить около месяца в удобной хорошей гостинице, дававших машину, готовых было забронировать помещение в прекрасной дачной местности, Дарачичаге; и кончая эриванцами: мы приобрели ряд хороших, сердечных знакомств среди писателей, профессоров, поэтов; кроме того наши поездки в Аштарак, Дарачичаг, в ущелье

Гехарта и к развалинам Гарни дали ряд незабываемых впечатлений³.

Впечатленье от Армении — сильное, светлое: окрепли, поздоровели, повеселели, хотя страшно измучены физически (но это хорошо, ибо окрепли нервы).

И при всем том — вынуждены уехать: ибо при всем желании нас устроить от Мравяна (Наркомпрос), Сарьяна и других — единственно, что могли найти: *одну* (а не две) большую комнату в Дарачичаге, что — не устраивает; обещались поставить перегородку: не опишешь, почему не устраивает; жилищный кризис — тому виной; во вторых: ранее 15 июня в Дарачичаге рано (высока); предстояло 3 недели жариться в городе; рост знакомств, приглашения в гости превращали жизнь в сумбурно-светскую (выйдешь на улицу — расклоны, разговоры; и — заполонен весь день); далее: связавшись с Дарачичагом на 2 месяца, мы лишились Шови, попадали в рой знакомых (переполняющий летом эту единственную дачную местность), что — не отдых; предстоявшие интереснейшие поездки в области Севана опять таки не искупали неудобств многолюдности и жилищных неудобств (и жить негде, и многолюдно); «*армянский вопрос*» разрешили тем, что удрали из Армении; если будет время и деньги — вернемся на Севан перед Москвой лишь в августе (в первых числах); сидение же в Эривани дальше — бессмысленно, ибо — жара, малярия, рой знакомых; и главное: в это именно время расхватываются места, все, в Грузии, к которой оказались прижаты.

Так попали в Тифлис, где пробудем до 28-го мая; сначала остановились в гостинице; милые Табидзе переселили к ним⁴; застряли, ибо решается вопрос о бронировке 2-х комнат нам на июль (с первого до 30-го); ждем телеграммы из Шови о том, что комнаты за нами; много шансов, что удастся получить; пока — не наверно.

В случае удачи с Шови остается июнь: куда деться? Всей диалектикой складывается: сейчас, что можно устроиться лишь направляясь к побережью: и вот: едем в Батум-Сухум; из Сухума автомобилем до Адлера; и в Красную Поляну, где, может, удастся найти помещение в солнечном, горном, немалырийном месте; если не удастся, придется уже просто зацепиться за первое удачное место; и ждать июля, т.е. Шови.

Нужно иметь не нервы, а стальные мускулы, чтобы сносно и не бешено дорого устроиться в Закавказье; благословляю день, когда пришла мысль взять аккредитив. Милый, вероятно, писем от Вас не получу (не дойдут), ибо твердого адреса нет и не знаю, когда будет; если с Шови наладится, то *июль* будем иметь такой

адрес (воспользуйтесь тогда им и пишите много). С нашею неспособностью *бороться за право жизни* и при содействии друзей переживаем смену отчаяний и надежд; с величайшим трудом процарапываемся к оседлому отдыху: нелегко Кавказ для путешественников! К концу июля могут понадобиться еще рублей 500, ибо, например, не знаю во что обойдется Шови и путешествие по побережью (2 месяца); тут психология не экономии: обрадуешься тому, что дадут; повторяю: всё за месяцы расписывается. Ну пока, — обнимаю, целую. Я-то буду писать. Сердечный привет от К[лавдии] Н[иколаевны].

Борис Бугаев.

Простите за почерк: пишу ужасным пером⁵.

Штемпель Тифлиса: 25.5.29. Штемпели Москвы: 26.5.29.; 28.V.29 (два раза).

¹ «24-ое [мая 1929]. Тифлис. Хлопоты в Курупре; добились Шови; билеты на пароход. У Робакидзе несчастье» (РД).

² Тер-Габриэлян С.М. (1886-1937) — председатель СНК Арм. ССР в 1928-1935. Мравян А.А. (1886-1929) — с 1923 нарком просвещения и заместитель председателя СНК Армении, одновременно редактор газеты «Советакан Айастан».

³ См. РД: «15-ое [мая 1929]. Гехарт. Поездка в Гехарт через Норк, — Джерваж — Вахчаберт — Гарни (К.Н., я, Сарьян, Люся Лазаревна). Изумительные ландшафты, камни, завтрак под деревом в Вахчаберте; отдых у крестьян в Гарни, осмстр развалин Гарни; поездка, полная приключений, в Гехарт; осмотр Гехарта; разговор с епископом; ночью гроза. 16-ое. Эривань. К вечеру добрались к Эривани: восторг от поездки. Нам завидуют. Вечером у нас — Атанасьян, Сарьян. [Нет записи за 17 мая]. 18-ое. Эривань. Был Ованесьян, повел к себе в сад, беседа с проф. Медникьяном об арм. интеллигенции; потом все вместе (Ованесьяны, К.Н. и я) пошли ужинать к проф. Акуньяну; у него — Атанасьян, Айвазян Простосердов, какой-то армянский филолог, дамы, девицы; живой разговор и споры до 2-х часов ночи; моя дружеская схватка с Айвазяном. 19-ое. Эривань. Зашел Атанасьян; повел пить чай к "ханше" в персидский дом; "ханша", Фортунатов, какой-то армянский "лэттрэ"; персидские костюмы, шитые золотом; сговоры с Фортунатовым о нашей поездке в Еленовку (в августе). Вечером и всю ночь — усиленное чтение: Стржиговский, книги о персидском искусстве (зодчество, ковры, орнамент). 20-ое. Эривань. Взяты билеты в Тифлис: дочитываем литературу. Отнесли книги в публичную библиотеку. Прощальная беседа с Кеоркьяном. Пришел Фортунатов; вместе обедали; вместе пошли прощаться к Сарьянам. Получил книгу "Ритм как диалектика". Вечером зашел к Мше Туманьян. 21-ое. Эривань. Отъезд; провожал Сарьян».

⁴ «22-ое [мая 1929]. Тифлис. С вокзала к Сильниковой. Остановились в "Националь". Были в Главкурупре; хлопотали о комнатах в Шови; сговорились с Хелашвили; неожиданный заход к нам Н.А. Табидзе и Т.Г. Яшвили (увидели они нас издали, решили, что в "Националь"; и — накрыли с "поличным"). Вечером были у нас Леонидзе и Надирадзе. Леонидзе взялся с хлопотами нам "путевки" в Шови. Вечером ждали Сильникова. 23-е. Тифлис. Встречи с Яшвили, Тицианом Табидзе. Вечером расплатились с отелем (ехать в Батум), а оказались переташенными в квартиру Табидзе (Ниной Александровной); остались, чтобы добиться Шови. Вечером чай с "поэтами": Леонидзе, Надирадзе, Яшвили, Табидзе, их жены, Шаншиашвили» (РД). Об отношениях Белого с грузинскими поэтами см. прим.5 к письму №23 Белого Зайцеву.

⁵ Последняя фраза поставлена в начале письма из-за нехватки места.

38

Красная Поляна. 1-ое июня [1929].

Милый Петр Никанорович,

все передвигаемся¹. Июнь — в Красной Поляне; на июль удалась путевка в Шови: уже забронированы две комнаты; август намечился — 1) Кахетия 2) Севан; последнее — лишь план. Адрес до 1-го июля: Черноморская губ[ерния]. Сочинский округ. Красная Поляна. Харлампью Николаевичу Полихронову. Мне. Адрес Шови: Грузия. Они. Курорт Шови. Санаторий. Мне. Пишу этот адрес не вполне точно; так указывали в Тифлисе. Милый, из Шови скорой почтой на первых числах июля пришлю точный адрес; и тогда — вышлите 500 рублей в Шови (по возможности тотчас в начале июля); а по адресу Красной Поляны пошлите открытку, что письмо — дошло; почта в Грузии убийственна; деньги в Шови пошлите переводом, если перевод туда возможен. Пишу заранее, ибо после Шови — не знаем, где будем. На днях пишу письмо. Заранее спасибо! Остаюсь любящий

Б.Бугаев.

Почтовая открытка, написанная карандашом. Штемпель Красной Поляны: 1.6.29. Штемпели Москвы: 6.6.29 [?]; VI.1929.

¹ «25-ое [мая 1929]. Тифлис. Ряд бесед с поэтами и с Ниной Алекс. Вечер у Робакидзе. 26-ое. Тифлис. Ряд бесед: с Н.А., с Робакидзе (был у нас), с Джавахишвили (был у нас). Читаю книгу Бороздина о Сванетии и Мингрелии. 27-ое. Тифлис. Были у Сильниковой. Вечером долгий разговор с Чернявским. 28-ое. Уехали из Тифлиса; провожали: Леонидзе, Яшвили, Табидзе. Познакомились в вагоне с Абашидзе. 29-ое. Батум. Ждем парохода. 29-ое. Сухум. Высадились в 3 часа ночи. Выдержали шторм. 30-ое.

Адлер. Приехали к вечеру: перегон: Сухум-Афон-Гудауты-Гагры-Адлер: машиной. 31-ое. Красная Поляна — Приехали с машиной утром; нашли помещение у Полихроновых. *Июнь*. 1-ое. Красная Поляна — Отдых в Поляне. Заповедник» (РД).

Красная Поляна. 2 июня [1929]¹.

Дорогой, милый друг,

Простите, что до сих пор писал спешно, порывисто, невнятно; это оттого, что за май пришлось разрешать энное количество вопросов, из Москвы не видных; и все в связи с тем, как устроиться на лето: максимально дешево, приятно, с пользой и отдыхом; Кавказ есть шарада, которую нужно разрешать лишь на месте, а не из Москвы; иначе попадешь впросак; или — ввериться организуемой экскурсии (как поступает Александр Сергеевич); иначе судьба приткнет тебя вопреки желанию туда, где тебе и неприятно, и неудобно.

Звали в Армению: мы из Москвы доверились Сарьяну, обещавшему и прогулки, и места, и помощь Совнаркома (в смысле мест, машин и дешевизны)²; но ни Сарьян, ни правительство Армении при всем желании притти нам на помощь, не разрешили нам вопроса о том, как провести лето в Армении: лучшие места недосыгаемы (нет дорог), или климатически убийственны (70° по Цельсию на солнце), или предполагают умение верхом пробираться над безднами (Зангезур, например)³; машин — нет (все на учете); дачное место — одно: Дарачичаг, где нам предоставили 1 комнату (мне + К[лавдия] Н[иколаевна]) и где мы были бы в рое людей без возможности остаться вдвоем; а предполагаемые объезды оказались журавлями в небе, зная, что уже в мае расхватываются лучшие места в Грузии, мы ринулись в Тифлис; и хорошо сделали, ибо 22 мая я был в Курортном Отделе, хлопоча о двух комнатах в Шови на июль (Шови — при ледниках, в 10 верстах от Перевала Осетинской дороги); москвичи не знают Шови, а власти и знающие Грузию грузины знают, что по красоте и здоровью Шови одно из лучших мест в мире (курорт оборудован лишь с конца сезона в 1928 году); нам ответили уклончиво; случайно обнаружилась через грузинских друзей возможность попасть в Шови и была отправлена 24-го телеграмма в Шови с указанием забронировать 2 комнаты; места на июль уже были распределены в мае (именно распределялись 22 мая в день посещения нами Курортного Отдела); лишь по протекции получили 2 комнаты; (тоже исключение,

ибо комната полагается 2 лицам /мужчинам, или двум женщинам/)⁴; где же москвичу попасть в Шови? Он и не подозревает о его существовании, и не ведает, что за 1 1/2 месяца все разобрано в этом прекрасном месте: остаются «Боржомы», «Сухумы», «Афоны» для публики из Москвы, куда меня силком не завлечь. Так: июль оказался забронированным (уже внес 1/2 платы за комнаты и пансионное содержание); оставался июнь: куда девать? После ряда заседаний с К[лавдией] Н[иколаевной] решили «на ура» махнуть в Красную Поляну (Тифлис—Батум по жел[езной] дороге; Батум—Сухум — пароход; Сухум—Гагры—Адлер—Красная Поляна — автомобиль), чтобы попасть к открытию сезона (1-ое июня) и успеть захватить 2 комнаты (проблема 2 комнат рядом увеличивает трудность устроиться); тут был риск: сделать быстрый и дорогой переезд, так сказать напе[ре]рез приежающим и остаться в Поляне; или, продрав с 1000 километров остаться с носом, и бродить по побережью — с риском попасть в малярийное, скучное, или дорожайшее место (так: Сухум — скучнопылен, маляриен и бешено дорог); но у нас образовалась кавказская «сметка»: и в выборе пункта, и в спешном марше на Поляну: Красная Поляна — прекрасна; комнаты — чистенькие, милые: устроились дешево, независимо, приехали с первой машиной 31-го мая (за день до открытия сезона); через 10 дней уже не смогли бы так устроиться; но переезд стоил дорого; за то июнь (дешевый) вернет издержки необходимого «мотовства».

Итак: май разрешали проблему лета; она разрешена: июнь — Красная Поляна; июль — Шови; август, может быть, удастся дешево устроиться в Коджорах, чтобы съэкономив катнуть в Кахетию и на Севан.

Для приятной, дешевой и осмысленной жизни на Кавказе нужна сметка, риск, деньги, чтобы мочь, выкинув их, — потом их же вернуть; так и мы: потратились, но к августу потраты *выправятся*, вернутся; за то в принципе нам повезло и с Поляной и с Шови.

Для полного отдыха, восстановления сил и максимального утилизирования Кавказа остается игра *на август*, а для этого уже в июле нужен резерв в 500 рублей; и тут письмо мое переходит, дорогой друг, в деловую и убедительную просьбу: достаньте мне 500 рублей *теперь же, по получению письма*, храните их наготове до телеграммы или спешной почтой отправленного письма из Шови, где будем 1-го, 2-го июля; и тотчас по получению точного адреса Шови (почтового адреса *точного* не мог достать) шлите в Шови перевод телеграммой, или спешной почтой; может быть эти деньги вернутся, а может — нет, но иметь их про запас

я должен уже в Шови; иначе август (лучшее время для гор) разобьется. Помня прошлогоднюю путаницу, зная кавказскую почту, пишу об августе уже теперь; помните: только месяц в Шови у меня будет точный адрес для получения денег; а этот адрес Вы не получите ранее 12 июля; я же не получу денег ранее 24-25-26-го. А 30 июля кончается срок комнат; и мы *вынуждены* будем уехать (в Шови частных помещений нет; а наши комнаты уже имеют кандидатов на август).

Итак: с присылкой денег в Шови нужно заранее точно условиться, чтобы они были у Вас заранее и чтобы Вы тотчас по получению их выслали; помните: путь писем из Москвы до Шови: Москва—Баку—Тифлис—Кутаис; и далее 140 километров в горы («авто»-сообщение); а почтовая линия Кутаис—Они—Шови очень неисправная.

Для четкости нумерую письма; это письмо — №2⁵; по получению его тотчас шлите спешной почтой открытку в Красную Поляну, что письмо № 2 Вами получено. *Адрес Красной Поляны*: Черноморский Округ. Сочинский район. Красная Поляна. Харлампью Николаевичу Полихронову. Для Б.Н. Бугаева: вероятно открытку, или письмо сумею получить; июня 26-го мы трогаемся обратно: Красная Поляна, Адлер, Гагры, Гудауты, Сухум, Зугдиды — авто; Зугдиды—Кутаис (жел[езная] дорога); в Кутаисе остановка (с выжиданием машины); и Кутаис—Они—Шови (машина). Путь — дня 4, или 5 дней. Так что лишь до 26-го застанет меня в Кр[асной] Поляне от Вас письмо; оно нужно, чтобы быть уверенным, что Вы получили это мое письмо с просьбою о деньгах (500 рублей в Шови).

Адрес Шови (за него не ручаюсь). Грузия. Они. Курорт Шови. Далее не знаю, куда адресовать «Санаторий» ли, «Дом Отдыха» ли, «Гостиница» ли: мне. Поэтому: лишь попав в Шови, шлю телеграмму, или письмо с точным адресом: если придет телеграмма с адресом, это значит: немедленно по этому адресу надо высылать деньги.

Простите, дорогой друг, что все письмо опять полно сроками, адресами, просьбами и условиями; но Кавказ такое место, что зная его, ждешь лишь путаницы; верите ли: в мае 29 года я получил открытку Разумника Васильевича, посланную мне в июле 28 года⁶; а пучек писем, мной отправленных из Коджор, через 4 месяца вернулся в Коджоры *за ненахождением адресатов* (!?!). Это мне сказал Яшвили, бывающий в Коджорах.

Вот так почта!

Она-то и вызывает во мне эти дотошные приставания к Вам с адресами, сроками и т.д. Я напуган халатностью «Закавказцев»

и психологией «авося», которая доселе господствует здесь.

Скажу о другом: Армения оставила глубочайший след; в Красной Поляне — прекрасно.

А подробности — при личной встрече. Обнимаю Вас, заранее спасибо. Желаю Вам всего, всего радостного.

Не забывайте Кучина.

К[лавдия] Н[иколаевна] шлет сердечный привет.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

Письмо было отправлено воздушной почтой. Штемпель Сочи: 5.6.29. Штемпель Москвы: 6.6.29.

¹ «2-ое [июня 1929]. Кр. Поляна. Прогулки. Мысли о "Москве"» (РД).

² 19 ноября 1928 Сарьян писал Белому: «Дорогой Борис Николаевич, если у Вас нет другого плана на весну, лето и осень, давайте организуемте «организованное» путешествие по интереснейшим районам Армении. /.../ Если Вы согласны, то напишите мне. Я с Мариэттой Сергеевной [Шагинян] приму в этом деле большое участие» (Армения. С.90). 22 февраля 1929: «Председатель Совнаркома ССР Армении тов. Тер-Габриэлян обещал также удобства для передвижения (автомобиль)». (Там же. С.96).

³ 10 марта 1929 Белый писал Сарьяну: «Мы согласны на какие угодно средства езды; одно лишь: мне с расширением сердца и аорты вредно много двигаться пешком, особенно на больших высотах» (Армения. С.99).

⁴ Косые скобки принадлежат Белому.

⁵ В верхнем правом углу первого листа рукой Белого написано: «письмо №2».

⁶ Среди писем Р.В. Иванова (псевд. Иванов-Разумник; 1878-1946) Белому за 1928 (РГБ. Ф.25. Карт.16. Ед.хр.66) имеется одна открытка от 4 июля (есть и два письма: от 4 июля и от 18 июля). На ней адрес: *Тифлис. Грузия. Улица Гурамишвили, 10. Григорию Титовичу Робакидзе для Бориса Николаевича Бугаева. Штемпель Детского Села: 5.7.28. Штемпель Тифлиса: 11.7.28. Иванов-Разумник приглашает Белого навестить его с женою в деревне (станция Шимек, Новгородской губ., деревня Песочки, дом Ракова).*

7-го июня 29 года. Красная Поляна¹.

Дорогой, милый Петр Никанорович,
в письме №2 я подробно изложил мотивы, заставляющие нас построить план жизни и поездок на август, чтобы использовать

могущие представиться возможности осмотреть Кахетию и район Гокчи; и просил Вас: 1) приготовить к началу июня 500 рублей (путем ли получения должного мне гонорара, или аванса) 2) держать их наготове 3) тотчас по телеграмме, или по письму выслать в Шови, где мы проводим июль; далее — опять не будет твердого адреса; 4) ответить мне *воздушной почтой* на Красную Поляну, что письмо №2 получено. Это важно для психологии, плана пути и переписки в связи с этим планом *заранее* — с Сарьяном и Фортунатовым, заведующим биологич[еской] станцией о.Гокчи², обещавшим *заранее* подготовить поездки (в Армении все надо *заранее* подготовить). В этом письме лишь вкратце повторяю эту просьбу о подготовке 500 рублей и держании их наготове для высылки, или перевода по телеграфу (как найдете более лучшим, т.е., быстрым и надежным) в Шови; и повторяю потому, что опыт общения с Кавказской почтой приучил меня к осторожности и предусмотрительности.

Адрес Шови: Грузия. Рачинский уезд. Они. Курорт Шови; далее не знаю, адресовать ли *гостиница*, или — *Дом Отдыха*, ибо не знаю точно учреждения, в котором забронированы комнаты; поэтому лишь из Шови пошлю телеграмму с адресом для перевода, по которому тотчас высылайте деньги (движение посылок, переводов, писем и т.д. по Кутаисскому тракту ужасно!).

В Красной Поляне более налажено почтовое сообщение; поэтому открытка, или письмо Ваше еще застанет нас; мы здесь до 26-28 июня; адрес наш: Черноморский Округ. Сочинский район. Красная Поляна. д. Харлампия Полихронова. Мне.

Дорогой друг простите, что приходится посылать 2 письма вместо одного (на случай пропажи). Ответьте: получили ли письмо №2, это — лишь ракурс.

Отдыхаем вполне лишь здесь, в Красной Поляне, где мощь природы и девственность ее обстала нас и где мы с природой одни³; май был интересен, но труден; Армения прекрасна, значительна, ложится в душу большим опытом, — но трудна и крута; много читали по Армении, масса общений и знакомств; не было времени посидеть вдвоем и разобраться в потоке и тревожных, и радостных впечатлений; кроме того: весь май прошел в заботах, как устроить лето, когда обнаружилось, что с Арменией лето *не выгорит*; далее шумная тифлисская неделя (хлопоты, встречи, разговоры); и — как никак: Эривань и Тифлис — города; так что в природу попали лишь с июня. И — как здесь тихо, прекрасно, целебно; не знаешь, что больше доставляет отдых: прекрас-

ный ли ландшафт и прогулки, или простой факт дыхания изумительным воздухом; и туристов — никого; мы — одни; прежние в санаторий — за 5 километров от нас⁴; он в лесу, на склоне горы. Мы там еще не были; рядом с Поляной — непочатая целина Заповедника (2 600 квад[ратных] килом[етров]), тянущаяся чрез хребет к северным склонам; и там бродят туры, остатки зубров, таятся барсы; и эта дичь и глушь брошена нам с горным ветром в лицо; К[лавдия] Н[иколаевна] твердит о природе Поляны: «И нет преград меж ей и нами»⁵. И ощущение безграничности охватывает до... страха! Я торжествую, что риск примчаться сюда увенчался успехом; ведь никто не мог дать никаких сведений о ценах, комнатах, условиях жизни; мы ехали на «ура»; и как раз попали в ураган, пронесшийся над Западной Грузией, который задел нас крылом между Батумом и Потти, от которого нас оттащил ветер; сила же ветра была 10 баллов т.е. — предельная. Команда угрожала, что пароход никуда не сможет зайти до Новороссийска; вдруг, перед Сухумом (пункт нашей высадки) шторм упал; а потом узнали из газет, что подобного урагана Грузия не помнит: в Кутаисе срывало крыши с домов.

Дорогой друг, — обрываю: 1) пишете, как приняли мой «ритм» (это очень интересует меня), были ли отзывы и т.д. 2) вышла ли книга стихов 3) как обстоит дело с «*На рубеже*» 4) напечатала ли «Кр[асная] Новь» отрывки 5) что в Кучине? В Поляну есть воздушная почта: до 26 Ваше письмо еще дойдет; позднее — снимаемся с места. Ну — всего светлого Вам, бодрого, дорогой друг. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет Вам сердечный привет. Привет друзьям. Любящий Вас

Борис Бугаев.

Письмо было отправлено воздушной почтой. Штемпель Красной Поляны: 7.6.29. Штемпель Сочи: 11.6.29. Штемпель Москвы: 11.6.29 В верхнем правом углу рукой Белого написано: «№3».

¹ «7-ое [июня 1929]. Кр. Пол. Мысли о горах» (РД).

² О М.А. Фортунатове см.: Армения. С.72-73.

³ «3-ье [июня 1929]. Кр. Поляна. Утром прогулка в горы; вечером — к санаторию. 4-ое. Две прогулки. Сон, солнце, ветер, подпек. 5-ое. Кр. Пол. Две прогулки по адлеровской дороге: опьянение воздухом и ходьбой. Мзымта [река. — Публ.]. Камни. 6-ое. Кр. Пол. Жара. Сонный перепек. Переживание жути перед мощью природы. Бурлю против М.Я.Ш.» (РД).

⁴ До 1917 санаторий являлся царским охотничьим домиком.

⁵ Предпоследняя строка стих. «День и ночь» Тютчева.

Москва. 11 июня 1929 г.¹

Сейчас получил Ваше 3-е письмо, воздушной почтой. Посылаю это письмо также воздушной почтой, чтобы оно дошло твердо.

Милый, хороший и добрый Борис Николаевич!

Получил Вашу открытку и 2-е письмо, из Кр[асной] Поляны. Тотчас же телеграфировал Вам, что деньги будут высланы. И вслед за телеграммой послал открытку.

Теперь более подробно — о делах.

Они, как будто, все в благоприятном положении. С ЗИФ я подписал договор. Только 1 июня². 14-го июня получу 25% всей суммы гонорара — 1 250 руб. Из них я и вышлю Вам деньги. Получение совершенно твердое — забронированное. Рукопись сдают в Главлит. Все помеченные Вами исправления я внес во все три экземпляра. С.Я. Штрайх указал на желательность устранения в предисловии нескольких строк, где Вы говорите о коммунадах Николашах и о символизме в связи с марксизмом³. По его мнению не стоит дразнить гусей. Я с ним согласен. Думаю, что и Вы не станете возражать. Напишите.

«Кр. Новь» сдала 1 отрывок уже в набор в июльскую книжку. Другой пойдет в августе⁴. Вернулся из Аравии Г.А. Санников⁵. Он Вам кланяется сердечно. Очень доволен поездкой.

Я, наконец, в мае м[есяце] (только 22 мая!) получил профсоюзные новые билеты для Вас и для себя. Рискую послать Вам Ваш билет с этим письмом. Надеюсь, дойдет и застанет Вас. А он Вам, конечно, нужен. Взнос сделан за 3 мес[яца]. Больше они не приняли. Но просрочка, в случае Вашей задержки, будет небольшая. В крайнем случае, я здесь внесу за Вас членский взнос без билета.

Я был в Кучине. Там все благополучно. На Ваше имя пришла повестка из ЦЕКУБУ о получении денег за апрель, конечно, с огромным запозданием. Деньги оттуда я получаю своевременно и ставлю их в свой, все растущий долг Вам. А без них, Борис Николаевич, мне был бы полный крах и зарез... Мне и безвыходно и больно... Надеюсь, что не все у меня будет такая мрачная полоса. А пока — горько... В Кучине было также письмо для К[лавдии] Ник[олаевны]; посылаю его.

Должен перед Вами повиниться в двух вынужденных обстоятельствах проступках. 1) Я, не получая долго ответа от ЗИФ, на всякий случай позадержал Ваше письмо к Медведеву, а в это время от него в конверте с бланком Ленгиза пришло в Кучино на Ваше имя письмо. Отсюда — 2-ой проступок: я, заведомо зная, что письмо от Медведева, взял на себя смелость распечатать это

письмо. По выяснении вопроса об издании с ЗИФ я послал Медведеву Ваше письмо со своим сопроводительным. Простите мне это самовольство. Оно вызвано *исключительностью ситуации*. Медведев в ответ на Ваше письмо прислал Вам в конверте на мое имя и на мой адрес письмо⁶. При случае вышло Вам оба его письма. Они теперь, конечно, уже не срочны. Еще раз прошу у Вас извинения, милый Борис Николаевич, не сердитесь на меня!

Получив 14 июня деньги из ЗИФ, я буду ждать Вашей телеграммы и немедленно вышло Вам деньги куда Вы укажете — в Шови, а м[ожет] б[ыть] раньше — в Кр[асную] Поляну. Но — только по Вашему указанию.

Из Федерации Вам также причитается за «Ритм» еще рублей 400. 200 руб. они уже уплатили. Еще остается дополучить с чем-то 200 руб. Как Вам нравится внешность книги? Опечаток Вы не заметили? Я не отметил. Мне внешность нравится.

Третьего дня я был у Мейерхольдов⁷. Но поговорить не удалось. У них сидел драматург Волькенштейн, пришедший по делу⁸. Они звали меня к себе на дачу в Горенки. Собираюсь к ним поехать. В[сеголод] Э[мильевич] и З[инаида] Н[иколаевна] Вам и К[лавдии] Ник[олаевне] кланяются. «Москву» он очень хочет поставить⁹. Говорил об этом с Раскольниковым. Тот обещал поддержку. Без борьбы эту постановку не удастся осуществить. Но В[сеголод] Э[мильевич] за нее хочет биться. У них с З[инаидой] Н[иколаевной] есть план отправиться на лето на Кавказ с мешками за плечами в пешеходное путешествие (т.е. конечно на Кавказе). М[ожет] б[ыть] Вы с ними где-нибудь случайно и встретитесь.

Вам кланяется М.М. Коренев. Он читает Ваши «Воспоминания»¹⁰...

Теперь немного — о себе. Я был вынужден все-таки отправить семью на дачу. Доктор нашел у Светланы предрасположение к туберкулозу. Жена также чувствовала себя неважно. Опять всякие трудности. Но сам я все лето буду в Москве. С 1 июня сел за работу над своей театральной пьесой¹¹. Твердо решил к осени дать весь текст хотя бы вчерне. Только эта работа и поддерживает меня теперь. Много встает трудностей. Но есть и большое наслаждение искать, находить, действовать на просторе большой вещи. Над ней я работаю ежедневно. Думаю непрерывно, даже в дневные рабочие часы. И всегда что-нибудь находится сделать. Не удастся в одной картине, переходишь в другую, в третью. А там, глядишь, в процессе общей работы и ненайденная деталь 1-ой картины выясняется. Во всяком случае, к осени я эту пьесу настолько продвину, что могу ее показать хоть небольшому кругу друзей и знакомых.

Этой работой, да еще одной работой биографического рода (черновым собиранием и сводкой материалов) я сейчас занимаюсь. Стараюсь жить скупой и не рассеиваться.

Я был очень рад узнать, что Вам удалось устроиться там удачно. Надеюсь, Вам удастся отдохнуть, поправиться и окрепнуть. На осень Вам надо запастись силами.

Желаю Вам, дорогой Борис Николаевич всего-всего доброго. Сердечно кланяюсь Кл[авдии] Ник[олаевне]. Обнимаю Вас. Искренно Вам преданный и любящий Вас

П.Зайцев.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.188).

¹ Над датой рукой Зайцева написано: *Простите за поправки на письме!*

² Т.е. договор на кн. «На рубеже двух столетий» — см. прим.4 к письму Зайцева Белому от 18 мая 1929.

³ См. примечание А.В. Лаврова в переиздании «На рубеже двух столетий» (М.,1989): «В наборной машинописи после этих слов — начата с абзаца фраза, вычеркнутая красным карандашом (вероятно, редакторская купюра): "Николаша, критик мой, — провижу "папашу" в тебе, в каких бы коммуноидных оперениях ты не являлся мне!" (РГАЛИ. Ф.613. Оп.1. Ед.хр.5594. Л.13)» (С.469).

Еще до выхода «На рубеже двух столетий» Соломон Яковлевич Штрайх (1879-1957), историк и пушкинист, опубликовал информационную статью о ней: см.: Литературная газета. 1929. 25 ноября. №32. С.3.

⁴ См. прим.3 к письму Зайцева Белому от 18 мая 1929.

⁵ О Г.А. Санникове см. прим.1 к письму Зайцева Белому от 5 января 1928. В 1929 он был командирован в Аравию. После возвращения вышла книга путевых очерков «Тропический рейс» (М.-Л., ГИЗ. 1931).

⁶ См. письмо Белого Медведеву от 23 апреля 1929: Андрей Белый. Письма П.Н. Медведеву // Указ. изд. С.439-441. Медведев писал Белому 22 апреля 1929: «Спешу известить Вас, что у нас все подготовлено к изданию "На рубеже" — вплоть до согласования этого вопроса с московским Гизом /.../ Сегодня 22-ое — а ни рукописи, ни дополнительных сообщений от Вас нет». 22 мая 1929 Медведев писал Белому: «Только сейчас я получил через П.Н. Зайцева Ваше письмо от 23 апреля. Не скрою: оно очень меня опечалило» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.222).

⁷ Об отношениях Белого с В.Э. Мейерхольдом и З.Н. Райх см.: прим. 4 к письму № 15 Белого Зайцеву.

⁸ Волькенштейн Владимир Михайлович (1883-1974) — драматург, театральный деятель, недолгое время был женат на Софье Парнок.

⁹ См.: Воронин С. Из истории несостоявшейся постановки драмы А.Белого «Москва» // Театр. 1984. №2. С.125-127.

¹⁰ Михаил Михайлович Коренев (р. 1889) — режиссер ГосТИМа с 1923. По всей вероятности, имеются в виду «Воспоминания о А.А. Блоке», опубликованные в четырех номерах «Эпопеи» в Берлине в 1922-1923, а не рукопись книги «На рубеже двух столетий».

¹¹ В заявлении в Правление Всероссийского союза советских писателей от 9 апреля 1930 Зайцев просил ссуду в сумме 300 рублей, которую он обещал выплатить в течение шести месяцев, от Литфонда «на лечение серьезно больной жены и устройство ее в санаторий, а также на лечение и закрепление слабого здоровья моего ребенка. Я занят работой над двумя большими вещами для театра. Ссуда дает мне возможность устроить жену и ребенка и позволит вернуться к работе над вещами, которые я рассчитываю закончить к осени» (ИМЛИ. Ф.15. Оп.1. Ед.хр.52).

В автобиографической справке, написанной в ноябре 1955, Зайцев писал: «В резерве лежит пьеса "За кулисами", требующая доработки» (полный текст справки — см. предисловие к данной публикации).

41

15 июня 29 [года]. Красная Поляна.

Дорогой друг,
получил и Вашу телеграмму, и Вашу открытку. Жду письма. Спасибо за быстрый ответ; вполне успокоен; но и СССР-ской почте спасибо: работает не так, как Закавказская, которая не почта, а — чорт знает что; Вашу открытку, помеченную восьмым получил уж 12-го. С Шови будет не так; там линия — Тифлис—Кутаис—Они, о которой писали в «Заре Востока» обличительную статью, что письма там ходят месяцами; а между тем: менее удобно получить деньги здесь, ибо пришлось бы и их обменять на аккредитив, а не знаю точно, выдают ли здесь аккредитивы. Дело в том, что на автомоб[ильной] линии Адлер—Красная Поляна бывают... ограбления; и денег при себе в переезде с машиной лучше не держать, что и остановило меня просить Вас выслать сюда.

Ну, — не буду о делах. Хочется поделиться с Вами нашим житьем-бытьем здесь. Совершенно наугад дернулись сюда; и — нашли то именно, чего жаждали: природу, покой, тишину, дешевизну, изумительный воздух, отсутствие малярии; и при желании далеко бродить в горы — возможность, ибо в управлении Гос[ударственного] Заповедника есть запись на экскурсии (на горные перевалы и даже далее).

Начать с природы: она не сразу обрушивается; но чем больше живешь здесь, тем она более входит в душу мягкой мощью и ка-

кою-то негрозной, а доброй величественностью; до сих пор удивляемся мощи лесов; они тянутся от Адлера 50 километров в горы; и далее в район заповедника, который совершенно девственен и который начинается уже на гребне горы, у подножия которой — краснополянский санаторий; глядим с нашего крылечка наверх и думаем: «Может быть там, из воц тех деревьев, выставил морду зубр и смотрит сверху на нас» (там есть и зубры, и барсы, и туры, и медведи, и что хотите!); оттуда веет удивительной чистоты ветер; только здесь понимаешь до чего и воздух Кучина отравлен и Москвой, и гнилью болот.

В полном смысле всю грудь задышали лишь здесь; и до последних дождливых дней (12-13-14-го) ежедневно бродили и грелись по 5 часов в день¹; в полном смысле отдались воздуху, прогулкам; блуждаем; и — удивляемся: мощи стволов (буки, грецкие орехи, выше — пихты); средний ствол обычного возмужалого ореха не обхватят три мужика; а круглая крона — домина; листья — с лист фикуса; разотрешь — аромат; камни блещут всеми цветами радуги, точно фрески; Мзымта шумит гармонично; и невероятно пышные прорисованные ущельями изощренные склоны изощренных тычков высот обстают Поляну-плато, которая — сеть беленьких домиков, тонущих в деревьях, окруженных огородами: даже не деревня, а сближенность отстоящих друг от друга хуторков; состав населения Кр[асной] Поляны — греки; соседний поселок — эстонский.

Над венцом зеленых горных высот, обстающих Поляну — второй ряд каменных острых тычков и пиков, оснеженных до июля; вчера после бури, когда рассеялся туман, — оказалось: все — покрыто снегом; снежная линия спустилась втрое ниже, чем она была третьего дня; наш хозяин оставил пасть лошадь в альпийских лугах — одну, сам же спустился вниз, а ее там застиг снежный буран; и теперь он беспокоится об ее участи; с запада на восток Поляну прорезывает ущелье Мзымты, сужаясь — на западе и на востоке; на востоке — огромные вечно снежные конусы с перевалами на Кубань: Псеа́шхо и Аишха²; на запад верст на 40 спадающая к морю галерея сбегов горных вершин; прямо на север — прошел[ь] в горы и взбег домиков Поляны; оттуда всходы лесов на горную стену Ачишхэ³, которая сейчас вся — *серебернь*: стою за это слово, ибо в нем синтез представлений: 1) стена Ачишхе *ребернь* (со-рэберность), оканчивающаяся резью зубцов 2) она вся *серебряная* от снега; приходится придумывать слова, которые живописали б и звуками: *сереберню* мы восхищались сегодня.

Кстати: меня удручает косность языка; и отсутствие натурализма в рисовке словами ландшафта; чтобы передать хоть тысячную долю подлинно видимого в одном моменте одной прогулки (а их сотни) необходим ряд этюдов со словами, т.е., — усесться, взять карандашик и ловить нехватящие тебе для зарисовки слова, зная, что получится лишь чудовищно-дикий этюд, ученический, бухающий по уху и глазу супер-футуристическими несурезицами (нечто à la Тредьяковский); но только через такую неотредьяковщину ведет узкая стезя к новому, искомому натурализму языка, по новому соединяющему глаз и ухо, имажинизм и футуризм; признаться: я несколько раз принимался за такую этюдную работу, с хохотом перечитывая, что получалось, ибо получались каракули нескладицы; и — только; но верьте: если бы я старался преодолеть «красивость» языка Белого, ставшего у него уже «ловким приемом», я должен бы был вступить на путь таких ученических этюдов, первые опыты которых, — чудовищности, негодные для показа.

И уж позвольте для смеха именно дать Вам такой показ вместо описания одного из мест по дороге к Адлеру; привожу клочок из ученического этюда (не для *выставки*, а в папку художника, идущего учиться новым краскам у природы): вот какая угловатость сложилась у меня (не взыщите!) —

«Над дорогою тулобашатся кулачины — с дом: вылобились и долбней, и дылдней перепёра; и бурая тамскребоварина; рёбра — раскряк углоплитов (земля — многоплитица); вешне пышненье снесенных и вышних дубов; и растрепанный облачный выползень ватою веет в исчерч прошербленный, и розовосерый, и серолиловый, омшенный слегка ржавозолотоватой шершавиною, где надпёра ореховоцветного рухи и грóхи снеслися (размером с быков); дубы, буки стволами сигают в тот рух; окафеилась серость дороги; и щебень рассыпался, точно зерно... Твердо-гордые камни: ореховокарий с прорехами серыми, с дом, точно в коже змеиной; и кружево вылеплинок — его грифельнорозовый бок. Выше — едким процепом плюща лаполобина выперла; край: а под краем — струением блесни пролизанные глади тырчин; и выугленны каменища над зычными дрызгами взбрызганной Мзымты»

— вот так «свистохлюпы»!⁴ Верьте, — я первый хохочу с Вами; а между тем: это попытка, упразднив стилистическую зализанность «Белого», дать кусочек природы. Вот другой ландшафт Кр[асной] Поляны (в том же «натурализме» словесных исков): —

— «Гордые горы, врезаая черными ребрами в воздух, углами и слонами конусов — кубово тырчутся; сахарный снег серебрет; и остро-огромен их пёрш; выше: вышние легкости пиками всколоты в легко медовой ужаснейшей дали, где выкурен вскок дымнорукий, где рвется в распёрый сквозняк, дымовой и продунутый, он; ниже: улицу кубиком выложили в зелень грецких орехов, — в стволы, в толстуны; они в желтом промохе; и — белые; перепоясал отряд из забориков все; свиноухая хрючница рюхает в пылях; вишневою юпкой проходит гречанка кофейного цвета средь серых и тигровобурых коров».

Но довольно, дорогой друг: вот Вам образцы единственного дела из «безделья» прогулок, столь нужных для отдыха; видите эту-ды «пленэра» не сильно удаются; но не только я, а всякий писатель, если бы он описывал то, что есть, не подсочиня «приемом», доставившим ему имя, писал бы ученические чудовищности; но сквозь них — путь к нео-реализму⁵.

Кончаю это письмо. Привет друзьям. Привет, если увидите Всевол[ода] Эмил[ьевича]; очень интересуюсь Вашим разговором. Уже поздно; и керосину в лампе остаток; поэтому обрываю письмо. Обнимаю Вас. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет сердечный привет.

Борис Бугаев.

P.S. Здесь до 26-28 июня.

Штемпель Красной Поляны: 16.6.29. Штемпель Москвы: 21.VI.29. Отрывки из письма были опубликованы (очень неточно) в воспоминаниях Зайцева о Белом (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.573-575).

¹ «9-ое [июня 1929]. Кр. Пол. Встреча наша в аптеке с проф. Шмелевским. Наш чай у него; его дочь; погода ломается. 10-ое. Кр. Пол. Прогулка к деревне Монашенки. Мысли о языке. 11-ое. Кр. Пол. Прогулка по адл[еровской] дороге. Невыразимое погасание перевальных гор. 12-ое. Кр. Пол. Буран в горах; тучи на огородах; мы в сплошном облаке. Холод. Мысли о "фамилиях". 13-е. Кр. Пол. (Вознесение) — Дождь: облака на нашем огороде; снег на горах невероятно снизился; дрогнем от холода. 14-ое. Кр. Поляна. Холода продолжаютя: как в ноябре: снег еще ниже; хозяйева горюют: верно в горах погибла их лошадь. Неожиданное рождение двух мальчиков (у хозяйки и ее невестки). 15-ое. Кр. Пол. Спали не раздеваясь: так холодно. "Серебернь"» (РД).

² Псеашхо — перевал через Главный, или Водораздельный хребет Б.Кавказа. Аишха (первоначально было «Ачишхэ» — оно зачеркнуто) — гора на Кавказе.

³ Ачишхэ (обычно Ачишхó) — горный хребет на Западном Кавказе.

⁴ Ср. запись от 18 апреля 1929 в РД: «Был Зайцев; привез статью Заславского "Свистохлюпы"». Имеется в виду «рецензия» Д.И. Заславского на кн. «Ветер с Кавказа»: Свистохлюпы: Литературный фельетон // Книга и революция. 1929. №6. 20 марта. См. также запись от 11 февраля 1930 в РД: «Был П.Н. Зайцев. Заславский сожалеет, что написал статью "Свистохлюпы" (против меня)».

⁵ Ср. «Как мы пишем»: «Явление новых, непредвиденных *качественностей* и составляет основу так называемого "мышления образами"; оно — квалитативно, а механически-абстрактное мышление — квантитативно; в нем сумма двух ядов — яд; в действительности — не яд, а соль. И в этой соли — "соль" отличия художественной прозы от прозы только публициста; как публицист, я мыслю квантитативно, как художник, — квалитативно. В чем разница? В том, что образы, рожденные звуком темы, не подчиняются моим априорным намерениям подчинить их таким-то абстрактным приемам; я полагаю: герою быть таким-то, а он опрокидывает мои намерения, заставляя меня гоняться за ним; и сюжет летит вверх-горюшками; и это значит: задается темой автор-публицист, мыслящий квантитативно, а выполняет автор-художник, мыслящий образами. Первоначальное задание — леса, быстро убираемые, когда внутри них реально отстроено здание; леса говорят лишь о количестве этажей, но не о качестве композиции; я обещаю редактору одно, а пишу другое» (С.19).

Красная Поляна. 27-го июня [1929].

Дорогой, милый друг, Петр Никанорович, получили ли Вы мое письмо, — не деловое? В нем пишу о нашем житье-бытье; Красная Поляна до конца оправдала себя; здесь взяли отдых так, как берут ванну после долгой-долгой дороги; увы, — кончается это житье; мы бы охотно застряли здесь еще на 2 недели, да Шови — ждет: начало нашего курортного срока там — 1-ое июля; и потому — завтра трогаемся из Поляны (дорога сложная: Поляна—Адлер — машина¹; Адлер—Поти — пароход; Поты —Кутаис — поезд; Кутаис—Шови — машина); при незнании расписаний, при удивительной несогласованности путей в Грузии, — едва-едва доберемся до Шови 1-го—2-го июля. Оттуда тотчас шлю адрес; и деньги пересылайте скорей по точному адресу; скорей, — потому что никогда не знаешь, пока не усядешься, сможешь ли прожить. В Шови меня смущает высота. Хотя доктор в Армении и разрешил жить в горах, однако мое «нервное» сердце иррационально; вдруг оно «затомится» в Шови; и тогда, во-

преки всему, надо будет уехать; и потому, — не медлите с высылкой.

Очень грустно пережили Ваше письмо; милый, успокойтесь как-нибудь; может быть чувство недомогания от «истерики», происходящей с природой; здесь, в Кр[асной] Поляне с 12 до 17-го были такие «истории» в горах, что местные жители не запомнят; все вокруг покрылось снегом; и две ночи спали, не раздеваясь; казалось: вот-вот посыплется снежок; потом — вернулись «красные» дни. Но было очень жутко; и зубы мои стали разговаривать; и на душе стало мрачно.

Бодритесь: все мрачное — минует; все — минует... *«Неподвижно лишь солнце любви!»*². Милый, не пишите таких «докучно»-щепетильных писем о наших расчетах; какие расчеты? Я Вам в сто раз более обязан; будем уж лучше должниками друг другу по закону любви, чем по *«высчетам»* холодно-буржуазной щепетильности.

Теперь о делах: я сообразил, что не доответил Вам на Ваши вопросы в письме, где вообще не писал о делах.

Грустно, что книгу «На рубеже» делят на 2 книги; по моему эти меркантильные расчеты не учитывают *того* читателя, который будет покупать книгу; ему приятней иметь компактный томик, чем 2 тощих книжицы; но если они *«делят»*, то можно делить лишь по одному принципу: 1-ая часть кончается главой, озаглавленной «Боренька»: можно ее озаглавить *«Детство»*. Вторая состоит из гимназии и университета; можно ее озаглавить *«Годы учения»*. Но непременно: четко должно быть обозначено *1-ая часть. 2-ая часть*³.

Если какие цензурные ретуши, — вполне доверяюсь Вашему слуху и такту: ведь Вы литератор; сами знаете, где, как, что ретушировать; при вычерке фраз надо смотреть, чтобы *конец* и *начало* сходились логически и стилистически.

Меня очень радует, что книга прошла цензуру *«Главлита»* без существенных изменений. Если будете в Субботниках, выдвиньте им: *«Пепел»* надо все-таки выпустить в свет!

Дорогой друг, страшно интересуюсь Вашей пьесой; пишите и пишите; то, что Вы говорите о принципе писания (то то пишется, то это) глубоко верно; только так может получиться нечто органическое.

Глубоко уверен, что по приезде нашем нас порадуете чтением уже готовой «новой пьесы».

Дорогой друг, если будете в Кучине, у меня будет к Вам просьба; из денег, имеющих у Вас, заплатите Елизавете Троф[имовне] ей следуемое: от 15-го июня до 15-го июля; и от 15 июля до

15 августа — 100 рублей; далее: раз будете в Кучине, — сделайте наблюдение, как «старики», как состояние здоровья Елиз[аветы] Троф[имовны]; и думает ли она о режиме нашего осеннего бытия; если убедитесь, что все благополучно в ее «психологии» (я ведь во многом ее «планов» не понимаю), то попросите ее заготовить дрова (не менее 6 сажень; она будет говорить «5»; и это — вздор; осенью она говорит, хватит; а зимой обнаруживается, что — не хватает, ибо уязвимая ее пята: она нашими дровами топит кухню; и тут *ничего* не переменишь! А тогда «5» — не хватает. Когда намекаешь, что надо бы своими топить, обида: «*Мы Вас своими дотопим*», — а это значит: к весне — «экономия»; и — холод! Так что «6» сажень — *не пять!* Летом дрова дешевле! И пусть уже она сама озоботится, ибо ведь и *они* пользуются нашими дровами; так пусть *сами* их привозят и складывают! Вот, кажется, все! Обрываю письмо. До Шови. Обнимаю крепко. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет сердечнейший привет.

Любящий Вас

Б. Бугаев.

Письмо было отправлено воздушной почтой. Штемпель Красной Поляны: 27.6.29. Штемпель Москвы: 1.7.29. Зайцев цитирует (неточно) отрывок из письма в своих воспоминаниях о Белом (С.575).

¹ «16-ое [июня 1929]. Кр. Пол. Пятый день стужи. Поставили нам печку. Топим. Мысли о слове. 17-ое. Кр. Пол. Потоп ночью; гроза. Холод. Мысли о продукции. Жест стихотворения Вл. Соловьева. 18-ое. Кр. Пол. Погода ломается к теплу. 19-ое. Кр. Пол. Теплейший день. Смерть Бауэра (узнали о ней только в Коджорах). Прогулки. 20-ое. Кр. Пол. Странное переживание за греческим мостиком. Наше решение. Отказ от природы... "Вспомни". 21-ое. Кр. П. День отдыха. 21-ое и 22-ое. Мысли о продукции[и]. Сны. 23-ье. Кр. П. Троицын день. Наше решение. Слом ритмов. 24-ое. Кр. П. Духов день. День зарисовок. Прогулка к Ачишхэ. Прогляды новых вершин. Вишневая гора. Мысли о горах — "горé" — горении... 25-ое. Кр. П. Закрывается занавес над Красной Поляной. 26-ое. Кр. Пол. Письмо Раз[умнику] Вас[ильевичу]. 27-ое. Кр. Пол. Прощание с Красной Поляной. 28-ое. Кр. Пол. Отъезд: Поляна—Адлер—Гагры» (РД).

² Последняя строка одного из самых часто цитированных Белым стихотворений Владимира Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887). См. запись за 17 июня 1929 в РД. (выше, прим.1).

³ В конце концов издательство «Земля и фабрика» выпустило «На рубеже двух столетий» одним томом: глава первая: Математика; глава вторая: Среда; глава третья: Боренька; глава четвертая: Годы гимназии; глава пятая: Университет.

Коджоры 19 июля 29 года.

Дорогой Петр Никанорович, со стыднейшим чувством пишу Вам: не в первых числах июля и не из Шови, а уже 19 июля; и из Коджор. Долго описывать те сюрпризы, в результате которых мы не могли пробиться в Шови и в результате наших усилий из Красной Поляны попасть туда, мы явились в Тифлис без Шови и с ободранными нервами; я кроме того: с ободранным гриппом горлом и грудью, так что 10 дней сидели в Тифлисе; я залечивался, а К[лавдия] Н[иколаевна] — разводила руками: вот так история¹. Шови, воистину, оказалось для нас «заколдованным местом», куда нам попасть не дано; а места между Кутаисом и Шови вдобавок — «проклятыми» для нас местами. В этом году все было сделано нами и для нас, чтобы мы очутились в Шови; но опять в эти дни ополчились на нас: Кавказский Хребет и совершенно исключительное по ластостным сюрпризам стечение дорожных приключений; кроме того: между Они и Шови опять, в те же числа размыло дороги, а нам сказали, что вообще между Они и Шови дорог нет; и я прокляв бурю, свою простуду, курортное управление, выдающее свидетельства о несуществующем курорте взял билеты для нас на Тифлис; тогда появилась знакомая дама из курортного управления, указавшая, что напрасны наши сетования на Шови и курортн[ые] управления, ибо *Закавтопромторг* ввел нас в заблуждение, что она завтра едет в Шови и что только на 1-ое июля нет дорог; но мы были в слишком большой депрессии; я — в лихорадке, а горы грозили бурями, ливнями; и воспалением легких мне; сидеть же в гриппе в сыром и клопином Кутаисе было безумие. До самого отхода поезда дама упрашивала: «Бросьте железн[о]дор[ожные] билеты: едем вместе в Шови завтра: то, что Вы делаете, — безумие...»

Мы — уехали в Тифлис; и — что же: машина, на которой мы должны были ехать сверглась с утеса; шоферу ампутировали ногу, четыре пассажира — тяжело ранены, а знакомая дама оказалась не в Шови, а в больнице в Они, где мы бы и очутились.

Вместо ж этого я трясся в лихорадке в Тифлисе, так что ко мне вызвали доктора; заметьте: это было 2-го июля; а второго июля год назад мы так же неожиданно оказались в Тифлисе вместо Шови; и тоже — из Кутаиса.

Не стану описывать, как попали в Коджоры, в ту же гостиницу, в те же комнаты; и все пошло, как в прошлом году². До сих пор не писал, ибо не выяснились наши переезды, не выяснены адреса, а в Коджорах почта такова, что ни одно заказное письмо

из Коджор в прошлом году не дошло: 4 месяца спустя ряд моих писем вернулся за «*ненахождением адресатов*», что обнаружил Паоло Яшвили.

Дать денежный адрес на Коджоры, — значит: угробить на ряд месяцев деньги; дать на Тифлис, но поэты — разъезжаются; главное: не зная будут ли еще поездки, не знаю понадобятся ли деньги.

Держите их наготове в июле и начале августа: может быть по телеграфу попрошу выслать; если куда уедете, передайте их кому-нибудь (супруге ли, кому-нибудь из наших), ибо если не попрошу денег, — приедем без денег; и с первых же дней понадобятся.

Вот это то перемещение планов, недоумение, куда выслать деньги, и — выслать ли и обусловило мое молчание. Это письмо лишь уведомительная отписка.

Вернемся либо к 15 августа, либо к 1-ому сентября. Времена грозные и не знаешь, что будет: до путешествий ли! Сейчас все мысли, все волнения — пакость Китая нам³! Остаюсь любящий и очень Ваш Борис Бугаев.

P.S. К[лавдия] Н[иколаевна] сердечно кланяется.

P.S. Адрес Коджорский. Грузия. Коджоры (близ Тифлиса); гостиница «Курорт» №8⁴.

Письмо было отправлено заказной и воздушной почтой. Штемпель Батума: 24.7.29. Два штемпеля Москвы: 28.7.29. На конверте Белый приводит свой адрес: Грузия. Коджоры (близ Тифлиса). Гостиница «Курорт». Комната №8. Зайцев неточно приводит отрывок из письма в своих воспоминаниях о Белом (С.575-576).

¹ «29-ое [июня 1929]. Пароход. Пльвем: горы Сухума — Поти. Простуда. 30-ое. Батум. Ужасные сутки Батум—Кутаис; гроза, простуда, бессмыслие Риона; мой скандал; тупость "мещан". Ободранные, едва живые вваливаемся в Кутаис [см.: Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом. Беркли, 1981. С.259-263 — *Публ.*]. Июль. 1-ое. *Кутаис*. Вместо Шови — сидим в Кутаисе: размыло дороги; простуда, ярость, град гадостей; вечером ужжаем в... Тифлис, как и в прошлом году (число в число!). 2-ое. *Тифлис*. Ввалились к Тициану, усталые; у меня — грипп; читаю книгу Ашукина о Брюсове. Вечер с поэтами: Тициан, Паоло, Григорий Робакидзе. 3-ье. Тифлис. Заявление в "*Главкурурп*" с отказом от Шови. Мысли о книге, посвященной Брюсову. Был вечером доктор, бывший ассистент Кишкина, лечивший маму; он родом душетец; много слышал о моем дедушке, Бугаеве. Встретился днем с Виктором Шкловским. Начал исчисление кривой "Кавк. пленника". 4-ое. Тифлис. Утром пришел Шкловский с Женей Николаевой. Вычисление кривой "Кавк. пленника". Вечером были Т.Г. Яшвили и Паоло. 5-ое. Тифлис. Работа над "кривой" "Пленника". Вечером Яшвили пришел сказать, что машина, на которой

должны были ехать в Шови, слетела под откос; много тяжело раненых. Вечером у Тициана народ и застольная беседа; Шкловский, Николаева, К.Н., Андроников с сыном, Робакидзе, Паоло с женой, Джавахишвили. 6-ое. Тифлис. Жара. Сижу. Работа над кривой. Вечером — долгий разговор с Григ. Робакидзе. 7-ое. Тифлис. Работа над кривой. Читаю /.../ Дениса Давыдова. 7-ое. [так!] Работа. Тоже чтение. Грипп не проходит. Дождь. 8-ое. Тифлис. Работа над кривой. Читаю Дениса Давыдова. 9-ое. Тифлис. Работа. Встреча с Анико Абдушешвили. 10-ое. Тифлис. Работа. Был художник, автор макета к "Москве" (Мейерхольду). 11-ое. Тифлис. Хлопоты отъездные. Встреча с Гидони. Заехали поэты с машиной; и мы взлетели с самоваром и чемоданами в Коджоры; попутчица жена Пирумова» (РД).

² «11-ое [июля 1929]. Коджоры. Оказались в наших прошлогодних комнатах; радостная встреча с Мелитоном. 12-ое. Коджоры. День окрашен сидением на нашей милой вершине и посещением Удзо. 13-ое. Коджоры. Работа над "Кавк. Пленником". 14-ое. Кодж. Прогулка. Сидели у церкви. Думы о "Пленнике". Погода ломается. 15-ое. Кодж. Весь день на вершине. Зарисовка вида на военно-грузинскую дорогу. 16-ое. Кодж. Работа над "Пленником". Усталость. 17-ое. Кодж. Волнуемся с К.Н.: инцидентом с Китаем. Приезд поэтов с Гогоберидзе, Пирумовым и другими "властями". Меня вовлекли в "беседу". Речи, панегирика. Компания пьяна (выпили они 65 бутылок Кахетанского). Условились с Табидзе и Яшвили, что они заедут за нами на авто и увезут в Кахетию. 18-ое. Коджоры. Дождь. Тревога. Сердце пошаливает. 19-ое. Коджоры. Неладица переживаний» (РД).

³ См. прим.2, запись от 17 июля 1929 в РД.

⁴ Постскрипtum с адресом поставлен в начале письма из-за нехватки места на последнем листе.

Тифлис. 13 августа 29 г.¹

Дорогой, милый Петр Никанорович,
Спасибо, спасибо за сердечнейшее письмо; оно живо радует. Пишу из Тифлиса: едем в Москву через Владикавказ; может свернем на Военно-Осетинскую; будем в Москве либо 18-го 19-го, либо в 20-х числах августа (22-25-го), если зацепимся на несколько дней за Цейский ледник². Пока крепко обнимаю. До скорого свидания. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет сердечный привет.

Весь Ваш Борис Бугаев.

Открытка с видом: «Кавказ. Красная Поляна. Шоссе». Штемпель Тифлиса: 14.8.29. Штемпели Москвы: 18.VIII. 29; 19.8.29.

¹ «13-ое [августа 1929]. Тифлис. Встал с прострелом (солнечное сплетение). Едва вышел с Тицианом хлопотать: отправка багажей в Москву; взял билеты с машиной на Владикавказ (Военно-Грузинская). И сразу почувствовал себя очень плохо. Обед с поэтами в столовой. Встреча с Гидони, поэтом, с художником Спасским (едва отвязался). Вернулся к К.Н. больной; она — задыхается; у меня 38,3 температура; пришел Джавахишвили; дышу на ладан; вызвали терапевта — проф. Микеладзе: велел сидеть: поездка по Военно-Грузинской расстроилась. Читаю "Батуату" Марона. На ночь сердечный разговор с Джавахишвили» (РД).

Белый с К.Н. Васильевой приехали в Тифлис 12 августа: «12-ое. Коджоры. Сборы. Прощальный взбег на вершину. Явились Тициан и Паоло с машиной. Прощание с Мелитоном, Георгием. Отъезд. Тифлис. Слелтели с вершин в тропический жаркий Тифлис; в Коджорах — прохлада. В Тифлисе 45° жары. Долгий разговор с поэтами о символизме. Душная, бессонная ночь: томления» (РД).

² «18-ое [августа 1929]. Тифлис. Тициан уехал. Паоло в Сачхери. Двоим с К.Н. Невыразимо уютно. Весь вечер Чернявский. Запись о символизме. 19-ое. Тифлис. Запись о символизме. Вечером вернулся Тициан. Ждали Е.Д. Гогоберидзе и А.И. Чхеидзе. Билеты взяты. Читал Тициану о символизме. 20-ое. Тифлис. Послали 2 телеграммы (Зайцеву, П.Н. Васильеву). Запись о символизме. Дорисовка эскиза к Кер-Очлы. Вечером пришли Е.Д. Гогоберидзе и А.И. Чхеидзе. Вспомнили Ковно, Берлин. 21-ое. Тифлис. Утром явился Яшвили с машиной; поехали на вокзал. Трогательное прощание. Вагон. Уехали: в международном вагоне; пишу о символизме. Читаю том Голичера (автобиограф. воспоминания). К.Н. ослабла: ей душно. 22-ое. Вагон. Едем с комфортом: жара — тропическая. Запись о символизме. 23-ье. Вагон. Таганрог—Харьков. Запись о символизме. У америк[анской] делегации, едущей с нами, украли часы. За Харьковым выбили камнем стекло вагона. 24-ое. Вагон. Жара — та же. Тула. Подъезжаем к Москве. Москва. Встреча с А.А., Еленой Ник., Петром Николаевичем, Екат. Алексеевной. Чай у Елены Ник. Уютный вечер у Васильевых. П.Н. играл. /.../ 26-ое. Кучино. Приезд с К.Н. в Кучино. Встреча с Шиповым, Алекс. Николаевной, Николаем Николаевичем. Тихо, уютно. Приехал Петр Ник. Зайцев: рассказы, разговоры о делах [см. воспоминания Зайцева о Белом в кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С.576-577. — Публ.]. Вечер с К.Н. 27-ое. Кучино. День отдыха: приятная вялость; разборка. — Синтезируя свои впечатления от нашей летней поездки (май-август), скажу: она была на этот раз довольно мучительной; но она дала незабываемые минуты, серьезнейшие, которые сказались позднее; недаром мысли о горах, перспективе, пространстве и глазным образам, и познавательно занимали внимание. Глаз многому научился; недавно художник, ученик Репина, увидев мои беспомощные зарисовки Коджор, воскликнул: "Да вы владеете пространством!" Значит то, чему учился глаз сказалось так и на руке; как она не беспомощна (я не умею провести линии) все же, — нечто от мысли и глаза излилось в руку; и это *нечто* не художническое дарование (я, как художник, бездарен), а — *опознание*: перспектива и колорит — вот что

было нам с Клавдией Николаевной познавательной данностью; и эта данность сказалась и в красках 3-ей части "Москвы" ("Маски Москвы"); красочно она — новая; и это новое — вытяжка из глазных впечатлений лета.

Другой смысл поездки — более конкретное отношение к душам людей, с которыми встречались, главным образом с Табидзе и его женой; Табидзе воистину стал мне братом; неспроста "Голубые роги" подарили мне свой рог» (РД).

«Взяв себя в руки, числа с 10-го [сентября 1929]», Белый «углубился в "Москву" [т.е. в роман, получивший впоследствии название "Маски"'. — Публ.]; и увидел, что написанное в прошлом году должно быть заново переработано; пришлось как бы писать заново» (РД).

45

[до 25 января 1930]

Дорогой, милый Петр Никанорович,
спешно отвечаю по пунктам.

1) У Г.И. Чулкова буду; но — по техническим соображениям мне удобнее уже начать чтение ровно в 8 часов¹. Буду у него без 5 восемь в ближайшую субботу.

2) Надписываю книгу для Пастернака, Разумника, Штрайха²; Медведеву обещал «Диалектику», а не «На рубеже»; ее и шлю³. Присоединяю «Пепел» для Разумника⁴. Не желая обременять Галю книгами, прошу Вас очень к Чулкову привести экземпляра 2 (я надпишу их).

3) С журналами поступайте как пишете, но — много экземпляров накладно автору; прежде посылали редакции⁵. Ведь у меня есть друзья!

Итак уже обещаны «На рубеже»; и мною распределены

1) Клавдии Николаевне

2) Петру Николаевичу⁶

3) Вам

4) Штрайху

5) Пастернаку⁷

6) Чулкову

7) Табидзе

8) Р.В. Иванову

9) Мейерхольду

10) Ивану Львовичу Поливанову⁸.

Вы видите: «+» журналы. И все авторские экземпляры — в разгоне. А мне надо иметь по крайней мере запасными 5 экземпляров.

Итак — до субботы.
Итак до субботы у Чулкова.

Весь Ваш

Борис Бугаев.

Дата на конверте «1930 г.». К письму присоединен клочок бумаги, на котором написано: «Папа! Эти книги и письмо тебе прислал Б.Н.Бугаев. Галя». Письмо датируется по содержанию.

¹ См. запись в РД от субботы, 25 января 1930: «Москва. Ночь без сна; день пертурбаций: напали клопы; читаю "Москву" у Чулкова». Еще о прозаике, критике и поэте Георгии Ивановиче Чулкове (1879-1939) в РД: «[Декабрь 1929]. Стал бывать у Чулкова: с ним стало тепло и просто. /.../ 2-ое [марта 1930]. Москва. Визит к Чулкову. Спор о православии. Вечером у Васильевых читал из 4-ой главы "Маски". Узнал об аресте Пяста. /.../ 6-ое — 9-ое [апреля]. Читаю "Воспоминания" Чулкова. /.../ 12-ое. Письмище Чулкову о том, почему разговор между нами конца не может иметь. /.../ 13-ое. /.../ Продолжаю письмо к Чулкову. 14-ое. К.Н. вернулась. Все подсохло. Письмо к Чулкову».

² «В конце декабря [1929] вышла книга "На рубеже двух столетий" (издание Зифа)» (РД). В своих воспоминаниях о Белом (С.578) Зайцев приводит запись от 31 декабря 1929: «Сегодня принес домой только что вышедшую книгу "На рубеже двух столетий". Прошел только год, как она была начата автором. И вот она у меня на столе. Хороший новогодний подарок Борису Николаевичу...». 2 января 1930 Белый записал в РД: «Были Леля и П.Н. Зайцев. Получил пробный экземпляр "На рубеже"».

³ В письме от 19 февраля 1930 Медведев напоминал Белому о его обещании прислать экземпляр книги «Ритм как диалектика и "Медный всадник"», а также просил подарить и «На рубеже двух столетий». 5 марта Белый ему ответил: «Тотчас же вышлю Вам и "Ритм как диалектика" и "На рубеже", как скоро придет в Кучино П.Н. Зайцев, который подчас с таким самопожертвованием меня выручает там, где во мне обнаруживается неискоренимый, рассеянный путаник. Дело в том, что в Кучине почты нет, а только в Салтыковке (за 2 километра), куда пройти из Кучино подчас трудно, а во время распутицы еще и несносно. /.../ Кстату, — не слал Вам "Рубежа", конфузясь перед Вами, что Вас полуобманул с ним» (Письма П.Н. Медведеву. Указ. изд. С.442-443).

⁴ «За это время: в ноябре вышел "Пепел" (перераб. издание)» (РД, декабрь 1929).

⁵ Имеются в виду фрагменты из «На рубеже двух столетий», изданные в «Красной нови» (см. прим.3 к письму Зайцева Белому от 18 мая 1929).

⁶ Петр Николаевич Васильев — муж К.Н. Васильевой. О нем см. прим.5 к письму №2 Белого Зайцеву.

⁷ «15 января 1930 года я был в издательстве ГИХЛ, бывшем ЗИФ, и получил авторские экземпляры книги "На рубеже двух столетий" для Бориса Николаевича. Одну из книг я отвез Б.Пастернаку: Белый сделал на ней надпись, очень теплую. Борис Леонидович был растроган» (вспоминания Зайцева о Белом. С. 578).

⁸ И.Л. Поливанов — педагог, сын Л.И. Поливанова, о котором он публиковал биографические материалы; работал в ГАХНе (его личное дело находится в РГАЛИ. Ф.941 (ГАХН). Оп.10. Ед.хр.486). Белый учился в знаменитой частной московской гимназии Льва Ивановича Поливанова (1839-1899) и писал о нем как о «гениальном педагоге» с необычайной теплотой в кн. «На рубеже двух столетий» (см. четвертую главу, «Годы гимназии», главки 1 и 2).

46

[весной 1930]

Дорогой Петр Никанорович,
Посылаю Вам вставки. Для увязки, если понадобится зачерк слова, или расставка, предоставляю Вам; сделайте красную строку, или что-либо подобное.

Искренне любящий

Борис Бугаев.

Почтовая открытка (не отправленная почтой). Датируется по заметке карандашом Зайцева на ней: «1930. 2-е изд. На руб. дв. стол.». См. запись от 18 мая 1930 в РД: «"Зиф" переиздает "На рубеже"». На титульном листе верстки дополненного и исправленного второго издания «На рубеже двух столетий» — запись: «Экземпляр, исправленный автором для второго издания. 12 июня 1930 г. П.Зайцев» (РГАЛИ. Ф.613. Оп.1. Ед.хр.5597).

47

Судак. 18 июня. 30 г.¹

Дорогой, милый Петр Никанорович,
первое, что просится на бумагу: еще раз выразить Вам сердечное спасибо за все, что Вы для нас сделали. В попытках отъезда, в переутомлении работы я не мог внятно, быть может, Вам это все выразить: сейчас, здесь, из отдыха, особенно ярко ощущаешь Вашу помощь; и Вашу горячую дружбу; за нее главным образом я, — мало сказать — благодарю!

Устроились прекрасно во всех отношениях. Уединенно, уютно, независимо; в 2-х минутах от моря; на небольшом холмике, уютно прислоненном к пригорьку; со ступенек нашей защищенной от солнца веранды уютнейшая кипарисовая аллея выводит к открытому месту; между нами и морем нет жилья. Сразу ощутили благодное растворение в природе Крыма; мирность, теплоту, какую-то безопасность, что после Кавказа особенно дает себя знать. На Кавказе не чувствуешь себя в благополучии; отовсюду грозит сюрприз; здесь природа благоволит. Вероятно Крым благоприятствует нашим организмам.

Были всякие сюрпризы; два дня не знали, сможем ли урегулировать вопрос питания: хоть возвращайся назад. Единственная столовая в расстоянии версты под палящим солнцем открыта с 2-х до 4-х, т.е. надо тащиться под палящими лучами, а никто не мог нам наладить переноску обедов; но в 2 дня постепенно урегулировали все; теперь с пищей налажено. Но смущает вопрос *папиросный* и *спичечный*; и папирос и спичек дают минимум². И тут милый друг огромная просьба к Вам: Вы бы нас существенно выручили, если бы собрав попутно, если возможно папирос, сотни 2-3 выслали нам вместе с пачкой, или двумя (если возможно) спичек. Здесь выдают по 2 коробочки в 10 папирос в день (т.е. по десятку на человека) и по две коробочки спичек (неизвестно на сколько) в кооперативе, куда опять таки надо тащиться по жаре среди голых, жарких камней. Здесь абсолютно нет печений и не выдают сладкого для приежжих; поэтому за печенья (пачки 2-3), в случае возможности за мятные пряники и конфеты (но не портящиеся в дороге) были бы Вам крайне признательны; сласти, спички и папиросы, — вот уязвимая пята нашего бытия; с прочими продуктами наладилось вполне (обеда, молоко, масло, яйца). А 2 дня было круто, пока не вывернулись и не ознакомились с местными условиями.

В остальном чудно хорошо. Хорошо бездумно отдыхать³; но хорошо будет в будущем и заработать нормально т.е. полегоньку. Великолепный письменный стол, терраса, на которой можно работать (тень — всегда); комната, защищенная и от жары, и от холода. И сам Судак, благородно сухой, красивый, уютно задумчивый, без *«туристов»*, не слишком перевлекает [так!] внимание, обрамляя скорее *«Я»* человека; он прекрасная рамка для дум, работы, отдыха, тихого бытия. И если в будущем ничего не изменится, то есть смысл зажить здесь прочно, ибо весь Судак уютный, благодный рабочий кабинет. Думаем прожить здесь и сентябрь, хорошо поработать и хорошо отдохнуть, закупаться и надышаться легким, здоровым воздухом; отсюда удобно делать

налеты и на все южное побережье (авто, пароходы), что мы и собираемся; месяц посидеть; потом неделю постранствовать по Крыму; потом опять вернуться: к отдыху и к работе.

Я не могу опомниться от радости ничего не делать, сидеть, сложа руки, вдыхая воздух. И подставляя тело (умеренно) не страшному, не Кавказскому солнцу: не думать о малярии, о сырости, о ветрах, сквозняках. Вдруг здесь, в Крыму, ощутили, что устали от Кавказа с его сюрпризами, устали от борьбы со стихиями.

Да, — вот еще милый друг: простите за деловую нагрузку этого письма (все пристаю к Вам с «докуками»); отнесите при случае мое осеннее пальто к Анне Алексеевне и попросите ее от нашего имени его пересыпать нафталином, чтобы летняя моль не съела его. Еще: не слишком утруждайте себя с «головотяпами» Салтыковского Сель-Совета (что касается обложения); обжаловать надо, надо подчеркнуть, что незаконно драть с рабочего (ведь наш союз — союз печатников)⁴; и пусть в случае нужды писательская корпорация поддержит, если возможно. Но не надо переть против рожна; если наткнетесь на ослиное упорство — чорт с ними! Эти мещанские ключки [так!] и х́апалы, присуседившиеся к коммунизму, еще доставят хлопот⁵. Вам будет виднее; но только не слишком утруждайте себя.

Ну, милый друг, желаю Вам всего, всего, всего лучшего. Буду ждать от Вас писем; и если возможно, заказной посылки. Остаюсь сердечно преданный и всегда любящий

Борис Бугаев.

К[лавдия] Н[иколаевна] шлет Вам сердечный поклон. Поцелуйте от меня Светлану.

Адрес. Крым. Судак. Берег Моря. Дом № 8. Дача Е.Э. Эггерт. Б.Н. Бугаеву⁶.

Письмо было отправлено спешной почтой. Штемпель Судака: 19.6.30. Два штемпеля Москвы: 21.6.30.

¹ «24-ое [апреля 1930]. Колебания с Кавказом. /.../ 10-ое [мая]. Был С.М. Соловьев. Письмо от Тициана. Едем в Крым. 11-ое. Москва. /.../ Решили ехать в Судак. /.../ 3-ье [июня]. Был П.Н. Зайцев; привез чемодан. Т° — «+5°». Холода держатся. Решение ехать в Судак: наметили — 12-го июня» (РД). Этой записью «Раккурс к "Дневнику"» обрывается; вполне возможно, что Белый, во все более обостряющейся политической атмосфере, решил, что записи о себе и о своих друзьях станут делом рискованным. За последней записью следуют разные списки, составленные Белым (университетские курсы, знакомства, кружки и т.д.). Белый с Клавдией Николаевной уехали в Судак 12-го июня и приехали туда 14 июня.

² Ср. запись в РД от сентября 1929: «Потрясающее впечатление от падения качества продукции; на рынке исчезает то то, то другое. И это исчезновение становится для меня прямо таки познавательной проблемой».

³ С середины сентября 1929 Белый всецело отдался работе над романом «Маски». К концу года он закончил первые три главы и записал в РД: «Наблюдая итог этой трети года сентябрь-декабрь, скажу, что отчаянная работа над [романом] "Маски Москвы" взяла все силы; все иные восприятия — "из-под" депрессии утомления от работы» (декабрь 1929). В январе 1930 он начал «с головою уходить в 4-ую главу» (РД), которую он кончил к началу февраля. 17 февраля он приступил к работе над пятой главой. Закончил ее 10 апреля. 1 июня 1930 он записал в РД: «Кончил роман "Маски", над которым работал с сентября». Все это время Белый чувствовал себя неважно, часто жаловался на боль и усталость. 27 мая 1930 он записал в РД: «П.Н. Зайцев. Заболеваю ангиной. Работал над 6-ой главой. 28-ое. Приезд Р.В. Иванова. У меня был доктор Гуленко (ангина)».

⁴ Ср. запись в записной книжке Белого (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед. хр.101): «Профсоюзный билет (Союз рабочих полиграфического производства СССР (секция печати); членский билет: № 00039452 (выдан московским отделом союза 17-го в мае 1929 года)».

⁵ Ср. запись от декабря 1929 в РД: «Глубже всего во мне мучительная переоценка ценностей, добытых последним семилетием; новый переразгляд. Кончая год, скажу, что ничего не могу сказать об этой новой в себе, еще пока катакомбной ноте. И ужасает рост "мещанина" во всех: "мещанин растет: горе, в ком он таится"».

⁶ Адрес был поставлен в начало письма из-за нехватки места на последнем листе.

30 июня 30 года. Судак.

Дорогой Петр Никанорович,
Получил Ваше так поразившее меня письмо. Спасибо Вам от всего сердца за хлопоты, которые я Вам неизменно доставляю; и еще более за доброе, сердечное письмо тем более, что, попав в Судак, я мучился мыслью о своей рассеянности, раздраженности в общении с друзьями; единственное оправдание мне, что я уехал в сильнейшем переутомлении.

Судак дает все возможности поправиться; и за две недели с лишним, которые мы провели в Судаке, и К[лавдия] Н[иколаевна], и я уже восстанавливаем силы: купаемся, загораем; все желание пробыть здесь и июль и август; место тихое, с помещением

прекрасно, уединенно. И с продовольствием пока что хорошо для нас.

Но что будет дальше, — не знаю; нас выручает и столовая, и базар; но с базаром непрочно; со столовой, — кто ее знает. Так что не знаешь, сколько удастся здесь выжить; по доброй воле не уедем; необходимость же — может заставить. И в этой неуверенности обратная сторона Судака, столь удобного для нас.

Спасибо за посылку, если она удастся Вам. Очень волнуясь за «*Маски*»; судя по Вашему письму их будет обсуждать ред[акционный] комитет; стало быть: возможны всякие осложнения¹.

Дорогой друг, напишите мне, есть ли у Вас деньги для взноса в «самообложение»; если нет, — тотчас вышлю.

И еще покорная просьба: когда в следующий раз будете у стариков моих, то осведомитесь у Ел[изаветы] Троф[имовны], — доставлены ли дрова, те, которые мы перед отъездом с ней покупали на зиму.

И потом: со своей стороны повторите ей, или Ник[олаю] Емельян[овичу] мое предложение-просьбу: сделать для окон новые рамы, или основательно поправить старые (на мой счет); Вы убедитесь сами, если посмотрите на окна, что это — гнилушки, из которых несет; я убежден, что зимние сквозняки, которые дают себя знать, от рам; к зиме очень следовало бы сделать новые рамы, или в крайнем случае основательно поправить старые.

Я об этом пишу Ник[олаю] Емельяновичу; но я знаю дух стариков: их надо толкать; Н[иколай] Е[мельянович] на все реагирует «не надо»; Елиз[авета] Троф[имовна] на все соглашается, а потом в месяцах продолжается это согласие на «*кончике языка*».

А зиму надо утеплиться; в этом году, осмотрев рамы, я убедился, что они — не способны никак защищать от холода; в сущности зимую с одними рамами; оттого голландка не утепляет и надо постоянно под окно ставить переносную печку, которая портит воздух, портится; с ней — тысяча хлопот. Вот видите: и еще удручил Вас поручением. Получили ли Вы от «Ник[итинских] Суб[ботников]» деньги; если да, то деньги на рамы, как и на взнос можно дать из них. Если нет, я — вышлю.

Дорогой друг, — простите за это скудное письмо. Жизнь наша, полная отдыха и тишины, скудна внешними событиями. А отдых после книги и перед книгой налагает на меня какое-то молчание; и я очень скуден во внешних проявлениях.

Думаю скоро приступить к «Началу Века». Писать буду полегоньку; здесь, в Судаке, было бы так удобно и отдыхать, и тихо работать².

А не знаешь, сколько времени сумеем здесь прожить.
К[лавдия] Н[иколаевна] шлет Вам и *Вашим* сердечный привет.

Остаюсь искренне любящий и благодарный

Борис Бугаев.

Письмо заказное. Штемпель Москвы: 4.7.30.

¹ «Он уже сдал в издательство "Федерация" А.Н. Тихонову четыре главы [из романа «Маски». — Публ.] и начал писать пятую. /.../ Первый том "Москвы" был издан в "Круге". Впоследствии "Круг" был заменен издательством "Федерация". Туда и передал рукопись "Масок" /.../ Белый. Он спешил уехать на отдых в Крым и 10-го июня выдал мне доверенность на ведение всех его дел по изданию романа» (воспоминания Зайцева о Белом. С.578-580). Машинописный экземпляр доверенности находится в РГАЛИ. Ф.1610 (Зайцев). Оп.1. Ед.хр.45: «Настоящим доверяю Петру Никаноровичу ЗАЙЦЕВУ вести с Издательством "Федерация" переговоры об издании второго тома романа "МОСКВА", под названием "МАСКИ" и получать причитающийся мне за него гонорар. /.../ Кучино. 10 июня 1930 г.». Роман вышел только в 1933 (на обложке 1932) в издательстве ГИХЛ (5 000 экз.).

⁴ «4-ое [апреля 1930. Кучино]. Был Зайцев. "Зиф" заказывает 2-ой том "Воспоминаний". /.../ 16-ое. Работа. Дивный день. Разговоры о Маяковском. Вечером был Зайцев. Подписан договор с "Зифом"» (РД). Договор с ЗиФом на «Начало века» (подписан 14 апреля 1930, 25 печатных листов, 200 руб. за лист) хранится в РНБ: Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3. Белый начал писать «Начало века» в начале июня 1930, но вышла книга только в 1933 в издательстве ГИХЛ (в 1930 изд-во «Земля и фабрика» было ассимилировано ГИХЛом). О сложной и драматичной истории написания и опубликования «Начала века» см. комментарии А.В. Лаврова к его переизданию (М.,1990). С.555-558.

49

11 июля. Судак. 30 года.

Дорогой, близкий, милый Петр Никанорович, — спасибо Вам за Ваше горячее, прекрасное письмо, которое так сильно в нас с К[лавдией] Н[иколаевной] откликнулось: да, все, что Вы пишете о М[арии] А[лексеевне] — радость нам!; и да, все это — так. Радость в том, что в ее светлой кончине видишь смысл самих страданий, хотя бы в том, что над последними часами ее жизни близкие ей, встретясь с ней, встретились, может быть, еще по новому, друг с другом; она, уходя, как бы соединила.

Вникая в подробности — радуешься в самой печали: светлый отлет ее — прилет!

Десятого июля мы с К[лавдией] Н[иколаевной] поминали ее; и радостно ощущалась сквозь светлую грусть наша близость друг к другу; Вы не ошиблись: все эти дни мы были с Вами; передайте горячее спасибо тем, кто прислал нам снимки с нее, после ее кончины: вчера, 10-го, долго, долго смотрели мы на нее: и было чувство, что мы с К[лавдией] Н[иколаевной] вместе с близкими ее провожаем ее для радостной ее встречи оттуда.

Вчера поминали Марию Алексеевну, а сегодня поминаем Трифона Георгиевича². И — вспоминается:

*«Скорбною тропинкою, тихою и милою
Вы к душе приблизились: и — спасибо вам»³.*

.....

И еще:

«Видишь что-то вечное, что-то неразлучное»⁴.

Помните?

Как хорошо, когда чувствуешь себя братом среди сестер и братьев; а разве не братство там, где люди соединяются так, как соединились около последних часов Марии Алексеевны.

Передайте мой горячий, сердечный привет и радостную благодарность за память Доре Павловне, Маргарите Александровне и Анне Михайловне.

Если увидите Лелю, передайте ей, что я особенно чувствую ее; и всем сердцем с ней.

Дорогой Петр Никанорович,

как грустно, что в то время, когда душа ищет сказаться в молчаливом со-пере-живании с Вами в минутах важных и еще нет слов, адекватных светлой взволнованности, которую несешь в себе, — так обращаешься к маленьким трепыхам и маленьким заботишкам. Простите, дорогой, что и в этом письме я запью Вас суетными словами, закидаю суетными вопросами, суетными просьбами. Еще приходится покорно нести на плечах крест противоречий, созданных самими условиями жизни.

И вот, — перехожу к «суетам».

Прежде всего огромное спасибо за посылку; она была так кстати; и она так тронула нас с К[лавдией] Н[иколаевной]. Бесконечно тронула нас забота в подборе присланного. К[лавдия] Н[иколаевна] шлет Вам горячую благодарность за конфеты; и просит передать, что ответит Вам скоро на Ваши ее так тронув-

шие слова отдельно; сейчас же погружена в письма, на которые надо ей ответить в первую голову, ибо она здесь, в Судаче, сперва отдалась доброму отдыху; и запустила свою корреспонденцию.

Мы особенно чувствовали все те хлопоты, которые мы доставили Вам просьбой о посылке, — тем более, что все, присланное Вами, мы не достали бы здесь.

Теперь начинаю свои докучные просьбы к Вам.

Посылаю Вам присланную мне из Кучина бумажку «*Месткома Писателей ФОСП*» с письмом моим⁵, обращенным в Местком, в отдельном письме, не запечатанном и с моим ответом в «Столовую» и внутренний распределитель «*Кублита*». «*Кублит*» предлагает сообщить не позднее 15-го июля, желаю ли я вступить членом в столовую «*Кублита*» и желаю ли я получать продукты из «*Кублита*». Первое от меня отрезано жизнью в Кучине; второе же весьма желанно, ибо в бумашке говорится о папиросах, фруктах и прочих благах.

Ознакомьтесь с моим ответом «*Кублиту*» и узнайте, милый, как осуществилась бы возможность мне получать продукты; сообщите, что к сроку я не мог ответить, ибо меня не было в Кучине, что я в Крыму и что получил бумажку слишком поздно.

Бесконечное спасибо за покупку мне штанов: очень кстати. И если Ваша доброта простирается до предложения мне приобрести нечто из одежд, то — вот мои «*pia desideria*»: 1) в первую голову нуждаюсь в башмаках настоящих, а не полуботинках; мой номер — 40-ой; но ввиду того, что зимой надеваю 2 пары носок (одни толстые), гамаши и т.д. то купите не менее №41; даже не боюсь 42-го (может быть 42 еще лучше); но не верю в башмаки; 2) во вторых: очень желанна была бы толстовка: суконная, теплая, или бархатная, или теплая куртка, но закрытая с застежками наглухо, которую можно надевать без рубашки с воротником, ибо ношу зимой фуфайки; 3) была бы желанна пара нижнего белья, если есть трикотаж (цветного или... какого?)

Видите, — запрос есть: не очень верю в то, что эти потребности удовлетворятся.

Наконец: большая нужда в трубке курительной и если можно в щеточках, которыми чистят мунштук трубки; желательно бы иметь небольшую трубочку, даже две (для К[лавдии] Н[иколаевны]).

Трубки, если найдете теперь, вышлите нам в Крым.

За все, что найдете из мной помеченного, — низайший поклон.

И опять, раз навсегда это говорю, — нет меры моей горячей, горячей благодарности Вам за братскую помощь.

Весьма порадовал меня А.Н. Тихонов мнением о «Москве»; буду надеяться, что с цензурой все благополучно⁶.

Рад, что у Вас есть деньги и еще придут. О дровах Н[иколай] Е[мельянович] ответил мне, что дрова — получены; о рамах я писал ему; и он ответил. Предложите ему, если ему нужны, деньги за рамы; я писал; он ответил, что с деньгами можно повременить; и что он, увидя Вас, если понадобятся деньги, к Вам обратится.

Наконец, дорогой, если Вам лично понадобится, — помните, что деньги, которые у Вас и которые Вы надеетесь получить в «Субботниках» всегда в Вашем распоряжении: берите, сколько Вам нужно. Уже поздно: пора — кончать письмо; скоро напишу Вам не о делах, а о себе: впрочем — писать нечего; начал полегонку «Начало Века»; живем монотонно, но хорошо.

Лучше напишите обстоятельно о себе, своих заботах и днях. Милую Светлану целую.

Остаюсь любящий Вас и братски преданный

Борис Бугаев.

Письмо было отправлено скорой почтой. Штемпель Москвы: 15.7.30.

¹ См. запись в РД от 21 апреля 1930: «Кучино. В Москве утром разговор с Херсонской (у Зайцева). Операция Марии Алексеевне Фаворской (рак)».

² Трапезников Трифон Георгиевич (1882-1926) — историк искусства, один из ближайших друзей Белого («в антропософии» после 1912, когда они сблизились в Мюнхене, где оба слушали курс лекций Рудольфа Штейнера. Трапезников умер в Breitbrunn am Ammersee в доме вдовы поэта Кристиана Моргенштерна. О нем см. примечание к моей публикации воспоминаний М.Н. Жемчужниковой: *Минувшее. Исторический альманах*. Вып.6. Париж, 1988. С.27.

³ Неточная цитата первых двух строк стих. Владимира Соловьева «Les revenants» (1900): «Тайною тропинкою, скорбною и милою, / Вы к душе пробрались, и — спасибо вам!»

⁴ Неточная цитата предпоследней строки того же стих. Соловьева: «Видят что-то вечное, что-то неразлучное / И года минувшие — как единый час».

⁵ Федерация объединений советских писателей (ФОСП) была учреждена в начале 1927. В нее вошли ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей), ВСП (Всероссийский союз писателей) и ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей). При ФОСПе в 1927 был организован литературный фонд, а позднее при нем было организовано изд-во «Федерация».

⁶ 25 августа 1930 Белый писал Иванову-Разумнику: «П.Н. Зайцев, которого "вычистили", пишет: Тихонов известил его, что Ред-Совет "Федерации", обнюхивая "Маски Москвы", порешил: произведение цензурно приемлемо, — но, но, но: необыкновенная сложность и утонченность произведения ставит вопрос о том, принять ли его? Это решение не Тихонова, которому вещь нравится, а результат обнюхивания рукописи братьями-писателями из разных литературных групп» (Из писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику. / Публ. А.В. Лаврова и Д.Е. Максимова // Андрей Белый. Проблемы творчества. С.712).

50

Судак. 30 г. 8 сент[ября].

Дорогой, милый друг, Петр Никанорович,

Чувствую перед Вами вину, что так долго не отвечал Вам; но — тем более думал о Вас; так бывает всегда со мной: обратная пропорциональность между мысленными обращениями и словами на бумаге; Ваше письмо взволновало по всякому; очень переживаю с Вами тяжелые минуты¹; прочитав Ваше письмо, хотелось рвануться к Вам, увидеть, обнять, посидеть вместе и словами, а не холодными бумажными строками выразить все то, что в сердце; а тут мысль, что более тысячи верст тянутся рельсы, по которым покатит убого и немо пишущий чернилами бумажный клочочек, расхолаживала.

К тому же: около десяти дней был выбит из себя самого гриппом, все же обессиленным (угораздило простудиться, как в Тифлисе в 45° жару: вероятно от утомленья жарой; 6 недель не видели облачка); к этому присоединился раскал работы, точно атрофирующий все волевые органы и вытягивающий один — строчить и править².

И как всегда в это время: ахнуть не успел, а пролетело около 2-х недель. К[лавдия] Н[иколаевна] видя меня во всяческих немощах (и внешних, и внутренних) поняла, что мне сразу трудно ответить и от избытка внутренних слов, не обратимых в чернила, и от дефекта внешних (простуда, усталость от работы и переутомление жарой). Но все время мучился мыслью, что Вы не так истолкуете мое молчание.

Дорогой, знаю, как Вам неопределенно и трудно: мужайтесь; пройдут трудные дни неопределенности; и как знать: может к лучшему, что Вы оставили этот род службы; может, найдете работу, более Вам соответствующую; помню, как томился под игом

В.Г. Анненковой, не в комнате, а в пылях, выгоняемый из дому ее криками; а не будь этих отчаянных дней, не случилось бы Кучино, не окрепло бы решение: в нем искать крова³. Оглядываясь назад, вчитываясь в письмо лет, черпаю надежду и бодрость, вспоминая пережитые моменты разгрома жизни; так было в Дорнах в 15 году; в Ленинграде в 21-ом, в Берлине в 22-ом⁴; и теперь вижу, что именно в этих моментах закладывалось то, что впоследствии крепло, как опора.

Знаю, что сейчас эти слова мои могут звучать абстрактно, ибо они размышления издалека; а для Вас *не издалека* переживать неопределенность Вашего положения; но в такие минуты меня успокаивают слова: *«Имеющие, как неимеющие... Плачущие, как неплачущие»*. На то нам дан упор в самосознании, чтобы *«плача не плакать»*. Многое, что в связи с этим, милый, волновало меня неизменно эти недели, а проклятые чернила осушали живую влагу внутренних слов.

Что Вы дорогой, — как можно писать о своих письмах, что они де не ритмично взволновывают; да до внешнего ль ритма Вам? А внутренний ритм Вашей души, — неужели ж не слышен? да если бы не так, разве чувствовал бы я к Вам ту близость, которая есть между нами? сколько раз с К[лавдией] Н[иколаев-ной] мы говорили за эти дни как раз в противоположном Вашим словам смысле; и — простите: надеюсь, что Вам... *«икалось»*: похорошему, ибо очень хорошие слова сотрясали воздух нашего помещения, направленные по Вашему адресу.

Просто я не понимал тональности Вашей взволнованности; но я конечно же, предполагал и то, что что-нибудь случилось с местом.

А Ваши слова о Кавказе, — разве они не выражение тончайшего слуха? Они-то и положили конец нашей поездке в Кахетию, ибо мы сказали себе: П[етр] Н[иканорович] выражает наши же опасения; и когда мы запросили Тициана, насколько тверд план нас устроить в Кахетии, то получили ответ, что они... *«надеются»* все же нас устроить; а мы знаем, что такое эти «надежды»; и переть лишних 1 500 верст вперед и назад с сундуками, чтоб посидев в Тифлисе и никуда не поехать при теперешних условиях жизни — глупость, ненужное мотовство: денег и сил; мы остались доживать в Судаке⁵; думаю, что уедем отсюда между 20 и 25 сентября; впрочем еще точно не знаем; вдруг и раньше⁶; но конечно к 1-ому октября мы будем твердо в Кучине.

Завтра едем в Коктебель: собираемся с июня; то работа, то слухи, что у Макса толпа людей, то жары, то болезнь; так промелькнуло лето⁷.

Одно время навещали нас Алексей Толстой и Вячеслав Шишков; и мы вместе отдыхали от жары вечерами на нашей террасе; с ними было неожиданно легко, интересно и просто⁸.

Милый, — я и не поблагодарил за посылку: обнимаю Вас за нее; и особенно за трубочки: достали таки! Понимаю, что это значит.

Если до нашего отъезда из Судака решится судьба романа в «Федерации», которую понимаю лишь в смысле отклонения, то я просил бы у «Федерации» письменную мотивировку причин почему этот в сущности заказанный ею роман, отнявший у меня столько сил и почти разрушивший здоровье, отклонен; надеюсь, что они *мотивируют*; для чего это мне нужно, объясню по приезде⁹.

Ну, до скорого свидания дорогой, милый друг. Мужайтесь! Обнимаю Вас. Борис Бугаев.

Штемпель Судака: 9.9.30. Штемпель Москвы: 14.9.30.

¹ В неопубликованной части своих воспоминаний о Белом (см. вступительную статью к этой публикации) Зайцев пишет: «[В 1930] началась партийная "чистка" во всех советских учреждениях и организациях. Она коснулась и беспартийных служащих. /.../ В связи с чисткой усилилась роль органов госбезопасности. Усилились репрессии и против инакомыслящих и попросту нестандартных людей. /.../ "Чистили" в этом году и меня. И "вычистили" из издательства ВЦСПС». Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 25 августа 1930: «П.Н. Зайцев, которого "вычистили"», и от 26 августа 1930: «Та же картина с П.Н. Зайцев[ым]: он вычищен, висит в воздухе, семья; А.С. [Петровский] едва живой утащился на Кавказ: 4 месяца мучила чистка; у меня длинный список друзей в таком же положении; мы какие-то выдавленцы из мира, обреченные стоять с протянутой рукой и с доской на груди: "Подайте литератору!"» (Андрей Белый. Проблемы творчества. Указ. изд. С.712, 717).

² Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 25 августа 1930: «/.../ уже наработал 350 страниц "Начала Века"; и к переутомлению прибавил несколько фунтиков: переутомления; а тут жары: ходишь, высунув язык, с приливами, мигренями; и — купанье не в купанье, загар не в загар, а... в угар разве... Не важно себя чувствуем во всех отношениях» (С.712).

³ См. прим.1 к письму №5 Белого Зайцеву и прим.1 к письму №6.

⁴ О 1915 в Дорнахе (Швейцария, антропософский центр) см. запись за сентябрь 1915 в РД: «Ссора с Наташей [сестрой Аси Тургеневой — Публ.]. Тяжелые объяснения с Асей. Денежный кризис. Моральный кризис. Эпоха скандалов. /.../ Не могу оставаться в атмосфере Дорнаха». В «автобиографическом письме» Иванову-Разумнику (1927) Белый писал: «Окончание периода, т.е. работы 1915, в обратной аналогии — "предзамыслы", которые все — завершаются, чеканятся, осознаются уже в периоде, переполненном *становлением* к выполнению в период 1916-1919» («Сahiers du monde russe et soviétique». Vol.XV. 1-2. 1974. P.70). См. также мою публ. «Андрей Белый и антропософия» («Материал к биографии» Белого): «Август 1915 года. Я подбираюсь к труднейшему моменту: август 1915 года, пожалуй, острие моей жизни, но — острие трагического» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Париж, 1990. С.409).

О Ленинграде в 1921 см. РД: «Июль. /.../ в душе раздвоение ("Ася" и "К.Н."; "А.О." и "Вольфила"; "РСФСР" и "Запад")». 20 октября 1921 Белый уехал за границу. О Берлине в 1922 см. прим.5 к письму №1 Белого Зайцеву.

⁵ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 25 августа 1930: «Собирались было с К.Н. ехать по зову поэтов в Кахетию, и вдруг испугались: переть 1 500 да 1 500: 3 000 лишних верст с чемоданами, керосинкой, чаем и сахарами, когда — Кахетия ль, Судак ли — не все ли равно» (Андрей Белый. Проблемы творчества. С.712). В воспоминаниях о Белом К.Н. Бугаева пишет: «Однажды профессор-гидролог М.А. В[еликан]ов рассказал Б.Н. о своеобразном, сделанном им наблюдении, которое он полушутя называл "законом щельности": иголка падает со стола и... попадает в щель. В поездах Б.Н. часто чувствовал себя такой "защемленной иголкой" и предпочитал отказаться от самых интересных планов, чем "очертя голову, свергать себя в водоворот зных возможностей"».

Его ужасала одна мысль о тех "гигантских" и совершенно бесплодных усилиях, которые неизбежно связывались для него с каждой новой попыткой тронуться с места.

Зимой, в Кучине — обычно это начиналось уже в январе-феврале — он изучал Путеводитель (Анисимова) и карту Кавказа и оживленно мечтал, что непременно поедет и туда, и туда: — "Нельзя же не увидеть такого прекрасного места". — А когда приезжали в первый намеченный пункт и хоть немного сносно устраивались, он уже никуда не хотел больше двигаться. Сначала он отшучивался: — "От добра добра не ищут". А потом говорил раздраженно и грустно: — "Нужно все рвать из горла. А я так не могу. С нашими слабыми силами лучше и не соваться: все равно затолкают".

Так просидели мы в 1930 году четыре месяца в неинтереснейшем, раскатанном жарой Судаке. А в наших зимних планах была намечена и Ялта, и южный берег Крыма, и Новый Афон, и даже Кахетия, — о чем шла переписка с тифлисскими друзьями. Вместо всего Б.Н. засел за "Начало века" и отговаривался, что не может теперь бросить начатой работы» (С.40-41).

⁶ Белый вместе с К.Н. уехали из Судака 19 сентября 1930. 20 они приехали в Феодосию, а 24 в Москву. 25 сентября они вернулись в Кучино, где они и оставались до 9 апреля 1931 (см. А.Белый «Хронологическая канва передвижений за границей и в России с 1921 по 1933 г.» — РГБ. Ф.25. Карт. из к.Х: № поступления 95-1969).

⁷ Белый с К.Н. жили в гостях у М.А. Волошина в Коктебеле с 9 по 11 сентября («Хронологическая канва передвижений...»). Это была последняя встреча двух писателей.

⁸ А.Н. Толстой (1882/1883-1945) и В.Я. Шишков (1873-1945) в это время постоянно проживали в Детском Селе и общались семьями с Ивановым-Разумником. У него в гостях Белый и виделся с ними. См. почтовую открытку от них Белому (написанную карандашом, дата штемпеля: Феодосия. 21.8.30):

«Дорогой Борис Николаевич,
спасибо Вам за дружеские часы в Судаке. Нам очень жалко, что не удалось проститься с Вами, — позавчера в Кубуче опять устроили вечер, а вчера пришлось выполнять долг вежливости, и опять пропал вечер. Целую руку Клавдии Николаевне. Ждем Вас обоих в Детском.

А.Толстой. Вяч. Шишков».

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.278).

По свидетельству К.Н. Бугаевой, Белый читал им отрывки из «Масок».

⁹ После возвращения в Москву Белый узнал от Зайцева о возникших «осложнениях»: «Я рассказал о положении с "Масками" в издательстве "Федерация". Есть мнение, имея в виду недостаток бумаги, от печатания воздержаться. Борис Николаевич немедленно вскипел: — Пусть мне "Федерация" даст письменную мотивировку, почему "Маски" не хотят издавать. Если у меня ее откажут печатать, /.../ то я буду вынужден спросить, что мне делать?»

Немного поостыв, он шутливо заметил: — Булгаков стал режиссером МХАТ'а, а я пойду в режиссеры к Мейерхольду!» (воспоминания Зайцева о Белом. С.581). 18 октября 1930 Белый подписал договор с издательством «Земля и фабрика» на «Маски» (председатель правления: Василий Иванович Соловьев — РНБ. Ф.60: Оп.1. Ед.хр.3).

(Окончание следует)

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абашидзе И.В. 462
Абдушешвили А. 481
Аберкромби Л. 321, 332, 334, 345, 347
Абрамов С.А. 423, 425, 430
Аванесов, врач 454
Аведиковы, семья 83, 84
Аврех А.Я. 145, 146
Агурский М.С. 400
Адамс Д.П. 355-357
Адмони И.Г. 123
Адрианов А.А. 11
Айвазян, литератор 456, 461
Айхенвальд Ю.И. 367, 368, 421
Аксельрод Т.Л. 235
Акунян, проф. 456, 461
Алабовский М. 149
Александр III, имп. 120
Александра Федоровна, имп. 157, 177, 215-221, 225
Александров А.М. 166
Александров Г.Ф. 352, 353
Александровский В.Д. 452
Алексей Михайлович, царь 256
Аллой В.Е. 400
*Альтенберг П. (Энглендер Р.) 375
Амдур И.С. 332, 335, 342
Амфитеатров А.В. 277, 278, 287, 427
Амфитеатрова И.В. 427
*Ангарский (Клестов) Н.С. 421, 424
Андреева Е.А. 380
*Андреева И. 414-438
Андрієвський В. 274
Андроников И.Л. 481
Андроников Л. 481
Андронов Ф. 221
Анненкова В.Г. 495
Аносов А.Н. 90
Аносов И.А. 215
Аносов М.А. 90
Аносовы, семья 17, 90
Антик В.М. 369, 370
*Антоненко, агент ГПУ 304
Антоний архиеп. (Храповицкий А.П.) 149, 203, 204
Антонов-Овсеенко В.А. 43, 94
Анулов Ф. 229
Анучин Д.Н. 457
Аренс В.Е. 413
Аронов Л.Г. 278
Аросев А.Я. 314-316, 318, 324, 332, 335, 337, 341, 347-351
*Артем (Сергеев Ф.А.) 67, 96, 97, 234
Архангельский В. 150, 178
Архипов Н.А. 433
Архиппов Е.Я. 398
Арцыбашев М.П. 278, 287
Астор Н. 332, 335
Астров Н.И. 214
Атанасян, литератор 454, 455, 456, 461
Атчисон, чл. ИК Лонд. ОКС 345
Ауслендер С.А. 384
Афанасьев, генерал 33
*Ахматова А.А. 423, 426, 428
Ашукин Н.С. 368, 480

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы и криптонимы.

- Бабкин, генерал 197
 Базыкин В.И. 353, 355
 Байдер, сотр. ВОКС 320
 Байндер П. 328, 345, 346
 Байков А.А. 108
 Байрон Дж.Г.Н. 436
 Бакай М.Е. 298
 Бакшеев В.Н. 92
 Баландин А.А. 140
 Балбачан, полковник 52, 53
 Балтрушайтис Ю.К. 376, 424, 425
 Бальмонт К.Д. 374, 380, 428
 *Барас Д. 400, 408
 Барк П.Л. 169
 Бауэр М. 478
 Бахман Г. 382
 Бахрах А.В. 435
 Бачинский А.И. 369, 372, 378
 Бейлис М.-М.В. 162
 Бейнеман, винодел 197
 Бекарюков К.З. 95
 Беленин А. 247, 248
 Белецкий С.П. 177, 187
 Белл Т. 333
 Белль Г. 355
 *Белый А. 276, 367, 368, 375, 376, 382, 384, 388-390, 392, 400, 416, 426, 428, 429, 435, 439-498
 Бельский, сотр. Интуриста 320
 Беме Я. 406, 408
 Бенуа А.Н. 371
 Берар Е. 226-252
 Берберова Н.Н. 276, 394, 416, 419, 435
 Бергман Г.А. 166
 Бердяев Н.А. 397-401, 401-413, 416, 433
 Берент В. 377
 Бернштейн И.И. 418
 Бернштейн Н.Д. 107
 Бетеа Д. 419
 Блавацкий (Блаватский) В. 259, 273
 Блакит П.М.С. 332, 335
 Блейхман И.С. 245
 Блинов, капитан 29
 Блок А.А. 375, 377, 390, 423, 424, 427, 428, 430, 458, 472
 Блок Г.П. 429
 Блюмбаум А.Б. 397-412
 Бобринский В.А. 167
 Бобров, монархист 150, 151
 *Богданов А.А. см. Малиновский
 Богомолов Н.А. 425
 Богораз В.Г. см. *Тан (Богораз)
 Бойчук А.Г. 400
 Бокль Дж. 130
 Болотников И.И. 222
 Больцман Л. 110
 Большаков К.А. 452
 Бонковский А.А. 152, 156, 172, 175
 Бонч-Бруевич В.Д. 227, 230, 232, 245
 Бонч-Бруевич М.Д. 227, 230, 242, 243
 Боровков П.Н. 179, 180
 Бородин, сотр. ВОКС 323
 Бороздин К.А. 462
 Борьян Б.А. 455
 Боткин С.П. 188
 Брауде, врач 322
 Брауде, сотр. ВОКС 337
 Браунинг Г. 320, 321, 325, 328, 331, 345, 348
 Бриан А. 208, 209
 Бродский, художник 122
 Бройде, сотр. ВОКС 340
 Броннер, сотр. Наркомздрава 320
 Брукхарст Д. 329
 Брусиллов А.А. 24, 26
 Бруссон Ж.Ж. 445
 Брюсов А.Я. 374, 376, 383, 384, 392
 Брюсов В.Я. 368, 369, 371-374, 376, 377-382, 384-391, 393, 428, 480
 Брюсов Я.К. 376, 382, 390
 Брюсова И.М. 372, 392, 393
 Брюсова Л.Я. 383, 390
 Брюсова М.А. 390, 392
 Брюсова Н.Я. 392, 393
 Бугаев В. 480
 Бугаева А.Д. 480

- Буданцев С.Ф. 452
 Булак-Балахович С.Н. 276, 283, 287
 Булацель П.Ф. 152, 204, 206, 216, 218, 219
 Булгаков М.А. 276, 498
 Булгаков С.Н. 399, 406, 408
 Бурнакин А.А. 370
 Бурцев В.Л. 281-284, 286, 291, 294-298, 300, 303-305, 309, 310
 Бутенко П.В. 197, 198
 Бутми Г.В. де 171, 204, 216
 Бухарин Н.И. 117
 *Быстрянский (Ватин) В.А. 235
- *В.Б. 150
 Вадимов А.В. 408
 Ваншейлт В.А. 115
 Вардан Великий 454
 Василевский Л.М. 389, 390
 Василий IV Шуйский, царь 222
 Васильев Г.Н. 341
 Васильев П.Н. 482-484
 Васильев С.Д. 341
 Васильева (урож. Алексеева) К.Н. 440, 441, 444-454, 457, 461, 463, 464, 466, 468-471, 475, 478-484, 487, 488, 490-492, 494, 495, 497, 498
 Васильевы, семья 482
 Введенский А.А. 114
 Великанов М.А. 450, 497
 Величкин А.С. 50, 95
 Величкин С.А. 95
 Величкина (урож. Ставровская) С.Н. 95
 Величкины, семья 8, 9, 50, 95
 Венгеров С.А. 407
 Веневитинов Д.В. 419
 Венедиктов А.В. 240
 Вергилий 10
 *Вересаев (Смидович) В.В. 36, 91, 92
 Вернадский В.И. 254
 Веселов П. 221
 Веселовский А.Н. 456
 Виленский Г.Г. 152
 Вильгельм II, имп. 21, 30, 45, 51, 206, 220, 222, 244
 Вильсон Т.В. 208
 Винавер М.М. 214
 Винниченко В.К. 255, 261, 273
 Виноградов С.И. 326-332, 342, 344-348
 Виппер Р.Ю. 16, 19, 90
 Виталий, архим. (Максименко В.И.) 149, 205, 207
 Вишняк М.В. 232, 393
 Вишняков П.М. 152
 Владимиров М.К. 238, 239
 Владимирский М.Ф. 234
 Водж, англ. ученый 322
 Воейков В.Н. 219, 220
 Войнич Э.Л. 276
 Волков, сотр. ВОКС 360
 Волков Н. 149
 Волковыский Н.М. 427
 Воловикова, сотр. ВОКС 357
 Волошин М.А. 417, 432, 433, 496, 498
 Волчек Д.Б. 425
 *Вольнский А.Л. 426, 427
 Волькенштейн В.М. 470, 471
 Ворожцов Н.В. 115
 Воронин С. 472
 Воронский А.К. 444-448, 451
 Восторгов И.И. 149, 158, 160, 161, 171
 Врангель П.Н. 56, 258, 269
 Вул, сотр. Центросоюза 331, 332
 Вырубова А.А. 219, 220
 Высоцкий В.А. 376, 377
 Выставка-Галлоп Е.В. 368, 394-396
 Вышевич К. 254, 273
 Вышеславцев Н.Н. 448-450
 Вышинский А.Я. 352, 353
 Вяземский П.А. 418
 Вязигин А.С. 149, 158, 161, 204, 215, 216, 222
- Гаккель, корабел 125-128
 Гаккель Я.М. 125
 Галунов А. 373, 375

- Гамсун К. 375
 Ган Е.А. 419
 Ган К.Ф. 445
 *Гарин Н. (Михайловский Н.Г.) 102
 Гарэтто Э. 277, 278, 287, 367
 Гвоздиков, пианист 376
 *Генри Э. (Ростовский С.Н.) 276
 Генц (Генс), врач 320-322
 Герасимов М.П. 452
 Гермоген, патр. 221, 222
 Герцен А.И. 255, 436, 437, 451
 Гершензон М.О. 412-415, 417, 419-421, 423, 425, 432, 434-436
 Гессен И.В. 214, 271
 Гете И.В. 406, 436
 Гидони А.И. 481, 482
 Гизетти А.А. 427
 Гильвег, сотр. ВОКС 360
 Гильдебрандт О.Н. 397
 Гинденбург П. фон 243
 Гиппиус З.Н. 240, 380, 382, 398, 399, 405
 *Гитлер А. 319
 Гладков Т.К. 276
 Глинка-Янчевский С.К. 155, 198
 Глоба А.П. 415, 430-432, 434, 435
 Гнесин М.Ф. 459
 Гнесина Е.Ф. 459
 Гогоберидзе Е.Д. 481, 482
 Гоголь Н.В. 89, 415
 Голицын Д.Б. 148, 219
 Голицын Н.Э. 369, 372, 374
 Голицына, кн. 395
 Голичер А. 482
 Голлербах Е.А. 401
 Голлербах Э.Ф. 397-413
 Голубев А.В. 313-364
 Голунский С.А. 337-339, 341
 Гольденвейзер А.Б. 376
 Гольц К. фон дер 243
 Гольцев В.В. 456, 457
 Горнфельд А.Г. 407, 413
 *Горький А.М. 233, 252, 345, 358, 359, 400, 419, 434-436
 Готье Ю.В. 16, 90
 Гофман В.В. 389
 Гофман М.Л. 419
 Граве И.П. 99, 136, 137
 Гредингер Ф.И. 216, 217
 Гренцион Э. 417, 420, 425, 426, 430
 Гримм Д.Д. 183, 184
 Грингауз, гимназист 38
 Грингмут Е. 153
 *Гротт М. см. Спасовский М.М.
 Грушевский М.С. 254
 Гувер Г. 333
 Гуковский И.Э. 234, 235
 Гуленко, врач 488
 Гунчак Т. 273
 Гучков А.И. 13, 153, 185, 186, 214, 221, 222, 224
 Давыдов Д.В. 481
 Дальский, анархист 233
 Дворщина Н.С. 278
 Деканозов В.Г. 334
 Дельвиг А.А. 418-420, 423, 425, 426
 Дементьева С.Н. 326
 Демидов В.А. 221
 Деникин А.И. 68, 72, 78, 86, 89, 95, 257, 258, 269, 289
 Денисов, капитан 29
 *Джавахишвили М. (Адамашвили М.С.) 462, 481, 482
 Дзержинский Ф.Э. 239, 291, 295
 Диатроптов Б.А. 392
 Диатроптовы, семья 429, 432
 *Дикгоф-Деренталь А.А. 279, 280, 282, 283, 285, 286, 290, 291, 294, 306
 *Дикгоф-Деренталь Л.Е. 279, 280, 282, 283, 285, 286, 291, 294, 300, 302, 304, 306, 310
 Димитрий, еп. (Абашидзе Д.И.) 204, 206, 207
 Димитрий, еп. (Сперовский Н.) 204, 207
 Димитров Г. 333
 Добкин А.И. 277, 278
 Добровольский Н.А. 217, 219
 Добрынин В.В. 452
 Добрянский А.Ф. 108, 109

- Добужинские, семья 427
 Довженко А.П. 341
 Долгов Б.Н. 110, 115
 Долгополов, чл. Астраханской думы 224
 Донченко, поручик 75
 Дорошенко Д.И. 270, 273
 Достоевский Ф.М. 89
 Драгомиров А.М. 269, 273
 Дубровин А.И. 146, 147, 149, 154-159, 167, 170, 171, 178, 180, 181, 183, 187, 190, 198, 200, 203, 204, 223
 Дудниченко И.И. 149-151, 153, 157, 168-171, 180, 182, 187, 190, 199-202, 210
 Дункан А. 376
 Духовской М.М. 387
 Духонин Н.Н. 33
 Дыбенко П.Е. 230, 245
 *Дымов О. (Перельман О.И.) 373-375
 Дюкс П. 281, 288, 304
 Дюма А. 123
 Дюранти У. 296, 297, 299, 301
 Дюрих, австр. депутат 211
 Езерский Г.И. 198
 Екатерина II, имп. 256
 Ерохин П.М. 41, 48, 57
 Есенин С.А. 452
 Жаков М.П. 38, 93
 Жданов А.А. 317
 Жевержеев С.Н. 65
 Жевержеевы, фирма 65
 Железняков А.Г. 232, 233, 245
 Жемчужникова М.Н. 493
 Жилиев, проф. 45
 Жуковский В.А. 423
 Забутский (Забуцкий), поручик 95
 Заиченко О.В. 315
 Зайдеман Ю. 321, 322
 Зайцев Б.К. 374, 416, 433, 435
 Зайцев Н.Г. 276
 Зайцев П.Н. 439-498
 Зайцева В.Н. 432
 Зайцева Г.П. 484
 Зайцева М.С. 441, 446-449, 470, 472
 Зайцева С.П. 470, 472, 493
 Залесский В.Ф. 149, 204, 206
 Замысловский Г.Г. 149, 179, 180, 215, 216, 218, 219, 224
 Замятин Е.И. 426, 427
 Запорожец Л.А. 37, 54, 71, 85, 93, 95, 98
 Заславский Д.И. 476
 Захаров В. 179, 180
 Зейде О.А. 139
 Зеленский, монархист 165
 Зелинский Н.Д. 140
 Зельдович Я.Б. 116, 117
 Зильбер Л.А. 99, 138
 Зильберберг Е.И. 305
 Зильберберг М.А. 305
 *Зиновьев Г.Е. 229, 234, 235, 238, 239, 241
 Золотарев В.А. 380
 Золотоносов М. 276
 Зощенко М.М. 427
 Зубарев Д.И. 275-310
 Зубаровские, семья 8
 Зубрилов М.П. 95
 Зубриловы, семья 52, 95
 Ибсен Г. 403, 407
 Иванов, студент 27
 Иванов Вс. Вяч. 452
 Иванов Вяч. И. 415, 419, 428
 Иванов Г.В. 427, 428
 Иванов П. 376
 *Иванов-Разумник Р.В. 450, 451, 465, 466, 478, 483, 494, 496-498
 Иванова Л. 359
 *Ивич А. см. Бернштейн И.И.
 Игнатъев П.Н. 168, 169, 211, 224
 Игумнов К.Н. 376
 Иловайский Д.И. 162, 176
 Иноземцев, сотр. ВОКС 358
 *Ионов И. (Бернштейн И.И.) 459
 Иоффе А.А. 234
 Иоффе А.Е. 313
 Иоффе А.Ф. 108, 117

- Ипатъев В.В. 99, 118, 119, 132, 133, 135, 139, 140
Ипатьев В.Н. 109-112, 115, 118, 141
Ирецкий В.Я. 427
Исаакян А.С. 454, 456
- *Каверин В.А. 138
Калинин М.И. 229, 246, 247
Калистратов О. 93
Калистратова Г. 42
Калистратова Н. 93
Калистратова П.М. 93
Калистратовы, семья 93
Кальдерон де ла Барка П. 445
Каляев И.П. 176, 293, 295, 296, 300
- *Каменева О.Д. 315
Канатчиков С.И. 452
- *Каплун (Сумской) Б.Г. 459
Караганов А.В. 360, 362-364
Караулов М.А. 188, 189
Карелин В.А. 96
Карлейль Т. 406
Карпович М.М. 416
Кассо Л.А. 100
Кауфман А.Е. 398
Кацауров И.Н. 158, 160
Кацман Г.В. см. Бутми Г.В. де
Кельцев С.А. 150, 151, 204, 206
Кеменов В.С. 317-319, 352, 353, 358-360, 363, 364
Кеоркян, библиограф 454, 456, 461
Керенский А.Ф. 16, 22, 24, 25, 27, 228, 231, 237, 241
Кин П.А. 43
Кинг Б. 325-330, 342
Кирпичникова Е.А. 18
Кирьянов Ю.И. 145-225
Киселев Н.Н. 375
Кислова Л.Д. 320, 321, 324, 328, 360
Киссин С.В. (*Муни С.) 374, 376, 377, 383, 384, 386, 387, 394, 421
Кистяковский В.А. 108
Кистяковский И.А. 263, 270, 273
Кишкин Н.М. 480
- Клейман, судья 94
Климан Ф.Л. фон 197, 198
Клипов Э.В. 234
- *Клычков (Лешенков) С.А. 452
Кнабе Г.С. 357, 359
Кничер, учитель 65
Кнорринг Н.Н. 23, 38, 41, 48, 57, 58, 69, 79, 91
Кнорринги, семья 65
Князева Н.Г. 401
Кобулов А.З. 334
Кобылинский Л.Л. 382
Ковалевский М.М. 456
Коваленская Т.М. 357, 359-362, 364
Коган П.С. 433
Козлов Н.В. 276
Козлов Ф.В. 318
Козловский Л. 281
Козюра Н.М. 352
Койранский А.А. 373, 374, 376, 377
Койранский Б.А. 377
Койранский Г.А. 394
Кокошкин Ф.Ф. 91, 93, 233
Колеров М.А. 408
Колкер Ю. 374
Коллонтар, проф. 454
Колобов В.А. 182
Колчак А.В. 50, 82, 83, 89, 289
Комин В.В. 145
Кондратьев А.А. 375
Кондратьева, сотр. ВОКС 357
Коновалов А.И. 185, 187
Коновницын А.Н. 147
Конюхова, сотр. ВОКС 358
Копелев Л.З. 355
Копельман С.Ю. 432, 433
Копылов, монархист 205, 207
Коренев М.М. 451, 470, 472
Корнилов Л.Г. 22, 25-27, 29, 33, 82, 89
- *Корвин (Юшкевич) А.А. 376
Королев С.П. 139
Королева Н.Г. 145
Косая, сотр. ВОКС 360
Косиор С.В. 246

- Костаньян П. 375
 Кравцов, дир. завода 166
 Кравченко, ген. НКВД 134
 Кравченко, гор. голова Астрахани 217, 221, 224
 Кранс-Джонс, сотр. Лонд. ОКС 344
 Красин Л.Б. 295, 452
 Красинский С. 370, 377
 Краснопольская О. 68
 Краузе В.П. 121
 Краутер Дж. 330, 333
 Кремлева Е.А. 141
 Крестинский Н.Н. 234, 235
 *Кречетов С. см. Соколов С.А.
 Кржижановский С.Д. 451
 Кривошеин А.В. 169, 224
 Кривцов С.С. 452
 Крон Э.А. 78, 98
 Крупская Н.К. 324
 Крэгг Г.Э.Г. 332, 335
 Кугульский С.Л. 387
 Куделенко Д.Е. 147
 Кузмин М.А. 384, 423, 424
 Кузьмин М.С. 313, 320, 326
 Кулаковская, сотр. ВОКС 358
 Кулаковский Ю.А. 149, 166, 167, 172, 213
 Кульман Н.К. 419
 Кулябко Н.Н. 323, 324, 328
 Курас Г.М. 256
 Куропаткин А.Н. 190
 Курносова П.И. 369, 372
 Курсинский А.А. 369, 371
 Кюльман Р. фон 243

 Лавров А.В. 451, 458, 471, 490, 494
 Лазьян, сотр. миссии 326, 331
 Ланге Ф.А. 406, 408
 Ландер К.И. 234
 Ласки Г.Дж. 332, 334
 Латугина П.М. 214
 Лашевич М.М. 234, 235
 Лашкевич В.В. 156
 Лебедев В.А. 95
 Лебедев С.В. 121

 Левашов С.В. 149, 187, 188, 211
 Левин С.З. 114
 Левинсон Ю. 360, 364
 *Левицкий (Цедербаум) В.О. 145
 Левицкий К. 273
 Левонян Г.Д. 456
 *Лежнев И. (Альтшулер И.Г.) 435
 *Ленин В.И. 21, 22, 24, 67, 122, 130, 227, 228, 231, 233-242, 244, 248, 250, 251, 323, 324
 Леонидзе Г.Н. 462
 Леонтьев К.Н. 406, 408
 Лесман М.С. 398, 401, 412, 413
 Леткова-Султанова Е.П. 427
 Либерзон (Орлова) Р.Д. 354, 355, 358, 360, 361
 Лидин В.Г. 414-438
 Лидина Е.В. 416
 Линденбаум В. 370, 372, 374, 389, 390
 Линч Г.Ф.Б. 454
 Липинский (Лепинский) В. 270, 273, 274
 Липскеров К.А. 415, 428, 430-433
 Литвин А.Л. 314, 316
 *Литвинов М.М. 330, 333
 Лозинский Г.Л. 419, 427
 Лозинский М.Л. 428
 Лозовский С.А. 324
 Локерман А.С. 94
 Локшина, сотр. ВОКС 358
 Ломан, монархист 177
 Ломоносов М.В. 370, 450
 Лосева, знакомая В.Ф. Ходасевича 432
 Лосский Н.О. 408
 Лоу А. 330, 333
 Лоу Б. 328, 330, 332
 Луис П. 375
 Лукомский А.С. 271, 274
 Луначарский А.В. 234, 248, 432
 Лунц Л.Н. 427
 Львов Г.Е. 17, 25, 90, 153, 185, 186, 187, 214
 Львова Н.Г. 393
 Любош С.Б. 398
 Людендорф Э. 243

- Маделунг А. 281
 Мазепа И.С. 253
 Мазерель Ф. 322
 Майдель В.Х. фон 295, 298, 299
 Майдель (урожд. Савинкова) Н.В. фон 295, 299
 Майский И.М. 324, 347, 348, 353
 Макдональд Дж.Р. 296, 325, 326, 329, 333, 335
 Маклаков Н.А. 149, 157, 165, 169, 181, 199, 212, 218, 220
 Маковский С.К. 374, 377, 379, 381, 382
 Максимов Д.Е. 494
 Малашкин С.И. 452
 Маленков Г.М. 317
 Малиновский (*Богданов) А.А. 7
 Малицкий Г.Л. 377, 384
 Малой С.С. 178, 179
 Мальков П.В. 231
 Мальмстад Дж. 439-498
 Маляревский А.И. 271, 274
 Мандельштам И.Б. 427
 Мандельштам О.Э. 252, 421, 422, 428
 Маниковский А.А. 169, 170
 Манселл-Муллин Ч. 332
 Манселл-Муллин Э. 321, 329, 332, 344, 347, 348
 Мария Варфоломеевна, няня в семье Смидовичей 67
 Марков Н.Е. 146, 147, 149, 152, 155, 156, 158, 159, 163-165, 168, 172, 178, 179, 187, 201, 204, 215, 216, 218-220
 Марков С.С. 141
 Маркс К. 102, 255, 337
 Марлей, жена Д.Марлея 347
 Марлей Д. 329, 330, 332, 333
 Марон 482
 Мартин К.Б. 325, 327, 332
 Маслянский Г.Н. 114, 141
 Матусевич И.А. 430
 Махно Н.И. 245, 255
 Маяковский В.В. 490
 Медведев П.Н. 458, 459, 469-471, 483, 484
 Медникян, проф. 461
 Межлаук В.И. 67, 96
 Межлаук И.И. 30, 92, 96
 Мейерхольд В.Э. 459, 470, 471, 475, 483, 498
 Мексин, сотр. ВОКС 340, 341
 Меллер-Закомельский В. 183, 184
 Мельгунов С.П. 94, 96
 Менжинский В.Р. 234, 235
 Мережковский Д.С. 380
 Мерсеро А. 369, 372
 Мещерина, сотр. ВОКС 362
 Микеладзе, врач 482
 Микулин А.А. 137
 Милашевский В.А. 423, 424, 427, 429
 Милоков П.Н. 17, 91, 153, 162, 163, 203, 208, 214, 216, 218, 220, 222, 266
 Милютин В.П. 235
 Минаев Д.Д. 387
 Минович З.М. 419
 Миронов, инженер 95
 Мірчук П. 253, 254, 272
 Митрофан, еп. (Краснопольский И.В.) 204, 205, 207
 Митрохин Д.И. 423-425
 Михаил Александрович, вел.кн. 10
 Михайловский Н.К. 408, 427
 Могилянский Н.М. 253-256, 257-261, 262-271, 271-272, 273
 Модзалевский Б.Л. 419
 Моисей Хоренский 454
 Молдавский Б.Л. 115, 118
 *Молотов В.М. 317, 364
 Монтегю А. 330, 333, 342
 Моргенштерн К. 493
 Моргенштерн М. 493
 Морев Г.А. 397-413
 Морель Э. 325, 326
 Мосина, замторгпреда 345
 Мравян А.А. 454, 459-461
 Мрозы, семья 82, 84, 85
 Муравьева Е.А. 367-396
 Муратов П.П. 394, 416, 435
 Муратова Е.В. 391, 394
 Мурахина Л.А. 411, 412

- Муссолини Б. 307, 308
 Мышлаевский А.З. 198
 Мэйнард Дж. 347
 Мягков А.Г. 277-310
 Мягкова (урож. Савинкова) В.В. 277-310
 Мясников (Мясникян) А.Ф. 33, 92
 Набоков В.Д. 230
 Надирадзе К. 462
 Назаревская Г. 457, 459, 483
 Назаревский В.В. 162, 218, 220
 Нансен Ф. 454
 Наполеон I, имп. 260, 450
 Наппельбаум И.М. 432
 Наппельбаум Ф.М. 432
 Невежин В.А. 313-364
 Нейман, сов. чиновник 348
 Нейман М.Б. 117
 Немирович-Данченко Вас.И. 388, 389
 Немирович-Данченко Вл.И. 359
 Немцов М.С. 100-141
 Немцов С.Б. 103
 Ненароков А.П. 314, 316
 Несмелов О.В. 314, 316
 Нечаев А.П. 100
 Никитин, монархист 161
 Никитина Е.Ф. 441, 447
 Николаева Е. 480, 481
 Николай II, имп. 10, 16, 148, 157, 173, 174, 184-186, 188, 192, 209, 212, 213, 218-221, 225, 237, 254
 Николай Николаевич-младший, вел. кн. 188, 189
 Нилендер В.О. 374
 Нилендер О. 374
 Нилов К.Д. 219
 Ниль Н. 251
 Ницше Ф. 403, 407
 Новиков И.А. 370, 433
 Новиков-Прибой А.С. 452
 Новосильцовы, семья 12
 Обатнин Г.В. 408
 Облеухов Н.Д. 152, 189, 190, 198, 204
 Облеухова С.Л. 198, 200, 202
 Образцов В.А. 156, 158, 161, 163, 181, 204, 207
 Ованесян О. 454, 456, 461
 Огарев Н.П. 415
 Оленев М. 145
 Онгирский С.С. 209, 210
 *Ор см. Киселев Н.Н.
 Орешин П.В. 452
 Орлов В.Г. 147, 149, 151, 161, 162, 224
 Орлов Н.А. 112
 Орфенов М.А. 161, 211
 *Осоргин М. (Ильин М.А.) 416, 435
 Острой О.С. 397
 Павел I, имп. 222
 Павел Александрович, вел. кн. 396
 Павленко П.А. 452
 Павлов И.П. 359
 Павлович Н.А. 430, 431
 Павловские, семья 87
 Павловский, торговец 87
 Павловский С.Э. 282, 283, 285, 286, 291, 292, 295, 310
 Пайер Ф. фон 243
 Пайпс Р. 230
 Палей В.П. 396
 Палей О.В. 395, 396
 Палеолог М. 272
 Палладий, митр. 220
 Папакін Г.В. 253
 Парнок С.Я. 415, 432-435, 471
 Пастернак Б.Л. 416, 444, 445, 448, 450, 452, 458, 483, 485
 Пасхалов К.Н. 149, 150-152, 156, 157, 164, 165, 169, 171, 183, 187, 189, 199, 204, 211, 218-220
 Пахомов П.П. 432, 433
 Перегудова З.И. 148
 Перцов П.П. 408
 *Пессимист 228, 252
 Петерс, управл. имением 166
 Петлюра С.В. 52, 255, 259, 261, 273
 Петр I, имп. 125, 203, 228, 252, 256
 Петров Н.В. 278

- Петров Ф.Н. 315
 Петрово-Соловово, семья 8, 12, 15, 35, 90
 Петрово-Соловово А.В. 25, 50, 51, 54, 92, 96
 Петрово-Соловово В.М. 90
 Петрово-Соловово Д.В. 12, 35, 50, 51, 54-56, 90, 96, 98
 Петрово-Соловово (урож. Щербатова) С.А. 55, 96
 Петрово-Соловово С.В. 20, 54, 55, 91, 96
 Петровская, мать Н.И. Петровской 385, 389
 Петровская Надежда И. 385, 388, 391, 394-396
 Петровская Нина И. 367-396
 Петровский А.С. 457, 459, 496
 Петросян А. 351
 *Пилецкий (Хейсин М.Л.) 249, 251
 *Пильняк Б.А. 426, 452
 Пильский П.М. 389, 390
 Пименов Р.И. 276
 Пинес Д.М. 451
 Пирумовы, семья 481
 Плетнев В.Ф. 452
 Плющев Н. 27
 Поволоцкий Я.Е. 414
 Подтягин Н.Е. 41
 Познер С.В. 400, 427
 Покровский М.Н. 41, 244
 *Полевой Б.Н. 276
 Полетаев Н.Г. 452
 Поливанов А.А. 169
 Поливанов И.Л. 483, 485
 Поливанов Л.И. 485
 Полихронов Х.Н. 462, 465, 467
 Полихроновы, семья 463
 Полонский, полковник 202
 Полубояринова Е.А. 181
 Попов Б.М. 369, 372
 Попов М.Т. 158, 160, 204
 Порай-Кошиц А.Е. 113
 Порш М. 259, 261, 273
 Поярков Н.Е. 375
 Преображенская (урож. Савицкая) Н.В. 8, 9
 Придик, проф. 85
 Примаковский, сотр. ВОКС 357, 358
 Притт Д.Н. 321, 331, 333
 Проскурина В.Ю. 413
 Простосердов, знакомый А.Белого 461
 Протопопов А.Д. 198, 199, 217-219, 221, 224
 Пуришкевич В.М. 146, 147, 149, 151, 152, 155, 156, 158-165, 168, 171, 172, 189, 198, 200, 202, 204, 209, 215-217
 Пушкин А.С. 89, 370, 373, 377, 381, 382, 393, 394, 404, 416, 418, 422-424, 432, 434-438, 463
 Пушкин С.Л. 418
 Пушкина Н.О. 418
 Пшибышевский С. 370, 385, 387
 *Р. 251
 *Р-ва З. см. Ган Е.А.
 *Радек К.Б. 235
 Радлов Н.Э. 106, 427
 Раев Н.П. 219-221
 Разуваев Г.А. 115
 Райх З.Н. 459, 470, 471
 Раковский Х.Г. 67, 97
 Рамзаур К. 116
 Ранн А. 405
 *Раскольников Ф.Ф. 452, 456-458, 470
 *Распутин Г.Е. 146, 220, 222, 395
 Рассел Б. 321, 332, 334
 Рейлли (урож. Бобадилья) Ж.-Ф. 275, 279-281, 283, 287, 304
 Рейлли С.Дж. 275-277, 278-310
 Рекитт Е.С. 330, 342-345
 Ремизов А.М. 423, 424, 434, 435
 Ренье А. де 424
 Репин И.Е. 482
 Ресневич-Синьорелли О.И. 367
 Риббентроп И. 317, 364
 Ривз Дж. 329, 331, 333
 Риген фон, музыкант 376
 Римский-Корсаков, сотр. ВОКС 318

- Римский-Корсаков А.А. 148
 Робакидзе Г.Т. 445, 449, 461, 462, 466, 480, 481
 Родзевич Н.Н. 149, 152, 153, 158, 159, 164, 167, 170, 171, 174, 177, 181, 187, 188, 204, 212, 214
 Родзянко М.В. 153, 214, 225
 Родионов Л.М. 377
 Родов С.А. 452
 Рождественский В.А. 427, 432
 Рожков Н.А. 427
 Розанов В.В. 180, 397-400, 404, 405, 407, 409-413
 Розанов С.Т. 397, 398
 Розанова Н.В. 413
 Розенфельд Г. 244
 Розенцвейг, сотр. ВОКС 360
 Ротенберг А. 101
 Рубинин Е.В. 324
 Рубинчик, врач 322
 Руммель, полковник 77
 Русов Н.Н. 375, 407
 Рухимович М.Л. 67, 96
 *Рындина (Брылкина) Л.Д. 369, 372, 379, 381, 386
 Рябов П.В. 201, 202
 Рябушинский В.П. 390
 Рябушинский Н.П. 369, 371, 372, 390
 Рябушинский П.П. 153, 250

 Сабашников М.В. 416, 418
 Сабашников С.В. 416, 418
 Савенко А.И. 151, 166, 167
 Савинков Б.В. 266, 267, 276-310
 Савинков В.В. 277, 279, 280, 290, 295, 302, 306, 308, 310
 Савинков Л.Б. 303, 305
 Савинкова А.Ю. 279, 280
 Савинкова С.А. 307
 Савостин М.М. 189
 Саврасов А.К. 130
 Садовской Б.А. 371, 374, 380, 384, 392, 429
 Саенко, чекист 65, 96
 Сажин В.Н. 407, 427
 Сазонов Е.С. 293, 295, 296

 Салтыков М. 221
 Санников Г.А. 441, 448, 450, 452, 458, 469, 471
 Сапгайло (Сангайло), граф 96
 Сарьян Л.Л. 453, 461
 Сарьян М.С. 444, 453-456, 460, 461, 463, 466, 467
 Сафронов, сотр. ВОКС 361
 Свердлов В.М. 346
 Свердлов Я.М. 234, 235, 241
 Свистунов И.Я. 459
 Седельников В.О. 7-98
 Семенов Н.Н. 108, 115-117
 Сергеев А.А. 253-274
 Сесиль Э.А.Р. 332, 335
 Сетгофер Л.Я. 9
 *Сибор (Лифшиц) Б.О. 376
 Сиверс Р.Ф. 94
 Сильникова Л.П. 453, 462
 Синельникова З.М. 210
 Скворцов В.М. 155, 213, 224
 Скворцов Я.Д. 150, 209
 Скорняков А.А. 119
 Скоропадская Е.П. 262, 271, 272
 Скоропадская М.П. 262, 272
 Скоропадский Д.П. 262
 Скоропадский И.И. 253
 Скоропадский П.П. 47, 51, 210, 253-261, 262-271, 271-274
 Слонимский М.Л. 427
 Смидович В.М. 9, 36, 37, 42, 50, 52-55, 71, 85, 92, 95, 96
 Смидович М.В. 25, 26, 43-45, 52, 54, 55, 61-63, 66, 71, 83-86, 88, 91-94
 Смидович Н.М. 8, 9, 37, 42, 45, 52, 54, 71, 83-86, 88, 89, 93, 95, 98
 Смидович (урожд. Ставровская) Н.Н. 21-23, 25, 26, 31, 32, 35, 36, 44, 50, 52, 54, 71, 83-86, 88, 89, 91-94
 Смидович П.Г. 7
 Смидович С.М. 42, 45, 52-55, 71, 85, 94, 95, 98
 Смидовичи, семья 8, 9, 37, 45, 56, 83, 93
 Смилга И.Т. 234, 235

- Смирнов В. 318
Соболев А.Л. 398
Соболевский А.И. 149, 161, 162, 166, 172, 211, 213
*Соболь А. (Соболь Ю.М.) 430
Соколов, инженер 43, 95
Соколов, монархист 150, 151
Соколов С.А. 367, 369-372, 374, 376, 377, 379-382, 386, 388-390
Соколовы, семья 83
*Сокольников Г.Я. 234, 235
Солженицын А.И. 295
Солнцев К.И. 419
Соловьев В.И. 498
Соловьев В.С. 478, 493
Соловьев С.М. 382, 385, 387, 415, 487
Соловьева, сотр. ВОКС 358
*Сологуб Ф.К. 380, 390, 426, 428
Спасовский М.М. 399, 400, 404, 405, 407, 411, 412
Спаский В.В. 482
Спендиаров А.А. 454
Спирин Л.М. 145, 155, 157
Спундэ А.П. 235
Ставровские, семья 8
Ставровский А.Н. 36, 50, 92, 93
Ставровский В.Н. 82, 98
Ставровский И.Н. 50, 95
Ставровский Н.Н. 56, 96
Ставровский С.Н. 7-9, 10-89, 90-98
Стаковский, инженер 43
*Сталин И.В. 122, 124, 126, 127, 136, 137, 234, 235, 334
Стасова Е.Д. 234
Степанов С.А. 145, 146
Стефан Дж. 405
Стечкин Б.С. 137
Стивенс Г. 330-332
Столляр С. 346, 348
Столыпин П.А. 64
Стороженко Н.И. 456
Стражев В.И. 388, 389
Строгий, следователь 128, 129
Строев В. 245
Струве П.Б. 188, 189
Стучка П.И. 234
- Субтельный О. 253, 254
Суворин А.С. 382
Суворин Б.А. 299
Султанов Ю.Н. 427
Суперфин Г.Г. 278, 281, 405
Суткевич М.Г. 423, 427, 429
Сутырин В.А. 452
Сытин И.И. 162
- Табидзе Н.А. 445, 460, 462, 483
Табидзе Т.Ю. 449, 460, 462, 480-483, 487, 495
Табуи, фр. генерал 257, 272
Тальберг Н.Д. 152, 153, 209, 210
*Тальников Д. (Шпитальников Д.Л.) 452
Таманов А.И. 454
*Тан (Богораз) В.Г. 245
Таратута Е.А. 276
Тароватый Н.Я. 369, 371
Татушин, нач. «шарашки» 139
Терлецкий И.А. 377
Тер-Габриэлян С.М. 459, 461, 466
Тилье К. 417
Тимашев С.И. 100
Тимирязев К.А. 456
Тимофеев А. 380
Тиняков А.И. 374, 378, 380, 383, 387
Тиханович-Савицкий Н.Н. 147, 149, 150, 152, 154-158, 162-164, 168-170, 185, 186, 188, 190, 204, 213, 216, 218, 220, 223, 224
Тихменев Н.П. 149, 177, 199, 213
Тихомиров А.Ф. 204
Тихомиров Л.А. 157, 189
Тихон, патр. 204
Тихонов А.Н. 426, 448, 490, 493, 494
Тоболин И. 148
Толстой А.Н. 415, 496, 498
Толстой Л.Н. 89, 356
Толстой Я.М. 385, 386
Томас, жена Дж.Томаса 324
Томас Дж. 323, 324
Томашівський С. 254, 255
Томилин В.В. 161, 162

- Тораманян Т. 454
 Торопов, монархист 156
 Тоузен Р. 332
 Трапезников Т.Г. 491, 493
 Тревельян Ч. 321
 ТрEDIAKовский В.К. 474
 Трепов А.Ф. 223
 *Троцкий Л.Д. 24, 36, 226, 228, 234, 235, 240
 Трубецкие, семья 8, 15, 55
 Трубецкой А.Е. 50, 51, 55, 95, 98
 Трубецкой Е.Н. 15, 90, 95, 237
 Трушин, матрос 94
 Туманов Н.Е. 190
 Туманян, знакомые А.Белого 453, 456, 461
 Тургенев И.С. 423, 425
 Тургенева А.А. 497
 Тургенева Н.А. 497
 Туркул А.В. 74, 75, 97
 Турчинович (урожд. Савинкова) С.В. 298, 299
 Тыркова-Вильямс А.В. 281
 Тышкевич М., граф 259
 Тютчев Ф.И. 468

 Уайз Д. 329, 331
 Уайз Е.Ф. 331, 334
 Урицкий М.С. 230, 231, 234, 235
 Урнов, сотр. ВОКС 360, 362
 Устинов А.Б. 427
 Устрялов Н.В. 250
 Уткин И.П. 117
 Уэбб Б. 321, 326, 332, 334, 335
 Уэбб С. 321, 326, 332, 334, 335
 Уэллс Г. 346

 Фаберже К.Г. 271
 Фаворская М.А. 490, 491, 493
 Федин К.А. 435
 Федоров А.П. 286, 287, 304, 307, 309, 310
 Федотьев П.П. 108
 Фенин А.И. 43, 95
 Феофилактов Н.П. 379, 380, 384
 Ферсман А.Е. 358
 Философов Д.В. 282, 283, 285, 286, 294, 296, 303-306, 309, 408

 Флобер Г. 423, 424
 Флоренский П.А. 399
 Фолько, юрист 338
 Фомичев И.Т. 286, 287
 Фондаминский (Фундаминский) И.И. 283, 284
 Форстер Э. 346
 Фортуатов М.А. 461, 467, 468
 Форш О.Д. 430
 Фош Ф. 51
 Фрайман А.Л. 231, 239-243
 Франк С.Л. 416
 Франк-Каменецкий Д.А. 117
 *Франс А. 445
 Фрейдлхилл Б.А. 122
 Фрост А.В. 113, 114
 Фрумкина, сотр. ВОКС 339, 340
 Фэзи (Физи), сотр. Лонд. ОКС 344, 347, 348

 Хаксли Дж. 321, 332, 334
 Хаксли О. 346
 Харитон Ю.Б. 116
 Харитонов П.Н. 169
 Хачатрян, знакомый А.Белого 454
 Хвостов А.Н. 172, 190
 Хелашвили Б. 462
 Хеллман Б. 400
 Херст У.Р. 336, 341
 Хертлинг Г. фон 243
 Ховрин Н.А. 94
 Ходасевич А.И. 375, 391-394, 414, 415, 417-420, 424, 429, 430, 432, 436, 437
 Ходасевич В.М. 414
 Ходасевич В.Ф. 368-394, 396, 414-416, 416-438
 Ходасевич К.Ф. 377
 Ходасевич (урожд. Рындина) М.Э. 369-375, 377-379, 381-386, 389
 Ходасевич С.Я. 374, 377, 379, 386, 392, 394
 Ходасевич Ф.И. 374, 377, 379, 386, 391-394
 Холмский Т. 251
 Хомяков А.С. 406, 408, 415

- Хорнер А. 324
 Хорошенко Е. 351
 Хрущев Г. 433
 Хэмстед Э. 319-322
- Цветаева М.И. 432
 Цветов, проф. 162
 Цвяловский М.А. 434, 435
- Чайковский Н.В. 266
 Чапаев В.И. 336
 Чацкина С.И. 380
 Чеботаревская Ал.Н. 423, 425
 Челноков М.В. 153, 185, 187, 214
 Чемберлен О. 109
 Чермак, литератор 459
 Черновский А. 147
 Чернявский Л.Н. 335, 338, 339, 341, 344
 Чернявский Н.А. 462, 482
 Черчилль У. 276
 Чехов А.П. 310
 Чичерин Г.В. 234, 235
 Чичибабин А.Е. 139
 Чуковские, семья 427
 *Чуковский К.И. 117, 423, 426, 429
 Чуковский Н.К. 429
 Чулков Г.И. 392, 417, 420, 432, 483, 484
 Чулковы, семья 414, 432
 Чхеидзе А.И. 482
 Чхеидзе Н.С. 183, 184
- Шагинян Л. 454
 Шагинян М.С. 371, 424, 444, 466
 Шаламов В.Т. 295
 Шалин, химик 108
 Шаншиашвили С.И. 462
 Шаповалов, священник 40
 Шварц, литератор 452
 Шварц А.В. 243
 Шевчук Г., габинструктор 97
 Шекспир У. 363
 Шелавин К.И. 246
 Шеффер П. 299, 301
 Шидловский С.И. 183, 184
- Шингарев А.И. 17, 26, 90, 91, 93, 218, 233
 Шинкаревский, монархист 150, 151
 Шипов Н.Е. 482, 489, 493
 Шипова Е.Т. 444, 446, 453, 455, 477, 478, 489
 Шиповы, семья 440
 Ширинский-Шихматов А.А. 177, 182, 187, 215
 Шишков В.Я. 496, 498
 Шкловская С. 400
 Шкловский В.Б. 480, 481
 Шмаков А.С. 161, 162
 Шмелевский, проф. 475
 Шмидт В.В. 234
 Шолохов М.А. 330
 Шопенгауэр А. 406
 Шоу Дж.Б. 324, 326, 332, 335
 Шпет Г.Г. 421, 424
 Штединг, инженер 43
 Штейнберг, учитель рисования 41
 Штейнберг И.З. 233
 Штейнер Р. 458, 493
 Штернберг П.К. 249
 Штрайх С.Я. 459, 469, 471, 483
 Штюрмер Б.В. 188-190
 Шуваев Д.С. 208, 209
 Шульгин В.В. 151, 167, 176, 269, 273
 Шульгина Е.Г. 176
 Шутко, комиссар 243
- Щегловитов И.Г. 149, 150, 152, 156, 157, 165, 171, 172, 176, 187, 199, 212, 213, 215, 216, 218-220
 Щербаков Р.Л. 367-396
 Щербатов Н.Б. 224
 Щечков Г.А. 154, 163, 164, 191, 203, 207, 222, 224
- Эбелов М.И. 182
 Эггерт Е.Э. 487
 Эдисон Т.А. 356
 Эйзенштейн С.М. 330, 333
 Эйнштейн А. 113
 Эйслер Г. 340, 341

- Эйхенбаум Б.М. 423, 424
*Эллис см. Кобылинский Л.Л.
Эмин М.О. 454
Энгельс Ф. 322, 337
Эндхью Н. 347
Эренбург И.Г. 345, 346
Эрн В.Ф. 399
*Эсмер-Вальдор см. Мерсеро А.
Эфрос А.М. 415, 421, 424, 431-433
- Юденич Н.Н. 160, 287
Юдина М.В. 459
Юзбашьян Е.К. 10
Юлий Цезарь 64, 96
Юниверг Л.И. 397
Юскевич-Красковский Н.М. 157
- Языков Н.М. 415
Якубян, гос. деятель 459
Янтарев Е.Л. 371, 376
Яшвили П.Д. 443, 445, 462, 465, 480-482
Яшвили Т.Г. 462, 480, 481
Ященко А.С. 416
- ***
- Bonard, домовладелица 262
Hill G.A. 275
Kahn A. 288
Kettle M. 275
Lockhart Robert B. 275
Lockhart Robin B. 275, 276
Sayers M. 288
Strzygowski J. 454, 456, 461

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

С.Н. Ставровский. ЧЕРНЫЕ ГОДЫ, ИЛИ «BESTIA TRIUMPHALIS» (1917-1922). Публикация В.О. Седельникова.

Революция в Москве, фронт в 1917 и Гражданская война на Украине запечатлены гимназическим учителем в жанре семейной хроники. Описаны быт и настроения провинциальной интеллигенции, участие автора в боевых действиях на стороне белых. В комментариях — подробные справки о семьях Величкиных, Петрово-Соловово, Смидовичей, Ставровских и др. 3 + 80 + 9 с.

М.С. Немцов. ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ (ЗАПИСКИ ХИМИКА).

Известный отечественный физико-химик и технолог рассказывает о научной атмосфере 1920-1930-х, о своем аресте в 1941 и пребывании на шарашке вместе с другими выдающимися учеными. 1 + 42 с.

К и с т о р и и о б щ е с т в е н н ы х д в и ж е н и й

ПРАВЫЕ В 1915 — ФЕВРАЛЕ 1917 (По перлюстрированным департаментом полиции письмам). Публикация Ю.И. Кирьянова.

Переписка русских националистов накануне гибели монархии охватывает широкий круг тактических и программных проблем: кризис движения, борьба с либералами и революционерами, перспективы войны, еврейское и немецкое засилье, поиски шпионов и изменников, способы нейтрализации Думы, Государственного Совета и военно-промышленных комитетов, пути разрешения социальных противоречий, финансирование политической деятельности, отношения с правительством и местными властями и др. Участники крайне правого движения разного калибра подробно охарактеризованы в комментариях. 13 + 68 с.

Е.Берар. ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ ПОКИНУЛИ ПЕТРОГРАД?

Французская исследовательница рассматривает мотивы, побудившие большевиков в 1918 перенести столицу страны, и достигнутые ими при этом результаты в сознании населения. Статья построена как на свежем прочтении опубликованных документов, так и на привлечении нового материала. 27 с.

РОССИЯ И УКРАИНА. Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского. 1919-1926. Публикация А.А. Сергеева.

Главное внимание уделено путям разрешения украинско-российских противоречий, принципам национально-государственного строительства. Пересматривается сложившееся в советской историографии представление об «опереточном» характере гетманства. 4 + 16 + 2 с.

«ТРИ НЕДЕЛИ БЕСПРОСВЕТНОГО КОШМАРА...» (Письма С.Рейлли). Публикация Д.И. Зубарева.

Автор — легендарный английский разведчик, фактически оказавшийся без средств и не у дел, — болезненно реагирует на переход его друга Б.В. Савинкова на сторону большевиков. В комментариях — документированные справки об упоминаемых лицах и событиях. 3 + 33 с.

И з и с т о р и и п р о п а г а н д ы

ВОКС В 1930-1940-е ГОДЫ. Публикация А.В. Голубева и В.А. Нежежина.

Показан механизм использования культурных связей для большевистской политической пропаганды за рубежом. Уделено внимание отечественной заграничной кадровой политике. В комментариях — справки о советских идеологических чиновниках и их иностранных «подопечных». 7 + 46 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.И. ПЕТРОВСКОЙ. Публикация Р.Л. Щербакова и Е.А. Муравьевой.

Семь писем к В.Ф. Ходасевичу (1906-1907), одно ответное Ходасевича (1911) и предсмертное письмо Петровской к Е.В. Галлоп содержат обильную информацию о стилистике отношений в символистской среде. В комментариях — развернутые справки об упоминаемых лицах и событиях. 2 + 28 с.

ПИСЬМА Н.А. БЕРДЯЕВА К Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХУ. Вступительная статья и публикация А.Б. Блюмбаума и Г.А. Морева. Комментарии Г.А. Морева.

Охватывают период 1915-1919, варьируя темы «военных» статей автора и его книги «Смысл творчества», а также автобиографические сюжеты, легшие впоследствии в основу «Самопознания». В комментариях — помимо справок об упоминаемых лицах и реалиях, дополнительная информация об отношениях корреспондентов с националистическими кругами. 4 + 13 с.

ПИСЬМА В.Ф. ХОДАСЕВИЧА К В.Г. ЛИДИНУ. (1917-1924).

Публикация И.Андреевой.

Содержат подробности литературной жизни и быта, рассказывают об обстоятельствах крушения независимого издательского дела в молодой Советской России, дают дополнительную информацию о причинах эмиграции автора. 2 + 23 с.

А.БЕЛЫЙ И П.Н. ЗАЙЦЕВ. ПЕРЕПИСКА. Публикация Дж. Мальмстада.

Вторая часть обширной корреспонденции, завязавшейся в 1918 и длившейся до самой смерти Белого. Все годы после возвращения поэта из эмиграции Зайцев был его литературным агентом, соратником по антропософскому движению, близким личным другом. Детальный комментарий дает массу уточняющей информации о творчестве и жизни Белого. 60 с.

ABSTRACTS

Memoirs

S.N. Stavrovsky. **THE DARK YEARS, OR «BESTIA TRIUMPHALIS» (1917-1922)**. Edited by V.O. Sedelnikov.

This is an example of a family chronicle in which a grammar school teacher recorded the revolution in Moscow, developments at the front in 1917 and the Civil War in the Ukraine. He also described the ordinary life and sentiments of the provincial intelligentsia, as well as his own participation in the combat on the side of the «Whites». The annotations include biographic references to the Velichkin, Petrovo-Solovovo, Smidovich, Stavrovsky families and others. 3 + 80 + 9 p.

N.S. Nemtsov. **REMINISCENCES AND REFLECTIONS (MEMOIRS OF A CHEMIST)**.

A well-known Russian physical chemist and technologist recalls the academic atmosphere in 1920-1930s, his arrest in 1941 and «sharashka» prison work together with other distinguished scientists. 1 + 42 p.

To the history of public movements

THE RIGHT, 1915 — FEBRUARY 1917 (According to the correspondence censored by the Department of Police). Edited by Yu.I. Kiryanov.

The epistolary legacy of Russian nationalists on the eve of collapse of Monarchy covers a wide range of tactical and theoretical issues, such as the crisis of the movement, struggle with the liberals and revolutionaries, the war prospects, the predominant influence of Jews and Germans, searches for spies and traitors, methods of neutralizing the Duma and the State Council, as well as the military and industrial committees, ways to resolve social contradictions, the financing of political activity, relations with the government and local administration, etc. The annotations contain detailed characteristics of the participants in the Extreme Right wing movement. 13 + 68 p.

E.Berar. **WHY THE BOLSHEVIKS ABANDONED PETROGRAD?**

The French researcher attempts to look into the motives which prompted the Bolsheviks to change the capital of Russia in 1918 and evaluates the impact on the popular conscience achieved by this move. The essay is based on a fresh interpretation of published documents, as well as on some new material. 27 p.

RUSSIA AND UKRAINE. From the diaries of N.M. Mogilyansky and letters addressed to him by P.P. Skoropadsky (1919-1926). Edited by A.A. Sergejev.

The publication concentrates on the resolution of Russo-Ukrainian contradictions and the principles of the formation of a national state. The popular concept of Soviet historiography regarding the «theatrical» nature of hetmanship is here revised. 4 + 16 + 2 p.

«**THREE WEEKS OF SHEER NIGHTMARE...**» Letters by S.Reilly. Edited by D.I. Zubarev.

The author is a well-known British secret agent. Finding himself abandoned and without funds, he reacted bitterly to the news that his friend B.V. Savinkov has gone over to the Bolsheviki. The annotations include documented references to the individuals and events mentioned. 3 + 33 p.

From the history of propa g a n d a .

THE VOKS (THE ALL-SOVIET SOCIETY FOR CULTURAL LIAISON WITH FOREIGN COUNTRIES) IN 1930s-1940s. Edited by A.V. Golubev and V.A. Nevejhin.

The documents discussed reveal the mechanism by which the Bolsheviki conducted political propa g a n d a abroad under the cover of cultural liaison. Special attention is paid to the Soviet policy of recruiting collaborators abroad. The annotations include material on Soviet ideological officers and their foreign «subordinates». 7 + 46 p.

From the history of literary life

FROM THE CORRESPONDENCE OF N.I. PETROVSKAYA. Edited by R.L. Stcherbakov and E.A. Muravyova.

The seven letters to V.F. Khodasevich (1906-1907), his one reply (1911) and a letter from the dying Petrovskaya to E.V. Gallop contain valuable information on the nature of relationships among the symbolists. The annotations contain detailed references to the events and people mentioned. 2 + 28 p.

LETTERS FROM N.A. BERDYAEV TO E.F. GOLLERBACH. Prefaced and edited by A.B. Blumbaum and G.A. Morev. Annotations by G.A. Morev.

The correspondence covers the period between 1915-1919, dealing with «military» topics in articles by the author and in his book «The Meaning of Creation», as well as the autobiographical subjects which would later form the basis of his work «Self-Knowledge». The annotations, together with references to persons named, historical and other details, provide some additional information on the correspondents' relations with nationalist circles. 4 + 13 p.

LETTERS FROM V.F. KHODASEVICH TO V.G. LIDIN (1917-1924). Edited by I.Andreyeva.

The correspondence casts light on many details of literary life, gives an insight into the collapse of the publishing business in the young Soviet Russia, and provides some additional information on the motives for the author's emigration. 2 + 23 p.

A.BELY AND P.N. ZAITSEV. CORRESPONDENCE. Edited by J.Malmstad.

The second part of the vast correspondence which began in 1918 continued until the death of Bely. After the poet's return from emigration Zaitsev was his literary agent, a companion in the anthroposophic movement, a close friend. Detailed annotations provide a wealth of information on the creative work and life of Bely. 60 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- С.Н. Ставровский. ЧЕРНЫЕ ГОДЫ, ИЛИ «BESTIA TRIUMPHALIS» (1917-1922). Публикация В.О. Седельникова 7
- М.С. Немцов. ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ (ЗАПИСКИ ХИМИКА) 99

К истории общественных движений

- ПРАВЫЕ В 1915 — ФЕВРАЛЕ 1917 (По перлюстрированным департаментом полиции письмам). Публикация Ю.И. Кирьянова 145
- Е.Берар. ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ ПОКИНУЛИ ПЕТРОГРАД 226
- РОССИЯ И УКРАИНА. Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского. 1919-1926. Публикация А.А. Сергеева 253
- «ТРИ НЕДЕЛИ БЕСПРЕРЫВНОГО КОШМАРА...» Письма С.Рейлли. Публикация Д.И. Зубарева 275

Из истории пропаганды

- ВОКС В 1930-1940-е ГОДЫ. Публикация А.В. Голубева и В.А. Неvejeина 313

Из истории литературной жизни

- ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.И. ПЕТРОВСКОЙ. Публикация Р.Л. Щербакова и Е.А. Муравьевой 367
- ПИСЬМА Н.А. БЕРДЯЕВА К Э.Ф. ГОЛЛЕРБАХУ. Вступительная статья и публикация А.Б. Блюмбаума и Г.А. Морева. Комментарии Г.А. Морева 397
- ПИСЬМА В.Ф. ХОДАСЕВИЧА К В.Г. ЛИДИНУ (1917-1924). Публикация И. Андреевой 414
- А.Белый и П.Н. Зайцев. ПЕРЕПИСКА. Публикация Дж.Мальмстада 439
- Annex 501

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

Л И Ц А . Биографический альманах. готовится Институтом Studia Biographica

Первый том посвящен истории культуры XX века и содержит:

Материалы к биографиям философа Г.Г. Шпета, литературоведа и критика Д.И. Выгодского, архитектора В.Н. Максимова.

Мемуары и дневники О.Н. Гильдебрандт-Арбениной, Е.Я. Данько, С.Гедройц и др.

Письма Д.С. Мережковского, С.П. Боброва, Б.Л. Модзалевского.

Исследования о М.А. Волошине, С.Я. Парнок, о создании русского философского журнала «Логос» и т.д.

Документы из архива Н.Н. Пунина.

Объем 464 с.

Второй том посвящен XVIII-XIX векам, он включает:

Воспоминания М.П. Загряжского.

Письма В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, Д.И. Хвостова, семейства Баратынских, корреспонденцию М.П. Погодина и В.И. Даля и др.

Неизданные работы М.Н. Лонгинова.

Исследования о Д.Облеухове, И.Гурьянове, В.Алябьеве и др.

Объем 480 с.

Третий том возвращается к XX веку. В нем читатель найдет:

Материалы об А.П.Иванове, О.Черемшановой, С.А. Бердяеве и др.

Воспоминания Е.Н. Чирикова.

Неизвестные работы и письма П.П. Муратова, Вяч.И. Иванова, Н.А. Бердяева и др.

Новонайденные документы, связанные с семьей Пастернаков, с революционной деятельностью А.М. Ремизова и т.д.

Объем 496 с.

Все публикуемые материалы тщательно откомментированы. Большое количество неизвестных фотографий.

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
Том 14

ATHENEUM • ФЕНИКС

ЛР № 090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 30.08.93. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0. Тираж 3816 экз. Заказ №3399.

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр.7.

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.

